

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

4 (22)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1947 • ЛЕНИНГРАД

РЕДАКТОР ПРОФ. А. В. МИШУЛИН

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА И ОСВЕЩЕНИЕ ИХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

В этом году исполняется десять лет со дня выхода в свет первого номера «Вестника древней истории». Год скромного юбилея органа советской научной мысли в области изучения истории древнего общества совпадает с годом всенародного торжества в нашей стране, с датой, имеющей всемирно-историческое значение — 30-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Историческая наука в СССР за тридцать лет, истекших со дня утверждения Советской власти, преодолела значительный путь развития и достигла ряда выдающихся результатов. Одним из существенных разделов исторической науки в нашей стране является изучение истории древнего мира.

Наука о древнем мире в СССР не возникла внезапно и на пустом месте: ее развитие тесно связано с лучшими достижениями как мировой, так и русской дореволюционной науки о древности. Советские историки в своих трудах продолжают развивать передовые традиции таких корифеев русской науки, как Б. А. Тураев, М. В. Никольский, М. С. Куторга, В. В. Латышев, С. А. Жебелев и др., обогативших мировую сокровищницу науки ценными исследованиями, изданием памятников и археологическими открытиями.

Но, используя и совершенствуя прогрессивные традиции дореволюционной русской науки, советские ученые, само собой разумеется, не могли оставаться на тех методологических позициях, на которых стояла историческая наука в России до Великой Октябрьской социалистической революции. Советские ученые стремились поднять историческую науку на новую, высшую ступень, преодолевая буржуазные концепции и строя свои исследования на основе марксистско-ленинского учения о законах развития общества, о социально-экономических формациях, о классовой борьбе. Такой принципиально новый подход к изучению исторических явлений дал возможность советским историкам по-новому, правильно, материалистически освещать историческое прошлое, сосредоточить свое внимание на основных, ведущих, определяющих моментах истории и ввести в круг научных интересов ряд важных проблем, изучение которых до сего времени не было предметом достаточно серьезного внимания в мировой науке. Рост исторической науки в СССР нашел свое отражение и в развитии науки о древности, и здесь перед журналом «Вестник древней истории» стояли важные задачи.

«Вестник древней истории» призван содействовать развитию советской науки в области изучения истории древнего общества, организовать и направлять интересы советских ученых к исследованию узловых, наи-

более актуальных проблем древней истории, в конкретных статьях намечать пути решения этих проблем, неустанно вести борьбу против ненаучных теорий и концепций, повышать идейный уровень нашей науки. На страницах нашего журнала нет нужды предпринимать попытку обзора и оценки статей, исследований, докладов, рефератов и прочих материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» за время его существования. Это — задача других органов советской печати. Мы можем обозреть лишь общий путь журнала, определить его основное направление и наметить дальнейшие этапы на его пути. Мы можем определить важнейшие принципиальные проблемы, поставленные и в той или иной мере разрешенные журналом в области изучения древней истории. Мы должны уяснить основной вопрос: как и в чем помог «Вестник древней истории» развитию советской исторической науки о древнем обществе, какие задачи стоят перед журналом, стремящимся вместе со всем коллективом советских историков древности превзойти достижения зарубежной науки.

Одно из коренных отличий советской, марксистско-ленинской науки об обществе от науки буржуазной состоит в том, что благодаря методу диалектического материализма она ставит себе и решает важнейшую задачу — познать объективные законы развития общества. Ведь «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»; поэтому наука, если она хочет быть действительной наукой, «должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов» (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 116). Вот почему для историка-марксиста изучение древней истории не есть беспредметное любование далеким прошлым, но есть действенное, плодотворное и актуальное для современности изучение законов развития общества и общественных отношений, помогающее более полно понимать настоящее и научно предвидеть будущее. В. И. Ленин подчеркивал, что истинный марксист-диалектик всегда должен изучать и рассматривать общество, как живой, находящийся в постоянном развитии организм.

Поэтому совершенно естественно, что к первой группе проблем, нашедших свое отражение на страницах «Вестника древней истории», мы должны отнести вопросы истории непосредственных производителей в древних обществах, характеристику социального строя этих обществ, историю социальных движений и социальных идей в древности. Именно этот круг вопросов всегда был и остается поныне в центре внимания «Вестника древней истории». Этим вопросам посвящен ряд передовых статей в журнале и значительное число конкретных исследований. Достаточно беглого просмотра номеров журнала, чтобы убедиться в этом.

Одним из несомненных достижений советской науки является определение древневосточного общества как общества рабовладельческого. Этот взгляд впервые был плодотворно развит акад. В. В. Струве еще в начале 30-х гг. Уточнению и детализации этого основного положения, характеристике социального строя и аграрных отношений государств древнего Востока посвящен ряд исследований, появившихся на страницах «Вестника древней истории». Таковы работы акад. Н. М. Никольского об общине и рабстве в древнем Двуречье¹, акад. А. И. Тюменева о формах земельных отношений в Двуречье², акад. Струве о хеттском

¹ Акад. Н. М. Никольский, Община в древнем Двуречье, ВДИ, 1938, № 4; он же, Рабство в древнем Двуречье, ВДИ, 1941, № 1.

² Акад. А. И. Тюменев, О формах земельных отношений по надписи обелиска Маништусу, ВДИ, 1946, № 4; см. также: акад. А. И. Тюменев, О значении термина «KAL» в древнешумерском языке, ВДИ, 1946, № 2.

обществе¹, Ю. А. Солодухо, «Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв.»², Н. В. Пигулевской, «К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии VI в.»³. История общественных отношений в античности исследуется в статьях В. С. Сергеева, «Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи»⁴, Н. А. Машкина, «Римские политические партии в конце II и начале I в. до н. э.»⁵.

Социальным движениям в древности «Вестник древней истории» уделял не меньшее внимание. Ценность и интерес работ, публикуемых на страницах журнала, определялись главным образом тем, что эти работы касались или мало исследованных, а иногда и намеренно «забытых» буржуазной наукой движений угнетенных классов в древности или таких движений, которые, хотя и получили свое отражение в западноевропейской науке, но отражение искаженное, необъективное; советским историкам удалось дать новую, глубоко объективную и научную трактовку событий.

К такого рода работам должно быть в первую очередь отнесено блестящее исследование акад. С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре»⁶. В этой работе акад. С. А. Жебелеву удалось развить и обосновать совершенно новый взгляд на восстание Савмака. Наш выдающийся исследователь пересмотрел текст херсонесского постановления в честь Диофанта, полководца Митридата Евпатора, и убедительно доказал, что в рассказе о Савмаке мы имеем свидетельство не о дворцовом перевороте, как полагали раньше, но о классовом восстании рабов⁷. Работа проф. А. В. Мишулина «К истории восстания Спартака в древнем Риме»⁸, являющаяся завершением многолетних исследований автора о великом восстании рабов, дает новое освещение неоднократно дебатировавшегося в литературе вопроса о причинах раскола среди восставших, подчеркивая социальный характер этого раскола. Статья проф. Н. А. Машкина, посвященная движению агонистиков⁹ вскрывает под религиозной оболочкой движения его социальный смысл и значение и трактует его как один из последних этапов революции рабов, разрушившей римское рабовладельческое общество.

Ряд работ, опубликованных в «Вестнике древней истории», освещает социальные движения, почти или вовсе игнорировавшиеся буржуазной наукой. Таковы исследования о восстании багаудов¹⁰, движениях буколов¹¹, движениях Маздака¹² и т. д. К изучению социальных идей древности относится исследование проф. А. В. Мишулина «Утопический план аграрной Магнезии»¹³. К этой же группе проблем примыкает ряд работ по истории эллинизма. В этой области перед советскими историками встает ответ-

¹ Акад. В. В. Струве, Параграфы 34 и 36 хеттского судебного, ВДИ, 1937, № 1; он же, О «гуманности» хеттских законов, ВДИ, 1947, № 4.

² ВДИ, 1947, № 2.

³ ВДИ, 1938, № 3.

⁴ ВДИ, 1938, № 3.

⁵ ВДИ, 1947, № 3.

⁶ ВДИ, 1938, № 3 (4).

⁷ О важности этой работы покойного С. А. Жебелева см. статью акад. Б. Д. Грекова, Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны, ВДИ, 1940, № 1.

⁸ ВДИ, 1937, № 1.

⁹ Н. А. Машкин, Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия, ВДИ, 1938, № 1.

¹⁰ А. Д. Дмитриев, Движение багаудов, ВДИ, 1940, № 3—4.

¹¹ Он же, Буколы, ВДИ, 1946, № 4.

¹² Ю. А. Солодухо, Движение Маздака, ВДИ, 1940, № 3—4.

¹³ ВДИ, 1938, № 3.

ственная задача: вскрыть истинные экономические и социальные отношения эпохи в противовес столь характерной для буржуазной науки и идущей еще от Дройзена тенденции рассматривать эллинизм только как явление культурно-идеологического порядка, разоблачать беззастенчивую модернизацию эллинистической экономики в трудах буржуазных историков. Здесь, в первую очередь, должны быть названы работы А. Рановича о зависимых крестьянах и о греческих городах Малой Азии в эпоху Александра Македонского¹.

Следующая группа проблем, которой «Вестник древней истории» уделял самое пристальное внимание, — это древняя история нашей родины, история народов, населявших территорию нашей страны.

Принципиальный интерес к этим проблемам и освещение их на страницах «Вестника» обусловлены историческими замечаниями товарищей Сталина, Жданова и Кирова: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Восточной России не отрывалась от истории других народов СССР, — это, во-первых, — и где бы история СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории — это, во-вторых».

Публикуя на своих страницах материалы по древней истории СССР, «Вестник» стремился организовать этот материал так, чтобы показать на конкретных исторических фактах исторические связи народов, населявших нашу страну, между собой, и, с другой стороны, подчеркнуть, что история нашей Родины еще в отдаленные времена входила органической составной частью в мировой исторический процесс.

Поэтому «Вестник древней истории» не ограничивался только публикацией исследований, относящихся к истории государств Северного Причерноморья, изучением которых занималась еще дореволюционная русская наука. Правда, и в этой области на страницах «Вестника» появился ряд работ, представляющих большой интерес и значительно дополняющих результаты, добытые в прежние годы. Помимо упоминавшейся уже работы акад. С. А. Жебелева, «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» и его же статьи «Народы Северного Причерноморья в античную эпоху»², здесь следует отметить работы проф. В. Н. Дьякова, посвященные истории Северного Причерноморья в римский период³, боспорские этюды Д. П. Каллистова⁴, Херсонесские этюды акад. А. И. Тюменева⁵ и др. Но, как сказано, особое значение имеет то обстоятельство, что «Вестник древней истории», не ограничиваясь этим кругом проблем, ставших для русской науки уже до известной степени классическими, использовал и привлек значительный материал, накопленный советскими исследователями по истории народов Средней Азии и Закавказья.

К числу подобных исследований должны быть отнесены: статья акад. И. И. Мещанинова «Восточное Закавказье времен халдских завоеваний»⁶, ряд работ по истории и археологии Средней Азии проф. С. П. Тол-

¹ А. Ранович, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2; он же, Александр Македонский и греческие города Малой Азии, ВДИ, 1947, № 4.

² ВДИ, 1938, № 1.

³ Проф. В. Н. Дьяков, Пути римского проникновения в Северное Причерноморье, Понт и Мезия, ВДИ, 1940, № 3—4; он же, Оккупация Таврики Римом в I в. н. э., ВДИ, 1941, № 1.

⁴ Д. П. Каллистов, Этюды из истории Боспора римского времени, ВДИ, 1938, № 4; см. он же, Политика Августа в Северном Причерноморье, ВДИ, 1940, № 2.

⁵ ВДИ, 1938, № 2.

⁶ ВДИ, 1937, № 1.

стова¹, по истории Грузии и Кавказа акад. И. А. Джавахишвили², по истории государства Урарту Б. Б. Пиотровского³, П. Н. Ушакова⁴, Г. А. Меликишвили⁵ и др. В первом номере журнала за 1938 г. дана специальная подборка материалов по истории народов СССР, освещающих отдельные проблемы древней истории Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Сибири, Якутии и т. д.⁶

С 1947 г. «Вестник древней истории» предоставил свои страницы широкому предприятию: переизданию классического труда акад. В. В. Латышева, ставшего к тому же в наше время библиографической редкостью — свода известий древних писателей о Скифии и Кавказе.

К перечисленному кругу вопросов тесно примыкает древняя история славянских народов, которая также нашла свое отражение в «Вестнике». Журнал дал ценную подборку статей по проблемам этногенеза славянских народов (акад. Н. С. Державин), по общественному строю славянских поселений (Б. Т. Горянов), по взаимоотношениям славян и Византии (акад. Б. Д. Греков, проф. А. В. Мишулин)⁷. В 1941 г. опубликован свод известий древних авторов о славянах с вводной статьей проф. Мишулина⁸. В послевоенных номерах журнала ряд работ также посвящен истории славян⁹. Журнал впервые указал на роль славян в образовании Византийского феодального государства.

Интерес ко всем этим вышеперечисленным вопросам, постановка ряда актуальных и сложных проблем истории нашей Родины, а также истории братских славянских народов, дает основание сказать, что в вопросах древней истории народов СССР «Вестник» стремился оказать усиленное содействие советской исторической науке в плане реализации указаний партии и правительства.

Журнал уделял внимание также истории идей и их исторической роли. Так, в журнале помещены статьи А. Рановича, Первоначальное христианство и его историческая роль¹⁰, А. А. Петрова, Из истории материалистических идей в древнем Китае¹¹, Н. Ф. Дератани, Вергилий и Август¹², Р. Ю. Виппера, Просветительный век Римской империи¹³, Л. Ельницкого, Социальные идеи Сатурналий¹⁴.

И, наконец, следует остановиться еще на одной группе проблем, систематическое освещение которых также является характерной особенностью «Вестника древней истории».

¹ С. П. Толстов, Основные вопросы истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1; он же, К истории древнетюркской социальной терминологии, ВДИ, 1938, № 1; он же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

² Акад. И. А. Джавахишвили, Основные проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, ВДИ, 1939, № 4.

³ Б. Б. Пиотровский, Урартское государство во второй половине VII в. до н. э., ВДИ, 1939, № 1.

⁴ П. Н. Ушаков, К походам урартийцев в Закавказье, ВДИ, 1946, № 2.

⁵ Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем очаге урартских племен, ВДИ, 1947, № 4.

⁶ Материалы по древней истории народов СССР, ВДИ, 1938, № 1.

⁷ ВДИ, 1939, № 1.

⁸ Проф. А. В. Мишулин, Материалы к истории древних славян, «Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.», ВДИ, 1941, № 1.

⁹ Проф. А. Дьяконов, Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах, ВДИ, 1946, № 1; проф. М. Н. Тихомиров, Именик Болгарских князей, ВДИ, 1946, № 3.

¹⁰ ВДИ, 1939, № 2.

¹¹ » 1939, № 1.

¹² » 1946, № 4.

¹³ » 1947, № 1.

¹⁴ » 1946, № 4.

Мы имеем в виду публикацию новых археологических материалов на страницах «Вестника». Журнал уделяет большое внимание вопросам археологии. Помимо периодических обзоров археологических открытий на территории Греции и Рима¹, журнал дает обильные и систематические публикации данных раскопок на территории СССР: замечательные результаты Хорезмской экспедиции², раскопки в Северном Причерноморье³, новые археологические данные о Трипольской культуре⁴, археологические исследования в Алтае, Киргизии, Казахстане и т. д.⁵. Опубликованные в «Вестнике» материалы отражают успехи советской археологии за тридцать лет ее развития и дают исследователям древнего периода истории нашей Родины богатый материал новых источников.

Но дело заключается не только или, вернее, не столько в публикации новых достижений советской археологии. Описание археологического материала может быть дано и дается в специальных археологических изданиях. Но археологические материалы в «Вестнике» подаются в аспекте историческом. Этот стиль журнала, как органа исторической мысли, содействовал развитию нового направления в советской археологии, стремящегося осмыслить археологические данные в историческом плане, т. е. превратить археологию из подсобной или вспомогательной дисциплины в науку подлинно историческую. В этом смысле большой интерес представляют помещенные в «Вестнике» работы наших ведущих археологов С. П. Толстова, С. В. Киселева, В. Блаватского, М. Артамонова и др.⁶.

Таковы основные принципиальные проблемы, ставившиеся «Вестником древней истории» на протяжении ряда лет, определившие направление самого журнала и оказавшие, несомненно, влияние на общее развитие советской науки о древнем обществе за эти годы.

Для того чтобы быть на уровне возросших требований, выдвигаемых нашим социалистическим обществом, журналу предстоит потрудиться немало. В теоретических передовых статьях журнал не раз формулировал стоящие перед советскими историками задачи, ставил ряд конкретных проблем, требующих исследования. Но выдвигаемые журналом задачи в конкретных журнальных статьях отражаются еще довольно слабо.

¹ См., напр., Л. Е л ь н и ц к и й, Археологические раскопки в Греции и Восточном Средиземноморье за последние годы, ВДИ, 1938, № 2; о н же, Обзор археологических открытий в области Западного Средиземноморья, ВДИ, 1939, № 1; о н же, Результаты американских раскопок Трои, ВДИ, 1946, № 3; И. Т. К р у г л и к о в а, Археологические раскопки в Греции за последние годы, 1947, № 1 и т. д.

² С. П. Т о л с т о в, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1; о н же, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1 и т. д.

³ В. Б л а в а т с к и й, Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг., ВДИ, 1940, № 3—4; о н же, Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, 1941, № 1; В. Г а й д у к е в и ч, Раскопки Мирмекия и Тиритаки, ВДИ, 1940, № 3—4.

⁴ Т. С. П а с с е к, Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет, ВДИ, 1938, № 1; о н а же, Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г., ВДИ, 1939, № 1; о н а же, Трипольское поселение у Владимировки, ВДИ, 1941, № 1.

⁵ В. В. Г о л ь м с т е н, Обзор археологических работ в 1937 г., ВДИ, 1938, № 3; С. В. К и с е л е в, Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1937 г., ВДИ, 1938, № 2; М. А р т а м о н о в, Достижения в советской археологии, ВДИ, 1939, № 2; А. Н. Б е р и ш т а м, Археологические работы в Казахстане и Киргизии, ВДИ, 1939, № 4; М. В о в о в д с к и й, Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г., ВДИ, 1939, № 1; о н же, Обзор полевых археологических исследований в 1939 г., ВДИ, 1940, № 2; С. В. К и с е л е в, Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 г., ВДИ, 1946, № 2; Д. Ш е л о в, Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г., ВДИ, 1947, № 1.

⁶ Напр. С. В. К и с е л е в, Алтай в скифское время, ВДИ, 1947, № 2; М. А р т а м о н о в, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3.

Это говорит о недостаточности организующих усилий журнала по сплочению наших ученых вокруг неотложных задач исторической науки, по выдвижению новых кадров молодых ученых.

Серьезнейшая задача, стоящая перед журналом в свете исторических решений ЦК ВКП(б) о состоянии идеологического фронта,—это борьба за повышение идейного уровня исторической науки, за развитие советского патриотизма, за полное преодоление влияния буржуазной науки на отдельных советских ученых, борьба против пережитков раболепного преклонения перед западноевропейской наукой. В осуществлении этой задачи, сформулированной журналом в передовой статье № 4 за 1946 г., журнал должен быть впереди, вести за собой советских историков древности. Но здесь успехи ВДИ далеко недостаточны.

Как известно, в последние годы в западноевропейских странах и в Америке выходит в свет много работ по древней истории. Как правило, в этих «трудах» история древнего общества открыто и беззастенчиво модернизируется с целью оправдания современных империалистических тенденций и прославления капиталистического строя. К сожалению, эти теории и теориейки, имеющие столь широкое хождение в реакционных кругах на Западе, не встречают еще достаточного отпора в советских работах по древней истории, в том числе и на страницах «Вестника древней истории».

Раздел критики и библиографии в журнале за последние годы значительно расширен. Он превратился в важнейший и постоянный раздел, который в значительной степени определяет идеологическое направление журнала. Но критика не должна быть беспредметной. В передовой статье № 1 за 1941 г. редакция ВДИ так определила свои задачи: «Критика новой литературы должна быть поставлена на такую высоту, чтобы она поднимала и автора и читателя, двигала науку вперед, выдвигая новые задачи и указывая вместе с тем возможные пути для их решения. Критика поэтому не должна рассматриваться как второстепенное, побочное, «несерьезное» дело; напротив, она—один из самых серьезных и ответственных видов научной работы». К сожалению, журнал еще не выполнил до сих пор своего собственного указания.

Сейчас перед журналом во весь рост встает задача критики той псевдонаучной продукции, которой буржуазные ученые наводняют книжный рынок. Нельзя сказать, чтобы критико-библиографический отдел журнала оставлял без внимания новинки американской и западноевропейской литературы по вопросам древней истории. Но освещение этих вопросов страдает по крайней мере двумя существенными недостатками. Во-первых, удельный вес библиографии значительно выше удельного веса критики. А ведь нам сейчас больше, чем когда-либо, нужна острая, воинствующая, большевистская критика, направленная в первую очередь против враждебных марксистской науке теорий и всякого рода идеологических извращений. Второй, не менее существенный недостаток заключается в том, что, если на страницах «Вестника древней истории» и подвергается критике тот или иной буржуазный автор, та или иная реакционная теория, то обычно это делается в виде рецензий на отдельные книги, причем нередко критика направляется на отдельные частности. Этого, конечно, недостаточно. Необходимо направлять острие нашей критики против интерпретации и освещения буржуазными учеными широких, принципиальных проблем древней истории, тем более, что именно эти проблемы пользуются сейчас особым вниманием буржуазной науки. Такова, например, проблема античного полиса, проблема цезаризма или проблема крушения рабовладельческого общества. Не менее важна острая, действенная критика реакционных школ и направлений в современной буржуазной

историографии античного общества. Необходимо вскрыть весь вред и антинаучность «теорий» модернизаторов древней истории, как например, Эд. Мейера, Т. Франка, Ростовцева, Бикермана и др.

В этой связи возникает другая, не менее насущная задача. В последние годы среди некоторой части советских историков наблюдается снижение интереса к методологическим вопросам, некий уход в эмпирику, увлечение фактологией. Это чрезвычайно опасный симптом. С подобными тенденциями необходимо вести самую решительную борьбу. Последние решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам прямо обязывают к этому всех советских историков. Одним из средств привлечения внимания к методологическим вопросам служит организация широких и плодотворных дискуссий. «Вестник древней истории» на своих страницах может и должен выдвигать острые дискуссионные проблемы, тем более, что журнал имеет опыт ряда удачно проведенных дискуссий, например дискуссии об эгейском обществе, о социальном строе в странах Древнего Востока.

Главное же, журналу необходимо серьезнее, по-настоящему развить на своих страницах и в работе с авторами большевистскую критику и самокритику. В своем выступлении на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова А. А. Жданов сказал: «В нашем советском обществе, где ликвидированы антагонистические классы, борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития, могучим инструментом в руках партии» (Вопросы философии, № 1, стр. 270).

Критика и самокритика — путь к преодолению пережитков капитализма в сознании наших людей, к изживанию буржуазных влияний, еще сказывающихся в нашей науке. Развертывание принципиальной действенной критики и самокритики — важнейшая задача «Вестника древней истории».

Товарищ Сталин поставил перед советской наукой задачу перегнать науку капиталистических стран. Все необходимые условия для выполнения этой исторической задачи — налицо. Вооруженная самой передовой в мире теорией — теорией марксизма-ленинизма, окруженная сталинской заботой и вниманием советская историческая наука должна занять подающее место в борьбе нашего народа за победу коммунизма.

Акад. В. В. Струве

О «ГУМАННОСТИ» ХЕТТСКИХ ЗАКОНОВ

В настоящее время ожесточенной идеологической борьбы между советской наукой и наукой буржуазной особенно ясно обнаруживается, сколь многим мы обязаны подлинному научному методу познания и образцам подлинного научного творчества в работах Ленина и Сталина. Вместе с тем все отчетливее вскрывается бессилие буржуазных историков, скованных идеалистическими, реакционными положениями своих общественных теорий, решить правильно ряд существенных проблем. Примером подобного бессилия некоторых крупнейших буржуазных ученых решить одну из проблем древней истории является ответ, данный не-марксистской историографией на вопрос о пресловутой мягкости хеттских законов. Действительно, ряд буржуазных историков (отнюдь не фашистов) устанавливает большую мягкость хеттских законов по сравнению с законами вавилонян, ассирийцев, египтян и готовы объяснить ее расовым характером хеттов-индоевропейцев, которые в противоположность семитическим народам давали более высокую оценку жизни и личности человека.

Во избежание голословности я приведу несколько суждений крупнейших зарубежных исследователей. Так, Эд. Мейер подчеркивал «четко выступающее гуманно-правовое сознание» хеттов, отличающее их от египтян¹, или же указывал на то, что у хеттов неоднократно наблюдается «строго-правовое и гуманное воззрение»². Подобное же определение характера хеттских законов, но значительно более развернутое дал и немецкий хеттолог А. Гётце, бежавший после фашистского переворота из Германии: «Позорящие кары, как, например, избиение или изуродование, которые в ассирийском праве часто применяются, почти отсутствуют здесь (т. е. в хеттском законодательстве. — В. С.); там же, где мы их встречаем, они применяются лишь по отношению к рабам. Тем самым выявляется существенное отличие между хеттами и семитическими народами древней Передней Азии, которое в конечном итоге может быть интерпретировано как более высокая оценка ими человеческой жизни и достоинства»³.

На исключительной гуманности хеттов-индоевропейцев по сравнению с суровостью семитических народов, настаивает и известный французский

¹ «Geschichte des Altertums», т. II², 1928, стр. 482.

² Там же, стр. 28. См. также здесь, стр. 517, слова Эд. Мейера о гуманности хеттских законов.

³ А. G ö t z e, Kleinasien («Handbuch d. Altertumswiss.», изд. W. Otto, разд. III, 1 ч., т. III, 1933, стр. 109). См. его же, Hethiter, Churriter u. Assyrier, Осло, 1936, стр. 65.

специалист по истории Древнего Востока А. Морэ. Согласно его определению, «судебник хеттский резко отличается мягкостью обычаев и законов от суровости судебного Хаммурапи, а также от систематической жестокости законов у ассирийцев». Свою характеристику духа хеттского законодательства Морэ заканчивает следующими примечательными словами: «В этой (хеттской) конфедерации народов различных рас и языков объединение осуществляется царской администрацией; она использует свод законов, восходящий к Месопотамии, но интерпретирует его в более гуманном духе. Мы отмечаем в этом смягчении закона первые черты нового социального духа, духа индоевропейцев, который уважает в обществе личность. Даже тогда, когда династия в Богазкее возьмет у более древних монархий Востока внешние аспекты божественного происхождения и ритуал сакрального деспотизма, рядовой гражданин сохранит свое достоинство и свои права»¹.

Знаменитый чехословацкий ученый, основоположник хеттологии, Б. Грозный указывает на то, что многие особенности хеттского общества связаны с их индоевропейским происхождением. По его мнению, к таким особенностям принадлежит и государственная организация², поскольку они были «прирожденные правители и организаторы»³. В разделе о хеттских законах он замечает: «Говоря о характеристике хеттского судебного, можно в общем сказать, что его кары значительно мягче, нежели кары судебного Хаммурапи или ассирийских законов. Смертная казнь и казни увечья отступают на задний план, и на их месте появляются наказания имуществом»⁴.

Действительно, мы находим в законодательстве хеттского общества, казалось бы, моменты, которые при поверхностном взгляде подтверждают положение о гуманности его, отличающейся от суровости законов не только ассирийского народа, но и от законов вавилонян и египтян.

Аргумент в пользу положения о мягкости хеттского права находят некоторые исследователи в § 57 второй таблички законов хеттских царей или в § 172, если рассматривать, следуя Б. Грозному, обе таблички как части единого судебного. Интересующий нас закон гласит следующим образом:

«Если свободного человека в голодный год кто-нибудь оживит (hi-iš-nu-zi)⁵, тогда он (т. е. свободный человек) заместителя своего дает, если раб, то 10 сиклей серебра он дает».

Из приведенного законоположения хеттского судебного вытекает, что свободный человек за свой прокорм в голодный год мог себя выкупить предоставлением заместителя, а раб — уплатой 10 сиклей.

По мнению А. Гётце, этот закон свидетельствует о замечательном факте, что в хеттском обществе имела место во время голода взаимная поддержка при условии последующего возмещения расходов. Свое наблюдение немецкий исследователь заключает следующими словами: «Это, правда, только предпосылка, не юридическое требование, чтобы нечто подобное свершалось; тем не менее появление такого закона бросает

¹ A. Moret, *Histoire de l'Orient*, т. II, Париж, 1936, стр. 574—575.

² B. Hrozny, *Die älteste Geschichte Vorderasiens u. Indiens*, Прага, 2-е изд., 1943, стр. 162.

³ Грозный, *цит. соч.*, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 167.

⁵ E. H. Sturtevant, *A Hittite Glossary*, Филадельфия, 1936, стр. 55 и он же, *A Comparative Grammar of the Hittite Language*, Филадельфия, 1933, стр. 235.

весьма примечательный свет на дух общности, который царил среди хеттов¹.

Кажущаяся гуманность хеттского законодательства находит свое выражение и в уголовном праве. Здесь мы не встречаем, как в судебнике Хаммурапи или в древнееврейских законах, засвидетельствованных библией, принципа «око за око, зуб за зуб». Так, судебник великого вавилонского царя постановляет в § 196: «Если муж² повредит глаз сына мужа, то должно повредить глаз ему (самому)». В § 197 применен тот же принцип по отношению к повреждению кости: «Если он сломает кость у мужа, то должно сломать кость ему». В следующих двух параграфах определяется кара за те же преступления, но совершенные по отношению к неполноправным представителям вавилонского общества. В § 198 предусматривается наказание за членовредительство со стороны полноправного вавилонского гражданина по отношению к так называемому «мушкену» («подданному»): «Если он повредит глаз у «мушкену», то он должен уплатить 1 мину серебра». Под «мушкену» — «подданными» следует понимать представителей населения тех городов и областей, которые были покорены царем Хаммурапи силой оружия, как, например, население царства Римсина, царства Зимрилама, правителя области Мари и т. д.³. Свободное население лишь этих областей не находилось под защитой закона талиона. Членовредительство же, причиненное гражданину коренной вавилонской области, каралось соответствующим членовредительством виновного. Хаммурапи снова это подчеркивает в § 200⁴, в котором он определяет кару за новый случай телесного ущерба, нанесенного полноправному гражданину державы Хаммурапи: «Если муж выбьет зуб у мужа равного ему положения, то должно выбить зуб его».

В библейском судебнике — Книге Исхода, приписываемом обычно Элохисту и датируемом, следовательно, VIII в. до н. э.⁵, мы находим в гл. 21, 23 сл. аналогичное применение закона талиона за членовредительство, причиненное во время драки: «если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб».

Хеттские законы не различают, подобно библейским судебникам и в противоположность судебнику Хаммурапи, две прослойки среди свободного населения, одну, более привилегированную, и другую, менее привилегированную. Очевидно, хеттский судебник устанавливал юридические нормы для населения той части хеттской державы, которая считалась коренной в момент его составления. Устанавливаемые им нормы не знали, как я уже выше отметил, применения закона талиона. Так, в § 7 хеттского судебного устанавливается следующая кара за увечье свободного человека: «Если у свободного человека кто-нибудь повредит глаз (букв. ослепит), или выбьет ему зубы, то раньше давали 1 мину серебра, теперь он дает (лишь) 20 сиклей серебра. Свой дом он дает как обеспечение».

Примечателен в этом постановлении хеттского судебного и тот момент, что уже и более древнее законодательство хеттских царей⁶ за-

¹ А. Гетце, цит. соч., стр. 108.

² Т. е. полноправный гражданин вавилонского общества.

³ См. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 96.

⁴ В предшествующем постановлении, в § 199, Хаммурапи указал на размеры штрафа, возлагаемого на виновного в нанесении телесного ущерба рабу: «Если он повредит глаз раба мужа, или сломает кость раба мужа, он должен уплатить половину его стоимости».

⁵ См. хотя бы С. Н. Cornill, Einleitung in das Alte Testament, 1891, стр. 73 сл.

⁶ О времени этого древнего хеттского законодательства, см. А. Гетце, цит. соч., стр. 103.

менило принцип талиона денежным штрафом, правда, в три раза большим, чем в последующее время. Весьма вероятным является предположение, что более древнее законодательство, которое неоднократно упоминается в известном нам хеттском судебнике, еще различало, подобно праву Хаммурапи, две прослойки среди свободного населения основного ядра хеттского государства. За членовредительство, причиненное представителю более привилегированной прослойки, взимался штраф в 1 мину серебра, а за подобное же преступление по отношению к менее привилегированному требовалась уплата лишь одной трети мины, т. е. 20 сиклей. Дошедший до нас судебник, восходящий вероятно к XIV в. до н. э., сравнивал права свободного населения центральной части государства и установил единую пеню в 20 сиклей серебра за телесный ущерб, нанесенный любому свободному человеку.

Известный нам хеттский судебник, составленный в последний период существования хеттской державы, заменял *ius talionis* пеней не только в случае увечья, но и в случае убийства. Мы читаем в § 1 судебного: «Если мужа (свободного) или женщину (свободную) в ссоре кто-нибудь убьет, его он хоронит. Также 4 головы (т. е. рабов) он дает, будь это мужчины или женщины. Свой дом он отдает как обеспечение».

Хеттское законодательство учитывало в ряде случаев момент злой воли, и оно отличало намеренное убийство от нечаянного. Последнее трактуется в § 3 хеттского судебного: «Если мужа (свободного) или женщину (свободную) кто-нибудь ранит так, что он умрет, (причем) рука (лишь) его согрешит, то он (его) похоронит, также 2 головы (т. е. рабов) он дает. Свой дом он отдает как обеспечение». Согласно этому закону не требовалось в хеттском судопроизводстве клятвы для установления нечаянного убийства. § 207 судебного Хаммурапи требовал в таком случае клятвы: «Если пострадавший вследствие избиения умрет, то он (т. е. убийца) клянется, и если пострадавший сын мужа, то он платит половину мины». В хеттском законодательстве, очевидно, нечаянность убийства определялась или свидетельскими показаниями, или простым заверением виновного.

При дальнейшем развитии денежных отношений в хеттском обществе судопроизводство требовало с убийцы уже не выдачи рабов пострадавшей семье, а выплату определенной суммы серебра¹.

Зарубежные исследователи устанавливали «гуманность» и «мягкость» хеттского законодательства не только в частном праве, но и в государственном праве. Согласно последнему казнь увечьем—отрезание ушей и носа—не применялась к тем свободным представителям хеттского общества, которые во время войны переходили на сторону врага. Согласно же египетским законам указанная кара применялась ко всем государственным преступникам, как к знатым, так и к рядовым подданным фараона. Это различие в одном из существенных моментов государственного права держав фараонов и хеттских царей, а в конечном итоге и социальной структуры обоих обществ привело к некоторым затруднениям при оформлении знаменитого мирного договора между Хаттушилем III и Рамсесом II в 22-м году правления последнего—в 1295 г. до н. э., если верить хронологии Манефона².

Хетты при переговорах настаивали, опираясь на установку своего законодательства, на том, чтобы перебежчики из знати не подвергались изуродованию, а египтяне с точки зрения своих законов требовали нанесения увечий всем изменникам—как простолюдинам, так и представите-

¹ См. А. Гетце, цит. соч., стр. 103.

² См. В. В. Струве, ВДИ, 1946, № 4, стр. 11.

лям знати. В конце концов обе стороны договорились не подвергать жестокой казни ни одного из перебежчиков, ни знатного, ни простолюдина. Поскольку данный спор затянулся, то указанное компромиссное решение могло быть введено лишь в качестве дополнения к уже готовому договору¹.

Отметив несогласие представителей Хаттушиля III при установлении мирного договора с нанесением увечий выдаваемым перебежчикам, мы тем не менее должны признать, что государственное право хеттских царей может быть лишь весьма условно названо гуманным. Дело в том, что оно было гуманным лишь по отношению к свободным, и фактически, конечно, лишь по отношению к знатым перебежчикам. Об этом со всей определенностью свидетельствуют следующие постановления договоров хеттских царей с подчинившимися им государствами: «Если из страны (имя рек) бежит какой-нибудь свободный муж в страну Хатти, то я тебе его не выдам; выдавать беглеца из страны Хатти не хорошо. Если же это пахарь, или ткач, или плотник, или кожевник, или какой-нибудь ремесленник и он не захочет работать и станет беглым и придет в страну Хатти, то я его захвачу и выдам тебе»².

Ту же условную гуманность хеттских законов мы наблюдаем и в частном праве. Пресловутая гуманность «индоевропейцев» хеттов имела место лишь по отношению к свободным, но те же законы были чрезвычайно жестокими по отношению к рабам. Так, за кражу свободный человек должен был платить, согласно § 95 хеттского судебника, лишь штраф в 12 сиклей, заменивший собой пеню в 1 мину, установленную древним законодательством. В § 96 хеттского судебника определяется наказание раба, совершившего кражу в доме кого-либо. Раб, уличенный в преступлении, должен был платить, правда, меньший штраф, только 6 сиклей, так как за него приходилось платить его господину, но зато рабу отрезали нос и уши и в таком виде возвращали хозяину. В случае поджога свободный должен был лишь снова построить дом (§ 99 судебника), но «если раб поджигает дом и если (даже) господин его возместит убыток, то (все же) рабу отрезают нос и уши и передают его господину»³.

Подобная же дифференциация в наложении кары по отношению к свободным и рабам имеется и в статье, направленной против магического действия, злоупотребляющего именем кого-либо: «Если свободный человек убьет змею и назовет при этом имя кого-либо, то он должен уплатить за это 1 мину серебра; если же это сделал раб, то он должен за это умереть»⁴. Вообще через весь судебник хеттских царей проходит красной нитью противопоставление раба свободному человеку, называемому или просто «мужем», или же «мужем чистым».

По отношению к рабам хеттские законы были даже значительно более жестокими, нежели судебник Хаммурапи. Так, за сопротивление своему господину хеттский раб подвергался мучительной казни⁵, вавилонский закон ограничивался лишь отрезанием уха строптивого раба⁶. Очевидно, подобная «снисходительность» вавилонского закона объяснялась, конечно, тем обстоятельством, что общество, экономика которого покоилась на ирригационном хозяйстве, должно было учитывать и беречь каждую рабочую единицу. Что же касается военного хеттского общества, то рабов здесь было много, они были сравнительно дешевы, и убийство

¹ См. В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 65.

² J. Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, I, 1926, стр. 59 и 141.

³ § 100 судебника.

⁴ § 170 судебника.

⁵ В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 60.

⁶ § 282 судебника Хаммурапи.

раба поэтому не сдерживалось какими-нибудь серьезными экономическими моментами. Наоборот, в хеттском обществе раб должен был за строптивость подвергнуться особо суровому наказанию, так как, вследствие многочисленности рабов, их надо было держать в повиновении жестокостью кары за всякую попытку неповиновения воле господствующего класса. Если хеттские законы были свирепыми против рабов-военнопленных, то они были не мягкими и по отношению к тем несчастным из класса свободных, которые в годы голода за поддержание своей жизни попадали в положение рабов-должников в хозяйство того, кто им «давал жить». Поскольку я знаю специальную литературу, еще не было сделано наблюдения, что закон о лицах, которым «давали жить», мы находим не только в хеттском судебнике, но и в ассирийском законодательстве. В последнем также встречается термин «bullutu» «оживление»¹, в точности соответствующий хеттскому «*ḥu-iš-nu-zi*» «он дает жить». Согласно ассирийским законам также свободный человек, которого оживили, получал свободу лишь при условии предоставления заместителя², а раб возвращался прежнему владельцу за уплату денежной суммы³. Ассирийское право, столь жестокое по общему признанию, предусматривало вместе с тем и хорошее обращение со свободным человеком, которому «давали жить»⁴. «Гуманный» же хеттский судебник об условии хорошего обращения с лицом, которого «оживляют», не говорит ни слова.

Судебник же царя Хаммурапи идет в защите личности свободного человека, попавшего в кабалу, еще дальше, нежели ассирийское законодательство II тысячелетия до н. э. § 116 свода законов великого вавилонского царя оберегает жизнь раба-должника или заложника угрозой применения принципа талиона по отношению к членам семьи заимодавца: «Если заложник в доме своего заимодавца или от ударов, или плохого обращения умрет и собственник заложника своему заимодавцу (букв. купцу) докажет (это), то если (умер) сын мужа⁵, то убивают его сына, если (умер) раб мужа, то он уплачивает одну треть мины серебра. Он также теряет все то, что он отдал (в долг)».

Согласно хеттскому и ассирийскому законодательству тот свободный человек, которому «давали жить», освобождался лишь в том случае, если представлял вместо себя в виде возмещения другого человека. Вавилонское же общество, не являвшееся военным, подобно хеттскому и ассирийскому, было значительно мягче к рабам-должникам. Оно ограничивало срок пребывания раба-должника в доме заимодавца определенным количеством лет, а царь Хаммурапи определил этот срок в § 117 своего судебного кодекса лишь тремя (!) годами: «Если мужа схватило долговое обязательство и он жену свою или сына своего, или дочь свою продал или в залог отдал, то 3 года в доме своего покупателя или залоговладельца они работают, а на четвертый год устанавливается их свобода». Правда, законы царя

¹ Ср. И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии (Дисс. 1946 г.), стр. 90.

² Ср. частично-правовой документ у E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts, Лейпциг, 1927, № 167. Его транскрипцию и перевод см. у M. David, E. Ebeling, Assyr. Rechtsurkunden, Nr. 7 (Zeitschrift f. vergleich. Rechtswissenschaft, т. 44, 1929, стр. 311 сл.).

³ E. Ebeling, цит. соч., № 168. Транскрипцию и перевод см. у P. Koschaker, Neue Keilschrift-Urkunden aus der El-Amarna-Zeit (Abhandl. philol.-hist. Kl. Sächs. Akad. Wiss. т. 39, № 5, 1928, стр. 105).

⁴ Таблица А среднеассирийских законов, 39. См. G. R. Driver, J. C. Miles, The Assyrian Laws, Оксфорд, 1935, стр. 404—407 и 271 сл. Ср. E. Ebeling, цит. соч., № 12 и M. David, E. Ebeling, цит. соч., № 5, стр. 310.

⁵ Согласно § 117 судебного кодекса Хаммурапи глава свободной семьи не мог стать заложником.

Хаммурапи имели целью защищать «от сильного слабого»¹, в противоположность законодательству таких государственных деятелей, как Солон, или Дарий, которые защищали народ от знати, но вместе с тем и знать от народа². Я все же полагаю, что вавилонское законодательство и до Хаммурапи и после Хаммурапи устанавливало некоторое ограничение времени пребывания раба-должника в доме своего заимодавца. Весьма заманчивым является предположение, что подобным сроком ограничения времени работы должника был срок в 6 лет, который был впоследствии, в VIII в., заимствован судебником Элохиста (Исх., гл. 21,2)³ из современного ему вавилонского права: «если купишь раба-еврея, пусть он работает (тебе) шесть лет, а в седьмой (год) пусть выйдет на волю даром».

Установленная нами жестокость хеттского судебного права по отношению к имущественно необеспеченным слоям свободного населения нашла свое отражение в том, что уголовное право хеттского законодательства заменяет принцип талиона пеней. Нельзя же исчезновение в хеттском судебнике *ius talionis* объяснять исключительно лишь тем, что хеттское общество середины II тысячелетия было более развитым, нежели вавилонское общество эпохи Хаммурапи или еврейское общество IX—VII вв. до н. э. Изъятие из хеттского права принципа талиона было, бесспорно, обусловлено еще и тем обстоятельством, что знать, имущественно наиболее мощная и поэтому наиболее способная к преступлениям против экономически слабых слоев общества, могла тем самым оставаться безнаказанной за совершаемые акты насилия. Крупные рабовладельцы могли, не боясь угрозы применения к ним закона талиона, расправляться со всеми не удобными им лицами. Мы знаем, что знатные хетты владели сотней и больше рабов⁴, и поэтому им ничего не стоило отдать за убийство своего врага в худшем случае 4 своих рабов, а в случае возможности определения данного убийства непреднамеренным, то даже только и 2 рабов или же некоторой суммы серебра.

Законодательство хеттских царей давало возможность знати не только расправляться со своими врагами из среды мелких рабовладельцев, но также и расширять по существу безнаказанно свое рабовладельческое хозяйство за счет хозяйства тех же мелких рабовладельцев. Действительно, хеттский судебник карал кражу раба не смертной казнью, а одним лишь денежным штрафом. Так, в § 20 хеттского судебного права мы читаем: «Если кто-нибудь из города Хатти⁵ хеттского раба⁶ из Лувийской страны украдет и в страну Хатти уведет, а его хозяин его найдет, то он (т.е. похититель) уплатит ему 12 сиклей серебра и он дает свой дом как обеспечение». В следующем постановлении судебного права, в § 21, где рассматривается случай кражи раба, принадлежавшего лувийцу, а не хетту, из Лувийской страны, даже не предусматривается взимание пени с похитителя: «Если кто-нибудь раба лувийского мужа из Лувийской страны украдет и в страну Хатти его уведет и его хозяин его найдет, то он возьмет назад своего раба». Уплата пени не имеет места. Кража раба в Хеттской области также, несомненно, каралась одним лишь денежным штра-

¹ Судебник Хаммурапи, столб. 1, строки 37—39.

² К установке Солон см. Аристотель, Афинская политика, гл. 12 и Плутарх, Солон, гл. 18. Социально-политические взгляды Дария I отражают слова его в нактирустской надписи, Б, строки 8—11 (E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Берлин, 1938, стр. 4 и 7).

³ См. выше, прим. 5 на стр. 13.

⁴ См. В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 65.

⁵ Т. е. полноправный гражданин хеттской державы.

⁶ Очевидно, раб, который принадлежал хетту, жившему в Лувийской области. См. нижеследующий § хеттского судебного права.

фом, правда, значительно большим, нежели за кражу раба в Лувийской области. Подобный вывод можно сделать из ниже приведенной статьи судебногоника, возлагающей значительную пеню на укрывателя беглого раба.

Законодательство царя Хаммурапи и в данном вопросе—о каре за кражу раба резко отличается от законодательства хеттских царей. Его судебник устанавливал, в противоположность хеттскому судебнику, в своей 15-й статье смертную казнь, а не денежный штраф за кражу раба: «Если муж раба дворца или рабыню дворца, или раба мушкену, или рабыню мушкену за ворота города выведет, то его убивают». Столь же суровую кару устанавливает § 16 судебногоника Хаммурапи за укрывательство раба: «Если муж укрыв в своем доме беглого раба, принадлежащего дворцу или мушкену, и не выдаст его по воззванию чиновника, то этого домохозяина убивают».

В резком противоречии с этим положением законодательства Хаммурапи стоит статья 24 судебногоника хеттских царей: «Если раб или рабыня сбежит, то (муж), в доме которого его хозяин его найдет, дает плату для мужчины за 1 месяц 12 сиклей серебра, а для женщины за 1 месяц дает плату 6 сиклей серебра». Следовательно, и за укрывательство раба хеттское законодательство налагало не смертную казнь, а лишь денежный штраф, правда, весьма значительный. В этом отношении судебник хеттских царей перекликается с судебником III династии Ура, в эпоху которой также ведущей социальной силой была крупная рабовладельческая знать. Действительно, статьи 5 и 6 первого филиладельфийского фрагмента судебногоника III династии Ура определяют кару за укрывательство беглого раба также денежным штрафом: «Если рабыня или раб убежали у мужа в пределах селения и было установлено, что он в доме кого-нибудь пребывал в течение месяца, то тот даст раба за раба. Если же он не имеет раба, то он отвесит 25 сиклей серебра»¹.

Денежный штраф или же предоставление раба, конечно, не могли ни в коем случае удержать крупного рабовладельца от соблазна обогатить свое хозяйство включением в него беглых рабов. Таким образом, шумерийское и хеттское законодательство, заменявшие для укрывателя беглого раба смертную казнь пеней, лишали мелкое рабовладельческое хозяйство по существу какой-либо защиты от посягательства со стороны крупного хозяйства. Последнее имело, конечно, значительно больше возможностей скрывать у себя беглых рабов, нежели мелкий рабовладелец. Лишь угроза смертной казни могла удержать крупного рабовладельца от переманивания рабочей силы из мелких хозяйств. Тяготение самих рабов к крупному хозяйству было обусловлено тем обстоятельством, что у крупного рабовладельца рабам жилось часто легче, нежели у мелкого.

Следовательно, замену хеттскими законами смертной казни за кражу и укрывательство рабов пеней следует сопоставить с отказом тех же законов от принципа талиона. Они—явления одного и того же порядка, а именно моменты, свидетельствующие о господстве в хеттском государстве крупной рабовладельческой знати, поставившей в полную зависимость от себя массу мелких рабовладельцев.

Господство знати ограничивалось не только властью над народом. Она поставила в зависимость от себя и самого царя. Об этом свидетельствовало и постановление государственного права, запрещающее членовредительство по отношению к перебежчикам из среды знати, вызвавшее столь большое смущение со стороны представителей Рамсеса II во время

¹ H. F. Lutz, *Selected Sumerian and Babylonian Texts* (University of Pennsylvania, University Museum, 1, 2, Philadelphia, 1919), № 100, 5—6 (столб. II, 14—III, 2).

мирных переговоров, которые должны были завершить почти столетнюю египетско-хеттскую войну.

Еще более четко можно установить факт зависимости царской власти в хеттском государстве от знати на основании так называемой конституции царя Телипинуша, правившего, согласно вновь установленной хронологии древней Передней Азии, около 1550 г. до н. э. Телипинуш оставил нам свои анналы, заключением которых и была та своеобразная конституция, о которой я только что говорил¹. Анналы Телипинуша повествовали о событиях времени тех царей, которые правили до него. Наиболее славными из его предшественников были Табарна, Хаттушил и Муршил, завоевавший Алеппо и, около 1600 г. до н. э., Вавилон. Основную причину успехов и благополучия при этих царях Телипинуш видел в том, что вокруг них были объединены их сыновья, братья, свояки, кровные родственники и воины, входившие в состав древнего «панкуш» («толпа»). Когда это объединение распадалось, то начинались междоусобия в царском доме, а это влекло за собой и ослабление Хеттского государства. Такой период захирения наступил в момент гибели великого завоевателя Муршила, который после возвращения из походов стал жертвой дворцового заговора. Последствием был долгий период смут и волнений, продолжавшихся не один десяток лет. В это время отдельные области стремились стать снова самостоятельными, пользуясь теми династическими смутами, которые в сильнейшей степени ослабляли центральную государственную власть.

Описание придворных переворотов, заливавших кровью царский дворец, должно было служить для Телипинуша обоснованием тех реформ, которые он намерен был провести и которые были увековечены в указе царя, следующем за повествованием о событиях при его предшественниках и в самом начале его царствования: «Теперь кровопролитие стало обычным в царской семье, и Иштапарниш царица умерла, и затем Аммунаш царевич умер. Теперь боги и люди объявили: «Смотри же! В Хаттунаш кровопролитие стало обычным». Теперь я Телипинуш созвал совет (тулия) в Хаттунаш. С настоящего времени никто не сделает вреда члену (царской) семьи или ударит его кинжалом». Эти слова мы находим как непосредственное введение к указу о реформах Телипинуша. Царь стремится установить внутренний мир в государстве установлением порядка престолонаследия и определением прав знати по отношению к царю.

Согласно новому закону Телипинуша о престолонаследии последнее сохраняется за прямым потомством царя. Закон постановляет, что преемником царя должен быть старший сын царя от первой жены последнего. В случае отсутствия такого царем становится царевич «второй степени», т. е. сын от наложницы. Если же не имелось налицо мужского потомства, то власть предоставлялась мужу «первой» царевны, т. е. дочери первой жены царя.

Закон о престолонаследии был проведен царем во вновь организованном государственном учреждении — «тулия» («совет»), в состав которого входили сыновья царя, его братья, его свояки, его родственники, высшая родовая знать, высшая придворная знать и начальник телохранителей. В благодарность за утверждение закона о престолонаследии царь должен был делить власть с этим «советом». Царь не имел права казнить ни одного члена совета без согласия на то всех остальных представителей последнего. Царь, казнивший самовольно кого-либо из своих братьев или сестер,

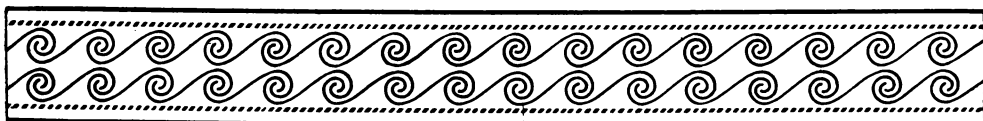
¹ К анналам и «Конституции» Телипинуша см. В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 49; см. и E. H. Sturtevant a. H. Bechtel, A hittite Chrestomathy, Филадельфия, 1932.

отвечал за это своей «царской головой». Его казнили на основании решения «совета», но не убивали тайно, как это делали раньше. В случае подтверждения советом виновности одного из его представителей царь получал право его казнить, но не имел права причинять зло его семье и конфисковать его дома, поля, виноградники, гумна, рабынь, рабов, крупный скот, овец. Все имущество казненного наследовалось его семьей.

Наряду с этим «советом» («тулия») высшей знати продолжал существовать и древний «панкуш» («толпа»), т. е. собрание воинов, но это учреждение было теперь реформировано. В его состав входили наряду со знатью уже больше не рядовые воины, а лишь телохранители царя и начальники тысяч. Текст о правах этого реформированного «панкуш», к сожалению, сильно разрушен, но надо думать, что и по отношению к виновному представителю его разрешалась кара лишь его лично, но не его семьи, сохранявшей, наверное, право на имущество своего преступного главы. Царь, ограниченный советом и реформированным «панкуш», находился тем самым в сильнейшей зависимости от знати. Поэтому постановление хеттского государственного права, запрещающее членовредительство по отношению к перебежчикам из среды свободных, было обусловлено не гуманностью индоевропейского хеттского общества, а общим характером хеттского государственного права, согласно которому власть царя была в сильнейшей степени ограничена знатью.

Я пришел к концу моего небольшого исследования. Я надеюсь, что мне удалось опровергнуть объяснение «гуманности» хеттских законов расовыми особенностями хеттов-индоевропейцев. Эта так называемая гуманность хеттского права была обусловлена, с одной стороны, ярко выраженным рабовладельческим характером хеттского общества, а с другой стороны, — господством в нем крупной рабовладельческой знати, подчинившей себе и народ и царскую власть.

Г. А. Меликишвили

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ ОЧАГЕ УРАРТСКИХ ПЛЕМЕН

Для характеристики древнейшей истории Урарту обыкновенно довольствуются тем, что дают обзор сведений ассирийских источников вообще о лежащих к северу от Ассирии странах, о «странах Наири». Таким путем, конечно, нельзя сказать ничего конкретного о древнейшей истории самих урартских племен. Только выявление конкретных фактов политической, социальной или культурно-религиозной жизни урартских племен в древнейшую эпоху может дать нам ясную картину древней истории урартского народа. Ниже мы постараемся указать на некоторые факты, которые, как нам кажется, имеют значение для древней истории Урарту, в частности, для вопроса о древнейшем очаге урартских племен.

1. Враждебные отношения урартских племен с народом Лулу (Лулуби)

Один из интересных фактов древней истории урартских племен является на примере употребления имени народа Лулу в урартских надписях в значении общего слова «враг, вражеский».

В урартских надписях часто упоминается «страна Лулу» — *ma-tu Lulu (ini/a)*¹. Но здесь речь идет, несомненно, вовсе не о какой-то конкретной стране Лулу. Выражение «страна Лулу» в урартских надписях употребляется в значении «страна вражеская», «страна врага». Этот факт довольно ясно выступает в текстах урартских царей: 1) Так, в одной из излюбленных трафаретных формул урартских военных надписей вариантами друг друга являются выражения *ma-tu Lulu* (страна Лулу) и *ma-tu NAKRU* (страна вражеская): *CICh. 112 A₂, стк. 16 сл.; M. Tseretheli, NH I, E, стк. 16 сл.: ma-tu Biainaue usmaše ma-tu Luluinaui paraḫiaidi*; ср. Нор-Баязетская надпись, стк. 6—7: *ma-tu Biainaue usmaše ma-tu NAKRU paraḫiaidi*.

Общий смысл этого выражения нетрудно установить: цари Урарту, говоря о своих военных успехах, о покорении вражеских стран и т. д., отмечают, что все это они совершили «для величия страны *Biaina* (и) для унижения (?) вражеской страны (вариант: страны Лулу)»². Несомненно,

¹ Начальная форма этого названия, согласно J. Friedrich'y («Einführung ins Urartäische», стр. 29), *Luluini*, в котором мы можем выделить суффикс *ini*, широко распространенный в урартском мире при обозначении названий стран.

² См. J. Friedrich, Die Inschrift des urartäischen Königs Rusa I aus Nor-Bajazet, AOr, III, 1931, стр. 257 сл.

что Lulu здесь соответствует идеограмме NAKRU (вражеский, враг). 2) С таким же значением употреблена MĀTU Lulu и в формуле проклятия Звартноцской надписи Руса II (S a u s e, 86). Руса II здесь призывает гнев богов на осквернителя его надписи, все равно будет ли он (осквернитель) из страны Biaina или из страны Lulu: eai MĀTU Biainiše eai MĀTU Luluiniše (стк. 40—42). Невозможно допустить, что здесь выражение MĀTU Luluiniše (принадлежащий стране Лулу—житель страны Лулу) подразумевает жителя какой-нибудь конкретной страны Лулу. Напротив, ясно, что «Лулу» здесь употреблено в общем значении вражеского мира, противопоставленного собственной, родной стране урартских царей (Биаина)¹. 3) Такое же положение мы имеем и во всех других местах урартских надписей, где упоминается «страна Лулу». Так, в летописи царя Сардури II в одной трафаретной формуле друг друга заменяют выражения: MĀTU MĀTU¹-ši šu-ia-ši (M. T s e r e t h e l i, NHI, E₄₇) и MĀTU Lu-lu-i-na-ši (там же, F₄); и здесь MĀTU Lulu (ini/a) употребляется в смысле «вражеский», и соответствующее слово šu-ia должно означать именно это понятие, как справедливо отмечает J. Friedrich². 4) Наконец, нам кажется, с таким же общим значением употреблено выражение «страна Лулу» и в двузачной надписи Топузава царя Руса I. Здесь ассирийскому mat Akkadī... ū-si-iḫ («страну Akkadū притеснил я»)—стк. 26 сл.) в урартском тексте соответствует MĀTU Lu-lu-i-ni-[li?] [...-z] i-el-du-bi (стк. 29—30)³. Ассирийской идеограмме «страна Akkadū» в урартском соответствует MĀTU Lulu (ini). Но это вовсе не означает, что вообще ассиро-вавилонскому MĀTU Akkadū соответствовала MĀTU Luluini урартийцев, здесь, повидимому, взамен конкретного названия ассирийского текста («страна Akkadū») урартский текст дает общее выражение «страна вражеская».

По всему этому видно, что в урартских текстах выражение «страна Лулу» употребляется просто в значении «вражеская страна»⁴.

MĀTU Lulu (страна Лулу), народ Лулу, многократно упоминается и в аккадских текстах, ассиро-вавилонских надписях (часто с эламским суффиксом множественности в форме Lulubi или Lulumī). Хорошо известный из аккадских текстов этот народ Лулу проживал к востоку от Ассирии, в горах Загра. В MĀTU Lulu (ini/a) урартских надписей перед нами, как многократно отмечалось в специальной литературе, собственное имя этого народа⁵.

В продолжение почти двух тысяч лет (начиная с царя Нарамсина—середины III тысячелетия до н. э.) правителям Вавилонии, а потом Ассирии не раз приходилось сталкиваться с этим воинственным племенем нагорного Загра. Границы территории, занимаемой этим племенем, конечно, в продолжение веков часто менялись, но вообще этот народ жил далеко юго-восточнее Ванского озера, в районе между р. Диалой и Нижним

¹ По мнению С. F. Lehmann-Haupt'a, высказанная в этой надписи угроза урартского царя по адресу тех, кто осквернит его надпись, будет ли он из Бианы или из страны Лулу, означает, что Руса II высказывает претензию на владение страной Лулу или же ее части!—см. *Armenien einst und jetzt*, II, стр. 337.

² «Zur urartäischen Nominalflexion», ZA, NF, VI (XL), 1931, стр. 277, прим. 1.

³ АОГ, III, 1931, стр. 270.

⁴ Б. Б. Piotrovskij неправильно считает, что MĀTU Lulu (ini/a) урартских надписей подразумевает какую-то конкретную страну Лулу(ини/a). Например, при изложении содержания летописи царя Сардури II, он отмечает, что в одном месте (M. T s e r e t h e l i, NHI, E₁₈ сл.) урартский царь рассказывает о своем походе в страну Лулуина—см. его «История и культура Урарту», стр. 84.

⁵ См. например: С. F. L e h m a n n - H a u p t, *Armenien einst und jetzt*, II, стр. 336 сл.; J. F r i e d r i c h, op. cit., стр. 268.

Забом¹, а может быть, и севернее Нижнего Заба, до южного побережья Урмийского озера. Это озеро в ассирийских источниках носит название «море страны Замуа», в позднеассирийских источниках названия «Замуа» и «Лулуми» являются синонимами². Во всяком случае, для нас важно, что присутствие этого народа севернее южного побережья Урмийского озера источниками не засвидетельствовано.

Как выше было указано, имя этого народа—Лулу в урартских текстах употребляется в значении «враг». По всей вероятности, вследствие продолжительных и интенсивных вражеских отношений имя этого народа приобрело такое значение. Но где и в какую эпоху нужно предположить факт такой продолжительной и интенсивной вражды между народами Лулу и Урарту? Племя Лулу, как мы указали, проживало далеко юго-восточнее Ванского озера. Вероятно, именно здесь, юго-восточнее озера Ван, соприкасались между собой урартские племена и племя Лулу, именно этот район являлся главной ареной интенсивных вражеских отношений между ними. С другой стороны, нужно припомнить, что во всяком случае с эпохи Ашшурнасирпала II—Салманасара III (IX в. до н. э.), когда появляется могучее Урартское государство, главными врагами урартийцев, несомненно, были ассирийцы, а не какое-нибудь иное племя. Та интенсивная вражда с народом Лулу, которая оставила такой глубокий след у урартийцев, вероятно, является фактом более раннего времени. Таким образом, одним из значительных фактов древнейшей истории урартских племен (во всяком случае урартского племени *Bia-Biaina*, от царей которого дошли до нас письменные памятники) является факт продолжительной и интенсивной вражды с народом Лулу (Лулуби). Этот древнейший факт истории урартского народа, как мы видели, связывается с территорией, лежащей юго-восточнее Ванского озера; согласно этому факту этот район представляется нам одним из главных очагов политической жизни урартских племен в древнейшую эпоху³.

2. Кумену—центр культа урартского бога Тейшебы

Юго-восточнее Ванского озера, повидимому, в районе нынешнего города Ровандуз, находился главный центр культа верховного божества урартийцев (бога *Ḫaldi*)—город Мусасир. Это обстоятельство, конечно, имеет большое значение для вопроса о древнейшем очаге урартских племен⁴. Для этого вопроса важно также установить местонахождение центра культа бога Тейшебы, который занимал в урартском пантеоне второе

¹ M. Streck, Das Gebiet der heutigen Landschaften Armeniens, Kurdistan und Westasiens nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften, ZA, 15, стр. 294; ср. там же, стр. 287—288.

² В надписях Сагрона сказано: *māt Lu-lu-mi-i šā māt Za-mu-a-i-ka-bu-šū-ni* («страна Лулуми, которую (также) зовут Замуа») (Луврская табличка, стк. 11).

³ B. Landsberger для аккадского слова *nullātum* устанавливает значение «варварский» и само это слово выводит из названия племени Лулу (*Lulli'atum*—лулубийский)—см. «Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft», 1929, 4, стр. 320. Это обстоятельство делает несомненным, что в урартском слове *lulu(ini)* (враг, вражеский) в самом деле подразумевается племенное название Лулу-Лулуби.

Конечно, *Luluini* (= враг) урартийцев не есть заимствование аккадского *nullātum* (= варварский) (различие форм ясно говорит об этом). Напротив, повидимому, само аккадское *nullātum* берет свое происхождение в северо-восточном хурри-урартском мире. Имя народа Лулу с начальным «N» (*Nulaḫi*—лулубиец) часто встречается именно у сильно аккадизированного хурритского населения города Nuzi (район нынешнего города Керкур) в середине II тысячелетия до н. э.—см. напр. E. A. Speiser, Introduction to Hurrian, 1941, стр. 45 и др.

⁴ На этом вопросе мы предполагаем остановиться отдельно.

место. Ниже мы постараемся показать, что, подобно центру культа верховного бога урартийцев, также и центр культа бога Тейшебы нужно искать юго-восточнее Ванского озера.

Как известно, верховную триаду урартских божеств составляли: Халд, Тейшеба (хурритский *Tešur*, *Adad* месопотамского пантеона) и бог солнца (*Šamaš* пантеона Месопотамии). Интересно, что при упоминании этой верховной триады в урартских текстах всегда соблюдается определенная последовательность: первым называется Халд (^{11u} *Haldi*), потом Тейшеба — ^{11u} *Teišeba* (^{11u} *ADAD*) и лишь третьим бог солнца (^{11u} *ŠAMAŠ*). В урартских надписях не встречается исключений из этого правила.

Естественно возникает мысль, не заимствована ли эта иерархия механически из исторических надписей ассирийских царей. Общеизвестно, что многое в стиле урартских надписей выработано по ассирийскому шаблону. Но в разбираемом случае мы не имеем дела с фактом ассирийского происхождения. Известно, что в ассирийских текстах нет в наличии строгой последовательности при упоминании разных божеств, в том числе и при упоминании соответствующей урартскому *Haldi—Teišeba*—бог солнца ассирийской триады *Aššur-Adad-Šamaš*¹. Ясно, что этот трафарет урартских надписей (*Haldi—Teišeba*—бог солнца) является отображением существовавшей в самой религии строгой иерархии.

Если теперь мы обратим внимание на надпись Мхер-капуси царей Ишпуни и Менуа (CICH, 18), то увидим, что и в ней многократно встречается та же последовательность при упоминании божеств, та же иерархия внутри верховной триады: сперва *Haldi*, потом *Teišeba* и, наконец, бог солнца (CICH, 18, стк. 3, 3—4, 16). В связи с этим интересно обратить внимание на 14-ю строку надписи, где сказано:

ALU Ar-di-ni-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÊ^{P1}

ALU Ku-me-nu-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMFRÊ^{P1}

ALU Tu-üş-pa-ni-na-ú-e ILU ALPU 2 IMMERÊ^{P1}

т. е. «Для бога города Ардини—быка (и) 2-х ягнят, для бога города Кумену—быка (и) 2-х ягнят, для бога города Тушпа—быка (и) 2-х ягнят».

Возникает вопрос, почему здесь при перечислении первым упоминается бог города Ардини (Мусасира), бог же города Тушпа (столицы Урартского царства) упоминается лишь третьим? Без сомнения, потому, что в иерархии, существовавшей в урартском пантеоне, бог города Ардини (ассирийский Мусасир)—*Haldi* занимал первое место, а бог города Тушпа—третье. И здесь в несколько ином виде передана хорошо знакомая нам иерархия: *Haldi—Teišeba*—бог солнца. Итак, можно прийти к заключению, что бог города Ардини—это *Haldi*, бог города Кумену (*Kumenu*)—*Teišeba* (*ADAD*), а бог города Тушпа—бог солнца (*ŠAMAŠ*). То, что город Ардини (Мусасир) являлся центром культа бога *Haldi*,—общеизвестный факт. Из приведенного здесь текста надписи Мхер-капуси (CICH, 18) выясняется, что центром культа бога *Teišeba*, который в урартском пантеоне занимал второе место, являлся город Кумену, а центром культа бога солнца—столица Тушпа.

Такое предположение подтверждается также некоторыми данными ассирийских источников. В надписях ассирийского царя Ададнирари II (911—890) упоминается город Кумме (*Kumme*); он упоминается именно

¹ См., например, ARAB, I, 217, 271, 356, 482, 487, 508, 516, 685, 687, 689, 716, 722, 734, 737, 743, 760 и т. д.

как один из центров культа бога Adad (урартский Teišeba, хурритский Tešur). Ададнирари II говорит о том, что в 15-й день месяца Simānu, во время эпонимства Ina-ilia-alak он направился на помощь городу Кумме и совершил жертвоприношения Ададу города Кумме; города страны Хабхи (Ḫabḫi), врагов Кумме, он предал огню (ARAB, I, 371); далее Ададнирари говорит, что в месяце Nisānu, в эпонимство Adad(?)ia он второй раз направился на помощь Кумме и разгромил непокорные города страны Хабхи—Sadkuri, Iasabdu, Kunnu, Tapsia, которые находились около города Кумме (ARAB, I, 372). Как видно из этих текстов Ададнирари II, город Кумме находился к северу от Ассирии, по соседству со страной Хабхи. Вполне возможно допустить, что население этого города этнически отличалось от ассирийцев, и тот бог города Кумме, которому приносит жертву ассирийский царь, вероятно, являлся каким-нибудь местным божеством бури, грома и т. п. и носил совсем иное имя. Поклонение богам соседних племен, паломничества в их культовые центры и жертвоприношения их богам были широко распространены у древневосточных народов, в том числе и у ассирийцев. И вполне возможно, что Адад города Кумме, которому приносит жертву Ададнирари II, являлся не Ададом ассирийцев, а хурритским Tešur'ом или урартским Teišeba (как известно, к северу от Ассирии мы имеем дело с широко распространенным хурри-урартским населением).

Нам кажется, что этот засвидетельствованный в ассирийских источниках центр культа бога Адада—город Кумме является тем же городом Кумену, который, согласно урартским источникам (CICH, 18), выявляется как центр культа бога Teišeba (= ADAD). За это говорит ряд данных: 1) фонетическое сходство этих двух названий; 2) то обстоятельство, что как город Кумену урартских источников, так и ассирийский город Кумме представляются как центры культа бога Adad (Teišeba); 3) как ассирийские, так и урартские источники указывают приблизительно на один и тот же район местонахождения города Кумме—Кумену. По надписям Ададнирари II, город Кумме находился по соседству со страной Хабхи (Ḫabḫi). Страна Хабхи занимала территорию между Тигром и Ванским озером и простиралась к западу вплоть до города Диарбекр, на востоке же она включала некоторую часть нагорного Загра, расположенную к северу от Ниневии¹. Если согласиться с мнением E. Forger'a, то местоположение этого города определится более точно: по Forger'у город Кумме находится в стране Куммани, расположенной в районе среднего течения Верхнего Заба². Примерно таким же представляется местонахождение города Кумену по урартским источникам; в одной надписи царя Менуа (CICH, 19) этот город упоминается в связи с Ассирией: ku-tu-bi ra-gi [i-ša]-ni ar-ti-i-ni ^{ALU}Ku-me-nu-ú-ni ra-gi ^{MATU}A-šu-ri-i-ni (CICH, 19, Ob. 12—13), т. е. «... взял направление (направился) по ту сторону города Кумену, к стране Ассирии». Из этого видно, что город Кумену должен был находиться вблизи Ассирии, где-то между Ассирией и Урарту, т. е. именно там, где, по ассирийским источникам, находился один из важнейших центров культа бога Адада, город Кумме. Поэтому трудно сомневаться, что засвидетельствованный в урартских источниках город Кумену (Kumenu), есть тот же город Кумме (Kumme) ассирийских источ-

¹ ZA, XIII, стр. 101; ZA, XXXVII, стр. 75; «Orientalia», стр. 36—38, 102; AOf, X, H. 1/2, 1935, стр. 20.

² RLA, Bd. I, Lief. 4, 1930, стр. 295, 282. Для ранних времен, как отмечает E. Forger, по неопубликованным хеттским текстам, Адад города Кумме имел выдающееся значение для страны Gutium (там же, стр. 295).

ников, который находился юго-восточнее Ванского озера, в районе среднего течения реки Верхний Заб¹.

Итак, оказывается, что город Кумену—главный центр культа урартского бога Тейшебы, занимавшего в пантеоне второе место, находился юго-восточнее Ванского озера, в районе среднего течения реки Верхний Заб. Известно, что в эпоху существования Урартского царства территория, расположенная так далеко на юге, не входила в состав Урартского государства. Повидимому, город *Ḳumme-Ḳumenu* стал центром культа урартского бога Тейшебы в ту древнюю эпоху, когда территория, лежащая юго-восточнее Ванского озера, являлась центром политической и культурно-религиозной жизни урартских племен, так что и здесь мы имеем дело с фактом древнейшей истории урартского народа. В этом факте еще раз выявляется тесная связь урартских племен (в отношении культурно-религиозных традиций и др.) с югом, с районом, находящимся юго-восточнее Ванского озера.

3. Древнейшее упоминание страны Урарту в ассирийских источниках

(Вопрос о местонахождении «страны Уруатри» Салманасара I)

Оказывается, что и ассирийцы в первый раз приходят в соприкосновение с урартскими племенами в том же районе, юго-восточнее Ванского озера, в районе, который мы по вышерассмотренным фактам считаем главным очагом, центром политической и религиозно-культурной жизни урартских племен в древнюю эпоху.

Название *Uratu*, как известно, засвидетельствовано только в ассирийских источниках². В первый раз это название в форме *Uruatūri* встречается в надписях ассирийского царя Салманасара I (XIII в. до н. э.)³. В спе-

¹ Отсюда следует, что под стоящим в перечислении на третьем месте «богом города Тушпа» (*ALU Tušrapinaue ILU*) подразумевается стоящий на третьем месте в пантеоне бог солнца, т. е. подобно тому, как город Ардини (Мусасир) был центром культа бога *Ḫaldi*, а город Кумену—центром культа бога *Teišeba*, точно так же столица Урартского царства—город Тушпа являлась центром культа бога солнца.

² В местных урартских надписях это название не встречается. Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, которые в слове *ururdani*, упоминаемом в одной надписи царя Сардури II (*M. Tseretheli, NH I, G₁₁*), видят местный, урартский эквивалент ассирийского *Uratu* (см., например, И. И. Мещанинов, Шураа и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна, ДАН, Серия В, 1924, стр. 22; ср. *Sa u s e'a*, JRAS, 1929, стр. 333, 335 и др.). Основанием для такого предположения служит главным образом то обстоятельство, что перед этим словом стоит детерминатив *AMĒLU*, который в ассирийской клинописи ставится перед названиями профессий и племен. Согласно таблицам урартских клинообразных знаков А. Н. Сау-се'а (JRAS, 14, 1882, стр. 422) и акад. И. И. Мещанинова («Халдоведение», стр. 74), этот знак (в ассирийской форме , идентичный с , но редко употребляемый в урартской письменности) и в урартской письменности служит детерминативом племенных названий, но с этим трудно согласиться: в урартских текстах мы не могли найти хоть один такой случай, где бы этот знак стоял детерминативом перед именем народа, перед племенным названием. Детерминативом племенных названий в урартских надписях употребляется

совсем другой знак——детерминатив лица ассирийской клинописи. Таким образом, слово *ururdani*, засвидетельствованное в одной надписи Сардури II, не может быть племенным названием, ввиду чего несостоятельным кажется мнение тех ученых, которые в нем видят урартский эквивалент ассирийского *Uratu*, племенного названия урартийцев.

³ См. E. Ebeling, B. Meissner, E. F. Weidner, *Die Inschriften der altassyrischen Könige*, 1926, стр. 110 сл.; ARAB, I, 114, 117.

циальной литературе высказано много разных предположений о местонахождении этой страны¹. По нашему мнению, «страна Уруатри» Салманасара I находилась в районе верхнего или среднего течения р. Верхний Заб (юго-восточнее Ванского озера). За это говорит ряд данных ассирийских источников.

Салманасар I перечисляет 8 разных стран «страны Уруатри». Среди них он называет страны *Ḫimme* (Химме) и *Luḫa* (Луха), которые упоминаются также в надписях Тиглатпаласара I (1115—1077): Тиглатпаласар I говорит, что он направился против страны Суги (*Sugi*), которая находится в стране Хабхи (*Ḫabḫi*)², и здесь одолел объединенное войско стран *Ḫime*, *Luḫi*, *Arirgi*, *Alamun*, *Nimni* и народа *Ḫurḫi*. В конце описания ассирийский царь хвастается, что он покорил всю страну Суги³. Невозможно сомневаться, что страны *Ḫime* и *Luḫi* этой надписи Тиглатпаласара I суть те же *Ḫimme* и *Luḫa*, которые упоминаются как составные части «страны Уруатри» у Салманасара I. За это говорит то, что в обоих местах они упоминаются рядом и в то же время кажутся единицами одной и той же величины: согласно данным, которые дают соответствующие тексты, *Ḫimme* и *Luḫa* Салманасара I такие же маленькие «страны», как и *Ḫime* и *Luḫi* Тиглатпаласара I. Поэтому, если мы сможем установить, где находились *Ḫime* и *Luḫi* страны *Sugi*, то будем знать, где нужно искать также *Ḫimme* и *Luḫa* «страны Уруатри», следовательно, и самую страну Уруатри. Таким образом, для локализации Уруатри первостепенное значение приобретает определение местонахождения страны Суги, упоминаемой в надписях Тиглатпаласара I.

Для определения местонахождения этой страны важно ознакомиться с маршрутом того похода Тиглатпаласара I, во время которого пришлось ему действовать в стране Суги. Перед тем, как направиться в страну Суги, ассирийский царь действует в районе р. Нижний Заб, покоряет здесь страны *Murattaš* и *Saradauš*⁴. После этого он сообщает о своем походе против страны Суги. Во время этого похода Тиглатпаласару постоянно приходится действовать в горных условиях, что, вместе с упоминанием Нижнего Заба, указывает на то, что здесь речь идет об одном из районов нагорного Загра.

Для уточнения местонахождения страны Суги большое значение имеет сообщение Тиглатпаласара I о том, что Суги была составной частью страны Хабхи (*Ḫabḫi*)⁵. «Страна Хабхи» ассирийских источников занимала территорию между Тигром и Ванским озером и простиралась к западу вплоть до города Диарбекр, на востоке же она включала некоторую часть нагорного Загра, расположенную к северу от Ниневии⁶. Поскольку у Тиглатпаласара Суги названа составной частью страны Хабхи, которая находилась намного севернее Нижнего Заба, становится ясным, что в страну Суги ассирийский царь попал, идя в северном направлении из района

¹ По мнению E. F. Weidner'a, Uruatři находилась в районе оз. Ван (Die Inschriften der altassyrischen Könige, стр. 113, прим. 9), C. F. Lehmann-Haupt ее помещает северо-западнее Ниневии (Armenien einst und jetzt, II, 1931, стр. 850), согласно же E. F. Fugère'у, Uruatři занимала долину реки Восточный Хабур (RLA, I, стр. 265) и т. д.

² Раньше неправильно читали: *Kirḫi* или *Kilḫi*; см. RLA, I, стр. 281; AOf, B. X, H. 1/2, 1935, стр. 20.

³ См. надпись на призме, кол. IV, стр. 7—31; ARAB, I, 233.

⁴ Надпись на призме, кол. III, стр. 96 сл.; ARAB, I, 232. Для локализации этих стран см. M. Streck, указ. соч.; ZA, 15, 1900, стр. 261; E. Fugère, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, стр. 42; RLA, I, стр. 281.

⁵ *mātSu-gi šamāt Ḫab-ḫi* (надпись на призме, кол. IV, стр. 8).

⁶ ZA, 13, стр. 101; ZA, 37, стр. 75; «Orientalia», 35—38, стр. 102; AOf, X, H. 1/2, 1935, стр. 20.

Нижнего Заба. Поэтому страну Суги нужно искать, по всей вероятности, в районе Верхнего Заба.

Интересно обратить внимание еще на одно обстоятельство, подтверждающее, по нашему мнению, правильность локализации страны Суги в районе Верхнего Заба. Как мы узнаем из надписей Саргона II, территория страны Хабхи, составной частью которой названа Суги у Тиглатпаласара I, находилась, между прочим, и в районе р. Верхний Заб. В описании своего восьмого похода Саргон говорит: «Я переправился через реку Верхний Заб, которую люди стран Наири и Хабхи называют Еламунией (Elamunia)»¹. Несомненно, Саргон здесь дает местное название Верхнего Заба. Итак, выходит, что р. Верхний Заб текла и на территории страны Хабхи. Ясно, что название Elamunia можно дать лишь верхнему (и, может быть, также и среднему) течению этой реки, когда она проходила через территорию Наири и Хабхи².

Интересно, что Тиглатпаласар I при походе в страну Muṣri упоминает гору Elamuni³, название которой довольно близко стоит с местным названием р. Верхний Заб (Elamunia).

Страна Muṣri находилась северо-восточнее Ниневии⁴, она занимала территорию между средним течением Верхнего Заба и Ниневией⁵. Следовательно, и упоминаемая Тиглатпаласаром при походе в эту страну гора Elamuni находилась северо-восточнее Ниневии в районе Верхнего Заба (Elamunia). Ввиду этого уже не кажется случайным сходство между названиями реки Elamunia и горы Elamuni. Здесь перед нами как будто определенная концентрация таких названий северо-восточнее Ниневии, в районе Верхнего Заба.

После этого нельзя не обратить внимания на то, что одна из составных частей страны Суги — «страна Alamun» также носит сходное название. Как мы видели, согласно источникам, страну Суги нужно искать где-то в районе Верхнего Заба (Elamunia). Поэтому кажется нам достойным внимания то, что название одной из составных частей Суги — страны Alamun довольно близко стоит с названиями горы Elamuni и реки Elamunia (Верхний Заб). По всей вероятности, здесь мы не имеем дела со случайным созвучием: страна Alamun, как и гора Elamuni, повидимому, находилась в районе реки Elamunia (Верхний Заб).

Но если одну из составных частей Суги — страну Alamun нужно искать в районе р. Elamunia (т. е. на среднем или верхнем течении р. Верхний Заб), здесь же нужно искать и остальные составные части страны Суги: Nimni, Agirgi и интересующие нас Hime и Luhi, так как в этих «странах» мы, несомненно, имеем дело с довольно маленькими областями (все они, по сообщению Тиглатпаласара I, выставили против него всего 6000 человек).

Выше мы указали, что страны Hime и Luha — составные части страны Уруатри Салманасара I — суть те же Hime и Luhi Тиглатпаласара I. Так как оказывается, что эти последние находились в районе среднего или верхнего течения р. Верхний Заб, то здесь же нужно искать Hime и Luha страны Уруатри.

Салманасар I перечисляет всего 8 таких стран Уруатри, а в конце сообщения о своем походе отмечает, что он в продолжение трех дней

¹ nārZa-ban elu-ú» šá nišēmat Na-'i-rí ù mat Hab-hīndr E-la-mu-ni-a i-ḫab-bu-šú-ni e-te bīr (Луврская табличка, стк. 323).

² Cp. Thureau-Dangin, Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon, 1912, стр. XVI.

³ Надпись на призме кол. V, стк. 67, сл.; ARAB, I, 241.

⁴ См. Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, 1, 1928, стр. 474; II, 2, 1931, стр. 379—380, 392, 411 и др.

⁵ E. Forrer, Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches, 1920, стр. 35; RLA, I, стр. 150, 265, 282.

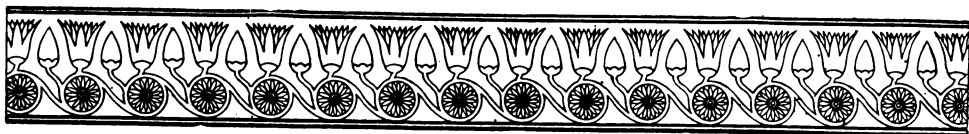
покорил всю страну Уруатри, ясно указывая этим на то, что под этой «страной Уруатри» подразумевается довольно маленькая территория¹. Поэтому находящиеся по соседству с *Ḫimite* и *Luḫa* другие страны Уруатри и вообще эта «страна Уруатри» находилась вся, по всей вероятности, в районе среднего или верхнего течения р. Верхний Заб².

Таким образом, оказывается, что в ассирийских источниках название Урарту в древнейшую эпоху связывается с территорией, находящейся юго-восточнее озера Ван. В первый раз ассирийцы приходят в соприкосновение с урартскими племенами юго-восточнее Ванского озера, в районе среднего или верхнего течения р. Верхний Заб, т. е. где-то близ города Мусасира. Этот район, как мы видели, по вышеуказанным фактам (враждебные отношения с народом Лулу—Лулуби, Мусасир—центр культа верховного бога урартского народа, Кумену—центр культа урартского бога Тейшеба), выявляется как главный очаг, центр политической и религиозно-культурной жизни урартских племен в древнейшую эпоху. Перемещение этого центра на север, в район Тушпы (современный город Ван)—явление более позднего времени.

¹ Cp. E d. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, 4, стр. 476, прим. 2, RLA I, стр. 265.

² Путем локализации горы *Elamuni* в районе р. Верхний Заб (см. выше) мы приходим к мысли о близости страны *Mušḡi* со страной Уруатри Салманасара I. Этот факт выявляется и другим путем; тот же Салманасар I, непосредственно за сообщением о своем походе в страну Уруатри, сообщает о разрушении им города *Arina* в стране *Mušḡi* (см. у Тиглатпаласара I: надпись на призме, кол. V, стк. 77) и о покорении «всей страны *Mušḡi*». В страну *Mušḡi* Салманасар I проник, повидимому, возвращаясь из Уруатри (если здесь в самом деле перед нами изложение событий одного похода); несомненно, так понимает эти сообщения ассирийских текстов E. F o r r e r, когда отмечает, что упоминаемый у Салманасара I город *Arina* находился между странами Уруатри и Мусри, RLA, I, стр. 265. Далее, как мы выше указали, главный центр культа урартского божества Тейшебы должен был находиться в стране Куммани ассирийских источников, Куммани же находилась по соседству со страной Мусри, севернее от нее, на среднем течении Верхнего Заба. И этим путем выясняется факт соседства между странами Мусри и Урарту, что, нам кажется, делает еще более правдоподобной данную здесь локализацию страны Уруатри.

Проф. М. Э. Матье

ТЕКСТЫ ПИРАМИД—ЗАУПОКОЙНЫЙ РИТУАЛ (О порядке чтения «Текстов пирамид»)

Древнейшим основным источником для изучения египетской религии и одновременно египетской литературы являются знаменитые «Тексты пирамид»—памятник первостепенной историко-культурной ценности.

По справедливому определению Б. А. Тураева эти тексты являются «исходным пунктом для изучения египетского языка, религии и культуры и, вместе с тем, одним из самых важных памятников общечеловеческого значения. Это едва ли не древнейшее произведение религиозной литературы человечества»¹.

«Тексты пирамид» названы по месту своего нахождения: они покрывают стены внутренних помещений пирамид, расположенных в Саккара, древнем кладбище мемфисских фараонов. В этих пирамидах были погребены: фараон Унас, последний царь V династии (середины XXVII в. до н. э.) и четыре фараона VI династии—Тети, Пепи, Меренра и Пепи II Неферкара. Время жизни последнего царя занимало, как известно, целое столетие—XXV век до н. э., и, таким образом, пирамиды, заключающие в себе разбираемые нами тексты, были воздвигнуты на протяжении полутора веков².

«Тексты пирамид» были открыты частично Мариэттом в 1880 г., когда он начал обследование пирамид Саккара по инициативе Гастона Масперо, настоявшего на необходимости этих работ. После смерти Мариэтта Масперо продолжал в 1881 г. раскопки пирамид и затем, снабдив все открытые тексты переводом, последовательно издал их в «Recueil de travaux relatifs à l'archéologie égyptienne et assyrienne» (томы II—XIV), после чего эта работа вышла отдельным изданием в 1894 г. под названием «Les inscriptions des Pyramides de Saqqarah».

Задача первого издания «Текстов пирамид», выпавшая на долю Масперо, была весьма нелегка, и заслуга его замечательного труда ни в какой мере не умаляется допущенными им отдельными неточностями, вполне понятными при первом издании столь обширных по объему и к тому же местами сильно поврежденных текстов. В равной степени не уменьшается ценность работы Масперо и необходимостью принятия в настоящее время

¹ Б. А. Тураев, Египетская литература, 1920, стр. 36.

² Аналогичные тексты были недавно обнаружены и в пирамидах цариц VI династии.

инного толкования ряда мест «Т. п.». За Масперо бесспорно остается честь открытия и первой публикации памятника крупнейшего историко-культурного значения.

Последовавшее затем новое издание «Т. п.» берлинским египтологом Куртом Зете (1908—1922) было выполнено последним после тщательной сверки записей Масперо с эстампажами, снятыми со всех текстов и хранившимися в Берлинском музее, а также с фотографиями, записями других египтологов и тому подобными материалами. Естественно поэтому, что Зете в своем издании смог уточнить записи Масперо и дать в распоряжение исследователей выверенную и надежную копию «Текстов пирамид». Помимо проверки записей текстов, Зете провел большую работу по сравнительному их изучению¹ и вследствие этого принял в своей публикации иное расположение текстов, нежели это в свое время делал Масперо. Последний издал последовательно весь комплекс текстов каждой пирамиды в отдельности. Зете же дал одновременное построчное сопоставление аналогичных текстов по всем пяти пирамидам, что было крайне удобно для изучения как лингвистических, так и историко-религиозных вариантов. Однако при таком расположении надписей исчезло представление о характере комплекса текстов каждой отдельной пирамиды, так как Зете пронумеровал свои главы следующим образом: изречения 1—9 образовались из текстов, высеченных на царских саркофагах, найденных в пирамидах, изречения 10—22 из части текстов на изображениях «ложных дверей», имеющих на стенах около того места, где стоял саркофаг. После этого Зете расположил надписи, высеченные на стенах пирамиды Унаса, как самой древней, в том порядке, в котором они даны у Масперо; в параллельных строчках под текстами Унаса Зете расположил соответствующие им аналогичные тексты из других пирамид; вся эта группа надписей образовала изречения 23—321. После текстов пирамиды Унаса Зете поместил те тексты следующей по времени пирамиды Тети, которых не было среди текстов пирамиды Унаса. Эта группа текстов с ее аналогиями из остальных пирамид образовала изречения 322—421. Подобным же образом расположил затем Зете и остававшиеся тексты из остальных трех пирамид. В результате тексты всех пирамид (кроме пирамиды Унаса) оказались совершенно раздробленными. Комплекс текстов каждой пирамиды растворился в бесчисленных номерах изречений и параграфов и перестал существовать как цельный памятник.

В результате этого внимание дальнейших исследователей уже не направлялось на изучение «Т. п.» как единого памятника во всей его исторической конкретности и с учетом его реальной непосредственной функциональности. С другой стороны, такое изучение было крайне затруднено также и тем, что Зете, систематизируя варианты текстов, группировал вместе только абсолютно близкие разночтения; в случае же, если тексты были в сущности идентичны по мысли, но выражены различным способом,

¹ В результате этого изучения Зете удалось правильно понять ряд неясных текстов, так как неоднократно отмечавшаяся исследователями трудность языка и орфографии «Т. п.» делает их перевод крайне нелегким, что видно не только по давно опубликованным переводам Масперо, но и по вышедшим после издания Зете переводам L. Spellers (*Les Textes des Pyramides Egyptiennes*, 2 т., Bruxelles, 1922—1924), которые страдают неточностями. Сам Зете не успел издать полного перевода «Т. п.», из которого были опубликованы только снабженные подробными комментариями переводы изречений 213—582 (K. Sethe, *Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexte*. Glückstadt—Hamburg, 1935—39). На русском языке «Т. п.» частично были переведены А. Л. Коцейевским («Тексты пирамид», т. I, «Записки Новороссийского университета, Историко-филологического факультета», т. 14, Одесса, 1918) (переведены изреч. 1—255).

они получали уже разные номера параграфов и подчас отделялись друг от друга десятками и даже сотнями других «изречений». Отчасти поэтому, вероятно, мы не имеем до сих пор ни одной работы, посвященной общей постановке вопроса о «Т. п.» в целом, но в то же время можем указать на целый ряд специальных статей, разбирающих отдельные грамматические конструкции в языке «Текстов», или отражения в них различных мифологических образов. Именно по такому пути изучения «Т. п.» легче всего и было пойти исследователю, работавшему по изданию Зете, а по нему работали все египтологи, как по более надежному и адекватному подлиннику, нежели копии Масперо.

Между тем необходимость разбора вопроса о «Т. п.» в целом давно назрела.

Египтологи, исследовавшие до настоящего времени «Т. п.», признавали в той или иной степени их ритуальный характер. Это было очевидно из повторения отдельных изречений в позднейших заупокойных ритуалах, из списка жертв и из наличия специальных указаний ритуального, обрядового характера.

Отдельные наблюдения о ритуальном характере некоторых изречений «Т. п.» ограничивались лишь текстами из зала саркофага, да и то частично (главным образом, таблицей жертв и с связанными с ней изречениями).

Все исследователи в то же время считали, что эти ритуальные записи перемешаны с песнопениями, заклätиями и молитвами как попало, без всякой системы и внутренней взаимной связи. Так, Б. А. Тураев писал: «За умершего говорили не добрые дела, а бессмысленные формулы, которые он должен был знать наизусть. От Древнего царства мы имеем огромное собрание таких формул... Содержание, при общности магического характера, разнообразное. Здесь и описание загробных странствований, и представление о загробной участи покойного царя, отождествленного с Осирисом и приобщенного к богам, и обращения к богам, имеющим отношение к циклу Осириса и судьбе покойного, и забота о продовольствии покойного, и заклинания против демонов, змей, чудовищ, и ритуальные тексты и намеки на мифы... Нельзя не притти в отчаяние от этого набора на наш взгляд бессмысленных и, во всяком случае, бессвязных формул...»¹

Мнения о бессистемности «Т. п.» придерживается и Брестед, который считал, что «Т. п.» заключают в себе следующие 6 видов текстов: 1) погребальный ритуал, 2) магические заклätия, 3) древнейший богослужебный ритуал, 4) древние религиозные гимны, 5) фрагменты старых мифов, 6) молитвы и прошения о покойном царе. Брестед пишет: «За исключением заупокойного и жертвенного ритуала, находящегося во главе собрания (текстов)... материал располагался последующими редакторами почти случайно. Если такой редактор имел перед собой материал по разделам, он не делал ни малейшего усилия сопоставить эти разделы по сходству содержания, но он копировал их так, как он наталкивался на свои источники. Он, очевидно, имел перед собой древние книги, каждая из которых содержала ряд «изречений» по всем упомянутым 6 типам текстов, но он списывал каждую книгу от начала до конца прежде, чем принимался за следующую. Поэтому-то мы и находим группы заклätий или молитв, или гимнов, относящихся к одной и той же теме, помещенными в различных местах далеко друг от друга... без всякой попытки объединить их вместе»².

¹ Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. I, стр. 185—189.

² J. H. Breasted, Development of Religion and Thought in Ancient Egypt, London, 1926, стр. 93. Аналогичны и высказывания других египтологов, см. напр. Kees, Totenglauben..., Lpz., 1926, стр. 14—15.

Так ли бессистемно составлены в действительности «Т. п.» и так ли уже случайно они расположены?

Внимательное изучение размещения их в различных помещениях пирамид показывает как раз обратное.

В самом деле, случайно ли, например, что на стенах, в которых имеются двери, соединяющие между собою коридоры и залы пирамид, равно как и на стенах коридоров перед этими дверьми и перед спускными дверьми мы встретим заклинания, имеющие целью обеспечить свободный проход умершему царю и, наоборот, воспрепятствовать прохождению враждебных ему существ и духов? В этих текстах, неизменно высеченных на указанных местах, мы найдем упоминания о том, что эти двери (называемые по обычной египетской ритуальной символике то дверьми неба, то дверьми земли¹), открываются для царя. Мы находим здесь и заклятия против стерегущих проход демонов — павианов, львов, волков и иных существ, которые так знакомы нам по позднейшим изображениям стражей врат гробниц царей Нового царства и (что то же самое) врат различных подразделений потустороннего мира. Возьмем в качестве примера двери пирамиды Пепи, в которой наибольшее количество помещений покрыто текстами и где, следовательно, мы можем полнее всего проверить наше наблюдение (рис. 1): 1) Перед первой спускной дверью на восточной стене коридора мы находим гимн, в котором утверждается, что эти двери открываются только для Пепи, но не для кого-либо другого (изреч. 587). 2) при входе в проходной зал на западной стене коридора читаем текст о том, как «отверзаются двери неба», — т. е. двери в этот зал (изреч. 325) и заклятия против стража двери (изреч. 569). 3) На стене, в которой имеется выход из этого зала во второй коридор, помещены тексты заклятий против «стражей двери» — павиана, «Великого Черного», волка и льва (изреч. 549, 550 и 551), о которых см. ниже; тексты о том, что уста земли отверзаются для Пепи, и бог земли Геб приветствует его (изреч. 548), а богиня неба Нут поднимает его (изреч. 546), тексты о том, как умершего царя поднимают и несут (изреч. 541, 544, 545, 543) и что он уподобляется Гору, идущему открывать уста Осирису (изреч. 539). 4) Перед тремя спускными дверьми находится следующий характерный текст, который произносит Гор: «Прихожу я, чтобы дать дом этот Пепи этому... Дверь его... запечатана она двумя глазами злыми, чтобы не пришел Осирис в его злой приход. Не открывай руки твоей ему... чтобы не пришел Гор в его злой приход. Не открывай руки твоей ему (то же говорится о приходах Сета, Хенти-ирти, Тота, Исиды и Нефтиды. Когда же приходит Пепи со своим Ка, дверь должна открыться). Посвящена пирамида эта Пепи и его Ка» (изреч. 534). 5) Перед входом в средний зал на восточной стене находим текст об открытии дверей неба и земли (изреч. 503), а на западной — текст об открытии неба, земли, двери стены Гора и двери поля Сета и заклятия против стражей дверей «да пройдет Пепи чрез вас, как Атум» (изреч. 322), после чего читаем: «Открыли для Пепи небесные двери стражи членов неба» (изреч. 511). 6) На двери, ведущей из среднего зала в сердаб, высечены заклятия против змей, (очевидно, охраняющих двери; изреч. 292, 293), заклятия против львов и быков (изреч. 284), против «того, чье лицо позади» (изреч. 280), и заклятия с требованием открыть замок

¹ Moret в своей работе «Le Rituel du culte journalier divin», Paris, 1902, собрал большой материал, показывающий, что в египетском ритуале двери храмовых помещений равно как и двери наосов со статуями богов и царей, символизировали двери неба или земли и при открывании их всегда читались молитвы об открытии дверей неба и т. п. (стр. 48 сл., 219, прим. 1). Отсюда ясно, что неизменное наличие на дверях пирамид текстов об отверзании небесных дверей имело совершенно конкретное ритуальное значение.

(изреч. 499).7) На двери из среднего зала в коридор, ведущий к залу саркофага, мы опять видим тексты об открытии дверей неба (изреч. 479) и дверей дома Гора (изреч. 485), причем другой текст об открытии дверей неба помещен в самом коридоре, перед входом в зал саркофага (изреч. 463).

Умышленность помещения подобных заклинаний на дверях в пирамидах станет особенно явной и понятной, если мы сравним их с оформлением

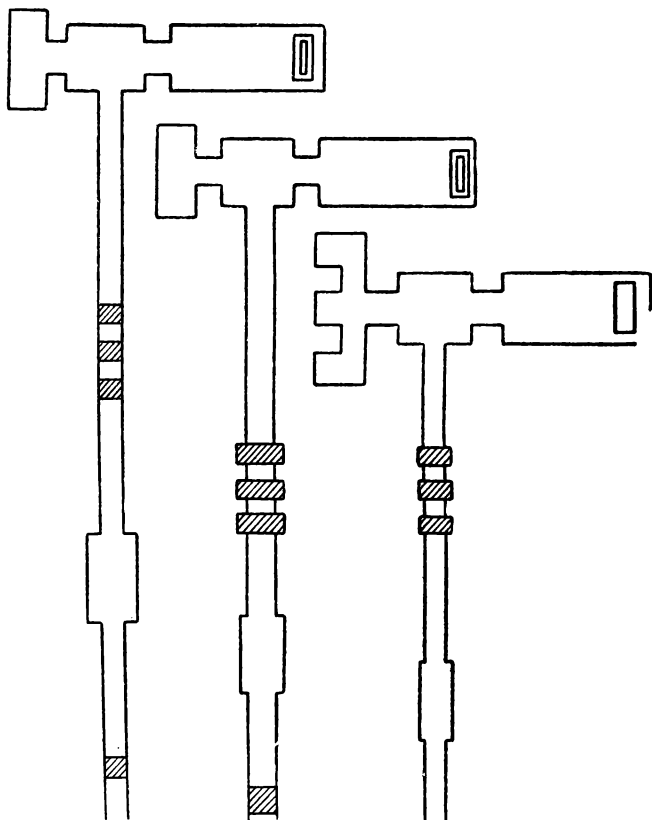

Рис. 1. Планы пирамид Унаса, Меренпта и Пепи I (Porter-Moss, Topographical Bibliography, т. III, стр. 88).

дверей в царских гробницах Нового царства, где около входов в различные помещения мы постоянно встретим изображения дверей и охраняющих их змей и демонов, а также тексты об открытии дверей неба и земли и иные заклинания, аналогичные приведенным изречениям из пирамид¹ (рис. 2).

Мы встречаем на дверях ряда пирамид упомянутые заклятия против стерегущих эти двери волков, львов и находим изображения этих же стражей на дверях царских гробниц Нового царства, например, царицы

¹ См., например, оформление дверей в гробнице Харемхеба, Th. Davis, The tombs of Harmhabi and Touankhamanou, London, 1912, табл. XLII, XLIV, XLVII, LII, LVII, LVIII; в гробнице Сети I, L é f e b u r e, Le tombeau de S é t i I, MMAFC, Paris, 1886, том II, часть 2, табл. IV, X; часть IV, табл. II, IV, VI, XI, а также в других гробницах.

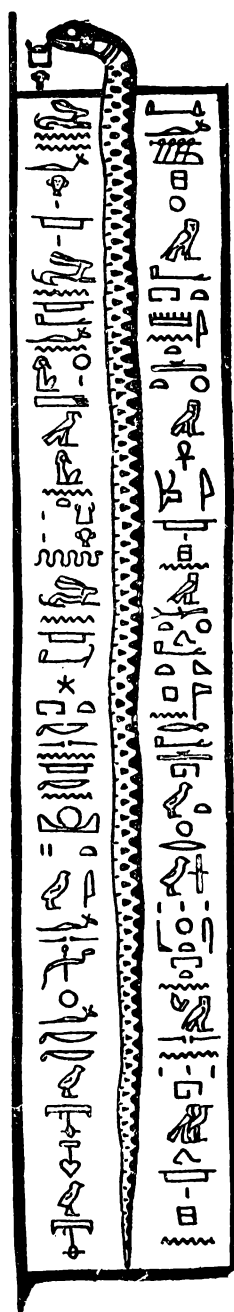

Рис. 2. Роспись на двери колонного зала в гробнице Сети I (Lefébure, Le tombeau de Sétî I, MMAFC т. II, часть II, табл. IV).

Тити¹ или царевича Хаэмуаса, сына Рамсеса III² (рис. 3). Эти изображения кажутся просто иллюстрациями для текста, находящегося над одной из дверей пирамиды Пепи I. В этом тексте после заклятия против волка читаем: «Назад, лев, отступи! Дай пройти мне, (как) проходит бог!» (изреч. 551, § 1351).

Не может быть случайным также и помещение на дверях пирамид заклятий против павианов, которые, очевидно, мыслятся стерегущими двери. Так, в пирамиде Пепи на двери из проходного зала в коридор читаем: «Говорить,

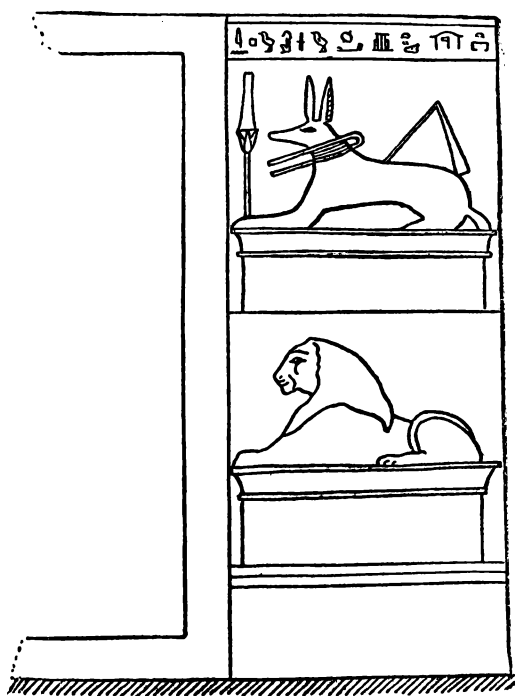

Рис. 3. Стражи дверей. Роспись на двери гробницы царицы Тити. (Bénédite, Tombeau de la reine Thiti, табл. V, MMAFC, т. V).

¹ Bénédite, Tombeau de la reine Thiti, табл. V, MMAFC, Paris, 1889, т. V,

² Schiaparelli, Relazione sui lavori della Missione Archeologica Italiana in Egitto, v. I, Exploratione della «Valle della Regine», Torino, 1923, рис. 98.

слова: назад, Бабуи¹ красноухий!...» (изреч. 549, § 1349); в пирамиде Унаса при входе в средний зал высечен текст, содержащий обращение к павианам Иан, Хетет и Патет с указаниями, что фараон настолько силен и могуч, что даже смерть постигла его «по его собственному желанию» и что он воссядет среди высших существ. Все это должно

устрашить павианов и заставить их пропустить умершего царя (изреч. 315)². Предположение об умышленном помещении в пирамидах подобных текстов именно на дверях подкрепляется аналогиями из царских гробниц. В уже упомянутой гробнице царицы Тити три павиана стерегут одну из дверей³

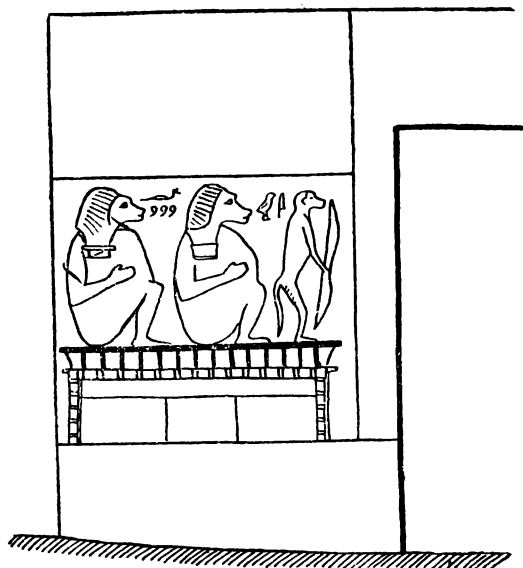

Рис. 4. Стражи дверей. Роспись на двери из гробницы царицы Тити. (Bénédite, ук. соч., табл. III).

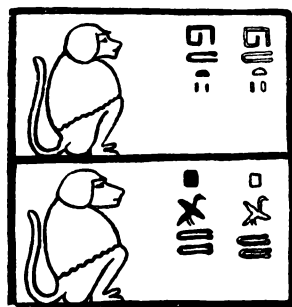

Рис. 5. Павианы. Роспись из гробницы Тутанхамона. (Steindorff, Die Grabkammer des Tutanchamun (ASAE т. 38, табл. CXVIII).

(рис. 4). Подобным же образом и в гробнице Сети I павианы изображены на косяке дверей⁴. Очень интересно, что имена павианов текста пирамиды Унаса — те же, которые носят и павианы, изображенные, например, в гробницах Тутанхамона⁵ (рис. 5) и Сети I⁶. Это — павианы I часа Книги Амдуат, о роли которых очень ясно говорит текст из гробницы Тутмеса III, поясняющий, что это «имена богов, которые

¹ Относительно павианообразного божества Бабаи или Баби см. «Состязания Гора и Сета» (Gardiner, The Chester Beatty Papyri, № 1, London, 1931, табл. III, 9—10). Гарднер, комментируя эпизод с дерзким поведением Бабаи по отношению к Ра, указывает, что это павиан (стр. 16, прим. 4), и ссылается на Руг. § 1349а, Рар. Turin, 118, Книгу Мертвых, 125 и Plut., De Iside, 49. Зете в переводах «Т. п.», комментируя § 502а, считает Баби — «явным стражем небесных дверей» («Übersetzung», III, 4, стр. 345) и сопоставляет Руг. 419а, Кн. М. 17 = Urk. V, 68, а также Руг. 1349а, Руг. 515/6 и Руг. 1310 а (там же, стр. 180).

² Упоминания о павианах имеются и в соседних главах 313 и 320; другие рядом расположенные главы — 316, 321, 320 — также содержат указания о стражах дверей.

³ Bénédite, Tombeau de la reine Thiti, табл. III. Ср. также совершенно аналогичных павианов на скульптурной группе из коллекции Биссинга, времени XXV дин.; на группе имеется молитва о защите плоти покойного (Bissing, Eine Affengruppe des Menthemose aus Theben, AZ, 68 (1932), стр. 110—111).

⁴ Lefébure, ук. соч., табл. XXI.

⁵ Steindorff, Die Grabkammer des Tutanchamun, ASAE, 38, табл. CXVII, CXVIII.

⁶ Lefébure, ук. соч., табл. XXV.

открывают (двери) великой душе... имена богов, которые славят Ра при его входе в Дуат»¹.

Приведенные факты, с моей точки зрения, убедительно говорят о том, что эти тексты высечены на дверях внутри пирамид отнюдь не случайно и не бессмысленно. Наоборот, эти факты не только показывают нам сознательное расположение определенных изречений по определенным помещениям, но и дают нам возможность уяснить себе ту символическую роль, которую эти помещения некогда играли в царской погребальной обрядности. Это, в свою очередь, поможет нам восстановить самую обрядность и ее значение для истории происхождения позднейшего заупокойного ритуала.

Таким образом, факты явно противоречат общему мнению египтологов о бессистемности расположения «Т. п.». Мне представляется, что причины, обусловившие распространение такого мнения, кроются в неверном порядке чтения текстов и неправильной нумерации. В самом деле, как сложился порядок нумерации «Т. п.»? Они высечены вертикальными столбцами, разделенными врезанными линиями. Эти столбцы почти всегда начинаются наверху выражением «говорить слова»: обычно это выражение вводит последующие фразы, произносимые при совершении того или иного обряда. Тексты делятся на отдельные изречения, различные по величине и заканчивающиеся особым знаком. Тексты каждого помещения кончаются на стенах данного помещения и не переходят в следующее.

Масперо принял за исходный пункт для нумерации комплекса текстов каждой пирамиды последнюю ее комнату, в которой помещался саркофаг и которая, несомненно, являлась центральным по значению памятником всего здания. Таким образом, Масперо начал нумерацию текстов с последнего по расположению зала. Зете принял ту же систему нумерации, и до сих пор этот вопрос не подвергался никакому сомнению. Мне представляется, что именно этот порядок нумерации «Т. п.» и обусловил с самого начала все трудности, связанные с их истолкованием.

Для правильного разрешения этого вопроса необходимо обратиться к планировке внутренних помещений пирамид, на стенах которых сохранились разбираемые тексты (рис. 1). При сравнении планов этих помещений между собою ясна их идентичность. Всюду мы видим идущий от входа, расположенного на северном склоне пирамиды, длинный коридор, расширяющийся в одном месте и тем самым как бы образующий первый зал. Продолжающийся после зала коридор прегражден тремя спускными дверьми, пройдя которые мы вступаем в прямоугольное помещение. В восточной стене последнего имеется проход в низкую комнату, где предположительно помещалась заупокойная статуя фараона. В западной же стене находится проход в длинный прямоугольный погребальный зал с саркофагом. Различие между планами пирамид заключается лишь в форме помещений для статуй, в остальном они полностью совпадают, причем в большинстве случаев почти точно совпадают и размеры аналогичных помещений, разница между которыми колеблется в пределах сантиметров и даже миллиметров (за исключением длины коридоров, что и понятно, так как эта длина зависит от размеров пирамиды).

Такое единство планировки было несомненно обусловлено требованиями ритуала, определенные обряды которого, очевидно, происходили всегда в определенном помещении. На стенах зал и молелен египетских храмов часто изображались именно те обряды, которые в данном помещении происходили, и писались те тексты, которые при этих обрядах

¹ B u c h e r, Les textes des tombes de Thoutmosis III et d'Amenophis II, t. I, стр. 2 и 5.

произносились. Естественно возникает вопрос: не следует ли понимать и «Т. п.» в целом как запись слов, произносившихся при совершении ритуальных обрядов в соответствующих помещениях пирамид? Это предположение, повидимому, подтверждается и наличием в текстах «сценических ремарок», и далеко неслучайным расположением текстов.

Однако обряд погребения фараона не мог, естественно, начинаться в последнем зале пирамиды. Он, несомненно, начинался при самом входе в нее, а предыдущие этапы обряда происходили, вероятно, даже и за ее пределами. Затем обряд продолжал совершаться в коридорах и в среднем зале и кончался в зале саркофага. Следовательно, и начало «Т. п.» следует искать не в последнем помещении, а в коридорах, в зале же саркофага мы имеем окончание записей заупокойного царского ритуала. Порядок чтения изречений «Текстов» каждой пирамиды, следовательно, будет обратным по сравнению с тем, который был предложен в свое время Масперо и принят Зете.

При предлагаемом порядке чтения «Т. п.», как мне кажется, получают вполне определенный смысл. Они не только не кажутся случайным набором магических формул, но, наоборот, явно показывают последовательные этапы погребального царского ритуала, развивающиеся с своеобразной закономерностью и находящие себе аналогии в египетской религиозной и ритуальной литературе, а также в археологических памятниках.

Как известно, согласно верованиям египтян, человек помимо тела обладал еще и несколькими душами, значение которых для нас не всегда еще вполне ясно.

Самой существенной чертой этих верований являлось представление о том, что после смерти человека тело его пребывало в преисподней у Осириса, душа «ба» — на небе, куда она отлетает, стремясь воссоединиться с первоисточником жизни — солнцем Ра, а дух «ка» живет в гробнице. Представление это, сложившееся в результате длительного развития, стало основой египетской концепции о потустороннем мире и обрядов заупокойного ритуала.

Пожалуй, самая короткая и вместе с тем четкая формулировка этого представления дана в одном из вариантов «Книги прохождения вечности», сохранившемся на стеле № 128а Ватиканского музея: «твоя душа («ба») живет на небе у Ра, твоё «ка» божественно пред богами, твоё тело пребывает в преисподней у Осириса¹».

В мифе и ритуале эти верования встречаются в усложненном виде. Поскольку солнце, согласно некоторым мифам, представлялось оком небесного кобчика Гора Великого, душа человека «ба», соединяясь с солнцем и пребывая с ним в его ладье, тем самым как бы пребывала в небесном оке. Именно поэтому в первой части египетского заупокойного ритуала, содержащей поиски души «ба», последняя представляется пребывающей в «оке Гора», причем, в силу указанного выше слияния самых различных воззрений, это «око Гора» в заупокойном ритуале является уже оком Гора, сына Осириса и Исида, которое, как известно, играло очень важную роль в мифе и культе Осириса.

Основной целью египетского заупокойного ритуала было магическое воскрешение умершего, а целью всего заупокойного культа — сохранение его в этом воскрешенном состоянии. В свете приведенных выше представлений ясно, что для этого надо было: 1) сохранить тело в таком состоянии, чтобы и «ба», и «ка» могли с ним соединиться; 2) обеспечить существование «ка» в гробнице; 3) найти душу «ба», вернуть ее в тело и оживить

¹ Wreszinski, Das Buch vom Durchwandeln der Ewigkeit nach einer Stele im Vatikan, AZ, 45 (1908).

последнее. Выполнение первого условия обеспечивалось мумифицированием трупа и прочностью гробницы; второго — помещением жертв и статуи умершего в гробницу и периодическим жертвоприношением со стороны родных; последнее же требование магически осуществлялось ритуалом. Морэ так резюмирует содержание заупокойного ритуала¹: душа «ба», вознесшаяся к источникам жизни и света, солнцу — око Гора, встречает Сета, того врага, который заставил ее покинуть тело. Сет преследует око Гора и находящуюся в нем душу. В этой борьбе Сет выступает как черная свинья, как жадный змей, как рогатый зверь. Он может заставить око Гора упасть в Нил и будет пытаться достать его оттуда сетями, как рыбу, или пожрать его, приняв образ гиппопотама или крокодила. С момента принесения гроба к могиле жрецы и близкие умершего, изображавшие Гора, Исиду, Нефтиду, Тота, Анубиса, сыновей Гора, начинали ритуальное действие — «поиски» ока Гора, в котором скрывалась душа. Эти поиски кончались ритуальной поимкой и закланием жертвенного животного, изображавшего Сета, проглотившего око. Во внутренних частях животного «находили» око. Если же по ходу ритуала оно было якобы брошено в Нил, его выуживали. После нахождения наступала вторая часть ритуала — оживление мумии. В обрядах этого последнего этапа ритуала, как мне кажется, ясно чувствуется, хотя и слитая уже с давних пор с солярной обрядностью, обрядность древнейшая, примитивная и грубая — магическое оживление тела, колдовское возвращение ему обладания всеми его физическими способностями, чем и вызваны обряды возвращения телу сердца обряд оживления всех членов и самый важный обряд — отверзания уст и очей.

Таковы были основные идеи египетского заупокойного ритуала. Обратимся вновь к «Т. п.»

Доказательством правильности предлагаемого мною порядка чтения «Т. п.» и последовательности совершавшихся по ним обрядов, начиная от входа и кончая залом саркофага, явилась бы такая же последовательность погребальных обрядов, которая нам уже известна благодаря заупокойным текстам и по изображениям на росписях и рельефах позднейших памятников. И те, и другие источники у нас имеются. К ним относятся: 1) ритуал коронационных мистерий Сенусерта I, являющийся в то же время и ритуалом части погребальных мистерий Аменемхета I²; 2) тексты с упоминанием этапов мистерий Осириса времени Среднего царства (стелы Ментухотепа, Схотепейбра, Ихернофрета³); 3) изображение обрядов заупокойного ритуала в гробницах Среднего и Нового царств; 4) изображение заупокойного ритуала в гробницах царей Нового царства; 5) тексты заупокойных ритуалов Нового царства.

С другой стороны, доказательством правильности предлагаемого мною порядка чтения «Т. п.» явилось бы и совпадение их обрядов с порядком действий ежедневного храмового ритуала, который, как это установил Морэ⁴, был тесно связан с ритуалом заупокойным.

При предложенном мною порядке чтения «Т. п.» первый этап ритуала образуют тексты, высеченные на стенах коридоров, проходного зала и среднего из трех основных залов, в который и приводит коридор (см. рис. 1). Эта группа текстов в начале (коридоры и проходной зал) содержит опи-

¹ Moret, *Le rituel du culte divin journalier en Egypte*, Paris, 1902, стр. 33 сл.

² K. Sethe, *Dramatische Texte zu altaegyptischen Mysterienspielen*, II—*Der dramatische Ramesseumpapyrus*, Lpz., 1928.

³ Lange-Schäfer, *Grab-und Denksteine d. Mittl. Reiches*, II, NN 20539 и 20538; Schäfer, *Die Mysterien des Osiris in Abydos*, Lpz., 1904, «Moharram Kamal, The Stela of Shpt ibrc in the Egyptian Museum», *ASAE*, 1938, стр. 266, сл., табл. XXXIV.

⁴ Moret, *ук. соч.*, стр. 6.

сание блуждания умершего по затопленным разливам водным путям потустороннего мира—каналам, озерам, прудам—с целью найти «око Гора». В этом покойному помогают Гор, его четыре сына и Тот. Они доставляют ладью, помогают в плавании, ищут «око». Фараон должен переплыть на восточную сторону неба, где рождаются боги, где растут две сикоморы—деревья жизни и бессмертия, где царь и сам возродится и взойдет на ладью Ра.

Привожу выдержки из текстов указанных выше помещений всех пирамид. Так, в пирамиде Неферкара первые от входа тексты начинаются в проходном зале между коридорами. На стенах этого зала читаем: «Разлилось озеро... Да перевезут отца Неферкара, да перевезут тебя на ту восточную сторону неба, где рождаются боги. Придет этот час завтра, придет этот час послезавтра, когда родится отец Неферкара там. Придет этот час завтра, придет этот час послезавтра, когда отец Неферкара зайдет и восстанет, как звезда на теле неба... О эти четыре бога, стоящие на скипетрах неба»¹. Не умер отец Неферкара смертью! Стал духом отец этот, духом! (изреч. 556). «Уведи Неферкара с тобою, Гор! Перевези его, Тот, на крыле твоём!... Неферкара не останется без ладьи, у Неферкара этого есть око Гора» (изреч. 566). «Приведена ему ладья скипетрами непогибающими... О Неферкара, не упадешь ты на землю, ибо схватил для себя Неферкара две сикоморы, которые на той стороне неба, которые перевозят Неферкара и ставят его на этой восточной стороне неба» (изреч. 568; см. рядом конец изреч. 619).

Того же содержания первые от входа тексты, высеченные на стенах проходного зала в пирамиде Меренра: «Идешь ты к отцу,... плывешь ты к Тинису, спешешь ты к Абидосу... служат тебе деревья «има», склоняют тебе главу дерево «небес» (изреч. 610). Затем следует заклятие против препятствий для вхождения Меренра в ладью Безграничного, дерево «матет» дает свои руки Меренра (изреч. 569), после чего читаем: «Боги Нижнего неба, непогибающие... опирающиеся на скипетры ваши... Меренра это четвертый ваш» (изреч. 570). «Поднялся Меренра в образе Вепугата.... Связаны канаты, соединены ладьи Меренра... О Тот... помести Меренра на конец крыла твоего» (изреч. 555).

В пирамиде Унаса тексты начинаются только при входе в зал между помещением для статуи и залом саркофага. На западной стене коридора перед этим средним помещением читаем: «Открываются двери неба... (изреч. 318). Унас выходит сегодня из разлива... Унас приносит зелень великому оку, которое живет в полях» (изреч. 317).

В пирамиде Тети начало исчезло, и видны только фрагменты одного из начальных изречений.

Очень интересны первые от входа тексты в пирамиде Пепи (на стене коридора перед входом в небольшой зал):

«Говорить слова:

Привет тебе, Атум,

Привет тебе, Хепра...

Привет тебе, око Гора, которое он украсил своими двумя целыми руками!

Не дает он тебе (оку) слушаться Западных,

Не дает он тебе слушаться Восточных,

Не дает он тебе слушаться Южных,

Не дает он тебе слушаться Срединных,—

Слушаешься ты Гора.

¹ Имеются в виду 4 сына Гора, культ которых связан с четырьмя странами света; дальше они часто именуются просто «скипетрами Неба».

*Это он украсил тебя, он построил тебя, он основал тебя.
 Да сотворишь ты ему все вещи, о которых он скажет тебе.
 В месте всяком, куда он пойдет.
 Да поднимешь ты для него потоки...
 Да поднимешь ты для него всякое дерево...
 Да поднимешь ты для него всякую жертву...
 Да поднимешь ты для него жертву «хенкет»...
 Да поднимешь ты для него все вещи»... (изреч. 587).*

В последующих текстах проходного зала пирамиды Пепи мы читаем, что «чудесный поток готов» для царя, что четыре бога, находящиеся на скипетрах, приносят ему ладью¹, что две сикиморы помогают царю перебраться на желаемую «восточную часть неба» (изреч. 568).

Следовательно, содержание начала ритуала одинаково во всех пирамидах.

Полное соответствие этому содержанию мы находим как раз в начале записи ритуала «Мистерий Сенусерта I»:

«Случилось... случилось, что (царская ладья) была сделана. Гор—это, который говорит (своим детям) о своем оке. Говорит Гор слова детям Гора: (принесите мне мое... око), чтобы оно отверзло пруд... Ладья «Отверзающая пруды» (сцена 1) ².

Таким образом мистерии начинаются с разговора Гора со своими детьми; Гор требует, чтобы было принесено его «око», так как оно «откроет пруд», после чего строится ладья, которая называется «Отверзающая пруды». В данном контексте под «оком» подразумевается, очевидно, приносимая детьми Гора ладья, поскольку в ритуале словами «око Гора», как известно, может быть названо любое приношение. В полном соответствии с этим и с только что цитированным текстом из пирамиды Пепи «око» (под которым и здесь явно подразумевается ладья) открывает для плавания царя потоки и озера и обеспечивает необходимые в этом плавании деревья, жертвы и вообще «все вещи». В «Мистериях» мы также видим, что на принесенную ладью по имени «Отверзающая пруды» ставятся затем восемь ритуальных сосудов и священные деревья (сцены 2 и 7)³. Итак, и в «Т. п» и в «Мистериях» начало ритуалов совпадает: и там и тут мы видим разлив, наполняющий водой пруды и потоки, через которые умерший царь должен переехать, чтобы достигнуть восточного берега неба, где рождаются боги и где возродится и он, видим деревья, которые помогают ему достичь этого берега. И там и тут заботится об этом Гор, роль которого исполняет молодой фараон, преемник умершего, и которому помогает Тот; и там и тут несут ладью четыре сына Гора. Из примечаний к «Мистериям» мы знаем, что роли сыновей Гора играли сыновья или внуки царя.

Очень показательно, что этих же четырех сыновей Гора мы встречаем опять-таки в начале обрядов заупокойного ритуала по данным как росписей гробниц вельмож, так и текстов «Libro dei funerali».

Лады, упоминаемые повсюду в начале ритуала, были нужны для того, чтобы везти внутренний деревянный саркофаг с мумией фараона. На росписях восточной стены гробницы Тутанхамона мы видим такое изображение лады, на которой под балдахином стоит царский саркофаг; ладью тянут за канаты семеры дворца, которые при этом поют

¹ Из изреч. 541, 544 и изреч. 573, § 1483 видно, что эти четыре бога—сыновья Гора.

² Sethe, Dram. Texte, II, стр. 103.

³ Sethe, ук. соч., стр. 106 и 124.

погребальную песнь¹. С другой стороны, на ладье же везли и наос со статуей царя².

Напомню, что и ритуал мистерий Осириса в Абидосе также начинался с изготовления ладьи, на которой затем выносили статую или плащаницу Осириса³. Ладьи применялись также и в начале заупокойного ритуала вельмож для совершения обряда «поездки в Абидос», как это можно видеть на ряде росписей гробниц Среднего и Нового царств.

Думается, что не случайно в разобранной группе текстов из различных пирамид упоминаются боги шакалы и волки, Вепуат или Анубис. Вспомним, что изображения этих божеств—«Открывателя путей» Вепуата, и защитника Осириса Анубиса⁴ несли обычно именно в начале процессий.

Очень интересно, что среди вещей, найденных в гробнице Тутанхамона, мы встречаем ладьи⁵, весла⁶, восемь ритуальных сосудов⁷, четыре скипетра⁸, большую статую шакала Анубиса на носилках⁹, статую самого фараона и др.

Эти предметы кажутся как бы иллюстрациями к рассмотренным текстам и, несомненно, являлись необходимыми принадлежностями заупокойной царской службы, во время совершения которой в гробнице Тутанхамона они, несомненно, и употреблялись.

Подведем итоги, к которым мы пришли, пытаясь установить содержание начала первого этапа ритуала пирамид, происходившего, как мы видели, в коридорах и проходном зале. Он состоял из обрядов, символизировавших плавание умершего царя по потокам потустороннего мира в поисках «ока Гора»—души «ба»; в этом плавании и поисках царю помогают четыре сына Гора, сам Гор и Тот.

Этот этап заупокойной царской службы, установленный нами по рассмотренной группе «Т. п.», полностью соответствует выше изложенным обрядам начала египетского погребального ритуала, давно известного египтологам по более поздним текстам и изображениям.

За этими обрядами должно было следовать нахождение «ока»—души, для чего требовалось совершить заклятие жертвенного животного или птицы, символизировавших собою бога Сета, поглотившего душу—«око». Указания о заклинании такого животного или птицы—быка, газели, гуся—мы находим и в текстах, высеченных либо в конце коридоров перед входом в средний из трех основных зал пирамид, либо на стенах самого этого зала. Об овладении же в результате этой жертвы «оком»—душой говорят тексты, высеченные на стенах упомянутого зала. Так, в пирамиде Унаса при самом входе в этот зал на правой стене коридора читаем: «Назад ты, бык, который будет убит... Пади! Скользи!» (изреч. 314)¹⁰. Аналогичный текст в пирамиде Пепи дает нам исключительно важный вариант: «Назад, бык!... Голова твоя в руке Гора, хвост твой в руке Исида» (изреч. 538). Мы узнаем т. о., что в акте заклинания жертвенного быка в царском заупо-

¹ Steindorff, Die Grabkammer des Tutanchamun, ASAE, 38, стр. 647, табл. CXV и рис. 89.

² Sethe, ук. соч., табл. 2, 3, 5, 6 и т. д.

³ Schäfer, Mysterien, стр. 17, 22 сл.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Carter, Tutanchamun, т. III, табл. 59—61.

⁶ Там же, т. II, табл. 5.

⁷ Там же, т. III, табл. 71.

⁸ Там же, табл. 52. См. также статую Анубиса и фрагменты подобных статуй из гробницы Харемхеба (Davis, ук. соч., LXXXIV—LXXXVI).

⁹ Там же, табл. 2.

¹⁰ Sethe, Übersetzungen, II, вып. 4, стр. 348.

койном ритуале пирамид участвовали лица, изображавшие Гора и Исиду—факт, приобретающий особое значение при сопоставлении с ритуалами Среднего и Нового царств. В «Мистериях Сенусерта I» в сцене заклания быка мы видим именно Гора и Исиду, причем первый вырывает из жертвы свое «око» («это Гор, который гневен и схватывает свое око, будучи в образе кобчика с широкой грудью»), а вторая шепчет быку те же слова: «это твоя губа сделала тебе это», (сцены 3—4), которые затем жрица, исполняющая роль Исиды, постоянно будет произносить и при аналогичных обрядах Нового царства¹.

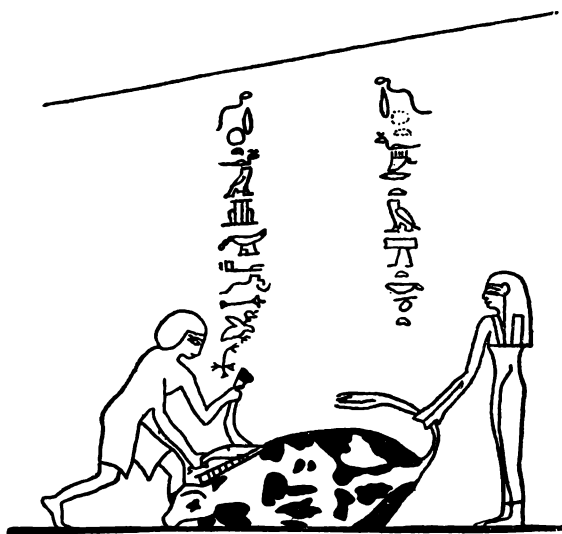

Рис. 6. Заклание быка. Роспись из гробницы Рехмира. (Virey, *Le tombeau de Rekhmara*, табл. XXVI, *Mémoires de la Mission Fr. Arch. au Caire*, т. V).

В пирамиде Неферкара мы видим указания на жертвенных животных также на стене коридора, перед входом в средний зал («вот гусь—приведи его, вот бык—приведи его»—изреч. 521)².

Итак, «око Гора» найдено. Согласно позднейшим ритуалам следствием его нахождения было бы возвращение заключавшейся в нем души «ба» умершему царю и восхождение духа последнего на небо³. И действительно, тексты, высеченные на стенах средних зал пирамид, говорят нам именно об этом. Так, на северной стене среднего зала пирамиды Неферкара

¹ Schiaparelli, *Libro dei funerali*, I, 85, сл.; 151 сл.; VI, 270 сл. Текст о жертвоприношении быка, находящийся на западной стене проходного зала у Пепи (изреч. 580), не имеет отношения к убиению быка с целью найти око, что видно из всего контекста. Думаю, что здесь имеется в виду одно из жертвоприношений, совершавшихся раньше и с другими целями: как видно из росписей гробниц вельмож Нового царства, во время заупокойного ритуала было несколько жертвоприношений, имевших различные предназначения, не всегда еще для нас ясные.

² Жертвоприношение быка и гуся или телянка и гуся вообще имело огромное значение в египетском ритуале и носило специальное название жертвы «хенкет», см. Sethe, *Dramatische Texte*, II, стр. 148. Ниже мы увидим, как в дальнейшем жрец, игравший роль Тота, отрубает головы гуся и быка для совершения особого обряда. Думаю, что своеобразным отражением этой жертвы в египетской сказке явился известный эпизод в папирусе Весткар, где волшебник Деди заставляет прирасти к туловищу гуся и быка их отрубленные головы.

³ Moret, *Rituel*, стр. 82 сл.

мы читаем: «О Неферкара этот. Я пришел, я принес тебе око Гора... Ты—ба с ним, ты—сехем (сила) с ним, ты—уаш (мощь) с ним! Схватил ты белую корону с ним среди богов. Приходит Гор и ликует от приближения твоего» (изреч. 687). Этой же теме посвящены и изреч. 690 и 691.

Очень интересно указание на надевание белой короны умершим царем в момент овладения «оком»-душой. Как известно, в «Т. п.» белая корона равнозначна оку Гора¹, а с другой стороны, ее же мы видим в изображениях на стенах гробницы Сети I на голове мумии царя в момент, когда изображающие Гора и Тота лица подходят к мумии, держа «найденное» ими око Гора² (рис. 7).

Рис. 7. Тот и Гор с оком Гора. Из гробницы Сети I (Lefébure, Le tombeau de Sétî I, табл. XXIV).

Не имея возможности подробно останавливаться на анализе последующих текстов средних зал пирамид, ограничусь лишь указанием на совпадение их содержания с соответствующими местами ритуала «Мистерий Сенусерта I» и ежедневного храмового ритуала.

В «Мистериях Сенусерта I» после того, как бык=Сет был убит и Гор схватил свое «око»=душу умершего царя, происходят обряды, различно символизирующие смерть и воскресение победившего смерть царя: молотят полбу (смерть), из которой делают хлеб (воскресение) и подносят его царю в виде того же «ока Гора» (сцена 5); ставят ветку дерева на ладью (символ Осириса, попирающего Сета), причем боги—дети Гора—говорят Сету: «ты не удалишься из-под того, кто больше тебя» (сцена 7); молотят ячмень (смерть) и наказывают молотящих животных (победа Осириса над Сетом—смертью) (сцена 9); головы убитых теленка и гуся, символизирующих Сета, подносят воздвигнутому символу Осириса—столбу «джед» (победа над смертью), причем Исида и Нефтида говорят детям Гора, т. е. царским родичам: «встаньте под упавшего!» (т. е. «поднимите царя!») (сцены 12—14). После этих действий ритуала приближается поединок Гора с Сетом (сцена 18), к которому мы вернемся позднее.

Обратимся вновь к текстам среднего зала пирамиды Неферкара. Здесь на входной, северной, стене после кратких гимнов-заклинаний, обращен-

¹ Там же, стр. 94—95.

² Lefébure, Le tombeau de I, Sétî I, табл. XXIV.

ных к богине неба Нут и другим богам с просьбой помочь царю в его восшествии на небо (изреч. 681—684), мы также читаем описания обрядов, символизирующих победу царя над смертью и в ряде случаев абсолютно совпадающих с действиями, перечисленными в «Мистериях». Так, здесь строится лестница для восхождения царя на небо (изреч. 303—305), для царя живут ячмень и полбу, «которыми угощается Неферкара этот вечно» (изреч. 685), царю приносят око Гора, он овладевает душой «ба» (изреч. 687), царские родичи, играющие роли детей Гора, связав лестницу, поднимают царя, который «удаляется от отвращения людского» (изреч. 688); этой же теме воскресения царя, овладевшего «оком Гора»—душой «ба», посвящены и остальные тексты северной стены (изреч. 679, 689, 690, 310, 691). На соседней, западной, стене мы находим и дальнейшие аналогии к сценам «Мистерий», а именно—Исиду и Нефтиду, приветствующих царя (изреч. 474), и эпизод унижения Сета, который должен нести Осириса: «Грохочет небо, дрожит земля. Приходит Гор, появляется Тот. Поднимают они Осириса на боку его и ставят его предобейми Эннеадами. «Запомни, о Сет, помести в сердце твоём слово это, которое сказал Геб, угрозу эту, которую сотворили боги против тебя... когда ты распростер Осириса на земле... Поднимает его Сет после того, как услышал он угрозу богов, говоривших об отце божественном»... (изреч. 477).

Мы видим дальше и Тота, который точит нож, и отрубает головы и вырезает сердца «преступников», т. е. жертвенных животных, символизирующих врагов Осириса-царя. Как в «Мистериях», и здесь этими жертвами являются, очевидно, бык и гусь, ибо следующее за изречением 477 изречение 270 изображает умершего царя плывущим в ладье небесного перевозчика и не боящимся ни живых, ни мертвых, ни гуся, ни быка.

Не менее интересные и показательные результаты дает сопоставление рассмотренной группы текстов среднего зала пирамиды Неферкара с главами 23—25 ежедневного храмового ритуала. Глава 23 говорит об овладении «оком Гора»—душой: «О как удовлетворена ты душа живущая, поражающая врагов его. Вот душа твоя с тобою, образ (сехем) твой с тобою, ибо я принес тебе белую твою корону...»¹. О значении белой короны в символике ока Гора—души я уже говорила. После этого идет глава 25², которая называется «глава выхода на лестницу», т. е. явно аналогична изречениям 303—305 и 688 из пирамиды Неферкара, которые, как мы видели, тесно связаны с обрядами нахождения ока—души—белой короны и даже текстуально чрезвычайно близки, если не идентичны, главе 23 ежедневного ритуала. Не менее любопытно, что глава 27-а этого ритуала, в свою очередь, очень близка к текстам, написанным на стенах коридора, ведущего из среднего зала пирамиды Неферкара в зал саркофага³.

Итак, в результате обрядов первой части ритуала дух царя может свободно взлетать на небо. Но тело его еще мертво. Об этом прямо говорит одно место уже цитированного изречения 305, где мы читаем, что при построении лестницы для восхождения духа царя на небо Ра говорит: «Возьмите руку его!.. Дух—к небу, тело—к земле!...»

Задачей второй части ритуала являлось оживление этого оставшегося в земле тела.

¹ Moret, Rituel, стр. 93 сл.

² Глава 24 является вариантом 23-й.

³ Тексты остальных стен средних зал, сохранившиеся далеко не полно во всех пирамидах, также касаются восшествия духа царя на небо, где он превосходит силой всех богов. В числе этих текстов на восточной стене двух самых древних пирамид Унаса и Тети находится и знаменитый так называемый «Каннибальский гимн», в крайне грубой, примитивной форме показывающий превосходство царя над всеми богами.

Для уяснения этой второй части ритуала пирамид обратимся к текстам, высеченным на стенах последних зал, в которых помещался саркофаг с мумией царя.

Содержание этих текстов позволяет нам установить обряды, совершавшиеся здесь жрецами. Это были основные заупокойные обряды, имевшие целью оживление умершего царя, обряды магической победы над Сетом — смертью, возвращение умершему сердца, отверзание его уст и очей, после чего наступала заключительная часть обряда — жертвенный пир, возлияние масел и возложение повязок и диадем на мумию (саркофаг? статую?). При этом в песнопениях утверждалось, что царь воскрес, обладает всеми своими физическими способностями и, облаченный в одеяние живого фараона, встречается со своими небесными родичами — богами, в том числе со своими супругами — богинями.

Необходимо заранее указать, что самая глубокая, западная, часть зала, где стоял саркофаг, уже своей отделкой выделяется как некое совершенно особое помещение: стены здесь облицованы алебастром и покрыты изображениями дверей, через которые царь может сообщаться с внешним миром. Соответственно с выделением этой части зала тексты, покрывающие южную и северную стены, также явно разделены на две части на каждой стене; тексты западных частей стен обращены навстречу текстам восточных их частей. Этот особый характер всей западной трети зала, как мы увидим ниже, объяснялся специальным назначением данного помещения.

Тексты зала саркофага наиболее полно сохранились в пирамиде Неферкара, в других же пирамидах они чрезвычайно фрагментированы.

Сохранившиеся части надписей позволяют все же установить, что основное содержание их было во всех пирамидах одинаковым.

Мы начнем наш обзор с южной стены пирамиды Неферкара, идя от изображения двери в западной ее части к востоку. Тексты этой стены повреждены и местами сохранились только частично, однако Зете удалось восстановить большую их часть¹, и мы видим, что ряд этих текстов посвящен победе Гора над Сетом и подчинению Сета Осирису, т. е. умершему царю. Об этом говорится в изречениях 222, 665, 267, особенно же характерно в этом отношении изречение 670, где мы читаем следующее: «Открываются двери неба, открываются двери небес, когда появляются боги Пе, когда идут они к Осирису Неферкара, на голос плача Исида, на вопль Нефтиды, на рыдание этих двух благих о Великом, вышедшем из Дуата. Души Пе беспокоятся о тебе, ударяют они ради тебя члены, бьют они ради тебя руки свои, бьют они ради тебя ноги свои. Говорят они тебе, о Осирис — Неферкара, ты уходишь и приходишь, ты спишь и просыпаешься, ты умираешь и оживаешь! Встань! Посмотри, что сделал для тебя сын твой! Пробудись! Услышь, что Гор сотворил тебе! Поразил он тебе поразившего тебя в образе быка, убил он для тебя убившего тебя в образе дикого быка, связал он тебе связавшего тебя... Как прекрасно видеть, как упоительно смотреть — видеть Гора, когда дает он жизнь отцу своему, когда дает он радость Осирису пред богами западными. Исида обмывает тебя, Нефтида чистит тебя, великие сестры твои очищают плоть твою, соединяют члены твои, дают появиться очам твоим на челе твоём... Дети рожденного тобой подняли тебя — Хапи, Амсет, Дуамутеф и Кебехсенуф, которые... умыли лицо твое, которые месяц оплакивали тебя, которые открыли уста твои пальцами своими крепкими... Пробуждается бог, встает бог... Осирис Неферкара выходит из Геба!».

¹ Pyramidentexte, т. III, стр. 153 сл.

Тексты, касающиеся победы над Сетом, перемежаются гимнами и заклинаниями, имевшими целью укрепить тело Осириса (т. е. умершего царя) и как бы подготовить его к дальнейшим обрядам оживления. Так, в упомянутом уже выше изречении 665 утверждается что «для Неферкара собраны его кости и соединены члены». Изречением 537 умершего царя закликают встать, овладеть телом, сесть на трон. Таково же назначение и изречения 267: «Твое сердце—твое, твои ноги—твои, твои руки—твои! ...Встань!», после чего следует обращение к покоренному Сету: «Посторонись, ты, который не ведает примирения, чтобы Неферкара сел на свое место!» Стена заканчивается изречением 358, из которого мы видим, что царские «пелены развязаны», т. е. царь-Осирис подготовлен к совершению дальнейших обрядов оживления тела.

Этим обрядам посвящены тексты восточной стены и тексты, занимающие северную стену, начиная от изображений дверей около саркофага.

Тексты восточной стены говорят о том, что Неферкара получает свое сердце (изреч. 595), что отверзты его очи (изреч. 357), что ему увеличен свет (изреч. 504), что отверзты его нос, рот и уши (изреч. 602). Эти тексты чередуются с призывами к царю восстать из мертвых (изреч. 596, 355), с перечислениями приносимых ему различных масел и жиров, одеяний и прочих жертв (изреч. 201—3, 418, 605, 637, 597 и т. д.), а также с закланиями против голода и жажды. Каждая из приносимых царю жертв называется «оком Гора», и, следовательно, доставление их стало возможным лишь в итоге предшествовавшей победы Гора над Сетом. Не случайно именно эта мысль подчеркивается и изречением 357, которое говорит о ликовании Гора, ибо он поразил Сета, вырвал у него свое око и дает теперь это око Осирису.

Тексты северной стены чрезвычайно важны, так как, с одной стороны, они относятся к основному обряду оживления тела—отверзанию и очищению уст (изреч. 12—22, 34—42, 45—49), а с другой стороны, они содержат подробный список приносимых жертв, которые теперь способен поедать оживленный царь, перечень облачений и диадем, которые возлагаются на мумию (или статую?), а также перечисление совершаемых над ней возлияний, умащений и каждений (изреч. 23—34, 37—171). При этом передаются точные указания о количестве и сортах приносимых хлебов, палочек ладана или кружек вина и пива, а иногда и о том, сколько раз надо было повторять данное заклинание (изреч. 79—80). И здесь каждая жертва вновь называется оком Гора, отнятым от Сета, и тексты говорят о том, как Гор кладет око в руку Осириса (97—102), подчеркивают, что око—целое (31, 26—29), указывают, что Осирис его принял (29, 598), и даже приводят слова Гора, с которыми он обращался к отцу и которые, очевидно, произносил исполнявший роль Гора вновь вступивший на престол фараон при поднесении жертвы мумии или статуе умершего царя: «О Осирис Неферкара, я—твой сын, я—Гор! Я пришел, я принес тебе очи Гора от тела его! Бери их!» (изреч. 106).

То, что обряды, отраженные в этих текстах, относятся именно к концу заупокойной службы, подтверждается аналогиями из позднейших ритуалов. Так, в конце заупокойного ритуала в росписях гробницы везира XVIII дин. Рехмира и при этом как раз около таблицы жертв изображена сцена подъема статуи покойного везира вельможами, изображающими детей Гора, причем жрец Гор говорит: «Осирис, начальник города, везирь Рехмира правогласный! Дал я тебе детей Гора под тебя, да несут они тебя, да будешь ты силен в них! Дети Гора... поспешите под отца вашего Осириса Рехмира! Поднимите его!» (рис. 8)¹. Такая же сцена подъема статуи

¹ Virey, Le tombeau de Rekhmara, MMAFC, t. V, табл. XXX и XXV.

умершего царя вельможами «детьми Гора» имеется в конце «Мистерий Сенусерта I», где она также предшествует заключительным жертвам и ритуальному пиру¹. А в надписях разобранный нами части северной стены залы саркофага Неферкара и именно перед таблицей жертв в изречении 648 мы читаем: «Осирис Неферкара! Дал тебе Гор четырех этих детей своих, да будешь ты силен в них! Сказал он им: Поспешите под Неферкара, поднимите его!» Перед нами, таким образом, текст, почти дословно совпадающий с текстом Рехмира и, несомненно, тесно с ним генетически связанный.

Далее, в конце ежедневного храмового ритуала мы встречаем очищение статуи бога ладаном и приношение ей повязок и корон², причем совпа-

Рис. 8. Семеры поднимают статую Рехмира. Рисунок из гробницы Рехмира (Virey, *Le tombeau de Rekhmara*, табл. XXXV).

дают и сорта масел и благовоний, количество каждений и т. п. Очень примечательно, что почти в самом конце храмового ритуала мы встречаем даже буквальное текстуальное совпадение с надписями северной стены зала саркофага Неферкара. Абсолютную чистоту фараона, после обрядов умащения и очищения как бы вновь родившегося к новой жизни, тексты зала Неферкара выражают своеобразной строфой: «твои уста — уста молочного тельца в день его рождения» (изреч. 35). Совершенно той же фразой характеризуется чистота статуи бога в итоге заключительных очищений храмового ритуала, когда жрец говорит: «твои уста — уста молочного тельца в день, когда родила его мать его»³. Ряд глав Книги Мертвых, относящихся к возложению на мумию амулетов и повязок, также стоит в конце свитков с этими текстами⁴.

¹ Sethe, *Dramatische Texte*, II, стр. 221, сцена 37.

² Moret, *Rituel*, стр. 204 сл.

³ Там же, стр. 207, XXXV, 6.

⁴ Budge, *The Book of the Dead, Papyrus of Ani*, London, 1895, стр. 358—359.

С другой стороны, в гробнице Тутанхамона мы находим и фактическое подтверждение совершения обряда возлияния многих масел именно в конце обряда, уже при закрытии гробов. Вспомним, что внутренний гроб Тутанхамона был настолько залит маслами, что они, превратившись в течение столетий в твердую массу, прочно слепили внутренний, третий гроб Тутанхамона со вторым. Значение же этого обряда дают нам опять-таки тексты зала Неферкара: «приходит Гор, наполненный маслом, обнял он отца своего Осириса... О Неферкара, я пришел к тебе... Я тебя наполняю маслом, которое вышло из ока Гора, наполнись им! Соединяет оно твои кости и собирает тебе твои члены» (изреч. 637).

Обратимся теперь к текстам второй (левой) части северной стены зала саркофага Неферкара, написанным над изображениями двух входных дверей. Эти тексты относятся уже к совершенно иной теме—к появлению воскресшего фараона и его встречам с богами и в первую очередь с его небесной матерью—Нут: «Нут схватывает руку Неферкара, Нут творит путь для Неферкара» (изреч. 624). «О высокая!... Неферкара идет к тебе, да откроются ему эти (двери неба)!» (изреч. 272). Тексты явно характеризуют Неферкара как воскресшего царя: «Неферкара—это Осирис, вышедший из ночи» (изреч. 624), он впервые получает теперь эпитет «живущий вечно» (изреч. 268, 372), о нем говорится, что «сон и усталость (т. е. смерть)—это ужас и отвращение для него» (изреч. 412).

Из дальнейших текстов над изображениями дверей на северной стене зала саркофага Неферкара видно, что Неферкара, сопровождаемый своим «ка» и очищенный Гором, встречается со своим небесным отцом (о том, кто этот отец, мы скажем ниже):

«Гор берет его (=царя) к себе, очищает его в озере Шакала, оmyвает «ка» этого Неферкара в озере Дуат¹, обтирает плоть «ка» этого Неферкара и его самого тем, что имеется у Ра в горизонте, что получает Ра, когда Обе Земли озаряются и он открывает лики богов. Он (=Гор) приводит «ка» этого Неферкара и его самого к великому дворцу... Могуч этот Неферкара могуществом, не перебиты его руки... и его «ка» рядом с ним» (изреч. 268). «Приди в мире, Неферкара, говорит твой отец, приди в мире ты, говорит Ра» (изреч. 412, 726).

Подтверждением правильности нашего толкования разобранных групп текстов северной стены зала саркофага Неферкара дает нам сопоставление их с росписями северной же стены зала саркофага в гробнице Тутанхамона². Это сопоставление чрезвычайно важно, так как оно не только позволяет установить полную идентичность смысла данных текстов пирамиды Неферкара и росписей гробницы Тутанхамона, но и проливает свет на истолкование обоих памятников, так неожиданно взаимно объясняющих друг друга. В то же время это сопоставление вскрывает тесную связь обрядов царского погребения периодов Древнего и Нового царства.

Роспись северной стены зала саркофага в гробнице Тутанхамона состоит из трех сцен (рис.9). Справа изображена сцена отверзания уст мумии Тутанхамона его преемником Эйе. Следовательно, правая часть росписи полностью соответствует текстам правой же части стены зала Неферкара.

Центральную часть росписи Тутанхамона занимает сцена встречи ожившего в результате обряда отверзания уст Тутанхамона с богиней неба Нут. Здесь снова абсолютное совпадение с текстами Неферкара, причем замечательно, что и облики обоих царей идентичны даже в деталях.

¹ Озеро утреннего очищения, в котором Ра после ночи очищает себя и богов; см. у Sethe, Übersetzungen, II, стр. 96.

² Steindorff, ук. соч., табл. CXVII и рис. 90.

Тутанхамон изображен в одеянии и головном уборе царя, в руках у него булава и посох, и точно таким же рисуют тексты и Неферкара: «Ты являешься в царском головном уборе, с посохом и булавой» (изреч. 412). Такой облик воскресшего царя вполне понятен и обычен, и еще Масперо в свое время указал, что до момента обряда отверзания уст умерший изображался в виде мумии, а после совершения этого обряда он уже представлялся в одежде живых, в своем обычном земном образе¹.

В третьей и последней сцене разбираемой росписи Тутанхамона мы видим, что последнего обнимает Осирис; за Тутанхамоном стоит его «ка». Эта сцена снова чрезвычайно близка к текстам последней, левой, части стены Неферкара. И тут и там оживший фараон идет в сопровождении

Рис. 9. Роспись северной стены гробницы Тутанхамона (F. Steindorff, *Die Grabkammer des Tutanchamun*, *Annales*, т. 38, табл. CXVI).

своего «ка» к приветствующему его богу: Тутанхамон—к Осирису, Неферкара—к своему отцу Ра. Наличие в «Т. п.» Ра там, где в гробнице царя Нового царства мы встречаем Осириса, не противоречит отождествлению значения обоих обрядов. В силу вполне возможных в течение многовекового развития обряда теологических изменений Осирис мог появиться вместо Ра в данном разделе ритуала Нового царства. Думаю, что следы этой замены хорошо отражены в соответствующем тексте из гробницы Рехмира, где мы читаем: «твой отец Осирис принял тебя в свои объятия в имени своем Ра-Хорахте»². С другой стороны, возможно что более внимательное изучение изображений и текстов на стенах погребальных зал в гробницах фараонов Нового царства покажет нам и наличие встречи воскресшего царя с богом Ра. Так, на задней стене зала саркофага гробницы Рамсеса IX над сценой воскресения царя мы видим две солнечные ладьи, в которых изображены встречи Рамсеса IX и Ра³.

Обратимся к рассмотрению оставшихся текстов разбираемого нами зала саркофага Неферкара и аналогичных залов других пирамид. Тексты западной части стены этого зала пирамиды Неферкара, расположенные над изображением двух дверей, показывают нам образ воскресшего царя, его восхождение на небо и встречи с богами. Этому же посвящены и тексты

¹ Maspero, *Histoire*, II, стр. 520, 517.

² Virey, *Le tombeau de Rechmara*, табл. XXXVI.

³ Lefebure, *Les hypogées royaux de Thèbes*, MMAFC, t. III, 1890, табл. 21.

западной стены, а также, видимо, и тексты западной части южной стены¹. Тексты западной стены дают нам заклания против смерти (изреч. 432), обращение к богам с просьбой встретить воскресшего фараона (изреч. 449, 428) и описание этих встреч (изреч. 446, 448, 438, 447), славословие ожившего царя, его матери Нут (изреч. 426—434), песнопение в честь самого воскресшего фараона, содержащее воспоминания о победе над Сетом, о торжестве Неферкара как итоге этой победы, об обрядах, давших Неферкара воскресение (изреч. 369, 447, 370, 450, 371, 451, 366, 367, 621, 369, 356, 622, 623, 422, 423, 442, 424, 437), причем приводятся даже слова Гора, произносившиеся им во время этих обрядов (изреч. 620). С царем соединены и душа «ба» и дух «ка» (изреч. 424, 440). Как на северной стене, так и здесь воскресший царь показан в образе живого фараона, на нем царские одеяния и головные уборы, он держит скипетр и булаву (изреч. 432, 335, 453).

Показательно, что для характеристики образа ожившего царя тексты черпают сравнения из картин оживающей во время нильского разлива природы Египта. Царь уподобляется свежей воде (изреч. 423), он идет по зелени растений (изреч. 332). Для него пашут землю, ему готовят пищу—жертвы (изреч. 441). Оживший царь, естественно, нуждался в пище, и перечисляемые жертвы навеки обеспечивают его едой и питьем (изреч. 424).

Особенно же существенным является следующий за воскресением царя его брак с Исидой², о котором повествует изречение 366. Этот брак является, с одной стороны, высшим проявлением овладения царем всеми своими физическими способностями, а с другой стороны—ярким символом воскресения как зарождения новой жизни. Думается, что в тесную связь именно с этим моментом ритуала следует поставить и широко известные поздние изображения итифаллических мумий Осириса на смертном ложе, равно как и изображение Исиды в образе соколицы, зачинающей Гора от мертвого Осириса. С этим следует сопоставить и аналогичную по теме скульптуру Каирского музея³, и те строчки Парижского гимна Осирису, где про Исиду поется, что она—

«сделавшая тень перьями ее, сотворившая ветер крыльями ее; ликуя, извлекла она брата своего; поднявшая усталость утомленного, принявшая семя его; сотворившая нас ледника ему...»⁴

К истокам этой символики брака воскресшего фараона я еще вернусь ниже, сейчас же ограничусь указанием на то, что в свете привлеченного материала, несомненно, следует рассматривать и тот прошедший незамеченным факт в описании Дерри деталей мумии Тутанхамона, из которого видно, что тело фараона было запеленуто в полном соответствии с упомянутыми итифаллическим и мумиями Осириса⁵.

¹ Эти тексты были расположены в полном соответствии с находившимися напротив них текстами западной части северной стены, т. е. были высечены над аналогичными же изображениями дверей. К сожалению, от этих текстов у Неферкара сохранились только фрагменты, содержащие упоминания о его встречах с Исидой и Нут, в остальных же пирамидах не сохранилось ничего. Очень интересно, что на южной стене гробницы Тутанхамона соответственно изображены встречи царя с Исидой и богиней Запада Аментер (Steindorff, ук. соч., табл. CXIX).

² Может быть также и с Нефтидой—см. изреч. 628.

³ Maspero, Guide du visiteur au Musée du Caire, Le Caire, 1914, № 706, стр. 173—174, рис. 51.

⁴ Ledrain, Les monuments égyptiens de la Bibliothèque Nationale, Paris, стр. 21—28.

⁵ Carter, Tutanchamun, II, стр. 199.

Мы видели, таким образом, что на стенах той части зала, где в пирамидах стоит саркофаг и которые как бы его с трех сторон окружают, высечены тексты, целиком относящиеся к совершившемуся воскресению царя. Иначе говоря, эти тексты показывают осуществление той цели, которой посвящены были все обряды заупокойного царского ритуала.

Понятным становится и оформление этих стен: через изображенные на них двери воскресший царь направляется на небо. Не даром мы встречаем здесь тексты, говорящие именно об открытии дверей (изреч. 272, 412), подобно тому как аналогичные тексты мы находили на дверях всех помещений пирамид. Не даром и верхняя часть западной стены пирамиды Унаса занята текстами заклятий против змей. Подобные заклятия мы видели на дверях других помещений, и они показывают нам, что двери, изображенные на стенах погребальных зал пирамид, мыслились как настоящие двери, через которые могли про никнуть змеи, скорпионы и иные враждебные царю существа.

Совершенно естественно, что ритуальное воскресение царя, о котором так явно говорят тексты западной части зала саркофага пирамиды Неферкара, могли быть только конечным этапом ритуала. К этому этапу последовательно подвели нас все предшествующие обряды, образовавшие звенья единой цепи и убедительно показавшие, что «Т. п.» при новом порядке чтения воспроизводят заупокойную царскую службу Древнего царства, записью которой они и являются.

Такое толкование, полностью подтвержденное расположением и оформлением самих помещений пирамид, подкрепляется и археологическими данными. Так, находка в пирамиде Унаса костей принесенного в жертву быка¹ и подлинных инструментов, употреблявшихся жрецами при обряде отверзания уст², показывает, что этот обряд фактически совершался внутри пирамид. С другой стороны, предметы, найденные в гробницах фараонов Среднего и Нового царств и, несомненно, употреблявшиеся при заупокойной службе, иногда кажутся просто иллюстрациями к обрядам «Т. п.», настолько близки, очевидно, были погребальные царские обряды различных периодов.

Что «Т. п.» являются заупокойным царским ритуалом, практически совершавшимся от начала (поисков души) до конца (оживление тела), подтверждается и тем, что отмеченная мною тесная взаимосвязь идей ритуала «Т. п.» с планировкой и оформлением помещений самой усыпальницы имеется и в тех немногих гробницах вельмож, на стенах которых были воспроизведены «Т. п.»³ и которые, пусть упрощенно и в меньших масштабах, все же воспроизводят планировку помещений пирамид.

Естественно, что расположение помещений гробницы или храма не может быть произвольным, оно всегда обусловлено требованиями ритуала, а поэтому близость планировок аналогичных по назначению культовых зданий заставляет предполагать и близость совершавшихся в них обрядов, а в случае различных дат подобных зданий — и генетическую зависимость позднейших памятников от более ранних. Исходя из этого, я считаю, что еще одним подтверждением правильности пред-

¹ Maspero, La Pyramide du roi Ounas, Rec. Trav., t. III, стр. 178.

² Там же, т. IV, стр. 78.

³ Гробницы: 1) хранителя царской печати Хорхотена в Фивах (№ 314), времени XI дин., см. Maspero, Trois Années de Fouilles, MMAFC, 136—186, табл. XI—XVIII; 2) верховного жреца Птаха Сенусертанха в Лиште, времени Сенусерта I, см. «Bulletin of the Metropolitan Museum of Art», Section II, November 1933; 3) чиновника сокровищницы Са-исе, в Дашуре, времени Аменемхета II, см. De Morgan, Fouilles à Dahchour, 1895, стр. 77—85.

ложенного мною порядка чтения «Т. п.» может явиться сопоставление полученных выводов с данными, которые дает изучение гробниц фараонов Нового царства. Назначение отдельных помещений этих гробниц и содержание надписей и изображений на их стенах, с моей точки зрения, говорит о ритуале, который не только находится в общем соответствии с ходом ритуала пирамид, но и является его дальнейшим развитием, причем сопоставление данных из царских гробниц Нового царства с данными пирамид чрезвычайно существенно для истолкования как той, так и другой группы памятников. Однако детальное сравнительное изучение явится делом будущего.

Исследователи неоднократно отмечали, что гробницы фараонов Нового царства явно делятся на две части и по плану, и по содержанию надписей и изображений. Первую часть составляют идущие от входа коридоры, иногда пересекающие неширокий зал и в ряде случаев заканчивающиеся залом с колоннами¹. Тексты этих коридоров начинаются с так называемых «солнечных литаний», т. е. 75 обращений к различным ипостасям солнечного божества, причем, как указывают сценические примечания, эти обращения должны были читаться над 75 соответствующими статуэтками, и, таким образом, несомненно, являлись ритуальными текстами. За литаниями следуют тексты и изображения так называемых «Книги Врат» и «Книги Амдуат», рисующие плавание солнечной ладьи по потусторонним заводям, связанные как с судьбой души умершего царя, так и с загробными странствованиями самого солнечного бога. Вторая часть гробницы часто уже самой планировкой отделяется от первой. Эта вторая часть состоит обычно также из коридоров (отсутствующих в меньших по размеру усыпальницах) и из двух обязательных помещений—«зала ожиданий» и главного «золотого зала», где стоял саркофаг². Тексты и изображения этой части гробницы содержат ритуал отверзания уст, отрицательную исповедь, ряд глав упомянутых книг, а иногда—краткую сводку всего содержания этих книг, перечни жертв, изображения воскресающего и воскресшего фараона, т. е. иными словами здесь отражен весь тот комплекс обрядов, которые мы установили выше по текстам зала саркофага пирамиды Неферкара. Судя по ряду данных, эта вторая часть гробницы царей Нового царства мыслилась как преисподняя. Об этом говорит и факт частого расположения ее ниже уровня первой части, и даже самое название спуска в нее, прямо называвшегося Ра-Сетау³, т. е. именованном входа в преисподнюю.

Деление гробниц фараонов Нового царства в принципе идентично делению внутренних помещений пирамид. И там, и здесь тексты и изображения на стенах первых от входа помещений отражают такие обряды заупокойного царского ритуала, которые имеют отношение к судьбе души умершего царя. И там, и здесь в последних, наиболее удаленных от входа помещениях, предназначенных для хранения тела царя, тексты и изображения отразили ритуалы, имевшие целью воскресить это тело.

Эти совпадения чрезвычайно важны, так как они подтверждают правильность предложенного мною порядка чтения «Т. п.»: ведь о том, где следует искать начало изображений и текстов гробниц царей Нового царства, ни у кого сомнений нет, и общеизвестно, что они начинаются

¹ См. планы царских гробниц Нового царства у Porter-Moss, *Topographical Bibliography*, т. I.

² В различных местах гробниц имелись также небольшие помещения для отдельных обрядов и для хранения предметов ритуала и личных вещей погребенного царя.

³ Lefébure, *Le tombeau de Sétî I*, стр. 12.

от входа усыпальницы и кончаются в последних ее помещениях. На это указывает и все содержание текстов и изображений этих гробниц. Это же подтверждается, между прочим, и названием коридоров на плане гробницы Рамсеса IV, дошедшем до нас на папирусе Туринского музея, где они названы, начиная от входа, первым, вторым, третьим и четвертым¹.

Отсюда следует неизбежный вывод о необходимости иного подхода к изучению книг позднего ритуала, содержание каждой из которых в целом следует сопоставлять с первоисточником, сохранным нам на стенах пирамид в виде совокупности текстов каждой пирамиды в отдельности, начиная от входа и кончая залом саркофага. При этом условии они и окажутся тем якобы не дошедшим до нас подлинником древнейшего ритуала, позднейшие копии которого содержатся на стенах и потолках гробниц фараонов Нового царства и об отсутствии которого сожалеет в своей работе А. Пьянков².

Думаю, что иначе должно будет строиться теперь и изучение «Книги Мертвых», сопоставлять многочисленные варианты которой как между собою, так и с «Т. п.», и с «Текстами саркофагов» следует по идеям, составляющим содержание той или иной главы, а не исходя из установленной египтологами (а не египтянами) нумерации глав. Абсолютно прав был в свое время Масперо, когда он указывал, что в расположении глав «Книги Мертвых» гораздо больше закономерности, чем это считается, и что принцип этого расположения был совершенно ясен египтянам и станет ясен и египтологам, когда они сумеют, наконец, в нем разобраться³. Но это тема, уже выходящая за рамки настоящей статьи.

Мы подвели краткие итоги по связи «Т. п.» с более поздними ритуалами. Следует остановиться также вкратце на вопросе о том, дает ли предложенное мною в результате иного порядка чтения «Т. п.» их истолкование что-либо новое для истолкования смысла всего царского заупокойного ритуала и истории его происхождения. Думаю, что на этот вопрос следует ответить положительно. Египтологи давно указывали, что в «Т. п.» отразилось слияние двух ритуалов—«осирического» и «солярного», причем строились всевозможные догадки о путях этого слияния, причины которого искали в механическом наложении позднее появившихся в результате миграции культов на более ранние, причем позднейшим признавался «осирический» ритуал.

В действительности же дело обстоит иначе: перед нами ритуал, отразивший в себе представления, сложившиеся на различных этапах развития религии древних обитателей долины Нила, причем древнейшими элементами его следует признать, с моей точки зрения, именно те, которые относятся к «осирическим», а правильное сказать к хтоническим представлениям и обрядам. Вырастая из отдаленнейших погребальных обрядов доклассового общества, корни которых уходят в грубо-материальные представления о необходимости обеспечения загробного существования умершего едой и питьем, это древнейшее ядро будущего сложного ритуала еще не нуждалось в каком-либо комплексе специальных помещений, и весь ритуал ограничивался, вероятно, обрядами около простейшей могилы—ямы с углублением для тела в западной ее части. С развитием общественной жизни развиваются и представления о потустороннем бытии

¹ Carter and Gardiner, *The tomb of Ramses IV, and the Turin plan of a royal tomb*, JEA, IV (1917), стр. 130 сл.

² A. P i a n k o f f, *Les différents Livres dans les tombes royales du Nouvel Empire*, ASAE, XL (1940), I, стр. 283—289.

³ M a s p e r o, *Le Livre des Morts* (Etudes de Mythologie et d'Archéologie égyptiennes), I, стр. 383.

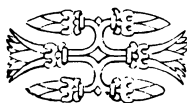
человека, усложняются и обряды, которые должны были обеспечить наилучшие условия этого бытия, в свою очередь усложняется тип усыпальницы в классовом обществе. Археологические исследования показывают нам длинную линию развития от ямы с все углубляющейся западной частью через превращение последней (начиная со времени III династии) в отдельную комнату к определенному расположению внутренних помещений в масштабе и пирамидах, где в самой глубине (и при этом попрежнему в западной части) отводится место для саркофага. Отсюда понятно, почему весь ритуал зала саркофага сводится, в сущности, к оживлению тела покойного царя, т. е. к обрядам, являвшимся прямыми пережитками древнейших грубо-материальных представлений о загробном блаженстве. Представления же о небесном местопребывании душ, развившиеся хотя и позднее, но также в отдаленные времена, выразили в себе те же идеи борьбы со смертью, но выразили их уже иными образами, соответственно иной стадии развития общества и иной стадии, следовательно, и человеческого мышления. Наслаиваясь на уже существовавшие обряды и как бы подчас их дублируя по значению, эти представления обусловили и новую мифологию, и новый заупокойный ритуал, в котором они, пропитав весь старый ритуал, ставший теперь вторым этапом всей службы, легли в основу вновь возникшего первого этапа этой службы. Новый ритуал обусловил и новое расположение помещений гробницы, необходимых для его отправления, и в постепенно сформировавшейся и закреплённой планировке коридоров и зал пирамид: первые из них (от входа) стали местом действий, отразивших в себе пребывание души на небе. В этой новой обрядности слились воедино хтонические и солярные представления о загробном бытии, и, несмотря на явное для нас стадийное их различие, слияние это было обусловлено идентичностью основной идеи тех и других представлений—борьбы человека со смертью. Ра и Осирис, солнце и производительные силы земли и Нила—равно мыслились источниками жизни, и при этом не только для впервые рождающихся существ, но и источниками «новой жизни» для умерших и «вновь возрождающихся».

Новые представления развивались постепенно, и обрядность, отражая эти новые представления, естественно, не могла начисто отменить старых. Напрасно стали бы мы поэтому предъявлять к египетскому заупокойному ритуалу в том виде, в каком он до нас дошел в итоге многовекового развития, требование о какой-то абсолютной выдержанности в рамках одного определенного культа. Столь обычные в египтологической литературе указания на «непоследовательность» египетской обрядности, на всю непонятную подчас для исследователя пестроту образовавших ее мифологических комплексов—антиисторичны. «Т. п.»—не символ веры, не катехизис и не искусственно созданная богословская концепция, а ритуал богослужения, сложившийся в итоге многовекового развития религиозных представлений и сохранивший на себе отпечатки пройденных в процессе этого развития различных ступеней мировосприятия древнейших обитателей нильской долины.

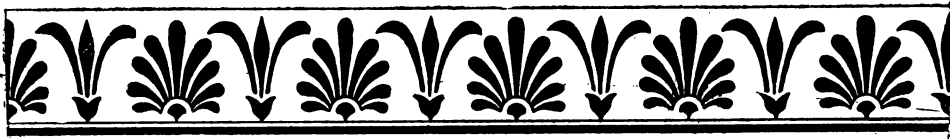
Думается, что при подобном подходе мы сумеем в конечном итоге правильно воспринять этот важнейший источник наших сведений об истории развития религиозного мышления в древнем Египте. Настоящая статья ни в коей мере не претендует на исчерпывающее разрешение этой задачи¹, для чего требуется еще большой и кропотливый труд дальнейшего сравнительного изучения и самих «Т. п.», и иных разнообразнейших источ-

¹ Я вообще не касалась здесь ряда вопросов, связанных с изучением «Т. п.» (например, вопроса о сравнительном развитии текстов различных пирамид, связи их с той или иной местностью и др.).

ников. Я попыталась лишь показать как тот путь, по которому, с моей точки зрения, должно идти это изучение, так и подход к последнему. Оно будет плодотворно только при условии постоянного учета конкретного назначения памятника и вырастающей отсюда его специфичности. Тогда исследователя не смутят кажущиеся повторения тех или иных возгласов, заклинаний или формул, неизбежно присущие любому ритуалу, и основная мысль развития всего обряда в целом проявится от начала до конца. Только таким образом подойдя к изучению памятника—во всей его сложной совокупности, на фоне породившей его конкретной исторической действительности, с учетом его подлинной функциональности,—мы сумеем его понять и оценить, ибо, как совершенно правильно писал Н. Я. Марр, «никакие отвлеченные теоретические знания не спасут ученого от рискованных утверждений, если он не будет считаться с живой средой интересующих его материалов»¹.

¹ Н. Я. М а р р, *Ossetica—Japhetica*, ИАН, 1918, стр. 2073.

А. Ранович

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА МАЛОЙ АЗИИ

Источники единодушно сообщают, что Александр, завоевывая Азию, освобождал эллинские города. А р р и а н рассказывает (I, 17, 4), что Александр «предоставил сардийцам и прочим лидийцам пользоваться старыми лидийскими законами и сделал их свободными (ἐλευθέρους εἶναι ἀφ' ἑν). Из Эфеса Александр «отправил Алкимаха, сына Агафокла, с немалой силой на эолийские города и те из ионийских городов, которые еще оставались под властью варваров, и приказал ему всюду низвергать олигархии и устанавливать демократию, вернуть каждому городу его собственные законы и освободить от податей, какие они платили варварам» (I, 18, 12). О том же сообщает и Д и о д о р (XVII, 24, 1). Идея освобождения греческих городов из-под власти персов была популярна со времени греко-персидских войн, а панэллинизм, пропагандируемый особенно Исократом, стал лозунгом внешней и внутренней политики Филиппа; под этим лозунгом Филипп легализовал свое добытое силой оружия положение ἡγεμῶν τῆς Κορινθίωνης лиги и στρατῆρος αὐτοκράτωρ для предстоящего похода в Азию. Направив Аттала и Пармениона в Азию, Филипп поручил им «освободить эллинские города» (D i o d., XVI, 91, 2). И даже если бы не было прямых свидетельств античных авторов и надписей, надо было бы а priori предположить, что Александр освобождал эллинские города; без этого война не могла бы быть популярной. А при тех малых военных силах, денежных и материальных средствах, какими располагал Александр в начале своих азиатских походов, ему совершенно необходимо было обеспечить свой тыл, заручившись симпатиями и реальной поддержкой освобождаемых греческих (и не греческих) городов. Восстановление демократии в завоеванных греческих городах также диктовалось в первую очередь не демократическими убеждениями, а военными соображениями—тираны и олигархи держали сторону персов. Что и на первых шагах своей деятельности Александр не был принципиальным врагом тиранов и олигархов, мы имеем и прямое свидетельство в надписи из Эреса о суде над тираном Агониппом (OGIS, 8): ему между прочим вменяется в вину, что он явился к Александру и оклеветал перед ним граждан. Но независимо от военных соображений Александр должен был считаться с тем, что поход в Азию был предпринят от имени Коринфской лиги для освобождения эллинов (D i o d., XVI, 2', 1); после Граника он отправил доб.чу в Афины в дар богине Афине от имени «Александра, сына Филиппа, и эллинов, кроме лакедемонян» (A r r., I, 16, 7; P l u t., Al., 16).

В последнее время, однако, политика Александра по отношению к греческим городам подвергнута сомнению. В 1934 г. Э. Бикерман выступил с опровержением «пущенной Дройзеном бездоказательной (?) мысли», будто Александр вернул свободу греческим городам в Азии¹. В. Эренберг, посвятивший этой теме специальную монографию², считает, что Бикерман сделал важное открытие, и сам развивает и уточняет положения Бикермана.

Концепция Бикермана, соблазнившая и кое-кого из советских историков,—образец буржуазного формализма, оперирующего отвлеченными юридическими категориями. Она основана на чисто формальном подходе к исследуемой теме. Он выдвигает вначале два «простых постулата»: 1) Александр вел войну против Персии; 2) Александр принимал законы войны своего времени. Отсюда он делает вывод, что все действия Александра определяются его ролью завоевателя.

«Простые» постулаты Бикермана, однако, отнюдь не так просты, как ему кажется. Александр воевал с персами; но он воевал в конкретных исторических условиях, выдвигавших перед завоевателем специальные задачи, субъективные и объективные, настолько сложные, что из одного факта ведения войны никак нельзя вывести всех последствий войны и всех политических мероприятий, неразрывно связанных с этой войной. Да и сама война была—и это основное—результатом сложного исторического процесса, приведшего к кризису эллинских государств и крушению персидской державы.

Что касается второго постулата Бикермана, он просто неверен. Как бы мы ни расценивали личность самого Александра, не подлежит сомнению, что завоевания Александра означали такой переворот во взаимоотношениях между победителями и побежденными, какого мир до него не знал. Современники Александра, античные историки и философы, лучше поняли сущность и характер политики Александра. Именно в действиях Александра как завоевателя Плутарх усматривает основание причислить его к философам (*de fort. Al.*, 432 F).

Еще более формально подходит Бикерман к вопросу об отношении Александра к Персии и Элладе. По его мнению, Александр применял здесь *ius talionis*: персы в свое время ограбили Грецию—Александр грабил Персию; персы жгли греческие города—Александр сжег Персеполь; персы заняли территорию Эллады—Александр захватил территорию Персии; но персы не захватили и не удержали ни одного города в Элладе—Александр не счел нужным отдать Элладе какой-нибудь из завоеванных им городов. Именно поэтому, руководствуясь *ius talionis*, Александр не включил освобожденных от персидского владычества азиатских городов в состав Коринфской лиги.

Это рассуждение Бикермана свидетельствует лишь о том, к каким неверным выводам может привести формально-юридический подход к историческим событиям³.

¹ E. Bickermann, *Alexandre le Grand et les villes d'Asie*, REG, 47 (1934), стр. 346 сл.

² V. Ehrenberg, *Alexander and the Greeks*, Oxf., 1938.

³ Исходя из таких же бессодержательных формальных рассуждений, А. Нейсс (*Stadt und Herrscher des Hellenismus*, «Klio», Beih. 39, 1937) приходит к диаметрально противоположному выводу, будто подчиненные эллинистическим монархиям города были вполне суверенны и лишь поддерживали внешнюю политику монархов. Спорить с точкой зрения Нейсса нет смысла. Его книга, как отмечалось в печати, просто невежественна. Автор не знает материала, а тех материалов, которые ему известны, он не понимает. Даже греческого языка он не знает и, напр., *εἶναι τὴν πόλιν ἐλευθεράν* («быть городу свободным») он переводит изъяснительным наклонением и делает отсюда соответствующий вывод.

Что означала свобода, которую провозглашал Александр? В это понятие иные историки вкладывают некое неизменное содержание; но в древности оно имело в разных политических условиях разное значение. Ἐλευθερία означала между прочим свободу от долгов, и в деловых документах так обозначается имущество, свободное от долговых обязательств. В этом смысле применяет этот термин Антигон в письме к Теосу; у него получается даже как бы каламбур; он говорит о своих заботах о финансовом благополучии города¹: συντάσσομαι ταῦτα θεωροῦντες ὅπως ὧν ὀφείλουσιν αἱ πόλεις ἐλευθεραὶ γένωνται νομίζοντας γὰρ ὑμᾶς τό γε ἐφ' ἡμῖν εἶναι τᾶλλα ἐλευθέροος καὶ αὐτοῦς μοις πεποικημένα κτλ. («мы это устанавливаем для того, чтобы города стали свободны от долгов, полагая, что, поскольку это от нас зависит, мы и в других отношениях сделали вас свободными и независимыми...»). В договоре между Антигоном и Полиперхонтом предусматривается εἶναι δὲ καὶ τοὺς Ἑλλήνας ἅπαντας ἐλευθέροος ἀφρορήτους αὐτονόμους (D i o d., XIX, 61, 3). В других случаях встречается αὐτόνομος καὶ ἀφορολόγητος (W e l l e s, 15, 23, 26); ἱερὰ καὶ ἄσολος, καὶ ἀφορολόγητος (W e l l e s, 35, 6, 8); ἐλευθερία καὶ αὐτονομία (W e l l e s, I, 55). Принято считать, что все эти термины, называемые рядом с ἐλευθερία, составляют собственно содержание понятия ἐλευθερία — отсутствие гарнизона, собственная конституция (αὐτονομία), свобода от подати; в содержание автономии включают также право чеканки монеты. Но означает ли ἐλευθερία в то же время государственный суверенитет?

Коринфская лига составляла формально союз суверенных государств, основанных на договоре. В присяге члены лиги обязываются ἐμμενῶ [τῇ συμμαχίᾳ καὶ οὐ λύσω τὰς συνθήκας τὰς πρὸς Φίλιππον Μακεδὸνα οὐδ'] ἐπὶ πᾶσι [ὡς ἐπὶ πημονῇ; ἐπ' οὐδένᾳ τῶν] ἐμμενόντων ἐν τ[οῖς] ὅμοις οὔτε κατὰ γῆν] οὔτε κατὰ θάλασσαν οὐδὲ πόλιν οὐδὲ φρούριον καταλύσομαι οὐδὲ λιμένα ἐπὶ πολέμῳ οὐδενὸς τῶν τ[ῆς] εἰρήνης κοινονούντων τέγγη; οὐδεμ[ὲ] αἰ οὐδὲ μηχανῇ οὐδὲ τῇ βασιλείᾳ [τ]ῇ Φιλίππου καὶ τῶν ἐχόντων καταλύσω δδὲ (sic) τὰς πολιτείας τὰς οὐσας παρ' ἑκάστοις κтл². Здесь мы имеем формальную симмахию, и соответствующая реконструкция текста Вилькеном (συμμαχία в стр. 4) не вызывает сомнения. Но эта «добровольная» симмахия суверенных государств — результат поражения эллинских свободных полисов при Херонее, давшего Филиппу господство над Элладой. Суверенитет входящих в симмахию полисов имеет не больше значения, чем суверенитет городов по отношению к Антигону и Деметрию Полиоркету в эпидаврской надписи 302 г., сформулированной в тех же выражениях³.

В период диадохов ἐλευθερία теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета. Антигон печется о «свободе» Теоса, распоряжаясь городом как полновластный хозяин. В другом документе, в своем манифесте 311 г. (W e l l e s, 4), Антигон пишет греческим городам (сохранившийся в надписи экземпляр адресован Скепису), что он заботится о свободе эллинов и что в соглашении между ним и коалицией Кассандра, Лисимаха и Птолемея оговорено, что все греки должны принести клятву «взаимно охранять свободу и автономию»; Скепис откликнулся на манифест Антигона декретом об увенчании его и его сыновей и об учреждении ему культа (OGIS, 8). Это, однако, не помешало Антигону вскоре принудить Скепис к синойкизму с основанным им городом Антигония Трояда (позднее Александрия Трояда). Свобода не означает даже освобождения от подати, которое должно оговориться особо. Но нет основания думать, что в этом, как и в многочисленных других слу-

¹ C. B. W e l l e s, Royal Correspondence, № 3, стр. 87 сл.

² SIG³, 260: U. W i l c k e n, Philipp II von Makedonien und die panhellenistische Idee, B., 1929.

³ SPAW, 1927, стр. 14—15.

чаях, мы имеем с обеих сторон одно лишь лицемерие. Ведь города дорожили этой свободой и домогались ее. *Ἐλευθερία* не означала суверенитета; но она для того времени означала самоуправление, свою гражданственность, свои *ύμοι*, свободу распоряжения земельной территорией, принадлежащей городу. Конечно, в то время, к которому относятся походы Александра, существовали действительно свободные суверенные полисы (например, Спарта), и свобода не стала фикцией. Ламийская война показала, что стремление к сохранению действительной независимости и свободы не было подавлено у греков ни Филиппом, ни Александром, ни Антипатром. Но именно политика Александра, направленная к созданию единой мировой монархии, должна была изменить содержание понятия *Ἐλευθερία*, которая в своем прежнем значении несовместима с суверенитетом монарха, с включением всей завоеванной территории вместе с Элладой в единое государство.

Что касается греческих и эллинизированных городов на Востоке, то их освобождение мыслилось, с точки зрения эллинов, как освобождение только от персидской власти. Этим отчасти объясняется, что не все греческие города в Малой Азии с энтузиазмом встречали Александра и не только Тир, Газа, Галикарнасс, но и Аспенд, Сиде, Солы оказали ему сопротивление. В процессе завоевания у Александра все больше укреплялась идея мирового государства, и старые панэллинские лозунги утрачивали свою актуальность, все меньшую роль играли в политике завоевателя.

Таким образом, понятие «свободы» изменило свое содержание; если, может быть, вначале мерещилась картина панэллинского союза, куда входили бы и азиатские *πόλεις ἑλληνίδες* под эгидой македонского царя, то уж во всяком случае после битвы при Иссе об этом не могло быть речи. «Свобода» была не свободой классического полиса с его автаркией и ограниченностью, а свободой в смысле противопоставления восточной деспотии, в смысле включения в качестве автономной единицы в систему нового типа государства, до тех пор не известного. Только о такой свободе и может идти речь, когда говорят об освобождении городов Александром.

В первый период войны панэллинская идея, конечно, еще задавала тон в политике. Мало того, Александру еще надо было утвердить свое право выступать от имени эллинизма не только по праву победителя, но и как наследнику великой эллинской культуры, ее паладину. Он выступал в роли нового Ахилла. Поэтому он первую добычу посвящает Афине; он принимает от Милета почетную должность стефанафора-эпонима на 334/3 год. В Приене от его имени освящается храм Афины-Полиады (SIG³, 277). Он хотел, чтобы и в Эфесе на вновь выстроенном после Геростратова пожара храме Артемиды красовалось его имя, обещав за это возместить все прошлые и будущие расходы на храм. Впрочем, эфесцы отклонили это предложение под благовидным предлогом, что не подобает богу делать подношения богам (S t r a b., XIV, 641). Особенно много заботы он проявил об Илионе. «Нынешний город Илион был в то время, говорят, деревушкой... Александр после победы при Гранике, прибыв туда, украсил святилище приношениями, объявил Илион городом, предписал эпимелетам отстроить его, объявил его свободным и освобожденным от подати» (S t r a b., XIII, 593). Но уже жестокая расправа с Фивами¹ показала, что с самого начала на первом месте стояло у Александра укрепление собственной власти для осуществления планов завоеваний на Востоке.

Освобождение городов Азии не могло в то время означать предоставле-

¹ В и л ь к е н («Alexander der Grosse», стр. 66) видит в этом акте выражение преданности Александра... панэллинской идее! Вот до чего может овести формально-юридическое отношение к историческим событиям.

ние им независимости или даже включение их в Коринфскую лигу, т. е. расширение эллинского государства. Политику Александра следует рассматривать и оценивать не с точки зрения идеологов панэллинизма или формально-юридических норм нынешнего международного права, а с точки зрения новой задачи, еще смутно, может быть, рисовавшейся Александру, — задачи создания мировой монархии.

Уже первый засвидетельствованный в надписи акт Александра отражает его позицию в вопросе об азиатских греческих городах. В приенской надписи 334 г. (OGIS, 1) приенцы объявляются «автономными и свободными», но это не означает независимости Приены, хотя бы в форме включения ее в Коринфский союз; Александр прямо заявляет, что *χωρά* — его собственность, и население *χωραι* должно платить *φόρος*; но город Приену он освобождает от *συνταξίς*, под которым, очевидно, разумеется подать, которую Приена платила персам. В сильно фрагментированной последней части надписи упоминаются вопросы о гарнизоне и об организации суда. Мы видим, что не только свобода, но и автономия Приены довольно сомнительна. И тем не менее в другой надписи 334 г. — в честь Антигона (SIG³, 278) — Приена устанавливает у себя как бы новую эру — *αὐτονομίῳ ἐξ ὑποῦ τοῦ Πριηνέων* (ср. SIG³, 282).

Особый интерес представляет надпись из Хиоса (весна 332 г.), содержащая указ Александра. Хиос был освобожден после Граника, олигархии свергнуты. Но в 333 г. Мемнон отвоевал остров для Дария, а после смерти Мемнона остров оставался во власти Фарнабаза (Arr., II, 13, 5). Уже после битвы при Иссе Гегелох по поручению Александра осадил Хиос; в это время в городе произошли какие-то раздоры между олигархами и греческими наемниками; воспользовавшись этим, демократическая партия сдала город македонянам (Arr., III, 2, 3—4). Во время осады города Александр и издал свой эдикт (SIG³, 283): «При притане Дейситее от царя Александра народу хиосцев. Пусть все изгнанники из Хиоса возвратятся, а государственный строй в Хиосе да будет демократический (*πολίτευμα δὲ εἶναι ἐν Χίῳ δῆμον*). Пусть будут избраны номографы, чтобы они записали и исправили законы, чтобы не было ничего противоречащего демократии или возвращению изгнанников; написанные или исправленные (законы) представить Александру. Пусть хиосцы представят двадцать триер, снаряженных на их средства; пусть они плавают до тех пор, пока остальной эллинский флот будет плавать с нами. Из лиц, предавших город варварам, кто успеет бежать, те пусть будут изгнанниками из всех городов, участвующих в мире (т. е. в Коринфской лиге), и пусть они подлежат выдаче согласно решению эллинов. А кто из них останется, тех представить на суд синедриона эллинов. Если возникнут какие-либо споры между вернувшимися и остающимися в городе, они должны разрешаться у нас. Пока хиосцы не поладят, пусть будет у них гарнизон (*φύλαχῃ*) от царя Александра, какой окажется достаточным; хиосцы должны его содержать». Из того, что о бегстве предателей или их пребывании в городе говорится в будущем времени, надо заключить, что указ Александра был издан и послан Гегелоху еще до взятия города, когда, следовательно, Александр был особенно заинтересован в расположении граждан. Между тем вторичное освобождение Хиоса не означает даже автономии; новые законы пишутся по указанию Александра и поступают к нему на утверждение; споры между вернувшимися изгнанниками и населением города решает Александр; под предлогом охраны порядка в городе остается гарнизон, который горожане обязаны содержать на свой счет; двадцать триер Хиос должен представить, по видимому, по обязанности члена Коринфской симмахии. Но и Коринфской лигой Александр распоряжается по

своему усмотрению. Как мы знаем из А р р и а н а (III, 2, 5 сл.), Гегелох отправил захваченных олигархов Хиоса не на суд Лиги, а к Александру, который сослал их в Элефантину. Указ направляет на суд синедриона только незначительных сторонников олигархии, нашедших возможным оставаться в городе и после его занятия македонскими войсками. Бежавшие в пределы городов, входящих в Коринфскую лигу, объявляются ἀγῶγμοι, но за пределами этих городов изгнанники, очевидно, находились в полном распоряжении Александра.

Митилена входила в состав Коринфской лиги. Но и здесь урегулирование споров между οἱ ἐν τῇ πόλει πρόσθε ἔοντες и οἱ κατεληλυθόντες совершается, как указано ἐν ταῖς διαλύσεσσι ταῖς ὁ βασιλεὺς ἐπέκρινεν (OGIS, 2), т. е. споры между вернувшимися изгнанниками и местным населением разрешаются в соответствии с предписанием царя.

Завершением политики Александра по отношению к греческим городам был его знаменитый указ, оглашенный Никанором на олимпийских играх 324 г. «Царь Александр изгнанникам эллинских городов (ἐλλήνιδων πόλεων). В том, что вы в изгнании, мы неповинны. Но вашему возвращению, каждому на свою родину, мы будем причиной, за исключением подвергнувшихся проклятию. Мы написали Антипатру, чтобы он принудил те города, какие не захотят вернуть изгнанников» (D i o d., XVIII, 8). Известно, к каким тяжелым последствиям привело обнародование этого указа в Греции. Но, например, Тегея приняла его как должное. В надписи 324 г. (SIG³, 306) тегеаты пишут: Ἀλεξάνδρου, τὸ διάγραμμα γραφῆναι κατὰ τὰ ἐ-[πανω]ρθώσατο ἅ πόλεις τὰ ἐν τοῦ διαγράμματος ἀντιλεγόμενα τὸς φοράδας τὸς κατενθόντας τὰ πατρίδια κορίζεσθαι κτλ. Тегейцы исправили свои законы, противоречившие διάγραμμα Александра, и получилось, таким образом, что они возвращают изгнанников в соответствии со *своими* законами.

При таком отношении к установившейся власти македонского царя, ставшего владыкой мира, вполне понятно, что и диадохи, может быть, вполне искренне считали, что уважают свободу и автономию эллинских городов, хотя фактически с ними не считались; а, с другой стороны, города пишут о царе и его преемниках в тоне покорного раболепия, напоминая почетные декреты периода Римской империи. Интересна в этом смысле надпись из Нес в честь Терсиппа: когда после смерти Александра Филипп Аридей и Александр унаследовали престол, Терсипп, ἔων [τοῖς βασιλέσσι φίλος καὶ τοῖς στρατοῦχοις] καὶ τοῖς ἄλλοις Μακεδόνας, оказал городу большие услуги, Ἀντίπατρω γὰρ ἐπιτάξαντος χρήματα εἰς τὸν πόλεμον εἰσφέρειν πάντων τῶν ἄλλων εἰσφερόντων Θέρσιππος παραγενόμενος πρὸς τοῖς βασιλέας καὶ Ἀντίπατρον ἐκούφισσε τὰμ πόλιν, ἐπραξε δὲ πρὸς Κλεῖττον περὶ τῆς εἰς Κύπρον στρατείας καὶ ἐ[κ] μεγάλας δαπάνας εἰς μῆκρον συνάγαγε. Здесь важно отметить, помимо раболепного тона по отношению к царям и стратегам, то обстоятельство, что и Антипатр и рядовые военачальники накладывают на свободные эллинские города военные налоги. Но это вполне соответствовало т о г д а ш н е м у понятию свободы и слагавшемуся н о в о м у типу господства.

Бикерман и вслед за ним Эренберг были бы вполне удовлетворены свободой греческих городов, если бы они были включены Александром в Коринфскую лигу; тогда все формально было бы правильно; но по существу это ничего бы не изменило. Свобода в системе эллинистической монархии имела иное значение, чем в системе эллинских полисов классического времени; задача эллинистических монархий в том и состояла, чтобы положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов. Но то не была просто тирания, то было нечто совершенно новое; параллельно с падением независимости греческих городов шло втягивание в политическую жизнь, приобщение к эллинской культуре народов Вос-

тока. Политика Александра была гораздо величественней, чем это кажется с узко-эллинской точки зрения, или с точки зрения формально-юридической, не считающейся с конкретными историческими условиями. Древние авторы хорошо это понимали.

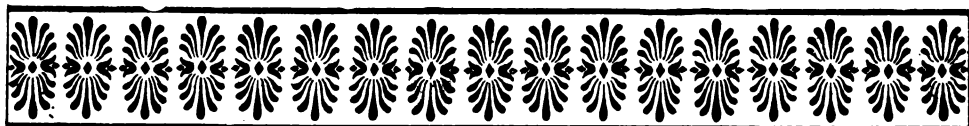
Александр, пишет Плутарх, «построив для варварских народов более семидесяти городов и рассеяв по Азии семена эллинских учреждений, поднял их над диким звериным образом жизни». «Ибо он прошел по Азии не как разбойник и не потому, что вознамерился захватить и набрать данную неожиданной удачей добычу и наживу, как впоследствии Ганнибал вторгся в Италию, а до того треры в Ионию и скифы в Мидию, но, желая, чтобы все люди на земле стали повиноваться одному разуму и одному государственному строю, он соответственно этому себя сформировал» (Plut., de fort. Al., 5, 328 F; 7, 330 D.).

Мы не имеем прямых данных для суждения о тех сознательных целях, какие себе ставил Александр. Он не успел привести в порядок свою грандиозную державу, оставшуюся конгломератом различных племен и народов с различными формами политической и общественной жизни. Он не проводил последовательной политики во всех завоеванных областях; он сохранил храмовые территории и их систему управления, оставил у власти финикийских царьков, иерусалимскую перократию и т. д. Но намеченная им только в самых общих контурах политика была продолжена его преемниками.

Мы не знаем тех 70 с лишком городов, которые, по словам Плутарха, построил Александр на Востоке, но Александрия и Ходжент, Кандагар и Герат существуют поныне и, главное, его строительство городов послужило примером для градостроительства диадохов—Селевкидов, Птолемея, Атталидов. В том и состоит величие Александра, что своей деятельностью он намечал пути для других поколений.

В своей политике по отношению к греческим городам Малой Азии Александр мог руководиться в каждом конкретном случае множеством разнообразных мотивов, в том числе случайных, личных, даже, может быть, мелочных. Но вся его политика в целом велась в направлении, объективно диктуемом условиями экономической общественной жизни того времени. Политика по отношению к Элладе и ἑλληνίδες πόλεις была одним из элементов, из которых создавался новый период в истории человечества — эллинизм.

М. Е. Сергеенко

СКРОФА И АПОЛОГИЯ КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Среди многочисленных источников по истории древнего Рима, изученных, казалось бы, вдоль и поперек, имеется один, мимо которого и наши и западные ученые прошли, не удостоив его вниманием. Это латинские сельскохозяйственные писатели, дошедшие до нас только в отрывках, немногочисленных и по большей части кратких. В 80-х годах прошлого столетия ими воспользовался как материалом для диссертации обычного типа немецких докторских диссертаций Рихард Рейценштейн: он собрал почти все места, где имеются ссылки на этих писателей и приводятся цитаты на них, и снабдил этот каталог кратким и бесцветным введением¹. После Рейценштейна память «утерянных сельскохозяйственных писателей», как их официально именуют, никем не была тревожима, и только увесистые немецкие справочники посвящали им — по обязанности — несколько строчек петитом каждому — нечто вроде надписей на могилах, всеми позабытых и никому не нужных.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что отрывки эти заслуживают внимания и что в них содержится материал, ценный отнюдь не для одной истории агрикультуры. Фрагменты Сазерны дают, например, возможность восстановить картину хозяйственных отношений в Цисальпинской Галлии II в. до н. э.: факты, о которых сообщает Сазерна, напрасно было бы искать еще в другом месте. Фрагменты Скрофы приоткрывают ту борьбу идей, которая кипела вокруг аграрной реформы, начатой Гракхами, и позволяют взглянуть на идеологические позиции, с которых противники Гракхов отстаивали необходимость крупного землевладения.

Тиберий Гракх обосновывал свой земельный закон соображениями государственной необходимости. Он говорил о том, что крестьянство обнищало, а страна обезлюдела, что Риму грозит опасность потерять свои завоевания «от слабости и ненависти». Слова эти не были только риторическим преувеличением. Мы имеем данные переписей за ряд лет: начиная со 164 г., число граждан неуклонно падает: проводить рекрутские наборы становится все труднее. Гай Гракх проводит закон, из которого явствует, что ряды легионеров приходилось пополнять мальчиками, не достигшими 17-летнего возраста; страна, выставившая против Ганнибала 23 легиона, теперь с трудом могла набрать 8. Такие факты были грозным предупреждением, и сторонники Гракхов имели все основания рассматривать их

¹ R. Reitzenstein, De scriptorum rei rusticae libris deperditis, Diss., Bero-
lini, 1884.

аграрное законодательство как проявление мудрой заботливости, стремящейся исцелить язвы государства. Чем могли ответить им противники Гракхов? Аппиан приводит жалобы крупных землевладельцев, которые, по закону Тиберия, лишались государственной земли, ими захваченной: «... они ссылались на то, что давным-давно обрабатывают (эту землю), говорили о своих посадках и постройках, о том, что они купили (свой участок) у соседей—неужели вместе с землей потеряют они и свои деньги? У некоторых на этой земле были отцовские могилы, и они получили эти участки по наследству от родителей; другие истратили на эту землю женино приданое или отдали ее своим дочерям, выходящим замуж...» (App., b. c, I, 10). Все эти доводы были по-своему сильны и в своей среде звучали очень убедительно. Слабой стороной их было, однако, то, что во всех этих возражениях не было и следа мысли о государственной пользе. Знаменательно, что и Аппиан и Плутарх, используя дружественную для Гракхов традицию, приводят именно эти—ничтожные, если их брать в государственном аспекте,—возражения. Между тем, среди оптиматов было, конечно, достаточно людей, которые понимали, что против соображений, которыми Гракх защищал свое земельное законодательство, они должны выдвинуть свои—такие, чтобы их можно было защищать также с точки зрения государственной необходимости. Надо думать, что ими и была построена апология крупного землевладения, исходившая именно из соображений государственных. Отголоски этой апологии мы найдем у Плутарха, когда он говорит: «... богатые... старались остановить бедных, потому что Тиберий предлагает раздел земли, чтобы сокрушить государство», а также у Цицерона: «... Оптиматы боролись (против земельного закона, внесенного Т. Гракхом): они видели, что им поднята в государстве рознь, и считали, что, сгоня состоятельных людей с их давних владений, он лишает государство его первых защитников» (Plut., Ti. Gr. 9; Cic., pro Sest. XLVIII, 103). Анналистика, враждебная Гракхам, проигнорировала их аграрное законодательство в прошлое, в V в. до н. э., приписывая его консулу Спурию Кассию, который мечтал захватить царскую власть с помощью земельного передела. У Дионисия Галикарнасского, пользовавшегося для своих «Римских древностей» источниками, частью восходящими к современной Гракхам эпохе, есть любопытнейшая защита крупной земельной собственности (Ant. Rom., VIII, 73, 4—5). Защита эта вложена в уста Аппия Клавдия, горячего противника реформы: «... бедняки перестанут желать подушного раздела земли, поняв, что выгоднее им совместное со всеми общее владение землей, чем обладание каждым маленькой долей. Мы им объясним, как велика здесь разница. Бедняк получает небольшой кусок земли, и, если соседи ему попадутся плохие, он не в силах будет сам справиться с землей из-за своих недостатков; а если соседей не будет вовсе, некому будет взять его участок в аренду. Если же государство будет сдавать (общественную землю) большими участками, которые покروются разнообразными и доходными культурами, то они получают большой доход: им выгоднее будет, отправляясь на войну, получать деньги из государственной казны на хлеб и на паек, а не вносить еще каждому из собственного хозяйства в казну, когда и так нищета, а тут надо еще добывать денег».

Итак, крупная аренда государственной земли—вот что выгодно беднякам и выгодно всему государству, у которого оказывается и полная казна и превосходно снаряженное на государственный счет войско. Можно не сомневаться, что во всех приведенных цитатах мы слышим отголоски той идейной программы, которую сочинили противники Гракхов, стремясь доказать, что ими руководит отнюдь не «жадность и корысть», в которых источник, дружественный Гракхам и широко использованный Плутархом,

постоянно их упрекает, а самая настоящая забота о государственных интересах.

Гракхи были убиты, и дело их погибло. И, однако, мысль о земельных реформах прочно держится в умах. В 104 г. трибун Марций Филипп провозносит свою, по определению Цицерона, «преступную речь», в которой заявляет, что в стране нет и двух тысяч человек, которые имели бы недвижимую собственность, и требует раздела земли (*C i c., de off., II, 21, 73*); с предложениями аграрных реформ выступают в течение I в. до н. э. и Сатурнин, и Ливий Друз, и Сервилий Рулл. Крупные землевладельцы чувствуют себя под угрозой, фактически, может быть, и не страшной—все проекты наделения землей терпели крушение—и тем не менее раздражающей и надоедливой. Надо обороняться—агрономический трактат Тремеллия Скрофы был задуман именно как защита крупного землевладения. Варрон, выдвинувший Скрофу на передний план, в первых двух книгах своего «Сельского хозяйства» живо рисует общество, полноправным членом которого является Скрофа. Это были люди, которые выполняли ответственные государственные поручения, управляли провинциями, стояли во главе войск и собственными глазами повидали чуть ли не всю тогдашнюю *oikouméne*. В просвещении они стоят наравне со своим веком: им знакомы самые разнообразные области знания—философия и право, история и литература. Они читают Аристотеля и Дикеарха, «Анналы» Пизона и Катоновы «Начала», декламируют Энния, знают вдоль и поперек Плавта и Цецилия, и в разговоре им трудно обойтись без цитаты из Гомера. Все они в большей или меньшей степени понимают толк в сельском хозяйстве, и все они крупные землевладельцы.

Материал, который позволяет нам выделить Скрофу из этого общества и говорить о нем, как об отдельной личности, довольно скуден. Собрав вместе данные, рассеянные Варроном в его «Сельском хозяйстве», мы получим кое-что для биографии и характеристики Скрофы; ценным добавлением будут замечания Колумеллы, приводимые обоими писателями отрывки самого Скрофы и несколько слов о нем у Плиния Старшего.

Тремеллий Скрофа был современником Варрона и принадлежал к среднему кругу римской правящей аристократии—к тем людям, которые, принимая непосредственное участие в управлении государством, не играли руководящей роли и не занимали командных постов. Мы не знаем ни одного консула Тремеллия, и наш Скрофа дошел только до претора. Гордостью рода было то обстоятельство, что семь его членов подряд носили это звание. Седьмым был как раз наш Скрофа, и он упоминает об этом с видимым удовольствием (*V a r r o, г. г., II, 4, 2*). У него было несколько имений (*fundi eius*, там же, I, 2, 10), по крайней мере одно из них находилось под Римом. Сам он говорит о себе, что хозяйством он увлекался с раннего возраста (*V a r r o, г. г., II, 4, 3*), но интересы его были сосредоточены не на одном хозяйстве. Одарен он был, повидимому, умом живым и любознательным: Колумелла говорит о его пристрастии к старой философии (*II, I, 2*), Варрон засвидетельствовал его превосходное—до мелочей—знание Теофраста (*г. г., I, 7, 6—7*). Характерно, что отрицательный отзыв о Теофрасте: «книги его годятся для тех, кто хочет работать в школах у философов, а не в поле» (*г. г., I, 5, 1*) Варрон не осмелился приписать Скрофе: очевидно, он прозвучал бы в его устах неправдоподобно. Если Колумелла (*II, 1, 2*) дословно привел цитату из Скрофы «земля, всеобщая мать, словно существо женского пола, истощенное старостью, не в состоянии больше родить» (*parentem omnium terram sicut muliebrem sexum aetate anili iam confectam prognerandis esse fetibus inhabilem*), то она свидетельствует о прилежном чтении Лукреция и о хорошем знакомстве с ним: это отголосок его слов (*de r. nat., V, 826*): *Sed quia*

finem aliquam pariendi debet habere, destitit, ut mulier spatio defessa vestusto. Специальную сельскохозяйственную литературу знал он, повидимому, широко: из его отрывков видно, что он читал и Магона и Ксенофонта и эллинистических сельскохозяйственных писателей, которыми, при позднейших переработках, дополнили Магона (С о 1., I, 1, 6; II, 8, 5). Прекрасный хозяин вообще, он особенно хорошо знал такие отделы, как скотоводство—Варрон говорит, что он мог быть учителем в этой области (г. г., II, 1, 2),—и садоводство: тот же Варрон рассказывает, что сады Скрофы приводили на память Священную дорогу в верхней ее части, где находились самые лучшие в Риме фруктовые лавки, торговавшие таким товаром, что за него надо было расплачиваться золотом (там же, I, 2, 10). Любители и знатоки сельского хозяйства приезжали к нему полюбоваться на его плодохранилища. Мы не знаем, когда и по какому непосредственному поводу решил он собрать весь свой опыт и знания в трактате о сельском хозяйстве. Обладал он, повидимому, незаурядным литературным дарованием: по крайней мере, Колумелла, человек с хорошим вкусом, выразительно подчеркивает, что Скрофа «сделал агрономию красноречивой» (I, 1, 12) и что он «передал наставления по сельскому хозяйству с изяществом и со знанием дела» (II, 1, 2). Книга его до известной степени выдержала испытание времени: сто слишком лет после ее появления ее читал и ценил такой знаток хозяйства, как Колумелла; Плиний пользовался ею для 11-й, 14-й, 15-й, 17-й и 18-й книги (Pl., NH, I, перечень использованных авторов для названных книг) своей «Естественной истории», т. е. для полевого хозяйства, виноградарства и плодоводства, а также, по всей вероятности, и для пчеловодства (IX кн.).

Вся эта сельскохозяйственная эрудиция (обломки ее, дошедшие до нас чрезвычайно интересны для истории агрономии), преподнесенная, вероятно, на фоне общей широкой образованности, имела целью своей не только научить хозяйничать: она очерчивала волшебный круг, внутри которого было место только хорошим хозяевам. Чтобы войти в него, надо было «знать, мочь и хотеть»: по всей вероятности, в самом начале своего труда лаконически сформулировал Скрофа это требование: «только у того земля будет превосходно обработана, кто узнает как ее обрабатывать, сможет и захочет ее обработать» (С о 1., I, 1, 1). Эта, невинная с виду формула при ближайшем рассмотрении оказывается не чем иным, как лозунгом, которым крупные землевладельцы объявляют, что только они могут как следует вести хозяйство, только у них земля будет обработана на славу (*cultissimum rus*) и, следовательно,—вывод этот напрашивается сам собой—только крупное землевладение выгодно государству. Попробуем проанализировать слова Скрофы на основании того материала о нем, которым мы располагаем.

Итак, хозяин должен «знать». Почему, однако, отказывать в знании мелкому землевладельцу? Земледелие основывается на опыте, и старейшие агрономические книги Италии—Катон и Сазерна—представляли собой в значительной степени только сводку векового дедовского опыта. Грамотность в древней Италии была широко распространена, прочесть Катона или Сазерну было вовсе не таким уже трудным делом. Скрофа, который на практике неоднократно ставил собственные наблюдения и опыт выше чужеземных авторитетов (С о 1., I, 1, 6; II, 8, 5), противореча сам себе и, вероятно, не замечая этого противоречия, объявил необходимым ингредиентом знания знакомство с греческой наукой. Чтобы доказать эту необходимость, надо было нанести удар родной, национальной агрономии, и Скрофа не остановился перед этим и во всеуслышание провозгласил, что латинская агрономическая наука по существу ничего не стоит. Варрон сохранил для нас отзыв Скрофы о сочинении Сазерны, выдающегося хозяина и сель-

«схохозяйственного писателя второй половины II в. до н. э. По словам Варрона, «Скрофа знал эти книги и презирал их» (г. г., I, 2, 25). Отношение к Сазерне определяло и отношение к Катону, так как сочинения и того и другого строились, в основном, по одному типу. Если, однако, с точки зрения любого научно разработанного греческого трактата, Сазерна и Катон представляли собой беспорядочный ворох всяческих сведений, то это обстоятельство для беспристрастного читателя не было еще достаточным поводом для «презрения», которое Скрофа испытывал к этим авторам. Превосходный хозяин-практик, он как раз был в состоянии оценить те сокровища агрономического опыта, которые у них были собраны и которые обеспечили агрономической науке древней Италии уважение наших современников. Если Скрофа поднял руку на своих предшественников, то сделал он это потому, что ему надобно было объявить людям, которым не по силам и не по средствам оказывалось получить греческое образование, невеждами. Кроме того, «знать», по мысли Скрофы,—это не только читать и учиться из книг: это еще уметь выбрать то, что пригодно и полезно, жалуются же латинские хозяева на то, что у Магона много неверных сведений (С о I., I, 1, 6). Можно ли, однако, рассчитывать на такое критическое чутье у непросвещенного простолюдина? Характерно, что Скрофа в качестве примера, как неразумно можно использовать книгу, берет Магона, сельскохозяйственная энциклопедия которого, переведенная на латинский язык, была доступной и человеку, не знавшему греческого языка. Если Катон и Сазерна заслуживали только презрения, а советы Магона были «лживыми» (*falsa prodita*)—Col. I, 1, 6), то тем самым двери настоящего агрономического знания перед бедняком-земледельцем закрывались плотно и навсегда. Первый член этой аристократически-надменной триады—знание—объявлялся для этих людей недоступным. Бедные пахари, не приобщенные к греческой науке, не могли «знать», как надобно обрабатывать землю.

Посмотрим, как обстояло дело со вторым членом: «могли» мелкие землевладельцы обработать как следует свою землю или нет? Мы упоминали уже выше слова Скрофы об истощении земли. Видимо, проводил он эту мысль настойчиво, иначе Колумелла не стал бы упрекать его в излишней склонности к учениям, исповедывавшим эту теорию. Что заставило нашего автора в сельскохозяйственном трактате повторять эту скорбную весть о постепенном обветшании мира?, почему пришлась она ему так по душе? Во всяком случае, он не собирался оставаться спокойным созерцателем того, как все падает и ухудшается. Надо было поставить какой-то барьер истощению земли—если не остановить, то, по крайней мере, задержать его. Средство для этого было давно известно итальяскому хозяину: землю надо было удобрять. Сохранился отрывок Скрофы, перечисляющий растения, которые истощают почву (С о I., II, 13, 3); в противовес ему должен был, конечно, иметься другой список—список растений, удобряющих землю. А мог ли как следует удобрять землю мелкий хозяин? Ответом на это служит красноречивейший фрагмент нашего писателя: «нетронутые и лесные места, когда их начинают обрабатывать, дают щедрые урожаи, а вскоре вовсе уже не так вознаграждают труд земледельца» (С о I., II, 1, 5). Здесь значительно каждое слово, и на каждом следует остановиться.

Прежде всего, что разумеет автор под «нетронутыми и лесными местами» (*intacta et silvestria loca*) и почему заходит речь именно о них? Где в Италии, представлявшей уже к половине I в. до н. э. «сплошной фруктовый сад», по выражению Варрона (г. г., I, 2, 6), могли находиться эти девственные пространства? Перед глазами Скрофы вставали, конечно, просторы пастбищ и пустошей, входивших в состав общественной земли, того *ager publicus*, который и после Гракхов, уже значительно урезанный, оставался

фондом, подлежащим по проектам разных аграрных реформ превращению в небольшие наделы для бедняков. Стоило ли государству нарезать эти наделы? вначале, спора нет, они принесли бы прекрасные урожаи, а дальше? «Они не вознаградили бы труда хозяев», говорит Скрофа,—иными словами, попытка создать мелких собственников была в самом основании своем порочной: мелкий хозяин неизбежно обречен на нищету, потому что он «не может» обработать свой участок как следует и не может приостановить роковое истощение земли. В интересах ли государства отдавать свою землю тем, в чьих руках она не принесет дохода и год от года будет становиться хуже и хуже?

Хозяинничать должен только тот, кто «может» этим заниматься. Колумелла в полном согласии с мыслью Скрофы прокомментировал его «может», как «возможность тратиться» (*facultatem impendendi*—I, 1, 1). Скрофа и здесь проводил резкую границу между старым, дедовским способом хозяйничать и тем, который он считал единственно возможным и рациональным. Вспомним старого Катона, который на первой же странице своего «Земледелия» предостерегал начинающего хозяина от расходов: «Смотри, чтобы оборудования было поменьше и чтобы на имение не надо было много тратиться. Помни, что с землей, как с человеком: сколько бы он ни наживал, если он много проживает, то прибыли ему мало» (*С а t o, de agr.*, 1, 6). Мы не знаем, на что рекомендовал Скрофа хозяину тратиться, да, в конце концов, это и не важно: «способность тратиться», у мелкого землевладельца, конечно, отсутствовала. У него могла быть только «воля к действию» (*voluntas agendi*), но каждому ясно, что эта воля, не подкрепленная знанием, без опоры в материальных средствах, создать «превосходное хозяйство» (*cultissimum rus*), выгодное для государства, не могла.

Тиберий Гракх сказал когда-то, что люди, которые сражаются и умирают за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света; что у тех, кого называют владыками вселенной, нет собственного комка земли. Те, кто фактически отнял у итальянского крестьянства землю, не удовлетворились этим: им надо было, если можно так выразиться, закрепить за собой эту землю идеологически. Мысль богатого землевладельца упорно работает в этом направлении: к середине I в. до н. э. мы имеем стройно обоснованную теорию, объявляющую, что хорошее, т. е. единственно выгодное для государства, хозяйство может вести только богатый человек. Тем, «кто сражался и умирал за Италию», было теперь не только отказано в «комке земли»: за ними отрицалось право даже притязать на него.

ДОГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ КРИТА

В течение последних двадцати лет не прекращаются попытки расшифровать памятники критской письменности. Это и понятно: в одном Кноссе найдено около 1600 надписей; отдельные надписи, написанные теми же письменами, найдены на Кипре, на северном и восточном побережье М. Азии, на Кикладах, в Беотии, Аттике, Ароглиде (отчасти уже Шлиманом, в 1870 г. и позже), а в 1939 г. в Пилосе, в Мессении Блеген и Куртионитис нашли около 600 надписей, написанных теми же письменами. Крит был колыбелью греческой культуры, и естественно ожидать, что дешифровка критских писмен откроет новую и притом важнейшую страницу древнейшей греческой истории. Поэтому упорство ученых, стремящихся во что бы то ни стало расшифровать эти письмена, вполне понятно. К сожалению, из найденных надписей до сих пор опубликована лишь незначительная часть: в 1909 г. Эванс (Evans) в своем издании «*Scripta Minoa*» опубликовал 122 надписи, написанные иероглифическим письмом и древнейшим линейным (так наз. «письмом А»); в 1915 г. несколько критских надписей опубликовал G. M a r a g h i a n n i s в книге *Antiquités Crétoises*, табл. XXXIX; в 1935 г. Эванс во 2-ой части IV тома «*The Palace of Minos*» опубликовал около 200 надписей, написанных преимущественно поздним линейным письмом XV—XIV вв. до н. э. («письмо В»¹). Несколько десятков надписей бухгалтерского характера опубликовал в результате своей поездки на Крит финский ученый И. Сундвалл в 1932² и в 1936 г.³

Если все эти памятники не дают никакого представления о том, как звучат соответствующие слова критского языка, то опубликованный Врешинским⁴ и затем переизданный Питом⁵ египетский медицинский папирус принес нам текст на критском языке, транскрибированный египетскими иероглифами (в египетском письме не было особых знаков для гласных и они передавали их в иностранных текстах знаками придыхания;

поэтому египетский знак мы транскрибируем как *a*, египетский знак как *e*, а вместо *j* и *w* пишем *i* и *u*). Здесь читается согласно Боссерту (ниже, стр. 72 прим. 4): «Заклинание против азиатской болезни на языке Крита (Kaftô): *Santi Kapuri waj ia j menti rakakar* (или, так как египетский язык не имел знака для *l*—

¹ Так наз. фетского диска я здесь не касаюсь, ибо он скорее всего завезен на Крит случайно. В виду трудностей, связанных с воспроизведением знаков критского письма, мы заменили их указанием взятых в скобки №№ знаков «письма В» по Эвансу. В прилагаемой таблице I читатель найдет начертания соответствующих знаков. Знаки кипрского силлабария читатель найдет в той же таблице, рядом с соответствующими критскими.

² J. S u n d w a l l, *Minoische Rechnungsurkunden*, Helsingfors, 1932 (Societas Scientiarum Fennica, Commentationes Humanarum Litterarum. t. IV).

³ J. S u n d w a l l, *Altäretische Urkundenstudien Abo*, 1936 (Acta Academiae Aboensis, Humaniora).

⁴ W r e s z i n s k i, *Der Londoner medizinische Papyrus*, 1912.

⁵ T. E. P e e t, *Essays on Aegean Archaeology* (Сборник в честь Эванса), Oxford, 1927, стр. 90—99.

lakakul). Это изречение произносят над пеной напитка, находящегося в состоянии брожения, над мочой и соком (благоухающего) растения. Так поступать».

В 1939 г. были впервые опубликованы результаты раскопок, произведенных С. W. Blegen и К. Kurionitis недалеко от мессенского Пилоса¹. Они обнаружили здесь позднемикенский дворец, в котором в числе прочих предметов, было найдено около 600 глиняных табличек, совершенно сходных с найденными в Кноссе и написанных тем же линейным шрифтом. Естественнее всего было ожидать, что эти надписи позднемикенской эпохи окажутся написанными на греческом языке; это давало надежду на то, что благодаря им будут расшифрованы и надписи на критском языке. Кречмер² писал по этому поводу: «Новые находки табличек из мессенского Пилоса, написанных минойским шрифтом, как можно надеяться, облегчат дешифровку минойских надписей». Как мы увидим, эти ожидания не сбылись.

Из многочисленных попыток дешифровки этих памятников (часть попыток носит, повидимому, совершенно фантастический характер³) наиболее серьезными являются, прежде всего, работы Перссона⁴. Для Перссона исходным пунктом явился кипрский силлабрий, применявшийся на Кипре для написания греческих текстов еще в V—IV вв. до н. э. На Кипре и в языке, и в религии, и в географических названиях сохранилось наибольшее количество следов критско-микенской культуры; с другой стороны, целый ряд знаков критского письма совпадает (или очень сходен) с соответствующими знаками кипрского силлабрия. Каждый знак кипрского силлабрия служит для обозначения открытого слога (согласный + гласный); для звонких согласных (g, b, d) нет особых обозначений, и они передаются через k, p, t. Отдельными знаками гласные звуки обозначаются только в начале слова. Носовые согласные в конце слова вовсе не обозначаются.

Письмо это не приспособлено для греческого языка и породило ряд трудностей. Ясно, что это письмо не могло быть придумано для греческого языка: в греческом языке слоги очень часто начинаются с двух и более согласных звуков, а также кончаются на согласные. Если бы это письмо было придумано греками, они, несомненно, придумали бы особые обозначения для согласных, стоящих в таких положениях (см. ниже, стр. 79). Далее, в пользу того, что и критское письмо было силлабическим, говорит и то обстоятельство, что, кроме идеограмм, линейное письмо В имеет 83 знака, т. е. примерно столько же, сколько и кипрское; при этом из 65 знаков кипрского силлабрия *по меньшей мере* 20 имеют очень близкие прототипы в критском письме⁵.

Все это заставило Перссона предположить, что кипрский силлабрий явился лишь дальнейшим развитием и видоизменением критского письма. Но отсюда следует, что в критском письме, для которого эти силлабические знаки были изобретены, все слоги были открытыми, т. е. кончались гласной и начинались с одной согласной, или состояли только из одной гласной, так что здесь, как правило, за каждой согласной следовала гласная; назализация гласной на письме вовсе не обозначалась.

Исходя из этих принципов, Перссон (стр. 19 указанной работы) очень остроумно прочел вторую строку в приводимой им критской надписи: (58) (60) (58)—||.

¹ Excavations at Pylos, AJA, XLIII, 1939, стр. 564—569; ILN, № 5224, 3.VI, 1939 г., стр. 979—981, 1006.

² Glotta, 28 (1939), стр. 110.

³ Работы S t a w e l l, A Clue to the Cretan Scripts, Bell, 1931, пытающейся расшифровать критские надписи как написанные на греческом языке, и G o r d o n, Through Basque to Minoan, Oxford, University Press, 1935, известны мне только из статьи Ventris (см. ниже), который дает этим работам резко отрицательную оценку.

⁴ Наиболее важная—A. W. P e r s s o n, Schrift und Sprache in Alt-Kreta, Uppsala Universitets Årsskrift, 1930, Program 3.

⁵ A. J. E v a n s, The Palace of Minos, т. IV, ч. 2, стр. 762; M. G. F. V e n t r i s, Introducing the Minoan Language, AJA, XLIV (1940), стр. 507; P e r s s o n, ук. соч.

Последние три знака—цифра 12¹, знаки (58) и (60) имеют такой же вид в кипрском силлабрии; слово (58) (60) (58) читается *la-pe-la*. Слово *ταπητ*-(*τάπητς*, *τάπητος*) встречается уже у Гомера и означает «ковёр»; это слово не греческое и не индоевропейское (в новых языках оно взято из греческого); повидимому, вместе с рядом других слов оно заимствовано древними греками с Крита. К выводу Перссона присоединились авторитетнейшие ученые, например, Бранденштейн².

Здесь же Перссон дал очень остроумную дешифровку греческой надписи из Асины в Арголиде примерно XII века, написанную письмом средним между критским и кипрским силлабарием. Исходя из сходства знаков этой надписи с кипрским силлабарием, он прочел здесь: «О Лимнория, Ианасса и Кимо (известные имена нимф), в (храме) Посейдона меня посвятил вам...» (говорит сосуд). Это чтение также нашло широкое признание в науке; его принимает такой крупный специалист, как М. П. Нильсон в его книге «Homer and Mysene», London, 1933, стр. 78³. Если эту попытку признать удачной, то мы получаем новое доказательство того, что критское письмо надо дешифровать на основании кипрского силлабария.

Ввиду отсутствия какого бы то ни было материала для суждения о том, как звучали слова критского языка, особое значение получает закливание на критском языке в египетском медицинском папирусе, о котором мы говорили выше, стр. 70—71. Очень интересна попытка разобрать его, предложенная Боссертом⁴ и поддержанная Бранденштейном в уже цитированной статье в RE, стб. 204. Боссерт исходит из того, что, как «поясняет египетский автор, при произнесении этого текста должны пениться: пенный напиток, моча и сок благовонного растения. Последнее слово, которое он читает с полным правом *lakakal*, он сопоставляет с глоссой Гесиchia *λαχχῆσι*, *ἀφρίσι*, т. е. «пенится». Он указывает, что на ряде критских ваз имеется надпись (21) (101) (101) (54). Так как (21) изображает двойную секиру, *λίβρος*, а начальный слог этого слова—*la*, то он читает этот знак, как *la* (этот же знак, в упрощенном виде, сохранил значение *le* и в кипрском силлабрии). Следующий за «*la*» знак (101), как показал Эванс⁵, представляет собой линеализированное упрощение иероглифа, изображающего кальмара (*καλκαμ*, уменьш. *καλκαρίον*, откуда наше слово «кальмар») — слово *καλκαμ* также до-греческое; поэтому знак (101) Боссерт читает как *ka*. Последний знак (54) сходен с соответствующим кипрским (оба они представляют собой стилизованное изображение лебеда); его обычно читают как *li*. Получается то же слово *la-ka-ka-li* «пенясь». В первых двух словах египетского папируса: *Senti*, *Kapupi* Боссерт видит имена популярнейших малоазиатских богов—Сандона и Купапы. Слово *menti* Бранденштейн обближает с греческим *μῆνθι*, «мята» — также словом до-индоевропейского происхождения. Это и есть «сок благовонного растения», о котором говорится в египетском наставлении (ибо по-гречески мята имеет еще второе название: *τὸ ῥόδιστον*, «благовонное»). В целом Боссерт переводит надпись так: «Сенти, Купапи, пусть этот напиток, эта моча и этот сок мяты пенятся».

По пути, указанному Перссоном, пошел в 1936 г. Э. Милонас⁶. Основываясь на сходстве критских знаков с кипрскими, он пытается прочесть надпись XII века на одном сосуде из Элевсина как греческую. Письмо, которым написана эта надпись, он называет «элладским» и показывает, что в это позднее время критское письмо было обогащено некоторым числом новых знаков, чтобы выразить звуки, существовав-

¹ В критских документах, как установлено с несомненностью, означает 1000,

 означает 100, — означает 10, означает 1, так что 1947 пишется так: —   —   —

² W. Brandenstein, Kreta (Sprache), RE., Suppl. VI, 1934, стл. 205.

³ Только чтение *ΠοσειδῆΦονος* он изменяет на *ΠοσειδῆΦονος* и по языковым и по палеографическим соображениям.

⁴ OLZ. 1931, стр. 303 слл.

⁵ Scripta Minoa, стб. 204 слл., № 59.

⁶ E. Mylonas, 'Εφημερίς ἀρχαιολογική, 1936, стр. 61—100.

шие в греческом и не существовавшие в критском языке. К сожалению, журнал *Εφemeris ἀρχειολογική* мне недоступен, и статья Милонаса известна мне только по краткой рецензии; поэтому дать более полную характеристику дешифровки Милонаса я не могу. С другой стороны подошел к проблеме критского письма в 1940 г. М. G. F. Ventris¹. Присоединяясь к взгляду Перссона, по которому основой для расшифровки критских знаков должен служить кипрский силлабарий, он указывает, что и остатки до-греческого языка в греческом (суффикс *-ιϛ* и т. д.), и отсутствие в кипрском силлабареи особых знаков для звонких согласных, и отсутствие закрытых слогов показывают, что древнекритский язык был близок не к семитским и не к индоевропейским языкам, а к этрусскому и что именно в этом направлении должно вестись исследование. К сожалению, несмотря на то, что этрусские надписи написаны греческим алфавитом, наши познания в этрусском языке еще очень скромны.

В таком положении стоял вопрос о критских надписях, когда, начиная с 1943 г., со своими статьями по этому вопросу выступил профессор Пражского университета Бедржих Грозный, известный своей замечательной дешифровкой хеттских клинописных памятников. Настроение историков и филологов по вопросу о возможности расшифровки критских писем стало к этому времени весьма пессимистическим: билингвы отсутствуют, язык, на котором написаны эти памятники, или хотя бы группа, к которой этот язык принадлежит, не известны, не известно и фонетическое значение знаков. При таком положении вещей дальнейшие попытки дешифровки критских писем представлялись безнадежными.

Однако человеческому остроумию и изобретательности нет и не может быть пред-указанных границ, и поэтому никто никогда не вправе утверждать, что и при самых неблагоприятных условиях дешифровка того или иного памятника невозможна. Был ли в более благоприятных условиях Гротенфенд, когда взялся за дешифровку клинописи?

В 1943 г. Грозный в своей работе *«Älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens»*, вышедшей в Праге, в главе «Критский вопрос и его временное решение», заявил, что проблема критских писем в основном им разрешена. Правда, он довольно часто употребляет выражения «как мне представляется» и «повидимому», но ряд других утверждений он как в этой, так и в разбираемой нами здесь работе выставляет в совершенно аподиктической форме («Чтение отдельных знаков этой надписи устанавливается с несомненностью» и т. п.) — ключ к проблеме, по его мнению, найден; остается только разработать отдельные частности.

Это предварительное сообщение было только анонсом к большой работе о критских надписях, первая часть которой вышла в июле 1943², вторая — в 1946 г.³; третья часть, содержащая в числе прочего пилосские надписи (см. выше, стр. 71), выводы и указатели, как можно заключить из указаний Грозного во II части, сдана в печать, но до сих пор еще не вышла.

До появления труда Грозного, как мы видим, все попытки дешифровки критских надписей, заслуживающие названия серьезных и научных, имели своим отправным пунктом кипрский силлабарий.

Грозный пошел совершенно иным путем. Хотя в своей «Истории Передней Азии» он и признает, что «значительная часть знаков критского линейного письма поддается дешифровке при помощи кипрского силлабарея», — из 20 сходных знаков он только 7 (25a) = lo, (59) = na, (44a) = pa, (58) = ta, (20) = ni, (36) = e, (11) = i сохраняет и для критского письма с тем же значением, какое они имели впоследствии в кипрском силлабареи; другие знаки (см. таблицу I) он объясняет из самых различных писем: египетского [знаки: ba = (54), u = (30)] (см. таблицу I), вавилонского клинописного, из протоиндийского и хеттского иероглифического (кстати, до сих пор не получивших общепризнан-

¹ Introducing the Minoan Language, AJA, XLIV (1940), № 4, стр. 494—520.

² B. Hrozny, Kretas und Vorgriechenlands Inschriften, Geschichte und Kultur, I. Archivum Orientale Pragense, XIV (Juli 1943), № 1—2, стр. 117.

³ B. Hrozny, Les inscriptions Crétoises, II. Archiv Orientalni, XV (1946), №. 3—4, стр. 149—302.

ТАБЛИЦА I

№ № по Звансу	Изобра- жение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кип- ского сил- лабария	Чтение по силла- барно
1	2	3	4	5	6
1		a	Сходно с финик.	—	—
2 ^a		i	ур-ие: (2a)(41)(40) = (2 ^b)(31)(2 ^a)(40)		li, ti
2 ^b		i	Сходно с хеттск. иерогл.	—	—
3		ba	Сходно с финик.	—	—
4		si	Сходно с протсинд.	—	—
5		sa	Сходно с хетт. иерогл. протсинд.	—	—
6		za	Сходно с финик.		ve
7		a	Сходно с хеттск.	—	—
8		a	ур-ие: (44a)(5)(7) = (44a)(5)(8)	—	—
9 и 37		si	ур-ие: (28)(9)(11)(11) = (28)(41)(11)(11)		si
10		ku	Сходно с финик.	—	—
11		i	Сходно с протсинд. Рукa по семит. „jad“		i
12		ha	ур-ие: (10)(47)(40) = (10)(12)(20)	—	—
13		i	Не объясняет		se
15		ka	Сходно с сабдйским (kaš)	—	—

№ № по Эвансу	Изобра- жение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кипр- ского сил- лабара	Чтение по силла- барии
1	2	3	4	5	6
16		sa	ур-ие: (49)(2 ^a)(30)(7) = (16)(2 ^a)(30)(7) хеттск. иерогл. „пила“, вавил. „sassarū“ [критск. (49)(19)(31)(40)]	—	—
17 ^a		ja	вариант		ka
17 ^b		ja	Сходно с хеттск. иерогл. с протоинд.		ti
18		ga	ур-ие: (59)(18)(41) = (41) Сходство с сем. (gimmel) „Peitsche, Geissel“	—	—
19		sa	ур-ие: (6)(56) = (19)(2 ^a)(7)	—	—
20		<u>ni</u>	Не объясняет		ni
21		<u>la</u>	Нач. слог изображения λάβρυς		le
22		ku	Изображение рогов; рог по хеттски „kurpu“	—	—
23 ^a		sa	ур-ие: (54)(23 ^a)(35 ^a) = (44 ^a)(5)(7)	—	—
23 ^b		ni	Дифференцировалось из (№ 47)	—	—
24		<u>gu</u>	Сходно с № 41		ga
25 ^a		<u>lo</u>	Сходство с кипрск.		lo
25 ^b		—	—		ne
26 и 63		ta	ур-ие: (26)(34)(46)(59) = (58)(34)(46)(40) Сходство с фин.	—	—
28		sa	ур-ие: (58)(44 ^b)(60)(7) = (58)(28)(60)(5)		to
29		va	Не объясняет		u

*) По мнению Грозного это - иероглифическое изображение
ремесленника читающееся: па-га-ги

№ № по Звансу	Исполни- жение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кипр- ского сил- лабария	Чтение по силла- барю
1	2	3	4	5	6
30		и	Сходство с египетск.		го га
31		га	Вариант (55) сходен с лат. R	—	—
32		sa	ур-ие: (58)(32)(60)(5) = (58)(28 ^a)(60)(7)	—	—
34		е	Сходство с хеттск. иерогл. U протоиндийским	—	—
35		и	Вариант № 2 ^a (2)	—	—
36		<u>е</u>	Сходство с кипрским		а, е
37		си	см. № 9	см. № 9	si
38		<u>ра, ро</u>	ур-ие: (44 ^a)(47)(2 ^a)(40) = (38)(47)(2 ^a)(40) Сходство с кипрским		ро
40		на	ур-ие: (26)(34)(46)(59) = (58)(34)(46)(40)	—	—
41		ру	(44 ^a)(58)(41) с изобр. ; ваб „рату“, меч	—	—
44 ^a		<u>ра</u>	Сходство с кипрск.		ра
44 ^b		sa	ур-ие: (1)(47)(5) = (56)(47)(44 ^b)	—	—
45 и 47		ха	Сходство с хеттск. иерогл. U с египетск. греч.		ру
46		та	ур-ие (26)(54)(11)(30)(40) = (46)(52)(30)(40)	—	—
49 и 52		sa	ур-ие: (58)(49)(60)(5) = (58)(28)(60)(5)		ua
50		му	Изобр. короуы хеттск. - му		та
52		ба	ур-ие: (46)(52)(30)(40) = (26)(54)(30)(40)	—	—

№№ по Эвансу	Изображение	Чтение по Грозному	Обоснование Грозного	Соответ. знак кипрского силлабария	Чтение по силлабария
1	2	3	4	5	6
53		za	см №6	—	—
54		ba	Сходство с египетск. b	≤	li
55		ri	Сходство с финик.	F	to
56		ja	Сходство с хеттск. иерогл.	—	—
58		<u>ta</u>	Сходство с кипрск.	т	ta
59		<u>pa</u>	Сходство с кипрск.	т	па
60		sa	ур-ив: (32)(5)(59)=(60)(60)(36)(40)	з	ре
61		—	—	з	zo
62		—	—	т	tu-
64		hi	ур-ив: (64)(44 ^b)(55)=(45)(44 ^b)(55)	—	—
65		za	ур-ив: (53)(59)=(65)(40)	—	—
67		ba	ур-ив: (8)(67)(45)=(7)(54)(45)	—	—
100		li	хеттск. иерогл.	Δ	ja
101		—	—	л	ко, ка
		—	—	х	ти

Сокращения:

Финик. — финикийский алфавит

хеттск. клин — хеттское клинописное письмо

хеттск. иерогл. — хеттское иероглифическое письмо

Протоинд. — протоиндийское письмо

Кипрск. — кипрский силлабарий

Дважды подчеркнуты чтения Грозного, совпадающие с кипрским силлабарием

ной дешифровки). «По моему мнению, критское письмо связано со знаками письменности всех этих групп, которые некогда географически тесно примыкали друг к другу», — замечал он в своей «Истории Передней Азии».

Однако, как можно убедиться из его новой работы (стр. 8), не в этом заключается основная мысль его новой дешифровки. Категорически отвергая попытки систематически истолковать критское письмо из кипрского силлабария¹, он исходит прежде всего из предпосылки, что знаки финикийского письма представляют собой лишь видоизменение знаков критского письма: из 22 знаков финикийского письма 17, по его мнению, весьма сходны с критскими. В доказательство он привлекает место Диодора (V, 74), в котором говорится, что финикийцы не выдумали буквы, а лишь видоизменили уже существовавшие. Основываясь на этих предпосылках, Грозный дает транскрипцию и дешифровку около 200 критских надписей, происходящих как из Крита, так и из материка Греции (всего таких надписей уже найдено больше 2000, но опубликована лишь незначительная их часть).

В опубликованных Грозным памятниках встречается 161 знак критского письма, или, если отбросить 35, являющихся лишь вариантами начертания других знаков, то 126. Из этих 126 знаков 32, как справедливо устанавливает Грозный, являются пиктограммами, схематическими зарисовками предмета. Из остальных 94 знаков 4 Грозный считает детерминативами, 5 — идеограммами, 2 — лигатурами. Остается 83 знака. Из них 3, по его мнению, фактически служат для обозначения не слогов, а согласных звуков, не менее 5 выражают то согласные звуки, то слоги, остальные выражают слоги. Исходя из того, что одни и те же слова (слова в критских надписях отделены друг от друга черточкой) встречаются в различных написаниях, т. е. один из звуков передается различными знаками, а остальные совершенно тождественны, Грозный приходит к выводу, что многие знаки, несходные по начертанию, обозначают один и тот же звук: так, (7), (8) и (1) выражают один и тот же звук *a*, (34) и (36) — один и тот же звук *e*, (11), (2^a) и (2^b) — один и тот же звук *i*, (17^b), (56), (35^a), (35^b), — слог *ja*, (24), (37), (41) — слог *ru*, (21^a), (21^b) — слог *la*, (40^a), (40^b) — звук *n*, (51), (54), (67) — слог *ba*, (44^a), (38), (99) — слог *pa*, (46^a), (46^b), (52^b), (58) — слог *ta*, (10), (101), (22) — слог *ku*, (49), (28), (44^b), (19) — слог *sa*, (5), (23^a), (60), (44^b), (19), (32), (4) — слог *si*, (45), (12), (64) — слог *ha*, (47), (64) — слог *hi*. И, наоборот, один и тот же знак может иметь различное звуковое значение, поскольку значение гласной в слоге у Грозного остается часто неопределенным: (25) = *l*, *lo*, *lu*, (60) = *s*, *se*, *si*, (64) = *ha*, *hu*, (47) = *ha*, *hu*, (50) = *me*, *mi*, *mu*, (38) = *pa*, *po*, *pu*, (3) = *ba*, *bu*, (46) = *ta*, *te*, (33) = *ti*, *tu*, (54) = *ba*, *pa*, (19) = *sa*, *si*, *za*, *zi* и т. д. Наряду с открытыми слогами в критском языке встречались, по его реконструкции, и закрытые — в этих случаях конечная согласная (как у кипрских греков) обозначалась особым слоговым знаком, причем его гласная не читалась; с тем же явлением мы встречаемся также, по мнению Грозного, в начале и в конце слов, напр. *ta-ri-i* читается *tri* [= *t(a)-r(i)-i*].

Исходя из такого чтения критских знаков, Грозный приходит к выводу, что язык критян был в основе индоевропейским. Он заключает это из наличия в критском языке индоевропейских корней (см. таблицу II; таких корней, как видно из этой таблицы, он насчитывает 27), из упоминания индоевропейских божеств *Zas*, *Zan*, *Zajas*, греч. *Zēs*, *Zēn*, *Zēōs*, *La-ta*, греч. *Λατῶ*. Это, конечно, еще не говорило бы о преобладающем индоевропейском характере языка, ибо Грозный полагает, что он обнаружил не меньшее число и семитических слов: *ta(lanton)*, *ja-huz*, братъ, *sa-sa-ra-n* = *bab. šaššaru* пила, *hugua* — копать = *вав. hurru*, *pa-t(a)-ru* = *patru* — нож и т. д. Существеннее то, что грамматика критского языка имеет характерные черты индоевропейского языка: окончание им. ед. ч. *s* в мужском роде (часто отпадающее), *n* в средн. роде и *t* в средн. роде место-

¹ Стр. 8: «Man erhält Worte und Sätze, die kaum möglich sind». Замечание это непонятно, ибо сочетание ряда открытых слогов не может оказаться неудобопроизносимым, а если, по мнению Грозного, получаются непривычные слова, не сходные со словами других языков, то это свидетельствует лишь о том, что язык Крита не был сходен ни с одним из известных нам языков.

имений, род. ед. ч. *s*, им. мн. *i*, им. мн. средн. рода *ja*, dat. loc. ед. ч. *i*, или *a*, прич. страд. с суффиксом *ta*, повел. накл. 3 лица *mediopassivi*—*ru*, 3-ье лицо индикатива истор. врем. на *ta* (=греч. *το*), наличие ряда характерных суффиксов—*ija* (=греч. *-ις*), *-ain* (ср. лат. *inus*, *anus*), *i-ta-s* (- греч. *ιτη*), *ja-va-ta-ta* ср. хеттск. *-tallas*, русск. (завое)-ватель. Правда, некоторые грамматические формы критского языка по мнению Грозного характерны для семитических языков: окончание 3 л. мн. числа, как в вавилонском, чередования *jahuz*, *ehuz*, *ahuz*, префикс *m*, но Грозный видит во всем этом случайные заимствования, взятые из семитических языков.

Таковы характерные черты дешифровки Грозного. Посмотрим, насколько его открытие является научно убедительным. Начнем с основного его положения: финикийское письмо заимствовано из Крита. Грозному, повидимому, осталось неизвестным, что эта гипотеза выставлена уже в 1905 г. Дюссо в статье *L'origine égéenne des alphabets sémitiques*, JA, стр. 357—361, также на основании сходства некоторых финикийских знаков с критскими. Прежде всего, цифра, даваемая Грозным, по моему мнению, преувеличена: из 22 знаков финикийского письма не 17, а maximum 11 имеют некоторое сходство с критским. В свете новых исследований о происхождении финикийского алфавита через сирийское письмо от египетского¹ такое сходство скорее говорило бы об общем источнике, чем о заимствовании. Но дело не в этом, Н. Bauer в своей книге *Der Ursprung des Alphabets* («Der alte Orient»), 1937, показал, что очень часто при заимствовании знаков письма им придается совершенно новое фонетическое значение. Если даже мы допустим непосредственное влияние критского письма на финикийское, это наблюдение окажется особенно верным для настоящего случая. Дело в том, что ряд букв финикийского алфавита акрофонетичен: иероглиф (𐤀) изображает голову быка (*alef); поэтому, став буквой, этот иероглиф получил значение первой буквы слова *alef. Точно так же 𐤁 представляет собой иероглиф дома, beth, поэтому эта буква имеет звуковое значение «b» 𐤃 daleth, «дверь палатки»—первая буква *d* и т. д. Все эти слова *alef, beth, daleth—семитические, финикийские; в критском языке (если он—не семитический), все эти слова, обозначающие изображаемый иероглифом предмет, должны были звучать иначе; поэтому 𐤀 должно было уже соответствовать не звуку *b*, а звуку, выражаемому первой буквой слова, обозначающего «дом» по-критски и т. д. Итак, если бы факт заимствования финикийского письма из критского был установлен², это еще ничего не говорило бы о том, как производились соответствующие знаки в критском языке³.

Далее, тот факт, что кипрский силлабарий в принципе заимствован из критского письма, не вызывает сомнений и у Грозного. Этот силлабарий, как мы видим, лишь с трудом удалось приспособить к греческому языку; трудность заключалась, как мы видели, во-первых, в том, что в том языке, для которого этот силлабарий был придуман, не ощущалось разницы между глухими и звонкими согласными: для *ba* и *pa* пришлось взять один и тот же знак (44^a), для *ta* и *da* один и тот же знак (58), для *to* и *do*—знак (55) и т. д. Во вторых, этот силлабарий был придуман для языка, в котором все слоги

¹ См. Sethe, Die neuentdeckte Sinai-Inschrift und die Entstehung der semitischen Schrift, Nachrichten der Götting. Gesellschaft der Wiss., 1917, Heft 3; J. Lindblom, Zur Frage der Entstehung des Alphabets, Bulletin de la société royale des lettres de Lund, 1931—1932, стр. 60 слл. и др.

² Ср., кроме Bauer'a, еще Lindblom, ук. ст., стр. 22: «Dass die kretischen Ideogramme... gar nicht dieselbe Bedeutung wie die entsprechenden phönizischen gehabt haben, spielt in diesem Falle gar keine Rolle. Denn es handelt sich hier zunächst nicht um die Bedeutung, sondern um die äussere Form der Zeichen» (разрядка Линдблома).

³ Свидетельство Диодора (V, 74, 1) в сущности говорит только о том, что знаки письма не были впервые изобретены финикийцами, что они были изобретены еще до них богами (Музами), а финикийцы только придали им новые очертания. Не говоря уже о том, что цель этого места Диодора показать, что все великие открытия сделаны не людьми, а богами, оно утверждает лишь, что какие-то знаки письма существовали уже до финикийцев, а это вообще не подлежит сомнению.

открытые и состоят из согласной и гласной: чтобы умудриться написать закрытый слог, пришлось вместо последней согласной написать какой-нибудь силлабический знак, начинающийся на эту согласную, напр. вместо *lin* писать *li-ni* или *li-ne*. Мы сделали отсюда справедливый вывод, что критяне не имели представления ни о разнице между глухими и звонкими, ни о закрытых слогах—если бы у них были соответствующие знаки, то греки, усвоив их письмо, разумеется воспользовались бы ими. Между тем Грозный в своем восстановлении постулирует для критского языка отдельные знаки для глухих и звонких: (54) и (51)—для *ba*, (44^a)—для *pa*; (18)—для *ga*, (15)—для *ka*; правда, Грозный допускает, что критяне иногда смешивали глухие со звонкими, но зачем же им было в таком случае изобретать разные знаки для тех и других? Он принимает, что в критском языке существовали закрытые слоги, читая некоторые знаки просто как согласные, а другие—то как слоговые, то как согласные. Все это мне представляется невероятным. Поскольку знаки критского и кипрского письма (число слоговых знаков критского письма примерно равно числу знаков кипрского силлабария) надо считать изобретением народа, не отличавшего глухих звуков от звонких и не имевшего закрытых слогов, дешифровка Грозного ошибочна в самом своем основании.

Но победителей не судят. Все эти возражения придется взять назад, если окажется, что при допущениях Грозного все критские тексты дают связный и убедительный контекст. К сожалению, третья часть труда Грозного мне еще не доступна, а в третьей части должен содержаться и новый богатый материал, и словарь, и каталог знаков, и выводы. Пока я вынужден рассуждать, основываясь только на материале, содержащемся в первых двух выпусках. Как же обстоит дело в свете этого материала?

Дешифровка Грозного подтверждает заключение, давно уже сделанное рядом ученых, что ни одни из дошедших до нас критских текстов не представляет собой связного повествования. Это или очень краткие тексты посвящения предметам богам, или всякого рода счета, наряды и расписки. Большая часть слов представляет собой собственные имена—личные или географические; слова нарицательные представляют собой краткие замечания вроде: «посвящение», «уплата налога», «взято», «получено» и т. п. Если к этому присоединить, что Грозный часто придает разным знакам одно и то же значение и, наоборот, одному знаку—различные значения, то создается такое положение, при котором как бы то ни было контроль или самопроверка становятся невозможными. Тот факт, что один и тот же знак имеет различные звуковые значения («полифония») и что, наоборот, различные знаки имеют одно и то же звуковое значение («полиграфия») сам по себе вполне возможен—с таким фактом мы встречаемся в вавилонской клинописи, и в некоторых случаях Грозный, вероятно, прав¹. Но, если, например, 13 различных знаков выражают слог *»si*, семь—звук *la* и т. д., то толкователю не так уж трудно каждый раз вычитывать из текста то, что ему априорно кажется подходящим; с различием в гласных он может и вовсе не считаться, так как сплошь и рядом у него один и тот же знак служит для обозначения определенной согласной + различные гласные, например (5)—и *sa* и *si*, (44)—и *s* и *sa* и *si* и *za* и т. д. (см. выше, стр. 78).

Какие же убедительные доводы заставили Грозного предположить, что ряду различных знаков в критском алфавите соответствует одинаковое звучание? Он достигает этого сопоставлением слов, имеющих, повидимому, одинаковое значение, но разную орфографию (см. таблицу I), например, на целом ряде посвящаемых предметов читается посвятельная надпись, которая, по правдоподобию предположению Грозного, означает посвящение (Грозный читает это слово (*ta-ia-na*). В этом слове (№ 1 Грозного) чтение первого знака (58)—*ta* (и, кажется, третьего (59)—*na*) твердо установлено, поскольку оно совпадает с кипрским, но средний знак пишется по-разному: то (58) (17^a) (59), то (58) (35^b) (59), то (58) (56) (59). Отсюда Грозный делает вывод, что все эти три знака—и (17^a) и (35^b) и (56) обозначают слог *ja*. Однако, в совершенно аналогичном случае—в слове, которое Грозный понимает, как «сосуд для воз-

¹ Например, мне кажется убедительным его утверждение, что (58), (46), (26) изображают тождественные или близкие друг к другу звуки (*ta*).

лияний»—читается то (21), (47), (31) (№ 3 и 4), то (21) (23^b) (17) (31) (№ 5). Рассуждая по методу, примененному в надписи № 1, мы должны считать, что знак (47) имеет то же звуковое значение, что и знаки (23^a) (17). Между тем Грозный справедливо усматривает в этом случае не одно и то же слово, а разные грамматические формы одного и того же слова, т. е. обычное и в семитических, и в индоевропейских языках чередование звуков (Ablaut), и читает в первом случае *la-hu-ra*, а во втором—*la-hi-ja-ra* (ср «пир-у-ю», «пир-ова-ть»). Почему же не объяснять таким же чередованием и наличие параллельных форм: 1) (58), (17^a), (59), скажем, *ta-ja-na*, 2) (58) (35^a) (59), пусть, напр. *ta-ou-na* и 3) (58), (56), (59), пусть, скажем, *ta-u-na*. Но если это так, то весь вывод Грозного отпадает и окажется, что о значении знаков (35^a) и (56) мы ничего не знаем. Точно так же, если мы поверим Грозному, что слова (56) (47) (44^a) (это слово он читает *a-hu-z*) и (1) (47) (5) (его он читает *a-hu-z*), стоящие в одной и той же надписи в одной и той же связи, оба означают «он получил», но имеют различные префиксы (56) и (1), то не проще ли допустить, что здесь (44^a) и (5) окончания разных форм одного и того же слова, чем видеть в них разные обозначения одного и того же звука? В тех случаях, где речь идет о первом знаке слова, мы в аналогичных случаях можем усматривать не разные знаки для одних и тех же звуков, а различные префиксы и т. д.

К каким ошибкам приводит метод Грозного, можно видеть из следующего. До нас дошел ряд приношений баранов и овец (№ 126 и до конца собрания). Из того, что общее число приносимых животных обычно 100, реже 50 или 200, уже Сундвалл справедливо заключил, что мы имеем здесь нечто аналогичное греческой гекатомбе. Эти приношения записываются по определенному трафарету—можно даже сказать, на определенных бланки, так как писцы заранее приготавливали эти трафареты (это видно из того, что иногда ненужные рубрики остаются вовсе незаполненными или на них ставится крест, соответствующий нашему прочеркиванию горизонтальной чертой¹. Таблички интересующего нас типа разделены горизонтальной линией на две графы, между которыми распределяется принесенная «гекатомба». Верхняя графа озаглавлена (58) (17^a) (59) или (58) (35) (59) (эти слова Грозный читает, как *ta-ja-na*) или (58) (34) (46) (40) (Грозный: *ta-e-ta-n*); нижняя—(32) (23^a) (59) или (32), (5), (59) (Грозный: *se-si-n*). Но в одной из надписей—№ 144—читается (60) (60) (36) (40), и это дает Грозному основание заключить, что и здесь мы имеем дело с другим начертанием того же слова, и составить уравнение (стр. 38—39: «Die Gleichung»): (32)=(60)=(23^a)=(5)=*s*. Но он не обратил внимания на то, что верхняя графа (помеченная обычно словом (58) (17^a) (59) и нижняя графа [помеченная обычно (32) (23^a) (59) или (47) (15) (59) или (2) (30) (59) и т. п.] имеют разное значение: в верхнюю записываются обыкновенные бараны и овцы, в нижнюю—только бараны, отмеченные особыми отличительными эпитетами: (64) или (17), или (15), или (44^a), или (27). И вот, в то время, как слово (32) (23^a) (59) встречается только в нижней «привилегированной» графе, слово (60) (60) (36) (40) в надписи. 144—в верхней; значит, оно близко по смыслу вовсе не к (32) (23^a) (59), а к (58) (17^a) (59), и все «уравнение» Грозного оказывается неверным.

Да и вообще в этих случаях Грозный поступает непоследовательно, усматривая в совершенно аналогичных случаях один раз тождественность различных знаков, другой раз—чередование звуков. Конечно, такая непоследовательность могла иметь место в действительности, и нельзя исключить возможность того, что Грозный может оказаться прав, но представленный им материал в этом нас отнюдь не убеждает.

Итак, правильность звуковых транскрипций Грозного нисколько не доказана, и если о значении ряда нарицательных слов в опубликованных им надписях иногда можно строить довольно правдоподобные предположения, не зная вовсе, как они зву-

¹ См. А. J. Evans, The Palace of Minos, т. IV, ч. 2, L., 1935, стр. 695: «The whole surface was marked out with (the cross-lines)... as a preliminary to the insertion of the written records, which was often only partly filled in. Evidently the tablets were supplied in this state to the clerk...»

чали, или зная лишь звучание отдельных слогов, то о географических именах (составляющих по его транскрипции $\frac{3}{4}$ всех слов) и вовсе ничего нельзя сказать, и все сделанные Грозным выводы географического характера остаются пока висеть в воздухе.

Во всех этих случаях нельзя не считаться с большой опасностью, состоящей в том, что Грозный, располагая широкими возможностями различной транскрипции знаков и видя в критском языке смесь всевозможных—индоевропейских, семитических, малоазиатских и других элементов, решает уравнение со многими неизвестными, допускающее бесконечное число решений и поэтому невольно свои априорные предпосылки вносит в свою транскрипцию и в свое толкование, получая в виде результата то, что было предпосылкой, т. е. допуская *circulus vitiosus*. В этом случае его виртуозное знание самых различных языков и грамматик и возможность с легкостью найти где-либо форму, созвучную выводу, полученному им априорно, может принести ему вместо пользы большой вред.

Почувительный пример. В фиванской надписи № 1 (58) (45) (54) (17) Грозный читает *T-ta-ba-ja* и видит в этом слово 𐤕𐤓𐤁𐤓, «Фивы». Другое слово тоже на надписи из Фив (стр. 12): (46) (52) (2) (7), не имеющее ни одного общего знака с первым, он читает *Ta-ba-i-a* и считает лишь другой орфографией первого, точно так же слово (26) (51) (2) (40) (40). по его чтению, *Ta-ba-i-na-n* написанное уже с начальным знаком (26), напоминающим греческую ϑ , он переводит как «Фиванский». Но написанное в одной из фиванских же надписей совершенно сходное с этими словами слово (26) (54) (42) (30) (40) (по его чтению *ta-ba-ru-u-n*) он понимает как «дом двойного топора, лабиринт», считая, что в этом случае знак (26) выражает характерный для малоазиатских языков звук *tl*, который в клинописи транскрибируется то как *t*, то как *l* (см. стр. 33, 38 слл. его книги). Поэтому, ему кажется вполне естественным, что слово (26) (54) (42) (30) (40) *Ta-ba-ru-u-n* сокращенно обозначается идеограммой (21)—«двойной топор», означающей, однако, в то же время в силлабрии не звук *ta*, а звук *la*. Но выше он отождествил знак (26) = *ta* с двумя знаками (58) (45) = *t-ha*, т. е. допустил, что этот звук читался не как *tl*, а как греческое ϑ , *th*. В довершение путаницы он считает, что самое слово Фивы первоначально звучало: *T(l)a-b(r)a-ja* и означало: «принадлежащий двойному топору», а затем потеряло *l* и *r*. Но откуда же в этом случае вылез *h*? Такие несерьезные грамматические ухищрения, хорошо нам знакомые из других аналогичных попыток и дающие возможность притти к любому выводу, недостойны такого замечательного исследователя, как Грозный, и являются, несомненно, плодом увлечения *idée fixe*!

Разумеется, все сказанное весьма ослабляет убедительность сделанных Грозным широких культурно-исторических выводов. См., напр., стр. 9: «Этнический состав критского населения был пестрым, подобно тому, как пестры многосторонние связи критского письма. Это была настоящая смесь многочисленных народов и рас Переднего Востока, сдерживаемая вместе господствующим слоем индоевропейских покорителей». Ср. также его указания на большое влияние на Крите семитической культуры.

Даже если бы все языковые выводы Грозного оказались верными, то из наличия в критском языке, наряду с семитическими, индоевропейских корней и индоевропейских окончаний, еще никак нельзя было бы заключить, что индоевропейцы были на Крите господствующим слоем и покорителями. Но, в действительности, оказалось, что и звуковая транскрипция Грозного недоказательна. Как можно видеть из моих примечаний к табл. II, можно принять только данное Грозным чтение и перевод слов *ro-lo* (38) (25^a) жеребенок, *nał* и *nanit*, (59) (58) и (59) (20) (46), «этот, эти» (тождественно с хеттским клинописным). Но никто не доказал, что слова *nał* и *nanit* в хеттском клинописном языке индоевропейского происхождения; как известно, значительная часть корней этого языка не индоевропейского, а малоазийского, «пеласгского», происхождения.

Я добавил бы еще слово, с большой вероятностью читающееся в критских надписях. Мы вправе утверждать, что в критском языке «нозел» назывался словом, сходным с греческим $\tau\rho\acute{\upsilon}\varsigma\varsigma$. Как указывает Эванс (op.cit., IV, 2, стр. 713), в иероглифическом

хеттском голова козла расшифровывается как соответствие клинописному Tarkon, первой части обычного имени киликийских царей. Уже Эванс указал, что «ввиду исключительно близкой связи, которая, повидимому, существовала между Критом и первобытным населением Киликии и примыкающего к ней побережья», мы имеем полное право постулировать это слово и на Крите. Я прибавлю к этому еще то, что, как указывает Кречмер¹, в критских надписях из города Прѣсс, написанных греческими буквами на до-греческом критском языке (надп. 3), читается Τάρκων ... с характерным до-греческим суффиксом-νυ-². С другой стороны, в критской надписи интересующей нас эпохи (шрифт В Эванс, ук. м., fig. 696 g) читается (58) (40). Идеограмме, изображающей козла, соответствует в критском иероглифическом *анак* головы козла (ср. хеттский иероглифический). Фонетические супплекменты (58) *ta-* в начале и (40)-*na* в конце показывают, что слово это надо читать *ta-tarakona-na* полное соответствие греческому τράγος. Но слово τράγος, *новел*, в греческом языке не индоевропейского происхождения; оно встречается (см. Кречмер, там же) как этникон в канисийских хеттских надписях и тождественно с этрусским Tarquinus (Τάρκων—мифический основатель Тарквиний!). И этот случай еще раз указывает на родство критского языка с этрусским.

Если звучание критских слов остается почти неизвестным, то единственное, что мы можем сказать о критском языке, это—то, что в нем для образования форм, кроме префиксов и чередования звуков внутри слова, применялась и целая система окончаний³. Но эти особенности свойственны и семитическим (имевшим в древнее время также и падежные окончания) и индоевропейским, и многим другим языкам. Отсутствие разницы между звонкими и глухими в кипрском силлабарии, суффикс-νυ- в сохранившихся критских словах и словах догреческого населения Балканского п-ва, делают и после работ Грозного наиболее вероятным, что критский язык был близок не к семитическим и не к индоевропейским языкам, а к этрусскому (см. Ventris, ук. ст., стр. 501). Дошедший до нас из Египта древнекритский заговор (см. выше, стр. 70) также имеет характерный суффикс *nti*; все слоги в нем открытые (если не считать *n*, служащего для обозначения предшествующей ему навалированной гласной); он не содержит звонких согласных и к тому же не поддается истолкованию из семитических или индоевропейских языков.

Более того: и вообще язык ничего не говорит о расовом характере того или иного народа. Ventris в указанной статье, вышедшей еще в 1940 г., до статей Грозного, справедливо замечал: «Нет нужды пытаться подтвердить чисто-лингвистические выводы какими бы то ни было фактами расового или культурного характера, так как ни то, ни другое не может служить надежным доказательством языковых связей».

Позволю себе сделать еще несколько частных возражений. В эпитете баранов одной из высших категорий (№ 139, 144, 159) (44a) Грозный (II, стр. 260) усматривает сокращение *вм.* (44a) (54) (7) (ср. ниже, стр. 86). Последнее слово встречается только в надписи 60 и в строке 10 надписи 179a, причем в этих табличках о баранах ничего не говорится. Кроме того, как показала А. Е. Кober в статье «The «adze» tablets from Knossos», AJA, 48 (1944), №. 1, стр. 70—71 (Грозному она осталась неизвестной), слово (44a) (54) (7) встречается еще 2 раза в критских надписях: в надписи G. Maraghiannis, Antiquités Crétoises, Troisième série, 1915, табл. XXXIX, и в публикуемой самой Кober на стр. 70 надписи № 4. Ни в одном из этих документов нет ни слова ни о баранах, ни о скотине вообще. Однако надпись из Пилоса, fig. № 8 в AJA, XLIII (1939), стр. 565, содержит список приношений баранов, овец и коров; в то время, как пиктограмма коровы здесь в обоих засвидетельствованных случаях не сопровождается ника-

¹ P. Kretschmer, Sprache, 74 у Gercke und Norden, Einleitung in die Altertumsw., 1923, I, 6.

² В надписи из Горгииппии (нынешней Анапы) IOSPE, II, 402, строка 42 упомянуто лицо малоазиатского происхождения Τράγος.

³ Эта система окончаний тщательно разобрана А. Е. Кober в статье «Inflection in linear class B, I. Declension», AJA, L (1946), №. 2, стр. 268—276.

ТАБЛИЦА II

Индоевропейские корни в критском языке по Б. Грозному

Начертание	Транскрипция и перевод по Б. Грозному	Индоевропейские соответствия	Чтение на основе кипрского силлабария
1. (8) (8) (26) № 179 A	a-a-ta, «еда»	и.-е. *ed.-	?
2. (1) (30) (26) № 79—82	a-u-ta, «было осмотрено»	хеттск. клин. au(š), «смотрю», ta =греч. τῶ	?-го-?
3. (36) (54) № 123	e-ba, «для»	хеттск. иерогл. е-ра, греч. ἐπί	a-li
4. (47) (28) № 25	u-s, «сосуд для возлия- ния»	и.-е. *gheu, греч. ὑῶς, ὑῖω	pu-mo
5. (56) (8) № 44—45	ja-a, «мальчик»	и.-с. *jeu-, лат. iunior, русск. «юный»	?
6. (56) (11) № 94—97	ja-i, n. pl. «эти»	и.-е. jas, греч. ὅς, слав. якъ	?-i
7. (35 ^a) (11) (29) (20) № 85 (56) (11) (46 ^a) (9) № 113	ja-i-va-ni, «мы делаем» ja-i-ta-gu, 3 л. мн. ч. пов. стр. вал.: «пусть они будут сделаны»	хеттск. клин. ijavvani, ijaveni, «мы сделаем»	?-i-u-to ?-i-?-si
8. (15) (8) (46 ^a) (7) № 41	ka-a-sa-ā, «они рубят»	и.-е. *kes, «резать»	?-va-?
9. (10) (47) (40) № 157 (10) (12) (20) № 174	qu-ha-n, «кухня» qu-ha-ni, «кухне»	*req ⁿ , лат. coquo, руссск. «кухня»	?- pu-na ?-?-ni
10. (10) (36) № 41, l. 12, 20, 42—5 раз (10?) (11) (36) (7)	qu-e, «который» qu(?)-i-e-a, «которые»	лат. qui	?- a ?-i-a-?
11. В (9) (47) (7) (37) № 66—69	ma-gu-ha-a-gu, 3 л. мн. числа пов. стр. вал. «пусть они будут смазаны»	греч. μαρῖνω, руссск. «марать»	?-si-pu-?-si
12. (59) (52) (56) № 85	na-ba-ja, «середина колеса», «пуп»	инд. nabhya, нем. Nabel, фр. nombril, греч. ὀμφαλός, лат. umbilicus	na-?-?
13. (40) (2 ^a) (46 ^a) (7) (60) № 174	na-i-ta-a-s, part. perf. «послано»	хеттск. клин. nai-, не-, «по- сылать» (с суфф. part. perf. -ta)	na-lu-?-?-pe
14. (59) (58) № 41, l. 24; ср. № 103, 179, 98	na-t (a), «это» (ср. род)	хеттск. клин. na-t (t—суффикс ср. рода)	na-ta

ТАБЛИЦА II (Продолжение)

Начертание	Транскрипция и перевод по Б. Грозному	Индоевропейские соответствия	Чтение на основе кипрского силлабария
15. (59) (20) (58) № 102; ср. № 41, 1. 19 (59) (20) (49) № 212—213	na-ni-t(a), »эти» мн. ч. ср. р. от предыдущего, na-ni-s(a) мн. ч. м. р. от пре- дыдущего	хеттск. клин. panis, pani	na-ni-ta na-ni-ma
16. (38) (25 ^a) № 61—2 раза	po-lo (изобр. жере- бенка), «жеребенок»	греч. πῶλος лат. pullus фр. poulain гот. fula нем. Fohlen	po-lo
17. (34) (17 ^a) (1) № 45 (34) (9) (40) (1) № 45	ra-ja-a, «молодой» ra-gu-n-a. «более молодой»	и.-е.*er-,*ere, чешск. řidky	?-ka-? ?-sī-?-?
18. (55) (35 ^a) (63) (60) № 51, 6	ri-ja-ta-s, «конница»	нем. Reiterei и т. д.	to-?-?-pe
19. (37) (30) (46 ^b) (40)	ru-u-ta-n, «колесо»	и.-е. reth, лат. rota	si-ro-?-?
20. (49) (54) с разл. оконч. № 61, 66, 68, 75, 86	sa-ba, «осматривать»	и.-е.*sap	va-li
21. (60) № 86, 111 (энклитика)	se, «себя, ся»	хеттск. клин.-še,-ši руссск. «ся»	pe
22. (46 ^b) № 160	ta, «для»	и.-е.*de,*do, avest. da, греч.-δῶ готск. tō, zuo, руссск. «до»	?
23. (58) (17 ^a) (59), (58) (35 ^b) (59) № 1, 126, 127, 170 (58) (34) (46 ^a) (40) part. pass.	ta-ja-na, «приношение для нас» ta-e-tan, «принесенное, пода- ренное, посвящен- ное»	греч. τῆ-θη-μι лат. (circum) do	?-ti-na, ?-?-na ?-?-u-?
24. (26) (44 ^a) (25 ^a) № 2	ta-ra-l, «двойной»	лат. duplum	?-?-lo-
25. (58) (53) № 51, 1. 3	ta-za, «вторично»	греч. δῖς	ta-?
26. (26) (55) (11) № 2	t-ri-i, «три»,	и.-е.*tri	?-lo-i
27. (30 ^b) (7) (16) (5) № 10	u-a-te-s, «птица вещая»	лат. vates, гадатель по птицам; хеттск. перогл. vattaēš, птица	ro-?-?-?

ким эпитетом, за пиктограммой барана и овцы всегда следует эпитет (44^a) (25)¹. Поэтому весьма вероятно, что (44^a)—сокращенный термин (44^a) (25). Так же неубедительно утверждение Грозного, что эпитет барана (64) есть сокращение термина (64) (18), неоднократно встречающегося в надп. из Пилоса, fig. 10 в АЖА, там же, стр. 568^a. Но здесь, как и в надписи fig. 9 (там же, стр. 567) слово (64) (18) всегда стоит перед пиктограммой , сопровождающейся числовым обозначением. Эта пиктограмма на идеограмму барана совершенно не похожа. Зато этот знак постоянно встречается рядом с идеограммой «шафрана» в надписях e, f и h на стр. 71 в указанной книге Эванса (напр. 402 52). Очевидно, это идеограмма какого-то садового или огородного растения³ и эпитет (64) (18) является скорее всего названием мака или какого-то его сорта по критски; предположение Грозного, что таков же был эпитет высокосортных баранов, лишено поэтому основания. Однако Грозный не заметил, что в нижней графе надписей о баранах вместо обычного (23^a) (15) (59) (64) (напр., № 138) или (2) (30) (59) (64) (напр., № 142) в одном случае читается полностью (2) (30) (59) (64) (30) (44^a) (40) (№ 141); поэтому (64)—не есть сокращенный термин (64) (18), применяющийся в дошедших до нас надписях только к садовому растению, а сокращенный термин (64) (30) (44^a) (40), что бы он ни означал⁴.

Непоследовательностью со стороны Грозного является и то, что одни и те же слова он в одних местах считает географическими названиями, в других нарицательными словами. Так слово (44^a) (54) (7) (№ 179 A, l. 10) Грозный (ч. II, стр. 298) переводит: *une livraison destinée à la table* «поставка для стола». В указанной пилосской надписи (fig. 11, № 214 будущей III части Грозного), строка 2, в слове (44) (54) (60) (35) он видит *nom. plur.* от того же слова и переводит его «*les livraisons du tribut en aliments*». Но в надп. Evans, стр. 783, fig. 672, bis b, и 788, fig. 763^m (= № 60 собрания Грозного) в том же слове (44) (54) (7) он видит географическое название. Точно так же, как мы видели выше, (прим. 1) слово (44^a) (25) в пилосской надп. fig. 8 он понимает как «*domain, champ*» (ч. II, стр. 298), а в надп. 145 (ч. II, стр. 169) как «*nom de lieu*». Конечно, такое

¹ Эта надпись войдет в III выпуск работы Грозного под № 211. Пока он (ч. II, стр. 269, к № 145) довольствуется замечанием, что (44^a) (25) означает «*domain, champ*». То е. относит это слово не к концу каждого предложения, а к началу следующего. Но это мало вероятно, ибо в этих случаях остается непонятным, почему как раз в предложениях, следующих за наименованием коров, слово (44^a) (25) отсутствует.

² На стр. 89 ч. I Грозный дает другое, противоречащее этому толкование надписи, усматривая в этой надписи раскладку вносов семян шафрана (?).

³ Судя по закрытой форме коробочки, я склонен видеть в этой идеограмме схематическое изображение мака. Мак был символом и атрибутом богини Деметры (культ которой восходит к критско-микенской эпохе); мак был ей посвящен, в частности в М. Азии (в Гиераполе Фригийском), и жрецы ее носили мак, как символ своей должности; маком же были украшены и алтари этой богини. Греческое слово *μήκων*, «мак», до-индоевропейского происхождения; характерно, что город Сикийон с одним из стариннейших культов Деметры в древнейшее время назывался *Μηκώνη* «город маков», ибо здесь по преданию Деметра впервые нашла мак и при помощи мака успокоила свою тоску по потерянной дочери (Servius, ad Verg. Georg., I, 78, 212; Myth. Vat; III, 7); ср. Verg. Georg., I, 78; Lethaeo perfusa papavera somno. Ср. старинную греческую клятву маком (Suid., s. v. μα): *μαὶ μαὶ μαὶ μήκωνος χλῶρη*. Мак был также символом критской богини Реи (Κυπαρί). См. Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, Münch., 1906, стр. 1179, пр. 1, 1542, пр. 1. Регулярно организованные приношения шафрана или мака в государственные или храмовые святилища объясняются скорее всего тем, что из первого готовилась дорогая краска, а из мака, судя по приведенным свидетельствам, какое-то снотворное снадобье, вроде опиума; и то, и другое имело религиозное значение.

⁴ Отсутствие пиктограммы барана и цифры после этого термина вполне обычно: его нет также в надп. 140 после (2) (30) (59), в надп. 135 и 137 после слова (23^a) (15) (59), в надп. 151 после слова (10) (54); в надп. № 148 и 149 вместо пиктограммы и цифры стоит X. Во всех этих случаях формуляр был заготовлен заранее, а цифра не проставлена за отсутствием объектов данной категории.

случайное совпадение возможно, но, допуская его, Грозный делает свое построение еще более проблематичным.

Можно ли, однако, сказать, что Грозный потратил время напрасно и что произведенная им работа не дала ничего для науки? Ни в каком случае. Звуковое обозначение всех дошедших до нас знаков, пусть в большинстве случаев провизорное и пока неубедительное, дало ему возможность привести в порядок весь разнообразный материал и легче понять и осмыслить связи, которые иначе ускользнули бы от внимания. Он доказал с несомненностью, что многочисленные приведенные им надписи греческого материка (из Фив, Элевсина, найденные в 1939 г. надписи из Пилоса в Мессении) написаны не на греческом, а на критском языке, т. е. что на материке Греции были многочисленные колонии критян. Он показал, какое огромное прекрасно организованное хозяйство с замечательно поставленным бухгалтерским учетом и точным указанием веса и цены было на Крите (соответствующие надписи написаны по большей части пиктографически, и потому их толкование не стоит в зависимости от дешифровки Грозным слоговых знаков); мы видим, как целый ряд общин по регулярно действующему расписанию присылает налоги натурой и металлическими слитками, а также людей; эти же общины присылают мужчин, женщин, мальчиков, девочек и младенцев, быть может, в качестве посвящения божеству—имеется ли в виду иеродулия или человеческие жертвоприношения, сказать трудно. Конечно, мы пока еще не вправе определенно сопоставить эти сообщения с известной из мифа отправкой афинских мальчиков и девочек минотавру на Крит; Грозному не удалось доказать, что перечисляемые в надписи пункты не все лежали на Крите, а его чтение «Ахийява на реке Инахе» остается произвольным. Мы читаем о регулярных богатых приношениях баранов и овец разного сорта, общее число которых обычно 100 (реже 50 или 200)—несомненный прототип греческих гекатомб. Если мы до сих пор считали критян невоинственным народом, в виду отсутствия городских стен и военной тематики в их искусстве, то из этих надписей мы узнаем о больших складах оружия—панцирей, копий, мечей и, главное, боевых колесниц, повидимому, с пилами, прикрепленными к осям и спицам колес—наподобие позднейших персидских колесниц с косами. Отсюда мы видим, что отсутствие городских стен и военной тематики в искусстве были обусловлены на Крите в течение ряда поколений столь подавляющей военной мощью, что серьезно опасаться чьих-либо нападений не было оснований¹.

Итак, опубликованные Грозным надписи показали, что Крит был большим образцово организованным централизованным государством.

Но кроме этих культурно-исторических выводов, работа Грозного имеет и непосредственное значение. Он сопоставил огромный материал, сблизил сходные слова и выражения в различных текстах, выделил детерминативы и идеограммы; несколько слоговых знаков (11) (46) (26) (59) (20²), им, повидимому, прочтены правильно. Правда, он не успел составить силлабрия и конкордации, но после того, что он сделал—это уже чисто техническая, механическая работа, которая мной и проделана. Можно надеяться, что в результате упорного коллективного труда ряда исследователей вся эта проблема будет в конце концов разрешена либо подтверждением транскрипции Грозного, либо указанием другого, более правильного пути. Пока остается в силе замечание Е. А. Кобер (Cryptographs of Crete, AJA, 48 (1944), стр. 64; 49 (1945), стр. 143; 50 (1946), стр. 268) «Окончательная расшифровка все еще дело будущего». Поразительно, что Кобер, впервые привлекая несколько новых надписей по копиям Нью-Йоркского Metropolitan Museum, ни слова не говорит о Грозном: либо работа Грозного осталась ей неизвестной, либо она умышленно игнорирует эту работу.

Проф. С. Я. Лурье

¹ Все надписи военного содержания относятся притом к XIV в., когда могущество и авторитет Крита пошатнулись и ему стала непосредственно угрожать опасность вторжения с греческого материка.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, вып. 3. Под ред. проф. М. И. Артамонова. М.—Л., Изд. Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, АН СССР, 1941, 324 стр., Тираж 15 000 экз., Цена 30 руб.

Советские кавказоведы неожиданно получили прекрасный подарок. Третий выпуск серии материалов по археологии СССР, издаваемой ИИМК АН СССР, посвященный новым археологическим памятникам Северного Кавказа, напечатанный в самый канун Великой Отечественной войны, считался погибшим во время блокады Ленинграда. Неожиданно в начале 1947 г. весь тираж был обнаружен, и теперь сборник стал достоянием историков, изучающих прошлое нашего юга.

Он был подготовлен к печати спаянным коллективом участников Северо-Кавказской экспедиции, талантливыми молодыми работниками Академии Наук, пятеро из которых (Б. Е. Деген-Ковалевский, Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов, А. В. Мачинский и Г. В. Подгаецкий) в период Великой Отечественной войны пали смертью храбрых на поле брани или погибли в блокированном немцами Ленинграде.

Всем коллективом сотрудников ИИМК АН и кругами кавказоведов рецензируемый сборник воспринимается и как ценный труд о новых исторических источниках Кавказа и как овеществленная память о рано ушедших от нас товарищах, молодых, подававших большие надежды ученым.

В основном этот труд построен на обстоятельном изучении многочисленных и важных по своему научному значению археологических коллекций Нальчикского музея и памятников Кабарды, исследованных Северо-Кавказской экспедицией б. ГАИМК за период с 1924 по 1933 г. под руководством проф. А. А. Миллера.

Сборник состоит из шести отдельных, не равных ни по своему характеру, ни по объему работ. Некоторые из них написаны в содружестве двух и даже трех авторов.

Первая статья А. А. Иессена («Археологические памятники Кабарды») носит явно очерковый характер. Очерк начинается с краткой характеристики истории археологического изучения Кабарды и в основном посвящен историческому определению уже накопившегося материала с отнесением его к определенным хронологическим периодам («стадиям» по автору). Очерк очень обстоятельный. Рассмотрение всего материала дается с привлечением сравнительного материала из других районов и областей, с использованием возможных исторических свидетельств и фактов.

Особенно интересны сравнительные таблицы (табл. I на стр. 16 и табл. II на стр. 28), составленные автором. Одна показывает хронологическое соотношение памятников Кабарды с памятниками других территорий, другая иллюстрирует размещение монетных находок эпохи раннего средневековья в центральной части Северного Кавказа.

Таблица I особенно ценна еще и тем, что составляющими ее компонентами являются не только ранние материалы—энеолита и эпохи бронзы, но и памятники III стадии и так называемого «скифского периода» истории развития северокавказских обществ, не освещаемые последующими статьями сборника.

Ценность же всего очерка заключается главным образом в том, что он дает рабочую шкалу развития материальной культуры республики с древнейших времен до эпохи позднего средневековья.

Весь археологический материал автор делит на три основные стадии, к которым присоединяются «скифский», «сарматский», «аланский» периоды, до II тысячелетия н. э. Сделано это с учетом уровня хозяйства и техники производства, меновых связей и общественных отношений, особенно при освещении поздних эпох.

С особой четкостью освещена 2-я стадия, обнимающая период «от конца III до конца II тысячелетия до н. э.» (стр. 19). Здесь намечены и более точные хронологические подразделения местных памятников.

А. А. Иессен уверенно говорит о местном производстве бронзовых орудий и резонно допускает возможность добычи металла и на территории республики. По автору, эту

стадию следует рассматривать как переходную от материнского рода к патриархальной организации, с заметными признаками оформления последней. Окончательное же оформление патриархального рода происходит, по автору, на следующем этапе. Не с такой полнотой освещена 3-я стадия, представленная памятниками так называемой кобанской культуры I тысячелетия до н. э. В этом разделе автор проявляет чрезмерный скептицизм, отказавшись от более подробной характеристики всех особенностей этой стадии. Вещественных источников для освещения этой эпохи в республике не меньше, чем осталось от других эпох. А обилие изученного материала кобанской культуры соседних районов позволяет дать более полную хозяйственную, социальную и общекультурную характеристику этой стадии. Вспомним, что самим же А. А. Иессеном в его прекрасной работе «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе» убедительно был решен сложный вопрос о местном металлообрабатывающем производстве на Северном Кавказе, характерном именно для этой стадии¹. Ведь эта эпоха, действительно, является одной из наиболее ярких страниц древней истории всего Центрального Кавказа, в том числе и Кабарды, и проявленная автором осторожность в общей оценке 3-й стадии ничем не оправдана.

Нельзя согласиться с автором и в том, что работ по изучению памятников 3-й стадии «за последние годы на Северном Кавказе вообще не проводилось» (стр. 20). Они известны автору.

Особого внимания заслуживает выделение «скифского» периода.

Этот период характеризуется не только освоением производства железа, из которого начинают изготовлять основную массу оружия, но и материальным переобразованием местного общества с участием многих элементов уже скифской культуры (VII—IV вв. до н. э.). Приведенный автором материал из Кабарды делает особенно осязаемым удельный вес скифской материальной культуры в дальнейшем развитии местных древностей (Каменноостровский могильник и коллекции Нальчикского музея).

Более подробное освещение получает период раннего средневековья, названный в очерке «аланским». А. А. Иессен справедливо считает, что именно в этот период «население страны именовалось аланами» (стр. 23). Изучение раннего средневековья Северного Кавказа, и в частности Кабарды, в значительной мере облегчено двумя обстоятельствами. Во-первых, эта эпоха здесь наиболее полно представлена материальными памятниками, давно уже привлечшими внимание исследователей, во-вторых, ее изучение прочнее связывается уже с письменными историческими свидетельствами и даже данными лингвистики.

Особенно интересны данные о характере группировки поселений и городищ этого времени и об их топографическом размещении по выходам из ущелий на плоскость. Не без оснований А. А. Иессен говорит о принадлежности всех этих оборонительных сооружений к одной военной и племенной организации и об экономическом и этническом единстве населения данных районов.

Вполне справедливо этот «аланский» период назван «временем первоначального оформления классового общества в центральном Предкавказье» (стр. 23).

Рассматриваемый раздел содержит важный для местной истории вывод о довольно раннем появлении христианства в аланской среде. Вывод этот служит наглядным примером того, как археологический материал может корректировать данные истории.

В обзоре памятников II тысячелетия н. э. затрагивается ряд весьма интересных и важных для местной истории вопросов: выяснение причин исчезновения аланских городищ и богатых могильников с X—XI вв., судьбы христианства на Северном Кавказе и др.; существенно важной проблемой является необходимость установления по археологическим комплексам типических черт, присущих только адыго-кабардинскому этническому массиву.

Только тщательным изучением бытовых памятников и могильных комплексов XI—XV вв. и можно решить вопрос—имеем ли мы в это время на данной территории

¹ А. А. Иессен, Указ. работа, ИГАИМК, вып. 120 (1935), стр. 137, 188.

постепенную смену населения или переоформление местных аланских групп на иной хозяйственной основе (полукочевом скотоводстве). В успешном разрешении этого вопроса А. А. Иессен, совершенно правильно усматривает и предпосылки для решения одной из актуальнейших проблем кавказоведения—генезиса адыго-черкесо-кабардинской народности.

Очерк А. А. Иессена заканчивается типологией надземных архитектурных сооружений нагорной полосы республики XVI—XVIII вв. (боевые башни и склепы) и описанием позднехристианских памятников с греческими письменами.

К тексту приложен список археологической литературы.

Редакция сборника правильно поступила, предпослав узкоспециальным археологическим статьям сборника столь интересный, обстоятельный очерк А. А. Иессена.

Первой из статей сборника источниковедческого характера является статья Е. Ю. Кричевского и А. П. Круглова «Неолитическое поселение близ г. Нальчика». Она посвящена Агубековскому поселению. Небольшие, разведочного характера, раскопки на поселении дали исключительный по своей научной ценности материал. С культурного слоя глубиной около 0,5 м получено множество кремневых и обсидиановых орудий (топоры, долота, скребки, проколки, наконечники стрел), фрагменты примитивной глиняной посуды, песты и терочки.

Особенно интересными находками оказались: фрагмент глиняной статуэтки и половинка каменной булавы, встречающие себе аналогии в неолитических комплексах нашей страны.

Техника обработки каменных орудий и весь облик найденных предметов—неолитический. На Северном Кавказе подобный объект открыт впервые. Таким образом Агубековское поселение является наиболее древним бытовым памятником Северного Кавказа, не считая Ильской стоянки и Сочинских пещер. Агубековское поселение—выдающийся памятник 1-й стадии истории Северного Кавказа.

Авторы раскопок пришли к выводу о местном происхождении обсидиана, из которого были сделаны орудия. Это заключение имеет принципиально важное значение, так как исправляет укоренившееся в литературе заблуждение о закавказском происхождении обсидиана, находимого к северу от Кавказского хребта.

Коллективный труд А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого «Могилиник в г. Нальчике» представляет собою монографическое исследование замечательного памятника Северного Кавказа энеолитической эпохи.

Случайные раскопки кургана, находившегося в черте города, привлекли внимание местного краеведа энтузиаста М. И. Ермоленко и послужили поводом для исследования кургана в 1929—1930 гг. Северокавказской экспедицией ГАИМК.

Судя по всей документации и иллюстративному материалу, раскопки этого сложного объекта были проведены на высоком уровне. Всего в кургане было вскрыто 121 погребение весьма архаичного типа. Все костяки лежали скорченно на правом или левом боку, с произвольной ориентировкой. Только 12 погребенных имели иное положение. Две трети погребенных сохранили следы окраски мумий. Богатый могильный инвентарь составляли: изделия из кремня и обсидиана (нуклеусы, пластины с ретушью, скребки, проколки, стрелы и каменная булава), прекрасные браслеты из мергеля, многочисленные украшения из кости (поделки из рога—клыки, кольца, просверленные зубы животных), подвески из раковин, бусы—пастовые и каменные и обломки грубых глиняных сосудов.

Крупный интерес представляет каменная статуэтка человека из мергеля. Грубая моделировка фигурки весьма характерна для пластики неолитической и энеолитической эпох. Только в одном погребении (№ 86) было встречено единственное медное проволочное колечко. Эта находка способствовала датировке памятника.

Скруплезно проведенный анализ всего материала и сравнение его с широким кругом памятников нашего юго-востока (Прикубанье, Украина, Поволжье, Закавказье) позволили авторам верно определить степень общественно-экономического развития населения, представленного Нальчикским курганом, и довольно точно уста-

чновить и время сооружения кургана. Это—2-я половина III тысячелетия до н. э. (стр. 127).

Заслугой авторов работы следует считать определение места Нальчикского кургана в системе местных древностей и установление его отношения к таким памятникам, как Мариупольский могильник и другим. Нальчикский курган несколько моложе Мариупольского могильника. Применительно же к местным памятникам он занимает промежуточное положение между Агубековским и Долинским поселениями.

Обстоятельнейшей публикацией всех материалов Нальчикского кургана вводится в научный обиход памятник, представляющий чрезвычайный интерес для истории древнего Кавказа и всей степной полосы СССР. В этом заслуга авторской тройки.

Текст работы сопровождается 64 рисунками и 13 таблицами. В приложении дан перечень всего могильного инвентаря.

Не менее интересной является работа А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Долинское поселение у г. Нальчика». Эта монография посвящена историческому освещению нового памятника, представляющего 2-ю стадию северокавказской истории. А то обстоятельство, что этот памятник бытовой, а не погребальный, во много раз увеличивает его научную значимость.

Поселение расположено в 4 км от г. Нальчика, на самой верхней террасе р. Нальчика. Сейчас это территория курортного городка «Долинское». Раскопки этого поселения дали материал, исключительно важный и для понимания хозяйственной деятельности древнейших насельников Северного Кавказа и для установления соотношения между широко известными погребальными комплексами края.

Многочисленные кремневые орудия (наконечники стрел, долота, резцы, ножи, скребки) изготовлялись на месте. На это указывают находки нуклеусов и осколков. Интересны стрелы асимметричной формы. Они типичны только для памятников Северного Кавказа эпохи бронзы.

Найденные в больших количествах каменные зернотерки, песты, терочки, мотыги и кремневые вкладыши для серпов свидетельствуют о первобытно-мотыжном земледелии. А находками костей животных доказываются наличие прирученного крупного рогатого скота на Северном Кавказе уже в эту эпоху. Еще более значительным достижением экспедиции явилось обнаружение следов жилищ древних обитателей Долинского поселка. Жилища имели вид плетеных домов, обмазанных глиной с обеих сторон (так называемых «турлучных»), что наглядно показывает, какую глубокую давность имеет местная строительная техника современных нам легких горских саклей и жилищ кубанских и терских казаков.

В культурном слое были найдены глиняные, так называемые «рогатые кирпичи». Связь последних с очагами несомненна. Они относятся к наиболее интересным находкам, функциональное назначение которых, как глиняных очажных подставок, подтверждается старыми раскопками (Старшее Каширское городище) и исследованиями нашего времени (Моздокский и Нестеровский могильники). Находки глиняных подставок на могильниках примиряют две точки зрения на эти подставки. Одновременно они могли иметь и «культурную значимость», как предполагал В. А. Городцов¹, и должны связываться с «инвентарем жилых комплексов», как думали авторы (стр. 173).

Исключительно важными для датировки памятника оказались керамические находки. Количественно они преобладали над всеми другими находками. Плоскодонные сосуды ручной лепки были нескольких типов. Ни на одном фрагменте не было замечено шнурового орнамента. Для данного района это служит достаточно точным хронологическим показателем, указывающим на сравнительно позднюю дату.

Решающую роль в хронологическом определении материала с Долинского поселения сыграли стратиграфические данные. Сравнительный же анализ находок помог окончательно уточнить дату памятника.

¹ В. А. Городцов, Старшее каширское городище, ИГАИМК, вып. 85 (1934), стр. 14—15, рис. IV, 13.

Значение Долинского поселения для местной истории велико.

Долинское поселение является связующим звеном между стадияльно однородными, но в пределах одной стадии разновременными памятниками, какими, собственно, и являются, с одной стороны, Майкопский курган, с другой—долменные гробницы Новосвободной. Первый большинством исследователей датируется рубежом III—II тысячелетий до н. э., вторые—последующим периодом. Этого значения памятника авторы не подчеркнули.

Статья А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, посвященная обстоятельной публикации всех материалов с поселения, богато снабжена рисунками и таблицами.

Вместе с тем статья вызывает несколько замечаний частного характера. 1) Текст слишком растянут; особенно многословны авторы в описательной части (например, стр. 150, 158, 160 и др. 2). Излишними кажутся подробнейшие планы и разрезы обнаруженных на поселении ям. Скрупулезность полевых методов исследования они, конечно, доказывают, но не обеспечивают удобочитаемости чертежей, да и слишком много однообразных чертежей дано в работе. 3) Приложенный общий план раскопок Долинского поселения не связан с населенным пунктом (рис. 2). 4) Нет четких чертежей, иллюстрирующих стратиграфию памятника, нет профилей раскопов. Приложенные же два обреза раскопов (рис. 13 и 16) очень невразумительны и усвоение их сопряжено с рядом неудобств.

Крупнейшей статьей сборника является работа Б. Е. Дегена «Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика», почему-то всюду в тексте именуемая археологическим «отчетом». Но исследованные автором в 1929—30 гг. курганы послужили ему лишь поводом для освещения более широкой темы. По существу это монография, посвященная памятникам центральной полосы Северного Кавказа, характеризующим 2-ю стадию древнейшей исторической жизни края. И упомянутые курганы, равно как и другие связанные с ними археологические комплексы, хранящиеся в Нальчикском и других музеях, были использованы автором как трамплин для перехода к общим вопросам: о датировке, районе распространения этих памятников, о производственной деятельности и даже «общественной идеологии» представленного ими древнего населения.

Вооруженный прекрасным знанием археологической литературы и кавказского материала, достаточно хорошо ориентированный и в смежных дисциплинах (этнографии, истории, лингвистике), Б. Е. Деген дал слишком пространный, но интереснейший этюд о курганах Нальчикского парка (в 2-х из которых ему самому удалось вскрыть всего 10 погребений), сопроводив их описание воспроизведением широкой исторической картины.

В основе же работы лежат древности Кабардино-Пятигорья, которые получают у автора суммарную датировку—II тысячелетие до н. э. Дав подробный обзор инвентаря далеко не всех погребальных комплексов освещаемого района, Б. Е. Деген концентрирует внимание на необычайном обилии в них металла. И нужно признать вместе с ним, что «ни в одном районе СССР мы не находим в погребениях того же времени подобного богатства металлических изделий» (стр. 275).

Казалось бы, что это важнейшее наблюдение давно должно было поставить во весь рост проблему производства металла на Северном Кавказе во II тысячелетии до н. э. Однако, даже в последних специальных работах значение Северного Кавказа как древнего очага металлопроизводства признавалось лишь с колебаниями. Деген впервые заставляет иначе взглянуть на металлургическое производство края.

На основании результатов химических анализов ряда вещей ему удалось блестяще доказать местное литейное производство меди из местных же сернистых руд типа колчеданов, т. е. производство так называемой «черной меди».

Применение микроанализов и макроскопическое обследование изучаемых вещей позволили автору убедительно решить вопрос и о так называемой «серой бронзе»—сплаве меди с мышьяком, железом, сурьмой, серой, никелем, но не с оловом. Таким образом, мобилизация данных точных наук позволила Б. Е. Дегену по-новому осветить производственную деятельность насельников Северного Кавказа на 2-й стадии их развития.

Менее интересны пространные рассуждения автора о технических приемах изготовления металлических вещей. Не со всеми положениями автора здесь можно согласиться. Основные же мысли более убедительно изложены в специальных работах. Во многом автор просто повторяет А. А. Иессена.

Затрагиваемые по разным поводам многочисленные, иногда далекие, темы, несколько отвлекали автора от узловых вопросов работы. Это привело к тому, что работа оказалась слишком растянутой и перегруженной общими рассуждениями, различными деталями и довольно громоздким аппаратом. Особенно этим грешит раздел «Отражения надстроечных представлений» (стр. 283—286).

Вместе с тем нельзя не признать ценности отдельных даже частных замечаний, разбросанных в книге. К ним относится ряд примеров поразительно удачного использования кавказской этнографии для уяснения явлений далекого прошлого (стр. 283 и др.).

Очень интересны и плодотворны мысли автора о генезисе медно-бронзовых булавок с рогообразным и молоткообразным навершиями; но трудно согласиться с ним, что подобные булавки имеют какую-либо генетическую связь с костяными булавами каменнобронзовой культуры; повидимому, это две самостоятельные линии развития. Не случайно в Нальчике костяных булавок нет. Ошибочным теперь является отнесение к 3-й стадии (к кобанской культуре) огромных булавок своеобразного типа с расплюснутым рогообразным навершием (стр. 249). В свете последних раскопочных данных и химического анализа их эти (чаще медные, а не бронзовые) булавки характеризуют не 3-ю, а докобанскую стадию дигорских комплексов. Полевыми же исследованиями Б. А. Куфтина вновь подтверждена их функция как парадных украшений одежды, в чем сомневается автор (стр. 256).

Расширяя круг источников, автор довольно широко использовал и верно датировал еще неопубликованный материал из других музейных собраний, ранее имевший иную дату. Так, например, могильный инвентарь из кургана № 2, исследованный в 1919 г. А. М. Радищевым близ г. Дзауджикау, автор с полным правом передвинул из кобанского окружения в более раннюю обстановку II тысячелетия до н. э.

Вообще следует признать, что вся источниковедческая сторона работы Б. Е. Дегена сделана почти безукоризненно.

Некоторую неудовлетворенность вызывает только недостаточное использование других кавказских комплексов, имеющих прямое отношение к изучаемым автором памятникам. В частности, дигорские памятники, связанные с Закавказьем, дают гораздо больше сходных черт с памятниками рассматриваемого автором района Кабардино-Пятигорья (и в керамике, и в орудиях труда, и в украшениях), чем показано в работе. Они позволили бы автору расширить площадь распространения изучаемых комплексов и точнее хронологически определить выделяющийся круг своеобразных памятников центральной полосы Северного Кавказа. Главным ориентиром для автора являлись памятники Прикубанья, синхронные предгорным, но представляющие другую культурную среду. Это привело автора к переоценке роли земледелия в изучаемом районе и преуменьшению значения скотоводства. Повидимому, под влиянием известной схемы А. В. Шмидта, основанной на изучении памятников «средне-кобанской культуры», Б. Е. Деген отказался от более четких хронологических формулировок и ограничился только не документированным замечанием, что «подавляющая часть материала, сколько-нибудь поддающаяся датировке, падает на вторую половину II тысячелетия» (стр. 267).

В связи с рассмотрением изменений форм хозяйства автор в основном повторяет заключение А. А. Миллера (15-летней давности) о сравнительно позднем (только в 3-й стадии) освоении местными племенами ксерофитных районов горного Кавказа.

Но обнаружение археологических памятников в высокогорной зоне Северного Кавказа и компактность их размещения по перевальным путям, ведущим в Закавказье, давно уже исправили это устаревшее представление.

Заканчивается работа небольшим разделом, освещающим впускные курганные погребения (всего 2), которые Б. Е. Деген по «вытянутости костяков» и только одному

сосуду относит уже к 3-й стадии. Основанием для этого ему служит сходство зашипов., украшающих плечи сосуда, с подобными же приемами орнаментации на очажной керамике из Кисловодска, которая, по С. Н. Замятину¹, должна датироваться ранней стадией кобанской культуры. Но в том-то и дело, что бронзовый инвентарь из каменных ящиков Кисловодска оказывается типичным не для ранней Кобани, а для поздней стадии ее развития, и связывать с ним очажную керамику невозможно. Нигде в кобанских комплексах такой керамики мы не знаем; находки же ее в степных районах в окружении более ранних материалов (Грозненская область) позволяют относить ее к докобанской стадии местной истории.

Таким образом, сравнительно поздний характер впускных погребений (№ 2 и 5) кургана № 4 не подлежит сомнению. Это подтверждено стратиграфией кургана. Но вряд ли они были совершены намного позднее основных погребений.

Работа вызывает и ряд частных замечаний:

1) Усложненная нумерация материала (и литерная и цифровая) несколько затрудняет усвоение текста. 2) Нельзя признать удовлетворительным разрез слоев кургана № 4 (рис. 22) в виде столбика. Подобный прием допустим только в геологической литературе. 3) Упорное упоминание никогда не существовавших населенных пунктов Северной Осетии, как «Фаскау», «Рутха», по известным могильникам (стр. 250, 257, 268). 4) Автор следует старой традиции—все неясное связывать с культом и называть «магическим» (стр. 283, 284).

Работа Б. Е. Дегена богато иллюстрирована рисунками и чертежами. Кроме того к ней приложено 20 таблиц, в том числе 2 таблицы на меловой бумаге. Очень интересна карта «Распространение памятников II стадии Кабардино-Пятигорья» (рис. 41 на стр. 268).

Последняя статья—А. В. Мачинского «Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика» является отчетом о раскопках 2 курганов. В ней подробно описывается найденный могильный инвентарь. Автор ограничивается тем, что связывает его с кабардинцами и датирует XIV—XVI вв. н. э.

Все статьи рецензируемого сборника сопровождаются резюме на французском языке. За исключением нескольких неудачных клише, книга хорошо оформлена.

Рецензируемый сборник, вводящий в научный обиход материал первостепенной важности, в значительной степени облегчает задачу изучения древностей не только Северного Кавказа, но всего нашего юга.

В этом его научное значение.

Е. Крупнов

TORNGY SÄVE-SÖDERBERGH, The Navy of the eighteenth Egyptian dynasty, «Uppsala Universitets Arsskrift», № 6, 1946, 94 стр.

Основной задачей рецензируемой книги шведского египтолога является уничтожение пока еще достаточно распространенных в науке сомнений в мореходных способностях египтян. И этой цели она достигает.

Данные, использованные автором в его сравнительно небольшой работе, большей частью уже были отмечены в литературе; но, будучи собраны воедино, систематизированы, а кое в чем и по-иному интерпретированы, они дали возможность иначе осветить весь вопрос в целом. Значение работы увеличивается благодаря тому, что автор помимо данных времени XVIII династии, которому собственно посвящена книга, использовал в ней все сведения, относящиеся к предшествовавшим периодам египетской истории, равно как большинство материалов, известных для всего Нового царства.

Книга распадается на четыре главы: 1) «Плавание по Нилу и войны в Нильской долине»; 2) «Экспедиции в Пунт»; 3) «Морская активность в восточном Средиземноморье» и 4) «Организация и состав флота».

¹ ИГАИМК, вып. 109, рис. 206, стр. 223.

Наиболее краткой является первая глава. В ней автор стремится доказать, что в борьбе Египта с гиксосами важное значение имел речной флот, без которого «завоевание Нубии, начатое Яхмесом I, никогда не было бы совершено» (стр. 5). В свою очередь захват Нубии и превращение ее в египетскую провинцию послужили толчком для дальнейшего развития судоходства: Нильские пороги, затруднявшие ранее судоходство, были пересечены каналами, и большие корабли, груженные различными продуктами Нубии, могли теперь беспрепятственно плыть по Нилу, начиная с четырех порогов вплоть до Средиземного моря.

Во второй главе (стр. 8—30) собраны и изложены в последовательном порядке все данные о связях Египта с Пунтом, начиная с Древнего царства вплоть до XX династии. При этом автор не пытается разрешить до сих пор еще не ясную проблему местонахождения этой загадочной страны (хотя некоторые возможности для этого, как я надеюсь показать в отдельной статье, все же имеются), а ограничивается изложением существующих точек зрения, по которым она локализуется на африканском побережье к северу, то к югу от Баб-эль-Мандебского пролива (сам он склоняется к первой точке зрения).

Интерпретируя собранные им данные, автор стремится доказать, что известная экспедиция в Пунт, имевшая место в царствование Хатшепсут, «переоценивается из-за пропаганды» самой царицы, тогда как на самом деле «экспедиции в Пунт были более или менее обычны» (стр. 29). Это предположение автора построено на ложных основаниях. Оно обосновывается тем, что предшествовавшие поездки в Пунт носили частный и неофициальный характер, а потому, дескать, нельзя, исходя из отсутствия сведений о них, говорить о том, что сношения с Пунтом были случайны (стр. 13); с другой стороны, автор полагает, что Хатшепсут за отсутствием во время ее царствования значительных событий чрезмерно рекламировала посланную ею экспедицию в Пунт (стр. 16—17). Однако надписи на храме Хатшепсут писались для современников и потомков царицы, которые, конечно, весьма иронически восприняли бы описание обыденного, по мнению Сэве-Седерберга, события, как чуда.

Столь искусственное толкование экспедиции Хатшепсут понадобилось автору для того, чтобы сделать как можно более убедительными два положения, к которым он приходит в конце второй главы: 1) «мы должны будем больше оценивать древних египтян как моряков и активность египетского мореплавания» (стр. 29) и 2) «трудная торговля по большей части Красного моря была преимущественно чисто египетского характера» (стр. 30).

Эти выводы, в достаточной мере подтверждаемые остальным привлеченным автором материалом, подводят читателя к третьей главе (стр. 31—70), занимающей центральное место в концепции книги. В ней собраны данные, свидетельствующие о морской активности Египта в восточном Средиземноморье.

Автор указывает, что, хотя связи Египта с Сирией и Палестиной археологически засвидетельствованы еще для додинастического Египта, не говоря уже о времени Древнего и Среднего царств, морские сношения с этими краями были лишь эпизодическими. Прочными они становятся, по его мнению, начиная со времени Тутмоса III, который в своих планах разгрома Нахарина (отождествляемого некоторыми учеными с Митанни) отводил флоту большое место. Этим объясняется то, что уже во время первых своих походов в Сирию и Палестину Тутмос III создавал в захваченных им прибрежных городах свои морские базы. При этом автор вполне обоснованно возражает против распространенного еще мнения о том, что уже в это время сирийцам принадлежало ведущее место в судоходстве по восточной части Средиземного моря. Автор справедливо указывает на то обстоятельство, что если бы дело действительно обстояло так, то в составе дани, полученной Тутмосом с покоренных им приморских городов, обязательно были бы корабли, а не корабельный лес. В самом деле, как можно иначе объяснить такие факты, что в одной и той же надписи Минмеса сообщается о получении Тутмосом III в виде дани с Нубии кораблей, а с Сирии строительного леса? Если бы сирийцы уже в это время обладали сколько-нибудь значительным флотом, то вряд ли Тутмос III нуждался бы в собственных кораблях для вывоза дани из Сирии—он ее вывез бы на сирий-

ских же кораблях. Разве в таком случае была бы надобность Тутмесу III перед походом на Нахарин строить на сирийском берегу корабли для плавания по Евфрату?—гораздо проще было бы перетаскивать готовые сирийские корабли.

Только однажды анналы Тутмеса III (от 29 г.) сообщают о захвате двух сирийских кораблей, причем—и это весьма характерно—все внимание записи уделено не описанию кораблей, а их грузу.

Возможность для развития значительного сирийского мореплавания появляется только в конце XVIII династии, когда внимание Египта было поглощено внутренними делами; именно после этого периода, полагает автор, египетский флот в восточном Средиземноморье утрачивает свое бывшее значение.

Последняя глава, посвященная организации флота и его составу, строится главным образом на разборе званий, которые носят моряки. Скучность сведений лишила автора возможности дать сколько-нибудь связанную картину организации флота, равно как социальную характеристику его личного состава. Тем не менее ему удалось сделать некоторые любопытные наблюдения. К их числу относятся сведения о специальной одежде гребцов, приспособленной к их обязанностям, разрозненные данные о численности экипажа кораблей, наличии собственных флотилий у разных храмов и ведомств и др. Наиболее же интересны приведенные данные о том, что гребцы и низшие офицеры флота получали за свою службу земельные наделы, остававшиеся в семье в том лишь случае, если после смерти отца морскую службу нес его сын. Только в исключительных случаях, в силу особого царского указа, морской офицер, переходя на гражданскую службу, сохранял свой надел.

Таковы основные положения разбираемой книги. Досадно, что автор не посвятил особой главы разбору технических особенностей египетских кораблей: это подтвердило бы его утверждения о самобытности египетского мореходства.

Проф. И. М. Лурье

ERIK IVERSEN, *Two inscriptions concerning private donations to temples.* Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskrab, Historisk-filologiske Meddelelser, XXVII, 5. København, 1941.

Обе надписи, явившиеся предметом исследования автора, уже известны в науке¹, однако они до сих пор оставались неизученными.

Первая из них, стела Каирского музея № 45327, относящаяся ко времени Осоркона II (XXII дин.), содержит текст дарственной на земельный участок в 42 *гmn* (несколько больше 4,2 га). Дарение облечено в форму соглашения между дарителем и богом: последний путем оракула выражает свое согласие на предлагаемое дарителем условие—обеспечение «вечного» заупокойного культа в вознаграждение за передаваемый храму земельный участок.

Вторая надпись—на копенгагенской статуе—датируется временем Псамметиха I (XXVI дин.) и содержит обращение к жрецам, в котором им напоминает о том, что они должны приносить жертвы и молиться за владельца статуи, ибо он подарил храму для этой цели 60 арур земли (около 16 га).

Автор в своей работе воспроизводит тексты обеих надписей, исправляя при этом допущенные в прежних изданиях ошибки, дает перевод этих трудных, вследствие лапидарности, текстов и комментирует отдельные встречающиеся в них выражения и термины.

¹ Стела Каирского музея № 45327 издана G. Daréssy в «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», т. XV (1915), стр. 141 сл.; Надпись на статуе Копенгагенской Glyptotjek Ny Carlsberg E. 78 издана O. Koefoed-Petersen, Recueil des Inscriptions Hiéroglyphiques de la Glyptothèque Ny Carlsberg, «Bibliotheca Aegyptiaca», VI, Bruxelles, 1936, стр. 13.

Обе надписи интересны сами по себе, но большую ценность они имеют, будучи сопоставлены с остальными дарственными документами, ибо в этом случае они становятся частью того важнейшего материала, на основании которого возможно изучение древнеегипетского землевладения, остающегося до сих пор по сути дела неизученным. Автор, однако, отказывается от рассмотрения указанной проблемы.

В работе дан перечень всех известных автору дарственных стел. Он правильно связывает назначение зафиксированных в них земельных дарений с более древними учредительными документами Древнего царства и договорами Сиутского номарха Среднего царства со жрецами заупокойного культа. Автор прав, когда, задумываясь над тем, почему на издаваемой им стеле Каирского музея, помимо дарителя, перед богами изображен фараон, находит объяснение этого в том, что царь рассматривался «теоретическим собственником всех земель Египта». Затрагивает автор и некоторые иные второстепенные вопросы, как-то: формулу дарения и термин, обозначающий дарение, для уяснения которых он привлекает данные нескольких дарственных. Он касается спорного в науке вопроса, где ставились стелы с высеченными на них дарственными: были ли они вотивными стелами, стоявшими в храмах, или служили межевными плитами, и склоняется к этой последней точке зрения. Мне же кажется, что правильны обе точки зрения, так как некоторые стелы безусловно ставились в храмы, тогда как другие, конечно, служили межевными знаками. Последнее подтверждается не только двумя одинаковыми стелами, найденными в Абу-Симбеле, на которых основывает свое мнение Иверсен, но и тем обстоятельством, что нижняя часть некоторых стел оставлена свободной от надписей: это указывает на то, что такие стелы изготовлялись для того, чтобы их вкапывали в землю. То обстоятельство, что на границах земельных участков действительно ставились межевые камни, с очевидностью показывают древнеегипетские росписи, изображающие измерение полей: на некоторых из них видны межевые стелы.

Следует учитывать некоторые дефекты работы Иверсена. В автографии текста Каирской стелы, которую он дал в своей работе, имеются ошибки (например, в строках 2, 4 и 7), почему на нее и не следует полностью полагаться. В ссылках имеются описки, ошибки¹ и пропуски. Перечень дарственных стел, состоящий из тридцати пяти номеров, вопреки надежде автора, далеко не полон—к нему можно добавить, по меньшей мере, еще десять аналогичных документов, известных уже в литературе.

Несмотря на эти недостатки, работа Иверсена, содержащая критический перевод двух надписей может быть использована при изучении проблемы земельных отношений в Египте.

Проф. И. М. Лурье

WALBANK, Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.

Рецензируемая книга Уолбенка занимает особое место в ряду новейших работ по истории эллинизма в период проникновения Рима в Грецию. Посвятив свое исследование деятельности предпоследнего македонского царя Филиппа V, автор поставил себе целью дать историю царствования Филиппа «не только как действующего лица в истории римского империализма, но и с точки зрения самой Македонии».

Исследование Уолбенка отнюдь нельзя считать только биографией Филиппа V. Его книга не ограничивается историей личных успехов и неудач македонского царя. Уолбенк излагает конкретный исторический материал, связанный с жизнью и дея-

¹ Так, например, в стеле Каирского музея 31653 в перечне стел (порядковый № 8) указано, что она издана в «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», т. 18, стр. 52—53, тогда как на самом деле она издана в «Recueil de Travaux», т. 18, стр. 52—53. В том же перечне (порядковый № 11) ошибочно указан номер стелы: ее номер 4680 (а не 41670), и издана она на стр. 192 (а не 7).

тельностью Филиппа V, на фоне сложных международных отношений конца III—начала II в. до н. э.

Книга начинается главой о Союзнической войне 221—217 гг., которая рассматривается с точки зрения влияния внешней политики молодого македонского царя на дела самой Греции («Филипп—на юге»). Участие Македонии и молодого Филиппа, продолжавшего политику проникновения в Пелопоннес, в Союзнической войне после разгрома Клеомена—таково в основном содержание данной главы. Уолбенк излагает подробно перипетии Союзнической войны в Греции, борьбы ахейско-македонской коалиции против Этолии и ее союзников в Пелопоннесе и в Средней Греции.

Следующая глава посвящена так называемой Первой македонской войне Рима в Греции, которая изображается Уолбенком как поворот политики македонского правительства в сторону Запада. Иллирийские походы Филиппа в 217 г. Уолбенк рассматривает как вмешательство в сферу римского влияния в расчете на то, что Рим был занят войной с Ганнибалом (стр. 69 сл.). Уолбенк считает, что греко-иллирийской войны. Он дает даже карту сферы римского влияния в Иллирии и включает в нее широкую прибрежную полосу, начиная с Димал на севере и кончая Керкирой на юге (стр. 19).

Начало борьбы Филиппа V с Римом на западе, помимо расчетов македонского царя на то, что Рим был занят войной с Карфагеном, Уолбенк объясняет также надеждами Филиппа на возможность «радушного приема его как второго Пирра со стороны греческих государств» Италии. Поскольку Рим оказался способным защищать свои интересы, Филипп, согласно Уолбенку, предпочел объединиться в 215 г. с Ганнибалом, сознавая свою слабость по сравнению с Римом. Этими же опасениями в отношении Рима Уолбенк объясняет и бездеятельность Филиппа V сразу после разгрома римлян Ганнибалом при Каннах: Филипп, по мнению Уолбенка, выжидал исхода столкновения между Римом и Карфагеном, поскольку мир, который они могли заключить между собой, освободил бы силы Рима для борьбы с Македонией. «Бездеятельность» Филиппа после 215 г. Уолбенк объясняет тем, что македонский царь рассчитывал на помощь Ганнибалла. Уолбенк ссылается на недостаток свидетельств, но, тем не менее, считает возможным утверждать, что только нетерпение вынудило Филиппа действовать более решительно после 214 г. и вступить в борьбу с Римом в годы так называемой Первой македонской войны, в результате которой македонский царь был вынужден отказаться от переправы в Италию и остаться в Греции, что и было «триумфом римской политики».

Поскольку источники все же говорят о победах Филиппа в ходе так называемой Первой македонской войны, Уолбенк оценивает эти победы в качестве «только инцидентов кампании», бывших, как правило, следствием «лености» римлян, «которые позволили» Филиппу победить, например, под Эхином (стр. 89 сл.). Зато победы самих римлян, по мнению автора, лишали Филиппа всякого самообладания, и последний старался рассеять дурное настроение дебошами в Аргосе.

Только «печальной слабостью» флота пунийцев (стр. 97), а совсем не видами самостоятельной политики Филиппа V на Востоке объясняет Уолбенк закладку македонским царем собственного флота. Нейтральные государства Греции, только благодаря «отсутствию римлян», по мнению Уолбенка, решились заговорить о мире между Македонией и Этолией и вообще об окончании войны на территории Балканского полуострова. Филипп согласился, в конце концов, на эти предложения именно потому, что опасался римлян, почти разгромивших к этому времени своих основных врагов—пунийцев, в частности разбивших шедшие на соединение с Ганнибалом войска его брата.

Поэтому и общий мир, заключенный в 205 г. в Фойнике, в Греции, мир, которым была завершена эта так называемая Первая македонская война, изображается Уолбенком по существу как римский мир (стр. 103 сл.), так как отклонение предложения посредников эпиротов «должно было навлечь несчастье, разгневать сенат и вызвать римское вторжение». Подводя итоги исследованию западного направления внешней политики Филиппа V, Уолбенк вообще считает его ошибочным, продиктованным маке-

донскому царю его экспансивностью, непродуманным увлечением идеей мировых завоеваний, которую он унаследовал от своих предшественников.

Неодобрение Уолбенка вызывает и восточная политика Филиппа V—войны в области Эгейского моря и в Малой Азии в 205—200 гг., изложению которых посвящена следующая глава этой фундаментальной работы. Всю эту восточную политику македонского правительства, инициатором которой был Филипп V, Уолбенк квалифицирует как «варварскую» (стр. 272), сводя таким образом весь сложный клубок противоречивых международных отношений этих лет к моральной оценке методов ведения войны македонским царем. Вместо анализа сложной международной обстановки в годы войн Филиппа на Востоке Уолбенк ограничивается оценкой роли Рима. Рим выступает на Востоке сразу же ни с кем не сравнимой величиной и силой. Римские послы уже накануне так называемой Второй македонской войны находят, в частности, сирийского царя Антиоха «в полной готовности дать требуемые уверения» (стр. 135). Египет в то время, по мнению Уолбенка,—только игрушка в руках всевластного Рима. «Неосведомленный» о двойственной политике Рима, Египет, видевший в римлянах «защитников против Филиппа», был принесен, согласно автору рецензируемой книги, в жертву Риму. Уолбенк снова указывает на основную «ошибку» теперь уже восточного курса внешней политики Филиппа V, который начал серию завоеваний, не учтя прежде всего сил Рима и аморально действуя под влиянием плохих советников вроде Дикеарха и Гераклида. В связи с этим весьма сложная и противоречивая политика Сирии и Македонии по отношению к Египту трактуется автором рецензируемой книги как «воровской договор» (стр. 272), где договаривающиеся стороны не учли одного решающего момента—вмешательства Рима.

В том же духе написаны Уолбенком и центральные главы его книги—о борьбе римлян против Филиппа V в годы так называемой Второй македонской войны и о сотрудничестве Филиппа V с Римом против Антиоха в годы войны с Этолией и Сирией. Основной решающей силой в ходе этих войн Уолбенк считает Рим, его политикой, целями и задачами исчерпывая все содержание этих переломных лет в истории эллинизма. Поражение Филиппа V при Киноскефалах объединенными силами Этолии и Рима в 197 г., которым закончилась так называемая Вторая македонская война, Уолбенк считает в основном победой одного Рима и изображает как событие, в корне изменившее судьбы древнего мира, приведшее к безусловному превосходству Рима и к окончательному падению Македонии. При этом самое заключение Филиппом V мира с Римом Уолбенк связывает лишь с решающей победой последнего, не говоря ничего о необходимости для македонского царя встретить во всеоружии такую грозную опасность, как проникновение Сирии в сферу влияния Македонии. «Границы Греции, установленные после сирийской войны, исключали возобновление активности» Филиппа V, предполагает Уолбенк (стр. 220), указывая, что македонский царь в связи с этим «должен был примириться с потерей», направив свое внимание на северные границы, и начать, таким образом, политику «восстановления» Македонии в 189—179 гг.

Постоянно подчеркивая преобладающую роль Рима, Уолбенк, однако, считает, что походы Филиппа против варваров северной периферии были попыткой македонского царя создать балканскую державу (стр. 246). Но в дальнейшем автор не развернул этого положения, сведя его опять к стремлению Филиппа этим путем подготовить силы и средства для грядущей борьбы с Римом.

К истории Филиппа V автор дает ряд приложений в конце книги. Это прежде всего содержательный обзор источников—в первую очередь Полибия и Ливия. Основная мысль Уолбенка сводится к совершенно бесспорному положению, что, «несмотря на должное отношение к археологии, историю Филиппа V следует основывать на данных Полибия главным образом». При этом автор отмечает, что Полибий писал о Риме с «остро-проримской» (*keen pro-Roman*) точки зрения (стр. 279 сл.).

Второе приложение содержит ряд замечаний о военном деле при Филиппе V (вооружение, состав воинских сил и т. д.). Весьма обширно третье приложение, посвященное вопросам хронологии царствования Филиппа. Эти солидные, порой исчерпывающие очерки весьма ценны для всякого, кто занимается историей позднего элли-

низма. Они обнаруживают глубокую эрудицию автора и свидетельствуют о громадном труде, затраченном им при составлении этой книги. В конце приложена библиография.

Книга Уолбенка имеет бесспорные достоинства. Вместе с тем необходимо отметить в ней ряд методологических недостатков.

В буржуазной историографии создалось представление о неспособности греков жить в мире между собою и с соседями, о неумении их управляться самостоятельно, о том, что им было как бы предопределено подпасть под римское владычество. «Сражаться за греков—значит сражаться с ними»,—эта фраза старого французского историка Пти де-Жюльвиля¹ стала обычной в буржуазной историографии при оценке исторических судеб Греции в эллинистический период. Греко-эллинистический мир рассматривается как объект завоеваний, а история его отдельных государств—как совокупность событий и действий, в той или иной степени противодействовавших или способствовавших установлению римского владычества.

Этой односторонности суждений не избежал и Уолбенк. Хотя он и пишет о тенденциозности основного историка этой эпохи Полибия (стр. 281), это не мешает ему группировать весь материал вокруг Рима и его вмешательства в дела Востока. Упуская из виду, что всякого рода дипломатия является в конечном счете производным от социальных отношений и движений, в данном случае внутри самого греческого мира, Уолбенк фактически не выполнил своего намерения дать исследование по истории македонского царя «не только как действующего лица в истории римского империализма». Основным фоном в работе Уолбенка остался именно Рим. Под этим углом зрения изложены и иллирийские войны (стр. 69 сл.), и политика Филиппа по отношению к Карфагену. Вопросам внутренней социальной борьбы в самом греко-эллинистическом мире, которая была основным фоном деятельности Филиппа V, автор уделяет очень мало внимания. Он сводит ее к росту «демагогических движений» в соединении с «агрессивным империализмом», когда речь идет, например, о Спарте (стр. 164). Для Уолбенка связи Филиппа V с Набисом, главой спартанской революции, были лишь логическим завершением демагогии македонского царя.

Между тем недооценка Уолбенком внутренних сил самого греческого мира и переоценка роли Рима находится в противоречии с фактами, приводимыми в источниках.

Если взять в качестве примера положение непосредственно после поражения Филиппа V то оказывается, что, согласно Ливию (XXXIX, 24, 7), сенат потому так вяло реагировал на попытки Филиппа вернуть себе влияние в Средней Греции, что там существовала сильная антимакедонская оппозиция. Вряд ли поэтому можно согласиться с Уолбенком, когда он это поведение сената объясняет «равнодушием» последнего к вопросам нарушения Филиппом прав частной собственности в Средней Греции (стр. 226). Именно исходя из решающей роли самих греческих государств в этот период, трудно согласиться с положением Уолбенка, сводящего решения антимакедонской союзной коалиции о спорных вопросах с Македонией в Средней Греции и Фракии к конъюнктурной политике Рима (стр. 234), интересами которого только будто бы и было продиктовано игнорирование в 191 г. деклараций 196 г.

Выпячивая всюду роль Рима, Уолбенк при этом забывает, что именно в эти годы даже сравнительно слабая Ахейская лига вела себя достаточно независимо по вопросу об устройстве дел в Спарте, не считаясь с представлениями римского сената и его легатов (Р о I., XXII, 13), и заключала самостоятельные союзы с Пергамом и Египтом (Р о I., XXII, 10 сл.). Была сильна и сама Македония, поскольку Риму приходилось идти извилистым путем, действуя через Деметрия, сына Филиппа, и подготавливая дворцовый переворот (Р о I., XXIII, 3, 4 сл.). Между тем Уолбенк считает возможным говорить о решениях сената, скорее наказывающего, чем награждающего Филиппа за его помощь Риму в борьбе с Сирией (стр. 236).

¹ Petit de Juleville, Histoire de la Grèce sous la domination Romaine, P., 1875.

В связи с этой романоцентрической точкой зрения в работе Уолбенка не получили подтверждения и выставленное им положение о том, что из сорока лет критической истории Средиземноморья «каждый носил марку Филиппа». И этого не получилось, несмотря на то, что Уолбенк историю всего периода пытается строить применительно к деятельности самого Филиппа. Уолбенк считает Филиппа только солдатом, который из сорока двух лет своего царствования только восемь не воевал (стр. 258), но отнюдь не полководцем и тем более не государственным человеком (стр. 263). Филипп, по его мнению, был попеременно игрушкой то Фламинина, то Набиса. Отсюда и получается, что Филипп не обнаружил «трезвого понимания» возможностей, предоставленных ему на Западе Ганнибалом, но увлекся «романтическими традициями» своего дома о мировом господстве. Неудачи Македонии на востоке совершенно неоправданно сводятся Уолбенком к жестокости Филиппа (стр. 260), как будто методы ведения войны македонским царем не были общепринятыми в его время.

Любопытно, что при этой упрощенной концепции международных отношений того времени у Уолбенка имеются и противоречащие ей отдельные замечания вроде того, что Рим разбил Филиппа при потворстве его соперника, Сирии (стр. 272). То, что Уолбенк квалифицирует политику Филиппа по поддержке Рима в борьбе с Сирией как умную (стр. 273), находится в противоречии с его общим суждением о македонском царе.

Романоцентрическая точка зрения только и могла привести Уолбенка к заключительному положению об альтернативе, которая будто бы встала перед греческим миром: или идти на полное уничтожение эллинистической культуры, или примириться с возвышением государства, «способного навести порядок» (*imposing order*—стр. 274). Надо ли говорить, что такой державой Уолбенку рисуется именно Рим.

Уолбенк, как видно из его других работ, пытается, хотя и непоследовательно и путанно, материалистически осмыслить исторические явления. Но в данной работе приходится отметить скрывающиеся автора предвзятые установки при изложении истории рубежа III и II вв.

Все это происходит потому, что Уолбенк оставил в стороне социальную сторону вопроса, сводя все события лишь к внешнеполитической истории и априори признавая решающую роль Рима в делах Греции и Востока.

П. Н. Тарков

NORMAN H. BAYNES, The Hellenistic Civilization and East Rome, Oxford, 1946.

Небольшая книга известного византиниста Нормана Бейнза представляет собой лекцию, прочитанную в честь английского историка Джемса Брайса. Она посвящена вопросу о судьбах эллинистической культуры в римское и византийское время¹. Проследивая различные стороны эллинистической культуры, Бейнз приходит к выводу, что и в Византии сохранялась эллинистическая цивилизация (стр. 9), «эллинистический взгляд на вещи» (стр. 8).

Бейнз начинает свою книгу с очерка эллинистической религии и философии. Если в V в. до н. э., по мнению Бейнза, афинянин чувствовал себя прочно в этом мире, если он со своими богами, которые были не чем иным, как персонификацией его полиса, был в близких и как бы в реальных отношениях, то положение коренным образом меняется в IV в. «Гордая уверенность в демократии города-общины» уступает место разочарованию, которое находит свое отражение у Платона (стр. 10). В то же время Дионисий Сиракузский прокладывает новый путь исторического развития: городская община отступает перед монархией. Вместе с полисом теряли свое значение и городские боги. Лишившись их поддержки, человек оказался один перед лицом космоса—одинокий и растерявшийся (стр. 11).

¹ Ср. его статью «Some aspects of Byzantine Civilization», JRS, XX (1930).

Поэтому основной философской проблемой эпохи эллинизма становится проблема «отдельного человека в грозном мире». Огромное значение приобретает этика, вытесняя метафизику (стр. 12). Философия эллинизма складывается в двух формах: с одной стороны—всеотрицающий скептицизм, отчаяние неверия, с другой—стоицизм, поиски каких-то прочных основ в мировом хаосе. Стоики учили, что это прочное находится в самом человеке, душа которого может оставаться безразличной к внешнему миру (стр. 13). Стоицизм был глубоко индивидуалистичным учением, ибо стоики считали, что сочувствие нарушает самое ценное—спокойствие души. Поэтому не удовлетворенный стоицизмом человек искал поддержку не в философии, а в мистических культах, где он вступал в непосредственное общение с божеством (стр. 14). Не чувствуя себя прочно в этом мире (*at home in the body*), люди ищут чего-то потустороннего (стр. 16). Христианство—философия Византии—выступает таким образом как продолжение эллинистической культуры (стр. 17).

Бейнз прослеживает и в других областях византийской культуры продолжение эллинистических традиций. Уже в эллинистическое время возникает представление о государстве с единым монархом как копии космоса, представление, воспринятое Евсевием и другими церковными писателями (стр. 18, 32). Характер византийской литературы с ее почти полным отсутствием оригинальных произведений (кроме приключенческого романа) близок к литературе эллинистической Александрии (стр. 22). Творчество отцов христианской церкви выросло на той же литературной почве, что и языческая философия—неоплатонизм. Значение языческой литературы признавали и сами церковные писатели (стр. 30—31). Язычество заразило Византию ужасной бациллой риторики (стр. 23). Весьма важна эллинистическая традиция в искусстве. При этом Бейнз даже иконоборчество хочет объяснить как борьбу между восточным изобразительным искусством и греческой иконографией (стр. 34). Он указывает далее, что сторонники почитания икон исходили из платоновского представления об отражении идеи, которое не единосушно самой идее, тогда как иконоборцы считали отражение тождественным образцу (там же).

Бейнз утверждает далее, что даже церковная организация Византии имеет свои корни в эллинизме. Ведь тогда уже понятие эллина было не этническим, а культурным, и эллины противостояли варварам как носители определенной культурной общности (стр. 37). Эта *Kulturgemeinschaft* превращается в Византии в *Kultgemeinschaft* (стр. 39). Ромеи (византийцы) попрежнему противостоят варварам, но не как носители этнической общности, а как члены одной церкви. Это представление об определяющей роли церковной общности сохранялось и в период Палеологов, когда ромеи предпочли турбан турецкого султана папской тиаре (стр. 37).

Небольшая книжка Нормана Бейнза поднимает многочисленные проблемы, затрагивая разные стороны византийской истории. Но все они объединяются центральной проблемой—сохранением в «Восточном Риме» эллинистических традиций. «Пожалуй, никогда в истории культуры,—говорит Бейнз,—такое статическое и традиционное прошлое не имело столь могущественного господства над умами людей» (стр. 9). Бейнз говорит о длительном многовековом влиянии эллинистических традиций, которое захватило не только Византию Юстиниана, но и восстановленную империю Палеологов (стр. 37). Бейнз имеет в виду не случайное, но постоянное, прочное влияние одной культуры на другую. Несмотря на такое длительное постоянство, подчеркивает Бейнз, это влияние не испытывало упадка (стр. 9). Бейнз, наконец, подходит и к объяснению причин этого постоянства традиций: как и в эллинистические времена, в Византии культура складывалась в греческих городах, тогда как окружение оставалось чуждым ей, говорившим на своем языке (стр. 24—25). Конечно, города эллинистическо-византийской эпохи следует отличать от классического полиса, они не были самостоятельны, но подчинялись монархии.

Таким образом, Бейнз приходит, хотя и не ставя всех точек над *i*, к представлению о Византии как об эллинистическом государстве с преобладанием города. Это теория не новая: у нас уже К. Н. Успенский подчеркивал эллинистические традиции византизма.

Специально об эллинистических основах византийского искусства уже давно писал Д. Айналов.

Бесспорно, в социальном и экономическом строе Византии, как и в ее культуре, есть много эллинистических, римских и—более того—восточных элементов. Можно указать хотя бы на то, что рабовладельческий уклад в Византии доживает до XI в. Византийская литература никогда не забывала античных традиций, Пахимер употреблял аттические названия месяцев, византийские историки продолжали называть печенегов и русских скифами, болгар мизиянами и т. д. В византийской миниатюре X—XIII вв. можно найти немало античных мотивов. Мы уже не говорим о том «византийском возрождении», которое связано в философии с именем Георгия Плифона, а в искусстве—с фресками Кахриэ-Джами.

Хотя число таких примеров и аналогий можно во много раз увеличить, все же нельзя не видеть, что эти аналогии не затрагивают ни существа византийских общественных отношений, ни существа византийской культуры. Остановимся подробнее на некоторых явлениях культурной и социально-экономической жизни Византии. Бейнз придает большое значение сходству христианства и языческой философии времени кризиса полиса. Это—верное наблюдение: действительно, христианство, хотя и было совершенно новой фазой религиозного развития, многое усвоило не только из иудаизма, но и из греко-римского мира идей. Но Бейнз упускает из виду, что христианство развивалось и изменялось, что византийская церковь и сектантство II в.—это совершенно различные вещи. Христианство в Византии—это не религия человека, растерявшегося перед безысходной тяжестью земной жизни,—это торжествующая церковь, занимающая прочное место под солнцем, сама крупный собственник и защитник крупных собственников. Поэтому иконоборчество нужно рассматривать не как борьбу различных форм искусства, а как борьбу против церкви как крупного собственника.

Византийская литература, с ее огромными историческими хрониками, «лугами духовными» и церковной поэзией, представляет собой совершенно своеобразное явление, хотя и в ней иногда появляются произведения, связанные с эллинистическими традициями, например, диалог «Тимарион». Трудно отрицать, что в византийской литературе монашеские мотивы преобладают над светскими, тем более над специфически городскими. То же самое можно сказать и относительно изобразительного искусства: уже Тикканен показал, какое значительное место в иллюстрациях рукописей занимали монашеские сюжеты. Он установил существование особого типа монастырских псалтирей, отличавшихся от «аристократических псалтирей».

Основное же, чего не пожелал или не сумел принять во внимание Бейнз, это то, что Византийская империя и эллинистические монархии представляют разные социально-экономические формации. Перед этим коренным различием, определившим и различие духовной культуры, роль культурной традиции совершенно незначительна. Стремясь выявить в первую очередь роль наследия античности в византийской культуре, автор упустил основную линию исторического развития.

Это отсутствие исторического подхода к изучаемой проблеме сказалось и в представлении Бейнза об единообразии Византии на всем протяжении ее истории. Даже степень римско-эллинистического влияния была не одинаковой на разных этапах. Если в период иконоборчества это влияние было весьма слабым, то со второй половины IX в. начинается время возрождения античных традиций, что связано с деятельностью Фотия, Льва Математика и Арефы Кесарийского. О новом расцвете античных традиций мы можем говорить применительно к концу Империи.

Каждая историческая эпоха имеет свою своеобразную культуру, при современном же состоянии науки важнее в первую очередь провести разграничение, чтобы уже потом строить схему традиций и преемства.

ХРИСТО М. ДАНОВЪ, Полибий и сведенията му за източната половина на Балканския полуостровъ. Отдълна редица трудове на Българския археологически институтъ. София, 1942, № 2, 60 стр. и 4 стр. резюме на немецком языке.

Христо Данов поставил перед собой задачу не только собрать известия Полибия о восточной половине Балканского полуострова, но и установить те источники, какими он пользовался для описания той или иной области. Данов отмечает, что Полибий использовал источник, благосклонный по отношению к Византии, весьма вероятно — государственный архив этого города (стр. 37). Возможно, что он пользовался Деметрием Византийцем, который описал в 13 книгах переселение галатов в Азию (стр. 38). Данов особенно подчеркивает использование Полибием устных рассказов (стр. 39). Известия о Фракии и Македонии показывают осведомленность Полибия (стр. 46, 50); ценны его сведения о Понте, которые подтверждаются эпиграфическим материалом (стр. 49), был у него хороший источник и по истории Вифинии (стр. 50).

Однако о некоторых областях и Полибий сообщает фантастические сведения. Он, например, рассказывает, что Дунай разделяется на два рукава, один из которых течет в Адриатическое, а другой в Черное море (стр. 57). Он говорит, что с Гема (Балканского хребта) можно сразу видеть Черное и Адриатическое море, Альпы и Дунай (стр. 25). Эти известия Полибий, по мнению Данова, взял у писателей IV в., прежде всего у Феопомпа (стр. 58). Феопомп, утверждает Данов, был склонен искажать факты, выставлять события в отрицательном свете, влословить по адресу исторических личностей (стр. 59—60). Это утверждение Данова остается, по меньшей мере, спорным: за отсутствием полного текста Феопомпа нельзя, пожалуй, вынести какое-либо определенное суждение о нем; во всяком случае Белох считал его одним из выдающихся представителей греческой историографии и ставил его едва ли не выше Фукидида. К тому же рассказы о невероятных фактах характерны не для одного Феопомпа.

Данов постарался дать и общую характеристику Полибия как географа. Он подчеркивает сравнительно большую точность Полибия в передаче чужих мыслей и документов (стр. 32). В то же время Полибий умел относиться критически к своим источникам, он издевался над писателями, которые говорят о том, чего сами не знают, он называл историков, склонных к драматическим эффектам, *τρυφιδιούργοι* (стр. 40). На географических описаниях Полибия отразилось его мировоззрение: он стоик и космополит в отличие от Аристотеля, презиравшего варваров (стр. 32). Полибий строг и точен в отношении географических мер (стр. 26), но Данов подчеркивает, что он не ограничивается одними измерениями: Данов считает его представителем реакции против математической географии. Так, сравнивая Гибралтар и Геллеспонт, Полибий указывает, что последний, хотя и более узок, однако гораздо больше используется мореплавателями (стр. 25).

Меньше удалась Данову характеристика времени Полибия. Он довольно подробно описывает политические события, начиная с 40-х годов III в. и кончая битвой при Пидне. Однако не всегда возможно согласиться с его характеристикой социальных явлений. Он полагает, например, что экономический упадок Греции был вызван прежде всего основанием Александрии и других торговых центров на Востоке (стр. 333). В другом месте он указывает, что виновником социальной борьбы в Греции был «жадный до социальных преобразований демос», который являлся «постоянным кошмаром» имущих классов (стр. 15). Таким образом, основная причина кризиса, охватившего в это время Грецию, — застой и бесперспективность рабского хозяйства в новых условиях — остается вне поля зрения Данова. И если он говорит, что Полибий умеет различать причины и повод событий (стр. 30), то этого в данном случае нельзя сказать об авторе этой в общем и целом весьма интересной работы.

А. Кажданъ

L'ANNÉE PHILOLOGIQUE. Bibliographie critique et analytique de l'antiquité gréco-latine publ. sous la direct. de J. Marouzeau par M-lle J. Ernst, tome XV: Bibliographie des années 1940—1941 et complément des années antérieures. Paris, «Les Belles Lettres», 1943, стр. XXIV+495.

Организованное французским латинистом проф. Ж. Марузо Общество классической библиографии (Société de la bibliographie classique) хорошо зарекомендовало себя своими изданиями: библиографией периода 1914—1924 гг. (J. Marouzeau, *Dix années de bibliographie classique*, Paris, стр. 461+824, in 8°) и ежегодной библиографией, начиная с 1924 г., под названием «L'année philologique»¹. «Ежегодник» является солидным справочным пособием, охватывающим все отрасли науки о греко-римской древности. Для составления каждого тома использовано около 700 журналов по специальности.

Аннотированные работы, особенно статьи, часто сопровождаются кратким изложением содержания (в нескольких строчках). Справочник состоит из следующих разделов: 1. Авторы и тексты. 2. История литературы. 3. Лингвистика и филология. 4. История текстов (палеография, папирология и критика текстов). 5. Древности (археология и история искусства, эпиграфика, нумизматика и метрология). 6. История (история народов и этнография, региональная история и топография, социальная и экономическая история, история учреждений, история религии и мифология). 7. Право. 8. Философия. 9. Наука, техника и ремесла. 10. Классическая образованность и классическое образование. 11. Сборники (личные и в честь отдельных ученых). Внутри каждой части имеется более подробное разделение, причем соблюдается алфавитный порядок. Библиография дается в начале каждого отдела. «Греко-латинская» древность в понимании составителей включает в себя следующие эпохи: греческую классическую, эллинистическую, римскую и христианско-византийскую. Подробные указатели (использованных журналов, названий и современных авторов) облегчают труд читателя.

Так как пробелы при такого рода работе неизбежны, то следует считать удачной практику издателей, которые в каждом томе, кроме основной библиографии за год, помещают также дополнительную за прошлые годы.

Для советского читателя особенно досадно то, что работы советских ученых до сих пор отмечались крайне слабо. Некоторый перелом к лучшему имеет место, начиная с XII тома. Так, в XII томе рецензируемого справочника за 1937 г. аннотировано 15 работ 12 советских авторов, в XIII (1938)—30 работ 23 авторов, в XIV (1939)—всего 4 работы, а в XV (1940—41)—41 работа 34 авторов, примерно за период 1935—1940 гг. (издания и переводы древних авторов, монографии, исследовательские статьи, популярные работы, учебники). Из советской периодики, кроме «Известий» и «Докладов» АН СССР, которые и раньше аннотировались, отмечаются также «Архив истории науки и техники», «Вестник древней истории», «Советская археология», «Исторический журнал», «Советское искусство» и «Советское студенчество». Понятно, что указанные выше цифры далеко не отражают действительной картины научной работы в области истории античности в СССР. Достаточно указать, что Марузо не знает «Ученых записок» наших гуманитарных вузов, в первую очередь Ленинградского и Московского университетов (серии исторических и филологических наук), изданий многих научно-исследовательских учреждений, в том числе академий союзных республик, ряда учебных пособий для высшей школы—Я. М. Боровского, С. Я. Лурье, С. И. Раддига, С. И. Соболевского и т. д. (из широко известной у нас переводной серии классиков античной литературы издательства «Academia» упомянуты у Марузо только перевод «Илиады» (т. XIII) и перевод Лукиана (т. XV).

¹ В подготовке находится также библиография за 1896—1914 гг. под названием «Complément de bibliographie classique par S. Lambrino. В 1943 г. Марузо объявил также о скором выходе в свет составленной N. J. H e r e s c u «Bibliographie pratique de la littérature latine».

Нельзя, конечно, не приветствовать стремления аннотировать советскую научную литературу по античности, которое наблюдается в справочнике Марузо, но надо сказать, что сделано в этом направлении еще мало. Такая не слишком отрадная картина объясняется, во-первых, тем, что издатели не имели в своем распоряжении систематического указателя научной литературы по античности в СССР за последние десятилетия; во-вторых, наличием в Европе военных условий, начиная с 1939 г. Что касается второй причины, то, несомненно, на XV томе отпечаток военного времени лежит в гораздо большей степени, чем на предыдущем томе¹. Не говоря уже о технических мелочах, достаточно красноречиво то обстоятельство, что XV том, содержащий библиографию двух лет, по объему (495 стр.) лишь немного превосходит ординарный том. Здесь сказалось также и общее снижение научной продукции по античности в связи с военными условиями и ухудшение научных связей, несмотря на нейтральное положение Швейцарии, где работает Ж. Эрнст. Но недостаточное отражение советской литературы в справочнике главным образом приходится объяснить непониманием высокой ценности советской науки.

До появления библиографического ежегодника Марузо по классической филологии уже давно существовал целый ряд серьезных библиографических изданий, среди них периодическая «*Bibliotheca philologica classica*».

Если в отношении количества названий по отдельным предметам «*Année philologique*» лишь незначительно превосходит «*Bibliotheca philologica classica*», то все же в «*Année philologique*» более богато представлена библиография по каждому разделу. Если «*Bibliotheca philologica classica*» по некоторым предметам дает, самое большее, 1—2 названия библиографических изданий, то в «*Année philologique*» их 10—12².

Информация «*Année philologique*» о работе советских авторов также более полная, чем в «*Bibliotheca philologica classica*». Так, в XII томе (1937) «*Année philologique*» перечислены 5 советских авторов (8 работ) за 1937 г. и 6 рецензий зарубежных ученых того же года на ранее вышедшие советские работы по античности, а «*Bibliotheca philologica classica*» упоминает только 3 авторов (5 работ) и 1 рецензию.

С критической стороны надо отметить отсутствие в «*Année philologique*» порядковой нумерации названий, что затрудняет быстрое пользование справочником. Указатель авторов называет только соответствующие страницы.

Просмотр советских работ сделан не очень тщательно. Так, из сборника «Вспомогательные исторические дисциплины» (изд. АН СССР, 1937) цитируется работа В. В. Струве, но пропущена работа С. Я. Лурье. Это замечание можно отнести не только к советским изданиям, но также к зарубежным и даже французским. Так, в XII томе перечислены лишь некоторые статьи из VIII тома журнала *Ερμηνεία*, не упомянуты некоторые статьи из «*Bulletin de correspondance hellénique*», 61 (1937), но и «*Bibliotheca philologica classica*», 64 (1937) не свободна от этого греха. Там, например, не указана статья Laufer'a в MDAI (A), 62 (1937).

Одна работа Жебелева в ИАН СССР (стр. 913—939) указана, а другая его работа, опубликованная там же (стр. 1116—1124), пропущена.

Надо отметить также опечатки и неточности в транскрипции имен советских ученых. Так, например, Luré (XV, 7, 90, 307, 440) или Luria (XII, 71, 93, 410) вместо Lourié (ВДИ, 1938, № 2); Koloboff (XV, 359) и Pigulevsky (XV, 371) вм. Kolobova и Pigulevskaja; Zebeleva (XIII, 240, 472 bis) вместо Žebelev; Sapožnikovoi (XV, 276) вм. Sapožnikova; Dalsky A. N. (XII, 340), Dapsky A. I. (XV, 371) вм. Dalskij A. N. (ВPhC, 64, 4232); Elnicky (XV, 227), Elnickij (XIII, 239, 254, 364) вм. Jelnickij.

¹ J. Marouzeau, «*L'année philologique*», XIV (1939) вышел в 1941 г. без больших лакун и в прежнем объеме, как это отмечает сам Марузо в «Предисловии».

² Для сравнения я взял последний доступный том «*Bibl. phil. class.*»—64 (1937) bearb. von Abel u. G. Reineke, Leipzig (Reisland), 1939, стр. IX+289 и соответствующий—XII «*Ann. Phil.*» с учетом «дополнительной литературы за 1937 г. в тт. XIII и XV «*Ann. phil.*».

Некоторые ошибки явно вызваны незнанием русского языка, что, повидимому, является также основной причиной того, что аннотированные советские работы не сопровождаются никакими замечаниями.

Таким образом, справочник Марузо обнаруживает тот же порок, который присущ всей буржуазной библиографии. Отмечая с мелочной скрупулезностью самые незначительные или даже ничтожные явления западноевропейской и американской литературы об античности, библиографический справочник Марузо явно недостаточно отражает состояние самой передовой науки, науки советской. При этом, если литература на русском языке все же представлена у Марузо, хотя далеко не полно и с искажениями, научная литература об античности на других языках народов СССР вовсе не попала в справочник. Благодаря социалистическому строю нашего общества, благодаря мудрой сталинской национальной политике, расцвела и растет в невиданных в истории темпах культура народов СССР. В ряде советских республик созданы свои Академии Наук, имеющие выдающиеся достижения во всех областях знания. Но напрасно мы стали бы искать в справочнике Марузо научную литературу об античности на украинском, грузинском или армянском языке. Библиографический справочник Марузо, таким образом, не стоит на уровне достижений мировой науки, в которой советская наука призвана занять доминирующее место. Справочник поэтому не может удовлетворить советского ученого.

Б. И. Нидель

JOAN EVANS. Time and Chance. The story of Arthur Evans and his forebears. Longmans, Green & Co., London—New York—Toronto, 1943, 440 стр.

В июле 1941 г. скончался в возрасте 90 лет знаменитый ученый и археолог, внесший огромный вклад в науку раскопками на Крите, Артур Джон Эванс. 20—21 мая 1940 г. фашисты захватили Крит. Кносс подвергся бомбежке, музей в Кандии со всеми ценностями погиб в огне. Одновременно Лондон подвергся нападению с воздуха. Значительно пострадал Британский музей: два зала ваз и терракот полностью вышли из строя, с зала греко-римской жизни снесена крыша, библиотека и зал монет и медалей, с которым было связано три поколения Эвансов, тоже разрушены.

Эвакуацию английских войск с Крита Эванс не мог простить. Он рассматривал это не только как измену Греции, но и как измену историческому прошлому.

Все это подорвало его силы и ускорило его смерть.

У нас, в Советском Союзе, имя Эванса пользуется широкой известностью, но мало кто знаком с его жизнью и деятельностью и с историей раскопок на Крите.

Поэтому книга, написанная его сводной сестрой Джоанной Эванс на основании семейных архивов, дневников, писем, вызывает к себе интерес, являясь первой книгой, посвященной жизни и деятельности человека, наследовавшего славу Шлимана и обогатившего своими трудами дотоле неясный исторический период, период минойской культуры на Крите. Однако нашего читателя эта книга удовлетворить не может. Это скорее семейная хроника, чем биография ученого.

Само название книги—«Время и случай»—продумано автором. Книга начинается с биографии предков Артура Эванса, насколько документы позволяли автору проследить биографию представителей трех поколений этого валлийского рода, начиная с XVIII в. Основная мысль книги, определившая ее название, типична для определенного круга английской буржуазии: «время», т. е. темперамент и традиции семейного круга, продолжают оказывать свое влияние на всех представителей его, но «случай»—история—видоизменяет их интересы, направляет их жизнь по другому руслу, ставит новые, ранее неизвестные, задачи.

Наиболее видными представителями рода Эвансов являются Джон Эванс и его сын Артур.

Джон Эванс, консерватор по убеждениям, владелец бумажных фабрик, любитель древности и коллекционер, сыграл большую роль в изучении палеолита. Его все большее увлечение геологией и участие вместе с Прествичем в ряде геологических экспедиций (с 1857 г. он входит в состав Геологического общества) сблизили его с Буше де Пертом, открывшим в районе реки Соммы в Аббевиле первые кремневые орудия и топоры.

Открытие существования палеолитического человека нанесло удар церковно-христианскому учению с его антропоцентризмом и разрушило традиционную хронологию.

Признание Эвансом и Прествичем обоснованности открытий Буше де Перта создало возможность Дарвину в его работе «Происхождение видов», изданной в 1859 г., приложить свою теорию непосредственно к *Homo sapiens*. Углубляя и совершенствуя свои знания по палеолиту, одновременно Джон Эванс продолжал и свои нумизматические работы. За книгу о древних британских монетах, их каталогизацию и эволюцию Эванс получил высшую нумизматическую награду от французской Академии.

С 1880 г. Эванс пользуется уже широкой известностью как ученый и в Англии и за ее пределами настолько, что французская печать того времени ставила его в один ряд с Дарвином и Спенсером.

Дом Джона Эванса в Нэш Миллс, вблизи Лондона, все более превращался в музей, наполненный редкими вещами, начиная с палеолита и до XVIII в.

В этой обстановке рос и воспитывался Артур Эванс «маленький», как называли его тогда в отличие от «большого Эванса»—его отца.

Главы XI—XX посвящены жизни и деятельности Артура Эванса. Автор отмечает различие политических взглядов Джона и Артура Эвансов: «Для Джона Эванса политика была простым практическим делом. Он унаследовал от отца склонность к консерватизму, и его политическое кредо могло быть выражено кратко: «Мир, процветание и производство бумаги» (*Peace, prosperity and paper making*) (стр. 164). Сын его был либералом, сторонником политики Гладстона, и поскольку, как отмечает автор, внутренняя политика Эванса интересовала мало и все внимание было приковано к внешней политике Англии, то в первую очередь Эванс, повидимому, и решил попробовать свои силы вне Англии—на той части европейской территории, которая вскоре стала ареной крупных политических событий—на Балканах.

Первое путешествие на Балканы Эванс предпринимает в 1872 г. из Пешта пешком через горы в Румынию и Болгарию, прячась от пограничной охраны и не имея на руках, повидимому, необходимых виз. Можно догадаться, хотя автор деликатно об этом умалчивает, что уже в эту первую поездку Эванс не случайно выбрал Балканы, а направился туда неофициальным разведчиком Гладстона, которому и был подарен потом авторский экземпляр вышедшей в 1876 г. (в период Герцеговинского восстания) его книги «Пешком через Боснию и Герцеговину, в период восстания, в августе и сентябре 1875 г. с историческим обзором Боснии и впечатлениями о кроатах, славянах и древней республике Рагузе». Книга вышла своевременно—в период, когда Англия, по словам самого автора, «относилась серьезно к политике на Балканах, поскольку от нее зависело равновесие европейских держав». Гладстон пишет Эвансу благодарственное письмо, книга цитируется в палате общин, и Гладстон использует материалы Эванса о жестокости туток для речи в национальном собрании по восточным вопросам, речи, направленной против политики Дизраэли.

С этой поры Артур Эванс становится авторитетом по славянским вопросам, принимает пост секретаря английского Комитета помощи славянам и, становясь корреспондентом прогладстоновской и антитурецкой газеты «Манчестер Гардиан», вновь отправляется на Балканы, имея основной базой полюбившуюся ему Рагузу. «И скоро,—пишет автор,—он везде примелькался, размахивая своей тростью и быстро пробегая по улицам, неожиданно останавливаясь, чтобы рассмотреть цветок или витрину, и всегда готовый вступить в разговор с каждым, кто его начнет». «Сумасшедший англичанин с болтающей тростью» был безобидным и дружелюбным; и хотя каждый определенно чувствовал, что он был гладстоновским агентом и передавал сумки золота

вождям инсургентов, которые посещали его по ночам, это не было основанием думать о нем плохо». Эванс, действительно, развивает энергичную деятельность, предпринимая ряд выездов в центры восстания—и в Герцеговину и в Боснию и даже в штаб-квартиру турок в Боснии. Он собирает факты и имена и посылает статью за статьей в английскую прессу. Его подлинное отношение к восставшим славянам, однако, не выходило за рамки обычного мировоззрения английского буржуа, либерально настроенного к колониальной периферии. Он приветствует демократический дух славян, не угасший под тиранией Турции, но его шокирует то «духовное братство и равенство», которым пропитаны славянские народы. Он за демократию, но без братства и равенства. В конце концов, Эванс был арестован австрийскими властями «за шпионаж» и подвергнут тюремному заключению в Рагузе в 1882 г. «Он был слишком неосторожен»—таково официальное мнение Гладстоновского кабинета, который старался не скомпрометировать себя хлопотами об его освобождении.

Арест и тюремное заключение, как можно вывести из дальнейшего, охладил Эванса, и с этого момента он отходит от политики и, вернувшись в Англию, получает в 1884 г. место хранителя Ашмольского музея в Оксфорде. Период работы Эванса в Ашмольском музее знаменовал собой поворотный пункт в изучении истории и археологии. До Эванса Ашмольский музей представлял собой подбор различного рода энтомологических и зоологических коллекций, а также археологических памятников и живописи. Эванс поставил перед музеем новую задачу: «Нашей задачей является история, история развития и успехов человеческого искусства, институтов и верований в истории земного шара... Неписанная история человечества предшествовала писанной; изучение памятников предшествует изучению книг» (стр. 270). Однако для превращения Ашмольского музея в музей истории и археологии Эвансу пришлось вести упорную борьбу с рутинной университетской догматикой, которая считала археологию второстепенной наукой: по мнению профессора Джоуэтта, который фактически возглавлял консервативно настроенную профессию, археология кончалась вместе с началом христианской эры, и кафедра археологии была ограничена рамками только классического периода. Шесть лет продолжалась упорная борьба, которая закончилась победой Эванса. За эти шесть лет музей в несколько раз увеличил свои исторические коллекции и в качестве историко-археологического музея стал приобретать все большую и большую известность. Эвансу удалось добиться, несмотря на сопротивление профессуры, расширения помещений, оборудования, выдачи ежегодных сумм на приобретение новых археологических коллекций и памятников. Археология заняла постепенно почетное место среди других наук.

Раскопки Шлимана, находки в Трое, в Микенах и в Орхомене привлекали всеобщее внимание. Однако, если для Шлимана все сделанные им открытия были лишь вещественными иллюстрациями к Гомеровским поэмам, то для Эванса сразу же стало ясно, что эти памятники говорят об истории бронзового века, хотя истоки микенской культуры были еще для всех неясны.

Вместе с отцом жены, историком Фриманом, работавшим в то время над «Историей Сицилии», Эванс проводит работы в Сицилии, интересуясь, главным образом, сицилийскими монетами и медалями. И здесь, однако, раскопки Орси давали определенные указания на доисторию Сицилии, в частности в погребениях сикулов Орси были обнаружены микенские вазы. Уже в этот период Эванс приходит к выводу, что древние обитатели Сицилии находились в оживленных сношениях с доисторической Грецией—до появления греческих колонистов и финикийских купцов.

Уже в этот период (1890—1895 гг.) у Эванса появляется интерес к Криту. Первоначальные планы Шлимана проводить археологические работы в Кноссе отпали; у Эванса, наоборот, все более крепло убеждение в необходимости исследовать Крит в связи с микенскими находками. Этот интерес был, в основном, интересом к пиктограммам, к находкам «греческого иероглифического письма», причем многие из печатей, по утверждению торговцев, происходили с Крита. Таким образом, постепенно Эванс приходит к выводу, что разгадку появления иероглифического письма в Евроне нужно

искать на Крите, который был промежуточным звеном между Египтом и средиземноморским районом Греции и южной Италии.

После смерти Фримана в 1892 г. он работает над четвертым, оставшимся незавершенным, томом последнего труда Фримана «История Сицилии», оживляя историческое изложение детальными археологическими комментариями и выводами. Для Ашмольского музея сгруппировано уже новое здание, и план Эванса о слиянии университетских галлерей с Ашмольским музеем под руководством одного лица проводился в жизнь.

В 1894 г. Эванс высаживается в Кандии на Крите с твердым намерением начать раскопки в Кноссе. Территория, на которой должны были производиться раскопки, принадлежала двум собственникам. После долгих переговоров Эвансу удалось купить часть территории Кносса, а впоследствии (через несколько лет) и всю землю. До 1896 г. Крит рассматривался, как микенская провинция. Уже первые археологические разведки на территории Кносса убедили Эванса в том, что культура Крита древнее микенской, и в 1896 году Эванс впервые вводит в употребление для Крита специальную терминологию—«минойская культура».

Период 1896—1899 гг. был озаглавлен на Крите борьбой христианского населения с турками, борьбой, сопровождавшейся резней и убийствами. В этот период Эванс лишь наведывается на Крит; свои впечатления от политической обстановки на Крите он вновь печатает в виде писем в «Манчестер Гардиан», однако на этот раз как наблюдатель, а не как активный деятель. Только 23 страницы книги посвящены знаменитым раскопкам на Крите (1899—1906 гг.).

Раскопки начались в марте 1900 г. Помощником Эванса был его друг Хогардт, который знал восточное Средиземноморье настолько же хорошо, насколько Эванс знал западное. На второй день раскопок уже были обнаружены дворцовые строения и появились на свет первые дворцовые фрески. 27 марта (на 4-й день раскопок) Эванс отмечает в дневнике: «Исключительное явление—ничего греческого, ничего римского... Нет даже геометрического...» Перед Эвансом раскрывался новый, дотоле неведомый мир. Эванс был одним из первых археологов, при котором постоянно присутствовал архитектор, так что параллельно с раскопками сразу велась работа по восстановлению и реконструкции памятников. Эванс никогда не был по призванию античником-археологом. Его интересы были шире, и в античности его, пожалуй, прежде всего интересовало всякое проявление «не античного». Поэтому новый мир, открывшийся Эвансу, поразили и увлек его.

1900—1906 гг. были годами систематических раскопок Кносса. Уже в этот период остатки минойской и микенской культуры обнаруживались археологами в различных районах Эгейского бассейна: Микены, Тиринф, Вафио, Филакопи, о. Мелос и отдельные находки в Кикладах. Заслугой Эванса явилось то, что он впервые сделал попытку обобщить этот разрозненный материал и осмыслить его исторически. В 1909 г. вышел 1-й том его «*Scripta Minoa*», посвященный систематизации и анализу новооткрытой письменности; 2-й и 3-й томы «*Scripta Minoa*», над которыми Эванс работал все последние годы своей жизни, он не успел закончить, и профессор Майрс сейчас обрабатывает для издания эти материалы.

Ряд отдельных работ по Криту Эванс опубликовывал в разное время; но его капитальным трудом является четырехтомная работа «Дворец Миноса» (1921—1935). Эванс не мог отказать себе в удовольствии «эпатировать эллинистов» заявлениями вроде того, что «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и что иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах, что, коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос и в сравнении с ним был чем-то вроде литературной ищейки» (стр. 365). Оставаясь до конца своей жизни меценатом и коллекционером, он оборудовал в Йолберри собственный дом-музей, с прекрасным садом и библиотекой; в Кноссе он тоже построил свой дом, позже переданный им Британскому археологическому обществу.

Мастерски проводимые раскопки и тщательно издаваемый материал новых находок на Крите создали ему мировую известность. Он становится президентом и почетным членом многих научных обществ, почетным доктором нескольких английских универ-

ситетов; в 1920 г. он получает золотую медаль от Шведского общества антропологии и географии—впервые после Монтелиуса; Лондонский университет награждает его почетной медалью Петри; в 1934 г. его бюст был поставлен у входа в древнее местоположение Кносса; Эванс был, кроме того, признан почетным гражданином Кандии и увенчан лаврами.

В первую империалистическую войну он оставался гуманистом, и проповедь ненависти, все громче раздававшаяся из германских университетов, заставляла его выступать и устно и в печати за сохранение памятников культуры от уничтожения... В противовес этой проповеди ненависти он призывал свою страну к культурному росту. «Да будет позволено нам приготовиться к более серьезной борьбе. У нас слишком много невежества, апатии, ненаучных умственных навыков, мы слишком поглощены спортом и развлечениями». Он указывал на то, что Англия отстает в своей учебной и университетской работе от других стран, и видел в этом симптомы надвигающегося умственного кризиса, который может иметь тяжелые для Англии последствия.

Новую войну 1939 г. он встретил пессимистически, не доверяя «английскому политическому и военному уму». Каждый новый шаг воинствующего германского фашизма наполнял его горечью и болью: Албания стала базой итальянских атак на Грецию; Югославия доблестно и одиноко сопротивлялась Германии; Греция была покорена. Каждый шаг германской армии проходил по землям, с которыми связана была вся его жизнь; каждый взятый немцами город был ему хорошо знаком и любим. Наконец, почти без сопротивления, англичане оставили Крит.

Потерю Крита он пережил не надолго.

Эванс не был гениальным ученым и не создал школы. Однако его прекрасная эрудиция, его особое «микроскопическое» зрение позволяли ему безошибочно определять и анализировать археологические объекты; он не был ученым доктринером, и политическая борьба славян против Турции, Австро-Венгрии и Германии не проходила мимо его внимания. Будучи богатым человеком, он мог позволить себе роскошь заниматься археологией и историей как любитель и собственник всего добытого им из-под земли археологического материала. Примыкая к либеральной партии, он считал себя «индивидуалистом» и позволял себе иметь ряд собственных мнений и убеждений, идя иногда дальше официальной платформы английского либерализма. У него был четкий и острый ум без особенно глубокого анализа и синтеза; воображение и творческая фантазия в его работах занимали первое место, наряду с научным анализом отдельных предметов. Его общеисторическая концепция не блистала оригинальностью или новизной; здесь он не выдавался над уровнем буржуазных историков среднего масштаба. Именно поэтому, предложив ныне общепризнанную периодизацию отдельных отрезков истории Крита, которая могла быть установлена только на базе блестящего освоения и разработки открытых памятников Крита, он вместе с тем, поддаваясь своим же, часто преувеличенным, реконструкциям, признавал Крит феодальным государством европейского типа.

Но биографа А. Эванса не интересует специально выяснение научного пути А. Эванса; биограф идет по чисто хронологическому пути дневников и писем, не отделяя главного от второстепенного. Мельчайшие события в семействе Эвансов трактуются совершенно в одинаковом плане с научным путем самого Эванса, и, пожалуй, самое меньшее место в книге отведено как раз кноссским раскопкам Эванса.

Книга Джоанны Эванс является в значительной степени еще сырым материалом, требующим дополнительной переработки.

Сам Эванс дан как заключительное звено предшествующего рода Эвансов и как повод для того, чтобы более живо показать всех его предков. Поэтому все, что касается членов семьи Эванса, рассматривается как не менее важное и значительное, чем то, что касается непосредственно А. Эванса. Этот типично английский метод подачи материала загромождает память сотнями излишних фактов и событий, не интересных для советского читателя. Однако как первый опыт сбора материала из личных архивов Эванса эта книга интересна; многие материалы из биографии Эванса впервые опубли-

кованы; особенно интересны материалы по борьбе Эванса с научной рутинной университетских кругов Англии.

Конечно, советский биограф никогда не написал бы так ни одной биографии. Советского историка интересовало бы прежде всего научное и политическое лицо Эванса, анализ его творческого пути. Самый взгляд на историю как на ряд случайностей, выпадающих на долю того или иного деятеля, говорит о крайней узости научного кругозора автора книги; семейно-родовые традиции, традиции наследственности, а не общественно-историческая и политическая среда предопределяют, с точки зрения автора, внутренний мир человека. Поэтому книга Джоанны Эванс в лучшем случае—наивна и бедна и не может удовлетворить требованиям, которые предъявляет к биографическим работам рядовой советский читатель.

Кс. Колобова

Х Р О Н И К А

10 ЛЕТ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

П Р И В Е Т С Т В И Я

От Президиума Академии Наук СССР

«Вестник древней истории» отмечает десятилетний юбилей своего существования. Это важная дата в развитии науки о древнем мире, о древнейшей истории нашей Родины, поскольку Вашему журналу принадлежит в ней одно из ведущих мест. Разработка вопросов древней истории имеет для нас очень важное значение, так как только на базе изучения прошлого человечества и выявления законов его развития можно сознательно строить будущее человеческого общества.

Поздравляю Вас, авторский коллектив и читателей с этим юбилеем. Желаю дальнейшей плодотворной работы и совершенствования на основе достигнутых результатов.

Президент Академии Наук СССР
академик *С. И. Вавилов*

Наука об истории человеческого общества является одной из важнейших отраслей общественных наук. Значительное место в ней занимает древняя история, изучению которой посвящен Ваш журнал.

В течение сотен лет многочисленные авторы писали об истории древнего мира. Много глубоких положений и интересных гипотез было высказано за это время, много вещественных и документальных памятников обнаружено учеными, работавшими в этой области.

Однако впервые история человечества, и в частности история древнего мира, стала предметом подлинно научного анализа на основе великого учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, на основе диалектического и исторического материализма.

Процесс перестройки исторической науки еще не закончен. Еще широко распространены идеалистические, метафизические тенденции среди ученых капиталистических стран. Изредка проникают они и в умы отдельных советских научных работников.

Ваш журнал в течение 10 лет своего существования работал над задачами действительно научного, марксистского изучения истории древнего мира и древней истории нашей родины. Вы честно боролись со всякого рода антимарксистскими взглядами буржуазными идеалистическими теориями.

Поздравляя Ваш журнал по поводу десятилетия его существования, желаю Вам и впредь высоко держать знамя марксизма-ленинизма.

Вицепрезидент Академии Наук СССР
академик *В. П. Волгин*

От Отделения истории и философии АН СССР

По случаю десятилетия журнала «Вестник древней истории» шлю свое приветствие и пожелание ему дальнейшего процветания.

«Вестник древней истории» сумел сочетать глубокую научность с большой доступностью для массового читателя. Для русского читателя он особенно дорог тем, что уделяет много внимания вопросам древнейших судеб славянства, игравших столь большую роль на рубеже античности и средневековья. Страницы журнала всегда охотно открываются и для раннесредневековой истории Руси.

Чрезвычайно ценным отделом в журнале я считаю публикации византийских источников, имеющих значение и для истории славян и Руси в частности.

Все это вместе взятое делает журнал интересным не только для специалистов по истории древнего античного мира, но и для специалиста по истории народов СССР.

Я верю, что журнал будет продолжать идти по уже намеченному пути и служить великому делу культурного строительства в нашей стране.

Акад. *Б. Д. Греков.*

От Института истории Академии Наук СССР

Десять лет, на протяжении которых существует Ваш журнал, исключительно богаты важнейшими событиями всемирно-исторического значения. Однако эти события не помешали Вам творчески работать над изучением проблем древней истории.

Успехи марксистской науки в области изучения истории эллинизма, древнего Востока, Греции, Рима, древнейшей истории славянских народов и античных городов Юга нашей великой Родины во многом обязаны Вашему журналу.

Труды, помещаемые в «Вестнике древней истории», способствуют лучшей разработке проблем всемирной истории и истории Советского Союза.

Отдел критики и библиографии Вашего журнала помогает советской общественности правильно ориентироваться в отечественной и иностранной литературе, способствуя укреплению марксистской методологии в нашей исторической науке.

Желаем дальнейшей творческой работы на благо развития советской исторической науки в области древней истории.

Чл.-корр. АН СССР *С. Д. Сказкин*

От группы античной истории ЛОИИ АН СССР

Группа античной истории Ленинградского отделения Института истории АН СССР шлет горячий товарищеский привет «Вестнику древней истории» в день его славного десятилетнего юбилея. За это десятилетие, насыщенное величайшими историческими событиями, «Вестник» выполнил огромную работу на одном из ответственных участков исторического фронта. Древняя история, при внешней «неактуальности» ее проблем, всегда была той областью, где находили приют все враждебные марксизму, антинаучные, реакционные взгляды. Циклизм, вульгарный экономизм, модернизация исторического процесса, расизм—все эти лженаучные «теории» и методы выросли как раз на материале древней истории. Хронологическая отдаленность ее событий, неполнота источников, завершенность ее, как определенного этапа исторического развития, создавали наиболее благоприятную почву для произрастания самых реакционных течений буржуазной науки. «Вестник древней истории» с самого своего возникновения начал беспощадную борьбу со всеми проявлениями научной реакции и продолжал вести ее в течение всего десятилетия под знаменем марксизма-ленинизма с непримиримой большевистской стойкостью и принципиальностью. Не осталось ни одной области древней истории, ни одной крупной проблемы, которые не были бы затронуты на страницах «Вестника». Особенно нужно отметить большое внимание, которое уделял журнал древнейшим периодам истории нашей Родины: проблемам античного Причерноморья, Кавказа, Средней Азии. Отдел хроники неизменно рисовал яркую и полную

картину научной жизни Союза. Обзор иностранных журналов держал русского читателя в курсе важнейших зарубежных новинок в области древней истории. Отдел критики и библиографии давал глубокий и правильный анализ наиболее крупных и интересных исторических работ.

«Вестник древней истории» имеет право с удовлетворением оглянуться на пройденный путь, короткий по времени, но богатый крупными достижениями. Пожелаем же нашему журналу всегда оставаться самым передовым, самым боевым органом мировой исторической науки!

По поручению группы
проф. С. Ковалев

Академик Иосиф Абгарович Орбели

(К 60-летию со дня рождения)

И. А. Орбели родился 8 марта ст. стиля (20/III н. с.) 1887 г. в Кутаиси, в армянской культурной семье, в которой тесно переплеталась любовь к армяно-грузинской старине с лучшими традициями русской культуры.

По окончании в 1904 г. 3-й классической гимназии в Тифлисе (Тбилиси) И. А. Орбели поступил в Петербургский университет на классическое отделение историко-филологического факультета. Через несколько лет, в самый разгар занятий античностью, И. А. Орбели в 1907 г. зачислился дополнительно на армяно-грузино-персидский разряд восточного факультета, начав изучать новую специальность, которая и стала основной в его последующей научной жизни.

В те годы Петербургский университет переживал расцвет. На историко-филологическом и восточном факультетах читали лекции и вели практические занятия ученые, которыми гордится русская наука: С. А. Жебелев и, особенно, Н. Я. Марр и В. В. Бартольд, которые были непосредственными руководителями И. А. Орбели. Любимых учителей И. А. Орбели объединяло одно, весьма характерное стремление—быть в такой же мере филологами, как и историками, более того—ценить не только письменные источники, но и вещественные памятники. С первых же лет студенчества И. А. Орбели целиком захватила ярная, страстная в науке личность Н. Я. Марра. Уже в те годы это был авторитетный глава кавказоведения, сочетавший глубокую эрудицию со стремлением вывести свою область знания на новые пути исследования. Созданная им яфетическая теория с трудом пробивала себе дорогу среди косных специалистов, державшихся старых взглядов. Будучи, как и В. В. Бартольд, учеником В. Р. Розена, Н. Я. Марр вынес из его прогрессивной школы две идеи, которыми всегда руководствовался в своей научной деятельности. Первая из них—враждебное отношение к расовой теории, и вторая—взгляд, что без истории Востока не построить всемирной истории, не вскрыть до конца всех закономерностей ее развития. Особенностью научного творчества Н. Я. Марра в противоположность ученым-националистам по истории Грузии и Армении было поразительное умение найти общность в культурном развитии обеих стран, совершенно не стирая у каждой из них черт национального своеобразия. Эта умственная атмосфера не могла не передаваться ученикам Н. Я. Марра.

В годы студенчества И. А. Орбели Н. Я. Марр начал наиболее интенсивный этап своих работ по археологическому исследованию Ани—древней столицы Армении. Здесь и работал на раскопках сначала в качестве студента-практиканта, а потом и молодого исследователя И. А. Орбели в годы 1906—1913. Вскоре после создания Анийского музея древностей заведывание этим музеем было возложено на И. А. Орбели. В 1910 г. он составил образцовый каталог этого музея¹.

Наибольшее внимание Орбели привлекали все же древние армянские надписи, которые на долгое время стали в центре его занятий. И. А. Орбели сразу сумел оценить их значение в качестве первоклассного источника для исторической культуры Армении. За годы с 1913 по 1917 И. А. Орбели опубликовал на эти темы в журнале «Христианский Восток» 7 серьезных научных работ. Научная ценность надписей, как первоисточника не только для истории культуры, но и социально-экономической истории Армении, вскрыта им в его статье «Багаванский храм и его надписи»².

В 1911 г. по окончании университета и по сдаче государственных экзаменов по обоим факультетам И. А. Орбели был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Н. Я. Марр хорошо знал своего ученика, ценил в нем творческую научную инициативу и считал весьма полезной для него научную командировку в Турецкую Армению для сбора новых научных материалов. В Турецкой Армении И. А. Орбели провел год, причем большую часть этого времени проработал в Ванском вилайете. 1911 год был исключительно продуктивен. И. А. Орбели занимался как лингвист и филолог, этнограф и историк. Он изучал местные армянские наречия (в результате чего написал исследование—«Материалы для изучения мокского диалекта армянского языка» и составил словарь), собирал надписи, исследовал христианские и мусульманские памятники Ванского округа, Вана (мечеть Улу-Данали), Эрзерума (медресе Чуфд-Миноре), Баязета (замок). На острове Ахтамар, находящемся на Ванском озере, он занимался обследованием ахтамарского храма, описывал рельеф с изображением Васпураканского царя Гагика Арцруни, строителя церкви³, в частности «модель построенной им церкви, которую царь держит на локтевой части руки».

Параллельно с этой большой и трудоемкой работой И. А. Орбели тогда же занимался, как лингвист и этнограф, местными курдами и армянами. Эти занятия породили ценное и, к сожалению, до сих пор не изданное исследование—«Материалы для изучения мокского курдского диалекта. Словарь курдско-русский и русско-курдский».

В 1913 г., на 26 году жизни, И. А. Орбели сдал магистрантские экзамены по армяно-грузинской кафедре восточного факультета Петербургского университета. С осени 1914 г. он уже был приглашен для чтения лекций по армянской эпиграфике, а также истории и археологии Армении. Университетское преподавание не приостановило его поездок с научными целями. В 1915 г. он работал над изучением армянских памятников в Крыму. В 1916 г. мы видим его в качестве самостоятельно ведущего раскопки на Ванской скале. Здесь был обнаружен ценный памятник урартской культуры: клинообразная надпись—анналы царя Сардура II. Памятник этот впоследствии был издан Н. Я. Марром вместе с отчетом И. А. Орбели в 1922 г.

За первое десятилетие своей научной деятельности И. А. Орбели накопил огромный эпиграфический материал. Он вел напряженную работу над сводом собранных им в разных пунктах Армении армянских надписей. Составляемые им сборники включали надписи из Ани, Мармашена, Мрена, Багарана, Ширикавана, Ахтамара, Оромоса, Кочика, Мецаранка, Вачара, Гандзасара, Хадара, Дади, Коша, Нор-Гетика, Агарцина, Джухтак-ванка и других мест. Им было собрано свыше 1100 надписей, большая часть которых до того была неизвестна. Издание надписей настолько увлекало И. А. Орбели, что он стал входить во все детали технического выполнения своей капитальной работы. Автор задумал сам набрать свой труд, для чего с

¹ И. А. Орбели, Каталог Анийского музея древностей. Описание предметов первого отделения. Анийская серия, № 3, С.-Петербург, 1910.

² Христианский Восток, т. V (1917).

³ И. А. Орбели, О первоначальной форме купола Ахтамарского храма, ЗВО, XXV, стр. 294.

января 1917 г. обучался наборному делу, изучая и совершенствуя армянский типографский шрифт. Интерес к типографскому делу в связи с изданием работ по арменистике проявлялся у него и раньше, в 1914 г. он уже работал в этой области. В 1918 г. в Петрограде вышла небольшая, строго и со вкусом выполненная книжечка «Вопросы и решения вардапета Анании Ширакца, армянского математика VII в. Издал и перевел И. А. Орбели». На стр. 4 внизу значится—«Типография Российской Академии Наук. Набрал И. А. Орбели». Подготовив себя как квалифицированного наборщика, И. А. Орбели сам набрал весь текст анийских надписей. Работая, не покладая рук, над текстами любимых армянских надписей, И. А. Орбели подготовил четыре выпуска Свода армянских надписей: I. Надписи города Ани. II. Надписи Мрена и Мармашена. III. Надписи Багарана и Ширакавана. IV Надписи Гандзасара и других центров Армянской Албании. Сентябрьское наводнение 1924 г. залило водой и испортило готовые к выпуску таблицы, что приостановило на долгие годы выход в свет этого капитального труда.

Октябрьская социалистическая революция застала И. А. Орбели закончившим первый этап своей научной деятельности. К 30 годам он был уже крупнейшим специалистом, с широким научным кругозором, ученым, интересы которого далеко выходили за пределы его кабинета. Революция сразу же предоставила ему широкое и благодарное поле деятельности. Уже в первые месяцы после Октября началась полная перестройка вузов, научных учреждений и обществ, а также музеев. Не оставляя научной работы, И. А. Орбели со свойственным ему увлечением принялся за организационную работу в этой области.

В 1918 г. он был введен в состав правления Лазаревского института в Москве для участия в деле преобразования института на новых началах. Параллельно с этим он занял в нем должность профессора по кафедре истории Переднеазиатского востока. В октябре 1918 года И. А. Орбели был избран членом Совета Государственной археологической комиссии, где под руководством Н. Я. Марра принимал деятельное участие в преобразовании заслуженной, но устаревшей Комиссии в Академию истории материальной культуры. Для будущего русской археологической науки это преобразование имело огромное принципиальное значение. Решался вопрос, какими путями должна пойти русская археологическая наука: будет ли она попрежнему продолжать только традиции вещеведения или станет особой ветвью исторической науки, решающей свою проблематику на комплексе источников, в котором особое место займет вещественный памятник. Передовой группе ученых, во главе которой стоял Н. Я. Марр, удалось победить, и Государственная археологическая комиссия была преобразована в Российскую академию истории материальной культуры. В числе наиболее активных строителей последней был И. А. Орбели, избранный в августе 1919 г. (указ В. И. Ленина о создании Академии был опубликован 18 апреля 1919 г.) на должность ее действительного члена. Там на него было возложено заведывание разрядом археологии и искусства Армении и Грузии.

Одной из важнейших сторон жизни молодой Академии истории материальной культуры была ее издательская деятельность. Академическая типография переживала тогда большие затруднения. Необходимо было проявить много энергии, знания типографского и издательского дела, чтобы двинуть издания РАИМК в жизнь. Не отказываясь ни от какой организационной работы, как бы трудна она ни была, И. А. Орбели принял на себя должность заведующего издательством РАИМК и редактора ее изданий. Академия наук, наблюдая энергичную и полезную деятельность И. А. Орбели в академической типографии, избрала в 1921 г. его на пост председателя Комитета по делам академической типографии, а потом и назначила его на пост ее директора.

В 1920 г. И. А. Орбели начал работу в Эрмитаже, ученым советом которого он был избран на должность хранителя Отделения мусульманского искусства. В Эрмитаже он пришел в прямое и почти ежедневное соприкосновение с замечательными памятниками искусства Востока, которые он так любит.

И. А. Орбели пришел в Эрмитаж с убеждением, которое было подкреплено всей политической Советской властью, что все народы равны—народы Запада и Востока, народы

большие и малые—что нужно ценить вклад каждого из них в культурную сокровищницу человечества. И. А. Орбели прилагал все старания к тому, чтобы художественные ценности Востока, а вместе с ними и проблема истории искусства Востока заняли в Эрмитаже свое достойное место наряду с величайшими и общепризнанными художественными произведениями Запада.

В Эрмитаже И. А. Орбели пришлось войти в соприкосновение с целым рядом перво-классных памятников искусства, которые не составляли его прямой специальности, а именно—художественными произведениями домусульманского времени, преимущественно сасанидскими изделиями из серебра и золота. И. А. Орбели сразу вошел в эту почти новую для себя отрасль знания, быстро изучил этот материал и нащупал основную ее проблематику. Увлечение сасанидским искусством привело его к созданию «Временной выставки сасанидских древностей», которая была устроена в Эрмитаже в 1922 г. К выставке была выпущена изданная статья, я бы сказал—объяснительная записка, в которой уже были поставлены наиболее важные вопросы о характере и происхождении этого замечательного и еще мало изученного искусства. В записке И. А. Орбели писал: «Своеобразный звериный стиль сасанидской декорации, характерный выбор декоративных растительных тем наблюдается в равной мере и в искусстве христианских народов, поглотивших среду, пропитанную духом культуры великого царства, сметенного мусульманским завоеванием, и в произведениях народов мусульманского Востока, искусство которых, вообще, представляет собою претворение черт, свойственных культурам покоренных исламом стран»¹. Через год И. А. Орбели вновь откликнулся на темы о сасанидском искусстве. В 1923 г. им была написана интересная работа—«Сасанидское искусство», напечатанная в IV книге журнала «Восток», вышедшей в 1924 г. В статье этой И. А. Орбели искал корни сасанидского искусства не только на почве древнего Ирана, но и у соседей—в Закавказье, и «на далекой восточной окраине»². Работая в области сасанидского искусства, привлекая все большее количество фактов, И. А. Орбели постепенно создал стройную систему взглядов на его характер и происхождение, которые прочно вошли в науку. Наиболее полно эти взгляды высказаны были в предисловии к изданию «Сасанидский металл»³. Характеризуя многосторонность такого сложного явления, как «сасанидское искусство», авторы формулировали уже ранее установленное И. А. Орбели положение в следующем виде: «целый ряд его (сасанидского искусства.—А. Я.) черт, являясь характерным для господствующего класса феодального Ирана, возник в среде иной, и в этническом и в социальном отношении. Эти черты являются унаследованными от предшествующего этапа развития общества Ирана, да и не только Ирана. Нельзя упускать из виду, что характерные вообще для феодального Ирана черты (и не только в области искусства) были общи как для Ирана, так и для сопредельных с ним стран и, в первую очередь—восточных областей Кавказа и Малой Азии и западных областей Средней Азии, и в то же время не являлись всепокрывающими для всех без исключения районов коренного Ирана»⁴. Эта концепция была положена в основу той части выставки III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, которая посвящена была сасанидскому искусству.

Принимая все это во внимание, И. А. Орбели и предложил Эрмитажу переименовать возглавляемое им отделение в отделение Кавказа, Ирана, Средней Азии и стран мусульманского Востока, включая в это наименование памятники домусульманские, мусульманские и христианские.

Работа над организацией нового отдела в Эрмитаже оказалась делом сложным и трудным. И. А. Орбели со свойственной ему страстностью отдался делу создания

¹ И. А. Орбели, Временная выставка сасанидских древностей, Государственный Эрмитаж, Петербург, 1922, стр. 6.

² Там же, стр. 140—141.

³ И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл, 1935 г.

⁴ Там же, стр. XX.

Отдела Востока. Товарищи, работающие давно под руководством И. А. Орбели над построением новой части Эрмитажа, хорошо знают, что она росла не стихийно, а по заранее составленному плану. И. А. Орбели носил мечту создания в Эрмитаже такой выставки Востока, которая могла бы показать посетителю, что памятники изобразительного искусства—не дорогие раритеты, не предметы экзотики, которые можно противопоставлять драгоценному искусству Запада и античности, но подлинные предметы искусства, рожденные своеобразием пути исторического развития Востока. Осуществление этой задачи нашло в среде Эрмитажа поддержку немногих, но весьма авторитетных ученых и хранителей—прежде всего О. Ф. Вальдгауера, заведующего Античным отделом Эрмитажа, и А. А. Ильина, крупнейшего в СССР нумизмата. В научный состав Эрмитажа 20-х гг. входило немало консервативных сил, которые считали, что развертывание нового отдела в Эрмитаже нарушит традиции высокого искусства, которыми славился Эрмитаж. На преодоление сопротивления новому начинанию приходилось тратить много сил и нервов.

Вторая трудность, которую предстояло годами преодолевать,—это сравнительно с задачами малое количество (правда, первоклассных) памятников, необходимых для построения Отдела Востока, как крупного музейного и научного раздела. И. А. Орбели прекрасно знал, что в одном Ленинграде за пределами самого Эрмитажа находятся многие сотни и даже тысячи ценнейших предметов художественного ремесла Востока, а сколько их было в частных собраниях и небольших провинциальных музеях! Получить все эти предметы не только для пользования, но и хранения в Эрмитаже было делом исключительно трудным. Нужна была воля, энергия, умение и особенно настойчивость, требовавшие всех сил и большого самопожертвования.

В 1924 г. И. А. Орбели за выдающиеся научные заслуги был избран членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

В росте Отдела Востока особую роль сыграли его выставки. На каждом новом этапе работы нужно было решить ту или иную научную задачу, а уровень наших знаний в области истории изобразительного искусства и материальной культуры Переднеазиатского Востока в то время требовал от А. И. Орбели и его сотрудников творческой научной, а не только организационной, в музейном смысле, работы. В период 1924—1925 гг. И. А. Орбели особенно остро осознал необходимость изучить памятники мусульманской феодальной культуры и искусства с точки зрения выявления их художественно-технических особенностей. Для И. А. Орбели эти годы были временем напряженной научно-исследовательской работы именно в Эрмитаже. Имея большой вкус и большие знания в технике художественного ремесла, особенно в области изготовления изделий из металла, И. А. Орбели сделал много ценных наблюдений, дающих ему возможность не только научно классифицировать материал, но и решать вопросы культурных влияний и взаимодействий. На почве этих исследований создались те ценные курсы, которые он читал начинающим работать над этим материалом. Эти его лекции прочно легли в основу дальнейших эрмитажных экспозиций и незаметно перешли от учителя к его ученикам и помощникам в музейной работе. Первой из выставок, посвященных технике и декорровке памятников изобразительного искусства Востока, была выставка «Мусульманские изразцы», устроенная в 1923 г. и привлекавшая к себе большое внимание. К выставке этой И. А. Орбели написал исследование «Мусульманские изразцы», в котором был ряд ценных наблюдений и выводов, прочно вошедших в науку. Только после решения поставленных на выставке 1923 г. вопросов можно было готовиться к большой комплексной выставке.

Выставка 1926 г. включила в качестве экспонатов разнообразные памятники феодальной эпохи Кавказа, Ирана и Средней Азии XII—XVII вв., известные в науке под именем мусульманских. И. А. Орбели, будучи учеником Н. Я. Марра, давно уже считал этот термин условным. «Чем углубленнее ведется,—писал он в статье к выставке,—изучение мусульманских памятников, тем яснее становится, как трудно провести черту между мусульманской и немусульманской средой и бытом в странах, где бок-о-бок существовали два воинствующих вероучения—ислам и христианство и где по существу в одних и тех же формах развивалась поэзия и изобразительное искусство (и тем более,

искусство прикладное), росшие на крепких корнях, окрепших задолго до возникновения этих вероучений»¹.

Во второй половине 20-х гг. Эрмитаж, благодаря исключительной энергии И. А. Орбели, значительно пополнил свои восточные собрания. В 1925 г. в него вошли замечательные фонды бывшего музея Штиглица, а в последующие годы коллекции Русского музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Общества поощрения художеств и из других мест. Собрания Эрмитажа по разделу Востока росли быстро, и все увеличивающийся коллектив научных сотрудников едва успевал включать в свои инвентари и научно осваивать наиболее ценные памятники.

В 1931 г. И. А. Орбели была выпущена статья «О классовых корнях некоторых традиций исторической науки»². Написанная горячо, умно и злободневно в обстановке обостренной классовой борьбы в нашей стране, статья И. А. Орбели напоминала, что европейская наука все еще проникнута «отношением к Востоку, как объекту колониальной политики, и к его культуре, ко всему, что его характеризует, как к явлению низшему, наблюдаемому свысока, но не лишенному своеобразной прелести и экзотического пряного аромата»³. Статья напоминает, что надо смотреть в глубь общественных отношений, предлагает связывать явления искусства не только формально с господствующей идеологией общества (в средние века обязательно религиозной), но и с классовой природой среды, их породившей.

Первый опыт большой выставки Востока, расположенной в десятках зал и законченной уже в 1931 г., дал много положительного. И. А. Орбели, как руководитель, исходил при организации выставки из правильного положения, что еще рано устраивать экспозиции по отдельным странам Востока. Многие памятники Закавказья, Ирана, Сирии, Средней Азии, Малой Азии и других мест, выставленные вместе, могли быть легче изучены с точки зрения места и времени их происхождения. Выставка эта, с изменениями и переделками, просуществовала вплоть до 1935 г., т. е. до III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии.

В 1934 г., когда в основном уже была закончена организация огромного Отдела Востока Государственного Эрмитажа и создан в большинстве своем молодой, но хорошо подготовленный коллектив специалистов-востоковедов, И. А. Орбели получил назначение на пост директора Эрмитажа.

Начало деятельности И. А. Орбели как директора совпало с подготовкой к организации в Ленинграде III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. И. А. Орбели является в этой области знания одним из самых крупных авторитетов в международном масштабе, вот почему он стал в СССР председателем оргкомитета Конгресса, а затем и одним из председателей последнего. Одной из важнейших сторон III Международного конгресса была выставка, замечательная по богатству своих экспонатов. Эрмитаж вправе был гордиться, что лучшая и наибольшая часть экспонатов принадлежала собраниям самого Эрмитажа, несмотря на то, что зарубежные страны охотно посылали свои собрания. Еще более ценным было, что передовые идеи Отдела Востока, выросшие на почве марксистско-ленинской методологии, легли в основу выставки и по-новому осветили для зарубежных участников проблему иранского искусства.

Советская наука пользовалась на этой сессии большим авторитетом, что было признано всеми. Много труда, внимания, редакторского и издательского таланта вложил И. А. Орбели в «Труды III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии», монументальное издание, вышедшее в 1939 г., серьезное по содержанию и оформлению.

Летом 1935 г. И. А. Орбели как выдающийся ученый был избран действительным членом Академии Наук СССР.

¹ И. А. Орбели, Мусульманский Восток, Выставка 1925 г., изд. Эрмитажа, стр. 4.

² Сообщения ГАИМК, 1931, № 1, стр. 13 сл.

³ Там же, стр. 13.

В 30-х гг. прошло несколько юбилейных дат великих писателей и поэтов у народов, входящих в наш братский Союз: юбилей Пушкина, Шота Руставели, эпоса «Давид Сасунский», Низами и Навои. Руководители Партии и Правительства оценили эти даты как великие средства упрочения дружбы между нашими народами. И. А. Орбели горячо откликнулся на них, как крупнейший ученый востоковед. Эрмитаж стал одним из важных центров подготовки этих юбилеев.

В 1934 г. весь культурный мир отметил 1000-летие со дня рождения великого поэта Ирана Фердоуси. Голос советских ученых и писателей прозвучал на этом культурном празднике наиболее авторитетно. Руководя в Ленинграде организацией юбилея, И. А. Орбели провел издание сборника в честь Фердоуси, выставку и научную сессию. Он сделал научный доклад о Фердоуси на торжественном заседании в Москве в зале Большого театра, а затем, будучи в составе советской делегации, доклад в Тегеране.

Находясь в курсе всех археологических работ на Востоке, особенно в Закавказье, И. А. Орбели возглавил летом 1936 г. археологическую экспедицию в Армению. Здесь он производил раскопки в Анберде, где изучал развалины замечательного замка VIII—XIII вв.

Особенно много сил, любви, знаний проявил И. А. Орбели при организации научных юбилеев Шота Руставели и эпоса «Давид Сасунский».

По инициативе и плану И. А. Орбели были в Эрмитаже устроены прекрасные выставки эпохи Шота Руставели, т. е. времени второй половины XII в. На выставке показано, как прочно в культурном отношении связано было тогда все Закавказье—Грузия, Армения и Азербайджан, и какое на самом деле это было блестящее время в области культуры даже в условиях феодального общества.

Кроме большой выставки, под редакцией и с предисловием И. А. Орбели выпущен был в Ленинграде русский перевод величайшей поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», с прекрасными иллюстрациями художника Кобуладзе. Тогда же по инициативе И. А. Орбели и под его редакцией выпущен был сборник—«Памятники эпохи Руставели». В этом сборнике И. А. Орбели поместил восемь своих статей. Все работы И. А. Орбели в данном сборнике ярко показывают культурную среду (быт, идеологию, художественные вкусы), в которой жил Шота Руставели и действовали его герои. В обобщенном виде эту культурную среду И. А. Орбели вскрыл в введении к сборнику. Между прочим, здесь, как и в других работах, посвященных великому грузинскому поэту, И. А. Орбели главным образом выделял положение, что «Руставели—певец верности в дружбе»¹.

Ему пришлось также взяться за работу по изданию эпоса «Давид Сасунский» на армянском и русском языках. Русский перевод эпоса И. А. Орбели снабдил большим предисловием, представляющим глубокое исследование, одну из лучших работ его как армениста—историка культуры и филолога. «Развитие основной нити эпоса, — пишет он, —это ход перевоплощения в подлинного человека тех сил природы, которые на заре сложения человеческого мышления стали принимать звериные или очеловеченные формы. Каждое следующее поколение героев все ближе к земле, все ближе к облику земного человека»².

Общезвестно, какого совершенства достиг И. А. Орбели, с издательской точки зрения, при выпуске этой книги. Мы получили в 1939 г. одно из лучших изданий своего времени. Кто видел тогда И. А. Орбели за работой над «Давидом Сасунским», знает, что его наблюдательный глаз не пропускал ни одной мелочи.

В 1940 г. И. А. Орбели был избран за свои выдающиеся заслуги действительным членом Академии Архитектуры СССР.

¹ И. А. Орбели, Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, стр. 11.

² И. А. Орбели, Давид Сасунский. Армянский народный эпос. 1939, М.—Л., стр. XXV.

Лицо, стоящее во главе гигантского учреждения, хранящего в своих стенах неисчислимые культурные и материальные ценности, когда надвинулась опасность войны, не могло не думать о судьбе вверенных ему национальных богатств. И. А. Орбели задолго до фактической эвакуации тщательно обдумывал все возможные варианты последней, хорошо сознавая, что вывоз вещей требует такой предварительной организации, которая предусмотрела бы не только все виды необходимой тары и упаковочного материала, не только формы и способы укладки памятников, но и все списки с делением предметов по категориям их научной ценности и очередности их эвакуации. Надо было проделать и предусмотреть все детали этой сложной работы. Когда фашистская Германия подло, без объявления войны, вторглась в наши пределы, И. А. Орбели немедленно, по заранее продуманному плану, приступил к эвакуации Эрмитажа. Первый эшелон был подготовлен и отправлен в течение всего только восьми дней, т. е. в конце июня 1941 г. В эти дни И. А. Орбели всегда появлялся там, где было трудно. Всегда на ногах, не только днем, но и ночью, часто без пищи, он проявлял столько бодрости и самопожертвования, что увлекал личным примером свой коллектив. Так отправлены были два эшелона, большая часть Эрмитажа, все его наиболее ценные собрания.

И. А. Орбели не считал для себя возможным покинуть оставшуюся часть Эрмитажа и все еще значительный коллектив его сотрудников, не мог оставить в беде и любимого города. Тяжелая блокадная зима 1941—1942 гг. была временем, когда особенно ярко проявлялись настоящие качества человека. И. А. Орбели оказался подлинным капитаном вверенного ему судна. Будучи тогда больным (его давно уже ждал операционный стол), он нашел в себе много сил, чтобы думать только об интересах любимой родины, об Эрмитаже, о сотрудниках и, наконец, о научных работниках других учреждений. Я не могу сегодня перечислить все, что было им сделано в тяжелые месяцы блокады. В голодные и холодные дни он сохранял имущество пригородных дворцов, заботился о вывозе ценных рукописей Академии Наук СССР, брал на хранение в Эрмитаж рукописи и библиотеки.

В самом Эрмитаже, в его сухих подвалах, было устроено бомбоубежище, где находили свет, воду и даже постель не только сотрудники Эрмитажа и их семьи, но и научные работники других учреждений и жители ближайших районов. В этих тяжелых условиях И. А. Орбели не прекращал своей научно-исследовательской работы, продолжая заниматься курдским словарем и подготовкой к юбилеям Низами и Навои. Оба юбилея были проведены в Эрмитаже, из них научное заседание, посвященное памяти Навои, — 10 декабря 1941. На заседаниях этих прочтены были ценные доклады, которые по напечатании займут свое достойное место в науке. В продолжении научной работы в обстановке блокадной зимы И. А. Орбели видел глубокий смысл. Пусть знает весь культурный мир стойкость духа ленинградских ученых, которые не только держат крепко оборону, но и продолжают научную деятельность. Придавал И. А. Орбели этой работе и большое воспитательное значение, она вливала бодрость в окружающих его научных работников.

В Ленинграде хорошо помнят яркие патриотические его выступления по радио, в воинских частях и военных кораблях. В блокадном Ленинграде, в героических делах его населения И. А. Орбели нашел ту моральную силу, которая сказалась в его замечательном свидетельском выступлении на Нюрнбергском процессе, которое фактически было обвинительной речью.

Патриотическая деятельность И. А. Орбели высоко была оценена Правительством СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 мая 1944 г. гласит: «За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады г. Ленинграда научных и культурных ценностей в институтах, музеях и библиотеках Академии Наук СССР, являющихся национальным богатством страны, наградить Орденом Ленина — Орбели Иосифа Абгаровича, академика».

Оставил И. А. Орбели Ленинград по настоянию руководящих лиц героического города, серьезно опасавшихся за его здоровье. Выехал он из Ленинграда 31 марта 1942 г.

Два года с небольшим провел И. А. Орбели в столице Армении — Ереване. Быстро поправляясь после серьезной операции, он принялся на новом месте за привычную

научную и научно-организационную работу. И. А. Орбели был уже несколько лет авторитетным председателем Армянского филиала Академии Наук СССР. С его приездом научная жизнь Еревана быстро оживилась. И. А. Орбели взял курс на превращение Филиала Академии в Академию Наук Армянской ССР. В конце 1943 г. указом Правительства была учреждена Армянская Академия, и И. А. Орбели стал ее действительным членом и первым президентом.

Не переставая научно работать, И. А. Орбели и здесь горячо откликался на нужды фронта. Весь свой горячий патриотизм он вложил в дело помощи Красной Армии и фронту. Свое яркое слово, свои большие знания он вкладывал в речи, доклады, которые приходилось делать бойцам, офицерам и генералам Кавказского фронта.

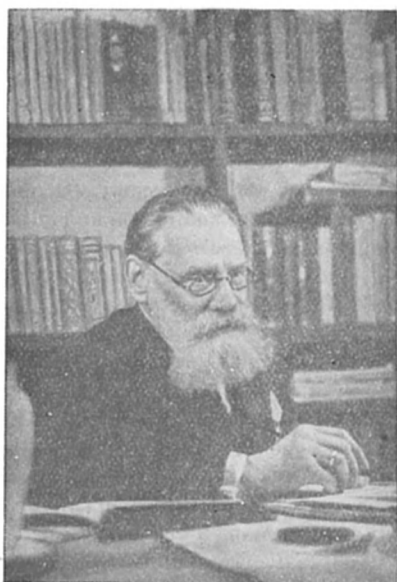
В начале 1944 г. И. А. Орбели одним из первых научных работников вернулся в освобожденный Ленинград. Вновь началась кипучая деятельность И. А. Орбели в Эрмитаже, на этот раз по подготовке к эвакуации великого Музея. Все мы хорошо помним, как блестяще руководил осенью в 1945 г. И. А. Орбели восстановлением Эрмитажа. 60 лучших зал Эрмитажа были открыты 4 ноября 1945 г., т. е. через 22 дня после прибытия эшелонов из Свердловска.

Вместе с восстановлением музея И. А. Орбели вел напряженную работу как ученый исследователь: он написал большой труд об Ахтамарском храме и закончил работу по изданию армянских басен, которое в ближайшее время выйдет в свет.

Имя И. А. Орбели популярно в нашей стране, его ценят и любят не только как крупнейшего ученого, но и как замечательного общественного деятеля, советского патриота. Ценят И. А. Орбели и на Востоке. Ученый мир Ирана дважды почтил его: один раз избранием в почетные профессора Тегеранского университета еще в 1935 г., а затем—избранием в почетные члены Иранской Академии Наук в 1945 г.

Сегодня И. А. Орбели в расцвете своих творческих сил. Пожелаем же ему здоровья и долгих, долгих лет на благо советской науки, в которую он так много вложил своего таланта, сил и любви к родине.

Проф. А. Якубовский

Семидесятилетие академика Н. М. Никольского

Дорогой Николай Михайлович!

Редакция «Вестника древней истории» и Сектор древней истории Института истории Академии Наук СССР горячо приветствуют Вас и поздравляют с семидесятилетием со дня Вашего рождения.

В течение почти полувека Вы неутомимо и плодотворно работаете как исследователь различных областей истории. Ваши труды по библеистике, по социально-экономической истории древнего Востока, по древнефиникийской мифологии внесли ценный вклад в нашу науку и стяжали Вам заслуженную известность. В годы войны Вы проявили лучшие черты ученого патриота и, примкнув к партизанам, с большевистской настойчивостью продолжали в условиях партизанской зоны научную работу, обогатив науку своими исследованиями текстов Рас Шамры.

От всей души желаем Вам долгих лет здоровья и плодотворной работы на пользу советской науке.

Редакция «Вестника древней истории»

Сектор древней истории Академии Наук СССР

Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда

В 1946 г. Самаркандской археологической базой были продолжены разведочные работы на городище Афрасиаб (домонгольский Самарканд), начатые осенью 1945 г. Институтом истории и археологии АН УзССР¹.

В свете работ покойного археолога В. Л. Вяткина, обобщенных им в известном очерке «Афрасиаб—городище бывшего Самарканда» (Самарканд, 1928), этот памятник мог представляться ценным лишь для средневековья. Только отдельные предметы быта и находимые в нем изящные терракоты² свидетельствовали о важности его и для изучения более ранних эпох.

Разведкой 1945 г. было установлено: Афрасиаб имеет сложную стратиграфию культурных наслоений, в среднем 4—6 м толщиной; древнейшие культурные наслоения соответствуют культурам Тали-Барзу I и II, но датируются не доахеменидским и ахеменидским временем, куда их относил Г. В. Григорьев³, а первыми веками до нашей эры (раннекушанским периодом); мощные и распространенные на всей площади Афрасиаба культурные слои раннекушанского времени свидетельствуют о том, что Самарканд уже в ту пору представлял собой крупный городской центр. Важными вехами в истории древнего города являются остатки фортификационных сооружений, состоящие из цитадели и четырех линий стен; все крепостные сооружения, кроме третьей стены, возникли до начала нашего летоисчисления, а третья стена была сооружена после арабского завоевания; Самарканд в течение продолжительного отрезка времени после арабского завоевания включал в пределах городища Афрасиаба следующие части: кухендиз (цитадель), шахристан (внутренний город) и рабад (ремесленное предместье); кухендиз состоял из кешка и укрепленного двора; шахристан включал в себя первое укрепление, утратившее фортификационное значение ко времени арабского завоевания, и второе укрепление, а позднее вырос за счет части площади рабада в центре городища, охваченном третьей стеной; рабад первоначально обнимал всю территорию между второй и четвертой (внешней) стеной Афрасиаба; археологические данные подтвердили правильность исторического вывода В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского о том, что жизнь в Самарканде постепенно переходила с севера на юг и что монгольское завоевание 1220 г. лишь завершило начавшееся раньше запустение его на Афрасиабе⁴.

Материалы разведок 1945—46 гг. дают уже возможность приступить к разработке историко-археологической периодизации культуры Самарканда на Афрасиабе. Работа эта облегчается вышедшими в свет предварительными обзорами исследований Г. В. Григорьева, в которых дается классификация культурных периодов городища Тали-Барзу. Нельзя согласиться со многими хронологическими определениями Г. В. Григорьева, но установленная им последовательность смен культурных стадий для Тали-Барзу вполне удовлетворяет современным научным требованиям, и ее можно принять в качестве первого серьезного опыта историко-археологической периодизации. Тогда в целом.

Ахеменидский период. Золотой дарик коллекции Б. Н. Кастальского, купленный в Самарканде, мог бы являться первым предметом материальной культуры ахеменидского времени, связанным с Афрасиабом, если бы мы располагали точными данными о том, что он происходит именно отсюда⁵. Сомнения в том, что Афрасиаб может хранить в своих недрах вещественные свидетельства столь отдаленной исторической поры, ныне рассеялись. В 1946 г. у пастуха Хусейнова Шарипа была приобретена серия предметов, собранных им на этом городище, среди которых оказалась небольшая подвесная печать

¹ История изучения Афрасиаба подробно представлена в работе А. Ю. Якубовского, Из истории археологического изучения Самарканда, «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», II, 1940, стр. 285 сл.

² С. Тревер, Terracottas from Afrasiab, 1934, стр. 93.

³ Г. В. Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЗ, II, 1940, стр. 87—92.

⁴ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 304.

⁵ М. Е. Массон, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг., Ташкент, 1933 г., стр. 6.

из коричневатого кремнистого камня с резным изображением увенчанного короной ахеменидского царя в рост с колчаном за спиной и луком в руках, ниже которого дана вертикальная строчка подражания клинописи (рис. 1).

Культурных же наслоений ахеменидской поры на Афрасиабе еще не обнаружено, как не встречено их пока и на всей территории Согда.

Г. В. Григорьев, как это отмечено выше, относит к доахеменидскому и раннеахеменидскому времени слои I и II городища Тали-Барзу, расположенного в 6 км к югу от Самарканда. Однако, если и ранее датировки Тали-Барзу вызывали сомнения¹, то после новых работ на Афрасиабе от них нужно отказаться самым решительным образом, так как они противоречат объективным археологическим данным².

Рис. 1. Печать с изображением царя. Ахеменидский период. Увеличение $3\frac{1}{4}$ раза

Греко-бактрийский период. В начале 1947 г. в 30 м к востоку от мавзолея Ширинбек-ака ансамбля Шах-и-Зинда на линии вала 4-го (внешнего) укрепления Афрасиаба, на глубине 4—5 м ниже поверхности, был вскрыт зольник, рядом с которым обнажены остатки глинобитных построек. Он дал обильные керамические находки, две бусины (бирюзовую пронизь и белую пастовую бусину), полированный каменный пестик и кости коров, лошадей, овец и свиней.

Сосуды изготовлены на гончарном круге, имеют в изломе красный крепкий черепок и покрыты снаружи желтовато-белым лёссовым раствором. Эти сосуды, кроме пифосов (хумов) и мисочек, трудно распределить по назначению. Одни из них имеют нижнюю часть в виде усеченного конуса и простой цилиндрический корпус; у других нижняя часть сделана в виде мисочки с отогнутыми краями, переходящей посредством острого ребра к почти цилиндрическому корпусу; третьи — с плоским дном, имеют форму банки, расширяющейся кверху. Пифосы — малые и крупные. В донной части они вылепливались в виде глубокого блюда с круглым дном и, как правило, имеют цилиндрический корпус с приостренным или валиковидным краем венчика.

Для всего круга керамических изделий из зольника следует отметить крайне слабую дифференцированность форм, что объясняется специфическими приемами гончарной техники (лепка донной части и наращивание на нее корпуса) и, возможно, недавним введением в ремесленное производство гончарного колеса. На типах сосудов лежит печать седой архаики, позволяющей искать их прототипы в ранних слоях культуры Анау Южной Туркмении и Дамгана Северного Ирана или в местных, но еще не выясненных более древних культурах.

Эта культурная стадия впервые описывается для Согда, и мы не располагаем никакими фактическими материалами или данными (хотя бы даже стратиграфическими), которые позволили бы определить ее время. Для нас ясно лишь то, что она старше Тали-Барзу I и II, восходящую генетическую связь с которыми можно проследить по имеющимся уже материалам, и условно датируется нами в настоящий момент греко-бактрийским периодом.

Раннекушанский период. Культурные слои, соответствующие Тали-Барзу I и II, на Афрасиабе отличаются большой мощностью и обнаруживаются в пределах всего городища, свидетельствуя о процветании г. Самарканда в раннекушанское время (первые века до нашей эры).

Они связаны с Тали-Барзу I и II общностью ряда форм сосудов и, прежде всего, таких характерных, как кубков (ваз по Г. В. Григорьеву)³, массивных глиняных под-

¹ А. И. Тереножкин, Литература по археологии в Узбекистане, ВДИ, 1939, № 1, стр. 189.

² Он же, Городище Афрасиаб, СА, № 11 (печ.).

³ Г. В. Григорьев, ук. соч., рис. «а» и «б», стр. 93.

ставок с двумя головами баранов¹, терракотовых фигурок коней с высокой гребневидной гривой² и др. Их объединяет также в общем одинаковый уровень керамического производства—хорошее качество глины, высокий обжиг, применение красного ангоба и лощения.

Стратиграфически нами был исследован лишь один пункт в первом укреплении западнее места, на котором В. В. Бартольд и В. Л. Вяткин открыли остатки соборной

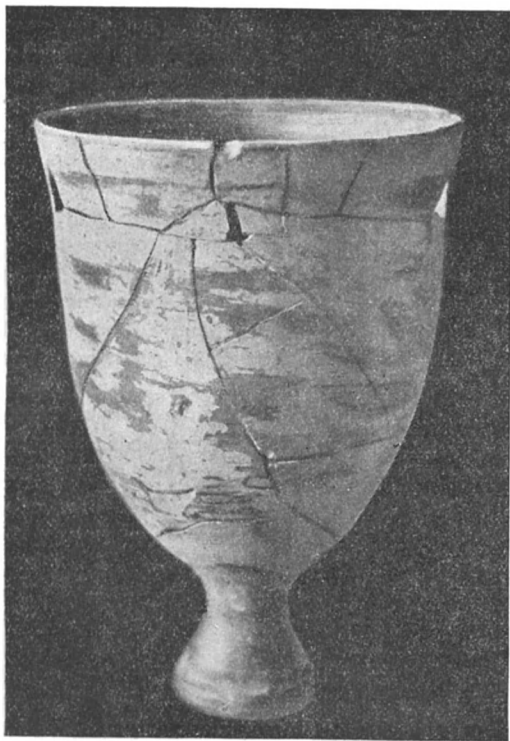

Рис. 2. Глиняный кубок. Раннекушанский период

мечети XII в. Здесь был заложен шурф, разрезавший два культурных слоя. Керамические изделия нижнего слоя отличаются высоким качеством. Для их отделки употреблен не только красный ангоб, но и красный лак очень неплохого качества. Здесь были найдены кубки с небольшим коленцевидным перегибом. Керамические изделия верхнего слоя ниже по качеству. Для него типичны кубки, имеющие вид высоких чар с чуть отогнутым наружу краем на неустойчивой ножке (рис. 2). В обоих слоях найдены фрагменты кубков и кувшинов, сделанных из серой глины, покрытых черным лаком и черным ангобом.

В яме с отходами от обжига алебаstra на восточном краю третьего укрепления был добыт комплекс керамических изделий, характеризующихся средним качеством изготовления с редким применением красного ангоба или лощения. Хумы и кувшины часто украшаются узорами в виде волнистых линий. Кубки, происходящие отсюда, представлены двумя типами: один из них очень близок к типу кубков из верхнего слоя шурфа в 1-м укреплении, а второй отличается тем, что имеет вогнутые внутрь края.

Керамические изделия из гончарной печи, открытой в стенке оврага у мавзолея Ходжа-Даньяра в восточной части 2-го укрепления, грубоваты в техническом отноше-

¹ Там же, рис. «в».

² Там же, табл. 1, рис. 4.

нии. В этой печи были найдены кубки, имеющие вид таких же ваз на устойчивой ножке, какие характерны для Тали-Барзу I и II.

Стратиграфическая и хронологическая последовательность представленных комплексов по отношению друг к другу пока не установлена.

Рис. 3. Терракотовая фигурка всадника. Раннекушанский период

Кроме кубков, в раннекушанских слоях встречаются кувшины, пифосы, сосуды в виде фляг типа ташкентской культуры Каунчи¹, сосудики на трех маленьких ножках, сосуды из дресвы. Они имеют вид котлов и котелков шаровидной формы, приспособленной к открытому очагу. Терракота в наших сборах из слоев *in situ* представлена примитивными фигурками всадников на конях (рис. 3), фигурками верблюдов, одной головкой от крупной фигурки человека (рис. 4) и фрагментированной головкой грифона (рис. 5). К известному процарапанному изображению гопатшаха на фрагменте хума из Тали-Барзу² ныне добавляется процарапанное на стенке сосуда изображение идущего коня. Для большей полноты характеристики культуры остается упомянуть часто встречающиеся в слоях примитивные ручные зернотерки, каменные песты различных форм, точильные бруски из сланцевых галек, глиняные грузила от ткацких станков и изредка трехлопастные черешковые (без порожа) небольшие железные наконечники стрел.

Рис. 4. Головка терракотовой стаутзтки. Раннекушанский период

Рис. 5. Фрагментированная головка терракотовой фигурки грифона. Раннекушанский период

Керамика Афрасиаба по технике и по типам сосудов связана с кушанскими древностями Айртама близ Термеза³ и Хорезма⁴, еще более тесна и ощутима ее связь с

¹ М. Э. Воронцов, Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР, ВДИ, 1940, № 3—4, рис. 15, стр. 337.

² К. В. Тревер, Гопатшах—пастух-царь, ТОВЭ, II, стр. 71—85.

³ См., например, указание М. И. Вязьмитиной в статье «Керамика Айртама» (в сборнике «Термезская археологическая экспедиция», II, Ташкент, 1945, стр. 51) на то, что ранние культурные наслоения Афрасиаба, для которых еще В. Л. Вяткиным были отмечены бокалы и чаши на высоких ножках, следует определять как кушанские.

⁴ А. П. Тереножкин, О древнем гончарстве в Хорусе, Известия УзФАН, 1940, № 6, стр. 54; С. П. Толстов, Новые материалы по истории Хорезма,

памятниками Каршинского оазиса (низовья р. Кашка-Дарья), например крепостей Зохах-и-Марон и Ер-Курган, обследованных нами осенью 1946 г.¹

К югу от Афрасиаба, перед местом бывших Кешских ворот древнего города у мечети Хозрет-Хызр, при случайных обстоятельствах была обследована цокольная часть ворот Аханий городских укреплений Самарканда, возведенных при Тимуре. Они были сложены из кирпичей, повторно употребленных в кладку, т. е. не приготовленных специально, а добытых из старой постройки. В кладке оказались кирпичи отличного красного обжига, но различного назначения и поразительно крупных размеров: большие прямоугольные кирпичи— $53 \times 40 \times 9$ см, прямоугольные кирпичи— $42 \times 20 \times 9$ см, квадратные кирпичи— $42 \times 42 \times 9$ см, клинчатые кирпичи размерами $48,5 \times 39$ — $26 \times 8,5$ см. Средневековая строительная техника Средней Азии не знает таких крупных стандартов для кирпичей.

Древние строители в Средней Азии предпочитали крупные кирпичи, как это хорошо прослеживается, например, на применении сырца в кладках архитектурных сооружений Хорезма. Кирпичей одинаковых размеров с кирпичами из ворот Аханий на Афрасиабе пока не найдено. Нужны дальнейшие поиски остатков самого сооружения, которое было воздвигнуто из этих кирпичей, чтобы получить ответ на многие связанные с ним историко-археологические вопросы.

Наиболее близкие стандарты сырцовых кирпичей дают нам остатки зданий Тали-Барзу I и II. Стены их, по сообщению Г. В. Григорьева, сложены из пахсы с добавлением сырцового кирпича размерами $39 \times 39 \times 9$, а своды выложены из удлиненных кирпичей, которые при толщине в 9 см имеют 52 см длины. Совпадение некоторых показателей дает право предполагать, что кирпичи ворот Аханий принадлежат к раннекушанскому времени. В таком случае, если наша гипотеза об их происхождении верна, то приведенное сравнение может послужить первым указанием, которое хоть самым приближенным образом ориентирует нас в вопросе о времени создания грандиознейшего ирригационного сооружения, представлявшего выдающуюся достопримечательность древнего Самарканда.

Во всяком случае, в ту эпоху город переживал период большого подъема, и его материальный потенциал, как позволяют определять археологические данные, был достаточно мощен для осуществления крупной строительной деятельности.

Кушанский и гунно-эфталитский период. Археологических материалов кушанского и гунно-эфталитского периода (I—середина VI вв.) Афрасиаб не дает². Отсутствие их, возможно, объясняется отмечаемым историками упадком жизни в г. Самарканде в течение первой половины первого тысячелетия нашей эры, когда на первое место в Согде выдвигается город Кушания, находившийся близ современного Ката-Кургана³.

В V в. Самарканд впервые после македонского завоевания упоминается в письменных источниках. Китайская хроника кратко сообщает о нем: «Сиваньгинский владетель имеет пребывание в городе Сиваньгине от Мими на западе»⁴.

Это пробуждение жизни в Самарканде запечатлено находкой в восточной части второго укрепления терракотового украшения, имеющего вид ступенчатого зубца, совершенно одинакового с терракотовыми зубцами из замка Ак-тепе V—VI вв. близ Ташкента⁵.

Период тюркского каганата. Материальная культура периода господства в Средней Азии тюркского каганата и усиливающейся с середины VII в. роли Китая во внутренней жизни страны для Самарканда еще не выяснена. В этом вопросе на первом месте стоят открытия в замке афшина Самарканда Диваштича на горе Муг в верховьях

ВДИ, 1946, № 1, стр. 96. Характеристики культур позволяют раннекушанские слои Афрасиаба ставить в связь с кангуйской культурой Хорезма.

¹ Предварительный отчет о поездке в Каршинский оазис. См. ВДИ, 1947, № 2.

² К этому периоду мы относим Тали-Барзу III и IV—эллинистический и кушанский слои, по Г. В. Григорьеву,

³ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, стр. 117.

⁴ И а к и н ф, Сведения о народах, обитавших в Средней Азии, III, стр. 165.

⁵ А. И. Тереножкин, Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г., Известия УзФАН, 1941, № 3, стр. 52.

р. Зеравшана (Таджикистан)¹ и раскопки Г. В. Григорьева на городище Кафыр-кала в 12 км к югу от Самарканда².

Основная культура городища Кафыр-кала, по данным Г. В. Григорьева, подтверждаемым находками времени согдийских правителей второй половины VII в., обнимает VI—VII вв. и стоит в прямой связи с Тали-Барзу V («сасанидский слой»). Сосуды Кафыр-кала, среди которых преобладают блюда, кувшины и кружки, близко напоминают так называемый сасанидский металл. Они обсыпались мелко толченой слюдой, блеск которой придает им металлический вид, и украшались оттисками человеческих лиц, изображений козлов, плодов и цветов граната, пальметок и розеток. Кафыр-кала являлась, повидимому, главным центром такого своеобразного высокохудожественного керамического производства, находившего сбыт в пределах довольно обширного округа.

Местонахождений с культурными слоями VI—VII вв. на Афрасиабе открыто немного. Объясняется это, несомненно, не слабым развитием этих слоев, так как Самарканд в ту эпоху, по китайским и арабским историческим известиям, вновь стал обширнейшим городом в Средней Азии, а трудностью выделения их из свиты напластований других периодов ввиду недостаточной яркости местных керамических форм. Легче обнаруживаются эти культурные наслоения в тех случаях, когда они сопровождаются находками обломков сосудов типа Кафыр-кала, служивших предметом ввоза в Самарканд, и медными монетами согдийских правителей, чеканенными по китайскому типу.

Наиболее важным объектом этого времени можно считать остатки мастерской ювелира, открытой в западном углу 3-го укрепления. Здесь были найдены обломки цилиндрических тиглей, куски шлаков цветных металлов, глиняные сосуды самаркандской работы и обломки кафыркалинских сосудов с слюдяной обсыпкой и рельефными оттисками веток граната.

Арабское завоевание в начале VIII в. служит поворотным пунктом в истории и истории культуры народов Средней Азии: с крушением сасанидской монархии они включаются в сферу непосредственных переднеазиатских и средиземноморских влияний; в известной степени парализуются политические и культурные воздействия восточноазиатского мира, в частности Китая и степных тюркских объединений; зороастризм и буддизм уступают место исламу, ставшему официальной религией страны; рушатся древние традиции, ускоряется процесс смены рабовладельческих отношений феодальными.

Арабское завоевание повлекло за собой изменение в этническом составе населения Самарканда. Так, по одному сообщению Несефи, все дома в г. Самарканде были отданы арабам, а местное героически защищавшееся население было поголовно уничтожено³; по другому сообщению, арабы выселили жителей Самарканда в сторону Туркестана и гор⁴. Таким образом, арабское завоевание привело к тому, что древняя культура Самарканда уступила место иной культуре, генетически мало связанной с прошлым этого древнейшего города.

На основании анализа большого количества неглазурованных и глазурованных сосудов и отдельных предметов, добытых из поглощающих колодцев (железные ножицы, бусы, монеты и пр.), арабский период делится на три стадии: 1) раннеарабскую (начало—середина VIII в.), среднеарабскую (конец VIII—начало IX в.), позднеарабскую (середина IX в.).

К концу раннеарабской стадии, т. е. примерно к середине VIII в., следует отнести первые, робкие опыты применения глазури самаркандскими гончарами. Глазурованные сосуды типа кувшинчиков, мисочек и плошек, сделанные из чистой лёссовидной глины,

¹ «Согдийский сборник», Л., 1934.

² Г. В. Григорьев, К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, «Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946, стр. 94—103.

³ «Кандия Малая», перевод В. Вяткина, «Справочная книжка Самаркандской области за 1906 г.» (вып. VIII), стр. 246—247.

⁴ Там же, стр. 249.

встречаются на первых порах очень редко. Вместе с глазурованием, как отмечено выше, появляются и подглазурные росписи, наносившиеся бледноватой бурой и зеленой краской по желто-лимонному фону. Низкое качество красок сопутствуется слабостью и несложностью линейных геометрических узоров (рис. 6).

На среднеарабской стадии замечается резкое увеличение количества глазурованной посуды. Повышается качество глазури, совершенствуется, становится более разнообразным рисунок и вырабатывается определенный устойчивый стиль. Глазурью покрываются преимущественно миски, имеющие вид сегмента шара на низком поддоне, и блюда с широкими отлогими краями. Они расписываются зеленой или голубовато-зеленой и коричневой с фиолетовым оттенком краской по белому или чаще по мутному белому фону; роспись линейная, образующая сетки, квадраты, секторы, которые заполняются иногда простенькими растительными узорами с заполнением рисунка рассеянными точками (рис. 7).

Работы В. Л. Вяткина¹ и И. А. Сухарева² позволяют восполнить приведенную характеристику глазурованной посуды еще одним признаком: на ней впервые появляются арабские надписи куфа. Факт знаменательный, и он должен был предостеречь

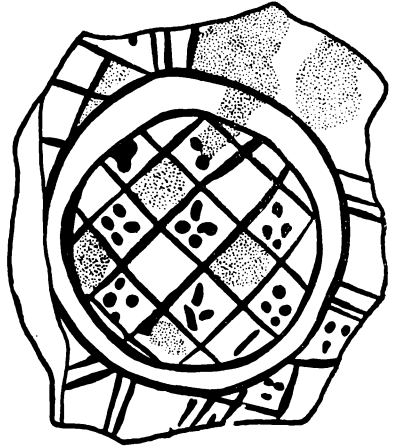

Рис. 6. Фрагмент глазурованной мисочки с росписью зеленой и бурой краской по желтому фону. Раннеарабская стадия

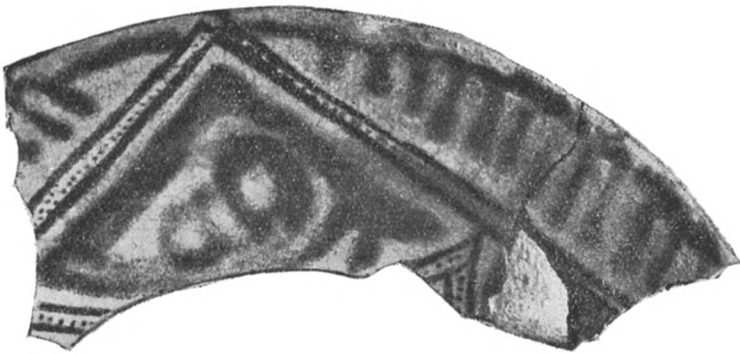

Рис. 7. Фрагмент глазурованного блюда с росписью зеленой и коричневой краской. Среднеарабская стадия

И. А. Сухарева от датировки появления глазурованной посуды этого стиля 20-ми—30-ми гг. VIII в.

На среднеарабской стадии исчезают глиняные кружки, вместе с тем исчезают кувшины и котлы старых форм. На смену им появляются одноручные кувшины с выпуклым яйцевидным корпусом и широким низким горлом с утолщенным внутри и наружи венчиком; широко распространяются тонкостенные выпуклые кувшинчики с высоким

¹ «Афрасиаб...», стр. 47, рис. 57 и стр. 49, рис. 58; блюдо, представленное на последнем рисунке, обращает внимание выполненным в том же стиле изображением мифологического существа в виде коня с головой птицы.

² И. А. Сухарев, Ранняя поливная керамика Самарканда, «Труды Узбекского государственного университета», новая серия, II, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 14.

горлом в виде раструба и кувшинчики с узким, в виде трубки горлом, формы которых эволюционируют и в течение ближайших последующих веков; распространяются полусферические котлы с широким, сильно вогнутым внутрь краем, приспособленным для закрывания крышкой.

В позднеарабское время возникает новый стиль глазурованной посуды. Блюда и мисочки, формы которых становятся угловатее, украшаются процарапанным, часто

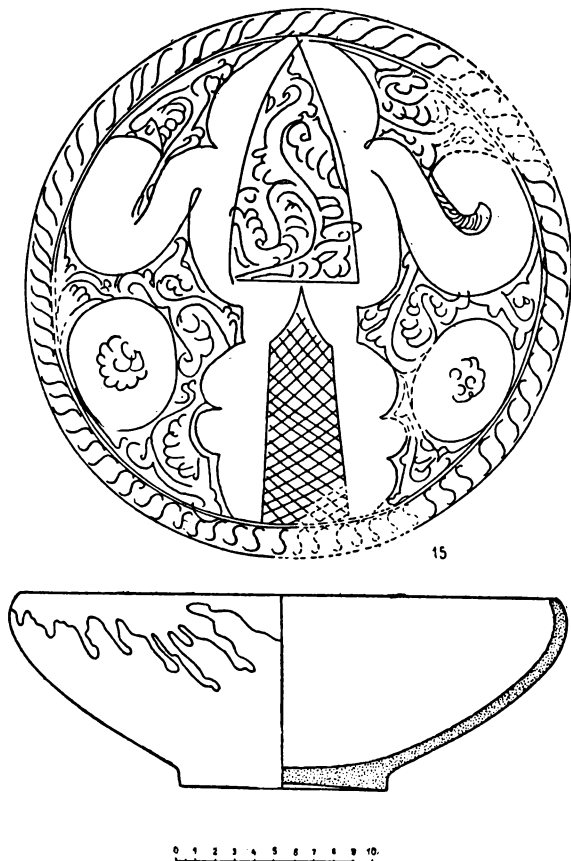

Рис. 8. Прочерченный орнамент на глазурованном блюде.
Позднеарабская стадия

весьма вычурным, растительным узором (рис. 8) и почти беспорядочно отделяются пятнами и линиями зеленой, желтой и коричневой красок, пестрая и сильно расплывчатая смесь которых покрывает почти всю поверхность внутри.

В 1927 г. В. Л. Вяткиным на Афрасиабе был открыт михраб мечети, украшенный резьбой по алебастру растительными узорами¹, выполненными в манере, близкой к процарапанным узорам на описанных блюдах (рис. 9), что позволяет поставить вопрос о датировке этого памятника, примерно, серединой IX в.

Саманидский период. К саманидскому периоду относится одно помещение, открытое над упомянутой выше мастерской предыдущего периода. Оно было датировано тремя медными монетами отличной сохранности Исмала бен-Ахмеда, чекаганными в

¹ К сожалению, этот интересный памятник культуры не сохранился. Возможности ознакомиться с ними мы обязаны Б. Н. Засыпкину, который предоставил нам серию фотоснимков с михраба, снятых им во время раскопок В. Л. Вяткина, и разрешил воспользоваться ими в нашей работе, за что, пользуясь случаем, приносим благодарность.

Самарканде в 894—896 гг. н. э., и несколькими саманидскими монетами худшей сохранности первой половины X в. В помещении были найдены: большое фрагментированное блюдо, несколько крупных фрагментов глазурованных блюд, глазу-

Рис. 9. Деталь прочерченного узора по алебастру михраба мечети, открытой В. Л. Вяткиным в 1927 г. Позднеарабская стадия

рованная ваза, кувшинчики, глиняные светильники, один светильник из шифера, фрагментированные стеклянные сосуды, гипсовая подставка с вделанными в нее 3 стеклянными баночками, серебряная серьга, бусы, часть глиняного очажка и ряд других менее значительных предметов.

Рис. 10. Фрагмент глазурованного блюда с узором в виде надписи. Саманидский период

В украшении блюд и других сосудов большое значение приобретают надписи с выражениями благопожеланий владельцу, исполненные строгой куфи, как на монетах, или реже—цветущей куфи. Часто надписи служат единственным и, следует заметить, совершенно достойным украшением сосудов (рис. 10).

Материалов для XI—XII вв. на Афрасиабе добыто пока так мало, что их еще недостаточно даже для самых общих определений своеобразия культуры этого периода.

А. Тереножкин

Защита диссертаций по древней истории

I. В марте 1947 г. на ученом Совете Института истории АН СССР была защищена докторская диссертация докторантом Института П. Н. Тарковым на тему: «Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III и II вв. до н. э. (Международные отношения и социальная политика)».

В своем критическом разборе источников (в основном Полибия) и историографии П. Н. Тарков стремится показать, что и у древних и у современных авторов оценка событий исследуемого им периода не оправдывается реальной действительностью. Древние авторы, как и большинство новейших историков, стоят на проримских позициях, стараются или отрицать римскую агрессию, или придать ей вынужденный, оборонительный характер. Но даже и те историки, которые не симпатизируют Риму, смотрели на историю Греции этого периода с точки зрения Рима, в котором видят уже для того времени крупнейшую державу, так или иначе диктовавшую Греции свою волю. В противоположность этому «романоцентризму» П. Н. Тарков старается смотреть на события с точки зрения внутренних отношений в самой Греции и поставить Рим на то скромное место, какое он занимал в международных отношениях конца III в. до н. э.

В основном диссертация разбирает события так называемой I и II Македонских войн и ряд внутренних социальных движений, главным образом, в Спарте, связанных с этими войнами. Диссертант доказывает, что I Македонская война названа так по недоразумению, под влиянием римской традиции. В действительности это была внутренняя война в Греции, вторая союзническая война, и Рим играл в ней незаметную, подчиненную роль. Договору Филиппа Македонского с Ганнибалом посвящена отдельная глава диссертации. По мнению автора, договор 215 г. говорил прежде всего о размежевании сфер влияния между Карфагеном и Македонией. Мир в Фойнике 205 г. не был римским, а являлся попыткой греческих государств объединить свои усилия для борьбы против гегемонии Македонии.

Спартанская революция в период тирании Набиса разрастается в изображение ее диссертантом в событие большого исторического значения, сыгравшее значительную роль во внутренней и внешней политике эллинистических государств. Непосредственным результатом революции Набиса был конфликт с Ахейской лигой.

Македонская война была продолжением столкновений, начавшихся в Греции еще до вмешательства Рима. Во всех перипетиях войны основную роль играли интересы тех или иных социальных групп внутри греческих государств, а не державная воля Рима, как это представляет Ливий.

Заключительный вывод автора сводится к тому, что «все это была одна цепь войн, порожденных кризисом рабовладельческой системы Средиземноморья, искавшей выхода из этого кризиса» (стр. 982). Спарта при Набисе пыталась найти революционный выход из кризиса. Но «силы революции были еще слабы; к тому же не были еще исчерпаны и все возможности рабовладельческой системы. Поэтому в период рубежа III—II веков дело Ахейской лиги и Рима победило, а революция Набиса была разбита» (стр. 983). Но, хотя революционное движение было подавлено, «Греция показала будущий путь развития любого рабовладельческого общества: она в миниатюре жила в это время тем, что через четыре—пять веков было повторено и Римом» (стр. 985).

Таким образом, в диссертации на основе детального анализа и освещения имеющихся материалов проводятся новые идеи, отвергающие господствующую романоцентрическую точку зрения и позволяющие трезво и объективно оценить внутренние и внешние силы, определившие международную политику греческих государств в конце III в.

О. Ю.

II. В Московском городском педагогическом институте 16 апреля с. г. состоялась защита кандидатской диссертации В. П. Дзугуровой на тему «Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии».

Пользуясь литературными источниками («Хроника» Мемнона-Гераклеота и др.), данными нумизматики и весьма скудными археологическими и эпиграфическими материалами, автор по-новому рассмотрел ряд узловых вопросов истории Гераклеи. В. П. Дзагурова отвергла мнение Г. Глотца о византийско-беотийском происхождении Гераклеи, считая более вероятным основание Гераклеи Мегарой, олигархами ее, изгнанными из метрополии вследствие ожесточенной классовой борьбы. Основание города сопровождалось длительной войной с туземным племенем мариандинов и острой политической борьбой между олигархией и демократией. Результатом было изгнание демократов из Гераклеи в конце VI в. до н. э. и основание ими Каллатии на западном берегу Черного моря.

Длительная борьба внутри гераклейского гражданства, обусловливаемая социальными противоречиями, закончилась победой гераклейской демократии в 470—420 гг. до н. э. под влиянием Афин. В это же время, как показывают новые эпиграфические данные, Гераклея входила в Афинскую морскую державу и находилась в самых близких отношениях с Эгейским бассейном.

Пелопоннесская война отвлекла внимание афинян от Черного моря, что привело к антидемократическому перевороту в Гераклее. В 424 г. победившие олигархи изгнали демократов, которые основали новую колонию—Херсонес Таврический. В. П. Дзагурова считает, что демократические институты Херсонеса не были копией мегарской конституции, как утверждал В. В. Латышев. Они были принесены из Гераклеи, где в середине V в. до н. э. процветали демократические учреждения.

Особое внимание диссертант уделил политическому строю в Гераклее в IV в. Установившуюся в Гераклее в период 363—281 гг. тиранию автор рассматривает как сходную с раннегреческими тираниями, хотя указывает и на черты сходства с правлением Дионисия Сиракузского. Тирания IV в. в Гераклее пользовалась поддержкой демоса и противостояла олигархии.

Подробно останавливаясь на внешних связях и отношениях Гераклеи, В. П. Дзагурова рисует картину оживленных сношений с севернопонтийскими городами, особенно с Ольвией и Пантикапеем, наиболее интенсивных в III в. Внимательно изучив политическую обстановку на Черном море, автор вновь ставит вопрос о времени войны между Гераклеей и Боспором, считая, что Гераклея не могла активно участвовать в войне Феодосии и Боспора (начало IV в. до н. э.) и ограничивалась только помощью продовольствием феодосийцам. Война Гераклеи с Боспором имела место только после смерти Перисада IV, вызвавшей смуты в Боспорском царстве, т. е. после 252 г.

С начала II в. до н. э. Гераклея вступает в дружественные отношения с Римом. Заканчивая свое исследование истории Гераклеи Понтийской описанием разгрома города в эпоху Митридатových войн, В. П. Дзагурова создала стройное изложение ее на протяжении около 500 лет. Значительное внимание было уделено ею изучению внутреннего строя города.

Снабженная обширным научным аппаратом, диссертация в качестве приложения имеет перевод «Хроники» Мемнона, сделанный автором диссертации.

Т. Б.

III. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. (автореферат кандидатской диссертации, защищенной 2 июня с. г. в Институте истории АН СССР).

Задачей диссертации было исследование истории греческих колоний на западном побережье Черного моря в период их автономного существования на основании свидетельств античных авторов и, главным образом, данных эпиграфики, нумизматики и археологии.

Основание колоний в Западном Причерноморье происходило с середины VII в. до 520 гг. до н. э. Это города: Истрия, Тома, Каллатия, Дионисополь, Одесс, Месембрия и Аполлония. Одни из них были ярко выраженными торговыми поселениями, в других преобладало вначале земледелие.

Политическая история западнопонтийских колоний прослеживается только с конца VI в. Важнейшими событиями были: установление дружественных сношений

Истрии со скифским царством, а затем вхождение всех городов побережья во фракийское царство одрисов. Это сопровождалось экономическим расцветом греческих колоний. Во второй половине V в. некоторые из исследуемых городов были включены, хотя и недолго, в Афинский союз. Нужно согласиться с мнением В. В. Латышева, подтвержденным данными эпиграфики, о вхождении Черного моря в сферу влияния Афин.

Большое значение имело распространение скифского царства при царе Атее на Западное Причерноморье в середине IV в. до н. э., положившее начало длительному проникновению скифов к югу от Дуная.

Подчинение западнопонтийских городов Македонии в последней трети IV в. и восстание Каллатии против Лисимаха дают основание полагать, что политика греков Западного Причерноморья была антимакедонской. Это определялось большей, по сравнению с остальной Грецией, крепостью и жизнеспособностью демократического полиса в Западном Понте. Каллатийцы и другие греки боролись за сохранение автономии и независимости, против подчинения эллинистической монархии.

Возникшее в III—II вв. до н. э. царство Малая Скифия оказало большое влияние на судьбы соседних ему западнопонтийских городов.

Период эллинизма был эпохой широкого развития торговых связей Западного Причерноморья. Особенно развивалась торговля с северным и южным берегами Черного моря.

Важное значение в истории Западного Причерноморья имело Понтийское царство. При Митридате VI Евпаторе часть западнопонтийских городов вошла в его царство, другие заключили с ним союз. Эту политику можно рассматривать как явно враждебную Риму, как стремление найти защиту у Понтийского царя против растущей римской агрессии. Последующие события в истории западнопонтийских городов—вынужденный, повидимому, союз Каллатии с Римом, восстание 62 г. до н. э. против наместника Македонии Гая Антония Гибриды, добровольное подчинение некоторых городов гетскому царю Биребисте—дают основание отвергнуть общепринятую теорию Моммзена о стремлении этих городов стать клиентами Рима.

Развитие западнопонтийских колоний с середины I в. до н. э. шло не одинаково. Южные города вошли в орбиту фракийского царства одрисов, что способствовало росту их благосостояния. Более северные города испытывали все тяготы постоянной борьбы с варварами вследствие натиска новых пришельцев.

Внутренний строй и учреждения западнопонтийских колоний свидетельствуют о том, что они сохраняли все особенности греческих полисов. Влияние соседней варварской среды имело место только в религии, где оно сказывалось довольно сильно.

Относительно спорного вопроса о времени возникновения западнопонтийского *kingdom* следует считать, что он не существовал в эллинистическое время, так как все свидетельства о нем относятся к римскому периоду.

Изучение истории Западного Причерноморья в античную эпоху свидетельствует об его тесных связях с метрополией, с другими понтийскими городами и в особенности с городами Северного Причерноморья. Поэтому исследование Западного Понта имеет большое значение для древнейшей истории нашей страны.

Т. Блаватская

IV. 17 июня 1947 г. в Государственном педагогическом институте им. Ленина (Москва) состоялась защита кандидатской диссертации С. Г. Тер-Исраеляна на тему «Парфянский поход Антония и борьба армянского народа за свою независимость».

Автор диссертации ставил своей задачей изучение римской политики на Востоке в 30-х гг. до н. э., уделяя особенное внимание освободительной борьбе Армении с Римом. Он показывает, что проблема парфянского похода стояла перед Римом, начиная с 50-х гг. до н. э. и все мероприятия Антония сводились к военно-политической подготовке этого похода.

Победа Антония при Гиндаре в 38 и 37 гг. до н. э. заставила армян, иберов и албанов заключить союз с Римом против Парфии. Этот союз диссертант определяет как вынужденный, навязанный силой римского оружия.

Анализируя события похода Антония в Парфию в 36 г., автор считает неверным утверждение ряда буржуазных историков—Буше-Леклерка, Ферреро, Кромайера,—будто уход царя Артавазда из Мидии сыграл решающую роль в неудаче римлян. Подробно показывая особенность парфянской тактики, приведшей к тому, что римляне оказались в очень тяжелых условиях, диссертант утверждает, что именно римляне начали переговоры о мире.

По-новому рассматривается вопрос об отступлении римлян, которому римские авторы и романофильски настроенные историки придавали героический характер. Только недолгое преследование римлян парфянами и помощь царя Артавазда спасли Антония от потери войска. В результате провала парфянского похода проблема Армении стала первостепенной для Антония. События в Армении в 35—34 гг. до н. э. нельзя рассматривать в отрыве от новой восточной политики Антония. Следует критически отнестись к сообщениям историков эпохи Августа, тенденциозно излагавших отношения Антония с Арменией. Поворот Армении к антиримской ориентации был вызван растущей агрессией римлян. Потерпев неудачу в дипломатических переговорах, Антоний вторгся в Армению и обманным путем захватил в плен царя. Это вызвало мощный взрыв антиримского движения по всей стране, во главе которого стал молодой царь Арташес II, поддерживаемый Парфией. В последующей войне Антоний покорил Армению, причем римская армия разграбила ценнейшие сокровища армянского народа. С. Г. Тер-Исраелян указывает, что победа Антония была возможна благодаря численному превосходству римской армии, изоляции Армении от ее естественных союзников—Иберии и Албании. Арташес II не смог объединить и возглавить все антиримские силы в стране.

Диссертант подверг тщательному анализу политику Октавиана в армянском вопросе. Сочувствие Октавиана судьбе Артавазда было только лишь ловким политическим ходом в борьбе с Антонием.

Борьба Армении за независимость стала особенно успешной после неудач Антония на Западе. Восстановленное царство Армении становится ведущей силой на Востоке. По мнению автора, этому способствовало внутреннее единство армянского народа, неспособность Парфии соперничать с Арменией и сосредоточение внимания Рима на его северных границах.

Т. Б.

V. 11 июня на заседании Ученого совета Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась защита диссертации на соискание степени кандидата исторических наук И. С. Кацнельсона на тему «Проблемы возникновения государства в Древней Нубии».

Диссертация ставит основной своей задачей разрешение вопросов, связанных с возникновением Нубийского государства и с определением закономерности его развития. С этой целью были собраны и исследованы египетские, египетско-нубийские, ассирийские, иудейские и античные источники, а также археологические памятники, разбору которых посвящены первые три главы работы. Автор показывает, что буржуазные историки не создали полноценной истории Нубии, объясняющей законы ее развития. В их интерпретации история этой страны представляется цепью отдельных событий, функцией от истории Египта, от которого она находилась в полной культурной и политической зависимости.

В главе, посвященной географии и этнографии Нубии, доказывается, что страна, называемая арабскими писателями Нубией, в основном совпадала с теми пространственными представлениями, какие египтяне, начиная с эпохи Нового царства, связывали со страной Куш, а греки—с нильской Эфиопией. При этом следует учитывать изменения, которым подвергались ее южные и северные границы в конце I тысячелетия

до н. э.—начале I тысячелетия н. э. Название «Нубия» происходит от племени нубатов, а не от древнеегипетского слова «нуб»—золото.

Последние три главы—«Древнейшая Нубия», «Египтяне в Нубии» и «Нубийское государство»—являются основными в диссертации. В них прослеживаются исторические судьбы Эфиопии с древнейших времен до возникновения Напатского царства и определяется закономерность ее развития.

Замедленный рост производительных сил Нубии в конце додинастического периода воспрепятствовал не только ее объединению, но и включению в состав египетского государства. Развитие страны задержали также вторгнувшиеся с юга племена (культура Б), стоявшие на более низком уровне развития, и грабительские походы египтян. По-иному складывались обстоятельства на юге страны, где развитие общественных отношений шло естественным путем и влияние Египта было слабее. Первое объединение Нубии было достигнуто военными успехами фараонов XII и XVIII династий. Система управления, созданная египтянами, их культура и религия оказали решающее воздействие на местное население, в первую очередь на родовую аристократию, которая стала активным проводником чужеземного влияния. Также под воздействием Египта происходит дальнейший распад первобытнообщинных отношений, развиваются ремесла и торговля. Таким образом, Египет ускорил и облегчил создание Напатского государства. Инициатива объединения шла с юга, где сильнее сохранились традиции независимости. Переняв внешние формы египетской деспотии, Эфиопское государство в то же время отличалось от него, приближаясь по своему типу к государственным объединениям, возникшим из союза племен. Здесь сильнее сохранились пережитки военной демократии: избираемость царя войском, ограниченность его юрисдикции и т. д. Сила подобных союзов нередко очень велика. Она позволила Каште, Пианхи и их преемникам завоевать Египет, а затем организовать в течение продолжительного времени успешный отпор Ассирии.

Д. Р.

Кафедра классической филологии Ленинградского государственного университета во 2-м полугодии 1946/47 уч. года

Важнейшими событиями в жизни кафедры за отчетный период были две научные сессии.

В январе происходила традиционная общеуниверситетская научная сессия. По секции филологических наук работала подсекция классической филологии, на которой были заслушаны 4 доклада: проф. О. М. Фрейденберг «Происхождение греческой лирики», проф. И. М. Тронского «Лирика Горация», проф. С. Я. Лурье «Греческая лирика VII—VI вв. и ранняя римская поэзия» и кандидата филологических наук С. В. Поляковой «Метаморфозы в греческом романе». Первые три доклада вызвали оживленную дискуссию по вопросу о происхождении, специфике и значении греческой лирики.

В апреле происходила сессия, посвященная 15-летию существования кафедры (1-я кафедра классической филологии в СССР). Она продолжалась пять дней. В работах сессии принимали участие все основные работники кафедры, аспиранты и студенты классического отделения, представители филологического факультета и многочисленные гости. Было заслушано 14 докладов: проф. О. М. Фрейденберг «15 лет советской классической филологии в Ленинградском университете», доц. Я. М. Боровского «Из прошлого классической филологии в Петербургском университете», аспиранта Гринбаума «Об отношении Ленина к античности», акад. И. И. Толстого «Мотив смерти в мифе о Мелеagre», проф. С. Я. Лурье «К вопросу

о восточных влияниях на греческую лирику», ассистента Б. И. Надэль «Восстановление боспорской надписи IPE, II, 33», проф. О. М. Фрейденберг «Фрагмент 2-й Сафо», студентки Т. Розиной «Стиль Энния», проф. И. М. Тронского «Рукописи римских авторов Гос. публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина», канд. филол. наук Б. А. Галеркиной «Элементы предсказания в монологе греческой трагедии», аспирантки Н. А. Чистяковой «Сравнения у Аполлония Родосского», проф. Б. В. Казанского «Аристотель о началах трагедии», канд. филол. наук Н. В. Вулих «Трагедия Сенеки «Геракл Этейский», канд. филол. наук С. В. Поляковой «Фольклорные элементы в греческом романе».

Окончило работу городское методобъединение преподавателей латинского языка, организованное в этом году при кафедре. Проф. И. М. Тронский читал курс истории латинского языка, а доц. Я. М. Боровский вел занятия по Цицерону. На будущий год запланировано чтение греческого автора.

Классическое отделение в этом году окончило 7 студентов.

Б. И. Надэль

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ОПИСАНИЕ ИБЕРИИ В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА

(XI, 3, 1—6)

Самым ранним из дошедших до нас и единственным детальным описанием Иберии является описание в «Географии» Страбона (XI, 3, 1—6). Ни один из античных авторов, кроме Страбона, не дает описания социальных групп населения Иберии и их образа жизни. Данный отрывок Страбона является поэтому нашим основным источником для суждения о социальной природе древнеиберийского общества: использование его и послужило исходным пунктом как для исследователей, касавшихся этого вопроса в связи с изучением истории войн Митридата Евпатора¹ и социальной истории Азии², так и для исследователей древнейшего периода истории грузинского народа³.

Вопрос об общественной структуре Иберии в эллинистическую эпоху является вопросом чрезвычайно важным и далеко выходит за рамки интересов историков древней Грузии. Он теснейшим образом связан с одной из кардинальных проблем истории эллинизма, с вопросом об общественной структуре народов востока, пришедших в результате завоеваний Александра в соприкосновение с миром рабовладельческих греческих городов, а позже и с Римом. Грузия входит, иначе говоря, в состав так называемой «варварской периферии», которая включалась постепенно в круговорот эллинистическо-римского рабовладельческого мира.

В сложном процессе взаимодействия этих двух миров восточные общества переходили, как в процессе борьбы за свою самостоятельность, так и мирного экономического и культурного общения, к новым, более сложным формам общественного бытия, в то время как основы античного рабовладельческого общества подтачивались и постепенно разлагались.

При скудости имеющихся в нашем распоряжении источников (и литературных, и эпиграфических), с азиатскими обществами, включавшимися в состав эллинистических монархий или входившими с ними в соприкосновение, исследователям часто приходилось оперировать, как с неизвестной величиной.

Иберийское царство эллинистической эпохи представляет тем больший интерес для историков эллинизма, что, согласно имеющимся в нашем распоряжении греческим и римским литературным источникам, древняя Иберия, достаточно удаленная от моря и не входившая в состав ни одной из греко-македонских эллинистических монархий,

¹ Th. Reinach, Mithridate Eupator, roi du Pont, Paris, 1890, стр. 390 и 391.

² M. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, Berlin und Leipzig, 1910, стр. 281—282.

³ И. Джавахов, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, стр. 8 сл.; И. А. Джавахишвили, История грузинского народа. Кн. I, Тифлис, 1928, стр. 154—155 (на груз. яз.); С. Джанашиа, История СССР (макет), ч. I—II, 1939, стр. 328—329; С. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации, Тбилиси, 1937, стр. 18 сл. (на груз. яз.); С. Какабадзе, Вопросы генезиса грузинского государства, Саксторио Моамбе, Тифлис, 1924, I, стр. 9—11 (на груз. яз.); С. Горгадзе, Из истории Грузии. II. Древняя Грузия, I, стр. 43—61. Тифлис, 1908 (на груз. яз.).

до вторжения Помпея в 65 г. до н. э. не приходила в непосредственное соприкосновение с греками и римлянами, а следовательно, общество ее развивалось без непосредственного воздействия на нее эллинистическо-римского мира.

Подробное, и на первый взгляд такое ясное, четкое описание социального строя Иберии у Страбона, естественно, издавна привлекает внимание исследователей.

Предварительным, но одновременно и коренным вопросом при этом оказывается вопрос об источниках Страбона в тех частях его сочинения, которые говорят о Кавказе. Филологическая наука занимается этим около восьмидесяти лет. В основном усилия филологов были направлены на то, чтобы в каждом отдельном случае пытаться выяснить, у какого автора Страбон списал ту или иную фразу: на эту тему написано немало количество и статей и целых диссертаций. Один из новейших авторитетнейших знатоков Страбона, Хонигман, дает следующую пессимистическую оценку результатам этой работы: «можно сказать, что критика источников Страбона в настоящее время переживает, глубокий кризис, так как часто остроумная и во многих частностях успешная работа в течение десятилетий сама себя привела к несостоятельности благодаря преувеличениям и схематизации»¹.

Но если важен вопрос о характере источников Страбона, то не менее важно бывает выяснить, как и в какой связи тот или иной источник Страбоном использован. Относительно интересующего нас текста (Страбон, XI, 3, 1—6) в исторических работах последнего времени, после исследований Арнольда², Неймана³ и примкнувшего к ним в данном вопросе Фабрициуса⁴, стало общепризнанным, что в основе этого текста лежит сочинение Феофана Митиленского. При этом все три названные исследователя, утверждая, что Феофан является главным источником Страбона в его описании стран Кавказа, исходят из того бесспорного факта, что Феофан был спутником Помпея в его восточном походе (Str., XI, 5, 1), был связан с ним узами дружбы (Str., XIII, 2, 3), был награжден правами римского гражданства и явился автором сочинения о деяниях Помпея («scriptor regum suarum», Cicero, pro Archia, 10, 21). Сочинение это было написано им зимой 63/62 г. на зимней квартире в Эфесе, так как Цицерон упоминает о нем уже в речи, произнесенной в 62 г. Страбон цитирует Феофана, определенно ссылаясь на него, шесть раз; из них в связи с Кавказом и Понтом—пять раз, причем один раз (XI, 5, 1) прямо говорится, что Феофан находился вместе с Помпеем в Албании. Все эти обстоятельства делают бесспорным факт использования Страбоном сочинения Феофана для описания внутренних областей Закавказья, в то время как морское побережье Кавказа описано им на основании «Перипла» Артемидора. Этим и исчерпывается в основном положительный результат работы трех названных исследователей.

Другие, столь же важные вопросы о том, что собой представляло сочинение Феофана и каково было отношение к нему Страбона, в каких частях описания Кавказа и как именно оно было использовано Страбоном, никак нельзя считать полностью разрешенными. Мало помогла делу неудачная попытка Арнольда объявить Феофана основным источником для «Истории Митридатových войн» Аппиана и для Плутарховой биографии Помпея⁵. Попытку Арнольда положить Феофана также и в основу Плутарховой биографии Лукуллы вполне основательно уже отверг Фабрициус⁶ на том основании, что Феофан всюду упоминается, как участник только походов Помпея, но не Лукуллы. Однако Фабрициус считает, что Страбон, возможно, отказался от использования соответствующих данных Феофана только потому, что места, где разворачивались эти собы-

¹ RE, IV A, стл. 98

² C. Fr. Arnold, Untersuchungen über Theophanes von Mitylene und Posidonius von Apamea (Jahrb. f. class. Philologie herausg. von Alfr. Fleckeisen, Leipz., 1884).

³ K. J. Neumann, Strabons Landeskunde von Kaukasien, Fleckeisens Jahrb. 1884; Strabons Quellen im elften Buche, 1881.

⁴ W. Fabricius, Theophanes von Mitylene und Quintus Dellius als Quellen der Geographie des Strabon, 1888.

⁵ C. Fr. Arnold, ук. соч., стр. 79 сл.; W. Fabricius, ук. соч., стр. 7.

⁶ W. Fabricius, ук. соч., стр. 5.

тия, были хорошо известны тогдашнему читателю, и что потому он использовал только те части сочинения Феофана, которые обогащали тогдашнюю науку новыми сведениями о ранее неизвестных или мало известных областях: Иберии, Колхиде, Понте.

Основной вывод Неймана, что основным источником, лежащим в основе описания Иберии в третьей главе XI книги и большей части второй главы (побережье ахейцев, зигов и эниохов и Колхида), был Феофан, основан на разборе второй части второй главы и первых пяти параграфов третьей главы Страбона. К сожалению, Нейман, разбирая географическое описание Иберии у Страбона, оставляет совершенно в стороне этнографию, и в частности § 6, наиболее оригинальный и интересный; между тем, именно этот параграф дает особенно ценный материал для изучения социального строя иберов. Нейман не останавливает своего внимания ни на характеристике самого Феофана как писателя, отмечая лишь его склонность к вопросам «специально географическим», ни на анализе языка и терминологии отрывка и, в частности, § 6, наиболее показательного.

Фабрициус, отмечая, что главным источником Страбона о странах Кавказа являются историки войн Митридата (XI, 2, 14), относит к этой категории писателей, так же как и Нейман, Феофана. Впрочем, исходя из упоминания о Феофане у Цицерона (Cic., pro Archia 10, 24) как об историке деяний Помпея, он полагает, что несопоставившееся заглавие его труда было не *Μιθριδική*, а скорее *τὰ περὶ Πομπηίου*. Это не мешает ему, однако, подозревать заимствования из Феофана в тех случаях, когда Страбон ссылается на авторов истории войн Митридата, и считать, что под таким обозначением Страбон разумеет именно сочинение Феофана.

Исходя из этих общих положений (участие Феофана в походе Помпея против Тиграна и Митридата и написание Феофаном труда о деяниях Помпея), Фабрициус считает доказанным, что, за исключением составленного на основании «Перипла» Артемидора описания Кавказского побережья (XI, 2, 14), остальные главы Страбона, посвященные описанию Кавказа (Колхида, Иберия, Албания, страна амазонок), и не только Кавказа, а и всех почти остальных местностей, через которые проходили Помпей вместе с Феофаном—Киликии, Галатии, Понта, Армении, Каппадокии, Гордиены, написаны на основании опять-таки главным образом Феофана (стр. 9). Основное содержание исследования Фабрициуса состоит в сопоставлении соответствующих отрывков Страбона с отрывками Плутарха, Аппиана и других авторов и отличается произвольностью выводов, являясь по справедливому отзыву Якоби¹ «продуктом чистой фантазии».

Касаясь наиболее важных отрывков Страбона описания Иберии: XI, 3, 3 и 6, Фабрициус не делает никаких попыток разобрать их на фоне этнографических описаний в эллинистической литературе, ни сопоставить с соответствующими описаниями в других частях «Географии» Страбона, а ограничивается сравнением с современным ему самому, Фабрициусу, состоянием грузинского общества конца XIX века и указывает на следы влияния иранской культуры, как «совершенно естественного следствия общения Иберии с более культурными соседями».

Главной причиной, препятствовавшей удачному разрешению вопроса, являлось то обстоятельство, что нельзя осветить частный вопрос—зависимость Страбона от Феофана—до исследования основных вопросов, связанных с сочинением Страбона. Совершенно необходимо сперва исследовать приемы научной работы Страбона, характер его труда и его задачи. С другой стороны, не менее важно решить, что собой представляли те авторы, сочинения которых по тем или иным соображениям ученые находили возможным считать основными источниками отдельных частей сочинения Страбона.

В этом отношении очень ценные положительные результаты были достигнуты исследованиями французского ученого-географа Дюбуа. Дюбуа² замечает, что Страбон

¹ FHG, II^c, № 188, стр. 614—618.

² M. Du Bois, Examen de la Géographie de Strabon, Paris, 1891.

«не без намерения ссылается на те положительные моменты, какими мир обязан римскому народу, благодаря победам его над азиатскими властителями». Дюбуа предполагает также сознание у Страбона политической важности прироста географических знаний (стр. 317 ук. соч.). Страбон, говорит Дюбуа, выражает идею, которая должна была быть близкой его современникам и которая была несомненно правильной, так как столь важные события не могли бы совершиться, если бы не были использованы географические знания. И, обратно, источник прироста этих знаний Страбон относит за счет расширения римских завоеваний на западе, а на востоке—за счет Митридата Евпатора и его полководцев (области у Меотиды и Колхидское побережье) и парфян (Гиркания и Бактриана и жившие к северу от них скифы). Дюбуа подчеркивает хорошие знания Страбона о событиях, связанных с походами Митридата, основанные на связях его семьи с Митридатом, а также и то, что родина Страбона, город Амасия, была весьма подходящим местом для собирания материалов, связанных с походами Митридата в Армению и Колхиду и его полководцев—в Северное Причерноморье (стр. 316). Дюбуа объясняет сухость и суммарность описания Северного Причерноморья у Страбона тем, что Страбон использует в этих главах преимущественно источники близкой ему эпохи, дававшие мало нового; вот почему изложение этих глав так невыгодно отличается от описания жизни обитателей Кавказского побережья—ахейцев, зигов и энихов, а также живших в глубине Закавказья иберов и албан. Из авторов описаний войн Митридата Дюбуа выделяет особо Метродора Скепсийца, упоминающего об амазонках (XI, 5, 1) и об удивительных животных Аравии (XVI, 4, 16).

Говоря о другой группе источников Страбона, об авторах описания парфянских войн (он относит к ним в первую очередь сочинения Аполлодора из Артемиды и спутника Антония в парфянском походе, Деллия), Дюбуа правильно отмечает, что, чем дальше Страбон в своем описании отходит от греко-римских стран, тем все меньше подробных сведений дает он своим читателям. Эту особенность труда Страбона Дюбуа объясняет не небрежностью автора, а стремлением использовать и обобщить в своем сочинении расширение знаний, происшедшее вследствие больших исторических событий, связанных с римскими завоеваниями, с одной стороны, а также стремлением удовлетворить потребности вполне определенного круга читателей—римских практических деятелей, полководцев, политиков и купцов и греческих купцов и ученых—с другой стороны (стр. 321 и 326).

Вопросу об использовании Страбоном Посидония Дюбуа уделяет особое внимание. Посидоний дал Страбону возможность подвергнуть частичной проверке исчисление расстояний в трудах Полибия и Артемидора. Страбон, по мнению Дюбуа, использовал исторический труд Посидония «История после Полибия». В целом Дюбуа считает, что Страбон обязан Посидонию большим количеством математических и физических элементов для своих *prolegomena* и значительным материалом в области описательной географии, исторических экскурсов, а также и тех красочных курьезов, которые смягчают строгость основного текста.

Для нас особенно интересна мысль Дюбуа о возможности включения Посидония в число источников Страбона о Кавказе и областях у Меотиды¹. Однако в источнике, лежащем в основе его главы об иберах и албанах, Дюбуа не считает возможным усматривать Посидония². Отводя Посидонию столь значительное место среди источников Страбона в исторических его экскурсах и этнографических описаниях, Дюбуа полагает, что, при упоминании Страбоном «историков войн Митридата», следует в числе их подразумевать и Посидония на том основании, что последний был другом Помпея. Между тем в описании Албании (XI, 4, 3) Страбон определенно ссылается на информацию

¹ Ук. соч., стр. 320.

² Отказываясь признать Посидония за первоисточник Страбона для описания Иберии и Албании, Дюбуа не излагает своих соображений по этому поводу, а ссылается лишь на свое несогласие с доводами Heeren 'a, работа которого мне недоступна. Недоступна мне и диссертация Мунца (Munz, Zürich, philol. Dissert.), которую цитирует, опровергая ее отрицательно, Хонигман.

участников военного похода (*καὶ τὸν οἱ στρατὸν αὐτοῦ φασιν*), что явно не может относиться к Посидонию.

В трудах современных исследователей истории эллинистического периода в Грузии академика И. А. Джавахишвили и академика С. Н. Джанашиа вопрос об источниках Страбона в описании Иберии не ставился, а М. И. Ростовцев, подвергший тщательнейшему изучению эллинистическую литературную традицию о Северном Причерноморье, относительно описания Иберии и Албании, в своем критическом обзоре источников о Скифии и Боспоре, изданном в 1925 г., основывается на выводах германских филологов 80-х годов прошлого столетия¹. Равным образом, и в дальнейших своих трудах, насколько мне известно, он не нашел нужным подвергнуть старые свои выводы пересмотру, несмотря на данную им высокую оценку исследованию Дюбуа².

Якоби считает сочинение Феофана о деяниях Помпея тенденциозно задуманным произведением, предпринятым с практической целью, а не «величайшим историческим творением»³, как это думали предшествующие исследователи, в том числе и Эдуард Мейер⁴. Произведение Феофана не есть ученый труд с многочисленными цитатами, из которых Страбон мог бы заимствовать свои сведения по археологии Армении. С другой стороны, однако, книга Феофана принадлежала к числу первоисточников по истории похода Помпея на восток и должна была давать, вероятно, много интересного по географии и этнографии ранее мало изведанных, а то и совсем неведомых римлянам стран.

К мысли Неймана, что Феофан является главным источником для стран Кавказа у Страбона, а также ко всему предложенному Фабрициусом сопоставлению фрагментов, Якоби относится весьма скептически и считает, что Страбон не мог иметь особого доверия к Феофану и заимствовал у него только отдельные замечания. Впрочем, Якоби допускает достаточно широкое использование Феофана в описании Иберии и Албании (особенно XI, 4, 3, где имеется прямая ссылка на участника похода, а также упоминание о посещении Феофаном земли албанов в XI, 5, 1).

Относительно II, 5, 12: «нынешние писатели в особенности могли бы кое в чем лучше рассказать... о народах Кавказа, как-то об албанах и иберах», а также XI, 2, 14: «писатели митридатových войн, заслуживающие самого большого внимания», Якоби считает, что усматривать здесь ссылки на Феофана нельзя.

Хонигман в своей обширной статье о Страбоне⁵ подвергает критике установившийся взгляд, впервые высказанный Нейманом, будто в основе изложения Страбона о Кавказе лежит сочинение Феофана, Посидоний же им использован не был. Этот старый взгляд базируется на упреке Страбона Посидонию за неправильное исчисление расстояния от океана до Меотиды⁶. Правда, довод этот Хонигман считает недостаточно убедительным, так как указанная цитата имеет в виду сочинение Посидония «Об океане», изданное около 90 г. до н. э., между тем как в описании Иберии могла бы речь идти об использовании им «Истории после Полибия», изданной около 80 г. до н. э., или специального исторического труда о походах Помпея. Между тем в своих первых двух сочинениях Посидоний не мог еще писать об обстоятельствах похода Помпея и «это порицание (Посидония.—А. Б.) и полемика против автора «Об океане» не говорят еще о том, что Страбон не использовал Историю походов Помпея, ...если он действительно, как утверждает Страбон, написал сочинение о походах Помпея».

Поэтому исключение Нейманом Посидония из числа источников Страбона о Кавказе Хонигман считает произвольным и «возможность использования Страбоном

¹ Скифия и Боспор, стр. 9 и стр. 143.

² М. И. Ростовцев, Страбон, как источник для истории Боспора. Сборник статей в честь В. П. Бузескула, стр. 366, прим.

³ FHG, IIC, № 188, стр. 614.

⁴ Ed. Meyer, *Caesars Monarchie*, 613.

⁵ RE, IV A.

⁶ XI, 1, 5. Там же и прямая полемика против Посидония (XI, 1, 6).

Посидония (как историка похода Помпея) и в этом отношении, а в особенности для военных походов Помпея, не должна быть спорной».

Весьма основательно Хонигман оспаривает возможность использования Страбоном сочинения Посидония о походах Помпея прежде всего потому, что он ставит под сомнение самый факт существования такого сочинения, ибо оно нигде, кроме одного места у Страбона (XI, 1,6), не упоминается. Кроме того, заключительные слова § 6: «к этому он прибавлял, что написал он также историю и о нем», ряд исследователей (Wachsmuth, Einl., 651,4; Jacoby, FHG, IIC, 157), к которым присоединяется и Хонигман, считает позднейшей вставкой.

Что касается других авторов, которых Страбон мог использовать в своем описании внутренних областей Закавказья, то Хонигман подвергает краткому рассмотрению еще две группы писателей,—это авторы истории Митридатových и парфянских войн.

Тут он прежде всего разбирает вопрос о возможности использования Страбоном сочинения знаменитого «ненавистника римлян», скепсийца Метродора. Здесь следует иметь в виду, что Метродор погиб в 70 г. и, следовательно, его информация о Кавказе относится ко времени до кавказского похода Помпея. Страбон цитирует его только дважды (если не считать отрывка, посвященного биографическим сведениям (XIII, 1, 55). Это XI, 5, 1—локализация места обитания амазонок и XVI, 4, 16—об удивительных животных Аравии—цитата из раннего его сочинения «Об обычаях».

Хонигман вообще сильно сомневается в непосредственном использовании Метродора Страбоном и полагает, что вряд ли Страбон имел и его в виду в числе авторов Истории Митридатových войн. В XI, 5, 1 Страбон цитирует его наряду с Гипсикратом из Амиса и, возможно, использовал его как раз через посредство Гипсикрата.

Что касается авторов Истории парфянских войн, под которыми следует разуметь Аполлодора из Артемиды и Квинта Деллия, участника похода Антония, то их использование Страбоном Хонигман не подвергает сомнению, но не высказывает никакого предположения о возможности участия их в информации Страбона об Иберии.

Вопрос об источниках Страбона в описании Иберии обсуждает также и Якоби в своих комментариях к отрывкам Феофана, Метродора, Посидония и Гипсикрата. Якоби отмечает, что Гипсикрат, цитированный вместе с Метродором в XI, 5, 1, является скорее историком эпохи Цезаря—Августа, чем местным историком города Амиса или автором «Понтики». Он был по всей вероятности на службе у Цезаря, восстановившего в 47 г. свободу амисенцев. Упоминание о нем в связи с локализацией амазонок объясняется, повидимому, тем, что Фемискира, древнее предполагаемое мифами место обитания амазонок, во времена Страбона принадлежала амисенцам. Экскурсы Гипсикрата о Кавказе связаны, повидимому, с пребыванием Фарнака в Амисе зимой 48/47 г., распространением территории Боспорского царства в пределы Азии и походом Митридата Пергамского против Асандра.

Якоби вместе с Хонигманом считает возможным допустить, что, упоминая Метродора (XI, 5, 1), Страбон имеет в виду его сочинение о Тигране, написанное им во время пребывания его при дворе Тиграна, не представляющее углубленного научного труда и использованное затем Гипсикратом (FHG, IIC, № 190, стр. 619).

Таким образом, относительно источников Страбона о внутренних областях Кавказа вопрос может стоять о двух авторах: о Феофане Митиленском и о Посидонии. Исследователи XIX в. Арнольд, Нейман и Фабрициус совершенно не ставили в этой связи вопроса о Посидонии, относив в своих историко-географических этюдах все описание Иберии к Феофану. К ним, как мы видели, примкнул и Ростовцев, не подвергавший, впрочем, анализу текст Страбона. Однако после опубликования исследования Дюбуа вопрос о заимствовании Страбоном из Посидония ставился неоднократно, но почти никто не посвятил анализу III главы XI книги специального этюда.

Страбон в своем сочинении упоминает Иберию неоднократно и в равной связи, и упоминает при этом часто и о своих источниках, иногда никакого отношения не имеющих к кругу авторов, повествовавших о войнах Митридата и походе Помпея. Так,

в I, 3, 21, говоря о переменах, вызванных переселениями, Страбон упоминает об иберах, переселившихся с Пиренейского полуострова, локализуя место их обитания «в местах выше Понта и Колхиды». При определении границы между их областью и Арменией он называет реку Аракс, ссылаясь на Аполлодора. В силу этого Аполлодора также следует отнести к числу авторов, из сочинения которых он черпал свои сведения об Иберии. Возникает вопрос, какого Аполлодора Страбон в данном случае имел в виду. В своей «Географии» Страбон использовал сочинения двух Аполлодоров: афинянина—грамматика, автора сочинения «О каталоге кораблей», и Аполлодора из Артемиды, автора истории парфянских войн.

Нейман вместе с Низе¹ считает, что здесь разумеется автор сочинения «О каталоге кораблей», потому что Страбон уже в I, 2, 24 ясно сослался на его труд, а на Аполлодора из Артемиды он еще ни разу не сослался. Но указание на сочинение «О каталоге кораблей», может быть, объясняется точностью ссылки, указанием, какую книгу данного сочинения имел Страбон в виду. Категоричность суждения Неймана не вполне убедительна. Якоби не нашел возможным включить I, 3, 21 в число отрывков автора «О каталоге кораблей», относя тем самым данный отрывок к Аполлодору из Артемиды. В этой связи интересен другой отрывок Страбона II, 5, 12: «Нынешние писатели могли бы кое в чем лучше рассказать... о народах Кавказа, как-то об албанах и иберах. Сообщается нам (о них) и авторами истории парфянских войн, из числа последователей Аполлодора Артемидского, по сравнению с которыми те (т. е. нынешние писатели) больше, чем они, установили относительно Гиркании и Бактрианы».

Внимание Страбона к авторам «Истории парфянских войн» и прежде всего к Аполлодору из Артемиды, писавшему о Гиркании и Бактриане, и упоминание о них Страбоном в непосредственной связи с племенами, жившими в соседстве с обитавшими в Закавказье иберами и албанами, дает полное основание предполагать, что от них же он черпал сведения и об иберах и албанах, столь тесно связанных географически и культурно-исторически с народами Ирана эллинистической эпохи.

Хонигман² весьма убедительно обосновывает ту мысль, что обширные экскурсы Страбона в мифологическую историю о происхождении, этническом родстве и о физическом сходстве народов восходят к книге Посидония «Об океане». Яркий образец такого использования этой книги с ссылкой на ее автора представляет I, 2, 34, о взаимном родстве арменов, сирийцев и арабов: текст Страбона дает здесь цитату из сочинения «Об океане». Далее, и I, 3, 21 о переменах, вызванных переселениями, Хонигман также склонен возводить к Посидонию (за исключением неправильного сведения о границе по Араксу, приводимого Аполлодором) с оговоркой, что Посидоний свои любимые теории, очевидно, перенес из этого сочинения в свою «Историю», чем и следует объяснить частую близость Страбона именно к ней.

В общем описании Кавказа, расположении кавказских гор, составляющих границы расселения племен, Страбон прямо ссылается на Эратосфена (XI, 2, 15). В описании Кавказского побережья и размещении племен, его населявших, использован у него Артемидор (XI, 2, 14). Однако, как отметил еще Дюбуа (стр. 320), трудно согласиться с предположением Неймана³, что наличие исчисления расстояний, похожих на исчисления Артемидора, дает основание считать «Перипл» Артемидора руководящим источником Страбона по этому вопросу. Предположению Неймана противоречит еще и то обстоятельство, что в § 12 порядок расселения племен за Синдикой и Горгиппией (ахейцы, зиги, эниохи) повторен в § 13 в обратном направлении, т. е. с юго-востока на северо-запад—по пути отступления Митридата Евпатора, о котором здесь как раз упоминается (эниохи, зиги, ахейцы); а в следующем § 14 прямо говорится о предпочтении информации историков войн Митридата в этом вопросе перед Артемидором. Под

¹ Niese, Straboniana, Rhein. Mus., XXXII, стр. 304.

² Ук. соч., стр. 111.

³ Strabons Quellen im elften Buche, стр. 10.

«авторами истории Митридатовых войн» (οἱ τὰ Μιτρίδατιχὰ συγγραφεύς) ни в коем случае не следует разуметь Метродора, что доказывается описанием бегства Митридата, когда Метродора уже не было в живых; скорее мы вправе думать здесь об историке похода Помпея—Феофане. Красочное описание разбойничьего образа жизни ахейцев, зигов и энихов вместе с мифографической справкой об их происхождении заимствовано Страбоном, повидимому, не из историков Митридатовых войн, но и не из Артемидора, а по всей вероятности из Посидония. На основании сведений, почерпнутых Страбоном из своих семейных традиций, и лично ему известного, современного ему положения вещей пишет он в XI, 2, 18, упоминая о своем родственнике Моаферне—правителе Колхиды, и в XI, 2, 12—о небрежном отношении римских правителей к задачам защиты морского побережья от пиратов.

Что же касается упоминания о святилище Левкофеи и о разграблении его сначала Фарнаком, а позже Митридатом Пергамским (XI, 2, 17), то Якоби относит эти сведения к Гипсикрату (FHG, IIC, № 190, стр. 619).

На основании Эратосфена, Артемидора, историков войн Митридата и лично собранной им современной ему информации Страбоном составлена вторая глава XI книги §§ 12 по 19.

Сведения Страбона о власти иберов над святилищем Левкофеи совместно с колхами и армянами и о городе Идеесе в пограничной с Колхидой местности восходят, по всей вероятности, к Гипсикрату, так как и то и другое связывается с походом Фрикса. Что упоминание иберов и Иберии во второй главе XI книги взято не из того источника, или источников, к которым относится третья глава XI книги, видно из того, что в третьей главе ни о святилище Левкофеи, ни об Идеесе не упоминается. Заключением главы второй является переход к описанию иберов и албанов, которому специально посвящены главы третья и четвертая XI книги.

Переходим к описанию Иберии в XI, 3, 1—6. Первый параграф ее является логическим продолжением § 19 предыдущей главы: «племя албан и иберов, которые главным образом заполняют названный перешеек (и они могли бы быть названы кавказскими; ср. XI, 2, 16), владеют страной богатой и могущей быть очень хорошо заселенной». Далее в XI, 3, 1: «И в самом деле Иберия хорошо заселена в большинстве случаев городами и поселениями, так что там есть и черепичные кровли и согласное с правилами зодчества устройство жилищ, и рынки и другие общественные здания». Все это подтверждает последнюю фразу предыдущей главы, в которой сказано, что население, его плотность, высокий уровень развития и благосостояние соответствуют богатым природным условиям страны.

Второй параграф дает характеристику рельефа местности и перечисление протекающих по ней рек: «Страна обнимается кругом кавказскими горами, ибо к югу выступают, как я уже сказал (ср. XI, 2, 15), плодородные склоны, охватывающие всю Иберию и простирающиеся до Армении и Колхиды. В середине находится равнина, орошаемая реками и среди них величайшей Киром, который, взяв начало в Армении и вступая тотчас же в названную равнину, принимает в себя и Араг, текущий с Кавказа, и другие воды, и вступает через узкую речную долину в Албанию. Многоводный, пронесаясь между Албанией и Арменией по богатым пастбищам и равнинам и принимая в себя и другие многочисленные реки, в том числе Алазаний, Сандован, Ритак и Хан, сплошь судоходные, впадает он в Каспийское море». Заканчивается параграф исторической справкой: «а ранее он назывался Кором».

§ 3 посвящен населению Иберии: «Равнину населяют те из иберов, которые усерднее занимаются земледелием, склонны к миру и имеют армянское и мидийское снаряжение. Горную же часть населяют более многочисленные и воинственные племена, живущие по обычаям скифов и сарматов, которым они и соседи и родичи; занимаются они, впрочем, и земледелием и в случаях тревоги собирают много десятков тысяч войска, как из собственной своей среды, так и из числа равнинных».

§§ 4 и 5 посвящены описанию подступов («входов») в Иберию, причем § 4 описывает вход со стороны Колхиды, а далее идет описание входа в Колхиду и долину реки Фасида

§ 4: «Существуют четыре входа в эту страну. Один через Сарапаны, Колхскую крепость и примыкающие к ней ущелья, через которые Фасид, сделавшийся вследствие своей извилистости доступным для переправы с помощью ста двадцати мостов, быстрый и бурный, вступает в Колхиду, бороздя эти местности во время дождей множеством потоков. Он берет начало в вышележащих горах, пополняясь многочисленными ручьями, а на равнинах принимает и другие реки, и в их числе реки Главк и Гипп. Сделавшись полноводным и судоходным, он впадает в Понт. На нем расположен одноименный с ним город и имеется близ него озеро. Таков вход из Колхиды в Иберию, замыкаемый скалами, укреплениями и реками, образующими овраги».

§ 5 описывает три остальных входа—через Дарьял (со стороны северных кочевников), из Албании и из Армении, с указанием, кто из римских полководцев последним входом пользовался. «Из области северных кочевников—трудный трехдневный подъем, а за ним узкое речное ущелье по реке Арагу, составляющее четыре дня пути для одного. Предел пути охраняет непреодолимая стена. От Албании—вход вначале высеченный в скалах, затем через болото, которое образует река Алазаний, нистекающая с Кавказа».

От Армении—ущелья у Кира и у Арага. До слияния их друг с другом находятся близ них города, укрепленные на скалах и отстоящие друг от друга примерно на шестнадцать стадий, у Кира—Армовика, а у другой реки—Севсамора. Этими входами воспользовался сначала Помпей, вторгнувшийся из Армении, а после него Канидий».

Таково содержание первых пяти параграфов третьей главы одиннадцатой книги. При ознакомлении с этим текстом обращает на себя внимание впечатление их единства и цельности, отмеченное еще Нейманом¹, и, кроме того, сжатость описания, дающего лишь общую картину:

Разбирая приведенные здесь параграфы 1—5, Нейман полагает, что описание Фасида в § 4 взято из описания похода Помпея, данного в сочинении Феофана, и отмечает идентичность этого описания с содержащимся в предыдущей главе: действительно, там! упоминается на реке Фасиде «одноименный город» (ὁμώνυμος πόλις), а из многочисленных рек Колхиды в XI, 2, 17 и XI, 3, 4 упомянуты только Главк и Гипп; упомянута, кроме того, и крепость Сарапаны. Что же касается ошибочного указания на истоки Фасида в Армении, то принятие притока Риона—Квирилы, на которой расположены Сарапаны, за верхнее течение Риона мы встречаем не только у Страбона, но и у других авторов. Происхождение этого заблуждения, укоренившегося в античной литературе, восходит, повидимому, к эпохе Митридата Евпатора и походов Помпея. Однако, как мы видим, вся вторая глава XI книги изложена Страбоном на основании нескольких разновременных и различных по характеру источников и потому в ней отсутствует стройный порядок изложения.

Единство и стройность изложения параграфов 1—5 третьей главы, по мнению Неймана, доказывают заимствование из одного источника, положенного в основу описания, и источник этот—книга участника и историка похода Помпея—Феофана. Заимствования из Эратосфена в § 2 (προπετῶν καὶ γὰρ ὥς εἰπον х. т. 1.) не нарушают общей стройности композиции. Упоминание о Канидии (§ 5) Нейман не относит за счет широкого заимствования сведений об Иберии из историков войны Антония, а объясняет попутно сделанным замечанием самого Страбона. Говоря о четырех входах в Иберию, описанных Страбоном, Нейман напоминает, что Помпей воспользовался двумя из них: южным—из Армении и западным из Колхиды. Вход из Албании им использован не был, так как Помпей проникал в Албанию не из Иберии, а по обходной дороге, через Армению. Проход из Иберии в Албанию был использован Канидием, вторгнувшимся в Албанию вместе с иберийским царем Фарнабазом. Северный проход не был использован ни Помпеем, ни Канидием, и сведения о нем основаны не на автоп-

¹ Strabons Landeskunde von Kaukasien, стр. 344.

сии ученых спутников римских полководцев, а на основании расспросов у местных жителей. Эти расспросы Нейман склонен приписывать Феофану, характеризуя последнего как человека с научными и специально-географическими интересами. Феофану Нейман приписывает и расспросы об албанском проходе, равно как и описание Албании, ибо Страбон (XI, 5, 1) прямо говорит о посещении Феофаном Албании вместе с Помпеем. Замечание Неймана, указывающего, что некоторые особенности этого описания говорят об остром взгляде стратега и его оценке географических особенностей местности с точки зрения стратегической, очень тонко и, думается, правильно. К числу таких особенностей надо отнести прежде всего входы в страну (§§ 4 и 5), описанные с чисто военной точки зрения, весь деловой тон описания, краткий § 1 с общим замечанием о заселении страны и об ее высоком социально-экономическом уровне и § 2, дающий описание рек, сопровождающееся интересным замечанием о судоходности притоков Кира. В этом же тоне выдержан и § 3, содержащий сведения об образе жизни, нравах горцев и жителей равнины, о численности тех и других и о воинственности иберов-горцев.

Заслуживает внимания самый порядок описания: сначала передается общее впечатление от богатой, густо заселенной страны с цветущими городами; затем следует общий очерк ее рельефа и рек, далее идут общие сведения о жителях и о двояком укладе их жизни, а под конец даются описания входов, ведущих в страну, начиная с западного, с описанием долины Фасида, и кончая южным, через который вторгся Помпей.

Хотя описание входов и начинается с западного, однако совершенно ясно, что автор описания, послуживший источником Страбона, начинал свое описание страны не с западного входа, а с южного. Это с очевидностью следует уже из одного того, что переданное в § 1 общее впечатление о густо населенной стране с городами, хорошими зданиями и характерными черепичными кровлями дает нам ту самую общую картину, какая открывается и сейчас перед глазами путешественника, вступающего через ущелье Куры в долину немного ниже места слияния Куры с Арагвой (соврем. Накулбакеви). Глазам нашим тут при самом входе в страну открывается вид на города с мощными стенами, зданиями из местного тесаного камня, покрытыми яркочерными черепичными кровлями. Именно эта картина должна была первым долгом возникнуть перед глазами Помпея при вторжении его со стороны Армении. Дальнейшее краткое описание гор, равнин, рек, жителей, краткое, но достаточно красочное, дается путешественником, сравнительно быстро прошедшим через страну вверх по долине Куры через Сурамский перевал, современную Шорапань, ущелье Квирилы (приток Риона—Фасида, принятый автором описания за самый Фасид) и, наконец, по открытой широкой, постепенно спускающейся к морю долине ставшего многоводным и спокойным Риона, с его притоками, к стоящему у его устья городу Фасиду, к югу от которого видно озеро.

Описание Колхиды было дано в предыдущей, второй главе XI книги. Тем не менее Страбон теперь снова возвращается к долине Фасида и дает ее краткое и яркое описание, следуя сверху вниз по его течению. Это обстоятельство достаточно ясно говорит за то, что, приступая к 3 главе, Страбон начинает излагать новый отрывок, взятый им из какого-то нового источника, им еще не использованного или лишь частично эксцерпированного в предыдущей главе. Это вообще соответствует манере Страбона: «почти во всей своей книге,—правильно говорит М. И. Ростовцев,—Страбон не перерабатывает своего материала, а его эксцерпирует, или, лучше сказать, сокращает, причем механически соединяет выдержки из источников разных категорий»¹.

Автор, сочинение которого лежит в основе данного отрывка Страбона (XI, 3, 1—5), вступив в Иберию с юга, через ее главный политический центр, прошел долину Куры, Сурамский перевал, долину Риона и достиг города Фасида. Об этом ясно говорит весь § 4. И хотя автор описывает, по ходу своего изложения, вход из Колхиды в Иберию,

¹ Страбон, как источник для истории Боспора, стр. 370, прим.

однако фактически он дает описание входа из Иберии в Колхиду через Сарапаны и пути по долине Фасида к его устью. В заключение он как бы бросает взгляд на пройденный путь и отмечает трудность доступа в Иберию с запада: «таков путь из Колхиды в Иберию, замкнутый скалами, укреплениями и реками, образующими овраги». Что же касается двух других входов со стороны северных кочевников и со стороны Албании, то характер их описания опять-таки не говорит о том, что оно было сделано автором, послужившим источником Страбона, на основании автопсии, а скорее указывает на работу, проделанную этим автором на основании информации, полученной им путем расспросов.

Все перечисленные особенности описания (за исключением последнего замечания о Помпее и Канидии, которое следует приписать самому Страбону) говорят за то, что: 1) речь идет, как отметил это уже Нейман, о едином источнике, 2) автор, сочинение которого послужило здесь Страбону источником, вступал в Иберию со стороны Армоики и Севсаморы, 3) следовал он через Иберию и Колхиду, 4) изложил свои впечатления на основании автопсии, 5) восприятие его говорит об остром и наблюдательном взгляде стратега, во всяком случае наблюдательного человека, бывшего участником военного похода.

Все это, как нельзя лучше, подтверждает установившийся в науке взгляд, что в данном отрывке Страбон излагает именно Феофана.

Обратимся теперь к последнему, шестому, параграфу третьей главы XI книги. Начало его служит, по мысли Страбона, связью с предшествующим описанием входов в страну: «Имеется четыре входа в страну»—«И четыре рода людей населяют страну. Первый из них, самый важный, это тот, из которого они ставят (καθίστᾶσι) своих царей—одного старшего и по происхождению, и по возрасту, и другого, который творит суд и предводительствует в походах. Второй род—это род жрецов, пекущийся и о правовых сношениях с соседями. Третий—это род воинов и земледельцев. А четвертый—это народ: люди, входящие в его состав, являются царскими рабами, и все жизненные средства доставляются ими. Имущество у них общее по родам, управление и заведывание хозяйством каждого из которых принадлежит старейшему по годам».

Первое, что обращает на себя внимание при внимательном чтении третьей главы XI книги, это: 1) отсутствие логической, внутренней связи шестого параграфа с пятью предыдущими и 2) оригинальность приема описания социальной структуры иберов.

Как нами было уже указано, первые пять параграфов дают единую, цельную, хотя и суммарную, но вполне законченную географическую картину, включающую и краткую этнографическую характеристику, предшествующую описанию входов в страну. Описание социальной структуры, данное в § 6, является как бы привеском и настолько притом неожиданным, что по ходу изложения сперва даже не совсем ясно, о каких же иберах в данном случае идет речь: о жителях ли равнины, о населении ли горной полосы или же об обитателях страны во всей их совокупности. Нигде в обширном сочинении Страбона мы не находим описаний социального строя народов упоминаемых им стран, если не считать описания Индии (XV, 39—49) и отчасти «Счастливой» Аравии (XVII, 4, 25).

На всем этом отрывке (XI, 3, 6) лежит отпечаток схемы, штампа, типичного для утопистов эллинистической эпохи. Основой описания является механическое деление общества на четыре социальные категории, обозначенные Страбоном словом «роды»—γένη

Слово γένος имеет широкое значение. Впервые обозначение этим термином общественной группы или людей определенной профессии мы встречаем у Платона в его рассуждениях об идеальном государстве: «род философов», «род жрецов», «род ремесленников», «род пастухов и стражей», «род земледельцев» и т. д. (Plat., Rep., 501E). Встречается, впрочем, вместо слова γένος и другой термин ἔθνος «племя», употребляемый Платоном в том же значении (ср. напр. Crit. 110C.). От Платона «потребление слова γένος в том же значении общественной категории перешло к Аристотелю τὸ τῶν γένων γένος, τὸ γῶργόν, τὸ βάλλισον (Pol., 1329^a, 27).

Для обозначения социальных групп, на которые искусственно расчленяются гражд-

дане идеального государства-города, встречаем мы у Аристотеля и другой термин—*μέγας* (Pol., I 267b).

Употребление слова *γένος* в смысле социальной группы впервые встречается у Платона и у Аристотеля, очевидно, в прямой связи с острой в то время проблемой идеального построения общества. Как известно, эти вопросы стали горячо обсуждаться в греческой политической и философской литературе IV в. под давлением условий глубокого экономического кризиса, переживавшегося Элладой после Пелопоннесской войны, обнажившей и углубившей социальные язвы, которые терзали рабовладельческий мир. Идеальные схемы Платона—это область чисто фантастических конструкций, в основе которых лежит идеализация старины, политического строя предков. Аристотель дает теоретическую схему идеального государства, но и Платон и Аристотель оба строят свою схему на чисто греческой, античной основе, т. е. на основе античного рабовладения и конструкции греческого свободного полиса. Схема идеального государства Аристотеля зиждется на эксплуатации труда бесправного населения, не включенного в состав гражданской общины.

В эллинистическую эпоху, начало которой было отмечено широким распространением идей киников и стоиков, возникает новый идеал общества, космополитического, раздается призыв к простой жизни на лоне природы, к созданию нового идеального общества, в котором труд должен быть почитен.

Новые идеалы ищут своего отражения в достаточно тенденциозном изображении патриархального уклада экзотических народов. Походы Александра открыли перед греческим миром новые горизонты, чрезвычайно расширили его географический кругозор, раскрыли широкие просторы экзотического востока с его изумительно щедрой природой, с его совершенно иным укладом жизни, столь не похожей на жизнь греческих городов. Возникает ряд социальных утопий, в основе которых лежит выработанная в литературе IV в. схема общественного деления на «роды» (*γένη*), или «части» (*μέρη*), но в схемы эти вкладывается новое идейное содержание, подготовленное утопическим жанром эллинистической литературы, когда как в изобразительном искусстве, так и в литературе, начинает играть большую роль пейзаж. Пейзаж властно входит в социальную утопию и изображение идеального общества, состоящего из идеально здоровых духом и телом и долговечных людей, помещается на фоне идеализированного пейзажа.

Все эти черты эллинистического утопического жанра находим мы в утопии Евгемера, изображающей счастливых панхейцев (Diod., V, 41—42) с их трехчленным социальным делением на жрецов с примыкающими к ним ремесленниками, земледельцев и воинов вместе с пастухами.

Солнечное государство Ямбула (Diod., II, 55—60), локализуемое в южном океане, также отражает идею свободного и почетного труда, общности имущества, устраняющей язвы общественного и экономического неравенства.

Этими же идеями эллинистического утопизма проникнуто и «солнечное государство» Аристоники (Strabo, XIV, 1, 38).

В дальнейшем, в связи с расширением географического кругозора и развитием как математической, так и описательной географии, выработанные в утопическом жанре приемы описаний заимствуются и авторами исторических и географических сочинений, развивающих и иллюстрирующих их все новыми материалами описаний неведомых ранее эллинам стран. В описания эти вплетались часто и реалистические черты. Они давали изображения вполне реальных стран и народов в связи с возникающими практическими задачами политики и экономики эллинистических государств и заключают в себе для нас иногда ценнейшие материалы, собранные на основании автопсии. Но все они подчинялись, однако, чисто литературному шаблону, более или менее окрашенному идеализирующей тенденцией в духе стоической школы. Наиболее яркими представителями этого направления являются Эфор и Посидоний¹.

¹ См. собрание отрывков Посидония у Якоби, FHG, IA, № 87, стр. 222—317, комментарий, II, стр. 154—220, Ср. также М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 5.

Традиция идеализации народов Востока имеет своих ранних представителей в лице еще Геродота¹, Ктесия² и особенно развивается в эпоху эллинизма в писаниях Евгемера³, Ямбула⁴, Гекатея из Абдеры⁵. Из историков эллинистической эпохи первым отдал дань этому направлению Феопомп⁶. За ним следовали Эфор, с его идеализацией скифов⁷, Аполлодор, Посидоний и писатели позднеэллинистического и римского периодов, в частности и Страбон в ряде отрывков, источниками для которых послужили авторы эллинистической же эпохи—Николай Дамасский⁸, Элий Дионисий⁹, Плиний Старший¹⁰, Мела (III, 7, init.), Юстин (II, 2) и другие. Страбон, широко начитанный в эллинистической литературе, дает несколько примеров механических заимствований из нее искусственной схемы сословного деления общества, существующего на лоне богатой и ласковой природы. Таково описание у него «Счастливой» Аравии (XVII, 4, 25) с ее трехчленным делением общества на воинов, земледельцев и ремесленников. Интересно, что именно эта третья категория общества поставляет здесь правителей и полномочия его присваиваются им по праву возрастного старшинства. С этим патриархальным правом старейшины неразрывно связана у эллинистических утопистов и старинная родовая собственность.

Повторение тех же приемов кастового сословного деления общества и отражение тех же идей находим мы и в описании Индии у Страбона (XI, 1, 39—49), составленном по Мегасфену. М а с с а индийского населения делится на семь «частей» (μέρη), из которых первое и самое почетное место занимают философы, самые малочисленные, второе—земледельцы, чуждые войне и городской жизни; третье—пастухи и «стражи»; четвертое—ремесленники и купцы; пятое—воины; шестое—эфоры; седьмое—советники царя, ведающие судопроизводством и управлением страной. Царь, как видно из объяснения седьмой категории общества, существовал, но «род царей», как специальная категория, не обозначен.

Третий пример описания общества у Страбона, выполненный с помощью сходного приема механического деления по шаблонной схеме—описание Иберии (XI, 3, 6).

Приведенные три описания у Страбона имеют приметы схематизма и утопической идеализации, но содержат в себе и некоторые реалистические черты, позволяющие заметить в описываемых обществах значительные различия. Интересно прежде всего отметить, что Страбон употребляет термин γένος в описании Иберии и «Счастливой» Аравии, как у Платона и Аристотеля, а не μέρος, как в описании Индии (по Мегасфену) и у Евгемера. Впечатление наибольшей искусственности производит описание «Счастливой» Аравии, где четкость социального деления доводится до того, что социальные группы уподобляются «царствам» (βασιλείαι). О существовании царя не упоминается. Подчеркивается там же и общность имущества по родству и роль родового старейшины.

Описание социального строя Иберии содержит расчленение общества на четыре «рода», или социальных слоя, вернее сословия. Для обозначения их употребляется старый платоновский термин γένος. Но в противоположность всем выше упомянутым схемам, высший слой военной аристократии (может быть, даже определенный аристократический или царский род) стоит на первом месте—«род», из которого «ставят царей» по праву старшинства. Подчеркнут родовой принцип наследования

¹ III, 20—23. Посольство Камбиса к эфиопам.

² Справедливость индов; fr. 57,8.

³ Панхейская страна, Diod., V, 41—42.

⁴ Солнечное государство, Diod., II, 55—60.

⁵ Гипербореи и Киммерийский город, FHG, IIIA, № 264, стр. 15—18, fr. 7—14.

⁶ Μερόπης γῆ, Strabo, VII, 3, 6.

⁷ FHG, IIA, № 70, стр. 54—55, 42 и стр. 91, 158—160. Комментарий, IIC, № 70, стр. 51 и 82—83.

⁸ Изображение эфиопов, FHG, IIA, № 90, стр. 385, fr. 103 (m).

⁹ У Евстафия II, XIII, p. 916.

¹⁰ NH, VI, 20.

царской власти. Для историка это может представить большой интерес: отступление от шаблона сделано, несомненно, не даром. Нам думается, оно нам показывает, что в основе управления страной в действительности была в Иберии единойдержавная царская власть. Однако, следуя установившемуся литературному трафарету, историк Страбона, очевидно, не раскрывал функций царя, ограничившись только упоминанием второго по важности после царя лица, принадлежавшего к тому же «роду» или классу (γένος), лица, облеченного полномочиями судьи и главнокомандующего. В факте упоминания этого второго важнейшего в Иберии наряду с царем лица, думается нам, опять-таки отражена безусловно реальная историческая черта, характеризующая фактическое бывшее разделение функций царской власти, отраженное и в эпиграфических памятниках¹.

О втором «роде», роде жрецов, нет у Страбона никаких дополнительных, ближе описывающих их государственные функции, указаний, кроме указания на их обязанности представлять при разборе спорных вопросов при сношениях Иберии с соседними народами. Воины и земледельцы объединены в одну группу также вопреки традициям утопических схем, где воины выделяются обычно в особую касту, не принимающую участия в мирном труде. Здесь снова должна быть отмечена показательная черта, опять-таки отражающая, надо полагать, реальное положение вещей: в тексте Страбона упомянуты свободные общинники—вооруженный народ, этот пережиток военной демократии.

Указание Страбоном на четвертый «род людей», «род царских рабов» заслуживает исключительного внимания, так как ни одна из известных нам утопических схем эллинистической эпохи не упоминает о рабах ни в каком аспекте.

В заключение делается достаточно трафаретная приписка об общности имущества. В сочинениях Платона и Аристотеля и в ранних эллинистических утопиях речь идет об общности имущества для всего государства, или для всей общины; позже в сочинениях, где дается попытка изобразить в идеализированной схеме действительную жизнь народов варварской периферии, речь идет об общности имущества по родам, причем подчеркивается роль родового старейшины².

Схема иберийского общества, уложенная в рамки установившегося в утопической литературе шаблона, в угоду этому шаблону пренебрегает рядом специфических особенностей Иберии, искажая действительность, и тем не менее содержит черты, явно эту действительность отражающие. Так, говорится о носителях царской власти, базирующейся на военной аристократии, и о зависимом населении, полусвободном крестьянстве, о «царских рабах», сидящих на царских землях, но ни слова не упоминается о храмовых поместьях, населенных «священными рабами», хотя фактическое существование их засвидетельствовано нам другим отрывком Страбона, посвященным Албании (XI, 4, 7), и, кроме того, упоминанием о богатом святилище Левкофеи в области мосхов (XI, 2, 17).

Анализ содержания заключительной части XI главы позволяет сделать следующие выводы: 1) Страбон в XI, 3, 6 эксцерпирует отдельный отрывок из источника, отличного от того, какой лежит в основе XI, 3, 1—5, и 2) источник этот давал картину социального строя Иберии, сделанную по шаблону эллинистических утопических схем, но содержащую также и ряд реальных особенностей, не соответствовавших обычному трафарету подобных схем.

Интересна и терминология, какой пользовался источник Страбона.

Необходимо прежде всего напомнить, что этот источник при определении групп населения пользуется восходящим к Платону термином γένος и тут, может быть, мы вправе усматривать специально влияние платоновской философии и платоновской терминологии.

¹ См. мою статью: А. И. Амиранашвили (Болтунова), Иберия и римская экспансия в Азии, ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 164 сл.

² Ср. Str., XI, 3, 6 (Иберия) и XVI, 1, 4 («Счастливая» Аравия).

Далее: царскую власть получает ближайший по родству старший по происхождению (в тексте буквально «по родству») и по возрасту. Для обозначения родства в греческом языке существовало два термина: анхистейя (ἀγχιστεία) и сингенейя (συγγενεία): оба они встречаются и в данном отрывке. Для объяснения права наследования царской власти употреблен второй из них—анхистейя. В греческом языке это слово имеет вполне четко определенное значение: в отличие от термина «сингенейя», обозначающего взаимное родство всех членов рода, слово анхистейя означает специально близкое родство, дававшее право наследования. В таком именно значении мы встречаемся с ним в греческой комедии¹ и у Платона в «Законах»². Но особенно важное значение приобрело это слово в официальном деловом языке греческих судебных ораторов, в частности, в тех речах, которые затрагивали вопрос о наследовании. У греческих ораторов слово это означает родство по линии законного брака³, т. е.: 1) братьев по отцу и их потомков, 2) сестер по отцу и их потомков, 3) братьев отца и их потомков, 4) сестер отца и их потомков, 5) братьев по матери и их потомков и 6) сестер по матери и их потомков—иначе говоря близких родственников и их потомков по линии законного брака⁴. В точном юридическом языке Афин IV века до н. э., и в документах⁵, и у ораторов (Demosth., XLIII 57) оно имеет указываемое нами совершенно ясное, точное, вполне установившееся значение. То же юридическое содержание имеет оно и в языке частно-правовых документов эллинистической эпохи; но в качестве термина для обозначения родства употребляется оно сравнительно редко: в просторечье слово сингенейя как термин родства встречается несравненно чаще.

Второй по старшинству представитель царского рода, великий судья и главный военачальник, выполняет обязанности по линии его судебных функций, определяемых термином «дикайодосия» (δικαιοδοσία). Для эллинистической эпохи этот термин обычный. Во II в. до н. э. он засвидетельствован нам и надписями, служа там нередко термином, обозначающим понятие юрисдикции⁶. Тот же термин находим мы и у Полибия в отрывках, касающихся договоров между греческими государствами (XX, 6, 2; XXII, 4, 2). Знаменитый Метродор Скепсиец, облеченный при дворе Митридата Евпатора высоким званием верховного судьи, назывался «приставленный к дикайодосии». В более позднее время термин «дикайодосия» встречается, например, в биографии Помпея у Плутарха (гл. 10) и в папирусных документах, начиная с конца I в. н. э.⁷. Глагол δικαιοδοτεῖν также употребителен в эллинистическую эпоху и встречается как в надписях, так и в историографии для обозначения исполнения обязанностей управляющего судопроизводством⁸.

Название должностного лица дикайодот (δικαιοδότης), в ведении которого находилось провинциальное судопроизводство, входит в язык документов и соответствующих историографических сочинений не ранее начала н. э. У Страбона оно встречается только там, где он имеет дело с обстановкой римского провинциального управления в Египте. Термин «дикайодот народа» (δικαιοδότης τοῦ ἔθνους) принадлежит специально римской эпохе и употребителен в значении правителя области, правителя провинции.

На обязанности второго сословия, «рода жрецов» помимо их функций, связанных с культом, лежало «попечение» (ἐπιμελεία) о спорных вопросах, касающихся взаимоотношений Иберии с пограничными народами. Слово эпимелет, как название особого должностного лица, восходит еще к терминологии полиса классической эпохи

¹ Ср., напр., Aristoph., Aves, 1660; Ranae, 1385^e, 3.

² Plat., Leg., IX, 871A, 924D.

³ Ср. Demosth., XLIII, 51.

⁴ Ср. Isaai, VIII, 34.

⁵ Ср. CIA, I, 61, строка 21.

⁶ Ср. надпись из Халкиды II в. до н. э., IG, XII, 9, 903, и из Милета, также II в. до н. э., Milet, 3, № 1545.

⁷ BGU, № 226, 11, 99 г. н. э.

⁸ Напр. IGRR, IV, № 400—Надпись из Пергама 40-х—50-х гг. I в. до н. э.

Греции. В эллинистическую эпоху оно чаще употребляется в применении к администрации греческих городов, чем эллинистических царств. Для нас важно отметить, что термин этот принадлежит языку официальных документов.

Чрезвычайно интересен термин «лаой» (λαοί), «народ» или, дословно, «народы», родственный по своей семантике древнерусскому «люди». Старинное, засвидетельствованное еще гомеровским эпосом, слово «ла о с» в классическую эпоху расцвета государства-города мало употребительно: в это время оно вытесняется термином «демос» (δῆμος), покрывающим собою понятие народа. Но под словом «демос» понимались тогда исключительно граждане, население же, не обладавшее в греческих полисах правами гражданства, называлось иначе: метэками, периеками и т. д.

В эллинистическую, однако, эпоху слово ла о й снова прочно входит в жизнь, когда греческие поселенцы начали расселяться на обширных территориях завоеванных Александром стран востока. Тогда под словом ла о й стали подразумевать всех исконных жителей страны, не входивших в состав граждан городов, но обитавших на территориях, принадлежавших городам, или живших на территории царства и в принципе подвластных царю, в качестве его подданных. То были полусвободные арендаторы, платившие оброк натурой, а позже деньгами, своим хозяевам (городам и династам), а то и царю, если они сидели на землях ц а р с к и х поместий, и подати в царскую казну. Положение «народов» (ла о й) в системе эллинистических государств Азии было различным в зависимости от особенностей страны и эпохи. Сейчас нам хотелось бы только отметить, что слово ла о й было вполне определенным техническим термином эллинистической эпохи, и специально эллинистической Азии, главным же образом селевкидской. Употребляя это слово применительно к известной категории населения эллинистической Иберии, источник Страбона в XI, 3, 6 вкладывал в него определенный, ясный его читателю, правовой смысл. Вопрос конечно другой, насколько термин ла о й в том значении, в каком он применялся в эллинистической Азии, действительно отражал истинное положение вещей в Иберии, и насколько, говоря иначе, положение иберийского «народа» (λαοί) можно было отождествлять с положением лаой у Селевкидов, Атталидов, в Вифинии, у гераклеотов и т. д. В данной связи нам важно лишь подчеркнуть, что автор отрывка пользовался обычной терминологией, взятой им из окружавшей его, ему современной среды.

Стремясь яснее раскрыть содержание термина ла о й в применении к эллинистической Иберии, Страбон поясняет своему читателю, что они являлись «царскими рабами». Понятие ла о й не равнозначно, конечно, понятию δοῦλοι—«рабы», в прямом значении этого слова. Пояснение Страбона «царские рабы» (βασιλικοὶ δοῦλοι) надо, разумеется, понимать просто как указание на то, что они зависели от царского рода, т. е. от слоя высшей военной аристократии, от светских владетелей, в отличие, например, от так называемых «священных рабов» (ἱεροὶ δοῦλοι), о которых в данном отрывке речи нет. «Священные рабы» также не были рабами в прямом смысле слова, а были людьми, жившими на храмовой территории и повинными вносить оброк жрецу. Что же касается ла о й Иберии, то они «доставляли все жизненные средства» царскому роду.

Таким образом, терминология, употребленная Страбоном или его источником для раскрытия социального характера и государственно-правовых функций различных общественных групп Иберии, в основном является обычной терминологией официальных документов эллинистической эпохи, в которые автор описания вкладывал привычные для него понятия, типичные для явлений государственной и социальной жизни его эпохи.

В заключение постараемся осветить вопрос о характере самого источника Страбона.

Иберия упоминается в «Географии» Страбона, помимо разобранного выше ее описания (XI, 3, 1—6), многократно и в разной связи. Самым ранним источником о внутренних областях Кавказа, использованным Страбоном, является географический труд Эратосфена, опиравшегося в своих описаниях северных частей известных тогда обла-

стей Азии на Гиппарха, а Каспийского моря—на исследование Патрокла¹, который объехал его по поручению Селевка Никатора в последние годы правления этого царя. К этим источникам, очевидно, восходят и замечания Эратосфена о происхождении древнего наименования Кавказского перешейка от племенного названия каспов (Strabo, XI, 2, 15), общее описание кавказских гор и их отрогов, а вероятно, и указание на отграничение этими горами областей Закавказья, населенных иберами и албанами, от степей Северного Кавказа, населенных сарматами. Было ли Эратосфену известно племенное название иберов и место их обитания в долине среднего течения Куры и по Арагве, на основании отрывков у Страбона XI, 2, 15 и XI, 3, 2 с категорической уверенностью утверждать трудно.

Более детальные сведения об Иберии Страбон почерпнул из сочинений историков парфянских войн, на которых он прямо ссылается (II, 5, 12 и I, 3, 20), в частности на Аполлодора.

Сочинение Аполлодора, написанное в 30-х гг. I в. до н. э., Страбон, как думает большинство исследователей, использовал непосредственно. Интересно отметить, что, ссылаясь на Аполлодора (I, 3, 21), он считает нужным исправить его сведения о границах по реке Араксу, относясь с большим доверием к другим указаниям, сообщая, что границей этой служила Кура, а не Аракс. Вспомним также вдумчивое предположение Хонигмана о том, что в отрывке I, 3, 21 рассуждения о переселениях племен заимствованы Страбоном из сочинения Посидония «Об океане»: на Посидония Страбон ссылается, трактуя вопрос об этническом родстве армян, арабов и сирийцев.

Таким образом, ясно, что первые сведения об иберийском царстве по среднему течению реки Куры проникают в греческую науку не с запада через греческие города восточного и юго-восточного побережья Черного моря, а с юга, т. е., иными словами, через эллинистические научные центры царства Селевкидов. Приток этих сведений должен был усиливаться в прямой зависимости от интереса к Парфии в связи с войнами, которые вели Селевкиды с парфянами во II и I вв. до н. э.

Говоря об историках парфянских войн, Страбон называет специально Аполлодора и умалчивает о Посидонии, по всей вероятности потому, что использованные им сочинения Посидония были написаны последним под другими заглавиями и на другие, более широкие темы. Это, во-первых, «Об океане» и, во-вторых, «Истории».

Изложение событий в историографическом труде знаменитого продолжателя Полибия начинается с 145/4 г. и охватывает события не только в Азии, но также и в Италии, Египте и на Балканском полуострове, почему, естественно, Страбон и не может цитировать Посидония в числе авторов «Парфянских войн». Тем не менее совершенно ясно его использование Страбоном именно при описании Парфии, где он на него определенно и открыто ссылается, как, например, в XI, 3, 9, 1 и XI, 9, 3, и не только в этнографических справках, но также и в некоторых вопросах истории и географии Парфии, противопоставляя его сведения сообщениям Аполлодора².

В связи с интересующим нас вопросом о первоисточниках Страбона в XI, 3, 6, интересно сопоставить разбираемый отрывок с другим, из Страбона же, в котором Страбон говорит о парфянских обычаях (XI, 9, 3): «... так как об обычаях парфян много сказали мы в шестой книге Исторических записок и во второй из книг «После Полибия», то мы это здесь пропустим, дабы не показалось, что мы повторяемся. Скажем только, что, как сообщает о том Посидоний, парфянский сенат распадается на две части, одну из которых составляют сородичи (οἱ συγγενεῖς), а другую—мудрецы и маги, и что цари назначаются из состава обеих».

Отрывок этот привлек к себе внимание исследователей—как доказательство того, что «История» Посидония вообще не была использована Страбоном в его исторических трудах, поскольку он счел необходимым внести в свою «Географию» это дополнение, заимствованное им из Посидония. Но подобное предположение

¹ Strabo, XI, 7, 3 о торговом пути из области Окса в бассейн Понта.

² Напр., традиция, согласно которой Арсак был не скифом, а бактрийцем (XI, 9, 3 и др., FHG, IV, 308—309).

неубедительно, т. к. следы использования «Истории» Посидония в «Географии» Страбона через его собственные исторические труды достаточно ясны. Страбон говорит, что в своих исторических трудах он уже дал развернутое описание парфянских обычаев и что в «Географии» «чтобы не повторяться», он счел нужным обратить внимание лишь на одну деталь, а именно на двойной состав совета у парфян и на способ избрания царей, заимствовав известие об этом у Посидония.

Содержание этого текста интересно сопоставить с описанием у Страбона общественного строя иберов. В приведенном сообщении о парфянах мы имеем только часть описания парфянских обычаев. Полное же их описание, на которое ссылается Страбон, для нас утрачено. Но и из этого сохранившегося до нас, небольшого отрывка уже можно вывести некоторые заключения: 1) Посидоний, помимо чисто бытовых описаний и соображений об этническом происхождении парфян, давал описания их государственных учреждений и законов, пользуясь при этом привычной для него терминологией, характерной для государственно-правовых понятий в жизни эллинистической Азии. 2) Речевой оборот в последней фразе цитированного отрывка ἐξ ὧν ἀμφότεν τοὺς βασιλεῖς καὶ διστάσαντι и стилистически и синтаксически чрезвычайно близок к XI, 3, 6 ἐξ οὗ τοὺς βασιλεῖς καὶ διστάσαντι.

К сожалению, цитата из Посидония слишком кратка, но можно, все же, наметить некоторые выводы. Посидоний, примыкавший в своих философских воззрениях к учению стоиков, находился под сильным влиянием Платона. Родом он был из сирийского города Апаimei, одного из крупнейших центров царства Селевкидов, и, следовательно, политическая обстановка в царстве Селевкидов была для него знакома. Терминология, применявшаяся для характеристики отдельных категорий населения, номенклатура должностных лиц, равно как и термины из области частноправовых отношений, все это было для него привычно. Посидоний был автором исторического труда, в котором большое место отводилось истории сирийско-парфянских войн второй половины II в. до н. э., в связи с чем его внимание привлекали и география, и этнография Парфии, как и общественный и политический ее строй. Кроме того, хорошо известно, что к этнографии Посидоний питал специальный интерес. Известно также, что свои этнографические экскурсы он, соответственно общим тенденциям стоической философии, выдерживал в идеализирующем тоне, придавая в то же время большое значение реалистическим деталям картины.

С полным основанием вправе мы предполагать, что XI, 3, 6 мог быть заимствован Страбоном из Посидония без прямой на него ссылки, непосредственно или через посредство своих собственных исторических сочинений.

Не исключается возможность и того, что некоторые и другие еще материалы, использованные Страбоном во второй главе и в третьем параграфе третьей главы, могут также восходить прямо ли или косвенно к Посидонию, например описание образа жизни ахейцев, зигов и энихов в XI, 2, 12, далее в § 19 второй главы, текст которой дошел до нас поврежденным, конец § 16 и XI, 3, 3 об иберах-горцах, родственных этнически и по образу жизни скифам и сарматам, и об иберах равнинных, близких по своим обычаям к мидянам и армянам. Все это близко этнографическим вкусам Посидония. Заметим, что Теофан ни скифов, ни сарматов на местах их обитания сам никогда не видел.

Поставленный Дябца и обсуждавшийся позднейшими исследователями вопрос об использовании сочинения Посидония Страбоном при описании Иберии станет более ясным, если принять во внимание путь, по которому шло расширение знаний греческих ученых о внутренних областях Кавказа.

Таким образом имеются достаточные основания считать, что описание Иберии в «Географии» Страбона разбивается на две части, в основном базирующихся на двух различных источниках: XI, 3, 1—5 базируется на сочинении Теофана, с использованием Эратосфена, а может быть, косвенно в § 3 и Посидония; что же касается XI, 3, 6, то эта часть отрывка восходит к «Истории» Посидония.

Остается вопрос, к какому же времени относятся те сведения, которые использовал Посидоний для описания общественного строя иберов. Сделанные Страбоном

заимствования относятся к его «Истории после Полибия», оконченной около 80 г. до н. э. и сделаны они из тех глав, где трактовались сиро-парфянские войны. На основании дошедших до нас отрывков из истории Посидония, сохранных главным образом Афинеем, устанавливается, что история Сирии излагалась в главах III—VI (от 145 г. до пленения Деметрия¹ II Никатора парфянами), XII—XVI (вероятно, до смерти Деметрия II в 125 г.), затем, повидимому, в книгах XVII—XXII, XXVIII (Сирия при Антиохе Грипе до воцарения Клеопатры) и, вероятно, также в XXXIV, где изложение доводилось до смерти Антиоха Грипа¹.

Из V книги, повествовавшей об истории Деметрия, сохранился отрывок, относящийся к изображению обычаев парфянского царского двора и рассказывающий о положении «друзей царя» за царской трапезой. Якоби склонен сохранные Страбонем XI, 9, 3 сведения Посидония о парфянском сенате относить к той же книге Посидония. Предположение Якоби кажется правдоподобным, так как описание парфянских обычаев вполне естественно помещать в главах, посвященных большой войне с парфянами, вторжению сирийских войск в пределы парфянской территории, окончившемуся пленением Деметрия. Описание положения «друзей царя» за царской трапезой могло иметь отношение к пребыванию Деметрия в плену, оказавшегося в положении «царских друзей». Весьма возможно, что в этот же раздел было включено и описание прилегающих к Парфии и близких ей по культуре стран, к которым относились Иберия и Армения. В таком случае сведения об Иберии, которыми располагал Посидоний, должны были восходить к концу 40-х, началу 30-х годов II в., т. е. не менее чем за 70 лет до кавказского похода Помпея; и в это время Иберия представляла уже вполне сложившееся царство эллинистического типа с укрепленными городами, развитой торговлей, царской властью и сословным делением.

А. И. Болтунова

ПЕРГАМСКИЙ ДЕКРЕТ 133 года до н. э.

Мало известный в русской историографии Пергамский декрет 133 г.² является одним из наиболее важных документов по истории Пергамского царства. Он относится к самому напряженному периоду пергамской истории, когда вспыхнуло крупнейшее в эллинистическом мире восстание рабов и бедноты под руководством Аристоники и решался вопрос о возможности существования самостоятельного Пергама и установления в нем нового социального строя или же о передаче всего государства под господство Рима.

Пергамское царство находилось тогда в зените своего расцвета в экономическом и культурном отношении, и казна пергамских царей была полна. Это не означало все же прочности международного и внутреннего положения Пергама, как об этом свидетельствуют бурные события, развернувшиеся в Пергаме после смерти последнего царя Аттала III.

Античная литературная традиция почти не дает сведений социального и политического порядка относительно этого последнего периода пергамской истории. Несмотря на то, что около 20 античных авторов затрагивало в своих трудах события, развернувшиеся в связи со смертью последнего Атталида, все же история Пергама в период его царствования осталась темным пятном в их изложении. Литературные источники этого периода весьма скудны, сбивчивы, часто даже противоречивы.

¹ Jacoby, FHG, IIC, № 87, стр. 155—156.

² Inschr. v. Perg., VIII, 249=OGIS, 338=IGRR, IV, 289.

Особо важное значение поэтому приобретают эпиграфические памятники, первое место среди которых занимает хорошо сохранившийся текст Пергамского декрета. Он дает возможность по-новому поставить и частично разрешить ряд исторических проблем, возникающих при изучении последнего периода истории Пергама. На основании данных этого декрета по-иному, чем в литературных свидетельствах древних, можно осветить вопросы о характеристике Аттала III, о подлинности его завещания в пользу Рима, о политической обстановке в Пергаме к моменту смерти Аттала III, о времени начала восстания рабов и бедноты в Пергамском царстве.

Кроме того, подробное перечисление разных категорий жителей в тексте декрета дает возможность установить в некоторой степени социальные группы пергамского населения и указывает различные категории войск, главным образом наемников Пергама.

Приведем текст декрета ¹:

- Ἐπὶ ἱερῶς Μενεστρά[του τοῦ] Ἀπολλοδώρου, | μὴνὸς Εὐμνεσίου ἐννε[ακμίδε] κατή
 ἔδοξεν τῷ [δῆμῳ, γνῶμη στρατηγ[ῶν· ἐπε]ὶ βασιλεὺς Ἀτταλὸς | Φιλομήτωρ καὶ Εὐεργέτης
 5. μεθισ[τάμενος ἐξ ἀν]θρώπων ἀπολέλοιπεν τῇ[μ] πεντή[δεκα] ἡμῶν ἐλευθέρων, | προσορίσας αὐτῇ
 καὶ πολ[ε]ιτικῇ[ν] χώρην ἣν ἔχριν[εν], | δεῖ δὲ ἐπικυρωθῆναι τὴν διαθή[κην] ὑπὸ Ρωμαίων,
 10. [ἀναρχαῖ]όν τέ ἐστιν ἐνεκα τῆς κοινῆς ἀσ[φ]αλείας καὶ τ[ῆ]ς ὑποστά[σεως] γένη
 μετέχσιν τῆς πολιτε[ί]ας διὰ τὸ ἀπισ[σιν] εὖ[ν]οιαν προσενηγέσθαι πρὸς τὸν δῆ[μ]ον·
 ἀγαθῇ[ν] τύχῃ, θεοῖ[σι] χθι τῷ δήμῳ, θεοδόσμ[ου] πολιτείας [τοῖς] ὑπο[γεγραμμέ]νο[ις] τοῖς ἀνα-
 15. φερόμενοις ἐν ταῖς τῶ[ν] παρο[ύ]σων ἀπο[γραφ]αῖς καὶ τῶν στρατιωτῶν τοῖς κα[τα]τοικοῦσιν
 [τῇ] πό[λει] καὶ τῇ χώρῃ, ὁμοίως δὲ καὶ Μικεδό[σι]ν καὶ Μυ[σοῖς] καὶ τοῖς ἀναφερο-
 20. μένοις ἐν τῷ φρουρίῳ καὶ [τῇ] πόλει [τῇ] ἀρχαίᾳ κατοικοῖς καὶ Μισοθυνοῖς
 κα[ὶ]] καὶ παραφυλακίταις καὶ τοῖς ἄλλοις ἐ[πι]κυκλούροις τοῖς κατοικοῦσιν ἢ ἐνε-
 25. κτημένοις ἐν [τῇ] πόλει | ἢ τῇ χώρῃ, ὁμοίως δὲ καὶ γυναιξί[ν] καὶ παισ[ίν]. || εἰς δὲ τοὺς
 παρόικους μεταστῆναι τοὺς ἐκ [τῶν] ἐξελευθέρων καὶ βασιλικούς τοὺς τε ἐν ἡλικί[ᾳ] καὶ
 30. τοὺς νεωτέρους, κατὰ τὰ αὐτὰ δὲ καὶ τὰς γυναικ[ὰς] πλὴν τῶν ἡγορασμένων ἐπὶ τοῦ
 Φιλαδέλφου | καὶ Φιλομήτορος βασιλέων καὶ τῶν ἀνελιγμένων | ἐκ τῶν οὐσιῶν τῶν
 γεγεννημένων βασιλικῶν, κατὰ τὰ[ύ]τ[α] δὲ καὶ τοὺς δημοσίους. ὅσοι [δ]ὲ τῶν κατοικούν[των]
 35. ἢ ὅσοι ἐγλεόπασιν ὑπὸ τὸν καιρὸν τῆς (τελευτῆς) τοῦ βασιλέως | ἢ ἐγλίπωσιν τὴν πόλιν ἢ τὴν
 χώρην, εἶναι αὐτοὺς κα[ὶ] | αὐτὰς ἀτίμους τε καὶ τὰ ἐκατέρων ὑπάρχοντα τῆς | πόλεως.
 τετράδι ἀπὸντος | [ἔδ]οξεν τῷ δήμῳ, γνῶμη στρατηγῶν. ἐπεὶ [ἐν τῷ γε]νομένῳ | ψηφί-
 σματι περ[ὶ] τοῦ δοθῆναι πολιτε[ί]αν τοῖς ἀναφερόμενοις ἐν ταῖς τῶ[μ] παρο[ύ]σων
 35. ἀπογραφαῖς [καὶ] τοῖς λοιποῖς γένεσιν τοῖς δηλούμενοις ἐν τῷ ψηφ[ίσ]ματι καὶ περὶ
 τοῦ μεταστῆναι εἰς τοὺς παρόικους τοὺς [ἐκ] τῶν ἐξελευθέρων καὶ βασιλικούς καὶ
 [δ]ημοσίους |

Вся надпись легко читается, и только одно очень важное место в ней вызы-
 вает сомнения: προσορίσας αὐτῇ καὶ πολ[ε]ι[τ]ικῇ[ν] χώρην ἣν ἔχριν[εν].

Первый издатель этой надписи Френкель восстанавливает эти строки следу-
 ющим образом: προσορίσας αὐτῇ καὶ πολ[ε]ι[τ]ικῇ[ν] χώρην ἣν ἔχριν[εν] (δεῖν ἰσονομῆσθαι). Дит-
 тенбергер предлагает: προσορίσας αὐτῇ καὶ πολ[ε]ι[τ]ικῇ[ν] χώρην ἣν ἔχριν[εν], Канья
 читает: προσορίσας αὐτῇ καὶ πόλ[ε]ι[ς] καὶ χώρην ἣν ἔχριν[εν]. Так же прочел эту строку
 Foucart (La formation de la Province Romaine d'Asie, Paris, 1903) за шесть лет
 до издания Канья.

Френкель считает, что речь идет о какой-то завоеванной Атталом III обла-
 сти, которая должна стать равноправной, что вполне согласуется с данными
 другой им же опубликованной надписи (№ 246) о военном походе этого царя.
 Поправка Френкеля все же мало вероятна, так как необоснованно предполагает
 пропуск резчиком двух слов (δεῖν ἰσονομῆσθαι). Современные исследователи чаще

¹ Текст приводится и в дальнейшем цитируется по OGIS, 338.

склоняются к конъектуре Диттенбергера¹, которая представляется наиболее правильной.

Πολιτικὴ χώρα — определенно установившееся для эллинистического государства понятие — означает сельскую территорию, приписанную к полису. Но Пергам, являвшийся столицей государства и резиденцией царя, не имел организации полиса, как это видно и из формулы данного декрета. Это γνῶμη στρατηγῶν, а не постановление ἡ βουλὴ καὶ ὁ δήλος. В своем завещании, предоставлявшем Пергаму свободу (ἀπολῆλοιπεν τῇ[μ] πατρί[δ]α ἡμῶν ἐλευθέρην), Аттал III должен был дать ему устройство греческого полиса и позаботиться об оформлении πολιτικὴ χώρα. Это, очевидно, и отмечается в разбираемом декрете².

Как видно из текста, декрет точно датируется 133 г. до н. э., так как он был принят «При жреце Менестрате, сыне Апполодора, в 19-й день месяца Евмений», когда царь Аттал Филометор и Еввергет уже скончался [ἐπεὶ] βασιλεύς Ἀττάλος Φιλομήτωρ καὶ Εὐεργέτης[ς μεθισ]τάμενος ἐξ ἀνθρώπων).

В мотивировочной части декрета указывается, что к моменту смерти Аттала существовало уже царское завещание, которое «должно еще быть узаконено римлянами». Содержание самого завещания в тексте декрета не раскрывается, но имеется указание на то, что Аттал предоставил Пергаму свободу³. Это краткое упоминание разрешает проблему загадочности завещания Аттала III и неоспоримо доказывает недостоверность известия Саллюстия, считавшего завещание подложным и сфабрикованным позднее в Риме (simulatoque impio testamento)⁴.

Таким образом, из текста надписи следует, что завещание существовало уже к моменту принятия Пергамского декрета 133 г. и давало возможность народному собранию Пергама вынести это свое решение⁵.

Основное содержание его сводится к предоставлению гражданских прав различным слоям населения πόλις и χώρα. Проводится это мероприятие в очень широких размерах и распространяется на разные категории пергамского населения, в особенности же на многочисленные военные контингенты.

Декрет предоставлял права гражданства всем паройкам (παροῖκοι), воинам, живущим в городе и сельских местностях, македонцам и мизийцам, поселенцам гарнизона, жителям древнего города ([τῇ πόλει τῇ] ἀρχαία καὶ κατοικίς), масидеям (Μασιδωνοῖς), стражникам и наемникам, жившим в городе или имевшим в нем собственность, а также всем женщинам и детям перечисленных категорий (строки 11—19). Декрет, кроме того, предоставлял значительные гражданские льготы целому ряду рабов и вольноотпущенников, переводя их в число паройков.

В паройки переводятся (εἰς δὲ τοὺς παροίκους μεταστῆναι — строка 20) потомки вольноотпущенников, царские (βασιλικούς τοὺς τε ἐνέλικα[ς] καὶ τοὺς νεωτέρους) и общественные рабы (καὶ τοὺς δημοσίους) всех возрастов, как мужчины, так и женщины, кроме купленных при царях Филадельфе и Филометоре и конфискованных из частных владений (строки 20—26). Декрет заканчивается угрозой по адресу лиц,

¹ Niese, *Gesch. d. Griech. und Maked. St.*, T. III; Segré, *Athenaeum*, XVI (1938), стр. 121.

² Luzatto, *Epigrafia giuridica Greca e romana*, Milano, 1942; Segré (op. cit.) касается Пергамской χώρα в связи с письмом Юлия Цезаря, недавно обнаруженным в Смирне.

³ Mommsen (*Römisches Staatsrecht*, т. III, стр. 726; *История Рима*, т. II, 1939, стр. 55) считает, что под понятием «свободы» следует усматривать обычную для греческих полисов δημοκρατία, которая не противоречит в данном случае римскому господству.

⁴ Sallust., *Ep. ad Mithr.*, 8. Очевидно точку зрения Саллюстия разделял Гораций (Carm., IV, 185) и его схолиаст Порфирий, насколько можно судить из слов последнего: dicendo autem «heres» et «occupavi» suspicionem dat, qua existimemus falso testamento Romanos hanc sibi hereditatem vindicasse.

⁵ Наиболее решительную попытку реконструкции завещания сделал Т. R. S. Broughton (*T. Frank, An economic survey of ancient Rome*, IV, Balt., 1938, стр. 503—508).

понирующих τῆς πόλιν ἢ τῇ χώρῃ в связи со смертью царя или собирающихся это сделать. Прямо указываются меры наказания по отношению к таким лицам: они будут лишены гражданских прав (ἀτμός), а имущество их будет конфисковано. К сожалению, не сохранилась вторая часть этой надписи, содержащая, по мнению Протта и Кольбе¹, указание на то, что все получившие права гражданства должны быть внесены в особые списки, обнародованные вместе с этим постановлением. Именно этому постановлению мы обязаны имеющимися теперь списками новых пергамских граждан 133 г. Вместе с именем [нового гражданина в списки вносилось имя его отца с названием филы или местности, хотя списки составлены не по филам². Принадлежность к указанным в постановлении группам населения в списках не отмечена (только в одном случае [№ 124] встречается слово πείσις), но Μισδογυσί указываются всегда. Кого нужно понимать под Μισδογυσί, до сих пор не вполне ясно. В современной литературе высказаны различные взгляды по этому поводу, но все исследователи считают эту группу военными наемниками. Рамсэй³ и Канья⁴, опираясь на Плиния⁵, видят в них пафлагонцев, находившихся на службе у пергамских царей, а Протт и Кольбе⁶ ведут это название к упоминаемому Тацитом Mosteni, являвшимся военными колонистами македонцев в Гирканской равнине.

Декрет представляет, таким образом, строго продуманную систему поощрений и наказаний для различных слоев пергамского населения ради создания общей безопасности ([ἀναγκά]ς τε ἔστιν ἐνεκα τῆς κοινῆς ἀσ[φ]αλείας — строка 8) в Пергаме в 133 г. до н. э.

Такой факт не является единичным в истории древнего мира. Известно неоднократное освобождение рабов в греческих полисах и предоставление ряда гражданских льгот населению в период наибольшей опасности для полиса. Аналогией составляют, например, освобождение рабов Абидоса в момент осады его Филиппом Македонским⁷, широкое наделение земель египетских клерухов (μάγισι и ἱππείς) Эвергетом II в 130—128 гг. до н. э.⁸, а также известное освобождение рабов Митридатом VI Евпатором, стремившимся привлечь на свою сторону демократическое население Азии.

Какие же обстоятельства могли вызвать проведение таких мероприятий в Пергамском царстве и что происходило там в момент принятия декрета?

Из текста декрета мы установили, что царь Аттал III к этому времени уже умер. Прямых наследников, как известно, он не имел, если не считать его побочного брата Аристоника, незаконного сына царя Эвмена II и эфесской наложницы⁹, который по греческому праву имел основание претендовать на наследование престола. Однако Аттал не допустил этого, составив завещание в пользу Рима. В это же время в стране развернулось большое восстание рабов и свободной бедноты, которое быстро

¹ Prott und Kolbe, Athen. Mitteil., XXVII, 1902, стр. 111.

² Благодаря этим спискам впервые стали известны пергамские филы. Всего их перечисляется в списках двенадцать.

³ Historical Geography of Asia Minor, стр. 126.

⁴ IGR, IV, 289, прим. 12.

⁵ Плиний указывает город Mastye на западе Пафлагонии (NH, VI, 2).

⁶ Op. cit., стр. 110.

⁷ Полибий (XVI, 30) сообщает, что абидяне постановили «освободить рабов, чтобы иметь в них ревностнейших соратников».

⁸ Издатели Тебтунисских папирусов Grenfell и Hunt ставят этот факт в несомненную связь с восстанием 130—129 гг. в Египте, а Хвостов (ЖМНП, 1904, № 9—10, стр. 192 сл.), подчеркивает, что этим фактом Эвергет II старался привлечь к себе египтян.

⁹ Источники дают крайне противоречивые данные о происхождении Аристоники: Liv., Per. LVIII; Sall., Ep. ad Mithr., 8; Flor., II, 20; Just., XXXVI, 4; Eutr., IV, 21,1; Oros., V, 10; Strabo, XIV, I, 38; Diod., XXXIV, 2, 26; Plut., Flam.; Vell. Pat., II, 20. Подробный разбор этого вопроса дан Cardinali (Il regno di Pergamo, Roma, 1906, стр. 129—137).

распространялось по всему средиземноморскому побережью Малой Азии и охватывало многие греческие города его. Во главе этого движения стоял Аристоник.

В современной историографии обычно тесно связывают два выдающихся события в Пергаме: смерть Аттала III и восстание Аристоники¹. Принято считать, что восстание рабов началось после смерти пергамского царя², а Аристоник выступил лишь как претендент на царский трон.

На наш взгляд, текст пергамского декрета и завещание Аттала III позволяют рассматривать эти события несколько в ином свете и установить другую их последовательность.

Декрет следует рассматривать как решительную попытку приостановить быстро растущее число восставших рабов, бедноты и пергамского войска путем предоставления им больших гражданских политических привилегий и запугивания их мерами серьезного наказания. Царское же завещание является признанием полной беспомощности Филометора перед этим же социальным движением во главе с Аристоникиком, выдвинувшим идею создания нового «государства Солнца», называя восставших «гелиополитами». При этом не обошлось, вероятно, без помощи со стороны опытных римских дипломатов, которые могли подсказать царю этот выход из создавшегося положения³.

Трудно допустить, чтобы молодой пергамский царь⁴, недавно пришедший к власти, сразу же приступил к составлению завещания относительно своего царства без особых для этого причин. Наличие такого завещания после внезапной смерти Аттала III выглядит тем более странно, что все Атталиды отличались долголетием и продолжительностью царствования⁵. Только крайние обстоятельства могли побудить царя на этот шаг. Завещание могло быть вызвано только общей напряженностью обстановки в Пергаме, где, с одной стороны, достигли особой остроты внутренние классовые противоречия, выливающиеся в нарастание революционного движения, а с другой, внешне-политическая ситуация становилась все более гнетущей под давлением Рима⁶. Оно, кроме того, должно было ставить своей целью не допустить до престола Аристоники, оказавшегося во главе поднимавшегося на борьбу угнетенного населения Пергама.

Появление царского завещания после внезапной смерти Аттала было, повидимому, неожиданным и для его современников, так как вызвало тогда же разного рода слухи. Говорили, что смерть царя не могла быть естественной⁷, подозревали подложность царского завещания и причастность римлян к его составлению.

Если сразу же после смерти Аттала III народное собрание Пергама было вынуждено принять важнейший декрет, направленный против революционного движения, то, несомненно, причины, вызвавшие его появление, были налицо еще при жизни последнего царя. Можно предположить, что все краткосрочное пятилетнее правление Аттала III протекало в обстановке крайнего напряжения, вызванного быстрым ростом революционных настроений в стране, а завещание было составлено самим Атталом в условиях полной безвыходности его положения. Революционное движение рабов быстро охваты-

¹ Cardinali, op. cit.; Broughton, op. cit.; Hugh Last, САН, IX, 1932.

² Только Foucart (op. cit.) указывает на наличие недовольства при царском дворе еще при жизни Аттала III (стр. 6). Он же считает, что завещание пергамского царя было актом обдуманной воли.

³ Ферреро. Величие и падение Рима, т. I, М., 1916, стр. 45.

⁴ Возраст Аттала II в Риме, после победы при Пидне, Аттал еще не родился (Polyb., XXX, 2). Поэтому в 133 г. ему не могло быть более 35 лет.

⁵ За 145 лет существования Пергамского царства сменилось всего лишь пять правителей Пергама.

⁶ Полибий указывает, что Рим перестал считаться с Пергамом еще при Эвмене II (Polyb., XXIX, XXX).

⁷ Niese (Gesch. d. Griech. u. Maked. Staat., т. III, стр. 364) считает, что это известие относится к Атталу II, который мог быть отравлен своим долго ожидавшим власти преемником.

вало все угнетенное население Пергама и распространялось на царские войска, которые состояли главным образом из наемников.

Как указывает постановление народного собрания г. Сеста в честь Менеса, сына Менета¹, в это время было очень неспокойно даже на севере Малой Азии, среди фракийских племен, постоянно дававших Пергаму контингенты наемников. О наличии большого числа фракийцев среди восставших сообщают Орозий (V, 10) и Валерий Максим (III, 2, 12), а Флор (I, 2, 20) называет варваров. Пергамский декрет предоставлял права гражданства многочисленным наемникам: македонцам, мизийцам, масдиэнам и разнообразным войскам по охране Пергама, стремясь, повидимому, отвлечь их от восставших и составить прочную оборону города в борьбе с Аристиком. Этим же обстоятельством объясняется, на наш взгляд, и странное поведение пергамского царя, его необузданный террор, потеря самообладания, крайняя подозрительность, выращивание ядовитых растений и уединенность—качества, о которых так красноречиво говорят Диодор (XXXIV, 26) и Юстин (XXXVI, 4).

Аттал III не мог быть каким-то помешанным или маньяком, как его изображают эти авторы. Об этом свидетельствуют его победоносный военный поход², продуманно составленное им завещание и пергамский декрет. Поведение Аттала III не было проявлением только личных душевных свойств царя; оно было вызвано и обусловлено все той же сложной социально-политической обстановкой в Пергаме, которая привела к появлению и царского завещания и пергамского декрета.

Еще Фукар и Кардинали усомнились в точности характеристики Аттала III, данной ему древними авторами. Однако их замечания до сих пор не получили поддержки, и все современные исследователи почти единодушно, но незаслуженно, считают последнего Атталида безумцем и маньяком, страдавшим манией деспотизма, в злобном бешенстве уничтожавшим своих родственников, подчиненных и друзей и совершенно способным к управлению страной.

Это, несомненно, искаженное представление об Аттале III, очевидно, рассеялось бы при наличии текста его завещания; однако и на основании одного только анализа социальной и политической обстановки в Пергаме, проделать который дает возможность пергамский декрет, становится очевидной, по меньшей мере, неточность характеристики пергамского царя, данной ему Диодором и Юстином³.

Оставшись еще ребенком после смерти своего отца Эвмена II⁴, Аттал целых 20 лет был лишен царского престола, которым пожизненно управлял его опекун—дядя Аттал II. Когда же Филометор оказался, наконец, у власти, положение Пергамского царства было уже непоправимым, и молодой царь не мог найти себе опоры ни внутри, ни вне страны. Давно прошло то время, когда римский сенат считался с Пергамом. С тех пор, как Эвмен не был допущен в Рим, Пергамское царство постепенно превращалось в вассальную страну Римской республики, и Аттал не мог рассчитывать ни на какую поддержку со стороны Рима.

¹ OGIS, 339.

² О нем говорится в другой пергамской надписи (Inscr. v. Perg., 246=OGIS, 332), но ничего неизвестно из литературных источников.

³ Необходимо отметить, что античная традиция (Полибий, Страбон, Юстин) изображала и египетского царя Эвергета II, правившего одновременно с Атталом III, таким же чудовищем, не знавшим ничего священного. Однако египетский царь оказался теперь вполне реабилитированным благодаря опубликованию Тебтунисских папирусов, в которых, как указывает М. Хвостов, «личность царя обрисовывается в благоприятном виде» (ЖМНП, 1904, № 9—10, стр. 219—220). Как известно, в Египте в правление Эвергета II также было очень неспокойно, и в указанных папирусах «неоднократно упоминаются смуты 130—129 гг. до н. э. (ἀμφί, № 62 (2), 31; № 72, 45; № 84, 12), когда Эвергет II должен был бежать из Египта» (Хвостов, там же). Как видно, древние авторы не смогли оценить сложной обстановки правления этих царей и дали такую характеристику их, которая по существу исказила личность двух царей.

⁴ О происхождении Аттала III см. Cardinali, Il regno di Pergamo, Roma, 1906. Не вполне ясно, был ли он действительно сыном Эвмена II, как принято считать, или, может быть его отцом был Аттал II, которого обычно считают дядей Филометора.

Успешный военный поход Аттала, о котором, к сожалению, почти ничего не известно, закончился присоединением к Пергаму каких-то новых территорий, принес царю восхваление элейцев (*Inscr. v. Perg.*, 246), но не смог разрядить напряженной политической ситуации в стране.

Внутренняя деятельность Аттала была направлена на развитие сельского хозяйства и различных ремесел. Он лично занимался выращиванием различных трав и написал даже учебник по сельскому хозяйству, который, как указал еще Дройзен¹, «долгое время считался лучшим по этому предмету», наряду с сочинениями Гиерона Сиракузского. Последний пергамский царь особенно интересовался литьем из меди и ковкой бронзы (*Justin.*, XXXVI, 4) и, очевидно, хорошо знал естественные богатства своей страны². Однако все мероприятия Аттала не давали никаких положительных результатов, и даже в дворцовой жизни монарха было очень не спокойно. В результате какого-то заговора, при неизвестных нам обстоятельствах, Аттал потерял самых близких ему людей—мать и невесту Веронику (*Justin.*, там же). Это так сильно подействовало на царя (носившего прозвище *Φιλότιμος*), что он стал необыкновенно подозрительным, боялся даже своих товарищей и придворных, считал их своими врагами, уединялся и терял всякое самообладание (*Diod.*, XXXII, 3). Он стал разводить в своем саду различные ядовитые растения, а действие их проверял на тех из своих друзей, поведение которых казалось ему подозрительным.

Может быть, этим способом Аттал старался найти выход из создавшегося положения, но своими зверствами и убийствами он еще более осложнял и без того тревожную обстановку в стране.

Подозрительность царя переходила всякие границы, и он совершенно потерял возможность управлять государством. Он перестал показываться перед народом и в общественных местах, отстриг себе длинные волосы и бороду, стал носить траурное платье и всю свою энергию перенес на сооружение памятника своей погибшей матери. Увлеченный этим занятием, Аттал заболел горячкой и умер на седьмой день после своего заболевания, весной 133 г. до н. э., преемствовав всего только пять лет.

Плутарх сообщает (*Tib. Gracch.*, 14), что немедленно после смерти Аттала в Рим отправился пергамский посол Эвмен, который повез туда царское завещание, диадему и пурпур.

Все наши литературные источники указывают, что в это время в Пергаме широко развернулось восстание под руководством Аристоника. Страбон (XIV, 1, 38) говорит, что Аристонику овладел Левками после смерти Аттала, Юстин сообщает, что Аристонику «после смерти Аттала захватил Азию, как будто отцовское царство» (XXXVI, 4).

Внезапная смерть Аттала III в действительности не могла играть решающей роли в развертывании этих событий. Как указывает Пергамский декрет, они созрели и начались, несомненно, до его смерти, а появление завещания, по которому Пергамское царство передавалось Риму, только способствовало усилению и разрастанию восстания, которое могло теперь принять еще новые черты борьбы за независимость Пергамского царства от власти Рима.

Нельзя согласиться с мнением Кардинали о том, что Аристонику выступил в Пергаме значительно позже смерти Аттала и, во всяком случае, не ранее 132 г.³ Эта версия проистекает из основного положения Кардинали о том, что Аристонику выступал тогда как претендент на царский трон (стр. 279), а не как руководитель восстания. Он допускает, что движение рабов могло предшествовать выступлению Аристоника, который вел сначала переговоры с главарями восстания, а затем уже, только в 132 г., оказался во главе его. Кардинали считает, что только после поражения при Кимах

¹ Дройзен, *Ист. эллинизма*, т. III, М., 1893, стр. 324.

² *Rostovtzeff*, *САН*, VIII, стр. 608.

³ *Cardinali*, *op. cit.*, стр. 297—300.

Аристоник задумал объединиться с восставшими рабами и стал развивать свои идеи социального переустройства Пергама.

Разберем те же документы, которые использует для своих доказательств Кардинали: *senatus consultum* 133 г. (OGIS, 435) и два пергамских декрета в честь гимнасиарха Диодора (Cagnat, IGRR, IV, 292 и 293).

Кардинали считает, что спокойный тон, в котором выдержан *senatus consultum* 133 г., свидетельствует об отсутствии в это время каких-либо беспорядков в Пергаме и что повод к выступлению Аристоникиа создан уже в результате развертывания римской деятельности в Пергаме, когда в Малой Азии появилась комиссия, созданная в Риме на основе указанного *senatus consultum*, т. е. не ранее 132 г. до н. э. Это подтверждается, по мнению Кардинали, еще тем обстоятельством, что первые римские войска, посланные на борьбу с Аристиком во главе с консулом Крассом Муцианом, появились в Малой Азии только в 131 г.

На наш взгляд, сенатское постановление совсем не противоречит предположению о том, что восстание началось до смерти Аттала.

Как видно из его первых строк, *senatus consultum* был вынесен в сентябре, ноябре или декабре месяце (πρὸ ἡμ[ερῶν] ...ἐμδρίων) насколько позволяет судить оставшаяся часть слова ...ἐμδρίων. Это было, несомненно, после падения Тиберия Гракха, когда в сенате разбирался уже вопрос об организации новой провинции и о признании распоряжения Аттала III¹. На основании же Аппиана нам известно, что Тиберий Гракх был убит «в то время, когда Аристик вел в Малой Азии борьбу с римлянами из-за власти» (A p p i a n., Bell. civ., I, 17), т. е., безусловно, еще до принятия указанного постановления. Это во-первых. Далее, нам кажется, что это сенатское постановление можно даже рассматривать как средство борьбы Рима с недовольными пергамцами. *Senatus consultum* признавал и подтверждал все постановления пергамских царей по день смерти Аттала III, а вместе с тем и распоряжение последнего царя, предоставлявшее свободу (ἐλευθερία) Пергаму, а очевидно, и другим греческим городам.

Устанавливая в Пергаме *status quo* по день смерти Филометора, римский сенат не вводил пока никаких новых порядков, что должно было действовать успокаивающе на пергамское население. Поэтому постановлению римского сената 133 г. нельзя придавать того значения, которое имеет в виду Кардинали.

Скорее здесь прав Фукар, считавший, что римляне не предвидели еще всех трудностей борьбы с Аристиком и были плохо осведомлены о пергамских событиях, когда выносили это постановление.

Надо иметь еще в виду, что внимание римского сената и силы его были отвлечены в это время сицилийским восстанием рабов и ведением тяжелой нумантийской войны, а на борьбу против Аристоникиа уже выступили к этому времени малоазиатские цари.

Рассчитывая на подавление пергамского восстания силами последних, римляне не выслали своих войск в Малую Азию до тех пор, пока не убедились в невозможности этого, а совсем не потому, как предполагает Кардинали, что восстание развернулось только в 132 г.

Два пергамских декрета в честь гимнасиарха Диодора никак не могут подтвердить этой последней даты, так как вообще не дают никаких сведений относительно хронологии восстания. Данные этих документов очень ценны только в том отношении, что убедительно показывают всю тяжесть ведения войны против Аристоникиа. Понятно, что это могло сказаться не в самом начале войны, а, скорее, в конце ее.

Стремление Кардинали отодвинуть начало восстания рабов и бедноты под руководством Аристоникиа, по крайней мере, на год позже того, как позволяет

¹ L u z a t t o, op. cit., стр. 127—129; F o u c a r t, op. cit., стр. 18—19.

считать пергамский декрет, представляется мало убедительным. Совершенно необоснованно он следует давно устаревшей хронологии Мейера¹ и Неймана², не имевших еще новых, известных Кардинали, эпиграфических памятников.

Таким образом, проведенный нами разбор эпиграфических памятников и прежде всего пергамского декрета позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, восстание рабов и бедноты в Пергаме началось до издания пергамского декрета, следовательно не после смерти Аттала, а значительно ранее ее, несомненно еще при жизни царя; во-вторых, Аристоник, выступая как претендент на пергамский трон, используя поднимавшееся на восстание население, явился вождем и руководителем большого классового движения, мечтавшим о социальном переустройстве Пергамского царства после победы восставших.

Только так можно объяснить появление завещания Аттала III и разбираемого нами пергамского декрета.

О. Юлкина.

¹ Meyer в статье, помещенной у Ersch und Gruber, Encyklopädie, Leipzig, 1842.

² K. Neumann, Gesch. Roms, Breslau, 1881.

ПРИЛОЖЕНИЕ

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

(Продолжение¹)

ДОМИТИЙ КАЛЛИСТРАТ

«Автор наш, который составил историю Гераклеи Понтийской, по меньшей мере, в семи книгах, называется иногда просто Каллистратом (fr. 1—3), иногда с добавлением прозвища Домитием Каллистратом (fr. 4—8). Отсюда заключаем, что Каллистрат (подобно Корнелию Александру Полигистору) был отпущенником римского патрона, который, возможно, после разрушения во время Митридатовой войны его отечества—Гераклеи был как пленник привезен в Италию. От него должно отличать аристофановского Каллистрата, который наиболее знаменит своими грамматическими комментариями к Гомеру, Пиндару, трагикам и комикам» (Müller, FHG, IV, стр. 353).

«О ГЕРАКЛЕЕ»

(ΠΕΡΙ ΗΡΑΚΛΕΟΥΣ)

III, фр. 3 см. Steph. Byz., s. v. Τάφρα.

[АНАХАРСИС]

ПИСЬМА

(ΕΠΙΣΤΟΛΑΙ)

«Существующие под его (т. е. Анахарсиса) именем подложные писания показывают его насквозь защитником кинической доктрины и связаны, таким образом, с возрождением кинизма в I в. до н. э.» (Marks, Symb. crit. ad epistologr. Graecor., 8 сл.). Таковы 10 писем (9 первых из cod. Parisin., 3011 и Laur. plut., LVII, 51; 10-е—из

¹ Начало см. ВДИ № 1—3 за 1947 г.

Diog. Laert., I, 105...), из которых пятое приведено C i c., Tusc., V, 90 (W. Schmidt, RE, s. v. Anacharsis).

Текст: Epistolographi Graeci, rec. R. H e r c h e r, Paris, Firmin Didot, 1873, стр. 102—105.

1. К АФИНЯНАМ¹

Вы смеетесь над моим языком за то, что он не отчетливо выговаривает греческие буквы. Анахарсис неправильно говорит среди афинян, а афиняне—среди скифов². Не языком отличаются люди от людей и приобретают славу, а мыслями, как и эллины *отличаются* от эллинов. Спартиаты не чисто говорят по-аттически, но деяниями *своими* славны и похвальны. Скифы не порицают речи, которая выясняет должное, и не хвалят той, которая не достигает цели...

... Речь не бывает дурна, когда мысли хороши и прекрасные дела следуют за речами. Скифы считают речь дурной, когда бывают дурны помыслы...

4. К МЕДОКУ

Зависть и страх *суть* великие доказательства низкой души: за завистью следует печаль от благополучия друзей и сограждан, а за страхом—надежды на пустые слова. Скифы не одобряют таких людей, но радуются чужому благополучию и стремятся к тому, чего им возможно достигнуть; а ненависть, зависть и всякие пагубные страсти они постоянно всеми силами изгоняют, как врагов.

5. К АННОНУ

Мне одеванием служит скифский плащ, обувью—кожа *моих* ног, ложем—вся земля, обедом и завтраком—молоко, сыр и жареное мясо, питьем—вода...

6. К ЦАРСКОМУ СЫНУ

У тебя флейты и кошельки, а у меня—стрелы и лук. Поэтому, естественно, что ты—раб, а я свободен, и у тебя много врагов, а у меня—ни одного. Если же ты хочешь, отбросив серебро, носить лук и колчан и жить со скифами, то и у тебя будет то же самое.

9. КРЕЗУ

... Выслушай рассказ о том, чему я сам был очевидцем. Большая река протекает по скифской земле, именно та, которую называют Истром. На ней *однажды* купцы посадили свою барку на мель и, не успев ничем помочь *горю*, с плачем удалились. Разбойники, заметив их несчастье, подъехали на пустой лодке, немедленно набросились на груз, перенесли с барки все движимое и незаметно для себя перенесли и несчастье: барка, освобожденная от *груза*, поднялась и получила способность плавать, а *разбойничья лодка*, поднявшая ее груз, скоро пошла ко дну вследствие похищения чужого имущества. Это всегда может случиться с богатым. Скифы же стали вне всего этого: мы все владеем всей землей; то, что она дает добровольно, мы берем, а что скрывает, оставляем; защищая стада от диких зверей, мы берем взамен молоко и сыр; оружие имеем

¹ Письма 4 и 6 приводятся нами полностью, из остальных эксперпировано только то, что относится к предмету.

² [О плохом выговоре скифов по-гречески свидетельствует тот пародийный акцент, с которым заставляет говорить скифа Аристофан («Thesm.»)].

мы не против других, а для собственной защиты в случае надобности; но доселе *это* не понадобилось: ибо мы являемся для наступающих и борцами и призами *за победу*¹; но такой приз немногие любят...

ЭПЕНЕС

Врач, живший, вероятно, в первой половине I в. до н. э., автор сочинений 'Οψηρυτικόν и Περὶ λαχίνων. См. о нем Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., II, стр. 425.

«ПОВАРСКАЯ КНИГА»

(ΟΨΑΡΥΤΙΚΟΝ)

Фр. (Athen., IX, 38). Фасианская птица² называется татиром.

ГИПСИКРАТ

По словам Лукиана Самосатского («Маск», 22): 'Υψικράτης ὁ Ἀμισηνὸς συγγραφεὺς διὰ πολλῶν μηδριμάτων γινόμενος, ἔστη δὴ καὶ ἐνεγύχοντα (βεβίωκεν). Он жил немного раньше Страбона и писал исторические труды, заглавия которых остаются неизвестными. См. о нем Müller, FHG, III, стр. 493.

Фр. 1 см. Strabo, VII, 4, 6.

» 2 » » XI, 5, 1.

АПОЛЛОНИД

Müller, FHG, IV, стр. 309, отождествляет Аполлонида, упоминаемого Страбоном в указываемых ниже местах, с автором «Перипла Европы», упоминаемым в схол. к Apoll. Rhod., IV, 983; 1174, и полагает, что он жил между временами Митридата VI и Страбона. С ним согласен Berger, RE, s. v. Apollonides, 28. Ср. Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., I, стр. 698.

Фр. 1 см. Strabo, VII, 4, 3.

» 2 » » XI, 14, 4.

ФЕОФАН МИТИЛЕНСКИЙ

Друг Помпея Великого, получивший от него право римского гражданства, сопровождавший его в походах и описавший его деяния; был жив еще в 44 г. до н. э., как видно из Cic., ad Att., XV, 19. Довольно многочисленные известия писателей об его жизни и отрывки собрал Müller, FHG, III, стр. 312—316.

Фр. 2 см. Strabo, XI, p. 493

» 3 » » XI, » 503

» 4 » » XI, » 528

» 5 » » XII, » 555

АРТЕМИДОР ТАРСКИЙ

Уроженец города Тарса, по прозванию Ἀριστοφάνειος, жил в I в. до н. э. и писал сочинения глоссографического, лексикального и диалектологического характера, а также составил сборник произведений буколических поэтов. Ср. Schoenemann, De lexicographis antiquis, diss., Bonn, 1886; Wentzel, RE, s. v. Artemidoros, 31; Susemihl, Gesch. d. Alex. Litt., II, стр. 185.

¹ Т. е. с нас нечего взять победителям, кроме нас самих.

² [Т. е. фазан].

«ПОВАРСКИЕ ЗАМЕТКИ»

(ΟΨΑΡΤΥΤΙΚΑΙ ΓΛΩΣΣΑΙ)

Фр. см. Athen., IX, p. 387. С

ΚΟΝΟΝ

«РАССКАЗЫ»

(ΔΙΗΓΗΣΕΙΣ)

Автор жил во времена Юлия Цезаря и Августа. Его мифические рассказы, в числе 50, известны только из извлечения Фотия («Biblioth.», cod. 186).

Текст: ΜΥΘΟΙΡΑΦΟΙ. Scriptores poeticae historiae Graeci, ed Ant. Westermann, Brunswigae, 1843, стр. 124—151.

[Прочитана книжечка «Рассказы Конона». Автор посвящает свой небольшой труд царю Архелаю Филопатору¹, а заключается в нем 50 рассказов, собранных из многих древних писателей. Из них ...]

• VII. 7-й [рассказ] повествует, что Филаммон, сын Филониды,... был необыкновенной красоты. Одна нимфа влюбилась в юношу и сделалась от него беременной. Из стыда она удалилась из Пелопоннеса и, прибыв в Акте, родила сына Тамириса², который, выросши, достиг такого искусства в игре на кифаре, что скифы провозгласили его, хотя и пришельца, своим царем. Он состязался даже с музами в пении, и так как наградой за победу было условлено для него—брак с музами, а для последних—что угодно на выбор от него, то ему после поражения были выколоты глаза.

XVIII. Рассказ 18-й. Локрийцы во время сражений, так как Аякс³ был их соплеменником, оставляют в строю пустое место, чтобы на нем мог стать Аякс. Когда они были выстроены таким образом в одной битве с кротониатами, кротониат Автолеонт пожелал пробиться по этому пустому промежутку и окружить неприятелей. Получив от привидения рану в бедро, он отступил и страдал гангреною до тех пор, пока не отправился, по совету оракула, на Ахиллов остров в Понте (он лежит, если миновать устье Истра, выше Таврики)⁴; здесь он умилиствовал как прочих героев, так в особенности душу Аякса Локрийского и излечился. При отъезде оттуда Елена⁵ поручила ему передать Стесихору, чтобы он сочинил в честь ее «Палинодию», если дорожит зрением. Стесихор тотчас же составил гимны в честь Елены и снова получил зрение⁶.

XLIX. [Упоминается Медея, похищенная Язоном из Колхиды]. Когда Язон, похитив Медею у колхов, отплыл домой и т. д.

¹ Царь каппадокийский 41 г. до н. э.—17 г. н. э.

² [О мифическом музыканте—кифаред Тамирисе, помещаемом обычно во Фракии и которого лишь Конон локализует в Скифии, см. Apollod., I, 3, 3; Paus., IV, 33, 4; E u r., Rhes., 925].

³ Известный гомеровский герой Аякс, сын Ойлея.

⁴ [Ахилловым островом называют нередко остров Белый (Λευκή νῆσος) при устье Дуная (Истра), но Конон, вероятно, имеет в виду в данном случае Ахиллов Бег (Ἀχιλλέως δρόμος, коса Тендеровская) близ устья Днепра или остров Березань (Борисфен) в Днепровском лимане, судя по выражению «выше Таврики»].

⁵ [По одной из культовых легенд черноморского круга, Елена по окончании Троянской войны была перенесена на остров Белый и отдана в жены Ахиллу].

⁶ [Стесихор из Гимеры на о. Сицилии, лирический и эпический поэт (632—552 г. до н. э.), по преданию был ослеплен Еленой за непочтительное о ней сочинение и прозрел, написав ей палинодию (т. е. песнь, противоположную по содержанию написанной прежде)].

НИКОЛАЙ ДАМАСКИЙ

Философ-перипатетик, родился около 64 г. до н. э., друг иудейского царя Ирода и императора Августа. В числе исторических трудов Николая упоминаются: *Ἱστορίαι*, в 144 книгах, от Ассирии и Мидии до времени автора, *Βίος Κλέαρχος*, *Περὶ τοῦ ἰδίου βίου* (автобиография) и *Παραδόξων ἐθνῶν συναγωγή*.

Собрание отрывков: *Παραδόξων ἔθνη*, ed. Westermann, Brunsw., 1839, стр. 166—177 (только из последнего сочинения); Müller, FHG, III, стр. 343—464. *Historici Graeci minores*, ed. Lud. Dindorfius, Lips., Teubn., 1870, стр. 1—153; Мы следуем последнему изданию, в котором отрывки из *Παραδόξων ἐθνῶν συναγωγή* приведены на стр. 145—153.

«ИСТОРИИ»

(Ἱστορίαι)

СIII, фр. 79 см. Athen., VI, 91.

«СВОД СТРАННЫХ ОБЫЧАЕВ»¹

(ΠΑΡΑΔΟΞΩΝ ΕΘΝΩΝ ΣΥΝΑΓΩΓΗ)

3. М л е к о е д ы (*Γαλακτοφάγοι*), скифский народ, не имеют домов — как и огромное большинство скифов, и питаются только кобыльим молоком, из которого, делая сыры, едят и пьют, и поэтому с ними весьма трудно бороться, так как они повсюду имеют с собою пищу. Они-то и Дария обратили в бегство. Они также весьма справедливы, имея общее имущество и женщин, так что старших себя считают отцами, младших — сыновьями, а сверстников — братьями². Из них был и Анахарсис³, признанный одним из семи мудрецов, который прибыл в Элладу, чтобы изучить эллинские обычаи. О них упоминает и Гомер в следующих словах: «Мисийцев, бойцов рукопашных, и дивных доителей кобылиц (*Ἰππηρολύων*), млекоедов и абиев, справедливейших смертных»⁴. [Он называет их *ἄβιοι* или потому, что они не возделывают земли, или потому, что у них нет домов, или потому, что они одни употребляют луки: ибо лук он называет *βίς*⁵. У них, как говорят, неизвестен ни завидующий, ни ненавидящий, ни боящийся, благодаря общности жизни и справедливости. У них женщины не менее воинственны, чем мужчины, и в случае надобности воюют вместе с ними⁶. И поэтому амазонки чрезвычайно мужественны, так что некогда дошли походом до Афин и Киликии⁷, так как жили рядом с этими *млекоедами* близ Меотийского озера⁸ [5, 73].

¹ Все фрагменты находятся во «Florilegium» Иоанна Стобея; главы и параграфы этого сочинения указаны после каждого фрагмента.

² [Историческая традиция о скифах-галактофагах (млекоедах) и абиях восходит к весьма древнему источнику, в какой-то форме известному уже в эпоху создания гомеровских поэм. При всей идеализации скифского быта, свойственной уже Гомеру, нельзя не отметить строк о счете родства по поколениям, отражающем весьма архаические социальные соотношения].

³ [Об Анахарсисе см. Нег., IV, 76 сл.].

⁴ II., XIII, 5 сл.

⁵ [Об абиях см. Eust., ad II, XIII, 55 сл. и прим. к этому месту].

⁶ [О савроматских женщинах ср. Нег., IV, 117 и Hipp., de aëg. aqu., locis, 24 и прим. к этим текстам].

⁷ [Об амазонках и об их походах в Грецию см. пересказ легенд, содержащихся в Isoсг., Papег., 68—79 и прим. к нему].

⁸ Ср. Strab., VII, 3, 2 сл.

16. С а в р о м а т ы через *каждые* три дня наедаются до пресыщения, женам *своим* во всем повинуются, как господам; девицу не, прежде выдают замуж, чем она убьет врага¹ [44, 41].

17. К е р к е т ы² совершивших какое-либо преступление устраняют от священнодействий; если кто, управляя лодкою, ошибется, то все подходят один за другим и плюют на него [ibid.].

18. Моссины³ содержат своего царя запертым в башне; если покажется, что какой-либо *царь* когда-либо дурно решил дело, то его умерщвляют голодом⁴; употребляемый в пищу (τὸν δὲ τρεφόμενον) хлеб делят поровну, сообщая выделив часть приезжающим иностранцам⁵ [ibid.].

40. Скифское племя Т а в р ы⁶ вместе с царями погребают преданнейших друзей; а царь по смерти друга отрезывает *у него* часть уха или целое сообразно с достоинством умершего⁷ [23, 12].

41. С и н д ы бросают на могилы столько рыб (ἰχθῦς)⁸, сколько врагов убил погребаемый⁹ [ibid.].

42. К о л х и¹⁰ покойников не погребают, а вешают на деревьях¹¹ [ibid.].

ФАНОДЕМ

Один из авторов Аттид. См. Müller, FNG, I, стр. XXXVII и собрание отрывков на стр. 366—370.

Фр. см. схол. к Pind., Ol., III, 28¹²,

АНАКСИКРАТ

«Историк..., составил местную историю Аргоса, . . . которая цитируется только в двух схолиях к Эврипиду» (Schwartz, RE, s. v. Anaxicrates, 8).

Отрывки собраны у Müller'a FNG, IV, стр. 301.

¹ Ср. Н е г., IV, 177; I sig., 50.

² [О керкетах—северокавказском племени, отождествляемом с позднейшими черкесами, см. [S c y l.], 75 и прим. к этому месту].

³ [О мосинах или мосинниках—западнокавказском племени см. подробно Х е н., Anab., V, 4, § 1—3; 8 и прим. к этим экспертам. Этнографические сведения об этом кавказском племени, сообщаемые Николаем, восходят в конечном счете к Ксенофону и Нимфодору. Об обращении мосиников со своими царями и вообще о ритуальных убийствах царей см. Дж. Ф р е з е р, Золотая ветвь, II, стр. 117 сл.]

⁴ Ср. М е л а, I, 19; Нимфодор в схол. к A p o l l. R h o d. II, 1029; Х е н., Anab., V, 4; D i o d., XIV, 30; S t r a b o, XII, p. 549.

⁵ Τὸν δὲ τρεφόμενον κτλ]. Повидимому, эти слова, помещенные не на месте, относятся к фрагменту (128) о фригийцах, так как они совершенно не подходят к правам мосинов, народа из всех, которые заселяли Мосхийские горы, самого дикого и самого враждебного иноземцам, так как они, как сообщает С т р а б о н (XII, p. 549), ἐπέθετο καὶ τοὺς ὀδοιποροῦντας, κατακτείνουσας ἀπὸ τῶν ἰχθύων (C o r a u и O r e l l i u s (цитирует Müller).

⁶ [О таврах и тавро-скифах Крымского полуострова см. Н е г., IV, 99 и [S c y l], 68, а также прим. к этим текстам].

⁷ Ср. I sig., 65, 2.

⁸ «Вместо ἰχθῦς Clavier с одобрения Orelli, предпочитает читать λῖθοις» (Müller).

⁹ [О синдах, скифском племени, жившем в районе современной Апапы и к северу от нее см. [S c y l.], 72 и прим. к этому тексту. Ср. В. М о ш и н с к а я, О государстве синдов, ВДИ, 1946, № 3, стр. 203—208].

¹⁰ [О колхах см. Н е г., II, 103 сл. и Х е н., Anab., IV, 8, § 6—9 и прим. к этим текстам].

¹¹ Параллели к описанному обычаю захоронения на деревьях см. Ch. L e t o u r n e a u, L'Évolution religieuse, 1892, стр. 34 сл..

¹² Этого отрывка у Müller'a нет.

«ИСТОРИЯ АРГОСА»

(АРГОЛИКА)

II, фр. 1 (schol. Ven. к Eur., Andr., 224)... Анаксикрат во второй книге *своей* истории Аргона говорит так: Οἱ δ' ἄμφ' ἐνέας¹ и Скамандрия, сына Гектора и старшего². Были же у него *эти сыновья*, последний незаконный, который был захвачен в Иллоне (?) и погиб. Те же спаслись. Скамандрий же прибыл к Танаису.

СТРАБОН

«ГЕОГРАФИЯ»

(ГЕОГРАФИКА)

Родился около 63 г. до н. э., умер около 23 г. н. э. Сочинение написано не ранее 18 г. н. э.

«География» Страбона — единственное почти полностью сохранившееся географическое сочинение древности, показывающее, чем была эта наука в начале нашей эры и какими представлениями обладала древность в отношении стран Восточной Европы. Страбон, несмотря на то, что он всецело исходит из Посидония, Эфора, Эратосфена и Гиппарха, ставит перед собой весьма ограниченные и практические задачи: изложить достоверные и точные данные, могущие послужить на пользу римскому чиновнику и офицеру. Он стремится к возможно более точному определению положения описываемых им стран, отвергая все, что подобному определению не поддается. Так, он полон скептицизма в отношении сведений, касающихся внутренних областей северо-восточной Европы и тем более стран, расположенных по берегам северных морей. На полноте изложения Страбона самым положительным образом отразились результаты походов римских полководцев в Западной Европе и Передней Азии. Страбонovo описание Кавказа и прикаспийских областей является единственным по обстоятельности источником для истории и этнографии Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа в начале нашей эры. См. K. Neumann, Strabons Gesamtsurtheil über die homerische Geographie, «Hermes», XXI (1886), стр. 134 сл.; F. Du Bois, Examen de la géographie de Strabon, P., 1891; Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 96 сл., 101 сл.].

Текст: Strabonis Geographica, rec. commentario crit. instr. G. Kramer Berol., 1844—1852, 3 тома [Более распространенное и в критическом отношении лучшее издание: A. Meineke, 3 тома, Lips., Teubn., 1860—1866. Новейшее издание: Strabo, Geography by Jones, London, 1911—27].

Перевод В. [В.] Л[атышева]

1. ИЗВЕСТИЯ ГОМЕРА О СЕВЕРНЫХ НАРОДАХ

I, 1, 10 (р. 7 С.)

... Вслед за этим [поэт Гомер упоминает] о *народах, обитающих* вокруг Пропонтиды и *Понта* Эвксинского до Колхиды и о походе Язона.

¹ ὁ δὲ Ἀργινέας schol. vulg.

² В этом схолии многое безнадежно испорчено, как правильно заметил Cobetus. Ср. примечание Müller'a, l. c. [Свидетельство о прибытии Скамандрия—сына Гектора и Андромахи, идентичного Астианакту, к р. Танаису является совершенно изолированным в мифологической литературе. По Гелланику (FHG, I, 61, 127) Гекториды по разрушении Трои жили у Пропонтиды. Мюллер (FHG, IV, 301 В) хотел видеть Скамандрия, под именем Саперния, или Сатурния, в Италии. Свидетельство Анаксикрата должно быть поставлено в один ряд с сообщениями об Ахилле, Елене, Менелее и др. героях троянской войны на берегах Понта, перенесенных туда малоазийскими греками-колонистами].

Он знает также и Боспор Киммерийский, зная киммерийцев; и, конечно невозможно, чтобы он знал только имя киммерийцев и не знал самого народа, который в его время или немного раньше совершил набег на всю страну от Боспора до *самой* Ионии¹. По крайней мере он намекает и на туманный климат их страны и говорит так: «туманами и облаками покрыты; и никогда не освещает их яркое солнце, но распростерта над *ними* губительная ночь»². Он знает и Истр, так как упоминает о мисах, фракийском народе, живущем по Истру³.

2. ПОСТЕПЕННОЕ РАСШИРЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

I, 2, 1 (р. 14 С.)

... Владычество римлян и парфян прибавило многое к таким [т. е. географическим] познаниям *наших* современников, подобно тому, как *поколениям*, жившим после похода Александра, *много знаний дал этот поход*, как говорит Эратосфен⁴: он открыл нам большую часть Азии и весь север Европы до Истра, а римляне—весь запад Европы до реки Альбис⁵, разделяющей Германию на две части, и страну по ту сторону Истра до реки Тиры⁶. Дальнейшие области до меотов⁷ и побережья, оканчивающегося областью колхов⁸, сделал известными Митридат, прозванный Эвпатором, и его полководцы, парфяне же расширили наши сведения о Гиркании, Бактриане⁹ и о живущих выше этих *стран* скифах, которые были менее известны прежним *поколениям*.

3. ИЗВЕСТИЯ ГОМЕРА О КИММЕРИЙЦАХ И ЯЗОНЕ

I, 2, 9 (р. 20—21 С.)

... Точно так же, зная, что киммерийцы жили у близкого к северу и туманного Боспора Киммерийского [поэт *Гомер*], удобно перенес их в какое-то мрачное место у преисподней, выгодное ему для баснословных рассказов в описании странствований *Одиссея*¹⁰; а что он знал их,—*это* доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев *ко времени* незадолго до него или к его времени. 10. Подобным же образом, зная колхов,

¹ [О киммерийцах см. прим. к Н е г., I, 103. О походах киммерийцев в Малую Азию см. Н е г., I, 15].

² Od., XI, 15; 19.

³ [II, XIII, 5. Мисы Гомера, позднейшие мезы (Moesi), часто смешиваются с малоазийским племенем мисийцев, населявших Мисию в М. Азии). В древности, как и в новое время, распространено было мнение о том, что малоазийские мисийцы—фракийского происхождения, в пользу чего свидетельствуют и данные археологии, позволяющие говорить о проникновении фракийских племен на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в Малую Азию. Но по Геродоту (VII, 20 сл.) мизийцы—лидийского происхождения и говорят на смешанном лидийско-фракийском диалекте].

⁴ [Об Эратосфене см. выше введение к его фрагментам].

⁵ [Современная Эльба].

⁶ [Современный Днестр].

⁷ [Т. е. до местности между Азовским морем и северокавказским побережьем Черного моря. О меотах см. P s. - S c y l., 71 и прим. к этому месту].

⁸ [В западном Закавказье. О колхах см. Н е г., II, 103 сл. и прим. к этому месту].

⁹ [Гиркания и Бактриана—провинции Персидского царства, расположенные к югу и юго-востоку от Каспийского моря. Парфяне—первоначально жители области к югу от Гиркании, подвластные персидскому царю, при Аршакидах (248 г. до н. э.—226 г. н. э.) распространили свои владения и имя на всю территорию от Евфрата до Инда].

¹⁰ Ср. ниже III, 2, 12.

плавание Язона в Эю¹ и басни и рассказы о Кирке и Медее, именно об их волшебстве и сходстве характеров, он сочинил родство *этих женщин*, живших на столь далеком расстоянии *одна от другой*, так как одна жила в отдаленном углу Понта, а другая в Италии², и Язон в своих странствованиях, быть может, доходил до Италии: ибо указываются некоторые (τινα) признаки странствований аргонавтов (τῆς τῶν Ἀργοναυτῶν πλάνης σημεῖα) и около Керавнских гор, и около Адрия, и в Посидониатском заливе, и на островах, *лежащих* перед Тирренией [Этрурией]³. В пользу этого предположения прибавили кое-что Кианеи (у некоторых называемые Симплегадскими скалами)⁴, делающие трудным плавание через Византийский пролив. Таким образом, от Эи *получила название* Ээя⁵, от Симплегад—Планкты⁶, и плавание Язона между ними представилось правдоподобным... Вообще люди тех времен представляли себе Понтийское море как бы другим океаном⁷ и отплывших туда воображали уехавшими столь же далеко, как и выплывших на большое *расстояние* за *Геракловы столпы*; оно считалось наибольшим из наших *морей*, и поэтому его специально называли «морем» по преимуществу, как Гомера—поэтом. Может быть, и вследствие этого *поэт* перенес *события* из Понта в Океан, так как это легко могло быть принято *слушателями*, благодаря господствовавшему тогда представлению... Может быть, и одноглазых циклопов поэт перенес из рассказов о Скифии: говорят, что именно таковы аримаспы, которых вывел Аристей Проконнесский в «Аримаспее»⁸.

4. ЗАМЕЧАНИЕ ОБ ОБЩИХ НАЗВАНИЯХ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СТРАН И МНЕНИЕ ЭФОРА О СКИФИИ

I, 2

§ 27 (р. 33 С)... Я утверждаю согласно с мнением древних эллинов, что, подобно тому, как известные *народы* северных стран назывались одним именем скифов или номадов, как *называет их* Гомер, а впоследствии, когда сделались известными и западные страны, *их обитатели* назывались кельтами и иберами или смешанно кельтиберами и кельтоскифами, ибо вследствие неведения *отдельные* народы в каждой *стране* подводились

¹ [Мифическая столица Колхиды].

² [Гомер, как это явствует из Od., XII, 59 сл., помещает Кирку не в Италии, а на Черном море. В Италию ее переносит версия сказания об аргонавтах, впервые представленная Гесиодом].

³ [Распространение перипла аргонавтов на западное Средиземноморье происходило следом за колонизацией Сицилии и Великой Греции. Ученая и поэтическая разработка этих сказаний производилась, в особенности в эллинистическую эпоху, по стопам Тимея из Тавромения (см. о нем введение к фрагментам из его «Истории Италии и Сицилии»). Именно к нему и восходят упоминания об аргонавтах близ Керавнских (ныне хребет Кимара в Албании) гор, близ Адрии (так называемые Аписиртидские острова—по имени брата Медеи Аписирта) и Посидонии (Пестума) и на острове Эльбе. См. об этом схол. к Apoll. Rhod. и прим. к соответствующим местам].

⁴ [Кианеи—скалы, расположенные у выхода из Босфора в Черное море (постурецки—Урек-Яки), отождествленные с Симплегадами («сталкивающимися скалами») уже в милетской версии сказания об аргонавтах, представленного в «Одиссее»].

⁵ [Ээя—остров, на котором расположена Эя. См. об этом наименовании E u s t. к H o m., II, IX. 32].

⁶ [Планкты («блуждающие скалы») обыкновенно отождествляются с Симплегадами, но первоначально представляли собой нечто особое и локализовались в Мессинском проливе. Отличие их от Симплегад состояло еще и в том, что Планкты нужно было миновать, пройдя мимо них, тогда как Симплегады—пройдя между ними].

⁷ [В отличие от Западного (Атлантического) океана за Геракловыми столпами (Гибралтарским проливом)].

⁸ [Об аримаспах см. H e r., III, 116; об Аристее из Проконнеса см. выше, введение к отрывку из его «Аримаспеи», а также H e r., IV, 16].

под одно общее имя,—так все южные страны у океана назывались Эфиопией.

§28 (р. 34 С). Древнее мнение об Эфиопии разделяет и Эфор¹, который в рассуждении об Европе говорит, что если область неба и земли разделить на четыре части, то *часть, обращенную к востоку* [собственно к ветру Апелиоту], занимают индийцы, к югу [Ноту]—эфиопы, к западу—кельты, к северу [к ветру Борею]—скифы². *При этом* он прибавляет, что Эфиопия и Скифия больше других стран: «Кажется, говорит он, что эфиопский народ тянется от зимнего востока³ до запада, а Скифия противолежит ему».

5. РАЗБОР МНЕНИЯ ДЕМЕТРИЯ СКЕПСИЙСКОГО О ПОХОДЕ АРГОНАВТОВ

I. 2, 38—40 (45—46 С.)

§ 38 (р. 45 С). Неправильно также рассуждает Деметрий Скепсийский⁴, и даже *именно* он оказался виновником некоторых ошибок Аполлодора⁵. Горячо возражая Неанту Кизикскому⁶, сказавшему, что аргонавты во время засвидетельствованного Гомером и другими *писателями* плавания в Фасис воздвигли подле Кизика святилища Идейской матери⁷,—он говорит, что прежде всего Гомер даже не знал путешествия Язона в Фасис. Но это противоречит не только словам Гомера, но и его *собственным*: он говорит, что Ахилл опустошил Лесбос и другие местности, но воздержался от *опустошения* Лемноса и *близких к нему* островов вследствие родства с Язоном и сыном *его* Эвнеем⁸, тогдашним владельцем острова. Каким же образом поэт знал то, что Ахилл и Язон были родственниками или одноплеменниками, или соседями, или *людьми* близкими в каком бы то ни было отношении..., а не знал того, откуда вышло, что Язон, уроженец фессалийского города Иолка, на родине не оставил *по себе* никаких преемников, а сына *своего* поставил владыкою Лемноса! Или знал Пелия и его дочерей..., а из случившегося с Язоном, *кораблем* Арго и аргонавтами совсем не слышал того, о чем единогласно рассказывается всеми, *касательно* же плавания от Ээта без всякого исторического основания выдумал, *будто оно происходило* на океане?⁹.

§ 39. Ибо как все говорят, что плавание к Фасису, совершенное по распоряжению Пелия, имеет *за собою* некоторую вероятность, *так* и возвращение и занятие мимоездом некоторых островов и даже, *клянусь*

¹ [Об Эфоре, знаменитом историке IV в. до н. э., см. введение к отрывкам из его «Истории»].

² [См. выше схематический чертеж, помещенный при соответствующем отрывке из «Истории» Эфора].

³ [Т. е. от наиболее удаленной к югу точки восхода солнца].

⁴ [О Деметрии Скепсийском, греческом грамматике II в. до н. э., см. выше введение к его фрагментам].

⁵ [О Аполлодоре, греческом грамматике и мифографе II в. до н. э., см. введение к отрывкам из его «Библиотеки»].

⁶ [Неант Кизикский—греческий писатель, писавший преимущественно на исторические темы, живший в III в. до н. э. Считался принадлежащим к школе Исократы].

⁷ [Т. е. богине Кибеле, культ которой на горе Иде в Мисии был особенно знаменит в древности].

⁸ [См. II, VII, 468; XXIII, 747].

⁹ [В настоящее время считается доказанным, отчасти на основании приводимых Страбоном соображений, что в основе IX и X песен «Одиссеи» лежит милетский эпос об аргонавтах. По океану аргонавты совершали возвратный путь по всем древним версиям (до Пиндара включительно), пока успехи географии не убедили в невозможности выхода из Черного моря в океан и не заставили легенду искать других путей для возвращения на родину корабля «Арго», совершившего по художественному смыслу сказания кругосветное плавание].

Зевсом, отдаленное странствование *Язона*, подобно Одиссееву и Мене-лаеву, принадлежит к числу *фактов, засвидетельствованных* еще ныне существующими *памятниками* и удостоверенных голосом Гомера. У Фасиса показывается город Эя, царствование Ээта в Колхиде считается достоверным, и это имя у туземцев является народным. Существуют также рассказы о волшебнице Медее и о богатствах той страны, *состоящих* из золота, серебра и железа и заставляющих предполагать истинную причину похода, по которой и раньше Фрикс снарядил это плавание. Существуют и памятники обоих походов: Фриксов на рубеже Колхиды и Иберии, и Язоновы, которые показываются во многих местах Армении, Мидии и соседних с ними стран¹. Да и в окрестностях Синопы и на ее побережье, на Пропонтиде и Геллеспонте до местностей у острова Лемноса указывают много следов походов Язона и Фрикса, а *следы* путешествия Язона и преследовавших его колхов *указываются* даже до Крита, Италии и Адрия²; о некоторых из них свидетельствует и Каллимах, ... говоря ... о колхах: «Они, у Иллирийского пролива опустив весла, близ камня змея (ῥφιος)³ белокурой Гармонии основали городок, который какой-нибудь грек мог бы назвать «городком изгнанников (τὸ καὶ Φρυγῶν τις ἐνίσποι Γραικός⁴. Некоторые утверждают, что Язон со своими спутниками проплыл и вверх по Истру на большое расстояние, а другие—что даже до Адрия⁵. Одни говорят так по незнанию местностей, а другие утверждают, что и река Истр⁶, получая начало из большого Истра, впадает в Адрий; в этих словах нет ничего невероятного и невозможного.

§ 40. Воспользовавшись подобными поводами, поэт [т. е. Гомер] кое-что излагает согласно с историческими рассказами, но прибавляет к ним и от себя, следуя обычаю, общему *для всех поэтов* и своему собственному. Он согласен с *историческими рассказами*, когда называет Ээта, говорит про Язона и Арго, от Эи вымышляет Ээю... и на *основании рассказов* о Медее делает волшебницей Кирку, «родную сестру злокозненного Ээта»; но к этому *он* вымышляет выход в открытый океан во время странствований после этого плавания [т. е. в Колхиду]⁷...

6. РАЗБОР МНЕНИЙ ЭРАТОСФЕНА, СТРАТОНА И ГИППАРХА О СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ И ПОНТЕ

I, 3

§ 2... [Эратосфен] поверил, что Исский залив⁸ представляет собою самый восточный пункт нашего моря⁹, тогда как пункт у Диоскуриады¹⁰,

¹ [О памятниках Язона в Мидии автор говорит еще в XI, 13, 10; 14, 14].

² [О следах плавания аргонавтов в западно-средиземноморских водах см. выше Strabo, I, 2, 9—10 и прим. к этому тексту].

³ [Другое чтение: τάρσιον; «у могильного камня Гармонии»].

⁴ Об основании Пола [город в Истрии, сохранивший это имя и по сие время] колхами автор упоминает еще в V, 1, 9; «сооружение же это [т. е.—Пола] древнее колхов, высланных Медеей, не выполнивших поручения и осудивших сами себя на изгнание». Далее цитируются те же стихи Каллимаха, начиная с τὸ καὶ. [Ср. также прим. к упомянутому отрывку из Каллимаха, а также схол. к L u s o r h g., Alex., 1021].

⁵ [Версия сказания, ведущая аргонавтов вверх по Истру до раздвоения этой реки, впадающей вторым своим рукавом в Тирренское или в Адриатическое море, восходит к Тимею и использована Каллимахом и в особенности Аполлонием Родосским, см. выше].

⁶ [Имеется в виду «Малый Истр», идентифицируемый с речкой Изонцо, впадающей близ Аквилеи; см. E. P a i s, I duoi Istri etc., «Studi Storici», I, вып. 3, стр. 314].

⁷ [См. выше Od., XII, 59 сл., а также схол. и прим. к этому тексту].

⁸ [Исский залив—ныне Искендурун—глубокий залив в северо-восточном углу Средиземного моря].

⁹ [Т. е. Средиземного].

¹⁰ [Милетская колония на Кавказском побережье на месте нынешнего Сухуми].

лежащей в отдаленной окраине Понта, почти на три тысячи стадиев восточнее его даже по тому измерению по стадиям, о котором говорит он сам¹ ... Сказав, что древнейшие народы плавали и с целью грабежа или торговли, но не выходили в открытое море, а *плавали* вдоль берегов, как и Язон, который, *по его словам*, оставив корабли, из Колхиды дошел походом до Армении и Мидии², он потом говорит, что в древности никто не дерзал плавать ни по Эвксину, ни вдоль Ливии, Сирии и Киликии...

§ 4 (р. 49 С)... [Эратосфен] одобряет мнение физика Стратона³, а также лидийца Ксанфа⁴. Последний говорит, что при Артаксерксе⁵ случилась сильная засуха, так что высохли реки, озера и колодцы; что он сам знает во многих местах вдали от моря камни в виде раковин, отпечатки «морских гребней» и «херамид»⁶ и болота с морской водой в Армении, области матиенов и нижней Фригии, вследствие чего и убежден, что эти равнины некогда были *покрыты* морем. Стратон еще более входит в рассмотрение причин, говоря, что, по его мнению, Эвксин прежде не имел прохода у Византия, но что впадающие в него реки прорвали его *силою своего течения* и затем вода излилась в Пропонтиду и Геллеспонт... *Затем он говорит*, что Понт чрезвычайно мелок, а Критское, Сицилийское и Сардинское моря очень глубоки: так как в *Понте* течет множество огромных рек с севера и востока, то он наполняется илом, а прочие *моря* остаются глубокими, что поэтому-то *вода* Понтийского моря очень пресна, и течение его совершается в те места, где понижается дно; по его словам, ему кажется, что с течением времени весь Понт может быть занесен *илом*, если сохранятся подобные течения: ведь и теперь уже имеет вид болота часть левой стороны Понта, *именно* Салмидесс, называемые у моряков Грудями (Στήθη), местности у Истра и Скифская пустыня⁷...

§ 7 (р. 52 С)... Вообще не согласно с законами физики уподоблять море рекам; ибо реки текут по наклонному руслу, а море стоит без покатости. Пролиты имеют течение по другой причине, а не потому, что ил, *наносимый* из рек, возвышает морское дно. Заносы *ила* образуются у самых устьев рек, как, например, у устьев Истра так называемые Груды (Στήθη), Скифская пустыня и Салмидесс⁸, причем этому содействуют и другие потоки; у устьев Фасиса колхидское побережье, песчаное, низменное и топкое, у Термодонта и Ириса—вся Фемискира, равнина амазонок и большая часть Сидены; то же *бывает* и у других рек...

¹ [Данные эратосфенова измерения Понта см. выше и в отрывках из этого автора, где приводятся цитируемые П л и н и е м (NH, V, 47; VI, 3) измерения от Боспора Фракийского до Меотиды].

² [Имеется в виду рационалистическая версия мифа, отмеченная впервые, может быть, уже у Гекатея Милетского (см. В е r g e r, Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, стр. 37), заставляющая аргонавтов предпринимать пешее путешествие (или вброд) от верховьев Фасиса до Океана].

³ [Ученик Теофраста и глава школы перипатетиков, прозванный «физиком», жил в конце IV и первой половине III в. до н. э.].

⁴ [Один из младших логографов, живший в V в. до н. э., автор «Истории Лидии» в четырех книгах].

⁵ [Имеется в виду персидский царь Артаксеркс I (465—425 гг. до н. э.)].

⁶ Виды раковин.

⁷ Мнение Стратона автор разбирает в § 5 и след. Из этого разбора мы приводим только отрывок § 7, прямо относящийся к Понту. [Салмидесс—фракийский прибрежный город на месте современного порта Мидиах в Румелии. Относительно песчаных наносов перед устьем Дуная, именуемых Στήθη ср. P o l y b., IV, 41. «Скифская пустыня»—местность у реки Истра на западном берегу Понта, названная так моряками, вероятно, по вошедшему у греков в поговорку выражению Σχιθών ἐρημία (ср. выше схол. к A r i s t o p h., Ach., V, 704)].

⁸ [Ср. прим. к S t r a b o, I, 3, § 4].

§ 15 (р. 57 С)... Сказав, что, если бы наше море раньше образования разрыва у *Геракловых* столпов настолько наполнялось водою, насколько говорит Эратосфен, то и вся Либия и большая часть Европы и Азии должны были бы раньше находиться под водою, [Гиппарх] прибавляет к этому, что и Понт должен был бы в некоторых местах сливаться с Адрием, так как Истр, начиная от местностей у Понта, разделяется на *два рукава* и течет в то и другое море вследствие положения страны. Но Истр берет начало не из припонтийских местностей, а, напротив, из гор, *лежащих* над Адрием, и течет не в оба моря, а только в Понт, разделяясь на *рукава* только у самых устьев. Здесь он разделяет неверное представление некоторых из своих предшественников, предполагавших существование одноименной с Истром реки, отделяющей от него и впадающей в Адрий; от нее, *по их мнению*, получил *свое* название народ истров¹, через *страну* которого она протекает, и Язон этим путем совершил обратное плавание из Колхиды².

7. О ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ НАРОДОВ

I, 3, 21 (р. 61 С.)

.... Присоединяют [к переменам от землетрясений] и перемены от переселений... Так, западные иберы³ переселились в местности, *лежащие* выше Понта и Колхиды и, по словам Аполлодора, отделяемые от Армении *рекою* Араксом, а на самом деле скорее Киром и Мосхийскими горами⁴; египтяне *переселились* к эфиопам и колхам⁵... Вообще ныне составленный труд *наш* полон подобных примеров; некоторые из них известны большинству *читателей*; переселения же каров, треров, тевкров и галатов⁶, как равно и отдаленные странствования вождей, *как например*, Мадия скифского, Теарко эфиопского, Коба трерского, Сесостриса и Псамметиха египетских⁷, или

¹ [Термодонт, Ирис и Сидена—реки в Малой Азии, впадающие в Черное море,—ныне Терме-Чай, Ешил-Ирмак и Полеман-Чай. Фемискира—город, мифическая столица амазонок при устье реки Термодонта].

² [Ср. прим. к *Strabo*, I, 2, § 39. Разбираемое представление Гиппарха, знаменитого греческого астронома, жившего во II в. до н. э., не столь уж неверно, ибо оно основано на реальных связях Истрии с рекой Истром посредством древнего перевалочного судоходства].

³ [Т. е. жители Пиренейского полуострова. Страбон, как и другие древние авторы, связывает с переселением народов племенные и топонимические аналогии, объясняемые современной наукой единообразием лингвистического развития доиндоевропейской средиземноморской языковой среды].

⁴ [Кир—современная Кура; Мосхийские горы—хребет Малого Кавказа в западной его части].

⁵ [Представления об этническом родстве египтян и колхов восходят к *Геродоту* (II, 103 сл., см. прим. к этому тексту), который вряд ли, однако, является их автором. Вслед за ним, с некоторыми вариантами, их повторяют другие писатели. Любопытные детали на этот счет дает *Аполлоний Родосский* (IV, 272 сл.).]

⁶ [Из перечисленных племен кары, или карийцы, населяли юго-западную часть Малой Азии и, смешиваясь часто с лелегами, почитались, по отношению к глубокой древности, жителями обширных пространств Малой Азии и островов Эгейского моря (см. о них *Strabo*, VII, 7, 2; VIII, 6, 15; XII, 8, 6 и т. д.); треры—племя, считавшееся родственником фракийцам и киммерийцам, нередко смешиваемое с последними и сопоставлявшее им в походах в Малую Азию (*Strabo*, I, 3, 18; XIII, 1, 8; XIV, 1, 40); тевкры—фракийское племя, вместе с мисийцами переселившееся на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в Малую Азию; Страбон производит их, как и мисийцев, с юга (*Strabo*, XIII, 1, 48); галаты—галлы, переселившиеся в Малую Азию в III в. до н. э.].

⁷ [О Мадии или Маде, сыне Прототия, царе скифов (или киммерийцев) см. *Нерг.* I, 103; Коб, вождь треров, ближе неизвестен; Теарко отождествляется с Тахаркой—последним царем XXV династии Египта; Сесострис—египетский фараон Рамсес II; Псамметих I—египетский фараон, основатель Саисской (XXVI) династии, царствовал в VII в. до н. э. (приблизительно 664—610 гг.)].

странствований персов от времен Кира до Ксеркса—не всем известны, подобно *предыдущим*. Киммерийцы, которых называют и трерами, или какой-нибудь из их народцев, часто делали набеги на правую сторону Понта и смежные с нею *области*, вторгаясь то в Пафлагонию, то даже во Фригию.... Часто и киммерийцы и треры совершали подобные набеги; треры и Куб, в конце концов, говорят, были изгнаны киммерийским (Κιμμερίων¹) царем Мадием²...

8. МНЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ О ВЕЛИЧИНЕ И ВИДЕ ОБИТАЕМОЙ ЗЕМЛИ

I, 4,2 (р. 63 С.).... Затем, определяя ширину обитаемой *земли*, [Эратосфен] говорит, что от Мероэ³ по *проходящему* через нее меридиану до Александрии десять тысяч *стадиев*, отсюда до Геллеспонта—около восьми тысяч ста, затем до Борисфена пять тысяч, наконец, до круга, *проходящего* через Туле⁴... еще около одиннадцати тысяч пятьсот.

I, 4,4. Гиппарх и другие *писатели* предполагают, что параллельный *круг*, *проходящий* через Борисфен, тождествен с *проходящим* через Византий, с массалийским⁵...

I, 4, 7. Затем [Эратосфен] говорит, что было много рассуждений о материках и что одни разделяют их реками, *именно*: Нилом и Танаисом, представляя в виде островов, а другие—перешейками, *именно*: 1) находящимися между Каспийским и Понтийским морями и 2) находящимися между Красным *морем* и Экрегматом⁶, причем эти *последние* называют материка полуостровами; он замечает *при этом*, что не понимает, каким образом подобное исследование может иметь практическое значение, и считает его скорее только спором *людей*, подражающих Демокриту⁷.

II, 1, 11. Что морской путь от Амиса до Колхиды идет *по направлению* к равноденственному востоку⁸, *это* доказывается и ветрами, и временами года, и плодами, и самим восходом солнца; в том же направлении *идет* перевал к Каспийскому *морю* и следующий затем путь до Бактрии⁹.

¹ «Что Страбоном не могло быть написано Κιμμερίων, ясно из предшествующего, однако многие после Penzelius'a этого не заметили: без сомнения, он написал Σχιδών; см. Н е г., I, 103» (Kramer). Это [чтение] принял в текст Мейнеке.

² [О киммерийцах и об их походах в Малую Азию см. Н е г., I, 15; 103 сл.].

³ [Мероэ—столица Эфиопского царства в одноименной области (именуемой также Нубия) на реке Ниле близ современного Шенди].

⁴ [Туле—остров в Северном океане, находящийся, по данным знаменитого путешественника массалиота Питей, в шести днях плавания к северу от берегов Британии. По расчетам Гиппарха и Эратосфена (P l i n., NH, IV, 104), остров Туле лежал на полярном круге].

⁵ [Другими словами, Страбон, основываясь на расчетах Гиппарха, полагает, что устье Днепра, Византий и Массилия лежат на одной параллели,—доказательство того, что действительное положение отдельных географических пунктов по отношению к экватору было в эпоху Страбона недостаточно известно].

⁶ [Т. е. водоразделом].

⁷ [Демокрит—знаменитый греческий философ (умер в 361 г. до н. э.), основатель атомистической теории строения мира. Разделение материков реками—Фасисом или Танаисом, о котором говорит Страбон, установилось еще со времен Анаксимандра, причем речь шла лишь о двух—Азии и Европе. Позднее различали также и Ливию, отделившуюся от Азии рекою Нилом. Разделение материков перешейками—Кавказским и Суэцким—имеет в виду те же три материка или части света].

⁸ [Т. е. по направлению к точке восхода солнца во время равноденствия].

⁹ В данном месте автор подтверждает мнение Эратосфена, приведенное выше в § 3 той же главы и упомянутое еще в § 5 при опровержении возражения Гиппарха. Ввиду того, что во всех трех местах мнение это высказывается почти в одних и тех же выражениях, мы сочли достаточным привести только одно место, а не все три.

9. ЗАМЕЧАНИЕ О КЛИМАТЕ СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ПОНТА

II, 1, 16 (p. 73 C.)

Какое же подобное этому¹ благосостояние можно найти около Борисфена и приокеанской Кельтики? Ведь там даже не растет виноградная лоза или, *по крайней мере*, не дает плодов. В местностях более южных и приморских, *а также в странах* по Боспору она дает плоды, но мелкие, и на зиму засыпается *землею*. Лед в этих *местностях* столь крепок у устья Меотийского озера², что в *той* месте, где зимою военачальник Митридата победил варваров в конной битве на льду, *он же* разбил в морском сражении тех же *варваров* летом, когда лед растаял. Эратосфен приводит и надпись в пантикапейском храме Асклепия на лопнувшей от мороза медной гидрии: «Если кто из людей не верит, что у нас делается, пусть убедится, взглянув на эту гидрию, которую поставил *здесь* жрец Стратий не в качестве прекрасного приношения богу, а в доказательство суровости зимы». Итак, если климатические условия перечисленных местностей нельзя сравнивать даже с боспорскими³, не говоря уже о том, что замечается в Амисе и Синопе (ведь эти местности можно назвать *еще* более умеренными *по климату*, нежели те), то едва ли можно их сравнивать с местностями по Борисфену и окраинами Кельтики. Ибо вряд ли находятся на одной высоте с Амисом, Синопой, Византием и Массалией те пункты, которые единогласно признаются *лежащими* на три тысячи семьсот стадиев южнее Борисфена и кельтов.

10. ТРИ СВИДЕТЕЛЬСТВА ГИППАРХА, КАСАЮЩИЕСЯ СКИФИИ И КАВКАЗА

II, 1

§ 18 (p. 75 C.). Гиппарх говорит, что у Борисфена и в Кельтике в продолжение целых летних ночей свет солнца дает отблеск, простираясь кругом от запада к востоку, а во время зимнего солнцеворота солнце поднимается *над горизонтом* никак не больше, чем на девять локтей.

§ 39 (p. 91 C.)... [Гиппарх] говорит, что и по Эратосфену один и тот же меридиан *проходит* и через Канопское устье *Нила* и через Кианеи и отстоит он от Тапсакского [меридиана] на шесть тысяч триста стадиев, а Кианеи *отстоят* на шесть тысяч шестьсот стадиев от Каспийской горы, которая лежит у перевала из Колхиды к Каспийскому морю; таким образом, если вычесть триста стадиев, получается одинаковое расстояние от Кианейского меридиана до Тапсака и Каспийской *горы*; стало быть, Тапсак и Каспийская *гора* некоторым образом лежат на одном и том же меридиане⁴.

¹ Выше говорилось о климате и естественных произведениях стран, лежащих к югу от Каспия и Понта.

² [Т. е. в Керченском проливе].

³ [Имеются в виду местности на берегах Боспора Фракийского].

⁴ [Тапсак—сирийский город (в Халибонитидской области на левом берегу реки Евфрата, современный Тифсах); Каспийская гора—вершина Кавказа в районе Сурамского перевала. В данном случае приводимые Страбоном расчеты Гиппарха приблизительно соответствуют действительности].

11. МНЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ О НАПРАВЛЕНИИ ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ТАНАИС

II, 4

§ 5 (р. 107 С.)... Ложно то *мнение Полибия*, что Танаис течет от летнего востока: ибо все сведующие в *географии этих* стран утверждают, что он течет с севера в Меотиду, так что устья реки, выход из Меотиды и самая река, насколько она известна, лежат на одном и том же меридиане¹.

§ 6. Некоторые не заслуживающие внимания *писатели* говорили, что Танаис берет начало из мест, близких к Истру, и *течет* с запада, не сообразив *при этом*, что в промежутке текут в Понт большие реки Тира, Борисфен и Гипанис, *из коих* первая параллельна Истру, а прочие—Танаису; и если не открыты истоки ни Тиры, ни Борисфена, ни Гипаниса, то *страны, лежащие* севернее их, должны быть еще гораздо менее известны. Стало быть, мнение, проводящее Танаис к Меотиде через эти *страны* и затем заставляющее делать поворот к ней (ибо устья *реки* ясно указываются в северных частях озера и притом в самом восточном *их краю*), должно быть ложно и неосновательно². Точно так же неосновательно *мнение*, утверждающее, что эта река течет через Кавказ к северу и затем поворачивает в Меотиду. Есть и такое мнение; но никто не говорит, что она течет с востока: ибо если бы она текла таким образом, то более авторитетные *писатели* не стали бы указывать, что ее течение противоположно Нилу и некоторым образом диаметрально *противоположно*, как будто бы течение обеих рек идет по одному и тому же меридиану или по соседнему.

§ 7, конец (р. 108 С). Не несообразно принимать за границы *материков* Танаис или Нил, но *считать таковыми* летний или равноденственный восток—странно³.

12. ЗАМЕЧАНИЯ О НАСЕЛЕНИИ СКИФИИ

II, 5, 7 (р. 114 С.)

Выше Борисфена обитают крайние из известных нам народов скифского племени—роксоланы⁴, живущие южнее последних известных нам

¹ [Одного взгляда на карту достаточно для того, чтобы убедиться в чрезвычайной смутности страбоновых представлений о географическом положении Азовского моря и течения Дона, а следовательно, и ошибочности вышеприведенных расчетов].

² [Страбон полемизирует в данном случае с географами, придерживавшимися мнения Тимея из Тавромения, опиравшегося на Питея, соответственно которому верховья реки Танаиса или его «северное устье» лежат на Северном океане (Балтийском море)].

³ В следующем параграфе Страбон подвергает критике свидетельства Эратосфена и Полибия о числе полуостровов Европы: по мнению первого, всех полуостровов—три и на последнем из них живут все народы, что между Адриатическим морем, Понтом и Танаисом, по мнению второго, всех полуостровов—пять, из коих последний—у Киммерийского Боспора и устья Меотиды. Страбон соглашается относительно двух первых полуостровов, а остальные, по его мнению, требуют иного разделения.

⁴ [Роксоланы, которых Страбон помещает так далеко к северу,—одно из сарматских племен, известное у более поздних авторов (P l i n., NH, IV, 80), которые помещают его к северо-западу от Меотиды. Имя их следует рассматривать как идентичное имени племени ревкиналов (P t o l., III, 5, 7) и как собирательное для некоторых других мелких племенных подразделений сарматов. В начале нашей эры, вероятно под давлением аланов, роксоланы перемещаются к западу до Днестра, где и вступают в середине I в. н. э. в соприкосновение с римлянами].

обитателей *стран, лежащих* выше Британии. Лежащие за ними страны уже необитаемы вследствие холода. Южнее их и выше Меотиды живут савроматы и скифы до места жительства восточных скифов¹.

13. РАССТОЯНИЕ ОТ БОРИСФЕНА ДО СЕВЕРНОГО ПРЕДЕЛА ЗЕМЛИ

II, 5, 9 (p. 116 C.)

... Если прибавить к расстоянию от Родоса до Борисфена расстояние в четыре тысячи стадиев от Борисфена до северного *предела земли*, то получается всего двенадцать тысяч семьсот стадиев.

14. ЗАМЕЧАНИЯ О СОВРЕМЕННЫХ АВТОРУ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЯХ

II, 5, 12 (p. 118 C.)

...Преимущественно современники наши могут сообщить кое-что *достоверное* о том, что касается британцев, германцев и *народов, обитающих* по Истру как по сю, так и по ту сторону, *именно* гетов, тирегетов и бастарнов², а также и *народов* кавказских, как, например, албанов и иберов³.

15. ИЗ ОПИСАНИЯ СРЕДИЗЕМНОГО И ЧЕРНОГО МОРЕЙ И ОКРУЖАЮЩИХ ЗЕМЕЛЬ

II, 5

§ 18 (p. 121 C.). Мы говорим, ... что наша обитаемая земля, будучи окружена морем, принимает в себя из внешнего моря, что у океана, много заливов, а самых больших четыре; из них северный называется Каспийским морем, а некоторые называют его Гирканским; Персидский же и Аравийский *заливы* вливаются от южного моря, первый, главным образом, против Каспийского моря, а второй—*против* Понтийского; четвертый *залив*, значительно превосходящий по величине вышеупомянутые, образует море, называемое внутренним и нашим; оно получает начало на западе от пролива у Геракловых столпов и тянется до восточной части, имея разную ширину, затем разделяется и оканчивается двумя морскими заливами, одним слева, который мы называем Понтом Эвксинским, и другим—состоящим из Египетского, Памфилийского и Исского морей.

§ 22 (p. 124 C.)... Эгейское море и Геллеспонт изливаются к северу в другое море, которое называют Пропонтидой и это *опять* в другое, *именно* в так называемый Эвксинский Понт. Этот *последний* состоит как бы из двух морей: почти по середине его выдвигаются два мыса, один—из Европы, с северной стороны, а другой, противоположный этому,—из Азии; они суживают *находящийся* между ними пролив и образуют два больших моря. Европейский мыс называется Бараний лоб (Κριοῦ μέσθου), а азиат-

¹ [О савроматах см. Н е г., IV, 110 сл., Н и р р., de aër., aq., loc., 24 сл. и прим. к этим текстам. Под восточными скифами Страбон разумеет кочевые племена нижневолжских и среднеазиатских степей].

² [О фракийском племени гетов см. Н е г., IV, 93 и Т h u с., II, 96 и прим. к указанным текстам; тирегеты или тирагеты, упоминаемые здесь Страбоном,—вероятно, ветвь племени гетов, помещаемая Птолемеем к западу от реки Тиры (P t o l., III, 5, 25); бастарны—германское племя, проникшее в III в. до н. э. на Балканы и оттесненное римлянами в I в. до н. э. за Дунай в область Днестра, где их, видимо, и локализует Страбон].

³ [Об албанах и иберах см. ниже, S t r a b o, IX, 3—4].

ский—Карамбис; они отстоят друг от друга приблизительно на тысячу стадиев. Море к западу *от них* имеет в длину от Византия до устьев Борисфена три тысячи восемьсот стадиев, а в ширину две тысячи; в нем есть остров Белый (Λεῦκῆ)¹. Восточное море имеет продолговатую форму и оканчивается узким заливом у Диоскуриады², имея в длину пять тысяч стадиев или немного больше, а в ширину—около трех тысяч. Окружность всего моря *равняется* приблизительно двадцати пяти тысячам стадиев. Некоторые уподобляют форму этой окружности натянутому скифскому луку, приравнивая тетиве так называемые правые части Понта (это—путь от устья до залива у Диоскуриады; ибо за исключением Карамбиса весь остальной берег имеет *лишь* небольшие углубления и выпуклости, так что подобен прямой линии), а остальной берег—рогу лука, имеющему двойной изгиб, *именно*, верхний более округленный и нижний более прямой; так, говорят они, и этот берег образует два залива, из коих западный гораздо круглее другого³.

§ 23. Выше восточного залива к северу лежит Меотийское озеро, имеющее в окружности девять тысяч стадиев или даже немного больше. Изливается оно в Понт через так называемый Киммерийский Боспор, а Понт—в Пропонтиду через Боспор Фракийский...

§ 25 (р. 126 С.)... Коротко говоря, самый южный пункт нашего моря—углубленная часть большого Сирта и за нею—египетская Александрия и устья Нила, а самый северный—устье Борисфена; если же кто присоединяет и Меотиду к *этому* морю (ведь и в самом деле она составляет как бы часть его), то *таким* пунктом будет устье Танаиса. Самый западный пункт,—пролив у Столпов (Στῆλαι)⁴, а самый восточный—сказанный залив при Диоскуриаде⁵. Эратосфен неправильно называет *самым* восточным пунктом Искский залив: ибо он находится на том же меридиане, на котором Амис и Фемискира; а если хочешь, присоедини и Сидену до Фарнакии⁶. От этих частей к востоку более трех тысяч стадиев плавания до Диоскуриады, как *это* яснее будет видно из подробного описания. Таково наше море.

§ 26 (р. 127 С.). Теперь следует описать и окружающие *это* море земли, начав с тех самых частей, с которых мы *начали* и описание моря. Итак, если всплыть в пролив у Столпов (Στῆλαι), то направо *будет* Либия..., а налево противолежащая ей Европа до Танаиса; обе *эти* части света заканчиваются у Азии. Описание их следует начать с Европы, так как она замечательна разнообразием форм, весьма благоприятна для облагораживания *стдельных* людей и государств и уделила весьма много из свойственных ей благ прочим *землям*. Вся она удобообитаема за исключением небольшой части, необитаемой вследствие холода; эта часть служит пределом кочевникам, живущим по Танаису, Меотиде и Борисфену...

§ 30 (р. 128 С.). За Италией и Кельтикой находятся остальные, *обращенные* к востоку страны Европы, которые делятся на две *части* рекою Истром. Эта река течет с запада к востоку и Эвксинскому Понту, влево оставляя всю Германию, начинающуюся от Рейна, всю *землю* гетскую и *земли* тиретгов, бастарнов и савроматов⁷ до реки Танаиса и Меотийского озера.

¹ [Перед устьем Дуная, см. о нем прим. к P s. - S c y m n., 790 сл.].

² [Представление о заливе у Диоскуриады(нынешнего Сухуми) основано на каком-то недоразумении].

³ [См. подобное же сравнение у Н е с., fr. 163].

⁴ [Имеются в виду Геракловы столпы—Гибралтарский пролив].

⁵ [Ср. выше, прим. к § 22].

⁶ [Фарнакия—город, выстроенный понтийским царем Фарнаком на месте греческой колонии Керасунта. О реке Сидене см. выше, прим. к S t r a b o, I, 3, 7].

⁷ [О названных племенах см. выше, прим. к S t r a b o, II, 5, 7; 9].

§ 31 (р. 129 С.). От Танаиса и Меотиды непосредственно следуют *страны* по сю сторону Тавра, а за ними—*лежащие* по ту сторону. Ибо, так как Азия делится надвое горою Тавром¹..., то склоняющуюся к северу часть материка эллины называют *лежащею* по сю сторону Тавра, а *склоняющуюся* к югу—*лежащею* по ту сторону. Части, прилежащие к Меотиде и Танаису,—это *страны* по сю сторону Тавра. Их передние части лежат между Каспийским морем и Эвксинским Понтом, с одной стороны заканчиваясь у Танаиса и океана, как внешнего, так и *сливающегося* с Гирканским морем, а с другой—у перешейка, где наиболее близко *расстояние* от угла Понта до Каспийского моря. Затем по сю сторону Тавра *лежат* страны над Гирканским морем до области индийцев и скифов, *живущих* у этого самого моря и Имейской горы². Эти страны занимают, во-первых, меоты [савроматы] и племена, *живущие* между Гирканским морем и Понтом до Кавказа, иберов и албанов³, *именно*: савроматы, скифы, ахейцы, зиги и гениохи⁴, а затем над Гирканским морем—скифы, гирканы, парфяне, бактры, согдианы⁵, *далее следуют* прочие страны, лежащие выше индийцев к северу. К югу же от части Гирканского моря и всего перешейка между этим морем и Понтом лежит большая часть Армений, Колхиды и вся Каппадокия до Эвксинского Понта и тибаренских народностей⁶...

§ 42 (р. 135 С.). В *местностях*, отстоящих от Византии к северу приблизительно на три тысячи восемьсот стадиев, наибольший день равняется шестнадцати равноденственным часам... Места эти находятся около Борисфена и южных частей Меотиды и отстоят от равноденственного круга на расстояние около тридцати четырех тысяч ста *стадиев*. Северная сторона горизонта *там* в продолжение почти целых летних ночей освещается солнцем, так как свет с запада распространяется вплоть до востока..., а в зимние дни солнце поднимается никак не больше, чем на девять локтей. Эратосфен говорит, что эти *места* отстоят от Мероэ⁷ немногим больше, чем на двадцать три тысячи *стадиев*, *именно*, до Геллеспонта восемнадцать тысяч и затем пять тысяч до Борисфена. В *местностях* же, отстоящих от Византии приблизительно на шесть тысяч триста *стадиев* и находящихся севернее Меотиды, в зимние дни солнце поднимается не более, чем на шесть локтей, а наибольший день равняется семнадцати равноденственным часам.

§ 43. *Местности*, лежащие за *вышеупомянутыми* и уже приближающиеся к поясу, необитаемому вследствие холода, уже бесполезны для географа...

16. ЗАМЕЧАНИЯ О ГОМЕРОВСКИХ КИММЕРИЙЦАХ

III, 2, 12 (р. 149 С.)

... Гомер, зная, что киммерийцы поселились в северных и мрачных местностях у Боспора, поместил их возле преисподней, быть может, даже вследствие общей ионийцам ненависти к этому племени: ведь, *именно*, во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев в Азию до Эолиды и Ионии⁸...

¹ [Тавр—горный хребет, разделяющий Малую Азию в направлении с юго-запада на северо-восток].

² [Имейская гора или горы—западная часть Гималайского хребта].

³ [Об иберах и албанах см. ниже, XI, 3—4].

⁴ [О трех последних из названных племен см. ниже, XI, 2, 12 и сл.].

⁵ [Названные племена населяли одноименные персидские провинции, расположенные к югу и юго-востоку от Каспийского моря].

⁶ [О тибаренах см. Хен., Anab., V, 5, 1 сл.].

⁷ [См. выше, прим. к Strabo, I, 4, 2].

⁸ [О киммерийцах и об их походах в Малую Азию см. прим. к Нег., I, 103 сл.; о киммерийцах гомеровского эпоса ср. схоласт. к Od., XI, 12 сл. и прим. к ним].

17. ЗАМЕЧАНИЕ О ПОНТИЙСКИХ БОБРАХ

III, 4, 15 (p. 163 С.)

... В *испанских* реках водятся бобры, но их струя не имеет одинакового свойства со струею понтийских бобров: ибо *только* понтийской присущее целебное свойство, как *это замечается и во многих других предметах...*

18. ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АРИЦИЙСКОГО СВАТИЛИЩА ДИАНЫ

V, 3, 12 (p. 239 С.)

... За Албанской *горой* [в Лациуме] лежит город Ариция на Аппиевой дороге... Святилище Артемиды, которое называют рощею, *находится* с левой стороны дороги, если итти из Ариции. Святилище арицийской *богини* считают учреждением *Артемиды* Таврополы¹, ибо в священных обычаях преобладает варварский и скифский *элемент*: так, в жрецы ставится беглец, убивший прежнего жреца; поэтому *жрец* всегда вооружен мечом, остерегаясь нападений и *будучи* готов защищаться...

19. ЗАМЕЧАНИЕ О СОВРЕМЕННОМ АВТОРУ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ СКИФИИ И КАВКАЗА

IV, 4, 2 (p. 288 С.)

... Подобная *Африке* судьба постигла и Азию. Сначала она управлялась покорными *римлянам* царями, а впоследствии, когда *царские династии* прекратились, как *это случилось*, например, с царями из рода Аттала, сирийскими, пафлагонскими, каппадокийскими и египетскими, или же *цари* отпадали *от римлян* и затем были лишены власти, как это случилось с Митридатом Эвпатором и Клеопатрой Египетской, — *с тех пор* все *области* по сю сторону Фасиса и Евфрата, кроме некоторых *частей* Аравии, находятся под властью римлян и назначенных ими династов. Армяне же и живущие выше Колхиды албанцы и иберы нуждаются только в присутствии правителей и легко удерживаются в повиновении, а восстают *только* тогда, когда римляне заняты другими делами; так же *держат себя* и обитатели побережья Эвксина по ту сторону Истра², за исключением боспорцев и номадов: первые покорны *римлянам*, а вторые ни к чему не годны вследствие трудности сношений *с ними* и требуют только *присутствия* гарнизонов *для отражения их нападений...*

20. ОПИСАНИЕ ТЕЧЕНИЯ РЕКИ ИСТРА

VII, 1, 1 (p. 289 С.)

Сказав об Иберии и кельтических и итальянских народах с близлежащими островами, нам следует затем говорить об остальных частях Европы, разделив *их* подходящим способом. Остаются *страны* к востоку за Рейном до Танаиса и устья Меотийского озера, а *так же все пространство*, которое

¹ [Об Артемиде Таврополе и ее культе см. Е и г., Iph. Тауг., 28 сл. и прим. к этому месту].

² [Т. е. к востоку от устья реки Дуная].

охватывает Истр между Адрием и левыми берегами Понтийского моря к югу до Эллады и Пропонтиды. Эта река, величайшая из *всех* европейских рек, разрезывает на две части почти всю сказанную область, протекая сначала к югу, а потом круто поворачивая с запада к востоку и Понту. Она берет начало от западных пределов Германии, недалеко и от самого углубленного пункта Адриатического *моря*, на расстоянии около тысячи стадиев от него; и вливается же она в Понт недалеко от устьев Тир и Борисфена, слегка отклоняясь к северу. Итак, к северу от Истра лежат страны за Рейном и Кельтикой, где живут племена галатские и германские до бастарнов, тирегетов¹ и реки Борисфена, затем все пространство между этой рекой, Танаисом и устьем Меотиды, которое простирается *внутрь* материка до Океана и омывается Понтийским морем... Сначала мы скажем о странах по ту сторону Истра, потому, что *их описание* гораздо проще *описания* стран по сию сторону.

21. МНЕНИЕ ПОСИДОНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

VII, 2, 2 (p. 293 C.)

Посидоний²... неплохо предполагает, что кимвры, будучи разбойниками и кочевниками, совершали походы даже до *местностей* по Меотиде и что от них-то получил название и Киммерийский Боспор, *т. е.* как бы Кимврийский, ибо эллины называли кимвров киммерийцами³...

22. НЕИЗВЕСТНОСТЬ СЕВЕРНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ

VII, 2, 4 (p. 294 C.)

Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль океана. Известны они, начиная от устьев Рейна до Альбиса [Эльбы]); наиболее известные из них—сугамбры и кимвры⁴; *страны* же за Альбисом у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль *этих берегов* к восточным странам, *простирающимся* до устья Каспийского моря, а *также* и римляне еще не заходили в страны по ту сторону Альбиса; равным образом и сухим путем никто *туда* не путешествовал. Но что, если идти по длине к востоку, то встретятся местности, *лежащие* по Борисфену к северу от Понта,—это явствует из климатов и параллельных расстояний. Что же находится за Германией и что за другими *странами*, к ней прилежащими,—нужно ли принять бастарнов, как предполагает большинство, или другие *народы* между ними и *германцами*, или язигов, или роксоланов⁵, или каких-либо других, *из числа* живущих в повозках,—это сказать не легко; *трудно также сказать*, простираются ли они до океана по всей длине, или есть *там* какая-либо страна, необитаемая вследствие

¹ [О названных племенах см. выше, прим. к Strabo, II, 5, 9].

² [О Посидонии Апамейском см. выше, введение к его фрагментам].

³ [О кимврах—кельтском племени, совершившем вместе с тевтонами нападение на Италию в конце II в. до н. э. и лишь с той поры известном греческим и латинским писателям, принявшим их за баснословных киммерийцев, см. еще прим. к соответствующим фрагментам из Посидония].

⁴ [Сигамбры (у Страбона сугамбры)—одно из крупнейших древнегерманских племен на реке Рейне].

⁵ [О бастарнах см. выше, прим. к Strabo, II, 5, 12; о роксоланах, с которыми жило рядом близ Дуная сарматское же племя язигов, см. прим. к Strabo, II, 5, 7].

холода или по другой причине, или следует другое племя, живущее между морем и восточными германцами. Точно такая же неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее: ибо мы не знаем ни бастарнов, ни савроматов и вообще *никого* из живущих выше Понта; *не знаем* ни *того*, насколько они удалены от Атлантического моря, ни соприкасаются ли они с ним.

23. ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ ГЕТОВ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СКИФИИ

VII, 3 (р. 295—308 С.)

Перевод С. В. Мирошниковой

1. Южная часть Германии по ту сторону *реки* Альбиса, непосредственно к ней примыкающая, занята свевами¹; затем тотчас следует земля гетов, сначала узкая, тянущаяся южной стороной вдоль Истра, а противоположной—вдоль предгорьев Геркинского леса, занимая *впрочем* и часть самых гор², затем расширяется к северу до тирегетов (Τυρρεγετῶν)³, точные границы ее мы указать не можем... Достойны замечания же писатели, которые при незнании этих стран поместили здесь Рипейские горы и гипербореев⁴, поверив измышлениям мифографов, как например, Питей Массалиот⁵, который много налгал в своих описаниях земель, лежащих при Северном океане; его ложь, впрочем, искусно прикрыта астрономией и математикой. Нам, однако, не подобает обращать особенное внимание на подобных мифографов, куда должно причислить и Софокла, который в известной трагедии говорит, как Орейтия⁶ была похищена и унесена Бореем:

*«Чрез все пространства моря к граням мира,
К истокам ночи, к основанью неба,
Где Феба манит изначальный рай»⁷*

¹ [Одно из наиболее крупных германских племен, включавшее в себя многочисленные более мелкие племенные образования, жившее между Балтийским морем и Дунаем к востоку от Эльбы].

² [Геркинский лесом, а также Геркинскими Альпами, которые и имеет в виду Страбон, упоминая о горах, в древности называлась лесистая и гористая местность к северу от верхнего течения реки Дуная, с весьма неопределенными границами].

³ Τυρρεγετῶν (кодексы), Τυρρεγετῶν (издания). [О тирегетах см. выше, прим. к Strabo, II, 5, 12].

⁴ [Рипейскими (а иногда и Гиперборейскими) горами в глубокой древности (см. Aesch., Prom., 805) назывались мифические горы (и в широком смысле—мифическая страна, расположенная на крайнем севере) у истоков больших европейских рек—Истра и Танаиса (Pind., Ol., III, 13 сл.). В более позднее время это наименование довольно прочно закрепилось за Уральскими горами (начиная с Геродота, IV, 13), хотя и в дальнейшем отмечаются колебания, позволяющие локализовать их далее к востоку (например, на Алтае). О гиперборейцах вообще см. прим. к Нег., IV, 32].

⁵ [Питей из Массилии, знаменитый греческий путешественник и географ, живший в IV в. до н. э. и совершивший, по словам Дикеарха (Strabo, I, 4, 3; II, 1, 18 и т. д.), два путешествия в северные страны, из которых первое имело своей целью посещение Британии и острова Туле (оно было описано Питеем в его сочинении «Об океане»), а второе, состоявшее в исследовании северо-западных берегов Европы вплоть до северного устья реки Танаиса, описано было Питеем в его «Перипле». Опровержению фантастических сведений Питея о северных странах Страбон уделяет много труда в разных местах своей «Географии»].

⁶ [Нереида, отождествленная с дочерью мифического царя Аттики Эрехтея, похищенная, по преданию, Бореем].

⁷ [Soph., fr. 870, Предположительно из утраченной трагедии «Орейтия». См. Софокл, Трагедии (пер. Зелинского), III, стр. 419, а также стр. 373].

2. Эллыны считали гетов фракийским *народом*; они жили по обеим сторонам Истра, равно как и мисийцы, тоже *народ* фракийского происхождения, который ныне называют мезийцами; от них произошли и те мисийцы, которые ныне живут между Лидией, Фригией и Троадой¹. Мне кажется, Посидоний верно предполагает, что Гомер разумеет европейских мисийцев (т. е. *живущих* во Фракии), когда говорит: «сам же Зевс назад обратил блестящие очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев и сражающихся врукопашную мисийцев»². Ведь если бы понимать здесь *тех* мисийцев, что в Азии, то речь *поэта* была бы бессмысленна. В самом деле, отвертив взоры от троянцев к земле фракийцев, ставить рядом с этою *последнею* землею мисийцев, живших не вдали, а рядом с Троадой и примыкавших к ней сзади и с обеих *боковых* сторон, а от Фракии отделявшихся широким Геллеспонтом,—это значило бы смешивать части света и вместе с тем не понимать *значения* слов. Выражение «назад обратил» обыкновенно значит—в тыл; между тем тот, кто переносит взоры от троянцев на живущих за ними или с боков,—переносит их далее вперед, а вовсе не в тыл. Следующие *слова поэта* также служат доказательством того же самого, потому что он соединил с мисийцами доителей кобылиц, млекоедов и абиев³, которые *не кто иные*, как живущие в кибитках скифы и сарматы. Ведь и ныне эти народы и *племена* бастарнов⁴ живут смешанно с фракийцами, главным образом, по ту сторону Истра, но *отчасти* и по сю сторону...

3. Посидоний говорит, что мисийцы из благочестия воздерживаются *от употребления в пищу* одушевленных *сущест*в, а поэтому и скота; что питаются они мёдом, молоком и сыром, ведя мирную жизнь, почему и называются «богопочитателями» и «воскурителями»; что есть между фракийцами *также* и некоторые, которые живут без женщин; что они называются «основателями» (Κτίσταις), из уважения к *ним* признаны священными и живут безбоязненно; что всех их вместе поэт назвал «дивными доителями кобылиц, млекоедами и абиями, справедливейшими людьми»⁵. Абиями же он называет их главным образом потому, что *они живут* без женщин; он признает холостую жизнь как бы половиною *настоящей*⁶...

4... «Абиев» не столько можно принять за холостых, сколько за бездомных и живущих в кибитках. Ведь ввиду того, что несправедливости возникают главным образом при *торговых* сделках и приобретении денег, правильно назвать «справедливейшими» людей, ведущих простую жизнь при столь ограниченных потребностях⁷.

6. Такого рода сомнения о том, что говорится у поэта о мисийцах и дивных доителях кобылиц, легко могут быть оправданы; но с тем, что Аполлодор⁸ говорит в предисловии ко второй *книге* «О кораблях», никак нельзя согласиться. Он одобряет мнение Эратосфена, что как Гомер, так и другие древние *писатели* знали эллинский мир, а относительно

¹ [О малоазийских мисийцах и нижнедунайских мезийцах и о фракийском происхождении этих племен см. выше, прим. к Strabo, I, 1 10].

² Н о м., II., XIII, 3 сл.

³ [О гиппомолгах (доителях кобылиц), галактофагах (млекоедах) и абиях Гомера см. II., XIII, 1 сл., skol. Евстафия и прим. к этому тексту].

⁴ [О бастарнах см. выше, прим. к Strabo, VII, 1, 1].

⁵ [Поэт—Гомер (II., XIII, 5 сл.)].

⁶ [«Абии» собственно значит неимущие, что и подчеркивается всеми комментаторами. как основание для имени, данного Гомером этому скифско-фракийскому племени. Посидониево толкование основано на сопоставлении абиев, якобы живущих без женщин, с амазонками, живущими без мужчин].

⁷ Далее следует опровержение свидетельства Посидония, что фракийцы и, в частности, геты жили без женщин.

⁸ [Об Аполлодоре, грамматике II в. до н. э., авторе сочинения «О кораблях» (гомерового каталога), см. выше, введение к собранию его фрагментов].

отдаленных стран обнаружили большое невежество, будучи неопытны в далеких путешествиях и в плавании. Подтверждая это, *Аполлодор* говорит, что Гомер Авлиду называет «скалистой», какова она и на самом деле, Этеон—«многохолмным», Фисбу—«богатою голубями», Галиарт—«богатым травкою»; но отдаленных стран, говорит он, не знает ни Гомер, ни другие. Так, например, хотя в Понт течет около сорока рек, он не упоминает ни об одной даже из наиболее известных, каковы Истр, Танаис, Борисфен, Гипанис, Фасис, Термодонт, Галис; о скифах также не упоминает, а выдумывает каких-то дивных доителей кобылиц, млекоедов и абиев. О пафлагонцах¹, живущих внутри материка, он узнал от тех, которые сухим путем приближались к этим местам, а морского их берега не знает, и это вполне естественно, ибо в те времена это море было недоступно для плавания и называлось Негостеприимным (*Ἄστευον*) по причине бурь и дикости живущих вокруг него племен, в особенности скифских, приносивших чужеземцев в жертву, питавшихся *человеческим* мясом и употреблявших черепа вместо чаш; впоследствии же оно названо было гостеприимным (*Εὔστευον*), когда ионийцы основали города на его побережье.... Отсюда *Аполлодор* переходит к писателям, говорящим о Рипейских горах, ... к городу Киммериде у Гекатея²...

7. До сих пор мы говорили о фракийцах и «мисийцах бойцах рукопашных и дивных доителях кобылиц, млекоедах и абиях, справедливейших смертных»³, желая сравнить наше описание с известиями Посидония, *Аполлодора* и *Эратосфена*. Во-первых, то, что они попытались описать, оказалось противоположным тому, что они хотели доказать. Они поставили себе задачею доказать, что древнейшие авторы знали меньше о том, что находится далеко за пределами Эллады, чем позднейшие; но доказали как раз противоположное, и притом не только относительно отдаленных стран, но и относительно самой Эллады. Впрочем, как я уже сказал, оставим пока остальное, а рассмотрим *только занимающий нас теперь вопрос*. Гомер, говорят они, по незнанию не упоминает о скифах и их жестокости к иностранцам, которых они приносили в жертву, мясо съедали, а черепа употребляли вместо чаш, почему и Понт назывался негостеприимным (*Ἄστευος*), а напротив, он выдумывает каких-то дивных доителей кобылиц, млекоедов и абиев, справедливейших смертных, нигде не существующих на земле. Но каким же образом древние называли Понт Негостеприимным, если не знали *этой* дикости и самих людей, наиболее ею отличавшихся? А это, конечно, скифы. Раньше за мисийцами, фракийцами и гетами не жили ни доители кобылиц, ни млекоеды и абии? Да ведь и ныне существуют так называемые гамаксойки⁴ и номады, которые питаются домашним скотом, молоком и сыром, особенно кобыльим, не имея и понятия о запасах и мелочной торговле, за исключением обмена товара на товар. Как же поэт не знал скифов, когда он упоминает о каких-то доителях кобылиц и млекоедах? А что в те времена их называли «доителями кобылиц»—об этом свидетельствует и Гесиод в приведенных *Эратосфеном* стихах: «[Он видел] эфиопов, лигиев и скифов, доителей кобылиц»⁵.

¹ [Пафлагонцы—жители черноморской береговой области Малой Азии между Вифинией и Понтом, ограниченной реками: Парфением с запада и Галисом с востока].

² [Речь идет, видимо, о Гекатее Абдерском. См. выше, примечание к Н е с. Abd., fr. 5. Киммериде—второе название города Антандра в Мисии (Малой Азии), у подножия горы Иды, названного так будто бы потому, что он на протяжении ста лет (в VII в. до н. э.) находился в руках киммерийцев (S t e p h. B y z., s. v. Ἀντανδρίς)].

³ [Н о м., II, XIII, 5 сл.].

⁴ [Т. е. живущие на повозках].

⁵ [Н е с., Cat., fr. 139 см. выше, а также прим. Перечисленные народы символизируют страны юга, запада и севера. В частности, лигии, или лигийцы, в данном случае, италийские и южноевропейские лигуры].

Далее, что же удивительного, если, имея в виду, что у нас нередко бывают несправедливости в торговых договорах, Гомер называет справедливейшими и дивными мужами тех, которые совсем не занимаются торговыми делами или составлением капитала, но всем владеют сообща, кроме мечей и чаш для питья, и даже жен и детей считают общими согласно с учением Платона. Эсхил также явно согласен с Гомером, говоря о скифах: «но питающиеся кобыльим сыром и пользующиеся хорошими законами скифы»¹. Такое мнение и теперь еще существует у эллинов. Действительно, мы их считаем очень прямодушными, совсем бесхитростными и гораздо более нас умеренными и довольными своим положением. Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для *удовлетворения* этих *страстей* множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность *нравов* в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и кномадам. Последние со времени знакомства с морем *сразу* сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими *народами*, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, повидимому, и способствует смягчению *дикости*, однако портит нравы и на место простодушия, о котором мы только-что говорили, вводит коварство.

8. Но *скифы* былых времен, преимущественно близкие к временам гомеровским, были и считались у эллинов действительно такими, какими их изображает Гомер. Посмотри, *например*, что говорит Геродот² о том скифском царе, на которого пошел войною Дарий, и об ответе, данном им *Дарию*. Смотри также, что говорит Хрисипп о боспорских царях, именно о Левконе³. Персидские письма⁴ также исполнены той простоты, о которой я говорю, *а равно* и достопамятные изречения египтян, вавилонян и индийцев. Поэтому-то и Анахарсис⁵, Абарис⁶ и некоторые другие *скифы*, им подобные, пользовались большой славой среды эллинов, ибо они обнаруживали характерные черты своего племени: любезность, простоту, справедливость. Да к чему говорить о древних? Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, обитавших за Гемом⁷, вторгшись в *землю* трибаллов⁸ и увидев, что их *область* простирается до Истра и до находящегося на нем острова Певки⁹, а за рекой живут геты,—дошел, как говорят, до берега реки; вследствие недостатка в судах он не мог высадиться на остров, тем более, что туда бежал царь трибаллов Сирм¹⁰ и оказал сопротивление этому предприятую; *тогда* Александр, переправившись в область гетов, взял их город¹¹ и поспешно вернулся домой, получив дары

¹ [Aesch., Prom. lib., fr. 198. См. также Hesych., s. v. ἰππίχη].

² Her., IV, 127.

³ [О Хрисиппе, стоическом философе III в. до н. э., см. введение к упомянутому здесь фрагменту из его «Жизнеописаний». О Левконе I ср. выше, Dem., c. Lept., 29].

⁴ [Вероятно, имеются в виду так называемые изречения Зороастра].

⁵ [Об Анахарсисе см. подробно Her., IV, 76 сл.].

⁶ [Об Абарисе, мифическом гиперборейском жреце и пророке см. Her., IV, 36 и прим. к этому месту].

⁷ [Гем—Балканский хребет, разделяющий Фракию и Мезию].

⁸ [Фракийский народ, ветвь племени гетов; жили на нижнем Дунае и были разбиты Александром Македонским в 335 г. до н. э.].

⁹ [Об острове Певке в дельте Дуная см. Apoll. Rhod., IV, 304 и прим. к этому месту].

¹⁰ [О царе Сирме и действиях Александра Македонского против трибаллов см. подробнее Agr., An., I, 2].

¹¹ [Этот город, название которого источники не сообщают, находился на северном берегу Дуная, см. Agr., An., I, 3].

от *этих* народов и от Сирма. Птолемей, сын Лага¹, рассказывает, что во время этого похода пришли к Александру жившие около Адрия кельты, чтобы заключить с ним дружественные отношения и гостеприимство. Царь, благосклонно приняв их, во время попойки спросил, чего они больше всего боятся, ожидая, что они назовут его; но они отвечали, что никого и *ничего* не боятся, кроме разве того, чтобы на них не упало небо; дружбу же с таким человеком *как Александр* они ставят выше всего. Эти *факты* служат *достаточными* доказательствами простодушия варваров: Сирм не допустил *Александра* высадиться на остров, а между тем послал *ему* дары и заключил дружбу; кельты же сказали, что они никого не боятся, но дружбу с великими людьми ценят выше всего. Далее, в эпоху преемников Александра царем гетов был Дромихет; он, взяв в плен Лисимаха², выступившего против него, показал *ему* бедность свою и своего народа, а вместе с тем и довольство своим положением и советовал с такими *людьми* не воевать, а дружить. Сказав это, он угостил его, заключил дружбу и даровал свободу. И Платон в «Государстве» полагает, что тем, которые желают иметь благоустройство в государстве, следует как можно дальше бежать от моря, как учителя *всякого* зла, и не селиться возле него (ἐπ' αὐτῶν³).

9. Эфор⁴ в четвертой книге *своей* истории, посвящей заглавие: «Европа», дойдя в своем рассмотрении Европы до скифов, в конце концов говорит, что прочие скифы и савроматы не одинаковы по образу жизни: ибо первые до того жестоки, что едят человеческое мясо, вторые, напротив, воздерживаются от употребления в пищу даже животных. «Другие *историки*», продолжает он, «передают сказания *только* об их жестокости, зная, что ужасное и удивительное действует потрясающим образом *на душу*, между тем как нужно указывать и выставлять в виде образцов противоположные их качества. Поэтому-то и сам он будет говорить о тех *скифах*, которые отличаются наиболее благородными нравами. Есть, по его словам, между скифами-номадами некоторые *такие*, что питаются кобыльим молоком и всех *других* превосходят справедливостью; о них упоминают поэты: Гомер, сказавший, что Зевс созерцает землю «доителей кобылиц и абиев, справедливейших людей», и Гесиод в поэме под заглавием «Объезд земли», представляющий Финея, уводимого гарпиями «в землю млекоедов, имеющих жилища на повозках»⁵.

Далее Эфор объясняет причину этого факта тем, что они, ведя простой образ жизни и не зная корыстолюбия, как во взаимных отношениях руководствуются добрыми правилами, все имея общим, детей и всех родственников, так и для внешних *врагов* непобедимы и неодолимы, не имея ничего *такого*, из-за чего они могли бы подпасть под чужое иго.

¹ [О Птолемея, сыне Лага, сподвижнике и биографе Александра Македонского, царе Египта, см. выше, введение к указанию на упоминание о нем у P l u t., Alex., 46].

² [Поход диадоха Лисимаха (царствовал с 306 по 281 г. до н. э.), владения которого состояли из Фракии и Малой Азии до Тавра, против гетов и пленение его царем последним Дромихетом падает на 291 г. до н. э.].

³ «Слова αἱ Πίστες—ἐπ' αὐτῶν, к этому тексту совершенно не относящиеся, Groskurd перенес к концу предыдущего параграфа. Поэтому можно даже подозревать, что они не принадлежат Страбону, но, помеченные на полях каким-нибудь образованным читателем,—а подобное часто происходит—попали в страбоновский текст. Эти слова находят не в «Республике», а в «Законах» (IV, 705), (Kramer). Meineke выбросил эти слова из текста.

⁴ [Об Эфоре (около 405—330), авторе «Истории» в 30 книгах, см. выше, введение к отрывкам из его сочинений].

⁵ [H e s., Cat., fr. 189, равно как и самое «Землеописание» считаются относящимися к III книге «Каталога женщин» Гесиода. См. R z a c h, RE, XV, 1206. Перенесение Гесиодом Финея к скифским берегам является древнейшим свидетельством северно-черноморского маршрута аргонатов по стопам милетской колонизации].

Он ссылается и на Херила, который в *рассказе* о переходе через мост, построенный Дарием из судов, говорит: «и пастухи овец саки, родом скифы; населяли они богатую пшеницей Асиду; были они, конечно, выходцами из земли номадов, справедливых людей»¹. Далее Эфор относит к этому племени и Анахарсиса, называя его мудрым: *по его словам*, он был признан даже одним из семи мудрецов за необыкновенную воздержность и разум. Он называет его изобретениями горящий трут, двузубый якорь и гончарный круг². Я упоминаю об этом, хотя отлично знаю, что и этот писатель не обо всем говорит вполне верно, в том числе и об изобретениях Анахарсиса (в самом деле, каким образом гончарный круг может быть его изобретением, если о нем знает *уже* Гомер, живший раньше его: «подобно тому как какой-нибудь гончар прилаженное в руках колесо» и так далее³. Я хотел только доказать, что по какому-то общему преданию как у древних, так и у позднейших *авторов* существовало такое убеждение о номадах, что наиболее отдаленные от других народов питаются молоком, бедны и весьма справедливы, и что это, *стало быть*, не есть вымысел Гомера.

10. Что касается до мисийцев, то справедливо требовать у Аполлодора отчета о том, что говорится о них в поэмах *Гомера*, *именно*, считает ли он и их за вымысел, если поэт говорит: «мисийцев, борцов рукопашных, и дивных доителей кобылиц»⁴, или он принимает их за мисийцев, *обитающих* в Азии. Если он принимает их за азиатских мисийцев, то неверно толкует слова поэта, как уже сказано выше⁵; если же он считает это вымыслом на том основании, что мисийцев во Фракии не было, то он идет против истины: ведь еще в наше время Элий Кат⁶ переселил во Фракию пятьдесят тысяч человек с того берега Истра из области гетов, племени, говорящего на одном языке с фракийцами. *Эти переселенцы* и теперь живут здесь, называясь мезийцами или потому, что так назывались они и раньше, но в Азии переименованы были в мисийцев, или потому, что и во Фракии прежде назывались мисийцами⁷, что более согласуется со свидетельствами истории и со словами поэта. Но довольно об этом; возвратимся к дальнейшему изложению.

11. Оставим в стороне древнейшую историю гетов; в наше же время произошло следующее. Гет Биребиста⁸, став во главе своего племени, поправил состояние народа, пострадавшего от частых войн, и постоянными упражнениями, трезвостью и повиновением *своим* повелениям поднял его до такой высоты, что в течение немногих лет образовал великое царство и подчинил *власти* гетов большую часть соседних племен. Он уже наводил страх и на римлян, отважно переправляясь через Истр и опустошая Фракию до пределов Македонии и Иллирии,

¹ О стихах Херила см. примечание Крамер'а. [О Хериле Самосском см. выше, введение к его фрагменту; о саках см. прим. к Нег., IV, 6. Асида ('Ασίς)—параллельная поэтическая форма к обычной—Азия ('Ασία).]

² [Греки приписывали скифам и другие технические изобретения. См., например, выше у Гелланика в новооткрытом фрагменте из оксиринхского папируса об изобретении скифским царем Саневном железного оружия].

³ Ном., II, XVIII, 600.

⁴ Ном., II, XIII, 5.

⁵ Strabo, VII, 3, 2 [см. также прим. к этому месту].

⁶ [Секст Элий Кат—консул 4 г. н. э., упоминается у Vell. Pat., II, 103, 3, а также CIL, XI, 1421; XIV, 2801. Переселение гетов во Фракию было им произведено, вероятно, в бытность его правителем Македонии].

⁷ [О мезийцах и мисийцах см. выше, прим. к Strabo, VII, 3, 2].

⁸ [Биребиста (Βιρβίστας), также Буребиста, вождь племени и основатель царства гетов, жил в эпоху Цезаря и Августа. О нем см. также Dio Prus., Or., XXXVI, 4; SIG.³, 762].

разорил *область* кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, и совершенно уничтожил бойев, бывших под *властью* Критасира, и таврисков. Для удержания народа в повиновении он получил пособника в *лице* волшебника Декеней¹, который, скитаясь по Египту, научился некоторым предзнаменованиям, посредством которых возвещал *якобы* волю богов; вскоре он стал считаться даже богом, как мы упомянули в рассказе о Замолксисе². Доказательством повиновения *гетов служит* тот *факт*, что они согласились вырубить виноградные лозы и жить без вина. Впрочем Биребиста был лишен власти некоторыми восставшими на него *лицами* прежде, чем римляне послали против него войско; преемники же его разделили *страну* на несколько частей: ныне, когда Август Кесарь послал против них войско, геты делились на пять частей, а тогда—на четыре. Конечно, такого рода деления в разное время бывают различны, смотря по обстоятельствам.

12. Но существует другое деление Гетской земли, остающееся с древних времен: одну *часть этого племени* называют даками³, другую—гетами. Гетами *называют* тех, которые живут у Понта в восточной части страны, а даками—тех, которые *живут* в противоположной части, со стороны Германий и истоков Истра. Я полагаю, что в древнее время они назывались даями; оттого и у жителей Аттики были в ходу имена рабов: Геты и Даи. Это более вероятно, чем *производство последнего имени* от скифов, которых называют даями⁴: ибо последние *живут слишком далеко от Аттики*, около Гиркании, и мало вероятно, чтобы оттуда вывозились невольники в Аттику... Племя *гетов*, столь высоко поднятое Биребистой, *потом* было вконец ослаблено *внутренними* раздорами и *оружием* римлян; впрочем, оно и теперь еще в состоянии высылать сорок тысяч *воинов*.

13. Через их *страну* протекает река Марис⁵, *впадающая* в Дунай, по которому римляне свозили заготовки для войны. Верхние части этой реки, ближайšie к истокам, вплоть до порогов, называли *они* Данувием (в этой части река течет главным образом через Дакию), низовые же до Понта, в области гетов, называются Истром. Даки говорят на одном языке с гетами. Эллинам геты более известны потому, что они постоянно переселяются на тот и на другой берег Истра и смешались с фракийцами и мисийцами. То же самое происходит и у трибаллов, народа фракийского племени: они тоже принуждены совершать переселения вследствие того, что соседи нападают на более слабых: одни *переселялись* с той стороны *Истра* вследствие того, что скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их, так что в погоне за вытесненными некоторые *из них* даже переправлялись *через реку* и оставались *жить* или на *ее* островах, или во Фракии; другие, *напротив*, *переселялись* с этой стороны *реки*, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев. Геты и даки, достигнув *тогда* высокой степени

¹ [Дакийский пророк, о скитаниях которого см. также Iord., Get., XI, 67. Он содействовал царю Биребисте в осуществлении его замыслов и был обоготворен подобно Замолксису].

² Strabo, VII, 3, 5. [О Замолксисе, мифическом пророке гетов, отождествляемом иногда с Сабазием, см. еще Нег., IV, 95 и прим. к этому месту].

³ [Даки—гетские племена, населявшие пространства современных Валахии, Молдавии, Трансильвании и части Венгрии. Часть этой территории (к северу от Дуная) после покорения даков императором Траяном вошла в состав римской провинции Дакии].

⁴ [Даи—родственные скифам кочевые племена к востоку от Каспийского моря по рекам Маргис (Мургабу), Оксу (Аму-Дарье) и Яксарту (Сыр-Дарье), известны у римских писателей под именем Dahae, которое, может быть, звучит в наименовании Дагестана, (Verg., Aen., VIII, 728; Liv., XXXV, 48; Tac., Ann., XI, 10)].

⁵ [Марис отождествляется с современной рекой Марош, являющейся, однако, притоком не Дуная, а Тиссы. О ней см. еще Нег., IV, 49].

могущества, так что могли высылать двести тысяч войска, теперь сократились до сорока тысяч и близки к *совершенному* подчинению римлянам; но пока они еще не вполне покорны, благодаря надеждам на германцев, враждебных римлянам.

14. Между *гетами* и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире¹ лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел за Истр для похода на скифов², был захвачен в *ловушку* и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад. Впоследствии Лисимах, отправившись походом против гетов и царя *из* Дромихета, не только подвергся той же опасности, но и был захвачен в плен живым; впрочем, он, как я сказал выше³, был отпущен, благодаря добродушию варвара.

15. Близ устьев *Истра* есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили название певкинов⁴. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого *острова*, другие у моря. *Истр* имеет семь устьев. Самое большое из них—так называемое священное устье, по которому до Певки сто двадцать стадиев плавания: на нижней части этого *острова* Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье—первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега *по направлению* к Тире; седьмое устье отстоит от *первого* почти на триста стадиев. Между устьями-то и образуются *вышеупомянутые* островки. Три устья, следующие за священным, не велики, а остальные—гораздо меньше священного, но больше этих *трех*. Эфор называет Истр пятиустьным⁵. Отсюда до судоходной реки Тиры—девятьсот стадиев. В промежутке *есть* два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа⁶.

16. При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой⁷, и деревня, известная под названием Гермонактовой⁸. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на *обоих берегах встретятся* города: один Никония⁹, а другой, на левом *берегу*—Офиусса¹⁰, жители побережья этой

¹ [Имеется в виду река Тира—Днестр. «Гетская пустыня» находилась, вероятно, в приморской части современной Молдавии].

² [О походе Дария на скифов подробно и в другой версии см. в отрывках из Геродота].

³ Strabo, VII, 3, 8.

⁴ [Об острове Певка (Сосновом) см. выше, Strabo, VII, 3, 8, а также Ps.-Scymn., 785 сл. О бастарнах—германском племени на Дунае, см. выше, прим. к Strabo, II, 5, 12].

⁵ [О семи устьях Дуная см. еще у Ps.-Scymn., 773 сл. и прим. к этому месту].

⁶ [Упомянутые Страбом озера соответствуют современным озерам Сасык и Алибей].

⁷ [Неоптолемову башню, по данным Страбона, следует искать близ современного поселения Балабанка у устья реки Днестра].

⁸ [Гермонактова деревня помещается Птолемеом (III, 10, 7) ошибочно, как показал Kiessling (RE, XV, 894 сл.) на расстоянии 100 стадиев к югу от Тиры. Деревня должна быть локализована, в соответствии с текстом Страбона, близ Неоптолемовой башни, на берегу небольшого озера Будаки, в древности сообщавшегося с морем].

⁹ [Никония—у Стефана Византийского Никоний (упоминается, кроме того, у Ptol., III, 10, 8; Anon., Per. Ponti Eux., 61), причем по ошибке вместо устья Тиры отнесен к устью Дуная,—город, по данным Страбона, долженствующий находиться на месте современного Овидиополя].

¹⁰ [Город идентифицируется с милетской колонией Тирой (на месте современного Аккермана), но, вероятно, несколько отличен от нее по местоположению, чем и следует объяснить указываемое Страбом небольшое расстояние между ними (20 стадиев). Ср. следующее прим.].

реки говорят, что, если подняться на сто двадцать стадиев, то *встретится* город (πῆλις)¹. На расстоянии 500 стадиев от устья *этой реки лежит* в открытом море остров Белый, (Λευή), посвященный Ахиллу².

17. Затем *следует* река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис³ и остров перед устьем Борисфена с гаванью⁴. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и *представляет собою* большой торговый порт, основанный милетянами⁵. Все пространство, лежащее выше упомянутого промезутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов⁶, затем тирегеты, за ними—язиги—сарматы⁷, так называемые царские, и урги (καὶ Οὔρροι)⁸; *все они* по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на обоих берегах *его*. Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами⁹, вероятно, и сами принадлежа к германскому племени и будучи разделены на несколько колен: некоторые из них называются атмонами и сидонами¹⁰, те, которые заняли остров Певку на Истре,—певкинами¹¹, а самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, *называются* роксоланами¹². Вся северная *страна* от Германии до Каспия, насколько мы ее знаем, представляет равнину; живут ли какие-нибудь *народы*

¹ «Трудно сказать, каким образом следует объяснить слово πῆλις; Groskurd, полагая, что слова ἄλλην τινί или должны подразумеваться, или, написанные Страбоном, выпали, подразумевает город Тиру. Это, однако, совершенно неопределенно. Ибо, хотя этот город Птолемея и Перипл Понта Эвксинского отличают от Офиуссы, другие свидетели—П л и н и й (IV, 26) и Стефан Византийский утверждают, что тут отличие только в имени. Кроме того, вся эта фраза не подходит к изложению, и неясно, почему Страбон опустил имя города. Скорее представляется нужным опустить слово πῆλις, чтобы согласовать различные рассказы местных жителей о расстоянии этих городов, то, что подозревал уже Tzschuckius» (Kramer).

² [Об острове Белом (современном Фидониси) см. прим. к E u r., Andr., 1260 сл.].

³ [Борисфен (Днепр) и Гипанис (Южный Буг) имеют общее устье, образуя при впадении их в Черное море Бугско-Днепровский лиман].

⁴ [Остров Березань, в имени которого звучит древнее название реки и одноименного греческого города. Об археологических раскопках на острове Березани см. отчет Э. Штерна, ОАК, 1909 сл.].

⁵ [Город Ольвия, как его называли местные жители, и Борисфен, в устах других греков, был основан в середине VII в. до н. э. и располагался на правом берегу Бугско-Днепровского лимана, близ современного села Парутина. Об его истории и раскопках см. В. В. Л а т ы ш е в, Исследование об истории и государственном строе древней Ольвии, 1888; Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Ольвия, 1915 и ОАК, начиная с 1896 г.].

⁶ [О Гетской пустыне см. выше, S t r a b o, XII, 3, 14, где автор ограничивает ее с востока рекой Тирой].

⁷ [Язиги-сарматы, метанасты, или просто язиги,—одно из крупных сарматских племен, жившее первоначально у берегов Черного и Азовского морей, а во времена императора Клавдия переселившееся в Дакию и занявшее пространство между Дунаем и Тиссой. Называя их «царскими», Страбон переносит на них геродотовский эпитет, прилагавшийся к одному из крупнейших скифских племен, с которым, быть может, и следует генетически связывать язигов].

⁸ «Οὔροι совершенно неизвестны и вполне допустима конъектура M a n n e r t 'a (Geogr. ant., IV, стр. 274) Ὀὔροι, о которых см. ниже, стр. 311 (§ 6) и H e r., IV, 8. Частичка ὄς могла пропасть ввиду предшествующего καὶ. Впрочем на полях рукописи A стоит примечание: οὔροι (без ударения) οὐν, οἱ δὲ αὐτοὶ καὶ οὔροι λέγονται» (Kramer).

⁹ [О названных племенах см. выше, прим. к S t r a b o, II, 5, 12].

¹⁰ [Атмоны ближе не известны; сидоны упоминаются также Валерием Флакком (Arg., VI, 95), ввиду чего их следует идентифицировать с помещаемыми на Дунае в Аврийской равнине синдами (A p o l l. R h o d., IV, 322); П т о л е м е й (II, 11, 10) помещает их к югу-западу от верхнего течения реки Вислы, примерно там, где для 14 г. до н. э. эпиграфически отмечены бастарны в столкновении с Марком Виницием (в Моравии). См. R E, s. v. Bastarnaе].

¹¹ [О певкинах см., кроме того, выше, S t r a b o, VII, 3, 15].

¹² [О роксоланах см. выше, S t r a b o, VII, 2, 4 и прим. к этому месту].

выше роксоланов—нам неизвестно. Роксоланы воевали и с полководцами Митридата Эватора под предводительством Тасия; пришли они на помощь Палаку, сыну Скилура¹, и считались *народом* воинственным; однако против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное *войско* оказывается бессильным. И действительно, роксоланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под начальством митридатова полководца Диофанта², и большинство их погибло. Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным *оружием* им служат копья, лук и меч³. Подобным образом *вооружено* и большинство других *варваров*. Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток *пасется* скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за *своими* стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом—и на равнинах.

18. Вся *эта* страна очень холодна вплоть до мест, *лежащих* у моря между Борисфеном и устьем Меотиды; из самых приморских *местностей* *холодным климатом отличаются* самые северные, именно устье Меотиды и еще более—*устье* Борисфена, а также угол Тамиракского или Каркинитского залива⁴, где *находится* перешеек большого Херсонеса⁵. Холода *этой страны*, хотя *ее обитатели* и живут на равнинах, доказываются *следующими фактами*: жители не держат ослов (ибо это животное не выносит холода); быки—одни рождаются безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть *тела* также не выносит холода); лошади *здесь* мелки, а овцы крупны. *Здесь* трескаются даже медные гидрии, а содержимое *в них* замерзает⁶. Сила морозов лучше всего видна из того, что бывает около устья Меотиды: по проливу из Пантикапея в Фанагорию переезжают на повозках, так что *тут* бывает то канал, то сухой путь. Рыба, застигнутая во льду, ловится так называемой гангамой⁷, особенно же осетры, величиною почти равные дельфинам. Рассказывают, что полководец Митридата Неоптолем⁸ в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой в конном. Говорят также, что к зиме на Боспоре зарывают виноградные лозы, насыпая на них большое количество земли⁹. Но *зато* и жары, говорят, бывают сильные, может быть, по-

¹ [Скилур, скифский царь, известный, кроме того, из надписи, найденной близ Симферополя (IOSPE, I, 241), и по монетам города Ольвии, имеющим на себе его имя и изображение. См. Б у р а ч к о в, Общий каталог монет, табл. IX, № 203 сл.; Палак, его сын, упомянутый также в херсонесском декрете в честь понтийского полководца Диофанта (IOSPE, I, № 185), поднял в 20-х гг. II в. до н. э. на борьбу с Херсонесом и пришедшим ему на помощь Боспором большое количество скифо-сарматских племен Крыма и близлежащих степных пространств на материке].

² [О Диофанте, полководце Митридата Эватора, выступившем на помощь Херсонесу против скифов, см. херсонесский декрет в его честь (IOSPE, I, 185)].

³ [Наглядное представление о вооружении сарматов дают изображения в керченском склепе Анфестерия. См. М. Р о с т о в ц е в, Античная декоративная живопись на юге России, т. II].

⁴ [Каркинитский залив сохраняет свое наименование и поныне].

⁵ [Большой Херсонес—т. е. Крымский полуостров, в отличие от Малого Херсонеса—Гераклейского полуострова].

⁶ [Ср. выше рассказ о лопнувшей от мороза гидрии в пантикапейском храме Асклепия (Strabo, II, 1, 16)].

⁷ [Небольшая сеть круглой формы в виде сачка].

⁸ [Наварх царя Митридата Эватора, о нем сообщает еще App., Mithr., 17; ср. об этом же факте выше, Strabo, II, 1, 16. Упомянутые военные действия могли иметь место в начале 70-х гг. I в. до н. э. См. Th. Reinach, Mithridate Eupatore, roi de Pont, стр. 75].

⁹ [О климате Северного Причерноморья вообще ср. Н е г., IV, 28. Этот же пример, в несколько ином изложении, выше, Strabo, II, 1, 16].

тому, что тела *варваров* не привыкли к *жаре*, а может быть и потому, что тогда бывает в степях безветрие, или и вследствие того, что плотный воздух сильнее нагревается, точно так, как в облаках действуют *парелии*¹. Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, кажется, господствовал над большинством здешних варваров².

19. За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку *идет* морской путь к мысу Ахиллова бега, месту, лишенному растительности, но называемому рощей и посвященному Ахиллу. Затем—Ахиллов бег, выдающийся в море полуостров; это—узкая коса³, длиною около тысячи стадиев *по направлению* к востоку; наибольшая ширина ее—два стадия, а наименьшая—четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посередине ее перешеек, *имеющий* около сорока стадиев. Заканчивается *полуостров* у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к матерiku⁴. За мысом *находится* значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла залива *расстояние* втрое больше. *Жители побережья* называются тафрийями⁵. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу.

24. ОПИСАНИЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

VII, 4 (р. 308—312 С.)

1. Здесь находится перешеек *шириною* в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским⁶. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка *равна* тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро⁷, как говорят, имеет в *ширину* даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова их наполняют *водою*, так что *эти* болота непроходимы для более значительных судов. В этом заливе есть три островка, а вдоль берега—мели и немногие подводные камни.

2. Если плыть *из Тамиракского залива*, то влево *будет* городок и другая гавань херсонесцев⁸. Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается

¹ [Имеется в виду атмосферное явление мнимого солнца или кругов вокруг солнца].

² [Скифский царь, живший в середине IV в. до н. э. и расширивший свои владения в юго-западном направлении. О его столкновениях с трибаллами см. F r o n t., Strat., II, 4, 2 и P o l., VII, 44, 1; о его угрозах византийцам упоминает C l e m. A l., Strom., V, 5, 31. Упоминаемый Страбоном поход Филиппа II против Атея имел место в 339 г. до н. э. О событиях этой войны, равно как и о дальнейшей судьбе Атея, см. J u s t. IX, 2, 10].

³ [Современное наименование—коса Тендеровская].

⁴ [Тамирака—скифская гавань в южной части Каркинитского (Тамиракского) залива, соответственно локализации Птолемея (III, 5, § 8). Локализуется предположительно у озера Бакал].

⁵ [Имя это должно быть поставлено в связь со рвом (τάρρος), выкопанным, по преданию, которое сообщает Геродот, скифскими рабами (H e r., IV, 3 и прим. к этому месту), а также со скифским поселением, упоминаемым П л и н и е м (NH, IV, 85) и именовавшимся Taphrae].

⁶ [Имеется в виду Перекопский перешеек].

⁷ [Гнилое озеро или море (иначе называемое заливом Сиваш) сохраняет это наименование и поныне].

⁸ [Городок и гавань херсонесцев, возможно, тождественны с «Прекрасной гаванью» (καλὸς λιμήν), упоминаемой в херсонесской присяге и локализуемой у Ак-Мечетской бухты].

большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса¹. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта, называемый также Херсонесом (*т. е. полуостровом*)² и находящийся в четырех тысячах четырехстах стадиях плавания от устья Тиры. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии ста стадиев, мыс, называемый Парфением (*т. е. Девичьим*)³. В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес⁴, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры⁵, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом⁶, образует перешеек в сорок стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с *полуостровом* название — Херсонес.

3. Этот город прежде пользовался автономией, но *потом*, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Эвпатора, желавшего итти на варваров, *живущих* выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти *походы* были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, *бывшими тогда под властью* Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых по свидетельству Посидония было пятьдесят, а по свидетельству Аполлонида — восемьдесят⁷. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему *тогдашний его* владелец Парисад (*Παρισαδός*)⁸. С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. Ктенунт находится на одинаковом расстоянии от города Херсонеса и бухты Символов. Начиная от бухты Символов до города Феодосии⁹ тянется Таврическое побережье длиной около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Из него далеко выдается в море к югу, напротив Пафлагонии и города Амастрии, мыс, нося-

¹ [Имеется в виду нынешний Гераклевский полуостров].

² [Город Херсонес, колония Гераклеи Понтийской, основан в V в. до н. э.; развалины его находятся близ Севастополя на берегу Карантинной бухты. Об его остатках и раскопках см. К. Гриневич, Путеводитель по Херсонесу, 1924].

³ [Херсонесская богиня Дева отождествляется с Артемидой или Ифигенией (см. Негр, IV, 103 и прим. к этому месту). Упомянутый Страбом культ Девы в Херсонесе известен также и из эпиграфики (IOSPE, I, 184, 185); мыс Парфений отождествляется с мысом Фиолент].

⁴ [См. Stern, «Нерм», 1917, стр. 3; Бертъе Делагард, ИАК, в. 21, 1905, а также В. В. Латышев, *Почти*, стр. 129 сл. Вопрос о локализации древнего или так называемого страбоновского Херсонеса вызвал в историко-топографической литературе большие споры, в которых ориентируют названные статьи. Вернее всего, страбоновым Херсонесом должны быть признаны развалины пригородных поселений на Гераклевском полуострове, раскопки которых имели место в 1928—29 гг. См. К. Гриневич, Раскопки на месте страбонова Херсонеса, «Крым», 1929, № 213].

⁵ [О таврах см. Негр, IV, 99 сл. и прим. к этим текстам].

⁶ [Бухта Символов—современная Балаклавская бухта; Ктенунт отождествляется с большой Севастопольской бухтой].

⁷ [О Посидонии Аламейском и Аполлониде см. выше, введение к их фрагментам].

⁸ Крамер отметил, что кодексы колеблются в начертании имени Παρισαδός, однако, так, что во многих местах выпадает πλ. Παρισαδός предпочитают Tzschuckius, Cozaës, Meineke. [Относительно «добровольной» передачи Перисадам V боспорского престола Митридату Эвпатору см. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ № 3 (1938), стр. 49 сл.]

⁹ [Греческий город, колония Милета, присоединенная к Боспорскому царству и отстроенная как порт при царе Левконе I (387—347 гг. до н. э.).]

щий название «Бараньего лба» (Κριὸν μέτωπον). Напротив него лежит пафлагонский мыс Карамбис, разделяющий Понт Эвксинский на два моря суженным с обеих сторон проливом¹. Карамбис от города Херсонеса отстоит на две тысячи пятьсот стадиев, а от «Бараньего лба» на гораздо меньшее число *и.л.* По крайней мере, многие из тех, которые проплывали *этот* пролив, говорят, что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам моря. В горной стране тавров есть также гора Трапезунт, одноименная с городом, находящимся на границах Тибарании и Колхиды². В той же горной стране есть и другая гора—Киммерий³, названная так по имени киммерийцев, некогда господствовавших на Боспоре; отсюда же называется Боспором Киммерийским вся та часть пролива, которая прилегает к устью Меотиды.

4. За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений боспорцев и тавров. Затем следует плодородная страна до Пантикапея, столицы боспорцев, построенной при устье Меотиды. От Феодосии до Пантикапея около пятисот тридцати стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфей⁴. Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами. Долгое время этот город и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по обе его стороны находились под единоличной властью правителей из дома Левкона, Сатира и Парисада⁵, вплоть до того Парисада, который добровольно передал власть Митридату⁶. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были люди достойные, начиная от Парисада и Левкона. Парисад признан даже богом⁷. Последний правитель, одноименный с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Эвпатору; после которого царство подчинено власти римлян. Большая часть его лежит в Европе, но некоторая и в Азии.

5. Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию⁸, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от другого на расстоянии около шестидесяти стадиев. Есть и город, соименный реке, самое боль-

¹ [О мысе Карамбис на пафлагонийском берегу Черного моря и о мысе Бараний лоб в Крыму см. выше, Strabo, II, 5, 22 и прим. к этому месту].

² [О горе Трапезунт в Крыму упоминает лишь Страбон; о городе Трапезунт на малоазиатском побережье см. Xen., Anab., IV, 8, 22].

³ [О горе Киммерии в Крыму в других источниках упоминаний не имеется].

⁴ [О Нимфее, греческом поселении в 25 стадиях к западу от Пантикапея (отождествляется с археологическими остатками близ селения Эль-Теген на Керченском полуострове), см. еще Aeschin, c. Ctes., § 171 и прим. к этому тексту].

⁵ [О названных боспорских царях из династии Спартокидов см. Dioid., XII—XX и прим. к этим эксцерптам].

⁶ [Ср. выше Strabo, VII, 4, 3].

⁷ [Имеется в виду Перисад I (347—309 гг. до н. э.)].

⁸ [Фанагория—столица азиатской части Боспорского царства, город, основанный, по преданию, теосцем Фанагором в VI в. до н. э., локализуется в глубине Таманского залива, близ станицы Сенной. О раскопках Фанагории см. В. Д. Блаватский, Труды ГИМ, в. XVI, стр. 5 сл. и М. М. Кобылина, ВДИ, 1938, № 2, стр. 336 сл.].

шое торговое место у варваров после Пантикапея¹. Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий в двадцати стадиях от Пантикапея². Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива, *всего около двадцати стадиев*³; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием⁴. Отсюда по прямому морскому пути до Танаиса и до острова, лежащего между его устьями, — две тысячи двести стадиев⁵; *расстояние будет* немного больше этой цифры, если плыть вдоль *берега Азии*, и более чем тройное, если плыть до Танаиса по левой стороне *Меотиды*; на этом пути вдоль берега находится и перешеек⁶. Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, а с правой стороны не безлюден. Вся окрестность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев. Большой Херсонес и по виду, и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские повелители, *после того* как он весь сильно пострадал от непрерывных войн. Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров⁷. Вся эта страна, а также, пожалуй, и *область* за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией. Вследствие множества *переселенцев*, переправлявшихся отсюда за Тиру и Истр и заселявших *ту* страну, значительная часть ее также получила название Малой Скифии, так как фракийцы уступали им землю, отчасти *принуждаемые* силой, отчасти же вследствие плохого качества почвы, так как большая часть *этой страны* болотиста⁸.

6. *Что же касается* Херсонеса, *то*, за исключением горной области на морском берегу до Феодосии вся остальная *часть его* представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: *земля*, вспаханная *как попало* любым пахарем, дает *урожай* сам-тридцать. *Жители*

¹ [Танаис—милетская колония у устья одноименной реки, локализуется в своей древней части на городище близ станицы Елизаветовской, тогда как более поздний город, отстроенный по предполагаемому разрушению Танаиса в конце I в. до н. э. понтийским царем Полемоном, был расположен близ станицы Недвиговки. О топографии, до сих пор вызывающей споры, и о раскопках см. Л е о н т ь е в, Раскопки близ станицы Недвиговки, «Пропилеи», IV, стр. 397 сл.; В е с е л о в с к и й, Танаис Младший, «Герм.», 1909 № 6/32 и ОАК, 1908; Ж е б е л е в, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 10+, стр. 37 сл.].

² [Мирмекий—греческое поселение на берегу Керченской бухты в предместьях современного города. О раскопках его см. Г а й д у к е в и ч, Материалы по археологии СССР, в. IV, стр. 96 сл.].

³ [Селение Парфений, по данным Страбона, должно быть локализовано у Ени-Кале, в самой узкой части Керченского пролива. Пункт этот упоминается также у П т о л е м е я (III, 6, 4), как лежащий на берегу Меотиды].

⁴ [Селение Ахиллий (или «Ахиллово селение» у Steph. Byz., s. v. Ἀχιλλίως φρόνος) упоминается также у П т о л е м е я (V, 8, 5) и локализуется по археологическим остаткам у начала Северной косы на Фонтановском полуострове].

⁵ [Об этом острове, представлявшем собой намыв в дельте реки Дона и называвшемся Алопекия, С т р а б о н сообщает подробнее ниже (XI, 2, 3)].

⁶ [Имеется в виду Перекопский перешеек, о котором речь была выше (Strabo, XII, 4, 1)].

⁷ [Ср. о локализации племени тавров, Н е г., IV, 99, где о них говорится как о жителях Крымских гор. Распространение имени тавров на скифов степного Крыма характерно для римского времени, к которому должно быть отнесено также известное из литературы и этнографии имя тавро-скифы].

⁸ О Малой Скифии автор упоминает еще в VII, 5, 12 (р. 318 С.) следующим образом:

«За страну скордисков по Истру находится область трибаллов и мисийцев, о которых мы упомянули выше, и болота так называемой Малой Скифии, *что* по сю сторону Истра; о них мы тоже упомянули».

давали в дань Митридату 180.000 медимнов хлеба и двести талантов серебра вместе с азиатскими местечками возле Синдики¹. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб кэллинам, подобно тому как соленая рыба из Меотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии афинянам два миллиона сто тысяч медимнов². Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами³ вследствие того, что народы, обитавшие выше их, были номады, питавшиеся мясом разных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой (последняя, будучи особым образом приготовлена, составляет для них лакомство)⁴. Поэтому-то поэт и назвал всех здешних жителей млекоедами⁵. Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну. Вот почему поэт назвал этих самых людей и справедливыми и вместе неимущими средств (ἀβίους)⁶. Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата⁷, поступил Асандр⁸, отгородивший стеною перешеек Херсонеса у Меотиды, длиною в триста шестьдесят стадиев и поставивший по десяти башен на каждом стадии (καὶ ἑκάστου σταδίου δέκα).⁹ Земледельцы¹⁰ же, хотя и славут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению.

7. Кроме перечисленных пунктов в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против митридатовых военачальников, именно Палакий, Хаб и Неаполь¹¹. Был также и Эвпаторий¹², основанный Диофантом, полководцем Митридата. На расстоянии около пятнадцати стадиев от стены херсонесцев есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. Выше него лежит

¹ [О Синдике или Синдской Гавани см. выше P s. - S c y l., § 72 и прим. к этому месту].

² [О хлебной торговле Боспора с Атикой в эпоху ранних Спартокидов см. D e m., c. L e p t., § 32 и прим. к этому тексту; о вывозе соленой рыбы из Понта см. еще P o l y b., IV, 38, 4].

³ [Ср. сказанное выше о скифском племени урги (S t r a b o, VII, 3, 17) и прим. к этому месту, а также Н е г., IV, 18 и прим.].

⁴ [Ср. H i p p., de morb., (IV, § 20), описание приготовления гиппакки, которую, вероятно, и имеет в данном случае в виду Страбон].

⁵ [H o m., II., XIII, 6].

⁶ [H o m., II., XIII, 6].

⁷ [О Гипсикрате из Амиса, историческом писателе II—I вв. до н. э., см. выше введение к его фрагментам].

⁸ [Царь Боспора второй половины I в. до н. э., о котором см. A p p., Mithr., 120; D i o., XIII, 46].

⁹ καὶ ἑκάστου σταδίου ἑνὺς Groskurd, Meineke.

¹⁰ [Т. е. упомянутые выше крымские скифы-земледельцы].

¹¹ [Первые два из названных укреплений, видимо, не должны были быть далеки от Херсонеса, ибо название второго из них связывается с племенным наименованием Χαβαίσι (IOSPE, I, 185). Что же касается Неаполя, то этот пункт, являвшийся столицей скифского царства в Крыму, засвидетельствован эпиграфически (IOSPE, I, стр. 215) и археологически близ современного Симферополя].

¹² [Эвпаторий или Эвпатория—близ современного одноименного города на западном побережье Крыма].

морское болото с солеварней. Здесь был и *порт Ктенунт*¹. Для того чтобы бороться *со скифами*, царские военачальники во время осады поставили на упомянутом мысу гарнизон, оградив *это* место стеной, и засыпали вход в залив до *самого* города, так что *можно было* без затруднений переправляться сухим путем и из двух городов сделался как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же *последние* напали и на укрепление перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров тростником, то царские *солдаты* ночью сжигали часть плотины, выстроенную днем, и *таким образом* сопротивлялись до тех пор, пока не победили². Теперь *вся эта страна* находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне.

8. У всех скифских и сарматских племен есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными; ибо лошади у них хотя и не велики, но очень горячи и неукротимы. Охоты устраиваются в болотах на оленей и кабанов, а в степях—на диких ослов и коз. Особенность этой страны состоит также в том, что в ней не водятся орлы. В числе четвероногих водится так называемый «колос» (*κόλος*), по величине занимающий середину между оленем и бараном, белый и быстротой бега превосходящий названных *животных*; во время питья он ноздрями *стягивает* воду в голову и затем несколько дней сберегает ее здесь, так что легко может жить в безводных *местах*. Такова *вся страна, лежащая* по ту сторону Истра, между Рейном и рекой Танаисом, до Понтийского моря и Местиды.

25. ИЗ РАССКАЗА О ЛОВЛЕ ПЕЛАМИД В ПОНТЕ

VII, 6, 2 (р. 320 С.)

Перевод В. [В.] Л[атышева]

... Это животное [т. е. рыба пеламида, род тунца] рождается в болотах Меотиды; немного окрепши, оно стадами устремляется через устье *Меотиды в Понт* и несется вдоль азиатского берега до Трапезунта и Фарнакии³; здесь находится первый пункт ловли, но она не обильна, ибо рыба не имеет еще надлежащей величины; проходя *далее* к Синопе, она становится более годной для ловли и соления...

26. ПОНТИЙСКИЕ АХЕЙЦЫ

IX, 2, 42

... Повествуют же, что так называемые ахейцы⁴ на Понте—выселенцы орхоменцев, забредших туда с Иалменом после взятия Трои...

¹ О положении Ктенунта ср. выше, Strabo, VII, 4, 2.

² [Это топографически не совсем ясное место может быть истолковано следующим образом: бухта, вход в которую херсонесцы засыпали,—современная Карантинная бухта, отделяющая Херсонес от мыса, где расположен Севастополь и где в глубине Севастопольской бухты находился порт Ктенунт. Укрепления со рвом на перешейке—видимо, укрепления между бухтами Севастопольской и Балаклавской, отделявшие Гераклейский полуостров от остального Крыма].

³ [Фарнакия—город, построенный Фарнаком, царем Понта, дедом Митридата Эвпатора, на месте древней колонии Синопы Керасунта (современный Керасун), о котором см. прим. к Ps.-Scymn., 911].

⁴ [См. о них ниже, XI, 2, 12].

27. ОПИСАНИЕ КАВКАЗСКИХ ЗЕМЕЛЬ ОТ РЕКИ ТАНАИСА

XI, 1 — 6 (р. 490 — 507 С.)

Перевод П. И. Прозорова

ГЛАВА I. ДЕЛЕНИЕ АЗИИ

5. Переходя в описании земли от Европы к Азии, мы встречаем сперва северную часть *принятого нами деления Азии на две части*¹; поэтому с нее и должны начать *описание*. Из самых этих *северных стран* первыми представляются области по Танаису, который мы приняли границей Европы и Азии. Эти *области* представляют как бы вид полуострова: ибо с запада они ограничиваются рекою Танаисом и Меотидой до Боспора и берега Эвксина, оканчивающегося Колхидою, с севера Океаном до устья Каспийского моря², а с востока этим самым морем до пределов Албании и Армении, где *в него* изливаются реки Кир и Аракс, *из которых* последняя течет по Армении, а Кир — по Иберии и Албании³. С юга *эти области ограничиваются* *полосою земли* от устья Кира до Колхиды, *длиной* около трех тысяч стадиев от моря до моря, через *земли* албанцев и иберов, так что *полоса эта* имеет вид перешейка. *Писатели*, суживающие перешеек на столько, на сколько Клитарх⁴, сказавший, что *перешеек* заливается обоими морями, не могут заслуживать даже внимания. Посидоний говорит, что перешеек *имеет в длину* тысячу пятьсот стадиев, т. е. столько же, сколько и перешеек от Пелусия до Красного моря⁵. «Мне кажется, — прибавляет он, — что и *перешеек* от Меотиды до Океана не имеет значительной разницы в длине»⁶.

6. Но я не знаю, как можно ему верить в том, что касается *предметов* неизвестных, о которых он не может сказать ничего правдоподобного, если он *даже* об известных *предметах* говорит столько нелепостей, несмотря на то, что был другом Помпея, совершившего поход против иберов и албанцев до морей, *находящихся* по обе стороны *их*, т. е. Каспийского и Колхидского⁷.

7. Вторую часть *северной Азии* можно считать *область* над Гирканским морем, которое мы называем Каспийским, до скифов, соседних с индийцами; третьей — *область*, непосредственно примыкающую к назван-

¹ [О разделении Азии на две части горами Тавра см. выше, Strabo, II, 5, 31].

² [Это место находится в некотором противоречии с общей концепцией азиатской географии у Страбона, не считавшего ни Каспийское море, ни реку Танаис, связанными с Северным океаном, вопреки мнению alexandрийских географов].

³ [Река Кир — современная Кура. Албания — область по западному побережью Каспийского моря, простиравшаяся от устья Куры и Аракса до Кавказского хребта, а с запада граничившая с Иберией (современной Грузией). Приблизительно соответствует по территории позднему Дагестану].

⁴ [О Клитархе, историке Александра Македонского, жившем в IV в. до н. э., см. выше, введение к его фрагментам].

⁵ [Сообщение Посидония Апамейского, заимствованное Страбоном из его сочинения «Об Океане» (фрагменты см. выше), касается Суэцкого перешейка (между Средиземным и Красным морями). Пелусий расположен у восточного (Пелусийского) рукава Нильской дельты].

⁶ [Океаном Посидоний называет Каспийское море, считавшееся, по распространному в древности представлению, заливом Северного или Восточного (Индийского) океана. Восточный берег Азовского моря считался не более удаленным от Каспийского моря, чем черноморское побережье Кавказа].

⁷ [Колхидским морем Страбон называет часть Черного моря у кавказского побережья].

ному перешейку¹, и затем *области*, прилегающие к нему и Каспийским воротам², ближайшие к *землям* по сю сторону Тавра и к Европе; *области* эти суть: Мидия, Армения, Каппадокия и лежащие между *ними*.

ГЛАВА II. ОПИСАНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ МЕОТИДЫ И ПОНТА ДО КОЛХИДЫ

1. При таком делении первую часть, начиная с северных стран, обращенных к Океану, населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в повозках; ближе их—сарматы³, тоже скифское *племя*, аорсы и сираки⁴, спускающиеся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. У самого озера живут меоты⁵. У моря *лежит* азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за ней *живут* ахеи, зиги, гениохи, керкеты⁶ и макропогоны (*длиннобородые*)⁷. Выше их лежат теснины фтейрофагов (*вшедов*)⁸. За гениохами *находится*

¹ [Т. е. к Северному Кавказу].

² [Каспийские Ворота—название ряда горных проходов вблизи Каспийского моря, один из которых был расположен в Северном Иране, другой идентичен с Дербентским проходом с Северного Кавказа в Закавказье по берегу Каспийского моря, а третий—с Дарьяльским проходом к северу от Тбилиси. См. также Я. А. Манандян, Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода, ВИ, 1947, № 7, стр. 66—74].

³ [О сарматах ср. P s.-S c y t h i., 874 сл. и прим.].

⁴ [Аорсы—значительное сарматское племя, подразделявшееся на несколько колен, имевших особые наименования, населяло пространство у западных и северных берегов Каспийского моря до низовьев Дона. К ним относятся, вероятно, также упоминаемые у П т о л е м е я (VI, 14, 9) аленорсы—имя, через которое аорсы связываются с более поздними аланами. Их южные соседи—сираки (P t o l., V, 8, 12: сиракены; IOSPE, II, 423: сирахи)—жили между Азовским морем и Кавказом, не достигая черноморского побережья. Именем своим они связываются с закаспийской областью Сиракеной, откуда, может быть, происходят и в действительности].

⁵ [О меотах см. в прим. к P s.-S c y t h., § 71].

⁶ [Об ахеях, гениохах, керкетах см. также P s.-S c y t h., § 73—75 и прим. к этим текстам; что касается зигов, то они отсутствуют у авторов до Страбона, но встречаются у Дионисия Периегета (стр. 684) и у более поздних авторов, что, однако, вряд ли позволяет отрицать их генетическую связь с язигами, о которых см. выше, прим. к S t r a b o, VII, 3, 17].

⁷ [О макропогонах у других авторов упоминаний не содержится. Возможно, что их следует связывать с макроефалами и макронами, поскольку есть основания думать, что подобные наименования возникали не по этимологическому, а по чисто фонетическому признаку. Сопоставление это подкрепляется тем, что перед упоминанием о макропах (S t r a b o, XII, 3, 18) Страбон называет Зигополь (§ 17), в таком же соседстве, как в данном случае зигов и макропогонов].

⁸ [Фтейрофаги, о которых Страбон упоминает еще раз ниже (§ 14) и которых называют П т о л е м е й (V, 8, 12), перипл безыменного автора (27) и П л и н и й (VI, 14), локализуемые всегда на Кавказе, к северу от Диоскуриды, названы так, вероятно всего, по фонетическому сходству их имени с этим греческим словом. Существует, однако, и другое соображение, которое необходимо привести: Геродот говорит, что будины φθειροφάγοι, что могло бы быть переведено как «едят вшей», но, что на основании комментария S t e i n 'a к этому месту, переводится как «питаются сосновыми шишками» (см. выше Н е г., IV, 109). С другой стороны, кавказский Питиунт слыш в древности «городом сосновых шишек» (от πῦρος). Ср. А. Н е г м а н, КЕ, XXXIX, стр. 947 сл.. Перипл безыменного автора (§ 56) называет в районе Питиунта «скифский народ, о котором упоминает историк Геродот, и говорит, что они едят вшей (φθειροφάγοι)». Геродот упоминает в этой связи лишь о будинах. Зато псевдо-Скилак помещает, как известно, соседей и родственников будинов—гелонов на Кавказе (§ 80)—свидетельство, восходящее к какому-либо древнеионийскому источнику, на котором, может быть, основывается сообщение Геродота о переселении живущих вместе с будинами невров (IV, 105). Не исключено поэтому, с одной стороны, что невры, будины, гелоны и фтейрофаги—близкие друг другу племенные образования, а с другой, все эти соображения позволяют думать, что наименование фтейрофаги, если оно не чисто фонетического происхождения, возникло именно в связи с представлением о поедаемых сосновых шишках].

Колхида, лежащая под Кавказскими и Мосхийскими горами¹. Так как границей Европы и Азии поставлена река Танаис, то, начиная с нее, мы и опишем подробно *эти местности*.

2. *Танаис* течет из северных стран, однако в направлении, не прямо противоположном Нилу, как полагает большинство, а восточнее его и, подобно ему, из неизвестных истоков. Но *Нил* известен в большей части *своего течения*, так как течет по стране, везде доступной, и на большом протяжении судоходен, а что касается Танаиса, *то устья его* мы знаем (их два, в самой северной части Меотиды, на расстоянии шестидесяти стадиев одно от другого), а выше устьев известна лишь небольшая часть по причине холодов и скудости страны, которую могут переносить туземцы, питающиеся мясом и молоком по обычаю кочевников, а чужестранцы не выносят. Кроме того, кочевники, неохотно вступая в сношения с другими *народами* и отличаясь численностью и силою, преграждают доступ даже в удобопроходимые части страны или по реке, где она допускает плавание вверх. По этой-то причине одни предполагали, что *Танаис* берет начало в Кавказских горах и, поднявшись далеко на север, затем поворачивает назад и впадает в Меотиду (с ними согласен и Феофан Митиленский), а другие — что он течет от верхних частей Истра². Но они ничего не приводят в доказательство течения его из столь отдаленных *стран* и из других широт, как будто он не может *течь* из близких местностей и с севера.

3. При впадении реки в озеро лежит соименный *реке* город Танаис³, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил *до основания* царь Полемон⁴ за неповиновение; *раньше* он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население⁵; неподалеку на озере есть и другие островки. Танаис отстоит от устья Меотиды, если плыть прямо на север, на две тысячи двести стадиев, а если плыть вдоль берега, *то выйдет* немного больше.

4. При плавании вдоль берега⁶ первым от Танаиса, на расстоянии восьмисот стадиев, будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, *идущей* на соленье. Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев, — меньший Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, *но меньших размеров*⁷. Одни имеют... раньше островки пунк-

¹ [Т. е. в долине между цепями Большого и Малого Кавказа].

² [О Феофане Митиленском, старшем современнике Страбона, см. выше, введение к его фрагментам; представление об истоках Дона на Кавказе покоится на древнем смешении представлений о Доне и Рионе (Фасисе), ибо у ионийских географов границей Европы и Азии был именно Фасис, когда он еще не был прочно отождествлен с Рионом и считался вытекающим, подобно Нилу и Танаису, из Океана. Сведения о совместных истоках Дона и Истра обязаны своим происхождением также весьма древнему, но особенно популярному в эллинистическую эпоху представлению о том, что все большие европейские реки берут начало в Рипейских горах].

³ [О Танаисе — милетской колонии в устье реки Дона см. выше, прим. к Strabo, VII, 4, 5].

⁴ [Назначенный Римом (при Августе) царь Понта и Боспора в конце I в. до н. э., о судьбе которого Страбон сообщает ниже (XII, 2, 11, а также XII, 3, 29)].

⁵ [Ср. упоминание об этом острове выше, Strabo, VII, 4, 5 и прим. к этому месту].

⁶ [Страбон имеет в виду восточный берег Азовского моря].

⁷ [Большой и малый Ромбиты должны быть отождествлены с Ейским и Бейсугским (или Ахтарским) лиманами].

тами отправления, а на малом Ромбите работают сами меоты. На всем этом побережье живут меоты, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающиеномадам. Они разделяются на довольно многие племена, из которых ближайшие к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору—более мягкими нравами. От малого Ромбита шестьсот стадиев до Тирамбы¹ и реки Антикита², затем сто двадцать стадиев до селения Киммерийского, которое служит местом отправления для плывущих по озеру. На этом побережье указывают еще несколько сторожевых башен клазоменцев.

5. Киммерик прежде был городом, построенным на полуострове и замыкавшим перешеек рвом и валом³. Киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор был назван Киммерийским. Это тот народ, который делал набеги на живущих внутри страны по правую сторону Понта, до Ионии. Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов—эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре⁴.

6. Затем двадцать стадиев до Ахиллова селения⁵, в котором есть святилище Ахилла. Здесь самое узкое место в устье Меотиды, шириною около двадцати стадиев или несколько более; на противоположном берегу лежит селение Мирмекий (вблизи Гераклия) и Парфений⁶.

7. Отсюда девяносто стадиев до памятника Сатира⁷; это насыпанный на мысе курган одного из царей, славно господствовавших на Боспоре.

8. Недалеко отсюда селение Патраэй, от которого сто тридцать стадиев до деревни Корокондамы⁸; последняя представляет предел так называемого Киммерийского Боспора. Так называется пролив при устье Меотиды, от узкого места у Ахиллова селения и Мирмекия тянувшийся до Корокондамы и лежащей против нее, в Пантикапейской земле, деревеньки по имени Акра⁹, отделенной семидесятью стадиями водного пути. Доселе доходит и лед, так как в морозы Меотида сковывается льдом до того, что по ней ходят пешком. Весь этот пролив имеет прекрасные гавани.

¹ [Тирамба предположительно может быть локализована близ современного города Темрюка, со стороны Пересыпи].

² [Реку Антикит (или Аттикит у Ptol., V, 9, 4) Tomaschek (RE, II, ст. 2424) отождествляет с северным (Азовским) устьем реки Гипаниса (Кубани), на основании текста Страбона (XI, 2, 9; см. ниже) и сопоставления этого имени с черкесским adikeh («тусторонний»), как называли себя сами северные черкесы, по свидетельству генуэзца Джорджо Интерьяно. Ср. прим. к Dio d., XX, 22].

³ [Этот город Киммерик, о котором, называя его Киммерием, упоминают также Птолемей (III, 6, 5) и Плиний (VI, 18) как о пункте, находящемся на Таврическом полуострове «при устье» Боспора (в этом же смысле должно быть понято Страбоново «на полуострове», ср. выше, например, VII, 4, 6), не должен быть смешиваем с Киммерийским селением, упомянутым в XI, 2, 4 и локализуемым на Фонтановском полуострове к северу от Ахиллия. Связь Киммерика со рвом и валом, замыкавшим перешеек, заключается, вероятно, лишь в том, что валы и рвы, отгораживавшие Боспор от степных варваров, назывались «киммерийскими»].

⁴ [О киммерийцах Страбон сообщает и выше: I, 3, 21; III, 2, 12. См. также Нег., I, 15; 103 и прим. к этому тексту].

⁵ [Об Ахиллии на азиатском берегу Боспора см. выше, VII, 4, 5 и прим. к этому месту].

⁶ [О Мирмекии и Парфении см. выше, VII, 4, 5. О Гераклии упоминает также Птолемей (III, 6, 4), помещая его на берегу Меотиды].

⁷ [О Сатире I (407—387 гг. до н. э.) см. Dio d., XX, 22 и прим. к этому тексту. Памятник Сатира—предположительно Горелая могила на Фонтановском полуострове].

⁸ [Патраэй локализуется предположительно на мысу Куку-ода Фонтановского полуострова, Корокондама—у мыса Тузла Таманского полуострова].

⁹ [О поселении под названием Акра упоминает также Стефан Византийский (s. v. 'Ακρα), помещая его в Скифии, и Птолемей (III, 5, 4)—у «Меотийского озера». Локализуется предположительно у мыса Такиль-Бурун на Керченском полуострове].

9. Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамским; в десяти стадиях от деревни оно ссоединяется с морем. В озеро впадает один рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекою. Некоторые и эту реку называют Гипанисом, подобно *реке*, соседней с Борисфеном¹.

10. Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория², затем Кепы (*Сады*)³, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты⁴. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для вплывающего в озеро, а прочие города—по правую, за Гипанисом в Синдике⁵. В Синдике же недалеко от моря, лежит и Горгиппия⁶, столица синдов, и Аборака⁷. Все *народы*, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских—Фанагорий⁸ (ибо и так называется *этот* город); и торговым пунктом для *товаров*, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской *страны*, служат, как кажется, Фанагории, а для доставляемых туда с моря—Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры (*т. е. Обманчивой*). Для объяснения происхождения *этого* прозвания богини приводят миф, будто богиня, когда гиганты там напали на нее, призвала на *помощь* Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая *отдельно* каждого гиганта, поодиночке передавала их Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом⁹.

11. К *числу* меотов принадлежат сами синды, *затем* дандарии, тореаты (*Τορεάται*)¹⁰, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены,

¹ [Ср. выше Strabo, XI, 2, 4 и прим. к этому месту. Корокондамским озером Страбон называет современный Таманский залив, имевший в древности несколько другую конфигурацию].

² [О Фанагории см. выше, VII, 3, 18 и прим. к этому месту].

³ [О Кепях (Садах) см. еще Aesch., c. Ctes., § 171, а также Zos. A s c., Vita Dem. и прим. к этим текстам].

⁴ [Гермонасса, упоминаемая также P s.-S c y l., 886, локализуется предположительно на мысу между лиманами Цукур и Кивил-Таш Таманского полуострова. Апатур (святилище Афродиты Апатуры—об этом эпитете см. ниже XI, 2, 10) локализуется предположительно на мысу Дубовый рынок Темрюкского лимана на Таманском полуострове].

⁵ [Из этих слов следует, что Фанагория и Кепы должны были в древности находиться не на берегу залива, а на острове, образованном протоками устья Кубани, впадавшими в Таманский залив (Корокондамское озеро) севернее и западнее современной станицы Сенной. Ср. Герц, Историческая топография Таманского полуострова, М., 1876].

⁶ [О Горгиппии под именем Синдской гавани упоминают также P s.-S c y l., § 72 и P s.-S c y p n., 888, и отождествляет их Стефан Византийский, s. v. Σβούδος. По эпиграфическим данным Горгиппия локализуется на месте современной Анапы].

⁷ [Этот пункт близ Горгиппии известен также только у Страбона].

⁸ [Название этого города засвидетельствовано, кроме приведенных у Страбона «Фанагорий» и «Фанагории», также и как «Фанагория» (наиболее распространенная, начиная с Гекатея Милетского, форма; см. Нес., fr. 164), «Фанагора» (D i o n. P e r g. 552) и «город Фанагора» (P s.-S c y l., 72)].

⁹ [Культе Афродиты Апатуры (или Апатурии) засвидетельствован эпиграфически на Боспоре: в Пантикапее—I O S P E, II, 19, 28; в Фанагории—I O S P E, II, 352, в области синдов (на лимане Цукур)—I O S P E, II, 343, а также в степи (в местности Эски Кехир), недалеко от реки Кубани (I O S P E, II, 469), что указывает на связь, скорее всего чисто омонимическую, этого греческого, может быть теосцами занесенного, культа (см. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, стр. 559) с местным женским божеством плодородия. Приводимая Страбоном легенда свидетельствует, кроме того, что мужским паредром этой богини было божество, отождествлявшееся с Гераклом].

¹⁰ *Τορεάται* упоминаются только Страбоном; *Τορέται* Стефаном, s. v. и Дионисием Периегетом (ст. 682), Плинием, NH, VI, 5 (*Τορετικῆ*

доски¹ и многие другие. К ним же относятся и аспургианы², живущие между Фанагорией и Горгиппией на *пространстве* пятисот стадиев. Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но *его намерение* не укрылось, он был встречен войском *аспургиан*, попался живым в плен и был убит. Из всех азиатских меотв один подчинялся владетелям торгового места на Танаисе, другие—боспорцам, но иногда то один, то другой народ отпадали *от них*. Нередко боспорские повелители владели и *землями* до Танаиса, в особенности последние—Фарнак, Асандр и Полемон³. Фарнак, говорят, однажды отвел даже *течение* Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну⁴.

12. За Синдикой⁵ и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов⁶, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет *уже часть* Кавказа. *Обитатели его* живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их *камарами*⁷. Рассказывают, будто ахейцы-фтиоты из язенова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию—лаконцы⁸, которыми предводительствовали возникшие Диоскуров, Река и Амфистрат⁹; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название. Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они,

ἀχρη называется у Ptol., V, 9), так что такое написание, я думаю, следует приписать Страбону вместе со Schrader'ом (ad Avien., 867) и Tzschuckius'ом (Kramer). Meineke также принял *Τορέται*.

¹ [Из названных Страбоном племен, определяемых им в качестве меотийских, эпиграфически засвидетельствованы: дандарии—IOSPE, II, 66, 344 (упоминается, кроме того, Н е с., fr. 161 и Steph. Byz., s. v. Δανδαρίοι; их область Dandaritis-Etym. M., 472—простиралась от устья Гипаниса до Ромбита вдоль Меотиды); тореаты (как *тореты*—IOSPE, II, 6, 36, 344, ср. предш. прим.); доски—IOSPE, II, 347, в числе племен, подвластных Перисаду I. Остальные племена известны только из этого места Страбона].

² [Это же племя, названное у Птолемея (V, 19, 17) астуриканями, с в я з а н о с именем боспорского царя Аспурга (8 г. до н. э.—38 г. н. э.), вероятно, поселившего их на указанной Страбоном территории].

³ [Боспорские цари второй половины I в. до н. э. Предположительно о датах их правления см. Л а т ы ш е в, Почти́а, стр. 96 сл.].

⁴ [Отсюда следует, что в I в. до н. э. древнее русло устья Кубани, впадавшей в Черное море к западу от Анапы, уже бездействовало и функционировали два других, впадавшие в Таманский (Корокондамский) залив и в Азовское море (близ города Темрюка)].

⁵ [Синдика—в данном случае не город, а страна—область синдов].

⁶ [Ср. упоминание об этих племенах выше, Strabo, II, 5, 31 и прим. к этому месту].

⁷ [Это название указывает на выгнутую форму их дний. Ср. Eust. к Dion. Per., 700, где камаритами называется самое племя.].

⁸ [Об отождествлении кавказских ахеев с древними ахейцами—ахийява египетских источников—см. прим. к P s.-S c y l., § 75. Выведение же их из Ахайи-Фтиотиды (в Фессалии), а гениохов—из Пелопоннеса относится к разработке северночерноморской версии мифа об аргонавтах, развивавшейся под впечатлением колонизации берегов Боспора и Северного Кавказа].

⁹ [Имена этих мифических вождей племени гениохов звучат у разных авторов различно: A m m. Marc., XXII, 8, Ἀστριος Solin., XV, 17—Cercius и Amphitus, схоласт. к Dion. Per., 687 и Форма Церций (ср. Τέλις. Tü m p e l, RE, II, ст. 1958), связывает это имя с керкетами; объявление обоих племенных вождей-богов возницами Диоскуров основывается на ассоциациях, вызванных этимологическим значением имен: гениохи и зиги].

за неимением стоянок, взваливают *свои* камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят *камары на берег*. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть *самостоятельные* правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны *своих* вождей; нередко они в свою очередь нападают на *пиратов* и захватывают камары вместе с людьми; *области* же, подчиненные римлянам, более беспомощны вследствие нерадения посылаемых *ими* правителей.

13. Таков образ жизни этих *народов*. Они находятся под властью так называемых скиптродержцев, которые в свою очередь подчинены тиранам или царям. Так, например, у гениохов было четыре царя, когда Митридат Эвпатор во время бегства из отеческой *земли* на Боспор¹, проходил через их страну. Она оказалась для него удобопроходимой, тогда как от *путешествия* через страну зигов он отказался вследствие ее суровости и трудностей *пути* и с трудом пробирался вдоль морского берега, очень часто переходя на море (*т. е. на корабль*), пока не достиг *земли* ахейн; с их помощью он окончил путь от Фасиса без малого в четыре тысячи стадиев.

14. Сейчас за Корокондамой² морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях *от нее* находится Синдский порт и город³, затем в четырехстах—так называемые Баты⁴, селение с гаванью, именно в том месте, где, как кажется, на юге против этого берега лежит Синопа, подобно тому, как Карамбий *лежит* против Бараньего лба, о чем уже сказано. За Батами Артемидор⁵ называет побережье керкетов с пристанями и селениями, *на пространстве* около восьмисот пятидесяти стадиев, затем побережье ахейн, *на пространстве* пятисот стадиев, далее *берег* гениохов в тысячу стадиев, и, наконец, великий Пителинт⁶, в триста шестьдесят стадиев, до Диоскуриады⁷. Но историки митридатовых деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахейн, за ними зигов, затем гениохов, далее керкетов, мосхов колхов, живущих над ними фтейрофагов, соанов⁸ и другие мелкие народцы у Кавказа. Сначала побережье, как я сказал, тянется к востоку и обращено лицом к югу, а начиная от Бат постепенно делает поворот, затем лицевой стороной обращается на запад и оканчивается у Пителинта и Диоскуриады, ибо эти местности Колхиды примыкают к названному побережью. За Диоскуриа-

¹ [О бегстве Митридата Эвпатора из Понта на Боспор через Кавказ, после поражения, нанесенного ему Помпеем при Дастире в 66 г. до н. э., см. подробнее А р р., Mithr., 102].

² [О локализации Корокондамы см. выше, XI, 2, 8 и прим. к этому месту].

³ [Горгиппия, столица Синдики, о которой см. выше, XI, 2, 10 и прим. к этому месту].

⁴ [Об этом же пункте, называя его Патус, сообщает Ps.-Scyl., § 72 и говорят более поздние авторы (Ptol., V, 8, 8, различает селение Бата и гавань). Бата локализуется где-то в районе современного Новороссийска].

⁵ [Об Артемидоре Эфесском, географе, жившем на рубеже II—I вв. до н. э., см. выше, введение к его фрагментам].

⁶ [Пителинт, иногда называвшийся у поздних авторов, начиная со Страбона, «великим», греческая колония на границе области колхов и гениохов, локализуется на месте современной Пицунды].

⁷ [Милетская колония на месте современного Сухуми].

⁸ [О названных племенах (ахейх, вигах, гениохах, керкетах и фтейрофагах) см. выше, XI, 2, 1 и прим.; о мосхах и колхах—ниже, XI, 2, 17 сл., а также прим. к Н е с., fr. 188. О соанах см. ниже, XI, 2, 19 и прим. к этому месту].

дой идет остальное побережье Колхиды и смежный с нею Трапезунт¹, делая значительный изгиб; затем *берег* вытянут почти по прямой линии, образующей правую сторону Понта, обращенную к северу. Все побережье ахейн и остальных *народов* до Диоскуриады и до местностей, находящихся прямо к югу внутри материка, лежит под Кавказом.

15. *Кавказ представляет собою* горный хребет, лежащий над обоими морями, Понтийским и Каспийским, и перегораживающий перешеек, разделяющий эти моря. К югу он отделяет Албанию и Иберию, а к северу—Сарматские равнины; он изобилует разнородным лесом, между прочим и корабельным. По словам Эратосфена², туземцы называют Кавказ Каспием, быть может переименованная так по имени каспиев³. Некоторые отроги Кавказа выступают к югу, охватывая кругом Иберию и соединяясь с Армянскими и так называемыми Мосхийскими горами⁴, а также со Скидисом и Париадром⁵. Все эти горы суть ветви Тавра, образующего южный бок Армении, как-то оторвавшиеся к северу и доходящие до Кавказа и до Эвксинского побережья, простирающегося от Колхиды до Фемискиры⁶.

16. Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется уголком Эвксина и пределом плавания. Пословичное выражение «на Фасис, где судам последний бег», нужно понимать в том смысле, что составитель ямбического стиха разумет *здесь* не реку и не одноименный с нею город, лежащий при реке, но часть Колхиды, так как от реки и от города остается не менее шестисот стадиев прямого морского пути до угла *Эвксина*⁷. Эта же самая Диоскуриада служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, нисколько не заботящихся об истине,—даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их *принадлежит* к сарматскому племени, и все они *называются* кавказцами. Вот что можно сказать о Диоскуриаде.

17. И остальная Колхида большею частью лежит при море. Через нее протекает большая река Фасис, берущая начало в Армении⁸ и принимающая в себя реки Главк и Гипп [Конь]⁹, низвергающиеся с соседних гор.

¹ [Колония Синопы, на месте современного Трапезунда, см. о нем ниже, XII, 3, 17 сл., а также Хен., Anab., IV, 8, 22 сл.].

² [Erat., Geogr., III, B, 73].

³ [Как явствует из сопоставления сказанного о «Каспийской горе» или Каспийских горах (II, 1, 39; XI, 8, 9 и комментируемое место), наименование это прилагалось к южной части Кавказского хребта, расположенной между Колхидой и Каспийским морем. О племени каспиев, населявших пограничные с Албанией области к юго-западу и югу от Каспийского моря, см. прим. к Dio d., II, 2].

⁴ [См. о них выше, XI, 2, 1 и прим. к этому месту].

⁵ [Под этими наименованиями известны горные хребты на северо-востоке Малой Азии к северу от верхнего течения реки Евфрата и до Малого Кавказа и между Малым Кавказом и Тавром].

⁶ [Город при устье реки Термодонта (современный Терме-чай) на черноморском побережье Малой Азии].

⁷ [В действительности самая восточная точка кавказского побережья Черного моря лежит не у Сухуми (Диоскуриада), а к югу от Поти (Фасиса)].

⁸ [В действительности истоки реки Риона находятся не в Армении, а в Грузии (Иберии), на южном склоне главного Кавказского хребта. Ср. ниже, XI, 3, 4].

⁹ [Реки Главк и Гипп могут быть предположительно отождествлены с притоками Риона Квирилой и Цхенис-цхали (Конская река)].

Фасис судоходен вверх до крепости Сарапанов¹, могущей вместить в себе население *целого* города, а отсюда до Кира четыре дня сухого пути по проезжей дороге². При Фасисе лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собою с одной стороны реку, с другой—озеро, с третьей—море³. Отсюда до Амиса и Синопы три или даже два дня (τρίων ἡμέρων ἢ δύο)⁴, так как *по пути* и берега и устья рек мягки (не суровы). Страна *эта* богата и плодами, кроме меда (который по большей части горьковат *на вкус*), и всем *нужным* для кораблестроения: лес она и сама производит в большом количестве и получает по рекам, производит также в изобилии лен, пеньку, воск и смолу. Производство льна приобрело даже известность; его вывозили даже в чужие земли, и некоторые, желающие доказать родство колхов с египтянами, находят себе в этом подтверждение⁵. Выше названных рек в стране мосхов⁶ находится святилище Левкотей, построенное Фриксом, и его прорицалище, где не приносят в жертву баранов⁷; некогда оно было богато, но на нашей памяти было разграблено Фарнаком⁸ и несколько позже Митридатом Пергамским⁹; а когда страна опустошена, то, по словам Эврипида, «страдают божества и не хотят почтенья».

18. Какою славою пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Язона, дошедшего даже до Мидии¹⁰, и о предшествовавшем *ему* походе Фрикса. Следовавшие затем цари, владея разделенной на провинции страной, не имели особенной силы. Когда же особенно усилился Митридат Эвпатор, страна перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Моаферн, дядя нашей матери с отцовской стороны¹¹. Отсюда шла царю главнейшая помощь для *организации* его морских сил. С падением Митридата рушилось всё подвластное ему царство и было разделено между многими *лицами*. В последнее время Колхидой

¹ [На месте современной железнодорожной станции Шорапани, при устье реки Квирилы, где сохранились остатки значительной крепости эпохи раннего средневековья].

² [Имеется в виду дорога, ведущая к верховьям реки Куры через Сурамский перевал].

³ [Точная локализация Фасиса представляет значительные трудности. На основании этих слов Страбона город должен быть помещен на пространстве между озером Палеостом и устьем Риона. Ср. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 312 сл.].

⁴ «То, что числа τριών ἢ δύο испорчены, справедливо сочли Gosselinus и Groskurd, так как, по свидетельству самого Страбона (XII, 547, 548), расстояние Амиса и Синопы от Фасиса больше, чем то, которое покрывается двумя или тремя днями плавания; не невероятна конъектура Gosselinus'а, полагающего, что цифры Γ и Β испорчены из Η (8) и Ο (9); то, что в этих частях плавание было нелегкое, ясно видно из того, что следует (см. U k e r t, Geogr. d. Griech., I, 2, 57)» (Kramer). Meineke перед τριών поставил звездочку.

⁵ [Ср. Н е г., II, 105 и прим. к этому месту].

⁶ [О мосхах см. ниже, XI, 2, 18, а также Н е с., fr. 188; Н е г., III, 94; VII, 78 и прим. к этим текстам].

⁷ [Имеется в виду какое-либо местное куротрофное божество, отождествленное греческими колонистами с Левкотеей и поставленное в связь с легендой о Фриксе и аргонавтах].

⁸ [Царь Боспора (63—47 гг. до н. э.), сын Митридата Эвпатора. Подробности о нем и его походах на Кавказ и в Малую Азию см. А р р., Mithr., 113 сл.; D i o, XLII, 45].

⁹ [Сын Менодота, царь Пергама, получивший от Цезаря в 47 г. до н. э. власть над Боспором и погибший в войне за овладение им, борясь с Асандром. Подробности о нем см. ниже, XIII, 4, 3, а также D i o, XLII, 41 сл.].

¹⁰ [Сообщение о походе Язона до Мидии следует, вероятно, поставить в связь с древнемилетской версией сказания, выводящей аргонавтов по реке Фасису в Океан, несколько позднее отождествленный с Каспийским морем].

¹¹ [Об этом своем предке, известном понтийском политическом деятеле римской ориентации, С т р а б о н сообщает еще в XII, 3, 33].

владел Полемон¹, а после его смерти правит супруга его Пифодорида², царствующая и над колхами, Трапезунтом, Фарнакией³ и живущими выше ее варварами, о которых мы скажем после⁴.

Область мосхов, в которой находится *вышеупомянутое* святилище⁵, делится на три части, из коих одной владеют колхи, другою — иберы, третьей — армяне. В Иберии есть еще городок «Фриксов город», нынешняя Идеесса, хорошо укрепленное местечко на границе Колхиды⁶. Возле Диоскуриады течет река Харес.

19. К числу народов, собирающихся в Диоскуриаду, принадлежат и фтейрофаги [вшееды]⁷, получившие *такое* имя от своей нечистоплотности и грязи. Недалеко *живут* и соаны⁸, нисколько не лучше их в отношении чистоплотности, но превосходящие силой, пожалуй, даже первые (*из местных народов*) по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью, *хотя бы и не было* в строю. Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда-то и сложилась, говорят, басня о золотом руне... если и иберов не называли одним именем с западными от золотых россыпей, которые находятся у тех и других⁹. Соаны употребляют яды для наконечников... удивительно мучают своим запахом даже раненых неотравленными стрелами. Прочие соседние народы, *живущие* у Кавказа, бедны и малоземельны, а албанский и иберский народы, которые именно и составляют главное население названного перешейка, также могут быть названы кавказскими, но занимают страну богатую и могущую иметь весьма густое население.

ГЛАВА III. ОПИСАНИЕ ИБЕРИИ

1. И действительно, Иберия прекрасно заселена в большей части городами и хуторами, так что там встречаются и черепичные кровли, и согласное с правилами зодческого искусства устройство жилищ, и рынки, и другие общественные здания.

2. Страна эта отовсюду окружена Кавказскими горами, ибо к югу, как я сказал, выступают богатые растительностью отроги *Кавказа*, охватывая всю Иберию и доходя до Армении и Колхиды, а в середине находится равнина, орошаемая реками, *из которых* самая большая — Кир; она берет начало в Армении, тотчас же вступает в сказанную равнину

¹ [Царь Понта и Боспора, о нем см. выше, XI, 2, 11 и прим. к этому месту].

² [О Пифодориде, правившей Понтом по смерти Полемона вплоть до 38 г. н. э., см. еще XII, 3, 29; 31; XIV, 1, 42].

³ [О Трапезунте см. выше, VII, 4, 3 и прим. к этому месту; о Фарнакии — VII, 5, 25 и прим. к этому месту].

⁴ Strabo, XII, 3, 29 сл.

⁵ [Святилище Левкотеи, упомянутое в предшествующем параграфе].

⁶ [Этот пункт упоминается лишь у Страбона. «Фриксов город» идентичен, очевидно, с памятником похода Фрикса, на границе Колхиды и Иберии, упомянутым выше, I, 2, 39.]

⁷ [Ср. сказанное о фтейрофагах в прим. к XI, 2, 1. Страбон упоминает о них еще в XI, 2, 14].

⁸ [Страбоновские соаны, о которых он упоминает также в XI, 2, 14, ввиду их локализации на высотах Кавказа над Диоскуриадой и по созвучию имен отождествляются с позднейшими сванами. Ср. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 315].

⁹ [Из этого испорченного места следует, что Страбон ищет причину одноименности закавказских и пиренейских иберов в общей тем и другим славе золотоискателей].

и, приняв в себе Арагон¹, вытекающий из Кавказа, и другие притоки, по узкой речной долине изливается в Албанию; многоводной рекой пронесшись между нею и Арменией по богатым пастбищам и равнинам и приняв в себя еще большее количество рек, в числе которых находятся Алазаний, Сандобан, Ритак и Хан²,—все судоходные,—*Кир* впадает в Каспийское море. Прежде он назывался Кором.

3. Равнину населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве; впрочем они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч *воинов* как из своей среды, так и из тех *народов*.

4. Есть четыре входа в их страну: один—через колхидскую крепость Сарапаны и соседнее с нею ущелье³, через которое Фасис, сделавшийся вследствие извилин *русла* проходимым при помощи ста двадцати мостов, бурно и стремительно несется в Колхиду, бороздя эти местности в дождливую пору множеством потоков; он берет начало в лежащих над *Иберией* горах, пополняясь многими ключами, а в равнинах принимает в себя и другие реки, в том числе Главк и Гипп⁴. Сделавшись полноводным и судоходным, он впадает в Понт и имеет при себе город того же имени и неподалеку озеро⁵. Таков проход из Колхиды в Иберию, прегражденный скалами, укреплениями и реками, образующими овраги.

5. Со стороны северных кочевников *ведет* трудный трехдневный подъем, а за ним узкая речная долина вдоль реки Арага, требующая четырех дней пути для одного; конец пути охраняет неприступная стена⁶. Проход из Албании сначала *представляет* высеченную в скалах *тропинку*, затем *идет* через болото, образуемое рекою Алазанием, низвергающейся с Кавказа. Со стороны Армении *образуют проход* ущелья при Кире и при Араге⁷; при этих реках выше их слияния лежат укрепленные города на скалах, отстоящих одна от другой стадиев на шестнадцать: при Кире Гармозика⁸, а при другой реке Севсаморы⁹. Этими входами

¹ [Река Кир, о которой Страбон упоминает еще в XI, 1, 5 и XI, 2, 17, отождествляется с современной Курой, тогда как Арагон по имени и по положению должен соответствовать притоку ее Арагве].

² [Из названных притоков Куры Алазаний на южном склоне Центрального Кавказа, упомянутый также Птолемеем (V, 12, 3) и Плинием (NH, VI, 29: Olazanes), отождествляется с современной рекой Алазанью; Хан, протекающий по Албании, отождествляется с современной рекой Канак в Дагестане, две другие—Сандобан и Ритак упоминаются лишь у Страбона и отождествлению не поддаются].

³ [Имеется в виду уже упоминавшаяся выше (XI, 2, 17) дорога через Сурамский перевал; о крепости Сарапанах и ее локализации ср. там же и прим. к этому месту].

⁴ [Ср. сказанное в противоречие с этим, о верховьях реки Риона XI, 2, 17. В прим. к этому месту см. о локализации и отождествлении рек Главка и Гиппа].

⁵ [Ср. выше (XI, 2, 17) о локализации города Фасиса между устьем Риона, озером Палеостом и морем].

⁶ [Имеется в виду путь по Военно-грузинской дороге через Крестовый перевал и вдоль реки Арагвы (Арагона)].

⁷ [Имеются в виду те проходы из Албании (Дагестана и Азербайджана) по долине реки Куры и из Армении вдоль верхнего течения Куры и Аракса, по которым в настоящее время идут железнодорожные пути, соединяющие Тбилиси с Баку и Ереваном].

⁸ [Этот пункт, именуемый Птолемеем (V, 11, 3; VIII, 19, 4) Армактика, а Равенским Анонимом (II, 8) Армастика, назван у Плиния (NH, VI, 29) столицей Иберии. Локализуется по эпиграфическим, археологическим и топонимическим данным к северу от Тбилиси на месте средневековой столицы грузинских царей—Мцхета].

⁹ [Упомянутая крепость, стоявшая «при другой реке», т. е. Арагве (Арагоне),

воспользовался раньше Помпей, направившись из Армении¹ а после того Канидий².

6. Жители страны делятся также на четыре рода: один из них, *считающийся* первым,—тот, из которого ставят царей, *выбирая ближайшего* по родству с прежним царем и старейшего по летам; второе *за ним лицо* творит суд и предводительствует войском; второй род составляют жрецы, которые ведают также спорные дела с соседями; к третьему роду относятся воины и земледельцы, к четвертому—простонародье, которое служит рабами у царей и доставляет все необходимое для жизни. Имущество у них—общее по родственным объединениям; заведует и распоряжается им в каждом *родственном объединении* старейший³. Таковы иберы и их страна.

ГЛАВА IV. ОПИСАНИЕ АЛБАНИИ

1. Албаны более склонны к пастушескому образу жизни и ближе к типу кочевников, за исключением того, что они не дики, а вследствие этого и воинственны *лишь* в умеренной степени. Живут они между иберами и Каспийским морем, на востоке примыкая к морю, а на западе гранича с иберами⁴; из остальных сторон северная ограждается Кавказскими горами, они высятся над равнинами и ближайшие к морю называются Керавнскими⁵, а южную образует прилегающая Армения, в которой много равнин, но много и гор, как, например в Камбисене⁶, в которой армяне соприкасаются с иберами и с албанами.

2. Протекающий через Албанию Кир и остальные реки, пополняющие его, способствуют производительности почвы, но *зато* затрудняют доступ к морю. Дело в том, что в обилии наносимый ил заполняет русло, так что лежащие в *устьях*⁷ островки соединяются с материками и образуют непостоянные мели, от которых трудно уберечься; это непостоянство еще увеличивают разливы от прилива. Таким образом устье реки, говорят, разделилось: а двенадцать рукавов, *из коих* одни закрыты, а другие мелки и не могут даже служить стоянкой для судов. Итак, несмотря на то, что берег на протяжении более шестидесяти стадиев омывается морем и реками, вся *эта* часть его *остается* неприступной, а наносы тянутся даже на пятьсот стадиев, образуя покрытый дюнами берег. Неподалеку впадает

охраняла дорогу через Сарматские ворота (Военно-грузинскую дорогу). Локализуется по археологическим и топонимическим данным, связанным с группой развалин, именуемых Цикамури, и с местностью (с древним некрополем), называемой Самтавро].

¹ [В 65 г. до н. э.; подробности этого похода см. Plut., Rompr., 34 сл. и Appr. Mithr., 103].

² [Публий Канидий Красс, римский офицер, участвовавший в парфянской походе Марка Антония в зиму 36 г. до н. э., проник из Армении на Кавказ и оружием принудил иберийских и албанских вождей к признанию римского верховенства. См. Dio, XLIX, 24, 1; Plut., Ant., 34, 3].

³ [В этой характеристике социального строя древней Иберии, сложившейся под влиянием представлений о кастовом характере индийского и арийского (в Зенд-Авесте) строя, сказывается зависимость Страбона от его источника, проникнутого подобными представлениями, выраженными также и в тенденции к сближению иберийского и древнеиндийского быта (XI, 3, 3. Ср. А. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона, выше, стр. 142—160)].

⁴ [О границах Албании см. выше XI, 1, 5 и прим. к этому тексту].

⁵ [Керавнскими Страбон называет северные отроги Кавказских гор, как явствует из XI, 5, 1].

⁶ [Область Великой Армении на границах Иберии и Колхиды. Ср. XI, 4, 5, где отчасти определяется географическое положение этой области].

⁷ [Речь идет о совместном устье Куры и Аракса, имеющих весьма развитую дельту. В эпоху Страбона эти реки впадали еще раздельно в Каспийское море (у Сальянского мыса)].

и Аракс, стремительно вытекающий из Армении. Те наносы, которые он двигает вперед, пролагая путь для своего течения, поглощает Кир.

3. Быть может, впрочем, что такого рода людям вовсе не нужно море, ведь они не пользуются как следует даже и землей, которая производит всякие плоды, даже самые нежные, и всякие растения: есть даже вечно-зеленые. За землей нет ни малейшего ухода, но «все здесь родится несеянным на непаханной почве»¹, как говорят бывшие там в походах², рассказывающие о каком-то киклоповском образе жизни³ в *этих странах*: часто земля, засеянная однажды, приносит плод дважды или даже трижды, в первый раз даже сам-пятьдесят, притом не бывши под паром и будучи вспахана не железным, но грубым деревянным плугом. Вся равнина орошается лучше вавилонской и египетской реками и другими водами, так что всегда сохраняет зеленеющий вид, а вследствие этого изобилует и пастбищами; кроме того, и воздух здесь лучше, чем там. Виноградники у них остаются совершенно невзрытыми и подрезываются через пятилетие, но тем не менее молодые лозы приносят плод уже через два года, а взрослые дают столько *плодов*, что большую часть оставляют на ветвях. Точно также и животные у них, как домашние, так и дикие, имеют хороший рост.

4. Люди здесь также отличаются красотой и высоким ростом, но простодушны и чужды торгашеских наклонностей; они по большей части не употребляют даже монет и не знают счета дальше сотни, а производят мену товарами. И к остальным житейским потребностям они относятся беспечно: не знают ни точных мер, ни весов, и *одинаково* беззаботны в деле войны, гражданского устройства и земледелия. Впрочем, они сражаются и пешими, и на конях, в легком вооружении и в панцирях, подобно армянам⁴.

5. Войска они выставляют больше, чем иберы: они вооружают шестьдесят тысяч пехоты и двадцать две тысячи всадников (*δισμυρίους καὶ δισχίλους*)⁵, — с каковыми силами вступили в борьбу с Помпеем. В войнах с внешними *врагами* им помогают кочевники, как и иберам, по тем же причинам; впрочем, иной раз *кочевники* нападают и на жителей, так что даже мешают им обрабатывать землю. Албаны сражаются дротиками и луками, имеют панцири, большие щиты и шлемы из звериной кожи, подобно иберам⁶. В состав Албанской земли входит также и Каспиана, названная по имени каспийского народа, от которого *получило название* и море, и *который* теперь уже не существует⁷. Проход из Иберии в Албанию идет через безводную и неровную Камбисену⁸ к реке Алазонию⁹. Сами албаны и их собаки чрезвычайно любят охоту не столько по искусству, сколько по страсти к ней.

6. Отличаются *доблестями* и *их* цари; ныне над всеми царствует один *царь*, а прежде каждый народец с особым наречием имел своего царя; наречий же у них двадцать шесть вследствие отсутствия частых сношений

¹ Н о т., Od., IX, 109.

² [Между прочим Феопан из Митилены, см. о нем S t r a b o, XI, 5, 1].

³ [Киклопы у Гомера (Od., I, 69; IX, 106) считались первоначальным населением острова Сицилии. Эти потомки Кроноса жили беззаботной жизнью диких скотоводов и земледельцев, получая сторицей за свои труды].

⁴ [Ср. XI, 3, 3].

⁵ «μυρίους вместо δισμυρίους должно писать, по мнению Casaubonus'a, на основании П л у т а р х а [Ромп., 35]; и ясно, что оба числа испорчены, и нельзя установить, какие числа были в подлиннике» (Kramer). Casaubonus'у последовал Meineke.

⁶ [Ср. XI, 3, 3].

⁷ [О племени каспиев ср. S t r a b o, XI, 2, 15].

⁸ [О Камбисене см. выше XI, 4, 1].

⁹ [О реке Алазони, притоке реки Кира, см. выше XI, 3, 2 и 5].

одних с другими. В их земле водятся некоторые виды ядовитых пресмыкающихся, а также скорпионы и фаланги [ядовитые пауки]. От укушения одних из фаланг люди умирают со смехом, а от других—с плачем от тоски по родным.

7. В качестве богов чтут они Солнце, Зевса и Луну, в особенности же Луну¹. Есть и святилище ее недалеко от Иберии. Жрецом служит наиболее уважаемое после царя лицо, стоящее во главе управления священной землей, обширной и хорошо населенной, а также во главе служителей храма, из которых многие вдохновляются и пророчествуют. Того из них, кто в более сильном экстазе блуждает один по лесам, жрец схватывает, сковывает священной цепью и роскошно кормит в течение того года; затем *этот человек* приводится для жертвоприношения богине, умащается благовониями и закалывается вместе с другими жертвами. Способ жертвоприношения таков: кто-нибудь со священным копьем, которым установлено убивать людей в жертву, выходит из толпы и опытной рукой наносит *обреченному* удар сбоку в сердце; когда *пораженный* упадет, отмечают разные приметы по его падению² и объявляют их во всеуслышание; а когда труп отнесут в определенное место, все наступают на него *ногой* для очищения.

8. Албаны весьма уважают старость не только своих родителей, но и посторонних; об умерших же заботиться и даже вспоминать *считается* грехом; однако они зарывают вместе с покойниками их имущество и поэтому живут в бедности, не имея ничего отцовского. Вот что *можно сказать* об албанах. Рассказывают, что Язон с фессалийцем Арменом³ во время своего плавания в землю колхов дошел до Каспийского моря, прошел Иберию, Албанию и многие части Армении и Мидии, как об этом свидетельствует святилище Язона и другие многочисленные памятники. Армен⁴ же, *говорят*, происходил из Армении⁵, одного из городов, лежащих у Бибейдского озера между Ферами и Лариссой⁶; спутники его, *будто бы*, заселили Акилисену и Сиспиритиду⁷ до Калаханы и Адиабены⁸. От имени Армена, *говорят*, осталось и название Армении⁹.

ГЛАВА V. АМАЗОНКИ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

1. *В возвышающихся* над Албанией горах, по рассказам, живут амазонки¹⁰. Феофан¹¹, участвовавший в походе с Помпеем и бывший у албанов,

¹ [Под видом Луны надо понимать какое-либо женское божество плодородия типа греко-малоазийской Гекаты].

² [Ср. подобные, же, приводимые Страбоном, обычаи у лузитанцев (III, 3, 6) и галлов (IV, 4, 5)].

³ [В попытке Страбона связать эпонима Армении Армена с мифом об аргонавтах и вывести его из Фессалии, тогда как Геродот устанавливает родство армян с малоазийскими фригийцами (H e r., VII, 23), которых он, в свою очередь, производит из Фракии, скрывается стремление произвести армян от древнейшего греко-малоазийского пеласгического корня; ср. также XI, 14, 12].

⁴ [Вместо Армена повсюду (см. XI, 4, 2) другие читают: Армения].

⁵ [Город Армения, первоначально Ормения—в Фессалии].

⁶ [Феры и Ларисса—древние (пеласгические) города в Фессалии. Бибейдское озеро—там же, ныне озеро Карла].

⁷ [Акилисена и Сиспиритида—области Великой Армении. Первая из них упоминается также у П т о л е м е я (V, 13, 13); в древнеармянской топонимике ей соответствует область Ekegheaz; вторая отождествляется с ассирийской Шуприя, область в восточной части бассейна Батман-су].

⁸ [Калахена и Адиабена—области в Ассирии к востоку от верхнего течения реки Тигра, в бассейне ее притоков Лина и Капра].

⁹ [Об Армене, сыне Армения, из города Армения (Ормении) в Фессалии—эпониме армян, ср. S t r a b o, XI, 14, 12].

¹⁰ [Об амазонках см. прим. к H e r., IV, 110].

¹¹ [О Феофане Митиленском см. выше, прим. к XI, 2, 2].

говорит, что между амазонками и албанами живут скифские племена гелы и леги¹ и что там течет река Мермадаль² между этими народами и амазонками. Другие же, в том числе и Метродор Скепсийский и Гипсикрат³, также знакомые с этими странами, говорят, что амазонки живут рядом с гаргареями⁴ на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими⁵. Большую часть времени они *живут* сами по себе, исполняя все, что относится к земледелию, садоводству и уходу за скотом, особенно за лошадьми, а самые сильные из них ревностно занимаются охотой и упражняются в военных делах; у всех их с детства выжигается правая грудь, чтобы удобно было действовать рукой во всяком занятии, а особенно при метании копья; они вооружены луком, секирой и легким щитом, а из звериных шкур делают себе шлемы, панцири и пояса. *Из обычного образа жизни* исключаются у них два весенних месяца, в которые они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргареев. *Туда же* поднимаются и эти последние по старинному обычаю, чтобы вместе принести жертву и вступить в сношения с женщинами ради деторождения; *совершают они это* тайне и во мраке, кому с какою женщиной придется, и, сделав их беременными, отпускают⁶. Всех родившихся девочек амазонки удерживают у себя, а мальчиков относят на воспитание к гаргареям; каждый из них берет себе любого мальчика, считая его по неведению своим сыном.

2. Мермод⁷, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракену⁸ и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду. Гаргареи, говорят, пришли в эти места из Фемискиры⁹ вместе с амазонками, а затем, отделившись от них, воевали с ними при помощи некоторых фракийцев и эвбейцев¹⁰, зашедших сюда в блужданиях; потом, окончив войну с ними,

¹ [Упоминаются вместе и раздельно многими древними писателями. Птолемей (VI, 2, 5) отождествляет леггов с кадусиями, а Плиний (NH, VI, 48) называет кадусиев гелами. Страбон упоминает о них еще в XI, 7, 1; 8, 1, вместе с другими кавказскими племенами, локализуя их на юго-западном берегу Каспийского моря].

² [Река Мермадаль, вероятно идентичная упоминающейся в следующем параграфе реке Мермод, отождествляется с современной рекой Арпачай в Армении, притоком Аракса].

³ [О Метродоре Скепсийском см. выше, введение к фрагментам из его сочинений. О Гипсикрате из Амиса см. прим. к Strabo, VII, 4, 6].

⁴ [Дикое племя, упоминаемое Страбоном также и в следующем параграфе как прибывшее вместе с амазонками на Кавказ из малоазийской Фемискиры. Плиний (NH, VI, 22) называет их гегарами. И то и другое наименование звучит в современном чеченском «галгаи», с которыми и должны быть отождествлены страбоновы гаргареи.

⁵ [Ср. упоминание о Керавнских горах на Кавказе выше, XI, 4, 1].

⁶ [В связи с этими сообщениями Страбона о гаргареях, гелах и амазонках должен быть поставлен рассказ Евсевия (Praer. ev., VI, 10, 9 сл.) о том, что у кавказских гелов женщины исполняют мужские работы, в частности, занимаются обработкой земли. Картина половых отношений и система родства у гаргареев и амазонок, по Страбону, соответствует тому, что наблюдается у примитивных племен на стадии группового брака].

⁷ [Вероятно, та же река, которую раньше Страбон называл Мермадаль].

⁸ Известны две Сиракены: 1) в Гиркании на реке Оке, куда населявшие ее сираки, или сирахи (родственные, вероятно, одноименному меотийскому племени; ср. выше, XI, 2, 1), могли попасть вместе со скифами, во время походов последних в Персию, (в VII в. до н. э.); 2) в Великой Армении, в районе нынешнего озера Гокча (современная область Ширак). Совмещением в представлении Страбона этих двух Сиракен и меотийских сираков следует, вероятно, объяснять то, что албанская река Мермадаль обратилась в армянскую реку Мермод, впадающую к тому же в Азовское море].

⁹ [О городе Фемискире на реке Термодонте см. выше, I, 3, 7].

¹⁰ [Фракийцы и эвбейцы, воюющие совместно с гаргареями против амазонок, — легендарный мотив, который следует поставить в связь с сообщениями о фессалийцах (прибывших вместе с Язоном) в Армении и Албании. См. выше, XI, 4, 8].

заключили договор на вышеприведенном условии, так что имели только общность детей, а жили те и другие отдельно.

3. Сказанию об амазонках выпала какая-то особенная судьба. В остальных сказаниях баснословное и историческое разграничены: сказания древние, неверные и чудесные, называются баснями, история же ищет истины, будь это древнее или новое *событие*, и чудесного или вовсе не допускает, или лишь изредка. Об амазонках же и прежде и теперь существуют одни и те же сказания, полные чудес и далекие от вероятия. В самом деле, кто может поверить, чтобы когда-нибудь составилось войско, город или народ из одних женщин без мужчин? И не только составилось, но и совершалось походы на чужбину и покоряло не только ближние *земли*, дойдя даже до нынешней Ионии, но предпринимало и заморский поход до Аттики?¹ Ведь это все равно, как если бы кто-нибудь стал говорить, что тогдашние мужчины были женщинами, а женщины—мужчинами. А между тем и теперь о них рассказывается то же самое, и своеобразность *сказаний* увеличивается тем, что древним сказаниям верят больше, чем нынешним.

4. Так, существуют сказания об основании городов и названии их по имени *основательниц*, как, например, Эфеса, Смирны, Кимы, Мирины, указываются гробницы и другие памятники. Фемискиру, прилегающие к Термодонту равнины и высящиеся над ними горы все называют амазонскими и говорят, что амазонки были прогнаны отсюда; а где они *находятся* в настоящее время—об этом говорят немногие, *да и то* бездоказательно и неправдоподобно, равно как и о царице амазонок Фалестрии², которая, говорят, встретила с Александром в Гиркании и вступила в связь для деторождения. Это *сказание* не всеми принимается: из такого большого числа писателей наиболее стремящиеся к истине *ничего* не говорят о нем, равно и пользующиеся наибольшим доверием не упоминают ни о чем подобном, да и передающие это сказание не согласны друг с другом; Клитарх³ утверждает, что Фалестрия прибыла к Александру от Каспийских ворот и Термодонта⁴, между тем как от Каспийского моря до Термодонта более шести тысяч стадиев.

5. Точно так же и сказания, распространяемые ради прославления, хотя и признаются всеми, но выдумавшие их более имели в виду лесть, чем истину; таково, например, перенесение *имени* Кавказа на Индийские горы⁵ и близкое к ним восточное море с гор, возвышающихся над Колхидой и Эвксином. Ведь эллины называли Кавказом *именно* эти горы, отстоящие от Индии более, чем на тридцать тысяч стадиев, и к ним приурочили миф о скованном Прометее, так как для людей того времени это были самые крайние известные *горы* на востоке. Поход же Диониса и Геракла в Индию обличает позднейшее происхождение мифа, так как Геракл, по сказанию, освободил Прометея тысячи лет спустя. Для Але-

¹ [О легендарном походе амазонок в Аттику и о причинах этого похода см. выше, I в о с г., Рапег., § 67].

² [Легендарная царица амазонок, явившаяся в Гирканию к Александру Македонскому, в сопровождении трехсот прислужниц, с целью иметь от него дитя (см. D i o d., XVII, 78, 1, сл.). Рассказ этот уже в древности был признан легендарным, о чем, кроме комментируемого текста Страбона, свидетельствует известное место у П л у т а р х а (Alex. 46), где перечисляются писатели, упоминавшие или отвергавшие эпизод с царицей амазонок в гостях у Александра].

³ [О Клитархе, писателе IV в. до н. э. и известном биографе Александра Македонского, упоминавшем об эпизоде с царицей амазонок в книге V своего сочинения «Об Александре», см. выше введение к фрагментам из названного сочинения].

⁴ [О Термодонте, реке в Малой Азии см. выше, I, 3, 7 и прим. к этому месту].

⁵ [Индийским Кавказом или Паропамисом в древности нередко именовались вершины Гиндукуша и Памира (см. A g r., An., V, 5)].

ксандра, конечно, было более славы покорить Азию до Индийских гор, чем, до угла Эвксина и до Кавказа; но славное имя этой горы, представление о том, что Язон со своими спутниками совершил весьма далекий поход до *земель, лежащих* близ Кавказа, и предание о том, что Прометей был прикован на краю земли на Кавказе,—*все это* навело историков на мысль, что они угодят царю, перенеся имя этой горы в Индию.

6. Самые высокие части подлинного Кавказа суть самые южные, обращенные к Албании, Иберии и *областям* колхов и гениохов¹. Живут там *народы*, которые, как я сказал², сходятся в Диоскуриаду; сходятся же главным образом для *покупки* соли. Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаются по большей части звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком. Зимой горные вершины неприступны, а летом *люди* взбираются на них, подвязывая *подошвы* из сырой воловьей кожи с *железными* шипами, широкие, как литавры; *подвязывают* их по причине снегов и льдов. Спускаются же с гор, лежа на шкуре вместе с кладью и скользя вниз, что встречается также в Атропатийской Мидии³ и на горе Масии в Армении⁴; там подвязывают под подошвы еще деревянные колеса с шипами. Таковы вершины Кавказа.

7. Спускаясь в предгорья, *мы вступаем* в области, лежащие севернее, но с более умеренным *климатом*, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков⁵. Есть тут некие троглодиты [пещерники], живущие вследствие холодов в пещерах⁶; у них уже и хлеб *родится* в изобилии. За троглодитами *следуют* какие-то народы, называемые хамекитами и многоедами, и селения исадигов, могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем *еще* на севере.

8. За ними следуют уже кочевники, *живущие* между Меотидой и Каспийским морем, *именно* набияны, панксаны и *затем* уже племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки⁷, кажется, беглецы из среды живущих *выше народов...* и (ἀνωτέρω, ... καί)⁸ они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов Спадин⁹—даже двести тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян

¹ [Страбон имеет в виду вершины Эльбруса и Казбека, из которых первая хорошо наблюдается с черноморского побережья в районе Сухуми (что должно соответствовать области колхов и гениохов)].

² Strabo, XI, 2, 16.

³ [Мидия Атропатена—область на северо-востоке Ирана, граничащая с Арменией, названная от имени Атропата, сатрапа Александра Македонского, основателя династии, независимой от Селевкидов].

⁴ [Гора или горная цепь, упоминается также П т о л е м е е м (V, 17, 2), помещающим ее в Месопотамии. Как часть горного хребта Тавра упоминается С т р а б о н о м (XI, 12; 4; 14, 12)].

⁵ [О сираках, скифском племени к востоку от Азовского моря, см. выше, XI, 2, 1 и прим. к этому месту].

⁶ [Говоря «о неких троглодитах», Страбон имеет в виду то, что это наименование со времен Геродота прилагалось обычно к пещерным жителям побережья Красного моря и Верхнего Египта (H e r., IV, 183); известны были также троглодиты в Мезии на нижнем Дунае].

⁷ [О сираках см. выше, XI, 2, 1, об аорсах—сарматском племени, населявшем пространство между Азовским морем и Северным Кавказом, по соседству с сираками, см. выше XI, 2, 1].

⁸ После ἀνωτέρω Meineke правильно указал на лакуну.

⁹ [Упоминаемые Страбоном имена царей сираков и аорсов в других источниках не встречаются].

и мидян и *перевоза* на верблюдах. Благодаря богатству, они носили золотые украшения. Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду¹.

ГЛАВА VI. ВТОРАЯ ЧАСТЬ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

1. Вторая часть начинается от Каспийского моря, у которого кончается первая. Это же самое море называется еще Гирканским². Но следует прежде сказать об этом море и соседних с ним народах. Это—залив, вдающийся из Океана к югу³, сначала довольно узкий, но *затем* расширяющийся по мере углубления *в материк* и особенно в самой внутренней части, даже *до* пяти тысяч стадиев *ширины*. Плавание же до этой внутренней части, пожалуй, *будет еще* несколько длиннее, доходя почти уже до необитаемых *стран*. По словам Эратосфена, известный эллинам путь вокруг этого моря составляет вдоль *областей* албанов и кадусиев⁴ пять тысяч четыреста стадиев, *затем* вдоль *страны* анариаков, мардов и гирканов⁵ до устья реки Окса четыре тысячи восемьсот, а отсюда до *реки* Яксарты—две тысячи четыреста. Впрочем, к *сведениям* об этой части *Азии*, и столь отдаленных *странах* следует относиться осторожно, в особенности, *когда дело идет о расстояниях*.

2. Для вступающего в *Каспийское море*⁶ по правую руку обитают смежные с европейцами скифы и сарматы между Танаисом и этим морем, по большей части кочевники, о которых мы *уже* говорили, а влево—восточные скифы, также кочевники, на всем протяжении до восточного моря и до Индии. Древние эллинские писатели называли все вообще северные народы скифами и кельтоскифами⁷, а еще более древние, различая их *по частям*, называли гиперборейями⁸, савроматами⁹ и аримаспами¹⁰ живущих выше Эвксина, Истра и Адрия, а живущих по ту сторону Каспийского моря называли одних саками¹¹, других массагетами¹², не имея *возможности* сказать о них ничего достоверного, хотя и рассказывали о войне Кира с массагетами¹³. Но вообще ни об этих *народах*

¹ [Отожествляется с современным Маньчем. В основе представления о реке Ахардее, как о вытекающей с Кавказа и впадающей в Меотиду, лежит та же географическая несообразность, какая отмечена в отношении реки Мермода (см. выше, XI, 5, 2), которую, может быть, Страбон в этом случае отождествляет с Ахардеем].

² [О представлениях, связанных в древности с понятиями—Каспийское и Гирканское море, ср. Аг., Met., II, 1, 10 и прим. к этому месту].

³ [О Каспийском море, как о заливе океана и о противоречиях на этот счет у Страбона, см. выше, XI, 1, 5 и прим. к этому месту].

⁴ [О племени кадусиев см. Хеп., Сут., V, 3, 24 и прим. к этому месту].

⁵ [О гирканах см. Хеп., Сут., V, 3, 24 и прим. к этому месту; анариаки—племя, жившее на южном берегу Каспийского моря, упоминаемое также Плинием (NH, VI, 36) и Птолемеем (VI, 2, 5), помещающими их рядом с кадусиями и гелами; Страбон упоминает о них и об их области ниже, XI, 7, 1; 8, 8; марды и амарды—племена, родственные и соседние гирканам. Марды Персии известны также Геродоту, как одно из основных древнеперсидских племен (I, 125); упоминаются они и в Армении (Ptol., V, 12, 9) и на черноморском побережье, в соседстве с ахеями (Plin., NH, VI, 16)].

⁶ [Страбон имеет в виду движение с севера на юг].

⁷ [О термине кельтоскифы см. выше, Strabo, I, §, 272 и прим. к этому месту].

⁸ [О гиперборейях см. Нег., IV, 32, и прим. к этому месту].

⁹ [О савроматах см. Нег., IV, 110, сл. и прим. к этому тексту].

¹⁰ [Об аримаспах см. Нег., III, 116, и прим. к этому месту].

¹¹ [О саках см. выше, VII, 3, 9, и прим. к этому месту].

¹² [О массагетах см. Нег., I, 215 сл., и прим. к этому тексту].

¹³ [Нег., I, 201 сл.].

не добыто исследованиями ничего достоверного, ни древние известия о персах и мидянах или сирийцах не пользовались большим доверием вследствие наивности писателей и любви их к сказкам.

28. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

XI, 7

Перевод В. В. Латышева

1 (р. 508 С.). Наши современники называют даями¹ кочевников, живущих на побережье Каспийского моря по левую руку для врывающегося в него и называемых также парнами². Далее в промежутке лежит пустыня, а за нею Гиркания, у которой море уже расширяется до соприкосновения с Мидийскими и Армянскими горами³. Форма этих гор лунообразна у подножия, которые, оканчиваясь у моря, образуют внутреннюю часть залива. Эти горные склоны, начиная от моря до вершин, на небольшом пространстве заселяет часть албанов и армян, а большую часть *занимают* гелы, кадусии, амарды, витии и анариаки...⁴ Однако большую часть побережья в горной стране занимают кадусии, на пространстве почти пяти тысяч стадиев, как говорит Патрокл⁵, который полагает также, что это море *по величине* равно Понтийскому. Местности эти бедны.

3 (р. 509 С.). Через Гирканию протекают также реки Ох и Окс* до впадения в море; из них Ох течет и через Несею⁷, некоторые говорят, что Ох впадает в Окс. Аристокл⁸ называет Окс величайшею из виденных им в Азии рек, за исключением индийских; он говорит также (заимствуя *это известие*, как и Эратосфен, у Патрокла), что она удобна для судоходства и что по ней многие индийские товары сплавляются в Гирканское море⁹, отсюда переправляются в Албанию и, *наконец*, по Киру и следующим *за ним* местностям перевозятся в Эвксин...

4. И об этом море [т. е. Каспийском] присочинено много ложного из-за честолюбия Александра. Так как всеми согласно признано, что река Танаис отделяет Азию от Европы, пространство же между морем и Танаисом, составляющее значительную часть Азии, не подпало под власть македонян, а между тем было признано, что Александр водил *туда* войско, так что, по крайней мере по народной молве, считался овладевшим и этими странами,—то поэтому Меотийское озеро, принимающее *в себя* Танаис, и Каспийское море соединяли в одно *целое*, называя озером и последнее и утверждая, что оба они сливаются друг с другом и одно составляет часть другого.

¹ [О скифском племени даев, между Меотидой и Каспийским морем, а также и к востоку от него, см. выше, VII, 3, 12, и прим. к этому месту].

² [Конъектура Джонса: апарнами. Ср. также ниже, XI, 9, 2].

³ [Северо-восточные отроги Карадага].

⁴ [О перечисленных племенах см. выше, XI, 5, 1, и 6, 1, а также прим. к ним].

⁵ [О Патрокле, правителе прикаспийских областей при Селевке Никаторе и Антиохе, см. выше, введение к его фрагменту].

⁶ [Окс—Аму-Дарья; Ох—Атрек].

⁷ [Область в Гиркании, упоминаемая также Птолемеем (VI, 10, 4) под названием Нигейя].

⁸ [Этот Аристокл сопровождал Александра в его походах. См. о нем введение к его фрагментам из сочинения «Об Александре», откуда заимствует эти сведения Страбон].

⁹ [Имеется в виду древнее, ныне пересохшее. русло нижнего течения Аму-Дарья—Узбой, соединявшееся с Каспийским морем].

Поликлит¹ приводит даже доказательства того, что это море представляет собою озеро, *именно, что* в нем водятся змеи и вода его пресновата; а что оно не отделено от Меотиды, он доказывает тем, что в него впадает Танаис². Из тех самых Индийских гор, из которых *текут* Ох, Окс и многие другие *реки*³, вытекает и Яксарт⁴ и впадает, подобно им, в Каспийское море, находясь далее всех на севере. Эту-то реку называли Танаисом и прибавили доказательство того, что это *именно тот* Танаис, о котором говорит Поликлит⁵: страна по ту сторону этой реки производит, по их словам, ель, и тамошние скифы употребляют еловые стрелы, а это, говорят, и есть доказательство того, что лежащая по ту сторону земля принадлежит к Европе, а не к Азии, ибо, верхняя и восточная Азия не производит ели. Но Эратосфен⁶ утверждает, что ель растет даже в Индии и что Александр отсюда соорудил свой флот; Эратосфен пытается опровергнуть много и других подобных известий, но для нас достаточно уже сказанного о них.

29. ВОСТОЧНЫЕ СКИФЫ И МАССАГЕТЫ

1 (р. 510 sq. С). Если от Гирканского моря итти на восток, то направо будут тянущиеся до Индийского моря горы, которые эллины называют Тавром⁷; начинаясь от Памфилии и Киликии, он до этих мест идет с запада непрерывной цепью, получая все разные и разные названия⁸. Северные части его заселяют, во-первых, гелы, кадусии и амарды, как сказано выше, и некоторые из гирканцев⁹, затем народы: парфянский, маргианский и арийский¹⁰, *потом* пустыня, которую отделяет от Гиркании река Сарний¹¹, если итти к востоку и *реке* Оху. *Часть горного хребта*, простирающаяся от Армении до этих местностей или немного не доходящая до них, называется Парахоатр¹². От Гирканского моря до ариев считается около шести тысяч стадиев, а затем следуют Бактриана, Согдиана¹³ и, наконец,

¹ [О Поликлите из Лариссы, авторе «Деяний Александра», см. введение к его фрагментам].

² [Указание на то, что Поликлит, подобно некоторым другим древним авторам, смешивал Танаис с Волгой, получившей у авторов римского императорского времени (начиная с Птолемея) наименование Ра].

³ [Индийскими горами или Индийским Кавказом в древности называли центрально-азиатские горные цепи Памира и Гиндукуша (Паропамиса), из отрогов которых действительно берут начало многие большие азиатские реки].

⁴ [Помещая устье реки Яксарта (Сыр-Дарьи) на Каспийском море, Страбон соединяет с этим последним представление об Аральском море, в которое действительно впадает эта река].

⁵ [Ср. выше, прим. 2].

⁶ [Ег., fr. III В 67].

⁷ [Тавром (см. выше XI, 1, 7) называется горная цепь, пересекающая Малую Азию в широтном направлении. Естественно, что для Страбона, принимающего деление Азии на две части—к югу и к северу от Тавра (см. выше XI, 1, 7),—по мере расширения знаний об азиатском материке также и горы, идущие по нему в широтном направлении, представлялись продолжением Тавра].

⁸ [Эти названия приведены несколькими строками ниже].

⁹ [О названных племенах см. выше, XI, 7, 1 и прим. к этому месту].

¹⁰ [О парфянах см. выше, II, 5, 31; маргианы—собираательное наименование племен (дербики, парны, тапуры и др.), обитавших к западу от среднего течения Аму-Дарьи в области Маргиане, занимавшей южную часть позднейшей Хивы и юго-западную часть Бухары; арии—жители области Арианы, составлявшей восточную часть позднейшего Хорасана и западную часть Афганистана].

¹¹ [Отождествляется с речкой Гюрген, в 40 км к югу от устья реки Атрека (Оха)].

¹² [Горы под этим названием, отделяющие Парфию от пустынной Кармании, упоминает также П т о л е м е й (VI, 2, 3), помещая их к юго-востоку от страбоновых].

¹³ [Об этих областях и населяющих их племенах см. выше, II, 5, 31 и прим. к этому месту].

скифы-кочевники. Всю горную цепь, *идущую* от страны ариев, македоняне называли Кавказом¹, а у варваров вершины, северные склоны Паропамиса Эмоды, Имай и другие подобные названия были даны отдельным частям².

2. Слева против этих стран живут скифские и кочевые племена, занимающие всю северную сторону. Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями³, живущих далее к востоку зовут массагетами и саками⁴, а прочих называют вообще скифами, но каждое племя имеет и частное имя. Все они ведут по большей части кочевую жизнь. Наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно: асии, пасканы, тохары, сакаравлы⁵, пришедшие с того берега Яксарта после саков и согдиев⁶; берегом этим владели саки. Одни из даев называются апарнами, другие ксандиями, третьи писсурами⁷. Апарны ближе всех прочих прилегают к Гиркании и к Каспийскому морю, а остальные народы простираются до страны, лежащей против Арии⁸.

3. Между этими народами, с одной стороны, Гирканией, Парфией до ариев, с другой, лежит обширная и безводная пустыня, через которую переходили народы в продолжительных странствиях, совершая вторжения в Гирканию Несаю и равнины парфян. Народы эти согласились платить дань, которая состояла в дозволении проходить через страны их определенное время и уносить с собою добычу. Если вторжения в страну совершались скифами против договора, возникала война, снова заключались соглашения и снова велись войны. Таков образ жизни и прочих номадов, состоящий в нападениях на соседей и затем в соглашениях.

4 (р. 511 С.). Саки совершали походы, подобно киммерийцам и трерам⁹, то в более отдаленные земли, то в соседние. Так, они заняли Бактриану и завладели в Армении наилучшей землей, которой оставили от своего имени и название Сакасены¹⁰; они доходили и до каппадокийцев и, в особенности, до соседних с Эвксином, которых теперь зовут понтийскими¹¹... Персидские полководцы того времени напали на них ночью, во время пира после грабежа и истребили их совершенно.

5. Так рассказывают о саках одни. По словам других, Кир был побежден в походе против саков и бежал. Расположившись лагерем в этом месте, где он оставил свой багаж с большими запасами всего, в особенности вина, он отдохнул немного со своим войском, а затем к вечеру отправился дальше, как бы убегая, причем покинул за собою богатые шатры. Удалившись на надлежащее, по его мнению, расстояние, Кир остановился, между тем как саки напали на лагерь, покинутый людьми.

¹ [См. выше, прим. к XI, 7, 4].

² [Эти наименования, прилагавшиеся—первое к горным вершинам к западу от Паропамиса (Гиндукуша); второе—к восточной части Гималаев (а также вообще к азиатским горам к востоку от Памира и Гиндукуша)—введены были в эллинистическую географическую литературу Мегасфеном и восприняты Эратосфеном, у которого их позаимствовал Страбон. См. Kiessling, RE, X, ст. 2508].

³ [См. о них выше, VII, 3, 12].

⁴ [См. о них выше, XI, 6, 2 и прим. к этому месту, а также ниже, XI, 8, 4 и 6].

⁵ [Восточноскифские племена, населявшие степи Казахстана и Алтай].

⁶ [О согдиях см. ниже, XI, 11, 3].

⁷ [О даях, как о племени, включающем в себя различные более мелкие, в том числе и вышеназванные, племенные образования, см. выше, XI, 7, 1].

⁸ [О положении Арии см. XI, 8, 1].

⁹ [О киммерийцах и трерах и об их походах в Малую Азию см. выше, I, 3, 21 и прим. к этому месту].

¹⁰ [Область, граничащая с Албанией и рекой Курой по соседству с долиной Аракса. Страбон упоминает о ней, кроме того, в II, 1, 14; 14, 4].

¹¹ [Т. е. до территории Понтийского царства, занимавшего значительную часть Каппадокии в своих первоначальных границах].

но полный лакомых яств и напитков, и объелись там чрезмерно. Тогда Кир возвратился и захватил опьяневших и потерявших сознание саков, так что одни были убиты во сне и в беспамятстве, другие поражены неприятельским оружием среди танцев и шумного пиршества, без всякого вооружения. Таким образом погиб почти весь отряд саков¹. Кир приписывал свою удачу воле божеств и посвятил тот день богу предков, назвавши его Сакея². Где только есть храм этой богини, везде совершается и шумное празднество Сакея, продолжающееся день и ночь; участвующие в празднике одеты по-скифски, пьют вместе с женщинами и дерутся между собой и с женщинами.

6 (р. 512 sq. С.). Массagetы показали свою доблесть в войне с Киром, о которой повествуют многие, и к ним следует обратиться за сведениями³. О массагетах говорят и так, что одни из них живут в горах, некоторые на равнинах, иные в болотах, образуемых реками, другие *занимают* острова в *этих* болотах. Больше всего, говорят, река Аракс наводняет *эту* страну, разделяясь на многие рукава и изливаясь прочими устьями в другое, северное море, а одним только в Гирканский залив⁴. *Массагеты* признают за божество трлько солнце и приносят ему в жертву лошадей⁵. Каждый берет одну жену, но пользуются *они* также и чужими женами, и *притом* не тайком: сообщающийся с чужой *женой* вешает свой колчан на повозке и сообщается явно. Наилучшей смертью признается у них такая, когда дожившие до старости будут изрублены вместе с бараньим мясом и съедены вперемежку с ним. Умерших от болезни выбрасывают как нечестивых и достойных съедения зверями. Они—хорошие конные и пешие воины, вооружаются луками, ножами, панцырями и медными секирами, в битвах носят золотые пояса и *такие же* повязки. Кони у них—златоуздые и в золотых наплечниках. Серебра у них *вовсе* нет, железа мало, а медь и золото—в изобилии⁶.

7. Живущие на островах, не имея земли для посева, питаются кореньями и дикими плодами, носят одежды из древесных лык (ибо у них нет и скота) и пьют *сок*, выжимаемый из древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбою и одеваются в шкуры тюленей, поднимающихся вверх *по рекам* из моря. Горные жители тоже питаются дикими плодами, но держат и овец, *хотя* в небольшом количестве, так что даже не режут их, сберегая ради шерсти и мслога. Одежду красят они посредством намазывания растительными соками, краски которых долго не линяют. Жители равнин, хотя и имеют *пахотную* землю, но не обрабатывают ее, а живут овцеводством и рыбной ловлей, подобно кочевникам и скифам. У всех таких *народов* есть сходство в образе жизни, о котором мне часто приходится говорить; их погребальные обряды, нравы и весь образ жизни сходны; каж-

¹ [Ср. этот рассказ с рассказом Геродота об уловке Кира в войне с массагетами (I, 201 сл.).]

² [О празднестве Сакеи, справлявшемся в честь богини Анаиты (вавилонской Иштар) и Хамана и напоминавшем Сатурналии, см. Dio Chrys., IV, 66].

³ Подобные же сведения о массагетах дает Геродот (I, 215 сл.). Страбон, подобно Геродоту, называет их обычай общескифскими, почему они и приводятся здесь.

⁴ [Араксом в данном случае Страбон вслед за Геродотом называет Аму-Дарью, названную им в XI, 6, 1 и других местах Оксом. «Северное море», в данном случае—Аральское, а устье реки, впадающее в Гирканский залив,—древнее устье Аму-Дарьи—Узбой, впадавший в Балаханский залив, как полагают, еще в XII в.].

⁵ [Эти слова, равно как и последующая характеристика обычаев массагетов, почти текстуально заимствованы из Нег., I, 201 сл. О солярном культе у восточноскифских и кавказских племен см. прим. Нег., I, 201 сл., а также Хен., Anab., IV, 5, 35 и прим.].

⁶ [Относительно употребления металлов, в частности железа, у восточноскифских племен, см. прим. к Нег., I, 215].

дый народ в отдельности коварен, дик и воинственен, в сношениях же с *другими* простодушен и не имеет торгашеской хитрости.

9, § 3 (р. 516 С). Говорят, что парны-даи¹ выходцы из *области* даев, *живущих* над Меотидой и называемых ксандиями или париями². Впрочем, нельзя назвать общепринятым мнение, что в числе живущих над Меотидой скифов есть даи...

30. СКИФСКИЕ ОБЫЧАИ БАКТРИЙЦЕВ И КАСПИЕВ

XI, 11, 3 (р. 517 С.)

В древности согдианы и бактрийцы³ немного отличались от кочевников по образу жизни и нравам но все-таки нравы бактрийцев были немного мягче. Однако и о них Онесикрит⁴ рассказывает не особенно хорошие *вещи*: люди, совершенно истощенные старостью или болезнью, живыми выбрасываются нарочно для этой цели содержимым собакам, которые на туземном языке называются «погребателями». Пространство снаружи стен главного города бактров чисто, а внутри—большая часть *города* полна человеческих костей. Этот обычай уничтожил Александр. Почти то же рассказывают и о каспиях: *у них* запираются и умерщвляются голодом родители, когда проживут свыше семидесяти лет. Этот обычай, хотя и скифский, не столь жесток и *даже* похож на закон кеосцев; гораздо большей скифской жестокостью отличается обычай бактрийцев⁵...

31. ОТРОГИ ТАВРА В АРМЕНИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ

XI, 12, 4 (р. 521 С.)

От Тавра к северу отделяется много отрогов; один из них—так называемый Антитавр⁶: ибо и здесь назывался так *отрог*, отделяющий *область* Софену⁷ в долине, лежащей между ним и Тавром. По ту сторону Евфрата в Малой Армении вслед за Антитавром к северу тянется большая гора со многими разветвлениями; одну часть ее называют Париадром⁸, другую—Мосхийскими горами⁹, прочие —другими именами; эти горы охватывают всю Армению до иберов и албанов. Далее к востоку поднимаются другие

¹ [Апарны конъектура Джона, см. XI, 7, 1].

² [Выше (XI, 8, 2) Страбон называет среди даев апарнов и ксандиев. Вероятнее всего, парии—те же апарны (парны)].

³ [Об их локализации см. выше, XI, 8, 1].

⁴ [Об Онесикрите из Астипалеи, сподвижнике Александра Македонского, см. выше, введение к его фрагментам].

⁵ [Об обычае насильственного умерщвления стариков, известном у многих примитивных народов, см. также Нег., I, 216 и прим. к этому месту. О подобном же обычае на острове Кеосе см. Страбон, X, 5, 6].

⁶ [Горная цепь, отделяющаяся от пересекающего Малую Азию в широтном направлении Тавра и идущая через Каппадокию в северо-восточном направлении, к истокам реки Евфрата].

⁷ [Область Великой Армении между Антитавром и верхним течением реки Евфрата.

⁸ [Горная цепь, пересекающая западную часть Великой Армении с юго-запада на северо-восток и образующая границу между Каппадокией и Малой Арменией. Упоминается у Птолемея (V, 13, 5)].

⁹ [Цепь Малого Кавказа].

горы, лежащие над Каспийским морем до Мидии Атропатийской и Великой¹; все эти части гор называют Парахоатром², равно как и *простирающиеся* до Каспийских ворот и еще далее на востоке соприкасающиеся с Арией...

32. ИЗ ОПИСАНИЯ АРМЕНИИ

XI, 14

1 (р. 527 С.). Южные части Армении защищены Тавром³, отделяющим ее от всей *страны*, лежащей между Евфратом и Тигром и называемой Месопотамией, а восточные примыкают к Мидии Великой и Атропатене⁴. Северный предел ее составляют лежащие над Каспийским морем горы Парахоатра⁵, албаны, иберы и Кавказ, обнимающий эти народы и примыкающий к *горам* Армянским, а также и к Мосхийским и Колхидским до *так* называемых тибаранов⁶. С запада *граничат* эти *же* народы, а также Париадр⁷ и Скидис⁸ до Малой Армении и речной долины Евфрата, которая отделяет Армению от Каппадокии и Коммагены⁹.

3 (р. 527 С.)... Аракс, протекая к востоку до Атропатены¹⁰, поворачивает к северо-западу, протекает сначала мимо Азар¹¹, потом мимо Артаксат¹²— *оба эти* города в Армении—и, наконец, через Араксовскую долину изливается в Каспийское море.

4 (р. 528 С.). В самой Армении есть много гор и плоскогорий, на которых с трудом растет виноград, *но есть также* и много долин, из *коих* одни плодородны умеренно, а другие—чрезвычайно; такова, например, долина Араксовская, по которой река Аракс течет в Албанские горы и *затем* впадает в Каспийское море, за нею *область* Сакасенская¹³, тоже граничащая с Албанией и рекой Киром, потом—Тогаренская¹⁴. Вся эта страна изоби-

¹ [Мидия—одна из основных провинций Персидского царства, расположенная к югу от Армении и Каспийского моря, после македонского завоевания была разделена на две части: примыкающую к Армении Мидию Атропатену и Великую Мидию].

² [О горах Парахоатра см. выше, XI, 8, 1, где Страбон придает этому названию более ограниченное значение; из сопоставления этих данных вытекает, что Парахоатром именовались горные цепи, идущие на известное расстояние вдоль западного и южного берегов Каспийского моря].

³ [О распространении наименования Тавр на горные цепи Передней и Центральной Азии, идущие в широтном направлении, см. выше, XI, 1, 2 и 7 и прим. к последнему из указанных мест].

⁴ [Об этих наименованиях см. выше, XI, 2, 4 и прим. к этому месту].

⁵ [Об этих горах см. выше, XI, 8, 1; 12, 4, а также прим. к указанным текстам].

⁶ [Все эти названия гор прилагаются Страбоном к цепи Малого Кавказа и его отрогам, причем Армянские горы представляют его восточную, Мосхийские—центральною и Колхидские—западную часть. О тибаранах (тибаренах) см. Хен., Anab., V, 5, 1—3 и прим. к этому тексту].

⁷ [О горах Париадра см. выше, XI, 12, 4 этой же книги].

⁸ [Скидис—наименование, прилагаемое Страбоном к восточным отрогам малоазиатского горного хребта Тавра, находящимся в Понте и на границе Малой Армении].

⁹ [Малоазиатские области: Каппадокия—на северо-востоке Малой Азии от реки Галиса до Трапезунта; Коммагена—северо-восточная часть Сирии].

¹⁰ [Область, граничащая с Арменией с юга и названная в XI, 14, 3 Мидией Атропатеной].

¹¹ [Город в Великой Армении к западу от Артаксат, ее столицы, идентичной с Азорой или Озарой Птолемея (V, 13, 17)].

¹² [Армянская Арташата, город, основанный Артаксием в области горы Арарата на реке Араксе. Развалины его находятся недалеко от Еревана. Птолемея (V, 13, 12) ошибочно локализовал Артаксату на Евфрате].

¹³ [О Сакасенской области, или Сакасене, см. выше, XI, 8, 4 и прим. к этому месту].

¹⁴ [Область на севере Армении, граничащая с Иберией, о ней упоминает также Стефан Византийский s. v. Τούρρις, помещая ее между восточной Иберией и Колхидой].

лует плодами, садовыми деревьями и вечно цветущими растениями и производит даже маслину. В состав Армении входят также области: Фавена, Комисена и Орхистена¹, доставляющая очень много конницы. Хорзена и Камбисена²—самые северные и наиболее покрываемые снегом области Армении, примыкающие к Кавказским горам, Иберии и Колхиде; говорят, что там при перевалах через горы часто целые караваны *путников* засыпаются снегом, когда его выпадает слишком много; на случай подобных опасностей *путники* имеют при себе палки, которые протыкают *сквозь снег* на поверхность для того, чтобы *иметь возможность дышать*, а также давать знать проходящим; таким образом они получают помощь, *выкапываются из-под снега* и спасаются. В снегу, говорят, образуются полые ледяные глыбы, содержащие в себе, как бы в оболочке, хорошую воду, и даже рождаются в нем живые существа: Аполлонид³ называет их дождевыми червями, а Феофан⁴—древесными; в них также заключается хорошая вода, которую пьют, разорвавши их кожу. Предполагают, что происхождение *этих* животных таково же, как образование комаров из пламени и искр на плавильных заводах.

5. Говорят, что Армения, первоначально имевшая небольшие размеры, была увеличена Артаксием⁵ и Зариадрием⁶, которые сначала были полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, сделавшись царями—первый в Софене⁷, Акисене, Одомантиде⁸ и некоторых других областях, а второй в окрестностях Артаксат,—расширили Армению, отрезав себе части *земель* у окрестных народов, а именно у мидян—Каспиану⁹, Фавниту¹⁰ и Басоропеду¹¹, у иберов—склоны Париадра, Хорзену и Тогарену¹², лежащую по ту сторону Кира, у халибов и моссиников¹³—Карениту¹⁴ и Ксерксену¹⁴, которые граничат с малой

¹ [Внутренние области Великой Армении. Комисена не должна быть смешиваема с упомянутой выше (XI, 9, 1) одноименной областью Парфии].

² [Хорзена на границе Иберии, Армении и Колхиды в горах, вероятно, идентична Котарзене Птолемея (V, 13, 9); Камбисена—в тех же местах, что и Хорзена, но восточнее, граничит с Албанией. Название ее происходит от реки Камбиса (современная Иора), отождествляемой с Алазонием. Страбон упоминает об этой области еще в XI, 4, 1 и 5. Упоминается у Strab. Вуз., s. v. Καρβιστινή].

³ [Об Аполлониде, отождествляемом с автором «Перипла Европы», см. выше, введение к его фрагментам].

⁴ [О Феофане Митиленском см. выше, XI, 5, 1 и введение к его фрагментам].

⁵ [Основатель армянской династии, один из сподвижников Антиоха Великого, возмущившийся против него в 188 г. до н. э. и ставший самостоятельным правителем. Укрывшийся у него от преследования римлян Ганнибал был строителем древней столицы Армении Артаксаты].

⁶ [О Зариадрии, наместнике Антиоха Великого и впоследствии самостоятельным правителем части Армении, Страбон сообщает в XI, 14, 15].

⁷ [О положении Софены см. выше, XI, 12, 3].

⁸ [Область Великой Армении, соседняя с Софеной].

⁹ [О Каспиане, области племени каспиев, см. выше, XI, 4, 5 и прим. к этому месту].

¹⁰ [Область на востоке Армении, часто ошибочно смешиваемая с расположенной во внутренней Армении Фавеной].

¹¹ [Область Великой Армении, может быть, идентичная с областью Васнуран к северо-востоку от озера Ван].

¹² [О горах Париадра см. выше, XI, 2, 15; об областях Хорзене и Тогарене см. выше, XI, 2, 4 и прим.].

¹³ [О халибах см. прим. к Нес., fr. 195 и прим. к этому тексту, а также Strabo XII, 3, 19; о моссиниках см. Xen., Anab., V, 4, 1 сл.].

¹⁴ Каренитида—область на границе Великой и Малой Армении, между верховьями Куры и Евфрата (ср. Plin., HN, V, 93); по соседству с ней, к западу расположена Ксерксена (Дерсена), в районе современного Эрзерума].

Арменией или даже составляют ее части, у катаонов¹—Акилисену² и область по Антитавру³, у сирийцев—Таронитиду⁴, так что все *эти народы* говорят *теперь* на одном языке.

7 (р. 529 С.). Рек в Армении довольно много; наиболее известны Фасис и Лик⁵ впадающие в Понтийское море (Эратосфен вместо Лика неверно называет Термодонт), в Каспийское—Кир и Аракс, в Красное—Евфрат и Тигр.

13 (р. 531 С.). Полагают, что Аракс по сходству с Пенеем⁶ назван спутниками Армена⁷ одноименно с этой *рекой*: ибо и Пеней называется Араксом потому, что он оторвал⁸ Оссу от Олимпа, прорвав Темпы⁹; так, по рассказам, и армянский Аракс в древности, спустившись с гор, широко разливался и образовывал озера в низменностях, не имея выхода, а Язон по образцу Темпейской долины сделал прокоп, по которому ныне вода низвергается в Каспийское море; вследствие этого освободилась, говорят, от воды Араксовская долина, по которой река протекает до водопада¹⁰. Этот рассказ о реке Араксе имеет некоторое вероятие, а геродотовский мало *вероятен*: он говорит¹¹, что Аракс, вытекая из области матиенов, разделяется на сорок рек и отделяет скифов от бактрийцев¹². Его мнению последовал и Каллисфен¹³.

15 (р. 537 С.)... Тигран был потомком Артаксия¹⁴ и владел собственной Арменией (она граничила с Мидией и *областями* албанов и иберов до Колхиды и Каппадокии, что при Понте Эвксинском)...

33. ИЗ ОПИСАНИЯ ПОНТИЙСКОГО ЦАРСТВА

ХII, 3

1 (р. 541 С.). В Понте сделался царем Митридат Эвпатор¹⁵; он владел страной, границей которой служила *река* Галис до тибаранов¹⁶ и армян, и по сю сторону Галиса областью до Амастрия¹⁷ и некоторых частей Пафла-

¹ [Жители области Катаонии, в юго-восточной части Каппадокии].

² [Об Акилисене, области Малой Армении, заселенной по преданию фессалийцами под предводительством Армена, см. выше, XI, 12, 3].

³ [О горном хребте Антитавре см. выше, XI, 12, 2, и прим. к этому месту].

⁴ [Область на юге Малой Армении].

⁵ [Значительная река (отождествляемая с современной рекой Герменех-чай), берущая начало в горах Малой Армении и впадающая в Черное море у разрушенной Помпеем Евпатории (Магнополь)].

⁶ [Река в Фессалии, современная Саламбрия].

⁷ [Об Армене, одном из спутников Язона, давшем свое имя Армении, см. выше, XI, 4, § 8].

⁸ [«От греческого глагола ἀπ-άρσσω» (Jones)].

⁹ [Узкая долина между горами Олимпом и Оссой, местами превращающаяся в ущелье, по которой Пеней протекает в Эгейское море].

¹⁰ [Аракс имеет около Карса и между Ордубадам и Мигри узкое и порожищенное русло, которое можно принять за водопад].

¹¹ [Н е г., I, 202.]

¹² [Г е р о д о т понимает в указанном месте под Араксом реку Окс (т. е. современную Аму-Дарью). См. об этом прим. к указанному месту Геродота. За ним следует в этом невольно и сам С т р а б о н в изложении рассказа Геродота о массагетах (XI, 8, 6)].

¹³ [О Каллисфене, писателе IV в. до н. э., сочинение которого об Александре имеет в виду Страбон, см. выше, введение к его фрагментам].

¹⁴ [Тигран Великий, царь Армении и союзник Митридата Эвпатора, царствовавший с 96 по 56 г. до н. э.; об Артаксии, основателе армянской династии, см. выше, XI, 14, 5].

¹⁵ [В 113 г. до н. э.].

¹⁶ [Об этом племени см. выше, XI, 14, 1 и прим. к этому месту].

¹⁷ [На месте древней греческой колонии Сезама в Пафлагонии; город, выстроенный на рубеже IV—III вв. до н. э. (современное поселение Амазера)].

гонии; приобрел же он с западной стороны побережье до Гераклеи¹, родины Гераклида, философа платоновой школы², а с другой стороны—до Колхиды и Малой Армении, каковые *области* и присоединил к Понту. Да и Помпей, победив его, овладел этой страной³, заключенной в таких пределах. Местности подле Армении и Колхидскую область он разделил между действовавшими заодно с ним властителями, а остальные *области* разделил на одиннадцать общин и присоединил к Вифинии, так что из обоих этих *царств* образовалась одна провинция...

6 (р. 542 С.). Гераклея—город с хорошей гаванью и вообще значительный; он высылал даже колонии: его колониями *были* Херсонес⁴ и Каллатия...⁵

13 (р. 546 С.). За устьем Галиса до Сарамены⁶ простирается Гадилонитида⁷, страна богатая, вся ровная и всем изобильная. В ней разводятся, между прочим, овцы с тонким и мягким руном, в каких по всей Каппадокии и Понту чувствуется очень большой недостаток; водятся также и газели, которых в других странах мало. Одной частью этой области владеют жители Амиса, а другую Помпей передал Дейотару⁸, равно как и окрестности Фарнакии и Трапезунтскую область до Колхиды и Малой Армении. Он назначил его царем и этих областей сверх унаследованной от отца власти над одной из четырех областей галатов, именно над толистобогиями⁹. После смерти Дейотара из его владений возникли многие наследства.

17 (р. 548 С.). За Сиденой¹⁰ находится укрепленный городок Фарнакия¹¹ и затем эллинский город Трапезунт, до которого от Амиса морским путем около двух тысяч двухсот стадиев; затем отсюда до Фасиса почти тысяча четырехста, так что всего выходит от Святого¹² до Фасиса около восьми тысяч стадиев или немного больше, или меньше. На этом берегу, если плыть от Амиса, прежде всего *встретится* Гераклов мыс¹³, затем другой мыс—Язоний и *река* Генет¹⁴, далее городок Котиоры, из ко-

¹ [Колония Мегары Гераклеи Понтийская на вифинском побережье при устье реки Лика (современный Килий)].

² [О Гераклиде Понтийском, современнике и ученике Платона, Страбон упоминает еще в XIII, 1, 48].

³ [В 66 г. до н. э.].

⁴ [Город Херсонес в Крыму близ Севастополя, подробно описанный Страбоном, XII, 4, 2 сл.].

⁵ [На западном побережье Черного моря к югу от устья реки Дуная, на месте одноименной древней милетской колонии. Страбон упоминает о ней в VII, 5, 12; 6, 1].

⁶ [Область в Понте, занимавшая черноморское побережье у греческого города Амиса (на месте современного Самсуна)].

⁷ Гадилонитида—область, названная по расположенному в ней городу Гадилому (между рекой Галисом и городом Амисом). Упоминается у Страбона также Гавалунтида и соответствующий пункт Газелот (XII, 3, 25); может быть, с Гадилоном тождествен упоминаемый Плинием (NH, VI, 6) Газел, локализуемый на левом берегу реки Галиса].

⁸ [Тетрарх азиатских галатов, происходил из галльского племени толистобогиев, сын Думнорига (CIA, III, 544) был союзником Помпея в войне с Митридатом и в гражданской войне].

⁹ [Одно из трех племен, объединявших галатские тетрархии в Малой Азии].

¹⁰ [Сидена—область в районе одноименной реки (ныне Полеман-чай) на побережье Полемонова Понта в Малой Азии].

¹¹ [О Фарнакии см. выше, XI, 2, 18].

¹² [«Святое», или Святой мыс,—на азиатском берегу Босфора Фракийского при входе в Черное море].

¹³ [Гераклов мыс и святилище между Амисом и Полемонием (Ptol., V, 6, 3; Agg., Рег. Р. Е., 20)—современный Чалты-бурун].

¹⁴ [О мысе Язоний см. выше, P. s. - S. c. u. l., § 88, и прим. к этому месту. Аполлоний Родосский (см. выше, II, 378) упоминает о Генетейском мысе; Псевдоскилак (§ 88) говорит о Генетской гавани. См. прим. к последнему из указанных мест].

торого заселена Фарнакия, потом *лежащий* в развалинах Исополь¹, еще далее залив, при котором небольшие поселения Керасунт² и Гермонасса³, затем недалеко от Гермонассы Трапезунт⁴ и потом Колхида; здесь где-то находится и селение, называемое Зигополем⁵. О Колхиде и лежащем за нею побережье уже⁶ сказано.

18. Выше Трапезунта и Фарнакии живут тибараны, халдеи и санны⁷, которых прежде называли макронами, и *лежит* Малая Армения⁸, близко к этим местам живут также аппаиты, прежние керкиты⁹. Через эти места проходит Скидис, очень крутая гора, соединяющаяся с Мосхийскими горами¹⁰, что выше Колхиды, и заселенная на вершинах гептакометами¹¹, и Париадр¹², тянущийся от местностей у Сидены и Фемискиры до Малой Армении и образующий восточный край Понта. Все жители этих гор крайне дики, но гептакометы превосходят *в этом отношении* прочих. Некоторые живут даже на деревьях или в башенках, почему древние называли их мосиниками от названия *таких* башен—мосинами¹³. Питаются они звериным мясом и орехами, нападают и на путешественников, спускаясь с горных вершин. Гептакометы истребили три помпеевых отряда, проходивших через *эту* горную страну; они поставили на дорогах чаши разведенного одуряющего меда, который вытекает из древесных ветвей, *а потом*, напав на людей, напившихся *этого меда* и потерявших сознание, легко перебили их¹⁴. Некоторые из этих варваров назывались также бизерами¹⁵.

19. Нынешние халдеи в древности назывались халибами¹⁶. В их-то именно области лежит Фарнакия¹⁷, от моря получающая благосостояние посредством ловли пелагид¹⁸ (ибо рыба эта прежде всего ловится здесь), а на суше *владеющая* рудниками, ныне только железными, а прежде и серебряными. Вообще в этих местах морской берег чрезвычайно узок:

¹ [Небольшой город, расположенный при устье реки Мелантия близ Фарнакии].

² [Колония Синопы у устья реки того же наименования на месте современного поселения Керасунт].

³ [Об этом небольшом поселении или, по словам Гекатея Милетского и Теопомпа, городке см. еще Steph. Byz., s. v. Ἐρμόνασσα].

⁴ [О городе Трапезунте см. выше, VII, 4, 3].

⁵ [Об этом городе, наименование которого связывается с названием племени зигов, локализуемых Страбонам (XI, 2, 1) и другими авторами на северокавказском побережье, см. Steph. Byz., s. v. Ζυγοί].

⁶ [Strabo, XI, 2, 16 сл.].

⁷ [О тибаранах (тибаренах) см. выше, XI, 14, 1 и 4; Xen., Anab., V, 5, 1—3 и прим. к этому тексту; о халдеях (халдах или халибах) см. ниже, XII, 3, 19, а также Нес., fr. 195 и прим. к нему; о саннах (макронах) см. Xen., Anab., IV, 8, 1—3, а также Нес., fr. 191 и прим. к нему].

⁸ [Малой Арменией называлась западная, малоазиатская часть Армении, ограниченная верховьями Евфрата на востоке, Понтом и Каппадокией на западе, и на юге].

⁹ [Аппаиты (керкиты)—дикое горное племя, жившее к югу от Трапезунта в отрогах хребта Скидиса].

¹⁰ [О горах Скидиса см. также выше, XI, 2, 15; 14, 1. О Мосхийских горах (Малом Кавказе) см. XI, 12, 4; 14, 1].

¹¹ [О гептакометах—диком горном племени, родственном мосиникам и бизерам и жившем в горах Скидиса, к югу от Трапезунта и Фарнакии, см. еще Steph. Byz., s. v. Ἑπτακομήται].

¹² [О горном хребте Париадре см. выше, XI, 2, 15; 14, 5].

¹³ [О мосиниках (моссиниках) и образе их жизни, в частности и об упомянутых башнях-мосинах см. Xen., Anab., V, 4, 1—3, 8 и прим. к этому тексту].

¹⁴ [Об этом меде ср. Xen., Anab., IV, 8, 20 сл.].

¹⁵ [О бизерах (дизерах) см. Нес., fr. 190 и прим. к нему].

¹⁶ [О халибах см. Нес., fr. 195 и Xen., Anab., IV, 7, 15 сл.].

¹⁷ [О городе Фарнакии см. выше, XI, 2, 18 и прим.].

¹⁸ [Об этой рыбе и об ее ловле в Черном море см. также выше, VII, 6, 2].

над морем сразу поднимаются горы, изобилующие рудниками и лесами, а возделываются *лишь* немногие места. Средства к жизни рудокопам доставляются рудниками, а поморянам ловлей рыбы, в особенности тунцов и дельфинов: эти последние, следуя за стадами рыб, *именно* мелких тунцов, самок тунцов и самих пеламид, тучнеют и легко ловятся вследствие того, что слишком близко подходят к берегу. Одни жители Фарнакии ловят дельфинов на приманку, режут на куски и употребляют большое количество их жира на всякие *потребности*.

20. Я полагаю, что гализонами¹ Гомер называет халибов в каталоге после пафлагонцев²: «Одий и Эпистроф привели гализонов издалека, из Алибы³, откуда происходит серебро»⁴; или следует изменить чтение и читать: «издалека из Халибы», или принять, что жители здешние назывались прежде не халибами, а алибами; пускай не говорят, что, хотя в настоящее время можно назвать народ халдеями вместо халибов, но невозможно было в древности назвать алибов халибами, в особенности если принять во внимание те многочисленные изменения, какие претерпели имена, преимущественно у варваров... Деметрий Скепсийский⁵ также предполагает изменение названия алибов на халибов. Но так как он не понимает всего последующего, согласного с предыдущим, в особенности того, почему поэт называет халибов гализонами, то он отвергает это предположение. С нашим мнением мы сопоставим его мнение и мнения некоторых других и последуем им.

21⁶ (р. 550 С.). Одни *вместо ализонов* пишут «алазанов», другие — «амазонок», вместо «из Алибы» — «из Алопы» или «из Алобы», называя скифов-алазонов, *живущих* выше Борисфена, каллипидов⁷ и другие имена, которые легкомысленно сочинили нам Гелланик⁸, Геродот и Эвдокс⁹, а амазонок *помещая* между Мисией, Карией и Лидией, как полагает Эфор, вблизи его родины Кимы¹⁰...

23... Но нельзя допустить того, опираясь на что Деметрий совершенно неубедительно возражает лицам, утверждающим, что следует читать: «издалека из Халибы». Согласившись с тем, что, хотя в настоящее время у халибов нет серебряных рудников, но что они могли быть прежде, он отрицает, чтобы они были настолько знамениты и достойны упоминания, как железные¹¹. Но что же мешает, можно спросить Деметрия, тому, чтобы

¹ [Народ, упомянутый в «Илиаде» (II, 856), как живущий на северном берегу Малой Азии].

² [Население черноморского побережья Малой Азии на пространстве между Вифинией и Понтом в одноименной местности].

³ [Алиба, по Гомеру, — город гализонов на южном берегу Черного моря, как полагают, в позднейшей Вифинии; по Г е з и х и ю (s. v.) в Троаде; по Г е л л а н и к у (Stroph. Byz., s. v.) — озеро в Понте].

⁴ [Н о м., II, II, 856].

⁵ [О Деметрии Скепсийском, авторе комментария к гомеровскому каталогу кораблей, см. выше, I, 2, 38, а также введение к его фрагментам].

⁶ [В следующих §§ (21—27) автор делает пространный экскурс по поводу стихов Н о м., II, II, 856 сл.; из этого экскурса мы приводим только отрывки].

⁷ [Об алазонах и каллипидах — скифских племенах в низовьях Днепра, см. Н е г., IV, 17 и прим. к этому месту].

⁸ [О Гелланике, известном историке и авторе сочинения «О скифах», которое в данном случае и имеет в виду Страбон, см. выше, введение к отрывкам из сочинений Гелланика].

⁹ [Об Эвдоксе, авторе «Описания земли» в 9 книгах, см. выше, введение к его фрагментам].

¹⁰ [Город на эолийском побережье Малой Азии у одноименного залива (ныне валив Сандакели)].

¹¹ [О железных рудниках в земле халибов см. выше, А е с с h., Prom. vinct., 318 и прим. к этому месту].

эти рудники были столь знамениты, как и железные? Неужели то обстоятельство, что обилие железа может доставить славу известной местности, а обилие серебра не может. Если бы даже серебряные рудники вошли в славу не во время героев, а в гомеровское время, можно ли на этом основании порицать выражение поэта?..

24. Выше мы уже часто опровергали мнение Аполлодора¹, высказанное им в «Троянском списке», необходимо и теперь высказаться против него. Он полагает, что нельзя помещать гализонов по ту сторону Галиса, потому что, говорит он, никакие союзники троянцев не приходили с той стороны Галиса. Итак, прежде всего мы спросим Аполлодора: что за народ гализоны по сю сторону Галиса, а также те, что «издалека, из Алибы, откуда происходит серебро»? Он не в состоянии ответить на этот вопрос. Потом, по какой причине он не допускает, чтобы союзники пришли с той стороны Галиса? Если действительно случилось так, что все союзники троянцев, кроме фракийцев, жили по сю сторону реки, то что мешает, чтобы, по крайней мере, одни, гализоны, пришли из страны, лежащей по ту сторону левкосирийцев². Или неужели жители этих местностей и далее лежащих могли притти оттуда для войны, как приходили, говорят, амазонки³, треры и киммерийцы⁴, и в то же время они не могли притти в качестве троянских союзников? Амазонки не помогали троянцам потому, что Приам в союзе с фригийцами вел войну против них в то время, «когда пришли амазонки мужеподобные», как говорит сам Приам, «потому что и я был союзником и имел счеты с ними»⁵. Напротив, помощь троянцам оказали, я полагаю, народы, пограничные с амазонками, не столь отдаленные, чтобы путь их оттуда был труден; к тому же они не состояли во враждебных отношениях с троянцами⁶.

26 (р. 553 С.)... Аполлдор говорит, что Гомер не знал многих известных названий при Понте, как например, рек и народов, ибо иначе он назвал бы их. Такое заключение можно, пожалуй, допустить относительно некоторых весьма известных названий, как например, скифов, Меотиды и Истра; ибо иначе он не назвал бы только по признакам кочевников млекоедами и абиями, справедливейшими смертными, и еще дивными доителями кобылиц, умалчивая о скифах или савроматах или сарматах, если бы они действительно уже в то время так назывались у эллинов; упомянув о фракийцах и мисийцах, живущих у Истра, он не обошел бы молчанием самой реки, величайшей из всех рек, тем более, что он вообще склонен ограничивать местности реками; называя киммерийцев, он не пропустил бы Боспор или Меотиду⁷.

¹ [Об Аполлодоре см. выше, I, 2, 38 и введение к отрывкам из приписываемой ему мифологической «Библиотеки»].

² [Наименование, прилагавшееся к жителям восточной Каппадокии (потомкам хеттов), позднее — специально к племенам между нижним течением реки Галиса и Ириса, в северо-восточной части Каппадокии].

³ [Об амазонках см. выше, XI, 5, 1 сл. и Н е р., IV, 110 сл. и прим. к этому тексту].

⁴ [О трерах и киммерийцах и об их походах см. выше. I, 3, 21 и прим. к этому месту].

⁵ [Н о т., II., III, 188].

⁶ [В пользу соображений, высказанных Страбоном за отождествление гализонов и Алибы с халибами, говорит, помимо того, что их имя не может быть оторвано от имени реки Галиса, также и то обстоятельство, что в глубокой древности халибы отмечены на пространстве, значительно менее удаленном от западного берега Малой Азии, чем в более позднее время. По Г е р о д о т у (I, 28) халибы живут по сю сторону, т. е. к западу от Галиса. По Помпонию Меле город Амис и Синопа лежали некогда в их области].

⁷ Ср. выше, VII, 3.

27. (р. 553 С.). Но за *неупоминание местностей*, не столь замечательных или *незамечательных* в тогдaшнее время или в данном отношении, кто станет упрекать поэта? Например, за *реку* Танаис, ничем иным неизвестную, кроме того, что она служит границей Азии и Европы. Тогдашние люди не называли еще ни Азию, ни Европу *особыми именами*, и обитаемая *земля* еще не делилась, таким образом, на три материка¹, ибо в *противном случае* он где-нибудь назвал бы их вследствие чрезвычайной важности *такого деления*, как назвал он Ливию и ветер либ², дующий из западных частей Ливии; но так как материк еще не были разделены, то и не было нужды в Танаисе и в упоминании о нем...

28 (р. 555 С.). Итак, над окрестностями Фарнакии и Трапезунта живут тибарены и халдеи до Малой Армении. Последняя—страна достаточно плодородная. Ею, как и Софеной³, всегда владели *собственные* династы, то бывшие в дружбе с прочими армянами, то действовавшие самостоятельно. Они имели под своей властью и халдеев и тибаренов, так что их владычество простиралось до Трапезунта и Фарнакии. Митридат Эвпатор, усилившись, стал владыкой и Колхиды и всех этих *местностей*, которые уступил ему Антипатр, сын Сисида⁴. Он так заботился об этих местностях, что соорудил в них семьдесят пять укреплений, в которые и положил наибольшую *часть своих сокровищ*. Самые значительные из этих *укреплений* были следующие: Гидара⁵, Бастидаризы и Синория⁶, (Σινωρία) местечко, выстроенное на границах Великой Армении, почему Феофан и переименовал его в Σινωρία [Пограничную]. Вся горная область Париадра обладает многими удобствами, будучи богата водами и лесами и перерезываясь во многих местах отвесными ущельями и крутизнами; поэтому-то здесь и было сооружено большинство казнохранилищ и, наконец, при нашествии Помпея, Митридат спасся в эти окраины Понтийского царства и, заняв хорошо орошенную гору в Акилисене⁷ у Дастир⁸ (близко был и Евфрат, отделяющий Акилисену от Малой Армении),—пробыл здесь некоторое время, пока осадой не был вынужден бежать через горы в Колхиду и оттуда на Боспор. Помпей около этого места в Малой Армении основал город Никополь⁹, который существует и поныне и хорошо населен.

29 (р. 556. С.). Малой Арменией правили то они, то другие *лица*, кого желали римляне, а в последнее время владел *ею* Архелай. Тибаренами же и халдеями до Колхиды, Фарнакии и Трапезунта владеет Пифодорида¹⁰, женщина разумная и умеющая править делами. Она—дочь

¹ [Разделение обитаемой земли на части света—Европу, Азию и Ливию, разграниченные реками Танаисом (или Фасисом) и Нилом, относится к эпохе Анаксимандра (610—547 гг. до н. э.) и является одним из важнейших результатов географических обобщений древнеионийской школы. См. Вегер, Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, 1892, стр. 30 сл.].

² [Юго-западный ветер, наименование которого звучит в названии страны Ливия. см. Нег., II, 25].

³ [О Софене, области Великой Армении, см. выше, XI, 12, 3—4; 14, 2; 5].

⁴ [Один из царьков Малой Армении, ближе неизвестен].

⁵ [Точное местоположение этой крепости неизвестно].

⁶ [Синория должна была находиться на границе Малой и Великой Армении, а Бастидаризы несколько к западу от нее, в Малой Армении].

⁷ [Об Акилисене, области Малой Армении, см. выше, XI, 12, 3 и прим.].

⁸ [Крепость в Акилисене на одноименной горе, идентичная с упоминающеюся О г о с в VI, 4, 3 mons Dastracus в Малой Армении].

⁹ [Город этот, основанный, по сообщению Аппиана, Селевком Никатором (Syr., 57), упоминается также у П л и н и я (NH, VI, 26)].

¹⁰ [См. о ней выше, XI, 2, 18, и прим. к этому месту].

Пифодора Траллианского¹, вышла замуж за Полемона² и некоторое время царствовала с ним вместе, а затем наследовала власть, когда *Полемон* окончил свою жизнь среди так называемых аспургиан³, *принадлежащих к числу варварских племен около Синдики*. От Полемона у нее было два сына и дочь; последняя была выдана замуж за Котиса Сапея⁴, а когда он был вероломно убит, осталась вдовой с детьми от него; старший из них правит *страной*. Из сыновей Пифодориды один, *оставаясь частным человеком*, разделял с матерью труды правления, а другой недавно поставлен царем Великой Армении. Сама же *Пифодорида* сделалась женой Архелая и жила с ним до его смерти, а ныне вдовствует, владея как названными местностями, так и другими, еще более привлекательными, о которых мы сейчас скажем⁵...

34°. МИТРИДАТ ПЕРГАМСКИЙ

XIII, 4, 3 (p. 625 C.)

В наше время из числа пергамцев приобрели известность: *во-первых*, Митридат, сын Менодота и Адобогииониды из рода галатских тетрархов, которая, как говорят, была и наложницей царя Митридата; поэтому, говорят, родственники и дали ребенку *такое* имя, намекая на то, что он родился от царя. Сделавшись другом божественного Кесаря, этот *Митридат* достиг таких почестей, что был назначен и тетрархом по материнскому роду и царем Боспора и других *областей*. Он был свергнут Асандром, умертвившим и царя Фарнака и захватившим Боспор⁷..

35. О ВЗЯТИИ САРД КИММЕРИЙЦАМИ И МАГНЕСИИ ТРЕРАМИ

XIII, 4, 8 (p. 627 C.)

Каллисфен⁸ говорит, что Сарды были взяты сначала киммерийцами⁹, потом трерами и ликийцами, что подтверждает, говорит, он, и эгегический поэт Каллин¹⁰, а позднее всего произошло взятие при Кире и Крезе¹¹.

¹ О Пифодоре Страбон говорит (XIV, 1, 42; 649 C.) следующее: «Город траллианцев [в Лидии] расположен на четырехугольной возвышенности... и управляется хорошо... зажиточными людьми, и некоторые *лица* из этого *города* всегда занимают первые должности в провинции и называются азиархами. В их числе был Пифодор, уроженец *города* Нисы, но переселившийся в Траллы вследствие знаменитости *этого* *города* и принадлежащий к немногим избранным друзьям Помпея. Он владел царским богатством более чем в две тысячи талантов. Оно было продано божественным Цезарем за дружбу *Пифодора* с Помпеем, но *Пифодор* выкупил его и оставил детям в не меньшем размере. Его дочь—Пифодорида, нынешняя царица Понта, о которой мы уже говорили».

² [О Полемене, царе Понта и Боспора в начале I в. н. э., см. выше, XI, 2, 11; 8, а также прим. к этим текстам].

³ [Об аспургианах на Боспоре и об эпизоде с Полемоном, см. выше, XI, 2, 11; 3, 29, а также прим.].

⁴ [Сына Риметалка, жившего в начале I в. н. э. Упоминание о нем; О v., ex. Ponto, II, 95].

⁵ См. §§ 30 и 37.

⁶ Текст 34 фрагмента я взял из издания Meineke, в котором он более точен.

⁷ [О Митридате, сыне Менодота, назначенном Цезарем на боспорский престол в 47 г. до н. э., но погибшем в борьбе за него с захватившим власть по свержении с престола и умерщвлении царя Фарнака Асандром, см. еще Dio, XLII, 41—43].

⁸ [О Каллисфене, авторе жизнеописания Александра Македонского, откуда Страбон и заимствует эти сведения, см. выше, введение к его фрагментам].

⁹ [О взятии лидийской столицы Сард киммерийцами см. Her., I, 15 и прим. к этому месту].

¹⁰ [Об эгегическом поэте Каллине (VII в. до н. э.) см. введение к его фрагментам; об описываемом им событии ср. ниже, Strabo, XIV, 1, 40].

¹¹ [Об осаде и взятии Сард Киром I см. Her., I, 77 сл.].

А так как Каллин говорит, что нашествие киммерийцев, при котором взяты были Сарды, было сделано на эсионеев (*Ἰσιονῆες*), то последователи *Деметрия* Скепсийского предполагают, что эсионейми *здесь* по ионически названы азионеи [*Ἀσιονεῖς*] т. е. жители Азии]...

XIV, 1, 40 (p. 647 С.)

... В древности магнеты¹ были совершенно уничтожены киммерийским народом треров, долгое время прожив счастливо, а в следующем году *после этого* местностью завладели жители Милета². Каллин упоминает о магнетах, как о живущих еще счастливо и успешно ведущих войну с эфесцами, а Архилох, очевидно, уже знал постигшее их бедствие: «я оплакиваю бедствия фасийцев, а не магнетов». Отсюда можно заключить, что он жил позднее Каллина³. Каллин упоминает о каком-то другом, более древнем нашествии киммерийцев, говоря: «теперь наступает войско грозных киммерийцев», где он разумеет взятие Сард.

36. ИЗ ОПИСАНИЯ ИНДИИ

XV, 1

6 (p. 687 С.) [Мегасфен⁴ говорит... что] скиф Иданфирс⁵ совершил нашествие на Азию до Египта...

8 (p. 688 С.)... Эту сказку⁶ подтверждают и *рассказами* о Кавказе и Прометее: ибо и это *предание* перенесли сюда из Понта по ничтожному поводу: увидев священную пещеру в Паропамисадах, ее объявили местом мучений Прометея, сюда, *будто-бы*, пришел Геракл для освобождения Прометея и здесь *именно* находится *тот* Кавказ, который эллины называли местом мучений Прометея⁷.

56 (p. 710 С.)... [Мегасфен] рассказывает⁸, что обитатели Кавказа открыто сообщаются с женщинами и поедают тела своих родственников; что *там* есть хвостатые обезьяны «скалокатальщики», которые, карабаясь по крутизнам, скатывают камни на своих преследователей; что большинство наших домашних животных водится там в диком состоянии; он рассказывает об однорогих конях с оленьей головой; *там есть будто бы*, тростники—прямые в тридцать оргий вышины, а наклонившиеся

¹ [Разумеются жители города Магнесии при Меандре на месте современного селения Инек-Базар].

² [Разрушение Магнесии трерами имело место около 700 г. до н. э. Об этих событиях и о дальнейшей судьбе города см. Нег., I, 161; III, 122; Di o d., XI, 57].

³ [Архилох—ионийский лирический поэт. живший в середине VII в. до н. э. О Каллине и времени его жизни см. выше, прим. к Str a b o, XIV, 4, 8].

⁴ [О Мегасфене, авторе сочинения «Об Индии», которое и имеет в виду Страбон, см. выше, введение к его фрагментам].

⁵ [Г е р о д о т (I, 103) приписывает предводительство скифским войском, совершившим поход через Переднюю Азию до Египта, царю Мадию, сыну Прототия. Царь Иданфирс, по его изложению (IV, 127), руководит военными действиями скифов против вторгнувшихся в Скифию полчищ персидского царя Дария I; о следах пребывания скифов в Сирии см. Нег., I, 103 и прим. к этому месту].

⁶ О том, что Геракл был в Индии.

⁷ [Ср. выше (XI, 7, 4) сказанное Ст р а б о н о м о перенесении греками переднеазиатской топонимики и связанных с нею мифологических представлений в Центральную Азию в связи с походами Александра Македонского и их осмыслением в литературе и науке. Паропамисады—собирательное наименование индийских племен, обитавших к югу от горного хребта Паропамиса (Гиндукуша)].

⁸ Страбон относит эти рассказы к индийскому Кавказу, но несомненно, что некоторые из них (например, первый) относятся к настоящему Кавказу.

к земле—в пятьдесят *оргий длины*, а толщина *их такова*, что одни имеют в диаметре три локтя, а другие—вдвое больше.

57, конец (р. 711 С.) Ближе к истине говорит Мегасфен, что *индийские* реки несут золотой песок и что из него уплачивается дань царю; это встречается и в Иберии¹.

37. СОВРЕМЕННЫЕ АВТОРУ ВЛАДЕНИЯ РИМЛЯН

XVII, 3, 24 (р. 839 С.)

... Из трех материков *римляне* владеют почти целой Европой, кроме части ее по ту сторону Истра и приокеанских стран между Рейном и Танаисом. В Ливии им подвластно все обращенное к нам побережье, а остальная часть ее необитаема или скудно заселена кочевниками. Равным образом и в Азии наше побережье все подчинено им, если не брать в расчет земель ахейцев, зигов и гениохов², ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях. Материком в глубине *Азии* отчасти владеют сами *римляне*, отчасти—парфяне и живущие выше них варвары, на востоке и на севере—индийцы, бактрийцы и скифы, затем арабы и эфиопы; но постоянно кое-что от них переходит к римлянам. Из всех этих земель, подвластных римлянам, часть находится под управлением царей, а другой владеют они сами, назвав провинцией, и посылают правителей и сборщиков дани. Есть также и некоторые свободные города, одни с самого начала присоединившиеся к ним мирным образом, а другие они сами освободили в знак отличия. Есть также под их властью некоторые династы, князьки [вожди племен] и жрецы; эти живут по отеческим законам.

ХРЕСТОМАТИЯ ИЗ «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА³

ИЗ КНИГИ VII

Перевод П. И. Прозорова

... Древние эллины считали гетов и мисийцев, живущих у Истра, за фракийцев, а также и мисийских переселенцев из Фракии, живущих в Азии между фригийцами, лидийцами и троянцами; да и сами фригийцы—не что иное, как бриги, некий народ фракийского племени⁴, равно как и мигдоны, бебрики, медовифины, вифины, фины и мариандины⁵; но

¹ То же известие Страбон повторяет в XV, 1, 69, ссылаясь уже не прямо на Мегасфена, а вообще на писателей.

² [См. об этих северокавказских и причерноморских разбойничьих племенах выше, XI, 2, 1, 12, 13, 14 и прим. к этим местам].

³ Из составленной в византийские времена «Страбоновской хрестоматии», представляющей собой не что иное, как сокращение его сочинения [с незначительными добавлениями, взятыми из «Географии» Птолемея], заимствованы только выдержки из специального описания Скифии и Кавказа. Текст взят из вышеуказанного издания Крамера со всеми отмеченными у него вариантами.

⁴ [Соображения Страбона о фракийском происхождении дунайских и западномалоазийских племен и прежде всего гетов и мисийцев см. VII, 3 2 сл.].

⁵ [Перечисляются северомалоазийские племена фракийского происхождения. О мигдонах см. VII, 3, 2; о бебриках—там же; о медовифинах—вероятно, отчасти идентичных малоазийским медам,—VII, 5, 13; о вифинах—VII, 3, 2; XII, 3, 3; о фидах—XII, 3, 3; о мариандинах—VII, 3, 2; VIII, 3, 17; XII, 3, 4, 5, 9, 27].

эти народы совершенно покинули Европу, кроме мисийцев, о которых упоминает и Гомер¹. Именно, некоторые из здешних фракийцев и мисийцев вследствие благочестия воздерживаются от мясной пищи и брака; их-то *поэт* называет дивными доителями кобылиц, млекоедами и абиями², т. е. безбрачными, не имеющими сожителства с женщинами. Бедность же заставляет их быть справедливыми. Естественно и то, что впоследствии Замолксис³ убедил гетов следовать учению Пифагора, найдя их готовыми к восприятию философии. Нынешний Эвксинский Понт прежде назывался Негостеприимным (*Αξενος) вследствие дикости живущих при нем народов и *обычая* жителей Таврики убивать чужестранцев⁴. У скифов все было общее, даже жены, кроме мечей и чаш для питья; вследствие же своей бедности они очень справедливы, так как несправедливость *происходит* от приобретения богатств и заключения торговых сделок, а между тем древние скифы были бедны. Об этом свидетельствуют и Гомер и Геродот, когда он пишет о скифах, *воевавших* с персидским царем Дарием, о довольстве их своим положением и простодушии. И царь гетов Дромихет, взяв в плен македонского полководца Лисимаха, участвовавшего некогда в походе Александра, отпустил его, предварительно показав ему бедность гетов и сказав, что с гетами, живущими в такой бедности, следует не воевать, а дружить⁵. Так как земля, лежащая между Эвксинским Понтом и германцами, делится на две части, то в восточной части у Эвксина живут геты, а в западной—даки, они же и даи⁶; отсюда и происходит употребительное у афинян рабское имя. Верхние части реки Истра, ближайшие к истокам, вплоть до порогов древние называли Данувием; этой частью река течет главным образом через Дакию; низовья же до Понта, в области гетов, называли Истром. Даки говорят на одном языке с гетами. Между *гетами* и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время как перешел за Истр *для похода* на скифов, был захвачен в *ловушку* и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды⁷. От острова Певки, образуемого устьями Истра, до устьев Тиры девятьсот стадиев, а от Священного (Ἱερῶν) самого южного устья Истра до самого северного, которое служит основанием Певки⁸, имеющей форму треугольника,—300 стадиев.

От Певки к востоку *по направлению* в открытое море отстоит на пятьсот стадиев остров Белый (Λευκῆ), посвященный Ахиллу⁹. *Далее идет* река Борисфен, потом к северо-востоку от реки Тиры река Гипанис, а перед

¹ [Соображения об идентичности придунайских месов и малоазийских мисийцев см. VII, 3, 10 и прим. к этому месту].

² [Об этих гомеровских эпитетах, применительно к скифам, см. Strabo, VII, 3, 2 сл., а также Eust. к II., XIII, 1 сл. и прим. к этим текстам].

³ [О Замолксисе (Залмоксисе), гетском пророке и божестве, см. Strabo, VII, 3, 5; XVI, 2, 39, а также Her., IV, 94 сл.].

⁴ [О древнем наименовании Эвксинского Понта «Негостеприимным» см. Strabo, VII, 3, 6, а также Pind., Pyth., IV, 203 и прим. к этому месту].

⁵ [О Дромихете и об эпизоде с фракийским царем Лисимахом, попавшим к нему в плен, см. Strabo, VII, 3, 8].

⁶ [О даках-даях, не идентичных скифскому племени даев, жившему за Азовским морем, см. Strabo, VII, 3, 12].

⁷ [Об этом эпизоде, стоящем в противоречии с рассказом о скифском походе Дария I у Геродота, см. Strabo, VII, 3, 14].

⁸ [Об острове Певке (Сосновом), в устье реки Дуная, см. Strabo, VII, 3, 15, а также Ps.-Scymn., 785 и прим. к этому месту].

⁹ [Об острове Белом см. Strabo, VII, 3, 16 и прим. к этому месту].

ними лежит остров Борисфен¹. В 200 стадиях вверх по Борисфену лежит одноименный с рекой город: он же называется Ольвией и *представляет собой* большой торговый порт, основанный милетянами. Между рекой Истром и Борисфеном прежде всего находится пустыня скифов², затем тирагеты, за ними язиги-сарматы и так называемые царские скифы³. Вся северная страна от Германии до Каспийского моря, насколько мы ее знаем, представляет равнину. Роксоланы, живущие у Меотиды, воевали с военачальниками Митридата Эвпатора под предводительством Тасия⁴. Устья реки Борисфена и остров Борисфен находятся в углу Тамиракского залива⁵, а река Каркинит⁶ впадает в угол соименного залива. Между этими двумя заливами лежит в виде полуострова Тавроскифия⁷, южная часть которой *представляет собой идущий по прямой линии* берег, Ахиллов бег⁸. В местностях по Меотиде вследствие холодов не водятся ослы, так как это животное не выносит холода; быки одни от рождения безрогие, а у других отпиливают рога, ибо эта часть тела также не выносит холода; лошади *здесь* мелкие, а овцы — крупные. По проливу из Пантикапея, в Фанагорию, переезжают на повозках, так что тут бывает то канал, то сухой путь. Рыба, захваченная льдом, выкапывается и ловится орудием гангамоу, особенно же осетры, величиной не уступающие дельфинам. Виноградные лозы зимой зарываются. Жары летом бывают очень сильны, быть может потому, что тела *жителей* не привыкли к ним, или потому, что в степи наступает безветрие, или же и потому, что плотный воздух нагревается более, подобно тому как в облаках *это* производят парелии. Сейчас же за островом Борисфеном к востоку на материке находится голая местность, но называемая рощей, посвященная Ахиллу. Затем следует Ахиллов бег, низменный полуостров, так как он *представляет собой узкую полосу земли* длиною около 1000 стадиев, *тянущуюся* к востоку; наибольшая ширина ее два стадия, наименьшая — 4 плетра; от материка, по ту и другую сторону перешейка, она отстоит на 60 стадиев морем; почва ее песчаная, вода колодезная. Посередине же перешеек имеет около 40 стадиев; оканчивается *полуостров* у мыса, называемого Тамиракским, имеющего гавань. За мысом — обширный Каркинитский

¹ [Об острове Борисфене (Березани) см. Strabo. VII, 3, 17 и прим. к этому месту].

² [Составитель «Хрестоматии» контаминирует сообщения Страбона о Гетской пустыне между Истром и Тирой и сообщения других авторов (а также и самого Страбона, (I, 3, 4) о скифской пустыне на западном берегу Понта].

³ [Составитель «Хрестоматии» переносит эпитет «царские», прилагаемый Страбоном к язигам-сарматам, на скифов, в соответствии с Геродотом (IV, 20). Ср. прим. к Strabo, VII, 3, 17].

⁴ [Подробности об этом эпизоде — Strabo, VII, 3, 17 и в херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE, I, 185)].

⁵ [Составитель «Хрестоматии» разделяет на два залива упоминаемый у Страбона (VII, 3, 18) Тамиракский (Каркинитский) залив и по ошибке помещает в него устье реки Борисфена с одноименным островом (ввиду повторения у Страбона описания этого залива и западного побережья Крыма в VII, 3, 19)].

⁶ [Реку Каркинит, упоминание о которой не содержится в тексте Страбона, автор «Хрестоматии» заимствует у Птолемея, показывающего устье реки Каркинита (III, 5, 2)].

⁷ [Это наименование (для Тавриды или Таврики) также не встречается у Страбона. О «скифском племени тавров» и о термине «тавроскифы» см. VII, 4, 2 и прим. к этому месту].

⁸ [Ахилловым бегом все другие авторы, в том числе и Страбон (VII, 3, 19), называют песчаную косу в устье Бугско-Днепровского лимана (ныне коса Тендеровская). Автор «Хрестоматии» по ошибке переносит это наименование на Крымское побережье, исправляя, впрочем, эту ошибку несколькими строками ниже].

залив, вдающийся к северу приблизительно на 2000 стадиев до угла; залив этот также зовут Тамиракским, одним именем с мысом¹. Здесь находится перешеек, шириной в 40 стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна 350 стадиям. Гнилое озеро, как говорят, имеет в ширину 4000 стадиев и составляет западную часть Меотиды, ибо соединено с нею широким устьем; оно очень болотисто и едва судоходно для спитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова наполняют их водой, так что эти болота непроходимы для более значительных судов, которые задерживаются здесь. Город Херсонес в Таврической земле прежде пользовался автономией, но потом, подвергаясь набегам варваров, принужден был взять себе в покровители Митридата Эвпатора, желавшего итти на варваров, живущих выше перешейка до реки Борисфена и Адрия. Эти походы были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послав войско в Херсонес, стал воевать со скифами, подчинил их себе и сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владетель Перисад². С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. За бухтой Символов на Таврическом полуострове, обращенной к северо-западу, тянется Таврическое побережье, обращенное лицевой стороной к югу Эвксина, длиной в 1000 стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Далее—город Феодосия на Боспоре. В середине этого побережья есть мыс, носящий название «Бараньего лба», напротив Пафлагонии и мыса ее Карамбиса; расстояние же между Карамбисом и «Бараньим лбом»—2200 стадиев. От Феодосии до Пантикапы³, столицы боспорцев, вся страна, на протяжении 530 стадиев, отличается хорошей почвой и хлебородием. Город Пантикапея построен при устье Меотийского озера. Пантикапей, основанный милетянами, представляет собой холм, со всех сторон заселенный, в 20 стадиев. Два устья Танаиса отстоят одно от другого стадиев на 60. Есть здесь и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея. Если от Пантикапея подняться к северу на 20 стадиев, то там лежит городок Мирмекий, за ним деревня Парфений, в 40 стадиях от Мирмекия, от Пантикапея же в 60. У Пантикапея пролив, т. е. ширина Боспора, имеет 70 стадиев, а у Парфения, где самое узкое место пролива,—20 стадиев. На азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием⁴. Длина озера от этого места до города Танаиса и до острова—2200 стадиев; расстояние будет несколько больше 2200 стадиев, если плыть вдоль берега Азии, по правую сторону озера; если же плыть влево, вдоль европейского берега, то оно будет больше 7000 стадиев, так что окружность всего озера составляет почти 9000 стадиев; европейские берега его пустынные, а восточные заселены. Таврический Херсонес и по величине и по виду похож на Пелопоннес; наибольшую часть его до перешейка и Каркинитского залива населяло скифское племя тавров⁵; вся эта страна, а также, пожалуй, и область

¹ [Ср. выше, другой вариант описания Тамиракско-Каркинитского залива и Ахиллова бега. На перемещение Ахиллова бега в Крым повлияло, вероятно, сообщение Птолемея о тавро-скифах на Ахилловом бере (III, 5, 10)].

² [Ср. об этом прим. к VII, 4, 3].

³ [Далее автор употребляет более обычную форму—Пантикапея и, наконец, самую употребительную—Пантикапей].

⁴ [О локализации вышеназванных пунктов см. прим. к Strabo, VII, 4, 5].

⁵ [О таврах, как о скифском племени, в противоречии с данными Геродота (IV, 99 сл.), см. Strabo VII, 4, 2 и прим. к этому месту].

за перешейком до Борисфена, называлась прежде Малой Скифией¹. Кроме горного побережья до Феодосии, вся остальная часть Таврического Херсонеса представляет равнину с хорошей почвой, чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная любым пахарем², дает урожай сам-тридцать. Жители платили дань Митридату Эвпатору. Отсюда, говорят, вывозился хлеб к эллинам. Рассказывают, что Левкон послал отсюда афинянам 150 тысяч медимнов хлеба³. В отличие от более северных кочевых народов эти жители полуострова специально назывались земледельцами⁴. У скифов и сарматов есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными; ибо лошади у них хотя и не велики, но очень горячи и неукротимы. В Скифии не водятся орлы; но здесь водится некое животное, так называемый «колос», по величине среднее между оленем и бараном, белое и быстротой бега превосходящее названных животных; во время питья оно ноздрями *тягивает воду* в голову и затем несколько дней сберегает ее здесь, так что легко может жить в безводных местах.

ИЗ КНИГИ XI

1... Колхида лежит между Московскими⁵ и Кавказскими горами. От Киммерийского Боспора до острова Алопекии⁶ 2200 стадиев. На восточном берегу Меотиды есть река⁷ Большой Ромбит, за ним Теофаний⁸, далее Малый Ромбит⁹, затем Аттикит¹⁰, далее Псат¹¹ и, наконец, Вардан¹²; все эти реки текут из Конских¹³ и Кавказских гор. Киммерийский мыс на Меотиде некогда имел большую силу, так что и Боспор по нему был назван Киммерийским. Далее в 20 стадиях селение Ахиллий, у которого самое узкое место Боспорского пролива, шириной в 20 стадиев. Напротив него в Европе лежит Мирмекий. Юго-восточное устье Боспора—Корокондама, а юго-западное—некая деревенька Пантикапейской земли, по имени Акра¹⁴. Длина Боспора—70 стадиев. На азиатской сто-

¹ О границах Малой Скифии и о распространении этого наименования в позднеэллинистическую эпоху на области к югу от устья Дуная, см. *Strabo*, VII, 4, 5; 12].

² [Но можно перевести и «любим плугом»].

³ [В тексте *Страбо*на (VII, 4, 6) приводятся цифры в 2 100 000 медимнов, которые были вывезены из одной только Феодосии. Ср. *De m., c. Lept.*, § 32, о ежегодном ввозе хлеба с Боспора в Аттику. На чем основывается цифра, приведенная «Хрестоматией», неизвестно].

⁴ [Ср. сказанное об этом наименовании в прим. к *Strabo*, VII, 4, 6].

⁵ [О значении наименования «Мосхийские горы» см. прим. к *Strabo*, XI, 12, 4].

⁶ [Об этом острове, находящемся в устье реки Дона (Танаиса) см. *Strabo*, XI, 2, 3].

⁷ [*Страбо*н (XI, 2, 4) говорит о заливе с таким названием; о реках Большой и Малый Ромбит сообщает *Птолемей* (V, 8, 2)].

⁸ [Сообщение о реке Теофании, которая локализуется на восточном берегу Азовского моря и которую, может быть, следует отождествить с рекой Еей, содержится у *Птолемея* (V, 8, 2)].

⁹ [О локализации заливов Большой и Малый Ромбит см. *Strabo*, XI, 2, 4].

¹⁰ [О реке Аттикит, заимствованной автором «Хрестоматии» у *Птолемея* (V, 8, 4) и идентичной реке Антикиту *Страбо*на (XI, 2, 4), см. прим. к указанным местам].

¹¹ [О реке Псат, заимствованной автором «Хрестоматии» у *Птолемея* (V, 8, 4), и отождествляемой с рекой Фатом, упоминающейся у *Диодора* (XX, 22), см. прим. к последнему из указанных мест].

¹² [Реку Вардан, отождествляемую с современной Кубанью, автор «Хрестоматии» заимствует также у *Птолемея* (V, 8, 5)].

¹³ [Конские (Гиппийские) горы, отождествляемые с северными отрогами Кавказа, автор «Хрестоматии» заимствует у *Птолемея* (V, 8, 14)].

¹⁴ [О локализации названных пунктов см. *Strabo*, XI, 2, 5 сл. и прим.].

роне *Боспора* находятся значительные города Фанагория¹ и Гермонасса; есть там и приморский город Синдика, столица синдов. Столицею европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских — Фанагория². Гениохи, ахейцы и зигии³, населяя скудную землю, занимаются разбоем на Понтийском море, для чего имеют маленькие, легкие ладьи, которые можно взваливать на плечи и прятать в лесу, вследствие того, что здесь море, ограничиваемое скалами Кавказа, не имеет гаваней; эти ладьи называют «камарами». Кавказский хребет окружает с севера два моря, Каспий и Понт, отделяя сарматов и меотов от иберов и албанов; он очень богат лесом. Юго-западный его отрог оканчивается у залива Эвксина. Здесь *лежит* город Диоскуриада, который служит началом перешейка между Эвксином и Гирканским морем⁴; эта Диоскуриада есть торговый центр, общий для всех народов, живущих восточнее; в него сходятся, по рассказам, более 70 народностей, говорящих на разных языках. От реки Фасиса до Амиса и Синопы три дня плавания. Страна *эта* богата *плодами*, кроме меда, который горьковат на вкус. Страна мосхов состоит из трех частей: одну занимают колхи, другую — иберы, третью — армяны⁵. К числу народов, для которых Диоскуриада служит торговым центром, принадлежат и фтирофаги [вшееды], называемые так вследствие нечистоплотности и грязи⁶. Нисколько не лучше фтирофагов в отношении чистоплотности и соаны⁷, у которых есть золотые россыпи, наносимые потоками; это золото соаны собирают при помощи просверленных корыт и косматых овечьих шкур. Отсюда-то и сложился миф об Ээте, будто он имел некогда золотое руно. Река Кор⁸, берущая начало в Армении, приняв в себя Арагон, вытекающий с Кавказа, и другие притоки, по узкой речной долине входит в Албанию; многоводной рекой пронесшись между нею и Арменией по плодородным равнинам и приняв в себя большое количество рек, в числе которых находятся Алазаний, Сандобан, Ритак и Хан⁹, все судорожные, она впадает в Каспийское море. Река Фасис, вытекающая из Армении, принимает в себя реки Гипп и Главк и впадает в Понт близ города того же имени¹⁰. Албаны населяют землю весьма плодородную, вроде киклоповской, о которой *поэт* говорит: «но она не засеянная и не вспаханная» приносит плод¹¹. Виноградные лозы у них приносят плод, оставаясь невзрытыми и подрезываемые через пятилетие. Земля вспахивается не железным, но деревянным плугом, и, раз засеянная, приносит плоды на второй и даже на третий год. Реки у них орошают земли подобно Нилу и Евфрату; и вообще албанский ил не оставляет желать лучшего для усиления производительности

¹ [Об их локализации см. Strabo, XI, 2, 10; 11 и прим.].

² Φανηγορία и так ниже.

³ [См. о них Strabo, XI, 2, 14 и прим.].

⁴ [О соотношении названий Каспийское и Гирканское море см. Strabo, XI, 1, 7 и прим. к этому месту].

⁵ [Ср. сообщение Страбона (XI, 2, 18) о разделении области мосхов на три части, ошибочной перифразой которой является это место «Хрестоматии»].

⁶ [См. прим. к Strabo, XI, 2, 19].

⁷ [О локализации соанов и отождествлении их с позднейшими сванами, см. прим. к Strabo, XI, 2, 19].

⁸ У Страбона Кир — река, прежде называвшаяся Кором и отождествляемая с Курой (XI, 3, 2)].

⁹ [Обо всех названных притоках реки Куры см. Strabo, XI, 3, 2 и прим. к этому тексту].

¹⁰ [Об отождествлении названных рек и о локализации города Фасиса при устье одноименной реки см. прим. к Strabo, XI, 3, 4].

¹¹ [Od., XI, 109. Ср. об этом более подробно Strabo, XI, 4, 3 и прим.].

почвы; говорить же следует именно так, ἡ χοῦς в женском роде¹. Домашний скот у них также отличается плодородием. И сами *жители отличаются* красивой наружностью, высоким ростом и простотой нравов; некоторые из них, не зная нужды, не умеют даже считать, а умеющие—считают не дальше сотни. Близ Албании находится страна амазонок, неподалеку от гаргареев, у Кавказских гор; они всего два месяца в году имеют сношения с гаргареями ради деторождения, десять же месяцев живут отдельно, сами по себе, упражняясь в военных делах; родившихся девочек они удерживают у себя, а мальчиков отдают гаргареям². Об этом свидетельствует и Арриан, говоря, что Фаресман подарил Александру 500 амазонок³. Самые высокие части Кавказа—самые южные, у Албании, Иберии и *областей* колхов и гениохов. Вершины Кавказа зимой неприступны, а летом *люди* взбираются на них, подвязывая *подошвы* из сырой воловьей кожи, широкие, как тимпаны, по причине снегов и льдов; спускаются же *с гор*, лежа на шкурах вместе с кладью и скользя вниз, что встречается также в Атропатийской Мидии и на горе Масии в Армении; там подвязывают под подошвы еще деревянные колесцы с шипами. Путь вокруг Гирканского моря составляет вдоль *областей* албанов и кадусиев 5400 стадиев, *затем* вдоль страны ариаков, мардов и гирканов⁴ до устья реки Окса—3800; отсюда до *реки* Яксарты—2400; остальные же *части его* до сих пор неизвестны.

ДИДИМ

Уроженец города Александрии, жил во второй половине I в. до н. э. Отличался необычайной усидчивостью, снискавшей ему прозвище Χαλκέντερος «с медным нутром» и принадлежит к числу самых плодовитых писателей, так как написал, по преданию, более 3500 книг. Большинство его сочинений составляли комментарии к разным греческим писателям, начиная с Гомера, и грамматические трактаты, благодаря которым он имел еще прозвание ὁ γραμματικός. До нас сохранились многочисленные упоминания о нем и отрывки.

Собрание отрывков: Didymi Chalcenteri grammatici Alexandrini fragmenta quae supersunt omnia coll. et disp. Maur. Schmidt, Lips., Teubn., 1854.

«ВЫРАЖЕНИЯ ИЗ КОМЕДИЙ»

(ΔΕΞΙΣ ΚΩΜΙΚΗ).

Фр. 6 см. Hesych., s. v. Μοσχοῦ καὶ μαζομορεῖα

«ЗАМЕЧАНИЯ К ИЛИАДЕ»

(ΥΠΟΜΝΗΜΑΤΑ ΕΙΣ ΙΛΙΑΔΑ)

Фр. 9 см. Steph. Byz., s. v. Ἰλίου.

¹ [Все словари и все цитируемые места дают нам мужской или средний род. Повидимому, это род китайского лёсса].

² [См. об истолковании сообщений об амазонках и гаргареях в прим. к Strabo XI, 5, 1].

³ [Упомянув о хоресмийском царе Фаресмане, прибывшем с 1500 всадниками к Александру, Арриан («Ап. Ал.», IV, 15, 1) сообщает лишь о готовности царя Фаресмана служить проводником Александру в страну соседних с ним, якобы, колхов и амазонок; в то же время в другом месте (VII, 13, 1) Арриан действительно сообщает о подарке Александру мидийским сатрапом Атропатом сотни женщин, названных им амазонками].

⁴ [Страбо (XI, 7, 1 сл.) называет анариаков и амардов. Амарианов и мардов упоминает Птоломей (VI, 2, 5). О локализации этих и других вышеназванных племен см. прим. к указанному месту Страбона].

АЛЕКСАНДР МИНДИЙСКИЙ

Писатель второй половины I в. до н. э., оставил недошедшие до нас сочинения зоологического, парадоксографического и мифологического содержания. См. о нем M. Wellmann, Alexander von Myndos, «Hermes», XXVI (1891), стр. 481—566; S u s e m i h l, Gesch. d. Alex. Litt., I, 1891, стр. 851 сл.

Фр. см. Ael., Hist. an., V, 27.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

Уроженец сицилийского города Агирия, жил во второй половине I в. до н. э. После тридцатилетних подготовительных работ и больших путешествий он составил при Августе всеобщую историю с древнейших времен до войн Цезаря в Галлии в 40 книгах под названием Βιβλιοθήκη; до нас сохранились целиком только книги 1—5 и 11—20, а из остальных лишь более или менее значительные отрывки.

[Главы «Библиотеки» Диодора, посвященные истории Северного Причерноморья, являются источником первостепенной важности для восстановления политической истории Боспорского царства. Книга XX Диодора содержит последовательное перечисление боспорских царей до Спартока, сына Эвмела, включительно, а также целый ряд исторических подробностей, показывающих, что Диодор, наряду с историческими трудами общего характера, использовал также, в частности для написания истории Боспора, труды местных историков, о наличии которых в эллинистическую эпоху с несомненностью можно заключить из целого ряда деталей, известных лишь из Диодорова текста.

К сожалению, Диодор, часто сам называющий свои источники, не оставил никаких указаний на происхождение материала, положенного в основу его повествования о Боспоре и описания Скифии. Рассказ о скифах у Диодора, хотя и близок рассказу Геродота, но совершенно от него независим. Его сообщения о военных походах скифов, описание скифских обычаев и изложение легенды о происхождении скифов, близкой к Геродоту, но все же отличной от приводимой у этого писателя, доказывает, что он пользовался источниками, в такой же мере, как и рассказ Геродота, опиравшимися на местное скифское предание.

См. S c h w a r t z, RE, s. v.; G r o m a n n, Quaestiones Diodoreae, Götting., 1907; A. S c h ä f e r, «Rh. Mus.», XXXIII, стр. 418 сл.; С. А. Жебелев, Боспорские Археанактиды, ЖМНП, 1902, март, стр. 134 сл.; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, I, стр. 115 сл., 123 сл.].

Текст: Diodori Bibliotheca historica... rec. Frid. Vogel, vv. I—III, Lips., Teubn., 1888—93 (кн. 1—15), [дальнейшие книги rec. Curt. Theod. Fischer, 1904—6], Diodori Bibl. hist. ex rec. Lud. Dindorfii, Lips., Teubn., тт. IV—V (кн. 15 сл.). Для вариантов и примечаний: Diodori Bibl. hist. ex rec. Lud. Dindorfii, Lips., Hartm., 5 томов, 1828—31.

Перевод П. И. Прозорова с дополнениями В. В. Латышева

БИБЛИОТЕКА

(ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ)

1. О ЗАВОЕВАНИЯХ НИНА АССИРИЙСКОГО

II, 1

После этого он, царь Нин из Вавилонии, повел свои войска в Армению и привел в трепет местное население взятием нескольких городов. Барзон¹, их царь, понимая, что он не в состоянии сопротивляться, выступил

¹ [Мифический царь Армении, известный лишь из этого эпизода].

навстречу врагу с подарками и выразил ему покорность. Нин¹ поступил со своей стороны великодушно, он оставил ему его власть над Арменией, потребовав лишь присылки вспомогательных отрядов и продовольствия для своего войска.

II, 2

Когда дела у Нина шли так удачно, он возымел горячее желание подчинить себе всю Азию от Танаиса² до Нила. Поэтому он поставил сатрапом Мидии одного из своих друзей, а сам отправился в поход, покоряя азиатские племена, и в течение семнадцати лет сделался владыкой всех прочих *народов*, кроме индийцев и бактрийцев³. (2) Отдельные сражения и число всех покоренных не записал ни один писатель, а важнейшие из племен мы постараемся пробежать вкратце, следуя Ктесию Книдскому⁴. (3) *Нин* покорил из приморских и соседних с ними областей Египет и Финикию,... подчинил своей власти Троаду, Геллеспонтскую Фригию, Пропонтиду, Вифинию, Каппадокию⁵ и припонтийские варварские племена, занимавшие области до Танаиса, овладел землей кадусиев и тапиров⁶, затем гирканцами и дрангами⁷, кроме того дербиками, карманиями и хоромнеями⁸, затем борканиями и парфянами⁹, прошел также Персиду, Сусиану¹⁰ и так называемую Каспиану¹¹, в которую ведет весьма

¹ [Нин—мифический основатель ассирийской державы, сын бога Бела, эпоним города Ниневии. Упоминания о нем имеются лишь у греческих и латинских писателей, но не в ассирийских источниках. Некоторые из авторов, в том числе и Диодор, связывают его с царицей Семирамидой, в основе рассказов о которой находится вполне реальная ассирийская царица IX в. до н. э.].

² [Танаис—Дон].

³ [Под индийцами автор разумеет племена, жившие по Инду. Бактрийцы—жители северной части современного Афганистана (область Балха)].

⁴ [Греческий историк и географ второй половины V в. до н. э. Отрывок из его «Истории Персии» см. выше].

⁵ [Троада, Геллеспонтская Фригия и Вифиния—области на северо-западе Малой Азии. Пропонтида—Мраморное море. Каппадокия—область в восточной части Малой Азии].

⁶ [О кадусиях см. прим. к X е н., Сур., V, 3, 24. Тапиры, или тапирии (Strabo, XI, 514)—племя, обитавшее в южной части Закавказья, к югу от реки Куры, по соседству с кадусиями].

⁷ [Гирканцы—обитатели южного побережья Каспийского моря, давшие название как самому морю, так и обитаемой ими области. Дранги—восточноиранский народ, живший на реке Этимандре (современный Гильменд) между древними провинциями Арией, Гедрозией, Карманией и Арахозией].

⁸ [Дербики—значительное племя, жившее на иранском востоке. Помпонию Мелу (III, 39) локализует его на «Скифском заливе», т. е. на Каспийском море у залива Кара Бугаз. Карманиями—обитатели позднейшей провинции Кармании между Гедрозией и Персидой (на северном берегу Персидского залива). Хоромнеи или хорамнеи—племя, помещаемое Томасом (RE, s. v. Choromnaei) в центральной части степных пространств Персидского царства. Диодорово известие о них восходит к Ктесию (Pers., X), сообщающему, что хоромнеи столь быстры на бегу, что могут соперничать с ланями].

⁹ [Боркании или баркании—форма, параллельная к гирканиям-гирканцам, о которых см. прим. 7. Парфяне, образовавшие впоследствии Парфянское царство с династией Аршакидов во главе, первоначально жили на юго-восток от Каспийского моря в области, граничившей с Карманией, Арией и Мидией].

¹⁰ [Персида—область на восточном берегу Персидского залива с городом Персеполем в центре. Сувиана—область на берегу того же залива с городом Сузами—древней столицей Элама].

¹¹ [Каспиана—область племени каспиев, жившего на западном побережье Каспийского моря в современном Азербайджане].

узкий проход, называемый поэтому Каспийскими воротами¹. (4) Он подчинил себе и многие другие, менее значительные племена, о которых долго было бы говорить.

2. ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СКИФИИ. АМАЗОНКИ, ГИПЕРБОРЕИ

II, 43—47

43. Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну. Они сначала занимали незначительную область, но впоследствии, попомногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. (2) Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса² и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана³ и Меотийского озера⁴ и прочие области до реки Танаиса. (3) Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя—змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скифа, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами⁵. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой—Нап. (4). Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, а другой—напами⁶. Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила⁷.

¹ [Каспийские ворота—название ряда горных проходов, расположенных близ Каспийского моря. Первоначально это название прилагалось к горному проходу, расположенному в северном Иране к югу от Каспийского моря, через который прошел Александр Македонский при своем движении на Восток. Впоследствии это название было перенесено на Дербентские ворота—береговую полосу в районе Дербента, представляющую собой наиболее удобный проход с Северного Кавказа в Закавказье, и на Дарьяльское ущелье. См. также Я. А. М а н а н д я н, Цель и направление подготовлявшегося Нероном Кавказского похода, ВИ, 1946, № 7, стр. 66—74. В данном тексте подразумевается скорее всего первый из перечисленных проходов].

² Об Араксе см. прим. Wesseling'a (издание Dindorfa, IV, стр. 208). [Под Араксом здесь, возможно, надо понимать Яксарт (современную Сыр-Дарью). Ср. прим. к Нег., I, 261].

³ [В древности широко распространено было представление о связи Каспийского моря с Океаном. Текст Диодора, впрочем, при всей его географической неопределенности позволяет, пожалуй, под Океаном разуместь если не настоящий Северный ледовитый океан, то, по крайней мере, Балтийское море].

⁴ [Меотийское озеро—Азовское море].

⁵ [По Геродотовой версии, скифы происходят от брака богини-девы с Гераклом. См. Нег., IV, 8 и прим. к этому месту].

⁶ «Pali, скифское племя, не упоминается более, сколько известно, нигде, равно как и Narae. Однако, может быть, Pali скрываются в плиниевых (NH, VI, 7) Spaleis, а Narae в его же Naraeis, а от них происходит и имя Νάρης, ἡμεῖς Σκυθίης, о которой упоминает антикограф [Стефан Византийский]» (Wesseling). [Плиний локализует своих спалеев и напеев в азиатской Скифии, к востоку от реки Танаиса, так что эта легенда, имеющая на себе определенный местный отпечаток, должна символизировать скифское продвижение с востока на запад. Ср. Негман, RE, s. v. Naraeis и RE, II A, 939 (s. v. Scythae)].

⁷ «О проникновении скифов вплоть до Египта упоминают Юстин (II, 3) и иначе Геродот (I, 105); которого из двух следует предполагать [лежащим в основе этого сообщения], не берусь определить» (Wesseling). [О проникновении скифов в Сирию до границ Египта см. прим. к Нег., I, 105].

(5) Поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами, они распространили господство скифов с одной стороны до восточного океана¹, с другой до Каспийского моря и Меотийского озера; ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые ари-масапами² и подобно им многие другие. (6) Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами³. (7) Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню.

44. После этого, когда в Скифии случилось *однажды* междоусобице, воцарились в ней женщины, отличавшиеся силою. У этих народов женщины подобно мужчинам приучаются к войне и нисколько не уступают им в храбрости; поэтому много великих подвигов было совершено славными женщинами не только в Скифии, но и в соседних с ней землях⁴. (2) Например, когда персидский царь Кир, могущественнейший царь своего времени, со значительными силами двинулся походом в Скифию, то скифская царица перебила персидское войско и самого Кира захватила в плен и распяла⁵. Составившееся *таким образом* племя амазонок отличалось такой храбростью, что не только опустошило много соседних стран, но и покорило даже значительную часть Европы и Азии. (3) Так как мы упомянули здесь об амазонках, то считаем не лишним рассказать и о них, хотя наш рассказ, быть может, вследствие своей невероятности, покажется похожим на сказку.

45. Жил у реки Термодонта народ под управлением женщин, которые наравне с мужчинами занимались военными делами. Говорят, что одна из них, имевшая царскую власть, отличалась мужеством и силой; (2) составив войско из женщин, она стала обучать его военному искусству и покорила кое-кого из соседей. Приобретая все более и более доблести и славы, она постоянно делала набеги на соседние племена и, возгордившись вследствие удач, провозгласила себя дочерью Ареса, а мужчинам предоставила пряжу шерсти и домашние женские работы; затем она издала законы, которыми женщин вызывала на воинственные состязания, а мужчинам предоставила смирение и рабство⁶. (3) У детей мужского

¹ [Под «восточным океаном» Диодор скорее всего понимает Индийский океан].

² [О саках см. Strabo, VII, 3, 9; о массагетах см. прим. к Her., I, 25 сл.; об ари-масапах см. прим. к Her., III, 16 сл.].

³ [О савроматах см. Her., IV, 110 сл. и прим. к этому тексту. Наличие иранских элементов в именах собственных, равно как и в культуре и в искусстве скифов, подмечено было давно. См. об этом В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, II, 1882. Наиболее полно гипотеза иранского происхождения скифов выражена у Rostovtzeff'a. *Iranians and Greeks, L.*, 1920 (См. также русское издание: Ростовцев, Эллины и иранцы на юге России, II., 1918)].

⁴ [Hirp., de aet., loc., 24 и прим. к этому тексту. Под соседними землями Диодор, как видно из дальнейшего, понимает область массагетов, а также Малую Азию—классическую страну легендарных амазонок].

⁵ [Имеется в виду рассказ о царице массагетов, по имени Томирис, и ее войне с персами, изложенный у Геродота (I, 205 сл.)].

⁶ [Происхождение легенд об амазонках у греков не может считаться достаточно выясненным. Несомненно, оно связано, с одной стороны, с представлениями о скифах, савроматах и других степных народах, у которых, на памяти греков, могли еще сохраняться значительные пережитки матриархата, с другой же, легенды эти происходят из культа Ареса, как божества плодородия и его женской ипостаси—Артемиды. Превращение Ареса в божество войны могло повлечь за собой превращение женщин-пра-

пола они калечили ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе¹, а у девочек выжигали правую грудь, чтобы в пору телесной зрелости она не выдавалась и не мешала им; по этой причине племя амазонок и получило это название². (4) Отличаясь вообще умом и военными талантами, царица построила большой город при устье реки Термодонта, по имени Фемискиру³, выстроила славный дворец и, во время походов обращая большое внимание на дисциплину, сначала покорила всех соседей до реки Танаиса. (5) Совершив эти подвиги, она, как говорят, геройски окончила свою жизнь, мужественно сражаясь в одной битве.

46. Дочь ее, унаследовавшая царство, в доблести подражала своей матери и в отдельных подвигах даже превзошла ее; девиц она с самого юного возраста приучала к охоте, каждый день обучала военному искусству (2) и установила пышные жертвоприношения Аресу и Артемиде, по прозванию Таврополе⁴. Отправившись войною в страну за рекой Танаисом, она покорила все соседние племена вплоть до Фракии и, возвратившись домой с богатой добычей, построила великолепные храмы упомянутым богам и своим кротким управлением снискала себе величайшую любовь своих подданных. Затем она отправилась войной в другую страну, приобрела большую часть Азии и распространила свое владычество до Сирии⁵. (3) После ее кончины родственницы, наследуя царскую власть, властвовали со славою и возвысили силу и славу племени амазонок...

47. Так как мы представили описание обращенных к северу частей Азии, то считаем не лишним привести здесь и предания о гипербореях⁶. Из числа писателей, сообщающих древние предания, Гекатей⁷ и некоторые другие говорят, что на Океане против страны кельтов находится остров величиной не меньше Сицилии. Этот остров лежит на севере и населен гипербореями, названными так потому, что живут они дальше дуновения Борея; остров имеет прекрасную, плодородную почву, отличается благорастворением воздуха и дважды в год производит плоды. (2) Рассказывают, что на нем родилась Латона, вследствие чего из всех богов наиболее почитается там Аполлон. Жители его являются как бы жрецами Аполлона, потому что каждый день непрерывно воспевают его в гимнах и оказывают ему высочайшие почести. Есть на острове прекрас-

родительниц в женщин-воительниц. Несомненно также влияние оргиастического элемента религий Великой матери (Кибелы) и Артемиды на формирование представлений об амазонках. См. R o s c h e r, *Lexikon, s. v. Amazones*, а также Б. Н. Г р а к о в, *Говякохрѣстоуеуи*, ВДИ, 1947, № 3].

¹ [О калечении мужчин у амазонок—легенде, связанной, повидимому, с калечением домашних рабов,—см. T h e o r., fr. 57 и H i r p., de art., § 101 и прим. к этим текстам].

² [Эта этимология является наиболее распространенной у древних писателей; но имеются и другие Ср. схол. к Ном., II, III, 172].

³ [Река Термодонт отождествляется с современной рекой Терме-чай, впадающей в Черное море к востоку от Самсуна; при устье ее находилась основанная, по преданию, амазонками Фемискира].

⁴ [О культе Артемиды Таврополы см. прим. к E u r., Iph. Taur., 1457].

⁵ [Нетрудно заметить, что география походов амазонок по Диодору совпадает с географией скифских и киммерийских походов по Геродоту. О походах амазонок в Грецию и на юг Малой Азии и о легендарных причинах этих походов см. I s o c r., Paneg., § 67 и N i c. D a m., Пар. эд. сов., § 3].

⁶ [О гипербореях и о колебаниях в их локализации на протяжении античности см. прим. к Нег., IV, 32].

⁷ [Гекатей, по происхождению абдерит, оставил сочинение περὶ τῶν ὑπερβόρων, см. схол. к A p o l l. R h o d., II, 677; их упоминают и Э л и а н (НА, XI, 1) и П л и н и й (NH, VI, 17) Wesseling. [О Гекатее Милетском и отрывки из его «Землеописание» см. выше].

ная роща, посвященная Аполлону, и достопримечательный храм шарообразной формы, украшенный множеством приношений; (3) есть также город, посвященный этому богу; большинство его обитателей—кифаристы и постоянно в храме играют на кифаре и поют гимны в честь Аполлона, прославляя его деяния. (4) Говорят гиперборей на каком-то особом языке и очень дружелюбно относятся к эллинам, а в особенности к афинянам и делосцам¹; начало этой дружбы восходит к очень давним временам. Говорят, что некоторые из эллинов приезжали к гиперборейцам и жертвовали в храм богатые приношения с надписями на греческом языке. (5) Точно так же и гиперборей Абарис², прибыв в древние времена в Элладу, возобновил дружбу и родство с делосцами. Говорят, что с этого острова луна кажется отстоящей от земли на весьма незначительное расстояние и имеющей на себе несколько заметных земляных возвышенностей. (6) Рассказывают также, что бог является на остров через каждые девятнадцать лет, в течение которых оканчиваются орбиты движения созвездий; поэтому-то девятнадцатилетний период времени называется у эллинов метоновым годом³. (7) Во время своего пребывания на острове бог играет на кифаре, устраивает хороводы по целым ночам от весеннего равноденствия до восхода Плеяд и радуется своим успехам. Царствуют в этом городе и заведывают священным участком так называемые Бореады, потомки Борея, у которых власть переходит из рода в род.

3. СРАВНЕНИЕ КЛИМАТОВ СКИФИИ И ТРОГЛОДИТИКИ

III, 33—34

(7). Итак о троглодитах мы сказали достаточно; если же кто из читателей не поверит *нашим* рассказам вследствие странности и необычности описанного образа жизни, то пусть он сопоставит мысленно климат в Скифии и Троглодитике⁴; увидев их разницу, он перестанет не доверять рассказам. (34) Различие климата наших стран от описанных так велико, что умеренная разница *прямо* невероятна. (2) В северных странах вследствие чрезмерного холода замерзают величайшие реки, причем лед выдерживает переходы войск и переезды нагруженных повозок, замерзают *также* и вино и прочие жидкости так *крепко*, что их можно резать ножами; что еще удивительнее, конечности у людей отваливаются вследствие трения одежды, глаза слепнут, огонь не дает защиты *от холода*, медные статуи трескаются, и в некоторые времена года, как говорят, вследствие густоты туч в тех странах не бывает ни молнии, ни грома; *там происходят* многие и другие, еще более поразительные *явления*, невероятные для незнакомых с *этими странами* и невыносимые для испытавших их... (5) Но тем не менее обитатели обеих описанных стран не только не желают бежать от поражающих их чрезмерных бедствий, но, напротив, добровольно пресекают свою жизнь ради того, чтобы не быть вынужденными

¹ [О культе Аполлона Гиперборейского и о связи этого культа с дельфийским святилищем Аполлона см. прим. к scol. Pind. Ol., IV, 28].

² [О гиперборее Абарисе, мифическом жреце Аполлона, предпринявшем будто бы путешествие в Грецию в IV в. до н. э., см. Plato, Charm., p. 158, scol. к Plato, Republ., p. 600 и Her., IV, 36].

³ [Метонов год или цикл назван так по имени афинского астронома Метона, время жизни которого точно неизвестно, заметившего, что 235 лунных месяцев соответствуют приблизительно 19 солнечным годам. Назначением цикла было согласование солнечного и лунного года].

⁴ [Троглодитами, т. е. пещерными жителями, Диодор, а также Геродот (IV, 183), называют жителей африканского побережья Красного моря, вплоть до Верхнего Египта и Эфиопии].

испытать другой образ жизни. (6) Так всякая страна, к которой кто-либо привык, имеет *для него* какие-то природные чары... (7) Столь огромные различия разделяются не очень большим расстоянием одного места от другого: от Меотийского озера, у которого обитают некоторые скифы, живущие среди мороза и чрезмерных холодов, многие мореплаватели на нагруженных кораблях при попутном ветре на десятый день достигают Родоса, из которого на четвертый день приезжают в Александрию, а отсюда многие плывущие по Нилу на десятый день приезжают в Эфиопию; таким образом, от охлажденных частей вселенной до самых жарких частей не более двадцати четырех дней плавания для тех, кто совершает его непрерывно...¹

4. МИФЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К СКИФИИ И КАВКАЗУ

IV, 28 — 56

28. Пока Геракл занят был этим [т. е. освобождением Атланта], оставшиеся амазонки, как говорят, собравшись у реки Термодонта, немедленно двинулись поголовно с целью отомстить эллинам за все, что совершил Геракл в своем походе. Особенно же негодовали они на афинян за то, что Тезей увел в рабство их царицу Антиопу или, как некоторые пишут, Ипполиту. (2) Так как в походе амазонок приняли участие скифы, то собрались значительные силы, с которыми предводительницы амазонок, переправившись через Киммерийский Боспор, двинулись через Фракию; пройдя значительную часть Европы, они пришли, наконец, в Аттику...²

(4)... Оставшиеся в живых амазонки, не пожелав возвратиться на родину, удалились вместе со скифами в Скифию и поселились вместе с ними...³

40, 3... Говорят, что Пелий... предложил Язону совершить подвиг, снарядив поход в Колхиду за знаменитым золотым бараньим руном. (4) В те времена Понт, окруженный варварскими и совершенно дикими народами, носил название негостеприимного вследствие обычая туземцев убивать пристающих к их берегам иностранцев. (5) Язон, стремясь к славе и считая подвиг трудным, но не вполне невозможным, и понимая, что совершением его он достигнет большой известности, стал готовить поход...

43, 3.. Герои прибыли во Фракию в царство Финей⁴ и наткнулись там на двух юношей, которые в виде наказания были закопаны и подвергались беспрестанному бичеванию, это были сыновья Финей и Клеопатры... и были несправедливо подвергнуты отцом вышесказанному наказанию из-за дерзости и ложных наговоров их мачехи. (4) Финей, женившись на Идее, дочери скифского царя Дардана, и из любви к ней во всем ей угождая, поверил, что его сыновья причинили мачехе насилие и бесчестье, побуждаемые желанием угодить родной матери...

¹ Ср. выше Фотиеново извлечение из V книги Агатархида.

² В происшедшей битве афиняне одержали верх; часть амазонок была перебита, а остальные изгнаны из Аттики [См. об этом I s o c r., P a n e g., § 67].

³ [Ср. легенду о прибытии амазонок в Скифию у Г е р о д о т а (IV, 110 сл.) в рассказе о происхождении савроматов].

⁴ [Слепой прорицатель Финей, преследуемый по воле Зевса гарпиями за плохое обращение с собственными детьми, помещается на Геллеспонте или на фракийском берегу (Салмидесс) и расценивается как образ, символизирующий проникновение фракийских этнических элементов в Малую Азию. В сказании об аргонавтах его помещают чаще всего у Боспора Фракийского, где он предупреждает аргонавтов об опасности, грозящей им от сталкивающихся скал—Симплегад].

44... Аргонавты освобождают сыновей Финея, убивают его самого и ставят на царство сыновей...(3) Когда же они [Финеиды] хотели подвергнуть мачеху позорной казни, аргонавты убедили их отказаться от такой мести, а отослать мачеху в Скифию к ее отцу и попросить его наказать ее за незаконный с ними поступок. (4) Когда это было сделано, скиф присудил свою дочь к смерти, а сыновья Клеопатры прославились между фракийцами своей сыновней любовью...

§ 7. [Говорят, что сыновья Финея, передав управление государством матери своей Клеопатре, приняли участие в походе героев]... Отправившись из Фракии и приплыв в Понт, они пристали к Таврической земле, не зная о суровости ее жителей¹. У варваров, населяющих эту страну, был обычай приносить в жертву Артемиде Таврополе чужестранцев, которые приставали к их берегам. Говорят, что именно у них впоследствии Ифигения, поставленная жрицей упомянутой богини, приносила в жертву пленных².

45. Так как исследователи старались определить причины этого обычая убивать чужестранцев, то необходимо вкратце рассказать об этом, особенно ввиду того, что это отступление будет иметь связь с деяниями аргонавтов. Рассказывают, что у Гелиоса было два сына: Ээт и Перс; из них Ээт сделался царем в Колхиде³, а брат его в Таврике, и оба отличались жестокостью. (2) У Перса была дочь Геката, которая отвагой и противозаконными поступками превосходила своего отца; она очень любила охоту и в случае неудач вместо зверей убивала людей; затем, приобретя опытность в составлении смертных ядов, она открыла так называемый аконит⁴ и испытывала силу каждого яда, примешивая его в пищу, даваемую чужестранцам. Обладая большой опытностью в таких делах, она прежде всего отравила своего отца и наследовала его власть, затем построила храм Артемиде, установила обычай приносить в жертву богине пристающих к берегу чужестранцев и таким образом прославилась своею жестокостью. (3) После этого она вступила в сожителство с Ээтом и родила двух дочерей—Кирку и Медею, а также сына Эгиалея⁵. Кирка, посвятив себя изучению всевозможных лекарственных зелий, открыла всякого рода свойства и невероятные силы корней. Не мало, конечно, она заимствовала у своей матери Гекаты, но еще больше открыла сама, благодаря своим ревностным исследованиям, так что не оставила другим женщинам возможность превзойти ее в знании лекарственных зелий. (4) Будучи отдана в замужество царю сарматов (которых некоторые называют скифами), она прежде всего умертвила своего мужа,

¹ [Обычный маршрут аргонавтов в Понте пролегает вдоль малоазийского берега. Версия о северочерноморском—таврическом и скифском—маршруте, отвечающем колонизации северных берегов в Понте, известна лишь по скудным отрывкам и намекам в некоторых схолиях. Она связана с обратным плаванием аргонавтов по реке Танаису в Северный океан и впервые выражена у Гесиода, в словах о жертвоприношении Фриком барана в Скифии].

² «Сама Ифигения у Э в р и п и д а в одноименной драме (ст. 39 сл.) рассказывает о варварском обычае жертвоприношений и то же делает наш автор (II, 46). Кроме того, P s.-O r p h., Argon., 1073; O v., ex Ponto, II, 2, 57» (Wesseling). Жестокость тавров автор сам описывает (III, 43) таким словами: «[Арабы, называемые набатеями]... после того как александрийские цари сделали пролив доступным для плавания купцам, стали нападать на потерпевших кораблекрушение и, строя пиратские ладьи, грабили мореплавателей, подражая диким и незаконным поступкам понтийских тавров». [О таврах и о культе богини Артемиды Таврополы см. Н е г., IV, 103 и прим. к этому месту].

³ Ср. схол. к A p o l l. R h o d., III, 200; 242.

⁴ Об аконите ср. O v., Met., VII, 407; P l i n., NH., XXVII, 2.

⁵ «Другие называют его Апсиртом или Металпонтием, как Дикеоген в схол. к E u r., Med., 167. Повидимому, наш автор имел источником Дионисия» (Wesseling).

а затем, наследовав ему, совершила много жестокостей и насилий над своими подданными. (5) За это она была изгнана из своего царства, бежала, по свидетельству некоторых мифографов, к Океану и, заняв пустынный остров, поселилась здесь с сопутствовавшими ей женщинами; по словам же некоторых историков, она, покинув Понт, поселилась в Италии на мысе, который и доныне называется по ее имени Киркейским¹.

46. Про Медею рассказывают, что она узнала от матери и сестры все свойства зелий, но отличалась совершенно противоположным характером: она постоянно спасала из опасностей приплывавших к их стране чужеземцев; то просьбами и ласками спрашивала она у отца пощаду обреченным на смерть, то сама, выпуская их из-под стражи, заботилась о безопасности несчастных, так как Ээт, отчасти по своей собственной жестокости, отчасти по внушениям жены своей Гекаты, сохранил в силе обычай убивать чужестранцев. (2) Так как Медея все более и более противодействовала *жестоким* намерениям своих родителей, то Ээт, как говорят, опасаясь злых умыслов со стороны дочери, отдал ее под свободный надзор; но Медее удалось убежать в священный участок Гелиоса, лежащий на берегу моря². (3) Как раз в это время аргонавты на пути из Таврики ночью приплыли к вышеупомянутому участку в Колхиде. Здесь они встретили Медею, блуждавшую по морскому берегу, и, узнав от нее об обычае убивать чужестранцев, похвалили кротость девицы; затем, открыв ей свой план, в свою очередь узнали от нее, какой опасности подвергается она со стороны отца за свое сострадание к чужестранцам³. (4) Когда *таким образом* их интересы оказались общими, Медея обещала содействовать им, пока они не приведут в исполнение предпринятый подвиг, а Язон дал ей клятвенное обещание жениться на ней и иметь свою сожительницей до конца жизни. (5) После этого аргонавты, оставив стражу при корабле, ночью вместе с Медеей отправились за золотым руном. Теперь следует подробно рассказать и о нем, чтобы известно было все, что относится к настоящему рассказу.

4. Рассказывают, что Фрикс, сын Афаманта, спасаясь от козней мачехи, бежал со своею сестрою Геллой из Эллады. Когда они по некоему божественному провидению переправлялись из Европы в Азию на златоунном баране, девушка упала в море, которое по ней было названо Геллеспонтом, а Фрикс, отправившись в Понт, пристал к Колхиде и согласно приказанию оракула принес барана в жертву, а шкуру его посвятил в святилище Ареса. (2) После этого колхидскому царю Ээту дано было предсказание, что он тогда окончит свою жизнь, когда приезжие чужестранцы увезут золотое руно. По этой-то причине, а вместе с тем и по природной жестокости, он приказал убивать чужестранцев с той целью, чтобы ни один чужестранец не осмелился вступить в его страну, когда повсюду разнесется молва о дикости колхов. Кроме того, он окружил священный участок стеной и поставил там многочисленную стражу из жителей Таврики. Поэтому-то и сложились у эллинов чудесные сказа-

¹ [Кирка в большинстве случаев, на основании Od., X, 133 сл., локализуется в Понте. Диодор, на основании Дионисия Скитобрахина, излагает итальянскую версию легенды, известную впервые из Гесиода, Theog., 1011 сл.]

² «Аполлоний Родосский (III, 250) и Валерий Флакк (VI, 73) описывают Медею, занимающуюся священнодействиями в роще Гекаты. В самом деле, оба автора расходятся в порядке рассказа с Дионисием Милетским, которому обычно следует Диодор» (Wesseling).

³ [Не трудно заметить, что в этом изложении образ Медеи приобретает черты, близкие Ифигении, с которой она действительно идентифицируется, как об этом свидетельствует Цей в схол. к Лукофр. (Alex., 174), из чего ясно, что Медея, как и Ифигения, в культовом отношении является равновидностью Артемиды (см. S. Stender, De Argonautarum expeditione, Kiel, 1874, стр. 24].

ния; (3) ходили слухи, что около святилища были огнедышащие быки, а руно охранял дракон; с тавров одноименное название было перенесено на силу быков, а жестокость, проявлявшаяся в убиении чужестранцев, дала повод к рассказам, будто быки эти дышали огнем; подобным же образом охранитель святилища назывался Драконом, а поэты перенесли это имя на чудесное и страшное животное. (4) К подобным же выдумкам относятся и рассказы о Фриксе. Одни говорят, что он переплыл через море на корабле, имевшем на носу изображение бараньей головы¹, и что Гелла, страдая от морской болезни, перевесилась через борт корабля и упала в море. (5) Другие рассказывают, что в то время, когда был захвачен Фрикс со своим воспитателем, гостил у колхов зять Ээта, царь скифский, который, влюбившись в мальчика, получил его в подарок от Ээта, полюбил как родного сына и оставил ему царство; воспитатель же его, которого звали Крием [бараном], был принесен в жертву богам, а содранная с его тела кожа по местному обычаю была прибита к храму². (6) После, когда Ээту дано было предсказание, что он тогда умрет, когда приплывут в его страну чужестранцы и увезут кожу Крия, царь, как рассказывают, окружил стеной святилище, поставил там стражу и, кроме того, позолотил кожу для того, чтобы она благодаря своему блеску была как можно тщательнее охраняема воинами. Каждому читателю предоставляется судить об этих сказаниях по собственному вкусу.

48. Медея, как рассказывают, провела аргонавтов к святилищу Ареса, отстоявшему на семьдесят стадиев от города, который носил имя Сибариса и был столицей колхов³; подойдя ночью к запертым воротам, она окликнула стражей на таврическом наречии. (2) Когда же воины с готовностью отворили ей ворота, как царской дочери, аргонавты, говорят, напав с обнаженными мечами, убили многих варваров, а остальных, испуганных неожиданностью, выгнали из священного участка и, захватив руно, поспешили с ним к кораблю. (3) Точно так же Медея ядом умертвила в священном участке баснословного неусыпного дракона, обвившего руно, и вместе с Язоном направилась к морю. (4) Когда разбежавшиеся тавры донесли царю о случившемся нападении, то, говорят, Ээт, отправившись со своими телохранителями в погоню за эллинами, догнал их близ моря. Прямо с дороги вступив в сражение, он убил одного из аргонавтов—Ифита, брата Эврисфея (того самого, который давал поручения Гераклу), но затем, когда он с толпой сподвижников напал на других и стал слишком сильно теснить, то был убит Мелеагром. (5) Когда царь пал и эллины ободрились духом, колхи обратились в бегство, и большая часть их была перебита во время преследования; из числа же героев оказались ранеными Язон и Лаэрт, затем Аталанта и так называемые Феспиады; говорят, что Медея в несколько дней исцелила их корнями и травами, и аргонавты, запасшись провиантом, отплыли обратно...

56. Вообще, благодаря выдумкам трагических поэтов, относительно Медеи существует целый ряд разнообразных и несогласованных между собой сказаний; некоторые из желания угодить афинянам рассказывают также, что она, захватив Меда, своего сына от Эгея, спаслась с ним в Колхиду. В то же время Ээт, насильственно изгнанный из государства своим братом Персом, возвратил себе престол после того, как Мед, сын Медеи, умертвил Перса. После этого Мед, сделавшись могу-

¹ Ср. схол. к Apoll. Rhod., I, 256 и прим. Wesseling'a.

² «Это мнение Дионисия Милетского в схол. к Apoll. Rhod., I, 256; II, 1147; IV, 119» (Wesseling).

³ [Столица Колхиды—обычно Эя. Сибарис, как наименование места поселения, кроме этого случая, неизвестен за пределами Италии, но как мифический персонаж, связанный с культом Артемиды, известен также во Фригии].

щественным, прошел значительную часть лежащей выше Понта Азии и занял названную впоследствии по его имени Мидию (2). Однако мы считаем излишним и слишком долгим описывать все подробности, приводимые рассказчиками преданий о Медее, и потому прибавим *лишь* конец рассказа об аргонавтах. (3) Не малое число как древних, так и позднейших писателей (между ними и Тимей) рассказывают, что, когда аргонавты после похищения руна узнали, что Ээт своими кораблями занял устье Понта, то совершили удивительный и достопамятный подвиг: проплыв вверх по реке Танаису до его истоков и перетавив в одном месте корабль по суше, они уже по другой реке, впадающей в Океан, спустились к морю и проплыли от севера к западу, имея сушу по левую руку; очутившись недалеко от Гадир [Гадеса], они вступили в наше море ...¹

5. СКИФСКИЙ ЭЛЕКТР

V, 23. Итак относительно олова мы удовольствуемся сказанным, а теперь сообщим о *так* называемом электри. Против Скифии, лежащей выше Галатии, на Океане есть остров, называемый Василией. На этот *остров* волны выбрасывают в изобилии *вещество*, называемое электри, нигде *более* во вселенной не встречающееся. О нем многие из древних писали мифы совершенно невероятные и изобличаемые действительностью². (5) Так как все создавшие этот миф ошиблись и изобличены впоследствии действительностью, то нужно держаться достоверных рассказов: электри собирается на вышеупомянутом острове и привозится туземцами на противолежащий материк, по которому и перевозится в наши страны, как сказано выше³.

6. КИММЕРИЙЦЫ И КИМВРЫ

V, 32, 3. Жители северных стран, соседние со Скифией, [чрезвычайно дики; говорят, что некоторые *из них* едят людей... (4). Так как их сила и дикость прославилась *повсюду*, то некоторые говорят, что именно эти народы под именем киммерийцев в древние времена прошли *войной* всю Азию, причем время скоро испортило это слово в наименование кимбров...⁴

¹ [Эта версия возвратного плавания аргонавтов, восходящая к названному несколькими строками выше Тимею из Тавромения, автору «Истории Италии и Сицилии» (352—256 гг. до н. э.), основана на использовании данных Пития из Массилии (середина IV в. до н. э.), плававшего вдоль западных и северных берегов Европы. Дикеарх (у Страбона) и более поздние авторы отвергали свидетельства Пития, как небылицы. См. C. W e n d e l, Argonautensage und Geographie, «Schlesische Jahrbücher», III, № 1, стр. 41 сл.].

² Далее (§§ 2—4) излагается миф о Фаэтоне и его сестрах.

³ [Под электриом Диодор понимает янтарь (и по словам Филемона, P l i n., NH, XXXVII, 11, 1, см. выше, так назывался лучший сорт янтаря, происходящего из Скифии), получавшийся греками и италийцами из северных стран,—как предполагалось, от устья реки Рейна и с берегов Северного океана (Балтийского моря). Упомянутый Диодором остров Василия («выше Галатии», т. е. Западной Европы в широком смысле) идентифицируется П л и н и е м (XXXVII, 35; 61) то с островом Абалом, упомянутым якобы у массалиота Пития, посетившего эти места в середине IV в. до н. э., то с островом Бальцией (IV, 95), отождествляемым в современной науке по признаку наличия янтаря с островом Эзелем (см. R E, s. v. Basileia, 2), чаще же—со Скандинавским полуостровом вообще].

⁴ [О киммерийцах и об их походах см. Н е г., I, 15; 103 и прим. к этим текстам. Что касается кельтского племени кимбров, ставшего известным лишь после его появления на границах римского мира в 113 г. до н. э., то об его отождествлении с киммерийцами—мифическими или историческими—раньше указанного времени говорить не приходится].

7. АНАХАРСИС У КРЕЗА

IX, 26, 2. К нему [т. е. Крезу] прибыли скиф Анахарсис¹, Биант, Солон и Питтак, которых он на пирах и в собраниях отличал величайшими почестями, показывая им свои богатства и могущество его власти. (3) В то время у образованных людей была в моде краткость речи; Крез, показав им благополучие своего царства и количество покоренных народов, спросил Анахарсиса, как старшего из мудрецов, какое из *живых* существ он считает храбрейшим? Анахарсис сказал, что самых диких животных, ибо они одни мужественно умирают за свою свободу. (4) Крез, полагая, что он ошибся и что на второй *вопрос* даст угодный ему ответ, спросил, какое из *живых* существ считает он справедливейшим? Тот снова ответил, что самых диких животных, так как они одни живут по природе, а не по законам: природа же, по его словам, есть создание божества, а закон — установление человека, и справедливее пользоваться тем, что открыто богом, а не человеком. (5) Тогда царь, желая высмеять Анахарсиса, спросил, не *суть ли* звери мудрейшие *существа*? Мудрец, согласившись с этим, объяснил, что предпочитать истину природы истине закона есть основной признак мудрости. Тогда царь с насмешкой сказал, что его ответы основаны на скифском звероподобном воспитании.

8. ИЗ РАССКАЗА ОБ ОТСТУПЛЕНИИ НАЕМНИКОВ
КИРА МЛАДШЕГО

(Поход от реки Кенгрита до города Котиор²).

XIV, 27—30

Нижеследующий отрывок представляет собой пересказ, иногда дословный, соответствующих мест «Анабасиса» Ксенофонта (см. выше), с сокращениями и весьма незначительными отступлениями. Некоторые из этих отступлений (например, XIV, 30, 3) убеждают в наличии параллельного источника; по предположению Весселинга (см. прим. 1 к гл. 29, 1) это был Софенет, упоминаемый Стефаном Византийским как автор сочинения о походе Кира младшего, его современника и сподвижника (см. Хен., Anab., I, 1, 11)].

27, 7... С трудом пройдя вышеупомянутую страну, [эллины] прибыли к реке Кентриту³ и, переправившись через нее, вступили в Армению; сатрапом ее был Тирибаз, с которым они заключили договор и пошли через его область как друзья.

28. Проходя через горы Армении, они были засыпаны массой снега и едва все не погибли. Вследствие движения воздуха сперва снег понемногу начал падать из окружающей атмосферы, так что путники не встречали никакого препятствия к движению вперед; но потом, когда подул ветер, снег повалил сильнее и покрыл землю, так что уже нельзя было разглядеть ни дороги, ни вообще признаков местности. (2) Поэтому войском овладели уныние и страх, так как *воины* не хотели блуждать на погибель и не могли идти вперед вследствие массы снегов. При усилении непогоды поднялся ужасный ветер с сильным градом и дул прямо в лицо,

¹ [Анахарсис, о котором см. в особенности Хен., IV, 76 сл., будучи причислен к величайшим мудрецам древности, в числе которых он и прибыл якобы к лидийскому царю Крезу, излагает перед последним принципы стоической философии, вложенные в его уста Диодором].

² См. Хен., Anab., IV, 4 сл.

³ [Так как географическая номенклатура этого отрывка повторяет ксенофонтову, с некоторыми лишь искажениями, оговоренными в примечаниях, — комментарием к этому изложению могут послужить примечания к эксерптам из «Анабасиса» Ксенофонта].

так что все войско принуждено было остановиться: каждый, не будучи в состоянии выдерживать мук при движении, принужден был останавливаться, где случится. (3) Лишенные всех необходимых *припасов*, *воины* провели этот день и *следующую* ночь под открытым небом в самом бедственном положении: вследствие массы непрерывно падавшего снега все доспехи были им засыпаны и тела мерзли от *чувствительного* на открытом воздухе мороза. Вследствие столь бедственного положения они всю ночь провели без сна; некоторые, разведя огонь, получали от него помощь, а некоторые, перезябнув от мороза, потеряли всякую надежду на нее, так как отморозили себе почти все конечности. (4) Поэтому, когда прошла ночь, большинство вьючных животных оказалось погибшим и из людей многие умершими и немалое количество — не потерявшими еще сознания, но были не в состоянии двинуться с места вследствие отморожения членов; а некоторые и ослепли вследствие холода и блеска снега. (5) Они все погибли бы окончательно, если бы, пройдя немного, не встретили деревень, изобиловавших продовольствием. В них для скота были вырыты сходы, а люди входили по лестницам... скот кормился сеном, а для людей было большое изобилие всего необходимого для жизни.

29. Пробыв в *этих* деревнях восемь дней, эллины прибыли к реке Фасису¹; проведя там четыре дня, пошли через область хаев и фасианов². При нападении туземцев они победили их в стычке и многих перебили, а сами, захватывая хутора туземцев, наполненные добром, провели в них пятнадцать дней. (2) Поднявшись оттуда, в течение семи дней прошли так называемую Халдейскую область и прибыли к реке, по имени Гарпаг, шириною в четыре плетра. Оттуда, двигаясь по области скифинов, они прошли по ровной дороге, на которой в течение трех дней оправались, имея в изобилии все необходимое. После этого, двинувшись *вперед*, на четвертый день пришли к большому городу, называемому Гимнасией. (3) Из него начальник этих местностей заключил с ним договор и представил проводников к морю. Через пятнадцать дней, когда, придя на гору Хений, шедшие впереди увидели море, они чрезвычайно обрадовались и подняли такой крик, что бывшие в хвосте, предполагая нападение неприятелей, взялись за оружие. (4) Когда же все взойшли на место, откуда видно было море, то, воздев руки, благодарили богов, считая себя уже спасенными; снеся в одно место множество камней и сделав из них большие кучи, они посвятили варварские доспехи, желая оставить вечный памятник своего похода. Проводнику они подарили серебряную чашу и персидскую одежду; он показал им дорогу к макронам и удалился. (5) Эллины же, вступив в область макронов, заключили договор и в *подтверждение его* верности получили от них варварское копье, а сами дали эллинское: варвары сказали им, что этот *обычай* передан им от предков, *как* величайший залог верности. Пройдя через их пределы, *эллины* вступили в страну колхов. (6) В нее собрались против них туземцы, но они одолели их в битве и многих убили, а сами, заняв укрепленный холм, стали опустошать страну и, принося на него добычу, отдыхали среди изобилия.

30. В этих местах встречались во множестве борти, из которых добывались превосходные соты; но попробовавшие их подвергались странным при-

¹ О Фасисе см. прим. Wesseling'a.

² «Имя первого народа испорчено. У Ксенофонта имеются и называются *Táσχοι*. Другие говорили *Táσι*, по свидетельству Софенета у Стефана под словом *Táσχοι*. Итак, должно писать *τῶν Τάσχων* или, может быть, что ближе подходит к вульгате, *τῶν Τάσων*, вместе с Hutchinson'ом к Хен., Anab., IV, p. 421 ed. Ох. Мне даже кажется, можно думать, что Диодор в тех местах, где он отступает от Ксенофонта, предпочитает руководствоваться Софенетом» (Wesseling).

падкам: поевшие их теряли сознание и, падая на землю, уподоблялись мертвым. (2) А так как многие поели *этого меда* вследствие сладкого его вкуса, то скоро оказалось множество упавших, как бы после поражения на войне¹. Поэтому войско провело этот день в унынии, пораженное странностью *случая* и множеством пострадавших; но на следующий день около того же часа все стали оправляться и, понемногу приходя в сознание, встали и чувствовали себя подобно выздоровевшим от принятого яда. (3) Оправившись в течение трех дней, они двинулись в эллинский город Трапезунт, колонию синопцев, лежащую в области колхов. Проведя здесь тридцать дней, они нашли широкое гостеприимство у местных *жителей*, а сами совершили Гераклу и Зевсу-спасителю жертвоприношение и гимническое состязание на том месте, где по преданию пристал *корабль* Арго и Язон со своими спутниками. (4) Оттуда они послали своего предводителя Хейрисофа в Византий за судами и триерами: он говорил, что он дружен с византийским навархом Анаксибием. Итак они послали его на лодке, а *сами*, взяв у трапезунтцев два гребных суденышка, стали грабить окрестных варваров на суше и на море. (5) Тридцать дней поджидали они Хейрисофа; но так как он не являлся, а продовольствие у людей истощалось, то они двинулись из Трапезунта и на третий день прибыли в эллинский город Керасунт, колонию синопцев; проведя в нем несколько дней, пришли к племени моссиников. (6) Варвары собрались *было* против них, но они одолели их в битве и многих перебили; когда же *варвары* сбежались в одно местечко, в котором жили они в семиэтажных деревянных башнях, *эллины*, сделав непрерывные приступы, взяли его силой. Это местечко было главой прочих укреплений и в нем жил царь их в самом высоком месте. (7) По исконному обычаю он остается в нем всю жизнь и отсюда раздает приказания подданным. Воины говорили, что этот народ самый варварский из пройденных ими, что они совокупляются с женщинами у всех на виду, что дети самых богатых *родителей* кормятся вареными каштанами и что все с детства татуированы на спине и на груди. Эту область *эллины* прошли в восемь дней, а следующую, называемую Тибаренскою, — в три. Оттуда прибыли в эллинский город Котиоры, колонию синопцев...

9. ИЗ ИСТОРИИ ПОХОДОВ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

В кн. XVII, гл. 59 упоминается об участии скифов в битве при Арбелах².

а) ЗАМЕТКА О КАСПИЙСКОМ МОРЕ

XVII, 75, 3. Александр, вступив с войском в землю гирканов³, покорил в ней все города до так называемого Каспийского моря, которое иные зовут Гирканским. В нем, говорят, водится множество больших змей и всякого рода рыб, очень отличающихся по цвету кожи от наших..

б) РАССКАЗ О ВСТРЕЧЕ ЦАРИЦЫ АМАЗОНОК ФАЛЕСТРИИ С АЛЕКСАНДРОМ

XVII, 77. Когда Александр возвратился в Гирканию, к нему прибыла царица амазонок, по имени Фалестрия, властвовавшая над страной между Фасисом и Термодонтом. Она отличалась красотой и телесной

¹ Ср. Xen., Anab., IV, 3, 2; Strabo, XII, 3, 8; Ael., de an., V, 42; Proc., Bell. Goth., IV, 2; Plin., NH, XXI, 13.

² [Битва при Арбелах произошла в 331 г. до н. э. между войском Александра Македонского и персидской армии царя Дария III, в составе которой сражались упомянутые скифы].

³ [О гирканах см. прим. к Diod., II, 2, 3].

силою и своею храбростью возбуждала удивление соплеменников. Оставив свое войско на границах Гиркании, она прибыла с тремястами амазонок, облеченных в боевые доспехи. (2) Когда царь, удивляясь неожиданному появлению и красоте *этих* женщин, спросил Фалестрию, по какой надобности она прибыла к нему, *Фалестрия* заявила, что явилась с целью иметь от него ребенка: (3) он, по ее словам, превзошел своими подвигами всех мужчин, а она сама выдается из *среды* женщин силой и храбростью; поэтому можно ожидать, что *дитя*, рожденное от двух первенствующих родителей, превзойдет доблестями прочих людей. Царь, очень обрадовавшись и приняв ее предложение, провел с нею тринадцать дней и *затем* отпустил ее на родину, почтив достойными дарами¹.

в) РАССКАЗ О ПОСЕЩЕНИИ АЛЕКСАНДРОМ АРИМАСПОВ

XVII, 81. По окончании этих дел и устройстве управления Дрангианы Александр выступил со своей армией против племени, ранее называвшегося аримаспами², которое именовалось теперь эвергетами и вот по какой причине: Кир³, тот, который перенял власть от мидян к персам, был во время своего похода задержан в пустынной области, совершенно лишенный продовольствия; он очутился в очень тяжелом положении и видел, как его солдаты, мучимые голодом, поедали друг друга. Тогда аримасы доставили ему три тысячи повозок, наполненных продовольствием. Спасенный этой неожиданной помощью, Кир освободил их племя от всяких повинностей, почтил дарами за совершенные ими благодеяния и изменил их прежнее имя на эвергетов [благодетелей]. В эту-то область, и явился Александр со своей армией; но был встречен обитателями дружелюбно и выразил им свое расположение соответствующими дарами. Царь ответил такими же милостями на дружественный прием, оказанный ему гедрозийцами, соседями аримаспов. Он вручил Тиридату военное управление этими двумя народами.

10. ИЗ ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

XII, 31, 1. При архонте Феодоре в Афинах⁴... исполнилось сорок два года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами; царскую власть получил Спартак⁵ и царствовал семь лет.

¹ «[Диодор] обычно следует Клитарху. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он устранил отсюда Фалестрию и амазонок. Ибо они представляют собой выдумку каких-то нелепых македонян, собиравших все ради славы своего царя, как это уже признали разумные мужи: Страбон (XI, р. 771), Плутарх (Alex., 691 A [46]) и Ариан (Anab. Al., VII, 13, р. 291)» (Wesseling). [Из Плутарха (Alex., 46), сообщающего о том, что Онесикрит в своей книге об Александре, написанной уже после смерти последнего, обратил скифскую царевну в амазонку, явствует с точностью, каким образом и из чего возникла эта легенда.]

² [Об аримасах см. Нег., III, 116 и прим. Диодор в отличие от Геродота, основывавшегося на Аристее из Проконнеса, локализует аримаспов-эвергетов в Средней Азии, на основании чего Wernicke [RE, II, 1, ст. 826] считает, что в данном случае аримасы спутаны с арианами.]

³ [Кир старший (558—529 гг. до н. э.).]

⁴ Ol. 85, 3; 438/7 г. до н. э.

⁵ Настоящее имя царя было Σπίρτοκος. [Спартак (Σπίρτοκος), он же Спарток (Σπίρτοκος)—первая форма собственной литературным источникам, в частности, ее употребляет Диодор, вторая представлена на монетах и в надписях, чем удостоверяется ее местное, диалектальное происхождение,—имя фракийского кондотьера, служившего боспорским Археанактидам и захватившего в подходящий момент власть. Фракийскими являются и некоторые другие имена династии Спартокидов, как, например, Перисад, Комосария и т. д. См. Latyshev, Brevis conspectus historiae regni Bosporani, IOSPE, II, стр. XVIII.]

XII, 36, 1. [При архонте Апсевде в Афинах¹]... умер царь боспорский Спартак после семилетнего царствования, ему наследовал Селевк и царствовал сорок (τετταράκοντα)² лет.

XIV, 93, 1. [При архонте Демострате³ в Афинах, см. XIV, 90]... умер боспорский царь Сатир, сын Спартака, властвовавший сорок лет; власть его наследовал сын его Левкон на сорок (τετταράκοντα [τέτταρα]⁴ лет.

XVI, 31, 6. [При архонте Диотиме⁵ в Афинах, см. XVI, 28]... умер в Понте боспорский царь Левкон после сорокалетнего царствования; наследовавший ему сын его Спартак царствовал пять лет.

XVI, 52, 10. [При архонте Каллимахе⁶ в Афинах, см. XVI, 52, 1]... умер понтийский царь Спартак, царствовавший пять лет; наследовавший ему брат его Парисад (Παρισάδης)⁷ царствовал тридцать восемь лет.

XX, 22. [При архонте Гиеромнемоне⁸ в Афинах, см. XX, 3]... в Понте по смерти Парисада, царя Киммерийского Боспора, сыновья его Эвмел, Сатир и Притан подняли между собою войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет; но Эвмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал опасивать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат (διαβὰς τὸν Θάτην ποταμὸν)⁹ и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух

¹ Ol. 86, 4; 433/2 до н. э.

² τετταράκοντα P₁ τέσσαρι—вульгата. [P—Патмосский кодекс X или XI вв., сверенный Rich. Вегманп'ом в 1866 г.; о нем см. предисловие Voge'l'я, т. II, стр. XI сл.].

³ Ol. 96, 4; 393/2 до н. э.

⁴ τετταράκοντα τέτταρα P, исправил Voge'l, см. XII, 36, 1; δεκατέσσαρι вульгата; см. то, что я сказал об этом в ЖМНП, 1894, июнь.

⁵ Ol. 106, 3; 354/3 до н. э.

⁶ Ol. 107, 4; 349/8 до н. э.

⁷ В надписях Παρισάδης.

⁸ Ol. 117, 3; 310/9 до н. э. Годы царствования Сатира I, Левкона I и Спартака II неверно показаны Диодором, как выяснилось из найденного в 1877 г. в Пирее декрета в честь сыновей Левкона. См. об этом IOSPE, II, praef., стр. XXII. По исправленному расчету, Сатир I царствовал, вероятно, от 407 до 387 г., Левкон I в 387—347, Спарток II и Перисад I (вместе) в 347—342 и Перисад I один в 342—309 гг. [Отмеченная Латышевым ошибка состояла в том, что в списке боспорских правителей, которым в качестве источника пользовался Диодор, не было указано, что сыновья Левкона I—Спарток II и Перисад I—первые пять лет правили совместно, а затем правил один Перисад. Ошибка эта, выясненная из упомянутого выше декрета (SIG², 129), была подмечена Schäfer'ом («Rh. M.», XXXIII, стр. 418 сл.).]

⁹ «Θάτην» QXV Bas., F. Διαβὰς τὸν Θάτην ποταμὸν. Ни это название реки, ни Θάτην, как говорится в некоторых свитках, не кажется правильным. Мы бы изменили порядок букв и восстановили бы Ψάθην, каковую реку, впадающую в Меотиду, указал Птоломей (V, 9, р. 141) по Палатинской и Коислинианской рукописям). Со мной согласен весьма сведущий Vagbeurgasius, Hist. Foed. Part., I, р. 356» (Wesseling). [Река Фат (Θάτης, вариант Θάψις), может быть, идентичная птолемеевской Ψάθις и во всяком случае связанная топонимически с упоминающимися в дальнейшем изложении Диодора и в боспорских надписях фатейми (IOSPE II, 8: 15), племенем, подвластным боспорским царям, отождествляется иногда, без большой, впрочем, вероятности, с крымской рекой Салгиром, начинающейся в районе Симферополя или, что, может быть, имеет более оснований, с каким-либо из протоков нижнего течения реки Кубани.]

тысяч (δισυχίῳ)¹ и столько же фракийцев², а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве двадцати слишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Эвмела был царь фатеев (Φατέω)³ Арифарн с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Эвмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин наследовать отцовскую власть⁴.

23. Те из воинов Арифарна и Эвмела, которые уцелели в сражении, бежали в царскую крепость⁵; она стояла у реки Фата, которая отбегала ее и вследствие своей значительной глубины делала неприступной; кроме того, она была окружена высокими утесами и огромным лесом, так что имела всего два искусственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами, и жилые помещения находились над водой. Ввиду того что крепость была так хорошо укреплена, Сатир сначала опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи; затем он сделал попытку вторгнуться силой через проходы, причем со стороны передовых укреплений и башен принужден был с потерей многих солдат отступить, но с луговой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями. Разгромив их и перейдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к царской крепости. Когда эта работа быстро подвигалась вперед, царь Арифарн, опасаясь, что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как все спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны прохода стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние вследствие густоты деревьев не могли ни предохранять себя от стрел, ни защищаться против стрелков.

Три дня воины Сатира рубили лес, с трудом и опасностями пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к стене, но осыпаемые

¹ δισυχίῳ] χιλίῳ FQW.

² [Фракийцев Мюллер (см. об этом K i e s s l i n g, RE, s. v. Gargasa) предлагает заменить сираками, так как это более соответствует локализации им всего эпизода на азиатской стороне Босфора, на реке Кубани, которую он идентифицирует с Фатом. Однако, если представить, что битва произошла в Крыму, то фракийцы, неоднократно засвидетельствованные как противники и как союзники скифов, были бы вполне уместны.]

³ Φατέω в рукописи; исправил В о е с k h, CIG, II, стр. 102 (ср. IOSPE, II, praef., стр. XIV).

⁴ [Тактический разбор вышеописанного сражения см. В. Д. Б л а в а т с к и й, Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э., ВДИ, 1946, № 1, стр. 101 сл., где отмечается превосходство комбинированной скифской и греческо-македонской тактики, выражающейся в максимальном использовании вооруженной луками конницы.]

⁵ [Царская крепость (τὰ βασιλεία) представляла собой, вероятнее всего, что-либо вроде более поздних, так называемых готских, укреплений на высоких холмах типа Чуфут-кале в районе Симферополя, где, может быть, и следует искать упомянутый в тексте укрепленный скифский город.]

тучей стрел в тесной позиции, потерпели огромный урон. Предводитель наемников Мениск, отличавшийся и умом и храбростью, бросился через проход к стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепления, но был отражен превосходными силами неприятеля. Сатир, увидев его в опасности, поспешил на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьем в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв царем всего девять месяцев после смерти отца своего Парисада. Начальник наемников Мениск, сняв осаду, отвел войско в город Гаргазу¹ и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану.

24. Последний, устроив великолепные похороны и, положив тело в царскую гробницу, быстро явился затем в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть. Эвмел завел было через послов переговоры относительно части государства, но Притан не обратил на них внимания и, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Эвмел при помощи варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Эвмел одержал победу над братом и, оттеснив его к перешейку близ Меотийского озера, принудил сдаться на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей, Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Сады, где и был умерщвлен. После смерти братьев Эвмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Удалось спастись от него одному только Парисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку: бежав из города верхом на коне, он нашел убежище у скифского царя Агара. Так как граждане выражали негодование по поводу убийства царем своих родственников, то Эвмел, созвав народ на собрание, произнес речь в свою защиту и восстановил прежний образ правления; кроме того, он согласился на сохранение беспопытности, которою пользовались жители Пантикапей при его предках, обещал освободить всех от податей и говорил еще о многом другом, желая расположить к себе народ. Скоро возвратив благодеяниями прежнее расположение всех граждан, он во все остальное время царствования правил своими подданными согласно с законами и возбуждал к себе не малое удивление своими достоинствами.

25. Он постоянно оказывал услуги византийцам, синопейцам и большинству других эллинов, живших по берегам Понта. Так, когда каллатийцы, осажденные Лисимахом, очутились в бедственном положении вследствие недостатка продовольствия, он принял к себе тысячу человек, удалившихся вследствие недостатка в пище, и не только дал им безопасное убежище, но даже город для поселения, а кроме того

¹ «Такого города я никогда не встречал. Abr. Ortelius спрашивает, не Gerusa ли это Птолема? Не берусь сказать...» (Wesseling). [Gerusa П т о л е м е я, расположенная на реке Псате (V, 8, 24) у юго-восточного угла Азовского моря, локализуется где-то в районе нынешнего Темрюка. Бек, Мюллер и другие отождествляют ее с диодоровой Гаргазой и, следовательно, реку Псат с Фатом (современная Кубань), чему, однако, противоречат сообщаемые Диодором топографические подробности, в частности, поросшие лесом горы у крепости фатеев. Поэтому будет благоразумнее воздержаться от дальнейших сопоставлений. Соображения о локализации битвы при Фате на Кубани см. Kiessling, RE, s. vv. Gargaza, Gerusa].

разделил на участки так называемую Псою и область (Ψόαν καὶ τὴν χώραν)¹. Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с варварскими народами, обыкновенно занимавшимися пиратством, — гениохами, таврами и ахеями², и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния — похвалу не только в своем царстве, но почти по всей вселенной, так как торговые люди *повсюду* разнесли молву об его великодушии. Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую (чем прежде) известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скорострительная смерть не пересекла его жизни. Пробыв на престоле пять лет и столько же месяцев, он скончался от несчастного случая: возвращаясь из Синдики³ в свою землю и спеша к какому-то жертвоприношению, он ехал к дворцу на четверке лошадей; экипаж был четырехколесный и с крытым верхом; лошади чего-то испугались и понесли, а так как возница не смог удержать возжей, то *Эвмел*, опасаясь быть сброшенным в обрыв, попытался спрыгнуть с *колесницы*, но при этом меч его попал в колесо, он был увлечен движением и тут же испустил дух.

26. Относительно смерти братьев Эвмела и Сатира существуют проращения, правда несколько, наивные, но тем не менее принимаемые на веру туземцами. Именно рассказывают, что оракул посоветовал Сатиру остерегаться мыши (μῦς), чтобы она его когда-нибудь не убила. Поэтому Сатир никому из своих подданных, ни рабу, ни свободному, не позволял носить такое имя⁴, кроме того, он боялся и домашних и полевых мышей, постоянно приказывал своим рабам убивать их и замазывать их норы. Таким образом, принимая по возможности все *меры*, которыми он думал предотвратить свой рок, он погиб от раны, нанесенной в мышцу (μῦς) руки. А Эвмелу было предсказано остерегаться несущегося дома; поэтому он никогда не входил в дом сразу, пока его рабы не исследовали *прочности* крыши и фундамента. А когда он погиб от крытого экипажа, везомого четверкой, то каждый стал думать, что предсказание сбылось.

Сказанного о событиях на Боспоре будет достаточно.

XX, 100, 7. Одновременно с этими событиями⁵ умер боспорский царь Эвмел на шестом году царствования; наследовавший *его* власть сын *его* Спартак властвовал двадцать лет⁶.

¹ Слова Ψόαν καὶ τὴν, кажется, испорчены: требуется прилагательное, относящееся к χώρην. Ср., что я написал об этом в ЖМНП, 1894, апрель. [Лисимах осаждал Каллатию — греческий город на западном берегу Черного моря — в 304 г. до н. э. Что касается Псои и области (Ψόαν καὶ τὴν χώραν), то это место в тексте Диодора считается испорченным и, даже если считать поправку Латышева — Θιζυνητικὴν χώραν (см. Починки, стр. 171; ср. А р р., Mithr., 49) удачной, — локализация Псои не ясна. Ср. также Minns, Scythians and Greeks, стр. 579].

² [О названных племенах см. P. S. S y l., §§ 68, 75, 76 и прим. к этим текстам. Гениохи и ахеи должны быть локализованы на кавказском побережье к востоку от Синдики, за пределами Боспорского царства. Слава об этих племенах как о морских пиратах утверждалась еще с догреческих времен, поскольку ахеи греческими авторами упорно связываются с ахейцами Эгейского моря, а в таврах некоторые комментаторы «Одиссеи» хотят видеть потомков мифических лестригонов. Боспорским царям и в более позднее время приходилось предпринимать серьезные действия против морских пиратов, засвидетельствованные эпиграфически (IOSPE, II, 309)].

³ [Порт в одноименной области скифского племени синдов, главный город которых часто идентифицируемый топографами-комментаторами с Синдской гаванью, именовался, может быть, начиная с более позднего времени, Горгиппией (на месте современной Анапы)].

⁴ «Частым некогда было имя Μῦς. Многих, носивших это имя, подобрал А е г. M e n a g i u s к D i o g. L a e r t. X, 3» (Wesseling)».

⁵ Речь идет о событиях года архонта Ферекла в Афинах (см. XX, 91), т. е. ОI. 119, 1=304/3 г. до н. э.

⁶ [Спарток IV, 303—284 гг. до н. э.].

ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ

Ритор и историк, живший при Августе; в 30 г. до н. э. он прибыл в Рим и прожил здесь не менее 22 лет; в 8 г. до н. э. он окончил главное свое сочинение—*Ῥωμαϊκὴ Ἀρχαιολογία*, но долго ли прожил после этого, неизвестно. Кроме названного труда, до нас дошло несколько риторических сочинений Дионисия.

Текст: *Dionysii Halicarnassensis Romanarum antiquitatum quae supersunt Graece et Latine ex rec. Ad. Kiessling et Vict. Prou, Paris, Didot, 1886; [то же ex rec. Carl. Jacobi, Lips., Teubn., 1885—1905.]*.

«РИМСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

(ῬΩΜΑΙΚΗ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΑ)

Перевод А. И. Маленина

I, 26 [Моссиники]... живут в деревянных свайных постройках, высоких, как башни, называя их *моссинами*¹...

I, 89... Племя ахейцев², *живущих* вокруг Понта, само греческого происхождения, теперь самое жестокое из всех варваров.

VII, 70... Это [т. е. неизменяемость отеческих культов] в особенности заметно у варваров по многим причинам, которые теперь не время перечислять; долгий ряд веков до настоящего времени не мог достигнуть, чтобы или кельты, или либийцы, или скифы, или индийцы, или вообще какой-нибудь варварский народ или перестал исполнять, или изменил что-нибудь в культе богов...

XIV, 1. Кельтская страна... соприкасается... со скифским и фракийским племенем со стороны Борея и реки Истра³, который, вытекая с Альпийских гор и *будучи* величайшею из тамошних рек, протекает через весь северный материк и изливается в Понтийское море.

2. Кельтика ... разделяется по середине рекой Рейном, повидимому, величайшей после Истра из европейских рек. *Часть* по ту сторону Рейна, пограничная со скифами и фракийцами, называется Германией; она простирается до Геркинского леса и Рипейских гор⁴...

«СУЖДЕНИЕ ОБ ИСОКРАТЕ»

(ΤΩΝ ΑΡΧΑΙΩΝ ΚΡΙΣΙΣ. ΙΣΟΚΡΑΤΗΣ)

В данном сочинении в гл. XIX приводится целиком начало (§§ 1—7) «Банкирской речи» Исократ (см. выше).

¹ [О моссиниках и их образе жизни см. Xen., Anab., V, 4, 1—3, 8 и прим. к этим текстам].

² [Об ахейцах или ахейцах на Черном море см. прим. к P s. Scyl., § 75 и Did., XX, 25].

³ [Кельтские племена, занимавшие издавна значительные территории по верхнему течению Дуная, в III в. до н. э. распространились по Балканскому полуострову, проникли в Грецию и Малую Азию под именем галатов. Именно к этому времени и относится отмечаемое Дионисием соприкосновение кельтов со скифскими и фракийскими племенами].

⁴ [«Геркинским лесом» у древних географов именуется пространство к северу от верхнего течения реки Дуная. Распространение Дионисием границ германских племен до Рипейских (т. е. обычно Уральских) гор указывает лишь на смутность его представлений о североευропейской географии и этнографии].

ИСИГОН НИКЕЙСКИЙ

По словам Мюллера: «Старше Регина и Сотииона. О времени Регина сказать точно нельзя; если Сотиион, автор *Παρίδοξ*, идентичен действительно с Сотиионом, который был современником Потамона Лесбосского (Plut., Alex., 61), то он должен был жить во времена Тиберия. См. Westermann, Paradox., стр. XLIX. Ему приписываются сочинения: *Ἀπίστα* и *Περὶ Ἑλληνικῶν θεῶν*».

Собрание отрывков: Müller, FHG, IV, 435—437; Isigoni Nicaeensis de rebus mirabilibus breviarium ex codice Vaticano nunc primum ed. Erw. Rohde, Acta societatis phil. Lipsiensis ed. Fr. Ritscheli us, t. I, Lips., 1882, стр. 25—24.

«НЕВЕРОЯТНЫЕ СКАЗАНИЯ»

(ΑΠΙΣΤΑ)

XIV. Гераклит говорит, что ни одна птица не перелетает через озеро в земле савроматов, а приблизившаяся умирает от запаха¹...

XXIX. Женщины савроматов не выходят замуж, если раньше не убьют врага².

XLIX. Из числа скифов так называемые андрофаги³ пьют из человеческих черепов, а кожу с головы врагов обрабатывают и делают из нее полотенца. С остального туловища сдирают кожу вместе с ногтями и сбрасывают на лошадей⁴.

L. Савроматы через каждые три дня наедаются до пресыщения; женам во всем повинуются и сами носят женское платье. Если кто из врагов прибежит к огню на очаге и замазает лицо угольями, то уже не обижают его, как домочадца. Девуцу не прежде выдают замуж, чем она убьет врага⁵.

LXV, 1. Лигийцы⁶ сбрасывают с утесов своих родителей, когда они за старостью перестают быть полезными. 2. Царь их по смерти друга отрезает у него небольшую часть уха, по кончине более близкого лица отрезает больше, а когда умрет наиболее преданный из всех, [то целое ухо]⁷.

¹ Ср. Call., 100 f, 26; Antig. Car., 152; Sotion, 22.

² [Ср. об обычаях савроматских женщин Hipp., de aër., aq., loc., 24].

³ [Андрофаги—людоеды. Об исседонском и массагетском обычае пить из черепов ср. Нег., IV, 26. Племенное наименование андрофаги (антропофаги), вероятнее всего, возникло не на почве людоедства у этого племени, а просто по фонетическому сходству скифского имени с греческим словом *ἀνδρῶφάγοι*; подобные случаи (см. прим. к Нег., IV, 18) известны применительно к Скифии и подмечены наукой].

⁴ Ср. Plin., NH, VII, 2, 12: «Об антропофагах-людоедах, живущих, как мы сказали, на десять дней пути выше реки Борисфена к северу, Исигон Никейский пишет, что они пьют из человеческих черепов, а кожи вместе с волосами носят на груди в виде полотенца. Он же рассказывает, что в Албании рождаются люди с серосиними глазами, с самого детства седые и ночью видящие лучше, чем днем. Он же передает, что савроматы, живущие на десять дней пути выше Борисфена, постоянно принимают пищу через два дня на третий».

⁵ Ср. Plin., NH, VII, 2, 12; Nic. Dam., 16.

⁶ [Имя лигийцев-лигуров, народа северозападной Италии, переносится в данном случае на некое кавказское племя, отождествляемое с левкосирами, они же лигии. Подобное отождествление, основанное, видимо, лишь на фонетическом сходстве имен, допустил впервые, может быть, еще Эсхил в «Прикованном Прометее». См. Stérh. Byz., s. v. Κόττ.]

⁷ «Нечто подобное о таврах, скифском племени, рассказывает Николай Дамасский (19), и я не сомневаюсь, что переписчик, неразумно опустив то, что предшествовало, заставил нашего автора рассказывать о лигурах то, что говорилось о скифах» (Rohde). Он же [Rohde] указывает в конце лакуну, считая, что выпало *ὅτι τῶν*.

LXVI. Некоторые скифы разрезают умершего на части, солят и сушат на солнце, а затем, нанизав мясо на шнурок, вешают себе на шею и при встрече с кем-либо из друзей берут нож, отрезают мясо и дают *ему*, делая это до тех пор, пока не издержат всего *мяса*.

СОТИОН

Один из числа *πρὸδοξογράφοι*. Тождество его с философом-перипатетиком, автором сочинения о преемстве философов, а также с упоминаемым у Плутарха (Alex., 61) историком сомнительно¹.

Текст: ΠΑΡΑΙΟΞΟΓΡΑΦΟΙ. *Scriptores rerum mirabilium Graeci*, ed. A. Westermann, Brunsv., 1839, стр. 183—191; ср. стр. XLIX

«ОТДЕЛЬНЫЕ ЧУДЕСНЫЕ СКАЗАНИЯ О РЕКАХ, ИСТОЧНИКАХ И ОЗЕРАХ»

(ΤΩΝ ΣΠΟΡΑΔΗΝ ΠΕΡΙ ΠΟΤΑΜΩΝ ΚΑΙ ΚΡΗΝΩΝ ΠΑΡΑΙΟΞΟΔΟΓΟΥΜΕΝΩΝ).

22. Гераклид Понтийский² говорит, что в *земле* савроматов есть озеро, в которое падают летающие вокруг него птицы³.

35. Фаэтон⁴ говорит, что река на Боспоре так холодна, что ни одно животное не выносит ее холода.

ГЕРАКЛИТ

Которому из писателей, носивших имя Гераклита, принадлежит сочинение *Περὶ ἀπίστων*, остается неизвестным. По общему характеру сочинение это относят ко временам Августа. См. Christ, *Gesch. d. Griech. Litt.*⁴, стр. 807—808.

Текст: ΜΥΘΟΓΡΑΦΟΙ. *Scriptores poeticae historiae Graeci*, ed. Westermann, Brunsv., 1843, стр. 313—320.

«О НЕВЕРОЯТНЫХ СКАЗАНИЯХ»

(ΠΕΡΙ ΑΠΙΣΤΩΝ)

XXIV. О Гелле и Фриксе. Когда Гелла и Фрикс хотели избежать козней своей мачехи Ино, их педагог, по имени Крий, зимой бежал с ними на маленьком судне. Случилось *так*, что Гелла упала в море, откуда и получил название Геллеспонт, а к спасшемуся Фриксу

¹ По мнению Susemihl'я (*Gesch. d. Alex. Litt.*, I, стр. 480, прим. 118), Н. Stephanus ошибочно приписал эти извлечения, сохранившиеся во флорентийской рукописи, Сотиюну, тогда как они принадлежат к тому же сочинению Исигона Никейского, из которого другой ряд извлечений сохранился в Ватиканской рукописи. Ср. Christ, *Gesch. d. Griech. Litt.*⁴, стр. 763, прим. 1.

² [О Гераклиде Понтийском, авторе сочинения «О государствах», см. выше, введение к отрывку из него, а также Strabo, II, 3, 3—5; XII, 3, 1].

³ [Ср. это же свидетельство со ссылкой на Гераклида Понтийского, через Каллимаха, выше, Ant. Cat., *Hist. mir. coll.*, CLII (167), где речь идет о некоем озере в Сарматии, от запаха воды которого гибнут пролетающие над ним птицы. Рационалистическим основанием для этого сообщения могло бы послужить известие о каком-либо из небольших озер-кратеров сопок на Таманском полуострове, источающем сернистые или какие-нибудь другие душливые испарения].

⁴ Φλίγων вместо Φαέθων с сомнением предложил Westermann (стр. XLIX). [Ср. прим. Müller'a к Philosteph., fr. 26, где также приводится вышецитированный отрывок].

воспылал страстью Ээт; с Крия, препятствовавшего *желаниям Ээта* и старавшегося сохранить Фрикса невредимым, была содрана кожа и прибита гвоздями к *дереву*; золотой же она была названа потому, что он был беззаветно предан *Фриксу*¹.

НИКИЙ НИКЕЙСКИЙ

«Никий из Никеи написал свои *Διδασκαλὶ τῶν φιλοσόφων* после аналогичного сочинения Сотиона, которое он многократно и с похвалой приводит. Трудно более точно установить его время; возможно, что оно падает на время первых императоров» (Susemihl, *Gesch. d. Alex. Litt.*, I, 105). Christ (*Gesch. d. Gr. Litt.*⁴, 737) относит его ко временам Нерона.

Собрание отрывков: Müller, *FGH*, IV, 464.

«ПРЕЕМСТВО ФИЛОСОФОВ»

(ΦΙΛΟΣΟΦΩΝ ΔΙΑΔΟΧΑΙ)

Фр. 5 см. *Ath.*, XIII, 591 f.

ФИЛИПП ФЕССАЛОНИКИЙСКИЙ

Поэт, с именем которого до нас дошло более 80 эпиграмм в «Антологии», жил в первой половине I в. н. э. См. о нем Christ, *Gesch. d. Griech. Litt.*⁴, 643—644.

«ЭПИГРАММА»

(ΕΠΙΓΡΑΜΜΑ)

Anth. Pal., IX, 561 (издание Jacobs' a, II, 199 = издание Dubner' a, II, 114 = издание Stadtmüller' a, III, 1, стр. 576). Какая пустынная, не озаряемая солнцем скала северной Скифии породила тебя, дикая лоза? Или *тебя произвели* всегда покрытые облаками ледяные Альпы и почва железозносной Иберии?

ФИЛОН ИУДЕИ

Уроженец города Александрии, жил в первой половине I в. н. э. (в 39 г. н. э. стоял во главе посольства в Риме от иудейской общины города Александрии) и был главным представителем иудейско-эллинской философии. До нас сохранилась значительная часть из его многочисленных сочинений.

Текст: Philonis Alexandrini opera, quae supersunt, L. Cohn und P. Wendland, 8 томов, 1896—1915.

Извлечения и перевод А. И. Маленна

«О ПЬЯНСТВЕ»

(ΠΕΡΙ ΜΕΘΗΣ)

§ 42. Говорят, что в *стране скифов*, называемых гелонами², встречается, хотя и редко, весьма удивительное животное, называемое тарандом, величиной не уступающее быку, а по форме головы

¹ [Для суждения о рационалистическом смысле этой версии мифа о Фриксе ср. выше P. s. A. pollod., *Bibl.*, I, 9, 1, 6. Подобные же рационалистические мотивы истолкования мифа об аргонавтах см. в схол. к A. poll. R. hod., IV, 177].

² [О гелонах, (гелоях—Wendland) племени не скифском, см. Нег., IV, 108 сл.].

весьма похожее на оленя. По слухам, оно всегда меняет *цвет своей* шерсти соответственно местностям, деревьям, и вообще всему, к чему приближается, так что вследствие сходства цвета укрывается от встречных и более благодаря этой *особенности*, чем телесной силе, недоступно для охотников¹.

«О ТОМ, ЧТО СНОВИДЕНИЯ ПОСЫЛАЮТСЯ БОГАМИ»

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΘΕΟΠΕΜΠΤΟΥΣ ΕΙΝΑΙ ΟΝΕΙΡΟΥΣ)

II, 8 ... скифы, в стране которых месторождение благовоний...

«О ЖИЗНИ МОИСЕЯ»

(ΠΕΡΙ ΒΙΟΥ ΜΟΥΣΕΟΥΣ)

II, 4... и в варварских странах египтяне не следуют обычаям скифов и скифы—египтян.

«О ДОБЛЕСТИ И ПОСОЛЬСТВЕ К ГАЮ»

(ΠΕΡΙ ΑΡΕΤΗΣ ΚΑΙ ΠΡΕΣΒΕΙΑΣ ΠΡΟΣ ΓΑΙΟΝ)

... И племена сарматов и скифов, которые дики не менее германских племен.

«О ПРОВИДЕНИИ»

(DE PROVIDENTIA)

Три книги, переведенные с армянского языка [на латинский] Aucher'ом

I, 85. Если племена скифов, помимо обычаев иудеев, живут по своим особым законам и правилам и допустили постыдное кровосмешение с матерью, и скифы передали это своим детям и потомкам, так что с течением времени этот обычай принял силу закона,—то где уже круг зодиака, где течение звезд? Ведь, хотя происхождение всех не одинаково, однако все приняли один и *тот же* образ жизни.

ФИЛИПП ТЕАНГЕЛИЙСКИЙ

Уроженец карийского города Теангел, автор сочинения *Κερικά*.
Собрание отрывков: Müller, FHG, IV, стр. 474.

Упоминается у Плутарха (Alex., 46)² в связи с амазонками.

ФИЛОН ФИВАНСКИЙ

Неизвестный писатель, упоминаемый в числе историков Александра Великого. Ср. Müller, SRAM, стр. 49 и FHG, III, стр. 560, прим.

Упоминается у Плутарха (Alex., 46) среди тех писателей, которые отрицают, что царица амазонок приходила к Александру.

¹ [Аналогичный рассказ о таранде (тарандре—Wendland) см. выше, Arist., de mir. ausc., 30 (и прим. к этому тексту), а также, Theophr., de aq., fr. 172].

² «Впрочем, нет причин думать, что Филиппом было написано отдельное сочинение об Александре, так как в «Карика» едва ли могло отсутствовать упоминание об амазонках» (Müller, FHG, IV, 474).

ДИОСКОРИД

Врач Педаний Диоскорид, уроженец города Аназарба в Киликии, жил в I в. н. э. До нас дошло главное его сочинение—*Περὶ ὕλης ἰατρικῆς* в 5 книгах.

Текст: *Medicorum Graecorum opera quae exstant*, ed. K ü h n, тт. XXV—XXVI, 1829, где сочинение Диоскорида издано Шпренгелем.

«О ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЯХ»

(ΠΕΡΙ ὙΛΗΣ ΙΑΤΡΙΚΗΣ)

Извлечения и перевод А. И. Малеина

I, 2 (K ü h n, XXV, 11.). Различается *акор*¹ густой и белый, не съедобный, с сильным приятным запахом. Таков *вид его*, называемый в Колхиде и в Галатии сплением.

I, 14. Самый лучший *аом*—армянский, золотистого цвета, с желтоватой древесиной и довольно приятным запахом. А понтийский *аом*—желтоватый, не длинный и не крепкий на излом, гроздовидный, полный плодов и с одуряющим запахом².

III, 1 (K ü h n, XXV, 338). Агарик³—корень, похожий на сильфий [гладыш], но не густой на поверхности, как сильфий, а весь редкий..., родится в Агарии в Сарматии⁴.

IV, 84 (K ü h n, XXV, 581). Колхик: одни называют его поденкой, другие—диким луком... родится в наибольшем количестве в Мессении и Колхиде.

КЛЕОМЕД

Математик I в. н. э., от которого сохранилось сочинение *Κολχικῆς θεωρίας μετεώρων βιβλία δύο*.

Текст: *Cleomedis de motu circulari corporum caelestium libri duo*, ed. H. Ziegler, Lips., Teubn., 1891.

Извлечения и перевод А. И. Малеина

«КРУГОВОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ»

(ΚΥΚΛΙΚΗ ΘΕΩΡΙΑ ΜΕΤΕΩΡΩΝ)

II, 1, 84—85 (Ziegl., стр. 154)... И вообще само *солнце* служит причиной почти всего разнообразия на земле, так как земля в некоторых поясах имеет большое различие. Можно, например, заметить разницу

¹ [Вид камыша].

² [Травянистое растение, близкое к инбирю; плоды его, у некоторых разновидностей напоминающие перец, употребляются в качестве пряности].

³ [Род гриба, употреблялся в древней медицине как средство от ожога и как кровоостанавливающее. Неоднократно упоминается у Галена и Плиния].

⁴ [Название этого растения связывается, несомненно, с наименованием реки Агара (P t o l., III, 5, 4), отождествляемой с современной рекой Берда у Бердянской косы, близ Азовского моря. С этим наименованием связывается и в связи с ним локализуется также скифское племя агары и местность Агария на западном побережье Меотиды, где, по известию, переданному А п п и а н о м (Mithr., 88), змеиный яд употребляется в качестве средства для излечения ран. С этой топонимикой и с ее локализацией вяжется также сообщение Д и о д о р а (XX, 24) о Перисаде, сыне Сатира, бежавшем от Эвмела и нашедшем убежище у скифского царя Агара].

сведений о Ливии, Скифской земле и Меотийском озере, ибо и животные, и плоды, и все вообще произведения и особенности климата весьма различествуют в *этих странах*...

88 (Ziegler, стр. 160)... По существующим сведениям летняя ночь в Мероэ в Эфиопии длится одиннадцать часов... на Геллеспонте—девять, а на Меотиде—семь.

КСЕНОКРАТ

Врач, уроженец города Афродисиады, жил, вероятно, в I в. н. э. От него сохранилось небольшое сочинение *Περὶ τῆς ἀπὸ τῶν ἐνὸνδρων τροφῆς*.

Издание: I. Lud. Ideler. *Physici et medici Graeci minores*, т. I, Berol., 1841, стр. 21—133.

«О ПИЩЕ ИЗ ВОДЯНЫХ ЖИВОТНЫХ»

(ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΑΠΟ ΤΩΝ ΕΝΥΔΡΩΝ ΤΡΟΦΗΣ)

XIX, 44. Самые лучшие *морские* гребни¹ большие, полые, черноватого цвета. В Понте они водятся в изобилии, но короткие и плохо растущие.

XXIV, 65. Мелкая пеламида² водится в Меотиде; она вкусна, удобоварима и удобовыделяема.

66. Кубиком *называется* пеламида, через сорок дней возвращающаяся из Понта в Меотиду; она вкусна и сочна.

АНТОНИЙ ДИОГЕН

Жил, вероятно, в I в. н. э. Его романический рассказ сохранился в извлечении Фотия, *Bibl. cod.*, 166 [и у Порфирия в жизнеописании Пифагора].

Текст: *Erotici scriptores Graeci*, rec. R. Hirschner, т. I.

«О ЧУДЕСАХ ЗА ТУЛЕ (24 КНИГИ)»

(ΤΩΝ ΥΠΕΡ ΘΟΥΑΝΣ ΑΝΙΣΤΕΣ ΔΟΓΟΙ ΚΑ΄)

2. В *рассказ* вводится *некто* по имени Диний, из любознательности отправившийся путешествовать из отечества вместе с сыном *своим* Демохаром. Через Понт и *затем* от Каспийского и Гирканского моря³ они прибыли к *так* называемым Рипейским горам⁴ и устью реки Танаиса⁵, затем вследствие сильной стужи повернули к Скифскому океану⁶,

¹ [Гребневики (ребровики) или ктепофоры—морские животные класса кишечно-полостных].

² [Пеламида—тунец, о ловле которого в древности в бассейне Азовского и Черного морей см. еще Strabo, VII, 6, 2].

³ [Об употреблении этих двух наименований применительно к Каспийскому морю см. Strabo, XI, 1, 7 и прим. к этому месту].

⁴ [См. о них Strabo, VII, 3, 1 и прим., а также схол. к Soph., Oed. Col., 1248 и прим].

⁵ [Имеется в виду северное устье реки Танаиса, о котором сообщал в описании своих путешествий (в «Перипле») Питей из Массилии, живший в середине IV в. до н. э. (см. Strabo, III, 4, 4)].

⁶ [«Скифский», или иначе Северный, океан, называвшийся также Амальхийским (см. выше, Нес. Abd., de Nurelbor., fr. 6a). Представления о нем были связаны с реальными, но смутными сведениями о Балтийском и Немецком морях].

достигли даже восточного океана¹ и очутились у восхода солнца, а оттуда объехали кругом внешнее море в течение долгого времени и среди разнообразных приключений... Они прибыли и на остров Туле² и здесь на время остановились в своих странствиях.

В § 6 извлечения Фотия упоминается о гетах и Замолкисе.

ПАМФИЛ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

Грамматик, живший в середине I в. н. э., автор энциклопедического словаря *Περὶ γλωσσῶν ἥτοι λέξεων* в 95 книгах, впоследствии сокращенного Вестином и затем Диогенианом в 5 книг, с дополнением под названием *Λεξικόν*. См. Christ, *Gesch. d. Griech. Litt.*⁴, стр. 790.

«ОБ ИМЕНАХ И ГЛОССАХ»³

(ΠΕΡΙ ΟΝΟΜΑΤΩΝ ΚΑΙ ΓΛΩΣΣΩΝ)

Фр. см. Ath., IX, 38.

ФИЛИПП ХАЛКИДСКИЙ

Упоминается у Плутарха (Alex., 46). «Нигде в другом месте я не нахожу упоминания о Филиппе Халкидском. Некого Филиппа συγγραφεύς⁴ а мы находим в числе собеседников у Плутарха (de def. or., р. 418 A). Он говорит, что слушал ратора Эмилиана (расцвет деятельности которого был при Тиберии), сына грамматика Эпитерса, которого называет «своим согражданином» (р. 419 A). Эпитерс был вифинцем из Никеи (см. Steph. Byz., s. v. Νικήα). Если же этот Филипп тождествен с нашим, можно думать, что он был тоже вифинцем из Халкедона, а слова Χαλκηδόνιος и Χαλκιδεύς спутаны как в других местах, так и у Плутарха» (Müller, FHG, IV, стр. 475).

См. Plut., Alex., 46 о встрече Александра с амазонками.

ЛУЦИИ АННЕЙ КОРНУТ

Философ стоической школы, учитель и друг римского сатирика Персия, жил в Риме до времен Нерона, которым был изгнан под предлогом участия в заговоре Пизона. Сохранилось его сочинение на греческом языке под приводимым ниже заглавием.

Текст: Cornuti Theologiae Graecae compendium, rec. et emend., Car. Lang, Lips., Teubn., 1881.

Перевод В. В. Латышева

«ОБЗОР ПРЕДАНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЭЛЛИНСКОЙ ТЕОЛОГИИ»

(ΕΠΙΔΡΟΜΗ ΤΩΝ ΚΑΤΑ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΚΗΝ ΘΕΟΛΟΓΙΑΝ ΠΑΡΑΔΕΔΟΜΕΝΩΝ)

21 (р. 41 L.)... Говорят, что Арес⁴ в особенности почитается фракийцами, скифами и подобными им народами, у которых пользуется почетом упражнение в военном деле и неуклонная справедливость...

¹ [Восточным океаном именовался в древности Индийский океан, в который, еще по мнению географов эпохи Александра Македонского, существовал открытый и прямой водный путь из Каспийского моря].

² [Сказочный остров Туле, в шести днях пути к северу от Британии (Касситеридских островов), где якобы побывал в своих путешествиях Питей (ср. Strabo. I, 4, 2) и который отождествляется с современной Шотландией или даже Исландией].

³ Заглавие приведено у Афиней не вполне точно.

⁴ [О культе Ареса у фракийцев и скифов см. Нег., IV, 62; V, 7].

ФЛАВИЙ ИОСИФ

Родился около 37 г. н. э. и принадлежал к видному иудейскому жреческому роду, приходясь по матери родственником Маккавеям. В 63 г. впервые прибыл в Рим и затем долго жил там при Веспасиане, Тите и Домициане. Главные его сочинения: *Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου* в 7 книгах, *Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία* в 20 книгах (написана в 93 г.), *κτὰ Ἀπίωνος*, 2 книги (94—95 гг.) и др.

Текст: *Flavii Josephi opera omnia*. Post Imm. Bekkerum recogn. Sam. Adg. Naber, mm. I—II, Lips., Teubn., 1888—1893 (в вышедших 4-х томах содержится *Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία* и автобиография Иосифа). Для остальных сочинений: *Fl. Josephi; opera omnia ab Imm. Bekkerō recognita*, тт. V—VI, Lips., 1853). Критическое издание: *Flavii Josephi opera* (Niese), 6 томов, 1896.

Извлечения и перевод А. И. Малеина

«ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

(ΙΟΥΔΑΙΚΗ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΑ)

I, 6, 122... у Ноева сына Иафета было семь сыновей; они заселили Азию, начиная от гор Тавра и Амана¹, и распространились в Азии, до реки Танаиса и в Европе до Гадир²... (123)... Магог поселил названных по его имени магогов, которых эллины называют скифами³.

XVIII, 4, 96—100. И Тиберий⁴ отправляет письмо к Вителлию⁵ с поручением заключить дружбу с царем парфян Артабаном⁶ (ибо его пугало, что тот принесет больше вреда, так как он был уже врагом и занял Армению), но верить дружбе только *под тем условием*, если будут даны ему заложники и преимущественно сын Артабана. (97). Когда Тиберий писал это Вителлию, он большими суммами денег склонял царей иберского и албанского не задумываться воевать с Артабаном. Но те сами не согласились *воевать*, а направляют на Артабана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота. (98). *Таким образом* и Армения была снова отнята у Артабана и, так как земля парфян служила театром войны, лучшие из местных жителей были перебиты, все

¹ [О горном хребте Тавре см. *Strabo*, XI, 1, 2; Аман—ответвление Тавра к Исскому заливу, отделяющее Сирию от Киликии и Каппадокии (современный Алмадаг)].

² [Т. е. до Гадеса (современного Кадикса) на испанском берегу, западнее Гибралтара].

³ [Магог в Библии (Быт., X, 2)—один из сыновей Иафета; племя, олицетворяемое им, локализуется между Гомером, отождествляемым с киммерийцами, и Мадаем, отождествляемым с персами (мидянами)—следовательно, в области Кавказа и к северу от него. Со скифами отождествляет Магога или магогов один лишь Флавий Иосиф, основывающийся, повидимому, на словах пророка Иезекииля (XXXVIII, 2), который изображает Магога воинственным и диким народом севера, вторгнувшимся в Палестину. Основанием для подобного отождествления мог послужить и рассказ Геродота (I, 103; IX, 11) о нашествии скифов на Сирию, произошедшем при царе Иосии. На эту мысль наводит ссылка Иосифа на эллинов, отождествляющих якобы магогов с скифами].

⁴ [Римский император, 14—37 гг. н. э.].

⁵ [Луций Вителлий—отец императора Авла Вителлия, был консулом с 34 г. н. э. а затем правителем Сирии; к этому времени и должно относиться упоминаемое Иосифом письмо о заключении мира с парфянами—дипломатическая миссия, которую Вителлий выполнил успешно. См. *Dio*, LIX, 27; *Tac.*, *Ann.*, XI, 1—3; XII, 42].

⁶ [Артабан III, вступивший на парфянский престол около 16 г. н. э., поставил своего сына Арсака во главе Армении и предпринял враждебные действия против римлян. Тиберий, опираясь на подчиненные Артабану, но недовольные им племена, назначил на парфянский престол Тиридата, которого и утвердил во власти Вителлий, перейдя Евфрат в 36 г. н. э. Позднее Артабан добился реставрации своей на парфянском престоле. См. *Tac.*, *Ann.*, II, 58; VI, 31 сл.; *Dio*, LVIII, 26].

⁷ [О Каспийских воротах см. *Strabo*, XI, 1, 7, и прим. к этому месту].

у них было опустошено, и сын царя пал в одном из этих сражений со многими мириадами¹ войска...

(100)... И *Вителлий*, собрав после этого большое войско даев² и саков и победив противящихся, занял область³.

XX, 4, 91... Изат⁴ таким образом со слезами и рыданиями молился Богу, и Бог услышал его: в ту самую ночь, в которую он так молился, Вологес⁵, не добившись успеха, удалился вспять, получив письмо, в котором было написано, что большой отряд даев и саков, воспользовавшись его отсутствием, вторгнулся в Парфию и грабит ее. Таким образом, Изат по промыслу божии избегает угроз парфянского царя.

«О ВОЙНЕ ИУДЕЙСКОЙ»

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΙΟΥΔΑΪΚΟΥ ΠΟΛΕΜΟΥ)

II, 16, 4⁶. Зачем говорить о гениохах⁷ и колхах⁸, о племени тавров⁹, боспорцах¹⁰ и живущих вокруг Понта и Меотиды народах, которые раньше не признавали даже и собственного владыки, а теперь держатся в подчинении тремя тысячами гоплитов, и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море...

VII, 4, 3. Одновременно с упомянутым выше восстанием германцев¹¹ до римлян дошло *известие* о скифской дерзости. Те из скифов, которые зовутся сарматами¹², в большом числе тайно переправились через Истр в Мезию¹³ и потом, обрушившись с большой силой, вследствие совершенной неожиданности нападения, убивают многих из римлян, стоявших гарнизоном, и умерщвляют выступившего *и.м.* навстречу и храбро сражавшегося консульского легата Фонтя Агриппу¹⁴; *они* пронеслись по всей побежденной стране, уводя и унося все, с чем ни встречались. Веспасиан¹⁵, узнав о случившемся и разграблении Мезии, отправляет Рубрия Галла¹⁶ наказать сарматов; при его нападении многие из них были убиты в сражениях, а оставшиеся со страхом убежали в свою *страну*. Положив конец этой войне, полководец позаботился и о безопасности на будущее время: именно, окружил место большими численностью и составом гарнизонами, чтобы для варваров переход был совершенно невозможен.

¹ [Мириада—10 000].

² [О восточноскифском племени даев и о даях, как о собирательном имени для целого ряда закаспийских племен, см. Strabo, VII, 3, 12; XI, 7, 1; 8, 2; 9, 3].

³ В 36 г. н. э. Об этих событиях ср. Момизен, Римская история, V, стр. 367 (русский перевод).

⁴ [Изат II, царь Адиабены (области Ассирии, подчиненной парфянским царям), сын Монобаза I, царствовал в середине I в. н. э. См. о нем и подробно о затрагиваемом в тексте отрывке эпизоде Ios., Ant. Iud., XX, 17—95; Та с., Ann. XII, 13 сл.].

⁵ [Вологес I, парфянский царь, 54—88 гг. н. э.].

⁶ Из речи Агриппы к иудеям.

⁷ [О гениохах см. Strabo, XI, 2, 1 и прим. к этому месту].

⁸ [О колхах см. Her., II, 103 сл. и прим. к этому месту].

⁹ [О таврах см. Her., IV, 103 сл. и прим.; ср. Strabo, VII, 4, 2 и 3].

¹⁰ [Имеются в виду скифо-сарматские племена азиатской части Боспорского царства, о которых см. Strabo, XI, 2, 11 сл.].

¹¹ В начале царствования Веспасиана. См. Момизен, Римская история, V, стр. 193 (русский перевод).

¹² [О сарматских племенах см. прим. к Ps.-Scyl., § 68].

¹³ [Область на нижнем Дунае, соответствующая территории современной Болгарии и частично Югославии, римская провинция с первых лет н. э.].

¹⁴ [Consul suffectus 58 г. н. э. вместе с Валерием Мессалой Корвином].

¹⁵ [Римский император, 70—79 гг. н. э.].

¹⁶ [Consul suffectus при Нероне. В Мезию был назначен в 70 г.].

VII, 7, 4. Мы раньше объяснили¹, что племя аланов² есть *часть* скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера. В это время, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем гирканов, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл им доступ, *аланы*, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор³, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотней талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, производя грабеж с большою легкостью и без сопротивления, *они* дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат⁴, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен во время самого боя; именно, некто издала набросил ему на шею аркан и готовился *уже* притянуть его, если бы он не успел убежать, перерубив мечом веревку. Аланы, еще более рассвирепевшие вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств.

«ПРОТИВ АПИОНА»

(ΚΑΤΑ ΑΠΙΩΝΟΣ)

II, 37... Скифы, находящие удовольствие в человеческих убийствах и немногим отличающиеся от зверей, все же считают нужным хранить свои *обычаи* и *поэтому* убили возвратившегося к ним Анахарсиса⁵, мудрости которого удивлялись эллины, так как он показался по возвращении вполне преданным эллинским обычаям⁶.

ПТОЛЕМЕЙ, СЫН ГЕФЕСТИОНА

«Птолемей Хенн жил, по указанию Свида, во второй половине I ст. и был автором «Сфинкса», мифологическо-грамматической драмы, затем эпоса 'Ανδροτρος в 24-х рапсодиях, затем Πράδοξος ἱστορίαι и Κλυῖ ἱστορίαι. Последняя, которую широко использовали Евстафий и Цец, состояла из 6 (?) книг и известна нам ближе из извлечения Ф о т и я (Bibl. cod., 190). По его известиям, она распространялась о всяких возможных и невозможных вещах сказочного мира и сообщала большое количество не известных по другим источникам мифов со ссылками на писателей, о которых по большей части мы нигде не имеем сведений» (Christ, Gesch. d. Griech. Litt.⁴, стр. 792).

Текст: ΜΥΘΟΓΡΑΦΟΙ. Scriptores poeticae historiae Graeci, ed. Westermann, 1843, стр. 182—192.

¹ Других упоминаний об аланах в этом сочинении Иосифа не имеется. Описываемые события относятся к 68 г. См. М о м м з е н, Римская история, V, стр. 84 (русский перевод).

² [Об аланах, собирательном наименовании для северокавказских племен, распространявшихся к востоку и к западу в первые века н. э., см. прим. к Strabo, VII, 2, 4].

³ [Пакор II, наследовал парфянский престол брату своему Вологесу I и был царем Парфии при Домициане и Траяне].

⁴ [Тиридат I, брат Вологеса I, посаженный им на престол Армении в последние годы царствования императора Клавдия, изгнанный в 58 г. оттуда римлянами, но получивший армянскую корону обратно из рук императора Нерона в 66 г. н. э.].

⁵ [Об Анахарсисе см. в подробностях Нег., IV, 76 сл.].

⁶ [Кроме того, в книге «Против Апиона», I, 22 цитируются слова Геродота (II, 103) об обрезании колхов].

«НОВАЯ ИСТОРИЯ (В 7 КНИГАХ)»

(ΚΑΙΝΗ ΙΣΤΟΡΙΑΣ ΔΟΓΟΙ Ζ')

Книга II [повествует]..., как Геракл построил корабль Арго на фессалийской горе Оссе и дал ему имя от Арга, сына Язонова, который был его любимцем и из-за которого он принял участие в плавании Язона в Скифии¹...

Книга IV [повествует]..., что некоторые говорят, будто Елена, прибывшая с Менелаем к таврам в Скифию на поиски Ореста, была принесена Ифигенией вместе с Менелаем в жертву Артемиде²...

Книга VII... [говорят], что и фанагориец Булагор, полюбив флейтиста Диодора, бросился со скалы и убили, будучи уже стариком³...

ПЛУТАРХ

Известный историк и философ, уроженец беотийского города Херонеи, родился около 46 г. н. э., умер после 120 г., автор «Сравнительных жизнеописаний» и сочинений разнородного содержания, сборник которых известен под общим именем 'Hδixi.

Текст: 1) Plutarchi vitae parallelae, iterum recogn. C. Sintenis, Lips., Teubn., 5 томов; 2) Plutarchi Chaeronensis Moralia, recogn. Greg. N. Bernardakis, Lips., Teubn., 1886, 6 томов.

«СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»

(ΒΙΟΙ ΠΑΡΑΛΛΗΛΟΙ)

«ПЕРИКЛ»

(ΠΕΡΙΚΛΗΣ)

XX... Перикл, вступив в Понт с большим и прекрасно снаряженным флотом, для эллинских городов выполнил все, о чем они просили, и вообще отнесся благосклонно, а окружающим варварским племенам и их царям и династам показал величину могущества афинян, бесстрашие и смелость, с которыми они плавали, куда хотели, и подчинили себе все моря⁴...

«АЛЕКСАНДР [ВЕЛИКИЙ]»

(ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ)

XLIV. [После смерти Дария Александр] с отборнейшими силами вступил в Гирканию; увидев морской залив, показавшийся не меньше Понта, но имевший более пресную воду, чем в других морях, Александр не мог узнать о нем ничего определенного и предположил, что это скорее

¹ [Корабль Арго («быстрый», см. Wilamowitz-Möller, Griechische Tragödien, III, 1910, стр. 168), по более распространенной версии мифа, строен не Гераклом, а Язоном, и имя его происходит от Арга, сына Фрикса, о котором см. Aroll. Rhod., II, 1135 сл.). Скифию в данном случае надо понимать расширительно, как у Aesch., Prom. vinct., 2].

² [Елена известна на Черном море и из других источников, но в качестве спутницы не Менелаем, а Ахилла (Paus., III, 19, 11); в этом случае она выступает как ипостась Ифигении или самой Артемиды, о культе которой у тавров см. выше, Eur., Iph. Taur., прим.].

³ [Фанагориец Булагор ближе не известен. Мотив самоубийства на любовной почве, посредством падения со скалы, известен, в частности, в легенде о поэтессе Сафо и Фаоне и связан с культом Аполлона (ср. Cic., Tusc. IV, 18, 41)].

⁴ По мнению Дункера, эта экспедиция была совершена весной или летом 444 г. до н. э. См. M. Düncker, Des Perikles Fahrt in den Pontus, SPAW, 1885, II, стр. 553 сл. Ср. его же, Geschichte des Altertums, IX, 1886, стр. 95 сл., и Латышев, Исследование об истории и государственном строе Ольвии (СПб., 1887, стр. 45 сл.).

всего разлив Меотийского озера. Однако естествоиспытатели знали правду и уже за много лет до похода Александра объяснили, что это так называемое Гирканское или Каспийское море есть самый северный залив из числа четырех, вдающихся *в сушу* от внешнего моря¹...

XLV. Оттуда двинувшись в Парфию... и переправившись через реку Орексарт, которую он принял за Танаис, он разбил скифов и преследовал их на расстоянии ста стадиев, несмотря на страдания от поноса...

XLVI. Здесь прибыла к нему царица амазонок, как говорит большинство *писателей*, в том числе Клитарх, Поликлит, Онесикрит, Антиген и Истр; а Аристокл, докладчик Харес, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский и Филипп Теангелийский и вместе с ними Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский и Дурис Самосский² называют это вымыслом. Их мнения подтверждает, повидимому, и *сам* Александр: все подробно описывая Антипатру, он говорит, что скифский царь предлагал ему в замужество свою дочь, а об амазонке не упоминает³. Говорят, что много лет спустя, уже в царствование Лисимаха, Онесикрит читал ему свою четвертую книгу, в которой было написано об амазонке; Лисимах, тихо улыбувшись, сказал: «А где тогда был я?» Впрочем, ни тот, кто не верит этому, не будет меньше удивляться Александру, ни верящий—больше⁴.

«ДЕМЕТРИЙ ПОЛИОРКЕТ»

(ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ)

XIX... Скифы во время попок и опьянения щиплют тетивы луков, как бы призывая ослабляемое удовольствием мужество⁵...

«КЛЕОМЕН [III]»

(ΚΛΕΟΜΕΝΗΣ)

II. Говорят, что Клеомен участвовал и в философских рассуждениях еще в юности, когда Сфер Борисфенит⁶ прибыл в Лакедемон и заботливо поучал молодежь и эфэбов. Сфер был в числе первых учеников Зенона Китийского и, как кажется, полюбил мужественную натуру Клеомена и воспламенил его честолюбие...

XI. Пополнив ряды граждан лучшими из периеков... [Клеомен] обратил внимание на воспитание юношества и так называемое «руководство», большую часть которого составил ему находившийся *еще в Спарте* Сфер...

«МАРИЙ»

(ΜΑΡΙΟΣ)

XI. Некоторые говорят, что Кельтика вследствие ширины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку

¹ [Представление о связи Гирканского (Каспийского) моря с Северным океаном, основанное на древних мифическо-космографических представлениях греков и опровергнутое Геродотом (I, 203), продолжает, однако, существовать вплоть до Страбона, сообщающего противоречивые суждения различных авторов на этот счет (см. XI, 6, 1; 7, 4)]

² [О перечисленных биографах Александра и историках см. выше, введения к их фрагментам].

³ [О связях легенды об Александре с легендой об амазонках см. также Агг., Анаб. Ал., IV, 15, 1; VII, 13, 1].

⁴ Об этом рассказе см. прим. Wesseling'a к Diod., XVII, 77.

⁵ Ср. De tuenda san. praes., 20: «...Скиф, когда он пьет, часто касается лука и трогает тетиву, призывая к себе свое мужество, ослабляемое пьянством».

⁶ [См. о нем Diog. Laërt., VIII, 177; Athen., p. 334; Cic., Tusc., 24, 53].

у Меотиды и соприкасается с Понтийской Скифией, и что там произошло смешение народов. Поднявшись *оттуда, впрочем*, не сразу и не беспрерывно, а ежегодно в удобное время подвигаясь все вперед, они в течение многих лет прошли войной *весь* материк. Поэтому-то независимо от многих частных названий они называли свои полчища общим именем кельто-скифов¹. Другие говорят, что киммерийцы², сделавшись известными впервые древним эллинам, представляли собою незначительную часть целого, которая в качестве изгнанников или вследствие возмущения, теснимая скифами, перешла от Меотиды в Азию под предводительством Лигдамиса³, но что наибольшая и самая воинственная часть их, живущая у внешнего моря, занимает землю тенистую, лесистую и туманную повсюду вследствие глубины и густоты дубрав, тянущихся до Геркинского леса, и живет под таким небом, где полюс⁴, повидимому, достигает большой высоты вследствие наклона параллелей и отделяется лишь небольшим пространством от зенита, а дни, равные по величине ночам, делят время *на равные промежутки*; это дало Гомеру богатый материал для вымысла при описании «Некии»⁵. Отсюда и произошло нападение на Италию этих варваров, называвшихся сначала киммерийцами, а в то время кимврами⁶. Впрочем, эти сведения основаны скорее на предположениях, чем на прочных исторических данных.

«СУЛЛА»

(ΣΥΛΛΑΣ)

XI. Говорят, что в те самые дни, когда Сулла хотел двинуться с флотом от берегов Италии⁷. ...Митридату, находившемуся в Пергаме, явилось много божественных знамений, ... так что народ пришел в трепет, а *сам* Митридат очень упал духом, хотя его дела шли тогда лучше всякого ожидания. Сам он, отняв Малую Азию у римлян, а Вифинию и Каппадокию у *местных* царей, сидел в Пергаме, раздавая друзьям богатства области и тирании, а из сыновей его один⁸ в Понте и Боспоре без всякой помехи удерживал *в своих руках* старинную власть до необитаемых *стран* выше Меотиды...

«ЛУКУЛЛ»

(ΛΟΥΚΟΥΛΛΟΣ)

Из речи Лукулла к войску во время осады Амиса в 71 г. до н. э.

XIV... «Я именно того и желаю, сказал [Лукулл], о том и стараюсь, оставаясь здесь,—чтобы Митридат снова усилился и собрал могущественное войско для того, чтобы мог противостоять нам и не бежать при нашем приближении. Разве вы не видите, что в тылу у него расстилается огром-

¹ [Об этом наименовании, прилагавшемся к племени кочевников среднеевропейских пространств, см. Strabo, I, 2, 27].

² [О киммерийцах см. Her., I, 103 и прим. к этому месту].

³ [О Лигдамисе, вожде киммерийцев и треров, под водительством которого были взяты Сарды, см. еще I, 3, 21 и прим. к этому месту].

⁴ [«Полюсом» Плутарх в данном случае называет пункт, соответствующий полюсу на небесной сфере, т. е. местоположению Полярной звезды].

⁵ Od., XI.

⁶ [О смешении наименований кимвры и киммерийцы у писателей римского времени см. прим. к Strabo, VII, 2, 2].

⁷ В начале 87 г. до н. э.

⁸ [Речь идет о его старшем сыне Махаре, отложившемся впоследствии от Митридата и принужденном покончить жизнь самоубийством в 65 г. до н. э., при приближении Митридата к Боспору. См. App., Mithr., 102].

ная, беспредельная пустыня, а вблизи *высится* Кавказ и множество глубоко изрезанных гор, которые могут скрыть и защитить десяток тысяч избегающих сражения царей...».

XVI. В войске Митридата был некий Олтак, властитель дандариев (дандарии—варварское племя из числа живущих по побережью Меотиды), отличавшийся на войне во всех случаях, где нужна сила и отвага, обладавший замечательным умом и, кроме того, приличный в обращении и услужливый. Постоянно споря с одним из соплеменных ему властителей о первенстве и завидуя ему, он обещал *оказать* Митридату важную услугу—убить Лукулла...

Следует рассказ о неудачном покушении Олтака.

XXIV...Махар¹, сын Митридата, владетель Боспора, послал ему [Лукуллу] венок ценой в тысячу золотых с просьбою о включении его в число друзей и союзников римлян...²

XXVI ... [Во время осады Лукуллом Тигранокерт³ к Тиграну]⁴ собрались поголовным ополчением армяне и гордиены⁵, явились цари с поголовным ополчением мидян и адиабенов, пришло от моря, что при Вавилоне⁶, много арабов, и от Каспийского моря—множество албанов и их соседей иберов, прибыло также не малое количество из независимых племен, живущих по Араксу, из расположения или из-за даров...

XXXI... [В сражении близ Артаксат⁷, в войске Тиграна] было выстрое-но против *Лукулла* множество всадников и отборных отрядов, а перед ними—мардские конные стрелки и иберские копьеносцы⁸, на которых Тигран полагался больше, чем на всех других наемников, вследствие их воинственности. Однако они не совершили ничего особенного: после непродолжительной перестрелки с римскими всадниками они не выдержали наступления пехоты и, в бегстве разделившись на две части, увлекли конницу к преследованию...

«СРАВНЕНИЕ КИМОНА С ЛУКУЛЛОМ»

(ΚΙΜΩΝΟΣ ΚΑΙ ΔΟΥΚΟΥΔΔΟΥ ΣΥΓΚΡΙΣΙΣ)

III. Лукулл совершил важные военные подвиги: он первый перешел с римским войском через Тавр...⁹ и подчинил... северные страны до Фасиса... Важным свидетельством *этого служит то, что...* Тигран и Митридат после Лукулла ничего другого не совершили; последний, уже ослабленный

¹ [О Махаре см. выше, прим. к P l u t., Sulla, XI].

² Во время осады Лукуллом Синопы в 70 г. до н. э.

³ В 69 г. до н. э. [Тигранокерты (по-армянски Тигранаке́рт)—город, основанный Тиграном II около 80 г. до н. э. и заселенный первоначально греческими выселенцами из Каппадокии и Киликии. Локализуется у Тель эрмена, в долине между горами Мазием и Нифатом, на левом притоке Евфрата Никефории (современный Хабур). Будучи разрушены Лукуллом, Тигранокерты были впоследствии восстановлены и служили столицей и укрепленным пунктом армянских царей с I по III вв. н. э.].

⁴ [О Тигране II (96—56 гг. до н. э.) см. S t r a b o, XI, 14, 10; 15].

⁵ [Жители одноименной горной области на юге Великой Армении, между Тоспитидой (озеро Ван) и рекой Тигром. Гордиены отождествляются с кардухами, см. о них X e n., Anab., IV, 4, 1 и прим. к этому месту].

⁶ [Имеется в виду Персидский залив].

⁷ В сентябре 68 г. до н. э. [Об Артаксатах, древней столице Армении см. S t r a b o, XI, 14, 2 и прим. к этом месту].

⁸ [Ср. S t r a b o, XI, 3, 3].

⁹ [О горном хребте Тавре см. S t r a b o, XI, 12, 1—2 и прим.].

и изнуренный предшествовавшей борьбой, ни разу не осмелился показать Помпею свою силу в открытом бою, но бежал на Боспор и там окончил свою жизнь...¹

«ПОМПЕЙ»

(ПОМΠΙΟΣ)

XXX. Когда в Риме было получено известие, что война с пиратами окончена и что Помпей на досуге объезжает города, народный трибун Манилий (Μάνλιος) внес предложение, чтобы Помпей, приняв под свое начальство все земли и военные силы, которыми начальствовал Лукулл, и присоединив еще Вифинию от Глабриона, продолжал войну с царями Митридатом и Тиграном...²

XXXII... Помпей, заняв всем флотом море между Финикией и Боспором с целью его охраны, двинулся лично против Митридата, который не решался вступить в битву, хотя имел тридцать тысяч пехоты в фаланге и две тысячи всадников...³

Следует описание сражения при Дастере на Евфрате.

... Оттуда [Митридат] двинулся в Армению к Тиграну, но когда тот воспретил *ему въезд* и обещал сто талантов *за его голову*, то, миновав истоки Евфрата, бежал в Колхиду.

XXXIII. *Между тем* Помпей вступил в Армению по приглашению младшего Тиграна⁴, который уже ранее отложился от отца *и теперь* встретил Помпея у реки Аракса, которая берет начало из одной местности с Евфратом, но впадает, повернув к востоку, в Каспийское море...

Следует описание сдачи Тиграна-отца и взятия под стражу сына.

XXXIV. Поручив *Афранию*⁵ охрану Армении, сам Помпей должен был продолжать поход против Митридата через земли племен, живущих вокруг Кавказа⁶. Главнейшие между ними—албаны и иберы⁷: последние живут на *западном* склоне к Мосхийским горам⁸ и Понту, а албаны—на восточном склоне к Каспийскому морю. Эти *последние* сначала согласились на просьбу Помпея пропустить его *через свои владения*; но когда зима застигла войско в *их* стране и у римлян наступал Кроновский праздник⁹, *то албаны* в числе не менее сорока тысяч человек напали на них, перейдя через реку Кирн¹⁰. Река эта берет начало в Иберийских горах¹¹, принимает текущий из Армении Аракс и впадает двенадцатью устьями в Каспий; впрочем, некоторые утверждают, что Аракс не сливается с Кирном

¹ [См. об этих событиях подробнее А р р., Mithr., 103 сл.] .

² Lex Manilia de imperio Cn. Pompei—в январе 66 г.

³ [Ср. А р р., Mithr., 97, Dio, XLVII, 3—13, Cic., pro Mur., 15].

⁴ [Сын Тиграна Великого, утвержденного властью Помпея правителем Софены и Гордиены, отторгнутых от владений его отца; см. Dio, XXXVI, 33 сл.; А р р., Mithr., 105].

⁵ [Один из сторонников и ближайших помощников Помпея, ставший при его поддержке консулом в 60 г., управлявший от его имени Испанией в 55 г. до н. э. и участвовавший на его стороне в битве при Фарсале в 48 г. до н. э.].

⁶ В 65 г. до н. э.

⁷ [Ср. выше Plut., Luc., XXVI и прим. к этому месту].

⁸ [О Мосхийских горах см. Strabo, XI, 12, 4; 14, 1].

⁹ [Римляне называли его Сатурналиями].

¹⁰ [Река Кирн, идентичная с Киром (или Кором) Страбона, отождествляется с современной Курой].

¹¹ [Ср. Strabo, XI, 3, 2, где указывается правильно на истоки реки Куры в Армении, т. е. в Мосхийских горах].

а впадает отдельно от него, хотя и неподалеку, в то же море¹. Помпей, хотя и мог воспрепятствовать переправе врагов *через Кири*, но спокойно допустил их переправиться, а потом напал на них и обратил в бегство с огромным уроном; но когда царь их прислал послов с просьбой о *помилвании*, он простил эту обиду, возобновил мир и пошел против иберов, которые, не уступая первым численностью и будучи еще более воинственными, сильно желали угодить Митридату и отразить Помпея. Иберы не покорялись ни мидянам, ни персам, избегали даже и македонского владычества вследствие поспешного удаления Александра из Гиркании. Однако Помпею удалось в большой битве нанести и им такое поражение, что девять тысяч было убито и более десяти тысяч взято в плен. *Таким образом* Помпей открыл себе путь в Колхиду; у Фасиса встретил его Сервилий² с эскадрой, охранявшей Понт.

XXXV. Преследование Митридата, удалившегося к народам, жившим по Боспору и Меотиде³, *само по себе* сопряжено было с большими затруднениями; а *сверх того* было донесено Помпею, что албаны снова восстали. С гневом и жаждой мести обратившись против них, он с трудом и опасностью переправился назад через Кири⁴, который варвары на большом пространстве оградили частоколом; имея в виду предстоявший ему длинный и затруднительный путь по безводной местности, он приказал наполнить водой десять тысяч бурдюков и двинулся на неприятелей; у реки Абанта⁵ он встретил шестьдесят тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы в боевом порядке, но с плохим вооружением и большей частью в звериных шкурах. Ими предводительствовал брат *их* царя, по имени Косис. Когда дело дошло до рукопашной схватки, он бросился на Помпея и ударил его копьем по складке панцыря; но Помпей нанес ему смертельный удар копьем. Рассказывают, что в этом сражении помогали варварам и амазонки, спустившиеся с гор у реки Термодонта⁶, так как после сражения римляне, снимая доспехи с *убитых* варваров, находили амазонские пелты⁷ и полусапожки; однако женского трупа не видели ни одного. Амазонки занимают *полосу* Кавказа, прилегающую к Гирканскому морю⁸, но не рядом с албанами, ибо между ними живут *еще* гелы и леги⁹. *Амазонки* проводят с ними ежегодно по два месяца, сходясь вместе у реки Термодонта, а затем удаляются и живут *сами по себе*¹⁰.

XXXVI. После этого сражения Помпей двинулся было к Гирканскому и Каспийскому морю¹¹, но вследствие множества ядовитых пресмы-

¹ [Об отдельном устье реке Аракса в древности, факте подтвержденном современными геологическими наблюдениями, ср. Strabo, XI, 4, 2 и прим. к этому месту].

² [Публий Сервилий].

³ [Ср. App., Mithr., 108 сл.].

⁴ [См. об этой реке выше Plut., Pomp., XXXIV и прим. к ней].

⁵ [Река Абант (Abas)—в западной части Албании, упоминается у Кассия Диона (XXXVII, 3) наряду с рекой Камбисом. Обычно идентифицируется с рекой Алазанием (современная Алазань, см. о ней Strabo, XI, 3, 2). Tomaschek (RE, I, 1, ст. 18), сообразуясь с направлением маршрута Помпея, отождествляет ее предположительно с рекой Алджиган-Чай].

⁶ [Об амазонках на реке Термодонте в Малой Азии см. прим. к Her., IV, 110].

⁷ [щиты].

⁸ [Об амазонках на Кавказе см. Strabo, XI, 5, 1 сл. и прим.].

⁹ [Об скифских племенах гелах и легах (иногда отождествляемых друг с другом) см. Strabo, XI, 5, 1 и прим.].

¹⁰ [Ср. другую версию этого рассказа, в которой гелы и леги имеют лишь топографическое значение, а амазонки сожительствуют с племенем гаргареев, обитая при этом не на реке Термодонте, а на Северном Кавказе (Strabo, XI, 5, 1)].

¹¹ [О соотношении этих названий см. прим. к Strabo, II, 5, 18 и прим. к этому месту].

кающихся отказался *от этого намерения*, не дойдя трех переходов *до моря*, и возвратился в Малую Армению...¹

[*Конец.*]... Когда иберский царь прислал ему ложе, стол и трон, все из золота, с просьбой принять *в дар*, он передал эти вещи квесторам для *приобщения* к государственной собственности.

XXXVIII. Оттуда Помпей прибыл в Амис...² Несмотря на то, что Митридат владел еще Боспором и собрал там значительные силы, Помпей, как будто бы все уже было кончено, делал то же [что Лукулл], *т. е.* распоряжался областями и распределял дары, так как к нему явилось много предводителей и властителей и двенадцать варварских царей...

... Он видел, что Митридата не легко поймать военной силой и что он доставляет больше затруднений в бегстве, нежели в бою.

XXXIX. Поэтому он сказал, что оставит ему более сильного врага, нежели сам он, именно голод, и поставил наблюдательную эскадру для *того, чтобы ловить* плывших в Боспор купцов, приказав казнить смертью всякого, кто попадется. Сам же он с значительными силами удалился [на юг, к Красному морю]...

XLI, *конец.* [Во время аравийского похода, по получении известия о смерти Митридата] Помпей объявил солдатам, что Митридат вследствие *измены* своего сына Фарнака³ покончил жизнь самоубийством, а Фарнак наследовал все его владения и писал, что сделал *это* все для себя и римлян.

XLII [После этого] Помпей... немедленно двинулся из Аравии и, быстро пройдя лежавшие на его пути области, прибыл в Амис и получил множество даров, привезенных от Фарнака, множество трупов царедворцев и труп самого Митридата...

[В триумфе Помпея] надписями на несомых впереди *досках* были обозначены *земли* и народы, над которыми он имел триумф. То были: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, албаны...⁴ В шествии были ведены пленные: ...сын Тиграна Армянского⁵ с женой и дочерью, самого царя Тиграна супруга Зосима..., сестра, пятеро детей и скифские жены Митридата, заложники албанов и иберов...

«Г [АИ] ЦЕЗАРЬ»

(Г[ΑΙΟΥΣ] ΚΑΙΣΑΡ)

LVIII. ...Цезарь готовился и намеревался идти походом на парфян, а покорив их и через Гирканию вдоль Каспийского моря⁶ и по Кавказу обойдя Понт, вторгнуться в Скифию, *затем*, пройдя соседние с германцами страны и самую Германию, через землю кельтов возвратиться в Италию и, *таким образом*, связать этот круг господства, ограниченного отовсюду *окружающим* землю Океаном.

¹ [О Малой Армении см. прим. к Strabo, XI, 14, 1].

² Весной 64 г. [О положении малоазийского города Амиса см. Strabo, II, 5, 24].

³ [О Фарнаке, царствовавшем на Боспоре после смерти Митридата и пытавшемся завладеть отцовским царством в Малой Азии, но потерпевшем поражение от Юлия Цезаря в битве при Зеле в 46 г. до н. э. см. App., Mithr., 110 сл.; Dio, XLII, 45].

⁴ [О положении этих малоазийских и кавказских областей см. Strabo, XII, 3 (Понтийское царство); XI, 14 (Армения); XII, 1, 1 сл. (Каппадокия); XII, 3, 40 сл. (Пафлагония); XI, 12, 1 сл. (Мидия); XI, 2, 17 сл. (Колхида); XI, 3 (Иберия); XI, 4 (Албания)].

⁵ [Наследовавший Тиграну II в 55 г. до н. э. сын его Артавазд].

⁶ [Плутарх имеет в виду путь вдоль южного и западного побережья Каспийского моря в обход Кавказского хребта с севера или с переходом через него по путям, описанным Strabo, (XI, 3, 5)].

«АНТОНИЙ»

(ΑΝΤΩΝΙΟΣ)

XXXIV. ... Полководец Антония Соссий¹ совершил много подвигов в Сирии, а Канидий², оставленный им в Армении, победив армян и царей иберов и албанов, дошел до Кавказа...³

«СРАВНЕНИЕ ДЕМЕТРИЯ С АНТОНИЕМ»

(ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΩΝΙΟΥ ΣΥΓΚΡΙΣΙΣ)

1. ...Антоний достиг такой степени могущества благодаря исключительно своим личным качествам, что..., даже отсутствуя сам, через своих слуг и подчиненных офицеров не раз побеждал парфян и живущие на Кавказе варварские племена оттеснил до Каспийского моря⁴.

«II. ПРАВСТВЕННЫЕ РАССУЖДЕНИЯ»

(ΗΘΙΚΑ)

«ПИР СЕМИ МУДРЕЦОВ»

(ΤΩΝ ΕΠΤΑ ΣΟΦΩΝ ΣΥΜΠΟΣΙΟΝ)

5. ... Ардал⁵, обратившись к Анахарсису⁶, спросил, есть ли у скифов флейтистки? Тот сразу сказал, что нет даже лоз. Ардал снова спросил: «Но боги ведь есть у скифов?» — «Конечно», ответил он, «*ено* понимающие человеческий язык: не так, как эллины, думающие, что они говорят лучше скифов, и все-таки полагающие, что боги с большим удовольствием слушают костяные и деревянные инструменты...».

12. По окончании и этого разговора я предложил мужам сказать нам и о том, как следует вести дом; «ведь царствами и городами управляют немногие, а очаг и дом есть у всех нас». Эсоп⁷, засмеявшись, сказал на это: «Нет, если ты в число всех включаешь и Анахарсиса: у него нет дома и он даже гордится тем, что он бездомный и живет на повозке, подобно тому, как о солнце говорят, что оно странствует на колеснице, посещая то ту, то другую сторону неба». — «Поэтому-то», возразил Анахарсис, «оно или единственное из богов, или преимущественно перед другими свободно, самостоятельно и властвует над всем, а само никому не подвластно, но царствует и правит. Только ты забыл, как превосходна по красоте и удивительна по величине его колесница: иначе ты не сравнил бы ее с нашими в шутку и на смех...».

¹ [Гай Соссий (или Сосий), квестор в 66 г. и претор в 49 г. до н. э., являлся одним из ближайших соратников Марка Антония на востоке; в 38 г. до н. э. он был правителем Сирии и Киликии; в 34 г. он добился триумфа, а в 32 г. — консульства].

² [О полководце Марка Антония Канидии см. прим. к Strabo, XI, 3, 5].

³ В 36 г. до н. э.

⁴ [Имеется в виду вышеупомянутый (Ant., XXXIV) кавказский поход Канидия].

⁵ [Сын бога Гефеста, считавшийся изобретателем флейты. Ср. Paus., II, 31, 4; Plut., de Mus., 5].

⁶ [Об Анахарсисе вообще см. Нег., IV, 76 сл. Диалог, близкий приведенному Плутархом, см. выше Themist., σχολ. к Arist., Anal. poster., II, p. 220].

⁷ [Полумифический автор греческих басен, живший по свидетельству Геродота (II, 134) в первой половине VI в. до н. э.].

«О СУЕВЕРИИ»

(ΠΕΡΙ ΔΕΙΣΙΔΑΙΜΟΝΙΑΣ)

13. ...Разве не лучше было бы, чтобы галаты¹ и скифы совершенно не имели ни понятия, ни представления, ни рассказов о богах, чем признавали богов, находящих наслаждение в крови убиваемых людей и считающих это совершеннейшей жертвой и священнослужением?...²

«ИЗРЕЧЕНИЯ ЦАРЕЙ И ПОЛКОВОДЦЕВ»

(ΑΠΟΦΘΕΓΜΑΤΑ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΚΑΙ ΣΤΡΑΤΗΓΩΝ)

«ИДАНФИРС»

Скифский царь Иданфирс³, против которого переправился [в Европу] Дарий, убеждал ионийских тиранов разрушить мост на Истре и удалиться; когда же они не захотели *сделать это* вследствие верности Дарию, он назвал их хорошими и неубегающими рабами.

«АТЕЙ»

Атей⁴ писал Филиппу: «Ты властвуешь над македонянами, обученными воевать с людьми, а я—над скифами, которые могут бороться и с голодом и с жаждой». Послов Филиппа он спросил, чистя коня: «делает ли это Филипп?» Захватив в плен превосходного флейтиста Исмения, он приказал *ему* сыграть на флейте; между тем как прочие выражали удивление *его игре*, он с клятвой сказал, что с большим удовольствием слушает ржание коня⁵.

«СКИЛУР»

Скилур⁶, оставивший восемьдесят сыновей, перед кончиной предлагал каждому связку дротиков, приказывая переломить ее; когда же все отказались, он сам, вынимая дротики поодиночке, легко переломил все, сбывая сыновьям, что, действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы⁷.

¹ [О галатах, кельтских племенах, проникших по Дунаю через Фракию в Малую Азию на протяжении III в. до н. э. см. S t r a b o, II, 5, 31].

² [Имеются ввиду человеческие жертвоприношения кельтским и скифским богам, наподобие описанных у Г е р о д о т а (IV, 62; 103)].

³ [О царе Иланфирсе и о приводимом Плутархом эпизоде см. Н е г., IV, 120, 127, 133 сл.].

⁴ [О скифском царе Атее, ведшем войну с Филиппом Македонским, см. еще S t r a b o, VII, 7, 8 и прим.].

⁵ См. Non posses uav. vivi sec. Ep., 13: «Затем они заявляют, что не большим вкусом к музыке обладал скиф Атей, который, захватив в плен флейтиста Исмения, когда тот играл во время пира, поклялся, что с большим удовольствием слушает ржание коня».

⁶ [О скифском царе Скилуре (II—I вв. до н. э.), засвидетельствованном эпиграфически (IOSPE, I, 241) и о его 80 (или 50) сыновьях см. S t r a b o, VII, 4, 3 и прим.].

⁷ [Рассказ о связке дротиков (или прутьев) относится к числу «бродячих» сюжетов и встречается в различных, в том числе и русских, сказках].

«О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХОЛОДЕ»

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΡΩΤΩΣ ΨΥΧΡΟΥ).

16. Воздух повсюду один и тот же, но зима и холод не везде одинаковы: одни страны света холодны и сыры, другие—сухи и жарки, не случайно, а вследствие того, что сущность холода и сырости одна и та же. Так, большая часть Ливии тепла и безводна, относительно же Скифии, Фракии и Понта путешественники рассказывают, что там есть большие озера и протекают многие глубокие реки...

«КОТОРЫЕ ЖИВОТНЫЕ УМНЕЕ, СУХОПУТНЫЕ ИЛИ ВОДЯНЫЕ»¹

(ΠΟΤΕΡΑ ΤΩΝ ΖΩΩΝ ΦΡΟΝΙΜΟΤΕΡΑ ΤΑ ΧΕΡΣΑΙΑ Η ΤΑ ΕΝΥΔΡΑ)

32. ...Рыбы, живущие в море, соприкасающемся с озерами или принимающем в себя реки, во время нереста поднимаются в реки, стремясь к спокойствию и тишине пресных вод; ибо тишь удобна для рождения, и вместе с тем в озерах и реках им обеспечена свобода от преследования, так что мальки остаются в живых. Поэтому огромное большинство рыб нерестится преимущественно в Эвксинском Понте, так как в нем нет морских животных, кроме редко встречающегося тюленя и маленького дельфина, а кроме того, доступность рек, которых очень много и притом огромных впадает в Понт, представляет нерестящимся рыбам возможность спокойного и удобного соединения.

«ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В ПИЩУ МЯСА»

(ΠΕΡΙ ΣΑΡΚΟΦΑΓΙΑΣ)

РЕЧЬ II

§ 3... Скифы, согдианы и меланхлены, геродотовым рассказам о которых не верят².

«О ПРОТИВОРЕЧИЯХ СТОИКОВ»

(ΠΕΡΙ ΣΤΟΙΚΩΝ ΕΝΑΝΤΙΟΜΑΤΩΝ)

20. ...Но сам Хрисипп³ в первой книге «Жизнеописаний» говорит, что «мудрец может охотно принимать царскую власть, извлекая из нее выгоду; а если он сам не может царствовать, то будет жить с царем и выступать в походы с царем, каков был Иданфирс Скифский⁴ или Левкон Понтийский⁵. Я приведу и следующее его рассуждение, чтобы узнать, будет ли, подобно тому, как от самой нижней и самой верхней струны получается созвучие, так же согласна жизнь мужа, избирающего своей

¹ Латинское заглавие—De sollertia animalium.

² [О согдах (согдианах) Геродот упоминает в III, 93; VII, 66; о меланхленах (черноризцах)—IV, 20; 107].

³ Известный представитель стоической школы, живший в III в. до н. э.

⁴ [О скифском царе Иданфирсе см. Нег., IV, 120; 127; Страбон, XV, 1, 6 и Plut., Arophi. reg. et imp., Idinth.].

⁵ [Левкон I, архонт и царь Боспора (387—347 гг. до н. э.)].

целью бездействие или малую деятельность, а затем едзящего верхом со скифами и занимающегося делами боспорских тиранов¹ по какой бы то ни было причине; он говорит: «что он будет и выступать в походы с властителями и жить с ними, мы рассмотрим впоследствии», и немного спустя: «и не только с имеющими некоторое развитие и получившими воспитание и некоторые нравственные начала, как у Левкона и Иданфирса». Некоторые ставят в вину Каллисфену², что он отплыл к Александру в надежде восстановить Олинф, как Аристотель *восстановил* Стагиры³, и хвалят Эфора⁴, Ксенократа⁵ и Менедема⁶, отклонивших предложение Александра; а Хрисипп ради обогащения стремглав посылает мудреца в Пантикапей и в Скифскую пустыню⁷. Ибо он ясно показал, что делает это ради заработка и обогащения, «предполагая, что мудрецу особенно приличествуют три *способа* обогащения, — от царской власти, от друзей и третий затем от занятий софиста».

«ОБ ОБЩИХ ПОНЯТИЯХ ПРОТИВ СТОИКОВ»⁸

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΚΟΙΝΩΝ ΕΝΝΟΙΩΝ ΠΡΟΣ ΤΟΥΣ ΣΤΟΙΚΟΥΣ)

7. ...«Будучи болен, *мудрец* платит жалованье врачам, а из-за денег плывет к боспорскому властителю Левкону и отправляется к скифскому царю Иданфирсу», как говорит Хрисипп...⁹

«О МУЗЫКЕ»

(ΠΕΡΙ ΜΟΥΣΙΚΗΣ)

14. ...Говорят, что в древности святыни из *страны* гипербореев посылались на Делос с флейтами, свирелями и кифарой¹⁰.

«О СУДЬБЕ РИМЛЯН»

(ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΡΩΜΑΙΩΝ ΤΥΧΗΣ)

11. ...Один муж¹¹ натиском одного войска присоединил к *римской державе* Армению, Понт Эвксинский, Сирию, Аравию, албанов, иберов до Кавказа и Гирканию¹², обтекающий вселенную Океан трижды видел

¹ [Об употреблении этого слова применительно к боспорским царям ср. Aesch., c. Ctes., 171].

² [Историк Каллисфен Олинфский, ученик Аристотеля, сопровождавший Александра Македонского в его походах, автор сочинения «Ἑλληνικὴ» в 10 книгах. См. о нем A. G. r., Anab. Al., IV, 14; Plut., Alex., 52; Curt. Ruf., VIII, 5].

³ [О восстановлении города Стагир, родины Аристотеля, разрушенного Филиппом II и им же впоследствии восстановленного см. Plut., Alex., 7; Dio g., Laërt., V, 4].

⁴ [Об Эфоре см. выше, введение к фрагментам из его «Истории»].

⁵ [О Ксенократе Халкедонском, философе платоновской школы, см. Arist., de caelo, I, 10; Cic., Tusc., V, 10, 18].

⁶ [О Менедеме Эретрийском, философе платоновской школы, см. Dio g. Laërt., II, 125 сл.].

⁷ [Об этом выражении применительно к Скифии см. выше прим. к skol. к Ag., Ach., 704].

⁸ Латинское заглавие—De communibus notitiis.

⁹ [См. выше Plut., de imped. Stoic., 20 и прим.].

¹⁰ [О гиперборейях и о связи мифа о них с культом Аполлона Делосского см. выше, прим. к Нег., IV, 32].

¹¹ Гней Помпей. Ср. Plut., Pomp.

¹² [См. об Армении Strabo, XI, 14; об албанах и иберах—Strabo, XI, 3—4; о Гиркании—Strabo, VII, 3, 12 и прим. к этому месту].

его победителем... Преследуемых албанских царей он остановил у Каспийского моря...

...В то время как Марсийская война жгла Рим, Митридата задерживали войны с сарматами и бастарнами¹. Подозрительность и зависть отделили Тиграна от Митридата во время его славы, а после поражения соединили с ним для совместной гибели².

«ОБ АЛЕКСАНДРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ»³

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΠΑΡ' ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΥΣΙ ΠΑΡΟΙΜΙΩΝ)

Текст: Plutarchi de proverbiiis Alexandrinorum libellus ineditus. Recensuit et praefatus est Otto Crusius, Lips., Teubn., 1887.

I, 10. «В каждой стране свой закон»: эта пословица говорится вследствие того, что каждый народ имеет свои особые обычаи.

Стафилы (Στόφοι)⁴ почитают женщину, бывшую женой многих мужей. Горные массагеты вступают в половые сношения на дорогах⁵. Савроматы на попойках продают дочерей. У амазонок ни одна девица не вступает в брак, если не убьет врага⁶.

Тибарены после родов своих жен сами повязывают себе головы и ложатся в постель⁷.

У керкетеев (παρὰ τοῖς Κερκεταίοις)⁸ работники носят товары, пока кто-нибудь не купит их.

Эсседоны⁹ съедают трупы своих родителей, кроме головы, а голову золотят. Кавсианы (Κασιανοί)¹⁰ при рождении детей плачут, а при смерти кого-либо радуются¹¹.

Бакхирии (Βαχχίριοι)¹², если не выздоровеют от болезни, отдают себя на съедение собакам.

Оргемпеи (Οργεμπαῖοι)¹³ не имеют домов и не употребляют в пищу ничего одушевленного. У них и мужчины и женщины плешивы вследствие свойства воды, употребляемой для питья.

Тиссагеты¹⁴ жертвуют богам кости, а мясо съедают сами. Тавроскифы¹⁵ совершают человеческие жертвоприношения.

¹ [О бастарнах, германском племени на нижнем Дунае, см. Strabo, VII, 3, 15 и прим. к этому месту].

² [См. об армянском царе Тигране II Великом App., Mithr., 84 сл.; Plut., Luc., 22 сл.; Dio, XXXV, 15 и т. д.].

³ См. также ниже «Плутарха пословицы», которые употребляли александрийцы под заглавием «Собиратели пословиц».

⁴ Στόφοι: στάφοι б. στήφαι LV : στήφαι p.

⁵ [Об обычаях массагетов, в частности, в области половых отношений, см. Нег., I, 216].

⁶ [Ср. Нег., IV, 117, где этот обычай приписывается савроматским девушкам].

⁷ [Об этом обычае «кувалды» у тибаренов см. Appoll. Rhod., II, 1010 сл. и прим.].

⁸ [О керкетеех (керкетах) см. Strabo, XI, 2, 1 и прим.].

⁹ [Об эсседонах (исседонах) и ритуальном поедании ими трупов умерших родственников см. Нег., IV, 26].

¹⁰ «κασίαι LVp, κασίαι б. исправлено по Николаю Дамасскому».

¹¹ [Ср. сообщение об эксцентрическом поведении моссинов Xen., An., V, 4, 34].

¹² [Бакхирии, может быть, идентичны названным у Ps-Scul., 83, экехирейцам, локализуемым им на Кавказе, южнее колхов].

¹³ [Обычаи и физические свойства оргемпеев подтверждают их идентичность с оргемпеями Геродота].

¹⁴ [О тиссагетах упоминает Геродот (IV, 22), о их предположительной локализации см. прим. к указанному месту].

¹⁵ [О значении наименования тавроскифы применительно к скифам Крымского полуострова, см. прим. к Strabo. VII, 4, 5].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 4 (22)

AA—Archäologischer Anzeiger
AEр—Archäologisch-Epigraphische Mitteilungen
AM—Athenische Mitteilungen
AJA—American Journal of Archaeology
ASAE—Annales de Service des antiquités de l'Egypte.
АрмФАН—Армянский филиал Академии Наук СССР
АзФАН—Азербайджанский филиал Академии Наук СССР
ÄZ—Ägyptische Zeitschrift
BASOR—Bulletin of American Schools of Oriental Research
BSOS—British School of Oriental Studies
BZ—Byzantinistische Zeitschrift
CAH—Cambridge Ancient History
CGF—Comicorum Graecorum Fragmenta
CIA—Corpus Inscriptionum Atticarum
CIG—Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL—Corpus Inscriptionum Latinarum
CJ—Classical Journal
CRAI—Comptes-Rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres
ДАН—Доклады Академии Наук СССР
ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHG—Fragmenta Historicorum Graecorum
ГИМ—Государственный исторический музей
ГМИИ—Государственный музей изящных искусств
ГрузФАН—Грузинский филиал Академии Наук СССР
ИАК—Известия археологической комиссии
ИАН (ООН) Известия Академии Наук (Отделение общественных наук)
ИГАИМК—Известия Государственной академии истории материальной культуры
IG—Inscriptiones Graecae
IGRR—Inscriptiones Graecae ad Res Romanas pertinentes
ИЯМ—Институт языка и мышления
ИИАН—Институт истории Академии Наук
ИООН—Известия Отделения общественных наук
IOSPE—Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
ИТОИАЭ—Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИВАН—Институт Востоковедения Академии Наук
ИЖ—Исторический журнал
JA—Journal Asiatique
JAOS—Journal of the American Oriental Society
JASB—Journal of the Asiatic Society of Bengal
JBL—Journal of Biblical Literature
JDAI—Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JHS—Journal of Hellenic Studies
JNES—Journal of Near Eastern Studies
JPOS—Journal of Palestine Oriental Society
JRAS—Journal of the Royal Asiatic Society
JRS—Journal of Roman Studies
КирФАН—Киргизский филиал Академии Наук
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК—Материалы по археологии Кавказа
МАР—Материалы по археологии России
MDAI—Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts
MMAFC—Mémoires de la Mission archéologique Française au Caire.
MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft

NH1—Neue Haldäische Inschriften
 NJCPh—Neue Jahrbücher für Classische Philologie
 NJWB—Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Bildung
 НТЕГУ—Научные труды Ереванского государственного университета
 ОАК—Отчет Археологической комиссии
 OGIS—Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
 OLZ—Orientalistische Literaturzeitung
 PhW—Philologische Wochenschrift
 ПИДО—Проблемы истории доклассовых обществ
 ПИМК—Проблемы истории материальной культуры
 PLG—Poëtae Lyrici Graeci
 RAA—Revue des arts asiatiques
 RA—Revue archéologique
 RE—Pauly-Wissowa-Kroll, Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
 REр—Revue épigraphique
 REG—Revue des études grecques
 RhM—Rheinisches Museum
 RLA—Reallexicon der Assyriologie
 СА—Советская археология
 SBAW—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
 СВ—Советское Востоковедение
 SC—B. Latyschew, Scythica et Caucasica
 СЭ—Советская Этнография
 SHA—Scriptores Historiae Augustae
 SIG—Sylloge Inscriptionum Graecarum
 СЯ—Советское Языкознание
 SPAW—Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
 S.AM—Scriptores Rerum Alexandri Magni
 TGF—Tragicorum Graecorum Fragmenta
 ТОИКВ (ГОВЭ)—Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа
 ТурФАН—Туркменский филиал Академии Наук СССР
 УЗЛГУ—СИН—Ученые записки Ленинградского государственного университета
 Серия исторических наук
 УЗЛГУ—СФН—То же, серия филологических наук
 УзФАН—Узбекский филиал академии наук СССР
 ВДИ—Вестник древней истории
 ВИ—Вопросы истории
 ВСОРГО—Вестник Среднеазиатского отделения Российского географического общества
 ЗАНИФО—Записки Академии Наук. Отделение истории и философии
 ЗВОРАО—Записки Восточного отделения Российского археологического общества
 ЗКВ—Записки Коллегии востоковедов
 ЗОО—Записки Одесского общества истории и древностей
 ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения

ОГЛАВЛЕНИЕ ВДИ ЗА 1947 год

СТАТЬИ

	№	Стр.
<i>Проф. М. И. Артамонов</i> —Вопросы истории скифов в советской науке	3	68
<i>А. Н. Бернштам</i> —Проблемы истории Восточного Туркестана	2	52
<i>А. Н. Бернштам</i> —Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет	3	83
<i>Акад. Р. Ю. Виппер</i> —Просветительный век Римской империи	1	46
<i>Проф. В. Граков</i> . Пережитки матриархата у сарматов	3	100
<i>И. Дьяконов</i> —Изучение клинописи в СССР за 20 лет	3	42
К изучению истории крестьянства в древности (передовая)	1	3
Классическая филология в советской науке и ее задачи (передовая)	2	3
<i>Проф. С. Я. Лурье</i> —Эксплоатация афинских союзников	2	13
<i>Проф. С. Я. Лурье</i> —Афины и Карфаген в 409—406 гг.	3	122
<i>Прсф. М. Э. Матье</i> —Тексты пирамид—заупокойный ритуал	4	30
<i>Проф. Н. А. Машкин</i> —Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э.	3	126
<i>А. Меликишвили</i> —К вопросу о древнейшем очаге урартских племен	4	21
<i>А. В. Мишулин</i> —Витрувий и источники X книги его трактата	1	60
Изучение древней истории в СССР (1917—1947) (передовая)	3	3
<i>В. Ф. Ольбрайт</i> —Косвенный синхронизм между Египтом и Месопотамией около 1730 г. до н. э.	1	36
<i>Акад. В. И. Пичета</i> —Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1917—1947 гг.)	3	95
Проблемы изучения древнего общества и их освещение в ВДИ	4	3
<i>А. Ранович</i> —Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии	2	28
<i>А. Ранович</i> —Александр Македонский и греческие города Малой Азии	4	57
<i>М. Е. Сергеев</i> —Скрофа и апология крупного землевладения	4	64
<i>Ю. А. Солодухо</i> —Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв. н. э. по талмудическим данным	2	40
<i>Акад. В. В. Струве</i> —Датировка первой Вавилонской династии	1	9
<i>Акад. В. В. Струве</i> —Проблемы древнего Востока в советской историографии	3	17
<i>Акад. В. В. Струве</i> —О «гуманности» хеттских законов	4	11
<i>Акад. А. И. Тюменев</i> —Эрмитажный папирус 1116 А, строки 101—102	2	9
<i>Е. Штарман</i> —Античная эпиграфика в СССР	3	51

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Т. В. Блаватская (Бороздина)</i> —«Известия болгарския археологически институт», т. XV	2	94
<i>А. Н. Бернштам</i> —Новые работы по Тохарской проблеме	2	134
<i>А. Г. Бокшанин и М. Я. Выгодский</i> —Проф. С. Я. Лурье «Архимед»	3	151
<i>Н. Воронин</i> —Краткие сообщения ИИМК, вып. XII—XIII	1	91
<i>Проф. Н. Ф. Дератани</i> —История греческой литературы под ред. С. И. Соболевского, В. В. Горгунга и др.	2	72
<i>И. Дьяконов</i> —Новые данные о шумерской культуре	2	104
<i>Л. А. Ельницкий</i> —Искусство древних этрусков	1	126
<i>Л. Ельницкий</i> —Градостроительство. Под ред. В. Шкварикова	2	81
<i>Л. Ельницкий</i> —Легендарная история колонизации Сицилии и Великой Греции	2	114
<i>А. А. Казьдан</i> —J. A. Mc Geachy, Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West	1	135
<i>А. Казьдан и Т. Златковская</i> —E. Gren, Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit	2	129

	№	Стр.
<i>А. Камедан—André Loyer. Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Apollinaire; Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire</i>	2	133
<i>А. П. Камедан—N. H. Baynes The Hellenistic civilization and East Rome</i>	4	101
<i>А. П. Камедан—Х. М. Данов, Полибий и сведения к нему за восточную половину Балканского полуострова</i>	4	104
<i>И. С. Кацнельсон и Д. Г. Редер—Учебные записки ЛГУ, вып. 78 за 1941 г.</i>	1	78
<i>С. В. Киселев—А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.</i>	1	83
<i>К. М. Колобова—J. Evans, Time and Chance</i>	4	107
<i>Е. П. Крупнов—Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 3</i>	4	88
<i>И. Кузьян—Труды института языка АН Арм. ССР, т. I</i>	3	165
<i>Я. А. Ленцман—H. Michell, The Economics of Ancient Greece</i>	1	104
<i>Я. Ленцман—Гай Юлий Цезарь, Записки о войне с галлами, книга вторая, с введением и комментариями С. И. Соболевского. Публий Овидий Назон, Избранные произведения, комментарии Ж. С. Покровской.</i>	2	85
<i>Я. А. Ленцман—Day, An Economic History of Athens under Roman Domination</i>	2	123
<i>Проф. И. Лурье—W. C. Hayes, Ostraca and Name stones from the tomb of Senmut (N. 71) at Thebes</i>	1	102
<i>Проф. И. М. Лурье—T. Sève—Söderbergh, The Navy of the eighteenth Egyptian dynasty</i>	4	94
<i>Проф. И. М. Лурье—E. Iversen, Two inscriptions concerning private donations to temples</i>	4	96
<i>Проф. С. Я. Лурье—The Oxyrhynchus Papyri, part XVIII</i>	1	107
<i>Проф. С. Я. Лурье—Догреческие надписи Крита</i>	6	70
<i>С. Лясковский—V. Gordon Childe, Man makes himself; What happened in history; Progress and archaeology</i>	2	98
<i>М. Э. Матее—«Egypt» by Hoynningen Huene and G. Steindorff</i>	1	97
<i>Н. А. Машкин—R. Syme, The Roman Revolution</i>	1	116
<i>Проф. А. Мишулин и Н. Машкин—«Римская история» А. Пиганьоля</i>	2	90
<i>Б. Надаль—R. Agnus Downie, James George Frazer</i>	2	138
<i>Б. И. Надаль—Библиографический справочник Марузо</i>	4	105
<i>Обзор иностранных журналов по древней истории</i>	1	137
<i>Обзор иностранных историко-археологических журналов</i>	2	139
<i>В. В. Павлов—W. S. Smith, Ancient Egypt as represented in the Museum of Fine Arts, Boston</i>	1	98
<i>Н. Н. Пикус—Краткий обзор папирологических изданий</i>	1	113
<i>А. Ранович—Р. Ю. Вишпер, Возникновение христианской литературы</i>	3	140
<i>А. П. Смирнов—«Советская археология», т. VIII</i>	3	159
<i>П. Н. Тарков—Wallbank, Philip V of Macedon</i>	4	97
<i>А. Тереножкин—А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии</i>	2	87
<i>Н. В. Трубинова—Е. П. Крупнов, Краткий очерк археологии Кабардинской АССР</i>	3	163
<i>С. Л. Утченко—Происхождение плебейской организации, F. Altheim Lex sacra</i>	1	123

ХРОНИКА

<i>Член-корресп. АН СССР. Ш. Я. Амиранашвили—Серебряный кубок из раскопок в Триалети</i>	2	150
<i>Р. Азмеров—Амфору древнегреческого Херсонеса</i>	1	160
<i>О. Бич—Новые материалы о Г. Шлимане</i>	2	183
<i>В. Ф. Гайдукевич—Итоги раскопок Тиритики и Мирмекии</i>	3	187
<i>Е. Голубцова—О работе кафедры древней истории Московского государственного университета в 1946 г.</i>	1	223
<i>Б. Т. Горянов—Вопросы византиноведения на сессии Отделения истории и философии АН СССР (октябрь 1946 г.)</i>	2	207
<i>Десять лет «Вестника древней истории» (приветствия)</i>	4	113
<i>Н. Залесский—Научная работа кафедры истории Греции и Рима ЛГУ в 1946 г.</i>	2	213
<i>Защита диссертаций по древней истории</i>	4	136
<i>Л. Ельницкий—Эпиграфические новинки из Керчи</i>	3	205
<i>И. С. Кацнельсон—Неизданное письмо Франсуа Шамполлиона</i>	2	179
<i>С. В. Киселев—Алтай в скифское время</i>	2	157
<i>И. Т. Кругликова—Археологические раскопки в Греции за последние годы</i>	1	197

	№	Стр.
<i>И. Кругликова</i> —Археологические открытия в Италии за последние годы . . .	2	190
<i>К 75-летию С. П. Кондратьева</i>	1	220
<i>Б. И. Надаль</i> —Кафедра классической филологии ЛГУ в 1-м полугодии 1946/47 уч. года	2	215
<i>Б. И. Надаль</i> —Кафедра классической филологии ЛГУ во втором полугодии 1946/47 г.	4	140
<i>А. П. Окладников</i> —Древние культуры Северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае	1	176
<i>Н. П.</i> —В секторе древней истории Института истории АН СССР	1	221
<i>Памяти Д. Н. Эдинга</i>	1	225
<i>Б. Б. Пиотровский</i> —Археологическое изучение древнейшего Закавказья . . .	3	167
<i>[Акад. В. И. Пичета]</i>	3	209
<i>Н. П. Розанова</i> —Неизданные надписи Таманского музея	2	173
<i>Семидесятилетие акад. Н. М. Никольского</i>	4	126
<i>А. Тереножкин</i> —Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана	2	185
<i>А. Тереножкин</i> —Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда	4	127
<i>Н. В. Шафранская</i> —О работе античной группы ЛОИИ АН СССР	2	204
<i>Д. Шелов</i> —Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г. . .	1	183
<i>О. Юлкина</i> —На сессии Отделения истории и философии АН СССР (ноябрь 1946 г.)	2	211
<i>Проф. А. Якубовский</i> —Академик Иосиф Абгарович Орбели	4	117

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>А. И. Болтунова</i> —Описание Иберии в «Географии» Страбона	4	142
<i>Проф. К. Э. Гриневич</i> —Херсонес и Рим	2	228
<i>П. Б. Гурвич</i> —Sallustii в письмах Цицерона	2	217
<i>И. Кругликова</i> —К вопросу о романизации Дакии	3	219
<i>Ю. Крушкел</i> —Некоторые данные о рабстве на Родосе в эпоху эллинизма . . .	3	231
<i>М. Максимова</i> —К «Анабазису» Ксенофонта	3	211
<i>Н. Постовская</i> —Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте	1	233
<i>Н. Н. Пикус</i> —О датировке Pap. Tebt. 703	1	249
<i>Н. Пятишева</i> —Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе	3	213
<i>Проф. С. Семенов-Зусер</i> —Рыбный рынок в Херсонесе	2	237
<i>Г. А. Цветаева</i> —Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря . .	1	226
<i>О. Н. Юлкина</i> —Пергамский декрет 133 г.	4	160

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>В. В. Латышев</i> —Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	1	253
»	2	247
»	3	237
»	4	169
<i>А. В. Мишулин</i> —Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР	1	255

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы изучения древнего общества и освещение их в ВДИ	3
Акад. В. В. Струве—О «гуманности» хеттских законов	11
Г. А. Меликишвили—К вопросу о древнейшем очаге урартских племен . . .	21
Проф. М. Э. Матье—Тексты пирамид—заупокойный ритуал	30
А. Ранович—Александр Македонский и греческие города Малой Азии . .	57
М. Е. Сергеевко—Скрофа и апология крупного землевладения	64

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. С. Я. Лурье—Догреческие надписи Крита	70
Е. И. Крупнов—Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 3 . . .	88
Проф. И. М. Лурье—T. S ä v e-S ö d e r b e r g h, The Navy of the eighteenth Egyptian dynasty	94
Он же—E. I v e r s e n, Two inscriptions concerning private donations to temples .	96
П. Н. Тарков—W a l b a n k, Philip V of Macedon	97
А. П. Каздан—N. H. B a y n e s, The Hellenistic Civilization and East Rome .	101
Он же—X. M. Д а н о в—Полибий и сведения к нему за восточную половину на Балканский полуостров	104
Б. И. Надаль—Библиографический справочник Марузо	105
К. М. Колобова—J. E v a n s, Time and Chance	107

ХРОНИКА

Десять лет «Вестника древней истории» (приветствия)	113
Проф. А. Якубовский—Академик Иосиф Абгарович Орбели	117
Семидесятилетие акад. Н. М. Никольского	126
А. Тереножкин—Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда	127
Защита диссертаций по древней истории	136
Б. И. Надаль—Кафедра классической филологии ЛГУ во втором полугодии 1946/47 года	160

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

А. И. Болтунова—Описание Иберии в «Географии» Страбона	142
О. Н. Юлкина—Пергамский декрет 133 года до н. э.	140

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Латышев—Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	169
Оглавление ВДИ за 1947 год	292

Подписано в печать 30.X. 47 г.
Л10464. Заказ № 647. Печатных
лист. 181 $\frac{1}{2}$. Уч.-издат. лист. 26,75.
Тираж 9000. Цена 30 руб.

16-я типография треста «Поли-
графкнига» ОГИЗ при Совете Ми-
нистров СССР.

Москва, Трехпрудный, 9.

Редакционная коллегия: { Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (редактор)
Проф. *А. В. Ранович* (зам. редактора)
Акад. *В. В. Струве*
Акад. *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР.
Телефон К 3-75-69.
